Премии Hugo и Nebula

Конни Уиллис

НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Не считая собаки
Конни Уиллис

Аннотация
Конни Уиллис. Не считая собаки
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая

Аннотация

Конни Уиллис — знаменитая американская писательница, собравшая рекордный урожай премий: 11 «Хьюго», 8 «Небьюла», 12 «Локусов», 5 — от читателей журнала «Азимов»…

Наиболее ярко талант Уиллис раскрылся в «Оксфордском цикле», где речь идет о рабочих буднях сотрудников Института времени, из своего XXI столетия совершающих путешествия в прошлые века с целью наиболее точного реконструирования событий прошлого. Роман «Не считая собаки», не являясь прямым сюжетным продолжением знаменитой «Книги Страшного суда», рассказывает о тех же отважных путешественниках во времени, на сей раз очутившихся в 1888 году — на исходе славной Викторианской эпохи.

Конни Уиллис
Не считая собаки

…безобидной и полезной кошки…

Уильям Шекспир

Бог кроется в мелочах.

Гюстав Флобер

Посвящается Роберту Хайнлайну, чей «Будет скафандр — будут и путешествия» познакомил меня с «Троими в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома.
Светлой памяти Лорены и Берти

Connie Willis
TO SAY NOTHING OF THE DOG
Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.
© Connie Willis, 1998
Школа перевода В. Баканова, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава первая

«Было бы здорово начать с чистого листа, без этих страшных старых развалин», — сказала она. «Это же символ, дорогая», — возразил он.

Молли Пантер-Даунс

Поисковый отряд — Уставная экипировка — Семейственность как проблема — Королевские головные уборы — Отсутствие епископского птичьего пенька — Барахолки — Где он может быть? — Астрономические наблюдения — Собаки — Кошка — Лучший друг человека — Внезапное отбытие

Нас было пятеро — Каррадерс, новичок и я, а еще Спивенс и причетник. Под вечер пятнадцатого ноября мы обыскивали развалины Ковентрийского собора в поисках епископского птичьего пенька.

Я по крайней мере обыскивал. Мистер Спивенс копался у лестницы на колокольню, новичок, разинув рот, глазел на выбитые взрывом витра-

жи, а Каррадерс убеждал причетника, что мы из Вспомогательной пожарной службы.

— Вот это наш командир отряда, лейтенант Нед Генри, — показывал он на меня, — а я коммандер Каррадерс, постовой.

— Какой пост? — сощурился причетник.

— Тридцать шестой, — наобум назвал Каррадерс.

— А этот? — спросил причетник, показывая на новичка, который озадаченно вертел в руках карманный фонарик. Такого и в ополчение бы не взяли, куда там ВПС.

— Зять мой, — не растерялся Каррадерс. — Эгберт.

Причетник кивнул понимающе.

— Вот и меня жена уговаривала ее братца в пожарную охрану устроить. Этот олух по кухне пройдет — двадцать раз о кота споткнется, куда ему зажигалки тушить? А она мне, дескать, работа нужна. А я ей: на Гитлера пусть работает!

Я оставил их беседовать и двинулся вдоль остатков центрального нефа. Времени терять нельзя. Мы и так опоздали, в дыму и пыли ни зги не видно, словно в густых сумерках, хотя на часах только начало пятого.

Мистер Спивенс, не глядя по сторонам, на-

стойчиво рылся в груде обломков у лестницы; новичок, уставившись на него, бросил терзать фонарик. Я отделил мысленной чертой бывший северный неф и взял курс на дальний его конец.

Раньше епископский пенек помещался на кованой подставке перед оградой Кузнечной капеллы. Я пробирался между завалами, пытаясь сориентироваться на ходу. От собора остались только наружные стены и красавица колокольня с остроконечным шпилем; все прочее — крыша, сводчатый потолок, клерестерий, колонны — превратилось в гору закопченного щебня.

«Так, — рассуждал я, балансируя на упавшем стропиле, — здесь была апсида, а там — капелла Мануфактурщиков». Утверждать наверняка я не мог, единственной приметой служили выбитые витражи, все каменные арки капелл рухнули, осталась лишь прорезанная стрельчатыми окнами внешняя стена.

«А здесь капелла Святого Лаврентия», — сообразил я, перебираясь на четвереньках через вал из щебня и обугленных балок, достигающий в этом месте метров полутора и к тому же скользкий. Моросивший весь день дождь превратил пепел в грязную кашу, а свинцовые пластины кровли — в настоящий каток.

Капелла ременщиков. Тогда вот эта — Кузнечная. И никаких следов ограды. Прикинув приблизительно, на каком расстоянии она могла находиться от окна, я принялся копать.

Под месивом из каменных обломков и покореженной металлической арматуры епископского пенька не обнаружилось — ограды тоже. Судя по расщепленной доске генофлектория — подставки для коленопреклонения — и остаткам скамьи, я еще где-то в центральном нефе.

Выпрямившись, я попытался сориентироваться заново. Поразительно, как меняется ощущение пространства в разрушенном здании… Я опять опустился на колени лицом к хору и стал высматривать основания колонн северного нефа, чтобы по ним определить границы, но все они были безнадежно погребены под щебнем.

Надо найти остатки капелльной арки и от нее уже плясать. Оглянувшись на уцелевшую внешнюю стену Капеллы ременщиков, я отмерил примерное расстояние от окон и начал копать — на этот раз отыскивая цоколь поддерживающей арку колонны.

От него осталось всего сантиметров пятнадцать. Расчистив слегка вокруг, я повторно прикинул, где в таком случае находилась ограда,

и приступил к раскопкам.

Мимо. Под иззубренным куском деревянного потолка обнаружилась огромная мраморная плита с трещиной посередине. Алтарь. Значит, теперь я, наоборот, зашел слишком далеко в глубь капеллы. Оглянувшись на новичка, который все еще наблюдал за Спивенсом, я отсчитал десять шагов и наметил новую точку для раскопок.

— Но мы действительно из ВПС, — донесся до меня голос Каррадерса.

— Точно? — сомневался причетник. — Что-то спецовки у вас больно странные, я таких у вэпэ-эсников не помню.

И неудивительно. Наша «форма» годилась только для воздушных налетов, когда никто не будет приглядываться и уже по одному шлему понятно — человек при исполнении. Ну еще для глухой ночи. А днем дело плохо. На шлеме Каррадерса — эмблема инженерных войск, на моем — нанесенная по трафарету аббревиатура гражданской ПВО, а у новичка шлем вообще не с этой войны.

— Уставные уничтожило фугасом, — нашелся Каррадерс.

— Где же тогда вас, пожарных, носило ночью, когда все полыхало?

В точку. Именно этим вопросом меня наверня-

ка огорошит леди Шрапнелл по возвращении. «Что значит — вы попали в пятнадцатое ноября? Это целый день опоздания!»

Вот поэтому я лазил теперь по дымящимся балкам, обжигался о расплавленный свинец, накапавший ночью с крыши, и дышал гарью, вместо того чтобы доложить об исполнении.

Баюкая обожженный палец, я отогнул кусок арматурины и занялся грудой кровельных пластин и обугленных балок. Тут же порезал об острый металлический край все тот же злосчастный палец и, чертыхнувшись, сунул его в рот.

Каррадерс и причетник по-прежнему топтались на месте.

— Первый раз слышу про тридцать шестой пост, — недоверчиво хмыкнул причетник. — Их в Ковентри всего семнадцать.

— Мы из Лондона. Спецотряд, выслали на подмогу.

— И как же вы проехали? — Причетник воинственно схватился за лопату. — Дороги перекрыты.

Кажется, пора вводить подкрепление.

— Мы в объезд, через Рэдфорд. — Причетник там как пить дать ни разу не был. — Водитель молочного грузовика добросил.

— Так там тоже кордоны вроде, — не выпуская лопату, с сомнением протянул причетник.

— У нас пропуска, — ввернул Каррадерс.

Зря. Сейчас попросит их предъявить.

— Нас послала ее величество, — пресек я дальнейшие расспросы.

Сработало. Причетник вытянулся во фрунт, сорвав с себя каску и сделав лопатой на караул.

— Ее величество?

Я прижал свой шлем гражданской ПВО к сердцу.

— Сказала, что не сможет смотреть ковентрийцам в глаза, если не отправит подмогу. «Ах, этот красавец собор… — вздохнула она. — Немедленно выдвигайтесь в Ковентри и помогите чем сможете».

— Да, она такая. — Причетник благоговейно склонил лысую голову. — Она такая. «Красавец собор…» Очень на нее похоже.

Я многозначительно кивнул, подмигнул Каррадерсу и вернулся к своим раскопкам. Под пластинами крыши показались остатки обрушившейся арки, клубок проводов и треснувшая мемориальная доска с надписью: «Покойтесь с ми…» Пожелание, как видно, не сбылось.

Я расчистил примерно метровый пятачок во-

круг колонны. Безрезультатно. Тогда я переполз через груду каменного крошева, выискивая другие обломки этой колонны, и снова приступил к делу.

Ко мне подошел Каррадерс.

— Причетник расспрашивает про королеву — как выглядела, во что одета? Я сказал, что она была в шляпе. Правильно же, да? Вечно забываю, кто из них носил шляпы.

— Все носили. Кроме Виктории. У той был кружевной чепец. И Камиллы. Но та совсем недолго на троне посидела. Скажи, что ее величество спасла из Букингемского дворца Библию королевы Виктории. Вынесла, когда бомбили, прижимая к груди, как младенца.

— Что, правда?

— Нет. Но тогда у него отпадет вопрос, почему на тебе саперный шлем, и, может, нахлынут воспоминания о том, что спасли ночью из собора.

Каррадерс выудил из кармана спецовки клочок бумаги.

— «Спасенные настоятелем Говардом и пожарными алтарные подсвечники и крест из Кузнечной капеллы были доставлены в полицейский участок. Кроме них, из огня вынесли серебряный дискос с потиром, деревянное рас-

пятие, серебряную просфорницу, Послания апостолов, Евангелие и полковое знамя седьмого батальона Королевского Уорвикширского полка», — зачитал он.

Тот же перечень значился в рассказе настоятеля Говарда о воздушном налете.

— А епископский пенек не упоминается, — подхватил я, обводя взглядом груды щебня. — Значит, он где-то здесь.

— Пока не нашел?

— Нет. Может, кто-то нас опередил и откопал его раньше?

— Из наших некому, — покачал головой Каррадерс. — Дейвис и Питерс мимо года и то промахивались. Я сам пробился с четвертой попытки. В первый раз угодил в девятнадцатое. Второй — в середину декабря. На третий все тютелька в тютельку — месяц, день, десять минут до начала налета. Только не в Ковентри, а посреди сморчкового поля на полдороге к Бирмингему.

— Сморчкового? — переспросил я. Наверное, ослышался. Сморчки разве на полях выращивают?

— Кабачкового! — рявкнул Каррадерс. — Овощи такие. И ничего смешного. Фермерша приняла меня за немецкого парашютиста и заперла в

амбаре. Чего мне стоило выбраться, словами не рассказать.

— А новичок?

— Он перебросился прямо передо мной. Мыкался туда-сюда по Уорвикской дороге, не зная, куда податься. Если бы не я, свалился бы во взрывную воронку.

Невелика потеря, если честно. Новичок отвлекся наконец от Спивенса и по второму разу принялся терзать фонарик.

— Мы сюда два часа добирались, — закончил Каррадерс. — А ты, Нед? У тебя сколько попыток ушло?

— Одна. Меня сняли с барахолок, когда вы начали промахиваться.

— Каких еще барахолок?

— Леди Шрапнелл посетила свежая мысль, что пенек могли продать на устроенной собором благотворительной ярмарке — сбор средств для фронта и все такое. Или отдать в металлолом. Так что мне полагалось планомерно обойти все церковные и районные барахолки начиная с сентября. Ты, кстати, не знаешь, случаем, для чего нужны перочистки?

— Без понятия.

— Вот и я тоже. Семь штук уже купил. Два геор-

гина, розу, котенка, ежа и два британских флага. Что-то ведь нужно покупать, а поскольку сеть ничего из трофеев обратно не пропустит, приходится незаметно подкладывать их на прилавок с галантереей. Перочистки хотя бы маленькие. Кроме розы. Эта была размером чуть не с футбольный мяч, бессчетные слои ярко-розового фетра с бледной каймой. Ума не приложу, зачем они нужны — продавать на барахолках? Куда ни плюнь, везде они — и на ярмарке в пользу эвакуированных детей, и на продаже выпечки для Противогазного фонда гражданской ПВО, и на Дне благотворительности Святоаннинского…

— Нед, — осторожно поинтересовался Каррадерс, — сколько раз ты перебрасывался за эту неделю?

— Десять, — подсчитал я. — Нет, двенадцать. Ярмарка осеннего урожая в Троицкой церкви, благотворительный базар женских курсов под лозунгом «Все для победы!», благотворительное чаепитие со сбором средств на «спитфайеры». А, и еще епископские жены. Тринадцать. Нет, двенадцать. К миссис Биттнер я не переброской добирался.

— Миссис Биттнер? Жена последнего ковентрийского епископа?

Я кивнул:

— Она еще жива. И по-прежнему обитает в Ковентри. Леди Шрапнелл отправила меня с ней побеседовать.

— И что она может знать про старый собор? Ее на момент пожара еще и на свете не было.

— Леди Шрапнелл кажется, что епископский пенек, если он не погиб в огне, могли засунуть куда-нибудь в кладовую в новом соборе. Поэтому она послала меня опрашивать епископских жен. Цитирую: «Мужчины понятия не имеют, где что лежит».

Каррадерс сочувственно покачал головой.

— И как, жены помогли?

— Они о нем даже не слышали, кроме миссис Биттнер. Но та сказала, что среди вещей, которые они паковали перед продажей нового собора, пенька не было.

— Так это же хорошо! — воодушевился Каррадерс. — Если он сейчас не найдется, значит, его просто не было тут во время налета, и можно передать леди Шрапнелл, что делать копию для церемонии освящения собора не нужно.

— Сам и передай, — не удержался я.

— Может, его вынесли заранее, чтобы не разбился? — предположил Каррадерс. — Как во-

сточные окна.

— Это пенек-то? — переспросил я недоверчиво. — Шутишь?

— Да, ты прав. Такую вещь от фугасов спасать не будут. Викторианский шедевр! — Он содрогнулся.

— И потом, в настоятельском доме, куда отвезли восточные витражи, его нет. Специально туда ездил узнать у Люси Хэмптон.

— Хм. А не могли просто переставить где-нибудь здесь, в соборе?

Это мысль. Может, какая-нибудь из алтарниц, не в силах больше на него смотреть, задвинула пенек подальше в угол за колонну.

— Дался леди Шрапнелл этот пенек… Что она за ним гоняется? — поинтересовался Каррадерс.

— А за остальной ерундой она зачем гоняется? До этого она меня замучила надгробиями — нужно было списать все до единой надписи на всех могильных плитах и статуях собора, вплоть до безвозвратно утраченной могилы капитана Джервиса Скроупа.

— Органные трубы, — понимающе кивнул Каррадерс. — По всему Средневековью мотался их замерять.

— Вот. Поэтому на самом деле вопрос надо ста-

вить так: зачем ей приспичило строить заново Ковентрийский собор?

— Ее пра-пра-пра-и-так-далее-бабка побывала в Ковентри и…

— Да-да, поездка изменила всю ее жизнь, а когда леди Шрапнелл наткнулась на дневник своей прародительницы, он изменил уже ее жизнь, и она решила восстановить собор точь-в-точь каким он был перед пожаром в честь своей пра-пра и так далее, и тому подобное. У меня эта история уже в печенках сидит. Как и присказка про то, что Бог…

— …кроется в мелочах, — подхватил Каррадерс. — Слышать больше не могу.

— А у меня самое ненавистное — «заглянуть под каждый камень». Ну-ка, давай вместе. — Я показал на край большого каменного обломка.

Каррадерс, нагнувшись, ухватился за противоположный край.

— Раз, два, взяли!

Мы столкнули каменюку через проход; прокатившись по инерции чуть дальше, она сбила остаток основания колонны.

Епископского пенька под сброшенным камнем не обнаружилось, зато показались кованая подставка и одна из крестовин капелльной ограды,

а под комком красного песчаника — обугленный цветочный стебель. От какого именно цветка, неизвестно, потому что листьев не осталось, и вообще его можно было бы принять за палку или металлический прут, если бы не зеленый кончик длиной с полпальца.

— Он стоял перед оградой капеллы? — уточнил Каррадерс, хрустя осколками стекла под ногами.

— Да, где-то здесь. На этой подставке. — Я показал на кованый постамент. — Девятого ноября имел удовольствие убедиться лично. Молебен за ВВС и благотворительная продажа выпечки: две вязанные крючком салфетки, перочистка в виде анютиных глазок и полдюжины каменных печений. Очень меткое название, надо сказать.

Каррадерс окинул взглядом россыпь стекла на полу.

— А не могло его взрывной волной закинуть на другой конец нефа?

— Так в собор зажигалка попала, а не фугас.

— Эх. — Он заметил идущего к нам причетника. — Говоришь, Библия королевы Виктории?

— Именно. Со списком дат рождения, смерти и нервных срывов всяких там Георгов. Выясни у него, куда еще могли убрать ценности на хранение, кроме как к Люси Хэмптон.

Каррадерс, кивнув, двинулся к причетнику, а я остался разглядывать кованую подставку, размышляя, что теперь делать.

В собор действительно падали в основном зажигалки, но резон в словах Каррадерса имелся. Взрывная волна и не на такое способна, а взрывы поблизости были — и фугасы, и газопровод. Пенек могло унести хоть в центральный неф, хоть в хор.

Я разгреб щебень, пытаясь определить, куда вылетели стекла из Капеллы мануфактурщиков. Судя по всему, большей частью веером на юг и запад. Значит, надо искать ближе к дальнему торцу нефа.

Вернувшись к ограде, я принялся копать на юг и запад. Заглядывая под каждый камень.

Тут зазвонили колокола, и мы все, даже Мистер Спивенс, прервавшись, посмотрели на башню. Над клубами дыма и пыли в зияющей вместо крыши дыре возвышалась нетронутая колокольня. Колокола вызванивали чисто и певуче, словно царящий вокруг хаос им был нипочем.

— Смотри, звезда! — воскликнул Каррадерс.

— Где?

— Там!

Я ничего не видел, кроме дыма. О чем и сооб-

щил.

— Вон там. Над шпилем. Над бледной пеленой, над черным пепелищем. Недосягаемая для людской вражды, вестница надежды, мира и светлого будущего. Сияющий символ возрождения, о котором она сама еще не ведает.

— Не ведает? — Я насторожился. — Вестница надежды и мира?

Один из первых признаков перебросочной болезни — восторженная сентиментальность, как у ирландца во хмелю или у трезвого, словно стеклышко, викторианского поэта. Каррадерс за прошедшие сутки совершил как минимум четыре переброски, причем две из них с интервалом в пару часов. А уж сколько он скакал туда-сюда во времени, пока замерял органные трубы, Бог весть. И без перерывов на сон, сам говорил.

Я наморщил лоб, вспоминая остальные симптомы. Излишняя сентиментальность, проблемы со слухом, усталость, — однако колокола он услышал, а от недосыпа страдают все участники восстановительного проекта леди Шрапнелл. Мне за эту неделю удалось вздремнуть только на благотворительном базаре в помощь фронту в Криспинов день. Отрубился на «Приветствую всех…» и проспал половину оглашения списка

участников организационного комитета.

Что там еще в симптомах? Проблемы с сосредоточением. Задумчивость в ответах. Нечеткость зрения.

— Как выглядит эта звезда? — спросил я.

— В каком смысле? — без раздумий откликнулся Каррадерс. — Звезда как звезда.

Колокола умолкли, но эхо еще плыло в дымном небе.

— Как, по-твоему, должна выглядеть звезда? — буркнул он сердито и потопал навстречу причетнику.

Раздражительность — бесспорный симптом. В инструкции по технике безопасности четко сказано, что пострадавшего от перебросочной болезни нужно незамедлительно вернуть в свое время и отстранить от задания, — но тогда мне придется объяснять леди Шрапнелл, почему это мы вдруг в Оксфорде, если должны быть в Ковентри.

Потому я и ковыряюсь тут в щебне — чтобы не оправдываться, каким образом вместо восьми вечера четырнадцатого ноября я очутился перед собором лишь пятнадцатого. Рассказывать про временные сдвиги бесполезно, леди Шрапнелл до них нет дела. Как и до перебросочной болезни.

Нет уж, раз Каррадерс еще в состоянии связать два слова, лучше оставаться тут, найти пенек, вернуться, сообщить леди Шрапнелл, что да, он был в соборе во время налета, и наконец выспаться. Благословенный сон, латающий прорехи на фальшивых спецовках ВПС, стирающий мягким крылом сажу со лба, утоляющий печаль, укрывающий истерзанную душу теплым одеялом…

Подошел Каррадерс, вполне бодрый и сосредоточенный. Хорошо.

— Нед! Зову тебя, зову… Не слышишь, что ли?

— Прости. Задумался.

— Явно. Пять минут дозваться не могу. Дуки тоже там, с ней?

Опять я, похоже, ослышался, или дела у Каррадерса хуже, чем кажется.

— Дуки? — осторожно переспросил я.

— Ну да, Дуки! Дуки тоже с ней?

Нет, только не это. Теперь его надо переправить в Оксфорд, не вызывая подозрений у причетника, доставить в лечебницу, потом как-то вернуться сюда, чтобы продолжить поиски и не угодить при этом на кабачковое поле где-нибудь под Ливерпулем.

— Нед, ты меня слышишь? — обеспокоился Каррадерс. — Дуки с ней?

— С кем? С леди Шрапнелл?

Надо еще как-то уговорить его сняться с задания. Жертвы переброcочной болезни никогда не замечают у себя симптомов.

— Да нет же! — начал закипать Каррадерс. — Ее величество. Королева. Которая отправляла нас сюда. Ну, помнишь: «Ах, этот красавец собор!» — Он показал на приближающегося причетника. — Спрашивает, с ней ли Дуки, а я понятия не имею, кто это.

Я тоже. Дуки… Домашнее прозвище короля? Может, ее незадачливый деверь? Нет, Эдвард к 1940 году уже отрекся, и королева его вообще никак не называла.

«Собака!» — сообразил я. Но что толку? В поздние годы, в бытность королевой-матерью, ее величество держала вельш-корги, а во Вторую мировую? Йоркшира? Карликового спаниеля? И какого пола? А если Дуки — это ее камеристка? Или кто-нибудь из принцесс в домашнем обиходе?

— Вы интересовались насчет Дуки, — повернулся я к подошедшему причетнику. — Увы, Дуки с ее величеством не было. Эвакуировали в Виндзор на время военных действий. Боится бомб, сами понимаете.

— Да, на некоторых очень действует, — подтвердил причетник, оглядываясь на Мистера Спивенса и новичка. — Нервы слабые.

Новичок наконец разобрался с фонариком и теперь водил лучом по закопченным стенам пресвитерия и перед Мистером Спивенсом, который, кажется, собрался прокопать тоннель в щебне у лестницы.

— Затемнение? — шепнул я Каррадерсу.

— Твою мать! — чертыхнулся он и с криком «Погаси живо!» стал карабкаться к новичку.

— На позапрошлой неделе лезу я на крышу и что вижу? — начал причетник, поглядывая на пресвитерий, где Каррадерс уже выключал отобранный у новичка фонарик. — Мой зятек, как будто так и надо, чиркает спичкой. Я ему: «Ты что же это творишь?!» А он: «Сигарету зажигаю». — «Ну так давай сразу сигнальную вспышку зажги, чтобы люфтваффе наверняка не промахнулось». — «Да всего одна спичка, какой от нее вред-то?»

Причетник окинул мрачным взглядом свидетельство того, что люфтваффе не дремлет, и я заподозрил было, что сейчас он обвинит в случившемся своего недотепу-зятя. Но нет.

— Бедный настоятель Говард, — покачал голо-

вой причетник. — Страшная потеря для него. Он даже домой не хотел идти, сидел тут всю ночь.

— Всю ночь?

— От мародеров охранял, я полагаю. — Причетник печально оглядел горы обломков. — Хотя тут и красть-то уже нечего. Но если что осталось, неохота, чтобы приделали ноги.

— Да, это точно.

— Видели бы вы, как он ходил туда-сюда по этим камням, взад-вперед. Я ему говорю: «Идите домой, поспите. Мы с Мистером Спивенсом подежурим».

— Значит, после пожара здесь все время кто-то оставался? — уточнил я.

— Да, почти. Я разве что перекусить домой сходил. А утром дождь зарядил, и я отправил зятя за плащом и зонтом, но он так и не принес, пришлось идти самому. Темнеет уже. — Причетник с тревогой вгляделся в небо на востоке. — Фрицы скоро вернутся.

Вообще-то нет. Сегодня люфтваффе бросит все силы на Лондон. Однако действительно темнеет. Пресвитерий, где Каррадерс орал на новичка, нарушающего затемнение, тонул во мраке, зияющий провал восточного окна затягивала расчерченная прожекторами иссиня-черная

пелена гари.

— Постараемся хоть что-то успеть до ночи, — сказал я и, вернувшись к последнему месту раскопок, стал высчитывать, куда могло забросить пенек взрывом. Если его не умыкнули мародеры. Причетник отлучался на обед по крайней мере на час, за это время через выбитую южную дверь мог войти кто угодно и забрать что под руку подвернется. Включая епископский пенек.

Нет, у меня явное помутнение рассудка с недосыпа. На него и глубоко контуженный не позарится. И на благотворительном базаре никто не купит. Это же епископский пенек! Его даже в металлолом на нужды фронта не примут. Разве что какой-нибудь гений разглядит в нем готовое психологическое оружие против фашистов.

Значит, он где-то здесь, вместе с остатками капелльной ограды и куском мемориальной доски, и мне лучше поторопиться, если я надеюсь завершить поиски до темноты. Подобрав подушку для коленопреклонения, все еще дымящуюся и воняющую горелым пером, я встал на нее коленями и принялся копать к дальнему концу нефа.

Нашел генофлекторий, бронзовый подсвечник и обугленный сборник гимнов, открытый на «От тварей всех земных молитву вознесем». Между

страницами и задней обложкой торчал клочок бумаги.

Я осторожно вытянул его за угол. Сложенное пополам чинопоследование воскресной службы от десятого ноября. Обгоревшие края осыпались под моими пальцами, когда я его развернул.

Вот сейчас пригодился бы фонарик новичка. Я прищурился, с трудом разбирая в сумерках написанное: «…и красные гвоздики на алтаре в память о лейтенанте Дэвиде Хальберстеме, ВВС. Композиция из розовых бегоний у амвона и букет из желтых хризантем в епископском пеньке составлены и пожертвованы цветочным комитетом алтарниц, председатель Ло…»

Имя председательницы уничтожил огонь, тем не менее у нас есть доказательство, что пять дней назад пенек был в соборе. Так где же он теперь?

Я продолжил разгребать. Стало еще темнее, а предательница луна, которая вчера сыграла на руку люфтваффе, едва показавшись, тут же скрылась за пыльно-дымовой завесой.

Эта часть собора, по-видимому, обрушилась разом, поэтому куски, которые можно было сдвинуть и перевернуть в одиночку, очень быстро кончились. Я оглянулся на Каррадерса, но тот вдохновенно плел причетнику что-то о королев-

ских особах и вроде вытягивал что-то взамен. Я не стал его отвлекать и окликнул новичка.

Тот, присев на корточки рядом с Мистером Спивенсом, смотрел, как углубляется тоннель.

— Эй, идите сюда! Поможете мне! — махнул я ему.

Ни тот ни другой даже не обернулись. Мистер Спивенс почти целиком исчез в тоннеле, а новичок снова щелкал фонариком.

— Эй! Сюда!

И тут все случилось одновременно. Мистер Спивенс вывинтился из тоннеля, новичок, попятившись, споткнулся и упал на спину, фонарик, включившись, проехался лучом по небу не хуже прожектора, а из тоннеля выскочил темный вытянутый силуэт и метнулся на гору щебня. Кошка. Мистер Спивенс с диким лаем кинулся за ней.

Я подошел к новичку, который ошалело смотрел им вслед, выключил фонарик и помог встать.

— Пойдемте, я эти балки один не подниму.

— Вы видели кошку? — спросил он, оглядываясь на лестницу пресвитерия, под которой та исчезла. — Это ведь кошка была? Я думал, они крупнее. Размером с волка. И такие шустрые! Они все были такие черные?

— Те, что шмыгали по сгоревшим соборам, наверняка все.

— Настоящая кошка! — не унимался новичок, отряхивая свою фальшивую спецовку. — Невероятно, встретить животное, которое уже сорок лет как вымерло! Никогда прежде не видел…

— Беритесь за тот конец, — скомандовал я, указывая на каменный желоб.

— Потрясающе! Очутиться здесь, где все начиналось…

— Или закончилось, — буркнул я. — Нет, не за этот, за верхний.

Он поднял свой край, выпрямив колени и слегка пошатываясь под тяжестью.

— Обалдеть! Леди Шрапнелл правильно говорила, что работа над Ковентрийским собором — это незабываемое впечатление. Видеть руины и знать, что собор не погиб, что в эти самые минуты он восстает из пепла, возрождаясь к былой славе…

Похоже на перебросочную болезнь, но не факт. У леди Шрапнелл все новобранцы такие.

— Сколько раз перебрасывались? — поинтересовался я.

— Сейчас первый. — Глаза у него горели. — И все еще не верится. Вот мы здесь, в 1940 году,

ищем епископский птичий пенек, утраченное сокровище, шедевр ушедшей эпохи…

— Вы, я так понимаю, пенек еще не видели?

— Не видел. Но он наверняка шедеврален. Ведь он перевернул всю жизнь пра-пра-прабабушки леди Шрапнелл.

— Да-да. А заодно и по нашим проехался.

— Эй! — позвал Каррадерс, стоявший на коленях в Капелле мануфактурщиков. — Тут что-то есть.

Он копал не по ходу взрывной волны, и сперва я вообще ничего не увидел, кроме беспорядочной груды обугленных бревен, но Каррадерс показывал куда-то в центр этого нагромождения.

— Вижу! — подал голос причетник. — Похоже на металл.

— Посвети фонариком, — велел Каррадерс новичку.

Тот, уже позабывший, как включать, повозился немного, а потом направил луч прямо Каррадерсу в лицо.

— Да не на меня! Туда!

Выхватив фонарик, он посветил на груду бревен, и в луче что-то блеснуло. У меня екнуло сердце.

— Разбираем бревна, — скомандовал я, и мы

стали растаскивать груду.

— Все, вон оно, — сказал причетник, и Каррадерс с новичком выволокли находку из-под щебня.

Она была черной от копоти, вся покореженная, перекрученная, но я уже понял, что это. И причетник тоже.

— Ведро для песка… — пробормотал он и разрыдался.

Нет, у причетника перебросочной болезни точно взяться неоткуда, если только она вдруг не стала заразной. Однако симптомы налицо.

— Еще ночью оно было целым, — всхлипывал он в грязный от сажи платок. — А теперь?

— Мы его отчистим. — Каррадерс неловко погладил причетника по плечу. — Будет как новенькое!

Это вряд ли.

— Ручку оторвало начисто. — Причетник хлюпнул носом и громко высморкался. — Я сам наполнял его песком. Сам вешал у южного входа.

Южный вход находился в противоположном конце собора, от Капеллы мануфактурщиков его отделял целый неф с рядами массивных дубовых скамей.

— Мы найдем ручку, — пообещал Каррадерс

(тоже, по-моему, опрометчиво), и они, преклонив колени, будто в молитве, принялись рыться в горелых досках.

Оставив их и новичка, который напряженно что-то высматривал под лестницей (видимо, кошек), я вернулся туда, где крыша обрушилась одним куском.

Застыв посреди центрального нефа, я мучительно соображал, где же теперь искать. Ведро пролетело на взрывной волне почти через ведь собор, окно Кузнечной капеллы взрыв вынес в противоположном направлении. А значит, епископский пенек может оказаться где угодно.

Ощутимо стемнело. По небу скользили лучи зенитных прожекторов, на севере полыхало зарево, не укрощенное еще пожарными постами с первого по семнадцатый, однако света оно не давало, да и луна куда-то скрылась.

Мы тут много не нароем, а на выходе из сети будет ждать леди Шрапнелл с вопросом, где нас носило и почему не найден епископский пенек. Придется нырять обратно или, что еще хуже, снова перебирать на барахолках кошмарные перочистки, полотенца и прихватки и ломать зубы о каменное печенье.

Может, остаться здесь? Запишусь доброволь-

цем в армию, пусть пошлют в тихое, спокойное место — в Нормандию, например. Хотя нет, высадка союзных войск будет только в 1944 году. Тогда в Северную Африку. Эль-Аламейн.

Я отодвинул обугленный конец скамьи и перевернул лежавший под ней камень. Под ним открылись плиты пола, песчаник Капеллы красильщиков. Я уселся на обломок перекрытия.

Подбежавший Мистер Спивенс поскреб лапами плиту.

— Не старайся, малыш, — вздохнул я. — Его здесь нет.

Перед глазами поплыли бесконечные ряды перочисток — вот мой удел отныне. Мистер Спивенс, усевшись у моих ног, посмотрел сочувственно.

— Ты бы помог, будь это в твоих силах, да, дружище? Не зря собаку зовут лучшим другом человека. Верные и преданные, вы делите с нами горе и радость, учите нас истинной дружбе, которой мы, право слово, не заслуживаем. Вы соединили свою судьбу с нашей, вы всегда рядом, на поле брани и у домашнего очага, вы не покинете хозяина, даже если кругом царят хаос и разруха. О благородный пес, в тебе, как в зеркале, отражаются лучшие наши черты, черты

идеального человека, не осквернённого войнами и тщеславием, не развращённого…

Тут меня выдернули обратно в Оксфорд и уложили в лечебницу, не дав даже потрепать пса за ухом.

Глава вторая

«Если бы некоторые не лезли, куда не следует, — пробурчала Герцогиня, — земля вращалась бы гораздо быстрее!»

Льюис Кэрролл

Испанская инквизиция — Оксфорд, город дремлющих шпилей — Побег — Завязка — Вызволение — Развязка — Мертоновский стадион — Подслушивание — Разница между литературой и действительностью — Какая-то из нимф — Важная улика — Клептомания леди Уиндермир — Гениальное решение

— Ваш напарник утверждает, что у вас запущенный случай переброcочной болезни, мистер Генри, — заявила медсестра, застегивая на моем запястье тахобраслет.

— Да, положим, меня немного занесло с панегириком собакам, но мне срочно нужно обратно в Ковентри.

Мало того, что я угодил на пятнадцать часов позже требуемого, теперь я еще покинул собор в

разгаре поисков, то есть, можно сказать, не вел их вообще, и даже если я вернусь примерно в тот момент, когда меня выдернули, все равно будет упущено время, за которое причетник по наводке кошки может найти пенек и отдать на хранение своему зятю, и тогда он попросту канет в Лету.

— Мне жизненно необходимо вернуться на развалины. Епископский пенек…

— Зацикленность на несущественном, — произнесла медсестра в наладонник. — Внешний вид: растрепанный и весь в грязи.

— Я работал в сгоревшем соборе. И мне нужно обратно.

Мне в рот сунули таблетку для измерения температуры, а на запястье прицепили датчик.

— Сколько перебросок вы совершили за последние две недели?

Я попытался вспомнить допустимую норму, глядя, как сестра вбивает показания в наладонник. Восемь? Пять?

— Четыре, — сказал я. — Вам надо было хватать Каррадерса. Он еще чумазее меня, и вообще, вы бы слышали, как он вещал о звездах — вестницах надежды.

— Какие из симптомов вы испытываете? Дезориентация?

— Нет.

— Вялость, головокружение?

С этим сложнее. Недосыпом у леди Шрапнелл страдают все до единого, но вряд ли сестру это убедит. И потом недосып проявляется не головокружением, а скорее зомбической заторможенностью, как у тех, кто ночь за ночью дежурил под бомбами во время блица.

— Нет, — высказался я наконец.

— Задумчивость при ответах, — проговорила она в наладонник. — Когда вы последний раз спали?

— В 1940-м, — выпалил я. Тоже плохо. Поспешность при ответах.

Она пробежалась пальцами по кнопкам.

— Трудности со слухом наблюдаются?

— Нет, — улыбнулся я.

Обычно медсестер в лечебницу набирают будто прямиком из испанской инквизиции, но у этой вполне добродушное лицо. Не инквизитор, а скорее помощник палача, который пристегивает тебя к дыбе или учтиво придерживает дверцу «железной девы».

— Нечеткость зрения?

— Нет, — заверил я, стараясь не щуриться.

— Сколько пальцев я показываю?

Пусть влепит мне заторможенность при ответах, этот вопрос надо обдумать всесторонне. Вероятнее всего, пальцев два, так легче перепутать с одним и тремя, но ведь она может показывать и пять, а тогда надо отвечать «нисколько», ведь пятерня — это уже ладонь, если по науке. А может, она вообще держит руку за спиной?

— Пять, — решился я наконец.

— Всего четыре переброски, говорите?

Насколько я промахнулся с ответом, неизвестно, но явно промахнулся. Я уже хотел было попросить ее повторить вопрос, однако передумал, а то еще впишет тугоухость. Лучшая защита — нападение, решил я.

— Вы, кажется, не улавливаете, насколько все серьезно. Освящение собора через семнадцать дней, а леди Шрапнелл…

Сестра вручила мне жесткую карточку и продолжила вводить разоблачительные показания в наладонник. Я посмотрел на карточку, надеясь, что это не для дальнейшей проверки нарушений зрения. Потому что она была совершенно пустой.

— Епископский пенек необходимо…

Сестра перевернула карточку.

— Что вы здесь видите?

Почтовая открытка с изображением Оксфорда. Вид с Хедингтонского холма, любезные сердцу старинные дремлющие шпили и одетые мхом стены, тихие дворы колледжей под сенью вязов, колыбель старинных академических традиций и древних знаний…

— Все, достаточно. — Медсестра выхватила у меня открытку. — У вас запущенный случай переброcочной болезни, мистер Генри. Две недели постельного режима. И никаких путешествий во времени.

— Две недели?! Но ведь до освящения семнадцать дней!

— Освящение уже не ваша забота. Вам сейчас главное — отдохнуть как следует.

— Вы не понимаете…

Она скрестила руки на груди.

— Совершенно не понимаю. Ваша ответственность, конечно, достойна восхищения, но почему вы так рветесь рисковать собственным здоровьем ради архаического символа религиозных пережитков, у меня в голове не укладывается.

«Я не рвусь, — возразил я мысленно. — Это леди Шрапнелл рвется. А на леди Шрапнелл нет управы». Перед ней уже отступили Англиканская церковь, Оксфордский университет, строитель-

ная компания числом четыре тысячи человек, ежедневно уверявших, что за полгода собор не построить, и прочие органы — от парламента до ковентрийского муниципалитета, возражавшие против восстановления «архаического символа». Куда уж мне-то?

— Вы знаете, сколько пользы принесли бы эти пятьдесят миллиардов фунтов медицине? — продолжала медсестра, печатая что-то в наладоннике. — Найти лекарство от Эболы II, привить детей по всему миру от ВИЧ, закупить приличное оборудование. Да там на одни витражи можно для Рэдклиффской больницы новый корпус построить, оснащенный по последнему слову техники.

Наладонник выплюнул бумажную ленту.

— Это не ответственность, это…

— Это преступная халатность, мистер Генри. — Она оторвала ленту и вручила мне. — Вот назначение, выполняйте в точности.

Я понуро взглянул на выписку. «Четырнадцать дней строгого постельного режима», — значилось на первой строке.

Строгий постельный режим мне в Оксфорде не обеспечить никак — да и во всей Англии, пожалуй, не обеспечить. Едва леди Шрапнелл пронюхает, что я здесь, строгий режим сразу

станет покладистым и уступчивым. Уже вижу, как она врывается в комнату, сдергивает с меня одеяло и тащит за ухо к сети.

— Вам необходимо употреблять побольше белка и выпивать по крайней мере восемь стаканов жидкости в день. Никакого кофеина, спиртного и энергетиков.

— А нельзя подержать меня в лечебнице? — с надеждой спросил я, осененный свежей мыслью. Если кто-нибудь и способен не пустить леди Шрапнелл, то только эти инквизиторши, палатные сестры. — В изоляторе, например?

— В изоляторе? Нет, конечно. Переброcочная болезнь, мистер Генри, на самом деле ведь никакая не болезнь. Это нарушение биохимического баланса, вызванное сбоем внутренних часов и неполадками в среднем ухе. Медикаментозного лечения вам не требуется. Главное — обойтись без скачков во времени.

— Но как я смогу спать?..

Наладонник запищал. Я подскочил от неожиданности.

— Повышенная нервозность, — кивнув, допечатала сестра. — Сейчас протестируем вас немного. Переоденьтесь пока. — Она вынула из ящика бумажный халат и плюхнула сверток мне на ко-

лени. — Я скоро вернусь. Завязывается на спине. И умойтесь, вы весь в саже.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Я слез с кушетки, оставив на ней продолговатое пятно сажи, и прокрался к выходу.

— Острейший приступ переброcочной болезни, — донесся из коридора голос сестры. Надеюсь, она не с леди Шрапнелл там беседует. — Ему сейчас только стихи барышням в альбомы сочинять.

Нет, это не леди Шрапнелл. Потому что иначе я уже услышал бы ответную реплику.

— Плюс повышенная беспричинная тревожность, а это уже нетипичный симптом. Попробую просканировать на источник тревожности.

Я бы ей и без сканирования объяснил, откуда взялась тревожность, отнюдь не беспричинная, кстати, только разве она послушает… Но до леди Шрапнелл медсестре, хоть она и зверь, все равно далеко.

Здесь оставаться нельзя. На сканировании тебя засовывают на полтора часа в закрытую капсулу и общаются через микрофон. Я уже слышу, как в наушниках громыхает голос леди Шрапнелл: «Вот вы где! Немедленно вылезайте!»

И здесь нельзя, и в общежитие лучше не со-

ваться. Там она будет искать в первую очередь. Может, забиться в укромный уголок где-нибудь в лечебнице и слегка выспаться, чтобы в голове прояснилось? А дальше решу, что делать.

Тут меня осенило. Мистер Дануорти. Если кто и способен найти мне укромное и нетривиальное убежище, то только он. Я уложил слегка испачканный сажей бумажный халат обратно в ящик, натянул ботинки и выбрался через окно.

От лечебницы до Баллиола можно дойти прямиком по Вудсток-роуд, но я не стал рисковать. Сделав крюк через въезд для «скорых», я прошел по Аделаиде, а потом через двор на Уолтон-стрит. Если Сомервиль открыт, срежу через него до Литтл-Кларендон-стрит, а потом по Вустер на Брод и зайду в Баллиол через задние ворота.

Сомервиль был открыт, однако переход занял куда дольше, чем я предполагал, а кованая баллиольская калитка почему-то оказалась непохожей сама на себя. Все шиворот-навыворот, вместо завитков какие-то пики, запятые, геральдические лилии, цепляющие за спецовку.

Сперва я решил, что калитку покорежило бомбой, но нет, это вряд ли. Люфтваффе сегодня бомбит Лондон. А калитка вместе со всеми своими пиками и запятыми покрашена в ярко-

зеленый.

Я полез между прутьями и зацепился погоном фальшивой пожарной робы за какой-то из завитков. Подергался в надежде высвободиться — и только еще хуже застрял, трепыхаясь, словно рыба на крючке.

— Давайте помогу, сэр, — раздался над ухом вежливый голос.

Обернувшись, насколько мог, я увидел секретаря мистера Дануорти.

— Финч! Слава Богу! Я как раз к вам шел.

Он отцепил погон и взял меня за рукав.

— Сюда, сэр. Нет, туда не надо, вот сюда, вот так. Нет-нет, обогните здесь.

Его стараниями я наконец очутился на свободе. Но, увы, снаружи от калитки.

— Плохи дела, Финч. Нам все равно придется пролезать внутрь, в Баллиол.

— Это Мертон, сэр. Вы на их стадионе.

Я обернулся и посмотрел, куда он показывает. Да, Финч прав. Вот футбольное поле, а за ним крикетная площадка, а еще дальше, на лугу Крайст-Черча виднеется шпиль Ковентрийского собора в лесах и синем строительном полиэтилене.

— Откуда же здесь баллиольская калитка?

— Это мертоновская пешеходная.

Я прищурился. Точно. За кованой решеткой оказался турникет, преграждающий проезд велосипедам.

— Сестра говорила, что у вас перебросочная болезнь, но я и не подозревал… Нет-нет, нам сюда.

Финч поймал меня за локоть и повел по дорожке.

— Сестра?

— Мистер Дануорти послал меня за вами в лечебницу, но вы уже ушли, — пояснил он, выводя меня между домами на Хай-стрит. — Зачем-то вы ему понадобились, хотя я слабо представляю, какой от вас прок в таком состоянии.

— Я ему понадобился? А как он узнал, что я в лечебнице?

— Леди Шрапнелл позвонила.

Я кинулся в укрытие.

— Все в порядке, — успокоил Финч, ныряя следом за мной под козырек магазина. — Мистер Дануорти сказал, что вас отвезли в лондонскую Ройял-Фри. Ей дотуда часа полтора минимум. — Он силой вытащил меня из-под козырька и перевел через Хай. — Хотя для пущей надежности надо было бы назвать Манхэттен-Дженерал. Как вы ее выдерживаете?

«Не теряя бдительности ни на секунду», — ответил я мысленно, следуя за Финчем по тротуару вдоль церкви Святой Марии и держась почти вплотную к стене.

— Заведенный порядок не для нее, — продолжал Финч. — Бланки она не заполняет, инстанции игнорирует; просто налетает, как саранча, и хватает, что под руку подвернется — скрепки, ручки, наладонники…

«И историков», — добавил я мысленно.

— Я уже не знаю, какую канцелярию заказывать, тем более что и заказывать-то некогда. Все силы уходят на то, чтобы не подпускать ее к мистеру Дануорти. Насядет, вопьется и давай душу вытягивать расспросами. Перекрытия, мемориальные доски, лекционарии… На прошлой неделе прицепилась к отколотому углу надгробия Уэйда. Как он откололся, да когда он откололся, до налета или во время, какие там края, гладкие или острые… Говорит, все должно быть доподлинно. Потому что Бог…

— …кроется в мелочах, — кивнул я.

— Она и меня сманивала, — закончил Финч. — Хотела командировать во времена блица искать епископский конек.

— Пенек, — поправил я.

— Я так и сказал. — Финч посмотрел на меня пристально. — У вас определенно затруднения со слухом. Медсестра предупреждала. И дезориентация. Нет, толку от вас не будет, — покачал он головой.

— Зачем я понадобился мистеру Дануорти?

— Случилось ЧП.

Под ЧП в ВПС понимали, среди прочего, взрыв фугасной бомбы, когда рушились до основания дома, хороня под собой людей, и полыхало зарево на полнеба. Но вряд ли Финч имеет в виду такое ЧП. Или меня по-прежнему слух подводит?

— ЧП?

— Скорее «катастрофа». Отличилась тут одна сотрудница. Девятнадцатый век. Сцапала блошку.

Да, точно проблемы со слухом, хотя блошки в викторианскую эпоху еще водились. Но зачем цапать блошку? Она сама кого хочешь цапнет — если не хуже.

— Как вы сказали? — осторожно переспросил я.

— «Пришли», говорю.

Действительно, пришли. Вот и баллиольские ворота, только не боковые, а главные, с привратницкой, а за ними передний двор.

Я уже собирался подняться к мистеру Дануор-

ти, но, видимо, дала себя знать дезориентация, потому что Финч снова ухватил меня за руку и повел через двор к Бирдовскому корпусу.

— Мистеру Дануорти пришлось оборудовать кабинет в профессорской столовой. Закрытые двери для нашей леди не преграда, и стучаться она не умеет, поэтому мистер Дануорти вынужден исхитряться с ближним и дальним кабинетами, хотя я лично считаю, что ров был бы надежнее.

Он открыл дверь в бывшую кладовую, которая теперь напоминала приемную врача — ряд мягких стульев у стены и стопка журналов на тумбе. Вторую дверь наполовину перегораживал стол Финча, — чтобы секретарь мог в любую минуту закрыть собой амбразуру.

— Я посмотрю, свободен ли он. — Финч принялся огибать стол.

— Ни в коем случае! — прогремел из-за двери голос мистера Дануорти. — Это исключено!

О Боже, она там! Я вжался в стену, лихорадочно оглядываясь в поисках укрытия.

Финч поймал меня за рукав, шипя: «Это не она!», но я уже и сам сообразил.

— Почему же нельзя?.. — ответил женский голос, точно не леди Шрапнелл, потому что я бы назвал его скорее мягким, чем громоподобным, и

потому что не расслышал окончание фразы.

— Кто это? — прошептал я, слегка успокаиваясь в цепких пальцах Финча.

— «Катастрофа», — ответил он.

— Как вам вообще пришло в голову что-то выносить через сеть? — бушевал Дануорти. — Вы же изучали темпоралистику!

Финч поежился.

— Доложить о вас мистеру Дануорти? — нерешительно спросил он.

— Нет, не надо. — Я опустился в кресло с цветочной обивкой. — Подожду здесь.

— Зачем, скажите на милость, понадобилось брать ее с собой? — кипятился Дануорти.

Финч протянул мне старый журнал.

— Спасибо, я не хочу читать. Посижу и послушаю с вами за компанию.

— Это чтобы подложить на кресло. Сажа, знаете ли, плохо выводится с обивки.

Я привстал, потом уселся обратно на расстеленный Финчем журнал.

— Неужели нельзя было подождать с опрометчивыми поступками до освящения? — продолжал мистер Дануорти.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Приятно слушать, когда распекают не тебя и распекает

не леди Шрапнелл, хотя и непонятно, что такого натворила «катастрофа». Тем более когда мистер Дануорти воскликнул:

— Это не оправдание! Следовало просто вытащить конку из воды и оставить на берегу. В сеть-то зачем с собой тащить?

Угон конки представлялся еще менее вероятным, чем цапанье блошки, при том что ни та ни другая в спасении из воды не очень-то нуждаются. Особенно блошка. А конка? В девятнадцатом веке она, положим, была, но запряженный лошадьми вагон уж точно нельзя принести с собой в сеть, даже если он туда и поместится.

В книгах и визиках подслушиваемые всегда честно разъясняют, о чем идет речь, чтобы подслушивающий не терялся в догадках. «Разумеется, как вы уже поняли, я имею в виду конку, на которой ехал переодетый Шерлок Холмс, из-за сильного тумана сошедшую с рельсов и рухнувшую с моста, а угонять ее понадобилось вот почему…» Далее идет подробное разъяснение причин кражи на радость скрючившегося у замочной скважины. Иногда на форзаце приводится план здания или карта — для пущего удобства.

В реальной жизни о подслушивающем никто

не заботится. Вместо разъяснений «катастрофа» только запутала меня еще больше фразой: «Потому что бейн вернулся, чтобы удостовериться…»

— Бессердечный изверг! — провозгласила она, имея в виду то ли вернувшегося бейна, то ли мистера Дануорти. — А она потом прокралась бы в дом, и он бы повторил все снова. Он не должен был меня видеть, иначе понял бы, что я не тамошняя, а спрятаться, кроме как в сеть, было негде. В беседке он меня заметил бы. Я не думала…

— Вот именно, мисс Киндл, — подхватил Дануорти. — Вы не утруждали себя раздумьями.

— Что вы теперь будете делать? — спросила «катастрофа». — Отошлете ее назад? Концы в воду, да?

— Я ничего не собираюсь делать, пока не просчитаю все вероятности.

— Это жестоко!

— Таксистов я люблю не меньше вашего. Но слишком велика цена ошибки. Мне нужно просчитать все последствия, прежде чем действовать. Хотя для вас такой подход внове, я понимаю.

Таксистов? За что их любить? Мне они всегда казались слишком болтливыми, особенно те, что во времена блица считали, будто лозунг «Болтун

— находка для шпиона» не про них. Сколько я от них наслушался про погребенных заживо под развалинами или разорванных на части — «а головой пробило витрину в магазине через улицу. Галантерейном. Ехал пассажиром, вот как вы сейчас».

— А меня вы отпустите обратно? — поинтересовалась «катастрофа». — Я отпросилась порисовать на пленэре. Если не вернусь, тоже, чего доброго, запишут в утонувшие.

— Не знаю. Пока не решу, сидите у себя в корпусе.

— Можно забрать ее с собой?

— Нет.

Наступила обиженная тишина, затем дверь отворилась, и передо мной предстало самое прекрасное создание на свете.

Финч говорил про девятнадцатый век, поэтому я представлял себе турнюры и кринолины, а увидел мокрое до нитки зеленоватое платье в пол, облепившее точеную фигуру. Медно-каштановые волосы струились по плечам и спине, словно речные водоросли. Передо мной стояла живая нимфа с уотерхаусовских полотен, вышедшая, как призрак, из темных вод.

Встав с кресла, я таращился на нее с разину-

тым ртом, словно недотепа-новичок, и даже шлем снял, жалея, что не послушал сестру и не умылся.

Девушка выжала длинный рукав на ковер. Финч тут же расстелил перед ней очередной журнал.

— А, Нед, вы уже здесь. Хорошо! — сказал появившийся следом мистер Дануорти. — Вас-то мне и нужно.

Нимфа посмотрела на меня темными зелено-карими глазами цвета лесного пруда. Глаза сощурились.

— Вы что, этого хотите отправить?

— Я никого никуда не отправляю. Пока все не обдумаю. А вы ступайте, переоденьтесь в сухое, пока не простудились.

Придерживая одной рукой мокрую насквозь юбку, она пошла к выходу, но у двери обернулась и отверзла сахарные уста. Сейчас последует прощальное благословение — возможно, обращенные ко мне слова любви и нежности.

— Только не кормите ее. Она и так полдома съела, — изрекла нимфа и уплыла восвояси.

Я завороженно уставился ей вслед. Мистер Дануорти тронул меня за плечо.

— Значит, Финч вас отыскал. — Он провел

меня в обход письменного стола в кабинет. — Я боялся, что вы будете в 1940 году на каком-нибудь церковном базаре, по которым вас гоняла леди Шрапнелл.

За окном виднелся двор, который, оставляя за собой изящную дорожку из капель, пересекала прелестная… Как они назывались? Дриада? Нет, дриады жили на деревьях. Сирена?

Мистер Дануорти подошел к окну.

— Все из-за леди Шрапнелл. Только посмотрите, во что она за полгода превратила одну из моих ценнейших сотрудниц! Да и вы тоже во что превратились… Не женщина, а фугасная бомба!

Сирена растворилась в туманной дали. Хотя нет, сирена тоже неправильно. Сирены живут на утесах и топят корабли. Ближе все-таки к дриадам. Дельфида? Нет, эти предсказывают беды и напасти.

— …не надо было ее посылать, — продолжал мистер Дануорти. — Я пытался ее переубедить, но какой там. Знай твердит свое «заглянуть под каждый камень». И вот пожалуйста — Киндл в викторианских временах, а вы скупаете подушечки для булавок и чайные полотенца.

— И студень.

— Студень? — Дануорти посмотрел вопроси-

тельно.

— Для больных. Только вряд ли они его едят. Я бы не стал. Наверное, приносят на следующий базар, так он и кочует по ним из года в год. Вместе с зубодробительным печеньем.

— В общем, — Дануорти нахмурился, — кое-кто наворотил камней, создав серьезную проблему, поэтому вы мне и понадобились. Вы садитесь, садитесь. — Он показал на кожаное кресло.

Рядом немедленно материализовался Финч с журналом.

— Сажа очень плохо оттирается с кожи.

— И шлем снимайте, — продолжил Дануорти. — Боже, ну у вас и вид. Где это вы так?

— На футбольном поле.

— Чувствуется, задали вам жару.

— Я нашел его у пешеходной калитки рядом с мертоновским стадионом, — объяснил Финч.

— Я думал, он в лечебнице.

— Выбрался через окно.

— Вот как. Но где же он так извозился? — недоумевал Дануорти.

— Я искал епископский пенек, — вклинился я.

— На мертоновском стадионе?

— На развалинах собора, перед тем как попасть в лечебницу, — растолковал Финч.

— И как, нашли?

— Нет, — ответил я. — Поэтому к вам и шел. Я не успел обыскать развалины, а леди Шрапнелл…

— …наименьшее из наших зол. Вот уж никогда бы не подумал, что скажу такое, — покачал головой Дануорти. — Мистер Финч, полагаю, уже объяснил, в чем дело?

— Да. То есть нет. То есть лучше напомните еще раз.

— В сети возник сбой. Я уведомил Управление путешествий во времени и… Финч, когда обещал быть Чизвик?

— Сейчас уточню, сэр.

Финч вышел.

— Положение серьезное, — начал мистер Дануорти. — Наша сотрудница…

— Он уже едет, — доложил вернувшийся Финч.

— Ясно. Так вот, пока он не прибыл: наша сотрудница украла брошку и протащила с собой в сеть.

Брошку. Уже логичнее, чем блошку. Или конку. Ее хотя бы есть резон похищать.

— Мать леди Уиндермир тоже аксессуары присваивала, — продолжил я свою мысль вслух.

— Мать леди Уиндермир? — Мистер Дануорти обменялся тревожным взглядом с Финчем.

— Острый приступ переброcочной болезни, сэр, — развел руками секретарь. — Дезориентация, проблемы со слухом, сентиментальность, непоследовательность. — Он выделил голосом последние два слова.

— Острый? Сколько же раз вы перебрасывались?

— Четырнадцать на этой неделе. Десять благотворительных базаров и шесть епископских жен. Нет, тринадцать. Миссис Биттнер не считается, она была в Ковентри. Не в том, откуда меня забрали, а в современном.

— Биттнер? — заинтересовался мистер Дануорти. — Не Элизабет Биттнер, случаем?

— Да, сэр, она. Вдова последнего епископа Ковентрийского собора.

— Бог мой, сто лет ее не видел! Мы были с ней знакомы в молодости, когда только начинались эксперименты с сетью. Чудесная девушка! Я с первого взгляда понял, что это прекраснейшее создание на свете… А ее угораздило влюбиться в Бити Биттнера, больше ни на кого и смотреть не хотела. Как она сейчас?

Далеко не девушка. Сухощавая седая дама, отчего-то нервничавшая всю нашу беседу. Наверное, боялась, что леди Шрапнелл ее тоже припашет к

работе и командирует в Средние века.

— Хорошо, — сказал я вслух. — Жалуется, правда, что артрит замучил.

— Артрит… — Дануорти покачал головой. — Трудно представить Лиззи Биттнер с артритом. А зачем вы к ней ездили? Ее ведь еще на свете не было, когда старый собор сгорел.

— У леди Шрапнелл есть версия, что пенек попал на хранение в крипту нового собора, а миссис Биттнер, поскольку присутствовала при продаже здания, могла руководить разбором вещей и видеть пенек.

— И как, видела?

— Нет, сэр. Считает, что он сгорел в пожаре.

— Я помню, как продавали собор. Религия стала никому не нужна, службы никто не посещал… Лиззи Биттнер… — проговорил Дануорти с нежностью. — Артрит. И волосы уже не рыжие, да?

— Зацикленность на несущественном, — вмешался в разговор Финч. — Мисс Дженкинс говорит, у мистера Генри очень тяжелый случай.

— Мисс Дженкинс?

— Сестра, которая осматривала мистера Генри в лечебнице.

— Прелестное создание, — кивнул я. — Ангел-хранитель, овевающий мановением крыла

горячечный лоб…

Мистер Дануорти с Финчем переглянулись.

— Говорит, давно такого запущенного случая не видела, — протянул Финч.

— Поэтому я к вам и пришел, — объяснил я. — Мне прописаны две недели строгого постельного режима, а леди Шрапнелл…

— И мысли подобной не допустит, — понимающе подхватил мистер Дануорти. — До освящения собора всего семнадцать дней.

— Я пытался втолковать это сестре, сэр, но она и слушать не стала. Велела отправляться домой и ложиться в постель.

— Нет-нет, там леди Шрапнелл в первую очередь проверит. Финч, где она сейчас?

— В Лондоне. Только что звонила из Ройял-Фри.

Я вылетел из кресла как ужаленный.

— Сказал ей, что нас дезинформировали, — продолжил Финч, — и на самом деле мистера Генри увезли в Ройял-Масоник.

— Отлично. Позвоните туда и попросите задержать ее подольше.

— Уже позвонил, — доложил Финч.

— Великолепно. Садитесь, Нед, садитесь. На чем мы остановились?

— Веер леди Уиндермир, — напомнил Финч.

— Да, только наша сотрудница протащила через сеть совсем не веер.

— Протащила через сеть? — опешил я. — Но ведь из прошлого нельзя ничего пронести через сеть. Это невозможно.

— Выходит, возможно.

В приемной послышались шаги.

— Вы же сказали, она в Ройял-Фри, — укоризненно начал мистер Дануорти, однако в кабинет ворвалась не «она», а невысокий взъерошенный мужчина в лабораторном халате с пищащим наладонником в руке. Я узнал в нем руководителя Управления путешествий во времени.

— Мистер Чизвик, вы уже здесь! — приветствовал его мистер Дануорти. — Я хотел поговорить с вами насчет происшествия…

— А я — насчет леди Шрапнелл, — отозвался Чизвик. — Просто стихийное бедствие какое-то! От нее нет покоя ни днем, ни ночью, то она возмущается, что нельзя несколько раз отправить человека в одно и то же время-пространство, то требует уплотнить количество переброс. При этом забирает у меня сотрудников одного за другим — историков, техников, кого попало — и гоняет по всему прошлому осматривать

ящики для подаяний и аркбутаны. — Он помахал пищащим наладонником. — Вот, опять! Шестое сообщение за час, требует ответить, куда подевался пропавший историк! Мы ввязались в ее проект, чтобы на полученные деньги финансировать научные исследования по темпоралистике. В итоге исследовательская работа встала, потому что половина моих сотрудников и все компьютеры захвачены леди Шрапнелл!

Он стал нажимать кнопки на незамолкающем наладоннике, и мистер Дануорти поспешил воспользоваться паузой.

— Как раз о темпоралистике я и хотел поговорить. Наша сотрудница…

Чизвик не слушал. Умолкнувший наладонник принялся дюйм за дюймом выплевывать бумажную ленту.

— Вот, полюбуйтесь! — Чизвик оторвал изрядный кусок и помахал им перед носом Дануорти. — Желает, чтобы я посадил кого-то из подручных на телефон обзванивать все больницы Лондона с пригородами в поисках пропавшего историка. Генри его фамилия. Нед Генри. Кого-то из подручных! Нет у меня больше никого! Она забрала всех, кроме Льюиса, и то лишь потому, что он, к счастью…

— Что случится, если историк вынесет объект из прошлого через сеть? — перебил мистер Дануорти.

— Это она просила узнать? Она, кто же еще! Совсем помешалась на этом пеньке, уже готова из прошлого его выкрасть. Повторяю ей: перемещение чего бы то ни было из прошлого в настоящее нарушит законы пространственно-временного континуума! Знаете, что она отвечает? «Законы создаются, чтобы их нарушать».

Мистер Дануорти, откинувшись в рабочем кресле, снял очки и принялся задумчиво их разглядывать.

— Я ей втолковываю, — горячился Чизвик, — что законы физики не имеют ничего общего с рукотворными, что это законы, а не правила поведения, и нарушение их чревато катастрофическими последствиями.

— Какого рода? — спросил мистер Дануорти.

— Предсказать невозможно. Пространственно-временной континуум — это хаотическая система с причудливыми, нелинейными связями между событиями, не поддающимися никаким прогнозам. Перенос объекта вперед во времени вызовет парахронический диссонанс, который в лучшем случае приведет к увеличению сдвигов

при переброске. В худшем — уничтожит саму возможность путешествий во времени. Или изменит ход истории. Или погубит Вселенную. Поэтому такой диссонанс исключен в принципе, но поди втолкуй это леди Шрапнелл!

— Увеличение сдвигов? — встрепенулся мистер Дануорти. — Диссонанс приводит к увеличению сдвигов?

— Теоретически, — подтвердил мистер Чизвик. — Как раз на исследование диссонансов должны были пойти деньги леди Шрапнелл, но ведь научная работа теперь побоку, все силы брошены на этот дурацкий собор!.. Невозможная дама! На прошлой неделе требовала снизить процент сдвигов. Требовала! То есть что такое сдвиг, ей тоже невдомек.

Мистер Дануорти надел очки.

— А что, наблюдается рост сдвигов?

— Нет. Просто леди Шрапнелл не понимает принципы путешествий во времени. Ей…

— Кабачковое поле, — вставил я.

— Что? — Чизвик грозно воззрился на меня.

— Жена фермера приняла его за немецкого парашютиста.

— Парашютиста? — Чизвик сощурился. — Это не вы тот пропавший историк? Как ваша фа-

милия?

— Джон Бартоломью, — подсказал мистер Дануорти.

— Судя по виду, еще одна жертва леди Шрапнелл. Дануорти, ее надо остановить. — Наладонник снова запищал и принялся выталкивать бумажную ленту. Чизвик зачитал вслух: — «Почему до сих пор нет сведений о Генри? Жду. Требуются еще двое в 1851 год, на Великую промышленную выставку, проверить возможное происхождение епископского пенька». — Скомкав ленту, Чизвик швырнул ее на стол мистеру Дануорти. — Нужно срочно ее угомонить! Иначе она развалит весь университет!

Чизвик вылетел из кабинета.

— Или обозримую Вселенную, — пробормотал ему вслед Дануорти.

— Догнать его? — спросил Финч.

— Нет. Попробуйте связаться в Эндрюсом и посмотрите, что есть в Бодлеинке по парахроническим диссонансам.

Финч вышел. Мистер Дануорти, хмурясь, принялся рассматривать на просвет снятые очки.

— Я понимаю, что момент неподходящий, — напомнил я о себе, — но, может, подскажете, где бы мне залечь на дно? Подальше от Оксфорда.

— Вмешательство… — протянул Дануорти. — Вмешательством мы заварили эту кашу, дальнейшее вмешательство только все ухудшит. — Он нацепил очки на нос и встал. — Лучше всего, конечно, выждать и посмотреть, что будет дальше, — рассуждал он, расхаживая по кабинету. — Статистическая вероятность того, что ее исчезновение изменит ход истории, стремится к нулю, особенно по тем временам. Их ведь тогда в порядке вещей было топить, чтобы не заполонили все.

Это брошки-то?

— Сеть ее пропустила, что само по себе свидетельствует об отсутствии диссонанса, иначе она бы не открылась. — Дануорти протер очки полой пиджака и посмотрел на просвет. — С тех пор прошло полтора века с лишним. За это время Вселенная уже давно бы погибла, если исходить из худшего сценария.

Он подышал на стекла и протер их еще раз.

— А в образование параллельной действительности, где леди Шрапнелл тоже отстраивает Ковентрийский собор, я решительно отказываюсь верить.

Леди Шрапнелл. Она в любой момент может вернуться из Ройял-Масоник.

— Мистер Дануорти! — взмолился я. — Я так надеялся, что вы придумаете, где мне отлежаться после переброcочной болезни…

— С другой стороны, отсутствие диссонанса вполне может объясняться именно тем, что ее тотчас же вернули, предупредив возникновение разрушительных или каких бы то ни было последствий.

— Сестра сказала, две недели, но мне хватит и трех-четырех дней…

— И даже в этом случае, — мистер Дануорти снова зашагал туда-сюда, — ничто не мешает нам выждать. В этом прелесть путешествий во времени. Можно подождать три-четыре дня, две недели — да хоть год! — и все равно вернуть ее «тотчас же».

— Если меня найдет леди Шрапнелл…

Он остановился.

— Да, об этом я не подумал. Боже, стоит ей узнать…

— Если вам вдруг придет в голову какое-нибудь укромное и тихое…

— Финч! — крикнул мистер Дануорти, и секретарь возник в дверях с распечаткой в руке.

— Это библиография по парахроническим диссонансам, — пояснил он. — Не густо. Мистер

Эндрюс в 1560 году, изучает клерестории по заданию леди Шрапнелл. Позвать обратно мистера Чизвика?

— Есть дела поважнее. Нужно придумать, где укрыть Неда, чтобы он спокойно выздоравливал от переброcочной болезни.

— Леди Шрапнелл… — начал я.

— Именно, — подхватил мистер Дануорти. — В нашем времени оставаться нельзя. И в двадцатом веке тоже. Нужно что-то тихое, укромное, загородный дом, например, у реки. У Темзы.

— Вы хотите сказать… — догадался Финч.

— Его необходимо переправить немедленно. Пока леди Шрапнелл не добралась.

— Ага! — выдохнул Финч. — Понимаю! Но мистер Генри не в том состоянии, чтобы…

— Нед, — перебил его Дануорти, — как вы смотрите на то, чтобы отправиться в викторианскую эпоху?

Викторианская эпоха. Дремотные летние вечера, катание на лодке по Темзе, крокет на изумрудных газонах, девушки в белых платьях, ветерок играет ленточками на шляпах… А потом чай под ивами, севрский фарфор, услужливый дворецкий, предугадывающий любую вашу прихоть, чтение стихов из тонкого томика, и нежные

девичьи голоса летят стайкой легких лепестков по напоенному цветочным ароматом воздуху… «Июльский полдень золотой… И тянется неспешно нить моей волшебной сказки… В том тайнике, где ты хранишь младенческие сны…»[1]

Финч покачал головой:

— По-моему, не самая лучшая мысль, мистер Дануорти.

— Ерунда. Вы слышите, что он несет? Ему там самое место.

---

[1] Примечания: 1

Кэрролл, Льюис. Алиса в Стране чудес. Пер. Д. Орловской.

Глава третья

Отбросьте невозможное, и каким бы невероятным ни оказалось оставшееся, это и есть истина.

Шерлок Холмс

Пустяковое дело — Ангелы, архангелы, херувимы, престолы, господства, силы и как их там — Головокружение — Краткий курс викторианской истории и этикета — Багаж — Подвиг мичмана Клеппермана — Еще багаж — Трудности со слухом — Рыбные вилки — Сирены, сильфы, нимфы, дриады и как их там — Визитеры — Собака не лучший друг человека — Еще визитеры — Неожиданное отбытие

— Вы уверены? — сомневался Финч. — У него и так тяжелая перебросочная болезнь. Что, если дальняя переброска…

— Не обязательно, — возразил мистер Дануорти. — И потом, выполнив задание, он может отдыхать там сколько понадобится. Вы же его

слышали, там натуральный курорт.

— Но в таком состоянии он, чего доброго, не сумеет… — встревоженно начал Финч.

— Пустяковое дело, — успокоил его Дануорти. — Ребенок справится. Главное — успеть до возвращения леди Шрапнелл, а Нед сейчас единственный на весь Оксфорд историк, которого не угнали переписывать приходские книги. Проводите его к сети, свяжитесь с Управлением и попросите Чизвика подождать меня там.

Запиликал телефон, Финч снял трубку, долго слушал, потом наконец вставил:

— Нет, он действительно был в Ройял-Фри. Но затем они решили провести ТВР, поэтому перевели его в Сент-Томас. Да, на Ламбет-Палас-роуд. — Он еще послушал, отнеся трубку подальше от уха. — Нет, на этот раз точно. — Финч отключился. — Это леди Шрапнелл, — пояснил он зачем-то. — Боюсь, она скоро вернется.

— Что такое ТВР? — поинтересовался мистер Дануорти.

— Сам придумал. Думаю, надо срочно вести мистера Генри к сети и инструктировать.

Финч проводил меня в лабораторию, за что ему большое спасибо. Мне всю дорогу казалось, что мы идем в противоположную сторону, а в

итоге дверь оказалась правильной, и снаружи по-прежнему стояли пикетчики, протестующие против восстановления Ковентрийского собора.

На электрических транспарантах бежали лозунги: «Чем плох нынешний?», «Оставьте Ковентри в Ковентри» и «Он наш!» Я пробежал глазами подсунутую мне листовку: «Восстановление Ковентрийского собора обходится в пятьдесят миллиардов фунтов. На эти деньги можно не только выкупить современное здание собора в Ковентри, но и выстроить взамен еще более крупный торговый центр».

Финч выхватил у меня листовку, отдал обратно пикетчику и открыл дверь.

Внутри сеть тоже выглядела прежней — я не узнал лишь толстушку за пультом. Белый халат и обрамляющие лицо золотистые локоны делали ее похожей на херувима, а не на оператора сети.

— Что вам нужно? — спросила она сурово, резко разворачиваясь к нам вместе с креслом.

Пожалуй, скорее архангел, чем херувим.

— Подготовить переброску, — сообщил Финч. — В викторианскую Англию.

— Исключено, — отрезала девушка.

Точно, архангел. Такие и вышвырнули Адама и Еву из рая.

— Это по распоряжению мистера Дануорти, мисс… — Финч сделал паузу.

— Мисс Уордер, — буркнула оператор.

— Мисс Уордер. Срочная переброска.

— Они все срочные. У леди Шрапнелл других не бывает. — Она взмахнула планшетом, словно огненным мечом. — Девятнадцать переброс, для четырнадцати требуется форма гражданской ПВО и женской добровольной службы 1940 года, а в костюмерной шаром покати. Плюс еще привязки. Я на три часа опаздываю со стыковками, и Бог знает сколько еще срочных переброс подкинет леди Шрапнелл до конца дня. — Толстушка хлопнула планшет на стол. — Я зашиваюсь! Викторианская Англия… Передайте мистеру Дануорти, что это совершенно исключено.

Она повернулась к пульту и принялась барабанить по кнопкам.

Финч, не собиравшийся сдаваться, попробовал зайти с другой стороны.

— А где мистер Чаудри?

— Именно! — прогремела оператор, крутнувшись обратно к нам. — Где, спрашивается, Бадри, и почему он не на рабочем месте? А я вам скажу! — Она снова угрожающе воздела планшет. — Леди Шрапнелл…

— Его тоже послали в сороковой? — ужаснулся я. У Бадри пакистанские корни. Его скрутят как японского шпиона.

— Нет. Велела везти ее в Лондон, разыскивать какого-то пропавшего историка. А на мне теперь и костюмерная, и сеть, и любители отрывать от дел глупыми вопросами!.. Так что, если таковых больше нет, мне нужно рассчитать срочную привязку.

Девушка выбила пулеметную дробь по кнопкам. Нет, наверное, даже не архангел, а кто-то из этих, многоглазых, с огромными крыльями. Как они там назывались? Сарабанды?

— Пожалуй, схожу за мистером Дануорти, — прошептал мне Финч. — Вы оставайтесь здесь.

Я был только рад остаться. Меня настигло упомянутое медсестрой головокружение, поэтому хотелось лишь одного — сесть и отдохнуть. Отыскав в дальнем углу лаборатории пару стульев, я разместился на правом, закинул ноги на левый, убрав оттуда стопку противогазов и ножных насосов, и вытянулся в ожидании Финча. Как же все-таки назывались эти архангелы, «полные очей»? На букву «С». Самураи? Нет, это леди Шрапнелл. Сильфы? Нет, это духи воздуха со стрекозьими крыльями. Духи воды на какую-то

другую букву. На «Н». Немезиды? Нет, это уж определенно леди Шрапнелл.

Как же их звали? Гилас встретился с ними у пруда, и они утянули его на дно, поманив своими тонкими белыми руками, опутав струящимися рыжими волосами, утащив в темную глубину…

Я, наверное, задремал, потому что, когда открыл глаза, оператор потрясала планшетом перед мистером Дануорти.

— Совершенно исключено! У меня еще четыре привязки, восемь стыковок и замена костюма, который искупала в реке ваша сотрудница! — Девушка гневно зашелестела листками на планшете. — Могу записать вас на пятницу седьмое, в половину четвертого. Самое раннее.

— Седьмое? — задохнулся Финч. — Это же следующая неделя!

— Нет, нам нужно сегодня, — сказал мистер Дануорти.

— Сегодня? — Оператор занесла планшет, словно молот. — Сегодня?!

Серафимы! «Полные очей, и сияние от огня, и молния исходила из огня».

— Временны́е координаты устанавливать не нужно, — увещевал оператора мистер Дануорти. — Возьмем те же, что у Киндл. И точка

переброски в Мачингс-Энде уже имеется. — Он обвел взглядом лабораторию. — Где ваш костюмер?

— В 1932 году, — ответила девушка. — Зарисовывает одежду хористов. Срочное задание от леди Шрапнелл — выяснять, из льна или хлопка шили альбы. Так что пока костюмерная на мне. И сеть. И все остальное. — Она перелистала страницы планшета обратно и положила его на пульт. — Ничего не получится. Даже если я вас втисну, не отправлять же его в таком виде, и потом его нужно проинструктировать по викторианской истории и укладу.

— Нед не собирается на чай к королеве, — возразил мистер Дануорти. — Контакт с современниками предстоит минимальный или вообще нулевой. Так что можно обойтись без инструктажа.

Серафима потянулась за планшетом.

Финч поспешил увернуться.

— Он у вас по двадцатому веку, — не сдавалась девушка. — Девятнадцатый — вне его компетенции. Я не могу разрешить переброску без соответствующего инструктажа.

— Ладно, — согласился мистер Дануорти, поворачиваясь ко мне. — Дарвин, Дизраэли, индийский вопрос, «Алиса в Стране чудес», крошка

Нелл, Тернер, Теннисон, «Трое в лодке», кринолины, крокет…

— Перочистки, — вставил я.

— Перочистки, вязаные салфетки, украшения из волос, принц Альберт, фраки, пуританство, Рескин, Фейгин, Элизабет Браунинг, Данте Габриэль Россетти, Джордж Бернард Шоу, Гладстон, Голсуорси, неоготика, Гилберт и Салливан, лаун-теннис и зонтики от солнца. Вот, — сообщил он серафиме. — Краткий курс пройден.

— Подготовка специалиста по девятнадцатому веку включает три семестра политической истории, два…

— Финч, — велел мистер Дануорти, — сходите в колледж Иисуса и принесите наушники с кассетами. Нед прослушает ускоренный гипнотический курс, а вы, — он обернулся к серафиме, — тем временем подберете ему одежду и подготовите переброску. Понадобятся летний костюм, белые фланелевые брюки, льняная сорочка, полосатый пиджак для катания на лодке. Так, теперь багаж…

— Багаж! — возопила серафима, исполняясь очей. — Мне некогда собирать багаж! У меня девятнадцать переброс ок…

— Ладно, — согласился мистер Дануорти, — ба-

гаж мы сами соберем. Финч, сходите в Иисуса и принесите какие-нибудь викторианские чемоданы. Вы с Чизвиком связались?

— Нет, сэр. Его не было. Я оставил сообщение.

Он вышел, столкнувшись в дверях с высоким и худым темнокожим парнем не старше восемнадцати на вид. Глядя на кипу бумаг, которую он прижимал к груди, я было принял его за пикетчика и уже протянул руку за листовкой, но парень направился прямиком к мистеру Дануорти.

— Мистер Дануорти? — проговорил он растерянно. — Я Ти-Джей Льюис. Из Управления путешествий. Вы искали мистера Чизвика?

— Да. Где он?

— В Кембридже, сэр.

— В Кембридже? Там-то он что делает?

— Ищет работу, с-сэр, — промямлил Льюис. — Он… он уволился, сэр.

— Когда?

— Только что. Сказал, ни секунды больше не намерен горбатиться на леди Шрапнелл, сэр.

— Та-ак, — проговорил мистер Дануорти, снимая очки и вперяясь в них взглядом. — Так. Ладно. Мистер Льюис, значит?

— Ти-Джей, сэр.

— Ти-Джей, передайте в таком случае его заме-

стителю — как его фамилия? Раннифорду, точно, что мне нужно с ним проконсультироваться. Безотлагательно.

Ти-Джей замялся.

— Только не говорите, что он тоже уволился.

— Нет, сэр. Он в 1655-м, осматривает кровлю.

— Ну, разумеется, — с досадой бросил Дануорти. — Тогда тому, кто остался за главного.

Ти-Джей смутился еще больше.

— Э-э, боюсь, сэр, это я.

— Вы? — изумился мистер Дануорти. — Вы ведь студент. Неужели больше никого не нашлось?

— Нет, сэр, — покачал головой Ти-Джей. — Всех остальных забрала леди Шрапнелл. Меня тоже хотела, но первые две трети двадцатого века и весь девятнадцатый — это десятая категория для чернокожих, а значит, мне туда нельзя.

— Не думал, что это ее остановит, — признался Дануорти.

— И правильно. Она хотела переодеть меня мавром и послать в 1395-й — исследовать конструкцию шпиля. Предполагалось, что я сойду за пленного, привезенного из крестовых походов.

— Которые закончились в 1272 году, — вставил Дануорти.

— Да, сэр, я знаю. Я ей так и сказал. По сути,

все прошлое — это десятая категория для темнокожих. — Он ухмыльнулся. — В кои-то веки происхождение сыграло мне на руку.

— Ладно, разберемся, — вздохнул мистер Дануорти. — Вы когда-нибудь слышали про мичмана Джона Клеппермана?

— Нет, сэр.

— Вторая мировая. Сражение у атолла Мидуэй. Весь командный состав корабля погиб, и мичману пришлось встать к штурвалу. Войны и катастрофы не разбирают чинов и званий, вручая подчас бразды правления тому, кто иначе никогда бы их не получил. Иными словами, это ваш звездный час, Льюис. Я так понимаю, вы с кафедры темпоралистики?

— Нет, сэр. Информатики, сэр.

Дануорти вздохнул:

— Что ж, мичман Клепперман тоже запускал торпеду впервые, однако потопил два эсминца и крейсер… Так что вот вам первое задание: расскажите мне, как проявляет себя парахронический диссонанс, как его опознать. Только не говорите, что он заведомо невозможен.

— Па-ра-хро-ни-чес-кий дис-со-нанс, — послушно записал Ти-Джей на верхнем листе в своей кипе. — Когда нужно, сэр?

— Вчера, — ответил мистер Дануорти, вручая ему библиографию из Бодлеинки.

— То есть мне смотаться в прошлое? — не понял Ти-Джей.

— На еще одну переброску даже не рассчитывайте, — всполошилась Уордер.

Мистер Дануорти устало покачал головой:

— Я имею в виду, выяснить требуется как можно скорее.

— А-а. Да, сэр. Будет сделано, сэр. — На полпути к двери Ти-Джей обернулся. — А что потом стало с мичманом Клепперманом?

— Погиб при исполнении.

— Так я и думал, — грустно кивнул Ти-Джей.

Он вышел, и тут же вернулся Финч с наушниками в руках.

— Позвоните Эрнсту Хассельмайеру в Берлин и спросите, известно ли ему о парахронических диссонансах. Если нет, узнайте, с кем можно проконсультироваться, — распорядился мистер Дануорти. — А потом вам нужно будет сходить в собор.

— В собор? — встревожился Финч. — А если там леди Шрапнелл?

— Спрячетесь в Капелле мануфактурщиков. Поищите кого-нибудь из Управления, кого угодно.

Должен у них найтись кто-то опытнее студента.

— Да, сэр, сейчас сделаю. — Он подошел ко мне и нацепил наушник. — Пленки, сэр, для гипнотического курса.

Я начал закатывать рукав для укола.

— Нет, думаю, медикаменты в вашем состоянии противопоказаны, — остановил меня Финч. — Вам придется прослушать материал на обычной скорости.

— Финч, — спохватился мистер Дануорти, — а где Киндл?

— Вы послали ее в корпус, сэр.

Он включил пленку. «Королева Виктория царствовала с 1837 по 1901 год», — раздалось у меня в ухе.

— Уточните у нее, какой получился сдвиг, — велел Дануорти. — На той переброске, когда…

«… она принесла Англии невиданное благополучие и процветание…»

— Да, — подтвердил Дануорти. — И выясните, как обстоят дела со сдвигами у остальных…

«… оставшись в истории, как безмятежная, благочинная эпоха…»

— …и позвоните в Сент-Томас. Пусть удерживают леди Шрапнелл всеми силами.

— Да, сэр.

Финч вышел.

— Значит, Лиззи Биттнер по-прежнему живет в Ковентри? — обратился ко мне мистер Дануорти.

— Да. Вернулась из Солсбери после смерти мужа. — Я понял, что от меня ждут подробностей. — Рассказывала про новый собор, как епископ Биттнер пытался его спасти. Возобновил показ спектаклей-моралите, чтобы привлечь прихожан, и устроил посвященную блицу выставку на развалинах. Миссис Биттнер показала мне и руины, и новое здание. Там ведь теперь торговый центр.

— Да. Я всегда считал, что торговый центр из него получился более достойный, чем собор. Архитектура середины двадцатого века — почти такой же ужас, как викторианская. Но все равно хорошо, что его построили. И Битти он нравился. Кстати, собор ведь сперва продали Церкви грядущего — или как там ее? Впрочем, у них вы про пенек, наверное, уже справлялись?

Я кивнул, а потом Дануорти, видимо, ушел, но я этого не помню. В одном ухе у меня ревел отбой воздушной тревоги, а в другом рассказывали о подчиненном положении женщин.

«Женщины в викторианском обществе были почти бесправны», — сообщил голос в наушнике.

«Кроме королевы Виктории», — подумал я. Подошедшая с мокрым полотенцем Уордер оттерла мне лицо и руки от сажи, а потом шлепнула какого-то белого крема под нос.

«Викторианской женщине отводилась роль няни, сиделки, помощницы по хозяйству, „ангела домашнего очага“».

— Не трогайте губу! — велела Уордер, снимая с шеи портновский метр. — Волосы оставим как есть, феноксидилом наращивать некогда. — Она измерила обхват моей головы. — Сделайте пробор посередине. Не трогайте губу, я сказала!

«Считалось, что чувствительная натура барышень не выдержит строгости учебных заведений, поэтому женщин обучали дома — рисованию, музыке и манерам».

— Бред какой-то! — Уордер закрутила портновский метр у меня на шее. — Зачем меня понесло в Оксфорд? В Кембридже отличная кафедра сценографии. Сейчас сидела бы, разрабатывала костюмы для «Укрощения строптивой», а не разрывалась на три должности!

Я оттянул пальцем сдавившую кадык ленту, угрожающую меня задушить.

«Викторианские женщины были милы, тихи и послушны».

— Из-за кого все наши беды? — Она щелкнула сорванным с моей шеи метром. — Из-за леди Шрапнелл! Зачем ей приспичило восстанавливать собор? Она даже не англичанка, она из Америки! Если она вышла замуж за пэра, это еще не значит, что нужно являться к нам и перестраивать наши церкви. И женаты они без году неделя…

Уордер вздернула мою руку и ткнула концом ленты в подмышку.

— А если ей так охота что-то восстановить, то есть ведь и более ценные объекты. Ковент-Гарден, например. Королевскому шекспировскому тоже не помешало бы помочь деньгами: в прошлом сезоне у них было всего две постановки, причем одна — старый «Ричард II» в ню-варианте 1990-х. Хотя, конечно, где там голливудской дамочке в искусстве разбираться? Визики! Интерактив!

Резкими, размашистыми движениями она сняла мерки моей груди, плеча, шагового шва и исчезла, а я снова устроился на стульях, прислонил голову к стене и подумал, как тихо и покойно было бы лежать на дне пруда.

Дальше все несколько смазалось. Наушник вещал о викторианской сервировке стола, ровный рев отбоя тревоги сменился завываниями

тревожной сирены, серафима принесла на примерку стопку брюк, но все это как-то путалось у меня в голове.

В какой-то момент возник Финч с полным набором викторианского багажа — портплед, большой баул, сумка через плечо, гладстоновский саквояж и две картонки, перевязанные бечевкой. Я подумал, что предстоит выбрать что-то одно, как из брюк, но выяснилось, что мне полагается все разом. Финч снова исчез со словами: «Принесу остальное». Серафима отложила пару белых фланелевых и пошла искать подтяжки.

«Вилка для устриц кладется на суповую ложку, зубцами к тарелке, — сообщил наушник. — Устричный нож помещается от нее слева. Крепко зажав раковину в левой руке, извлеките мясо устрицы целиком с помощью вилки, при необходимости помогая ножом».

Я несколько раз отключался, и серафиме приходилось меня расталкивать, чтобы примерить разные предметы гардероба. Затем она стерла с моей губы белый крем, и я осторожно потрогал пальцем свежие усы.

— Ну как? — поинтересовался я.

— Криво, — ответила серафима. — Но уж как есть. Вы положили ему бритву?

— Да, — подтвердил Финч, втаскивая большой плетеный короб. — Еще пару щеток из музея Ашмола, помазок и кружку для бритья. Вот деньги. — Он вручил мне бумажник размером с портплед. — К сожалению, в основном монетами. Купюры той эпохи очень плохо сохраняются. Одеяло свернуто, в корзинке провизия, в коробках консервы.

Он вновь удалился.

«Рыбная вилка кладется слева от вилок для мяса и салатов, — зудел наушник. — Отличить ее можно по заостренным скошенным зубцам».

Серафима выдала мне сорочку для примерки. На локте у нее висело мокрое белое платье с волочащимися по полу длинными рукавами. Перед глазами сразу же встала речная нимфа, выжимающая эти рукава на ковер… Воплощение красоты. Интересно, пользуются ли нимфы рыбными вилками? Нравятся ли им усатые мужчины? Есть ли усы у Гиласа на уотерхаусовской картине? «Гилас и…» — как же они все-таки называются? На букву «Н»…

Дальше опять пробелы. Помню только, что Финч добыл еще какой-то багаж — закрытую корзину для пикника, а серафима засовывала что-то в карман моего жилета, а потом Финч тряс меня

за плечо и спрашивал, где мистер Дануорти.

— Не здесь, — ответил я и не угадал. Дануорти стоял аккурат рядом с корзиной и выяснял, что удалось разузнать Финчу.

— Какой был сдвиг на той переброске?

— Девять минут, — ответил Финч.

— Девять? — нахмурился Дануорти. — А на остальных?

— По минимуму. От двух минут до получаса. Точка переброски в уединенном углу сада, вероятность попасться кому-то на глаза минимальная.

— Одного раза хватило, — возразил Дануорти мрачно. — А что с обратными перебросками?

— Обратными? На возвратах не бывает сдвигов.

— Я в курсе. Но ситуация нестандартная.

— Да, сэр. — Финч отошел посовещаться с Уордер. — Нет, на возвратах сдвигов нет.

Лицо мистера Дануорти прояснилось.

— А что с Хассельмайером?

— Оставил для него сообщение.

В распахнувшуюся дверь ворвался Ти-Джей Льюис с какими-то листками в руках.

— Я посмотрел имеющиеся исследования. Не густо. Анализ диссонансов — страшно дорогая процедура, Управление как раз планировало

закупить оборудование на средства за восстановление собора. В общем, темпоральщики почти единодушно заявляют, что такие диссонансы невозможны. Не согласен только Фудзисаки.

— У Фудзисаки другая теория?

— Целых две. Версия первая: это никакие не диссонансы, коль скоро имеют место быть несущественные для континуума предметы и явления.

— Как это? В хаотической системе одно всегда тянет за собой другое.

— Да, но учитывая нелинейность системы, — ответил Ти-Джей, сверившись с записями, — «обратные и упреждающие петли, припуски, возможность вмешательства», последствия от одних событий и действий умножаются до бесконечности, а от других — просто сглаживаются.

— Получается, парахронический диссонанс — это пропажа без последствий?

— Именно, — расплылся в улыбке Ти-Джей. — Как воздух, который историки уносят в легких, или, — он глянул на меня, — копоть. Их исчезновение никак не отражается на системе.

— То есть объект не требуется возвращать в его исконное время… — уточнил мистер Дануорти.

— Его, по всей вероятности, и не удастся вер-

нуть. Континуум не пустит. Разве что в возвращенном виде этот объект тоже погоды не сделает. К сожалению, копотью и воздухом список таких объектов, наверное, и ограничивается. Все, что крупнее, безнаказанно изъять не получится.

«Даже перочистки», — подумал я, прислоняясь затылком к стене. Было дело, на Осеннем хоровом фестивале со сбором вторсырья я купил оранжевую перочистку в виде тыквы и забыл о ней напрочь, а потом, когда собрался назад, сеть не открылась. «Интересно, а брошку она как пропустила?» — шевельнулась сонная мысль.

— А если объект — живое существо? — поинтересовался мистер Дануорти.

— Разве только безвредные бактерии, все остальное вряд ли. Воздействие живых организмов на континуум на несколько порядков выше, чем неодушевленных предметов, а у разумных форм жизни соответственно еще выше, ввиду многогранности их взаимодействия. Ну и, разумеется, ничего такого, что может изменить настоящее или будущее — никаких вирусов или микробов.

— С этим ясно, — оборвал его мистер Дануорти. — Давайте вторую теорию.

— Вторая теория Фудзисаки состоит в том, что

диссонансы возможны, однако у континуума имеется встроенный страховочный механизм.

— Сдвиги, — кивнул мистер Дануорти.

— Да. Сдвиг предотвращает практически любой возможный диссонанс, перемещая путешественника во времени подальше от опасного места. Однако, по теории Фудзисаки, величина сдвигов ограничена, и когда ее оказывается недостаточно, чтобы предотвратить парахронизм, возникает диссонанс.

— И как он выражается?

— Теоретически он меняет ход истории вплоть до уничтожения Вселенной в случае совсем уж кардинальных перемен, но в современной сети на этот счет предусмотрена защита. Узнав о такой опасности, сеть настроили закрываться автоматически, как только сдвиги начнут достигать критических величин. Фудзисаки же утверждает, что в случае возникновения диссонанса (хотя это в принципе невозможно) включатся другие защитные механизмы, исправляющие сбой. Проявляются они, — Ти-Джей заскользил взглядом по своим заметкам, — «как резкий рост сдвигов вокруг диссонансного очага и увеличение числа случайных совпадений…»

— В Ковентри никаких совпадений не отмеча-

лось? — повернулся ко мне мистер Дануорти.

— Нет.

— На барахолках тоже?

Я покачал головой. А ведь как было бы здорово совершенно случайно наткнуться на епископский пенек где-нибудь между кокосовым тиром и розыгрышем сливового пирога…

— Еще признаки имеются? — спросил мистер Дануорти у Ти-Джея.

— Рост сдвигов в периферийных темпоральных областях.

— Размеры периферийных областей?

Ти-Джей задумчиво пожевал губу.

— Фудзисаки считает, что для исправления диссонанса хватает пятидесяти лет, но это ведь все в теории…

— Еще признаки?

— В самых серьезных случаях — неполадки в работе сети.

— Какого рода?

— Сеть не откроется, — нахмурился Ти-Джей. — Либо возникнет раскоординация с пунктом назначения. Хотя, по мнению Фудзисаки, это статистически маловероятно, и континуум обладает большим запасом прочности, иначе давно бы уже распался.

— А если диссонанс точно случился, но резкого скачка в сдвигах нет? — допытывался Дануорти. — Значит ли это, что диссонанс сгладился, не успев отразиться на континууме?

— Выходит, что так, — кивнул Ти-Джей. — Иначе без крупных сдвигов бы не обошлось.

— Отлично. Спасибо за службу, мичман Клепперман! — Мистер Дануорти подошел к серафиме, которая сердито барабанила по клавишам пульта. — Цербер, мне нужен список всех перебросок в 1880-е — 90-е с указанием величины сдвига и нормативных параметров.

— Я Уордер, — поправила его серафима. — И я сейчас не могу. У меня стыковка.

— Стыковка подождет. — Он вернулся к Ти-Джею. — Льюис, а вас я попрошу отследить все нетипичные взбрыки.

По крайней мере так я расслышал. В ушах у меня снова завыла сирена, к которой примешивалось размеренное бабаханье зениток.

— И перегрызки.

— Да, сэр, — пообещал Ти-Джей и вышел.

— Финч, где каска? — спросил мистер Дануорти.

— Все здесь, у него, — ответил Финч, хотя никакой каски на мне не было, только белые фла-

нелевые брюки и жилет. Тем более каска — это для Второй мировой, викторианцам полагались другие головные уборы. Шляпы, цилиндры и еще такие жесткие круглые, как они назывались? На букву «Н».

Надо мной склонилась серафима (выходит, я снова уселся) и подняла примерять пиджаки.

— Руку сюда! — скомандовала она, втискивая меня в коричнево-полосатый. — Другую, правую.

— Рукава коротковаты, — отметил я, глядя на торчащие запястья.

— Как вас зовут?

— Что? — Я попытался сообразить, какая связь между моим именем и короткими рукавами.

— Имя-фамилия! — рявкнула она, сдергивая коричнево-полосатый и напяливая на меня красный.

— Нед Генри. — В красном руки утонули до кончиков пальцев.

— Хорошо, — одобрила серафима, вытряхивая меня из красного и вручая белый с синим. — Не придется изобретать для вас подходящее эпохе имя. — Она одернула рукава. — Пойдет. Постарайтесь обойтись без купания в Темзе, мне некогда искать еще костюмы. — Она нахлобучила мне на голову соломенное канотье.

— Да, шляпа имеется, мистер Дануорти, вы были правы, — сказал я, но профессора рядом не оказалось. Финча тоже, а серафима уже выбивала пулеметную дробь на пульте.

— Бадри, паразит, все не возвращается! Оставил меня тут одну, хоть разорвись. Координаты задай, костюмы разыщи, историк уже битый час ждет в сети, пока я его перекину обратно… Так что с вашей срочной переброской вполне можно и повременить, поскольку незамужних девиц повсюду сопровождали компаньонки — как правило, кузины или тетушки… старые девы, и до самой помолвки им не позволялось оставаться с мужчиной наедине… Нед, сосредоточьтесь!

— Я слушаю, — встрепенулся я. — Незамужних девиц повсюду сопровождали компаньонки.

— А ведь я с самого начала говорил, что затея сомнительна, — вставил невесть откуда взявшийся рядом Финч.

— Больше отправить некого, — вздохнул мистер Дануорти. — Нед, слушайте внимательно. Вот что вам нужно сделать: вы попадете в седьмое июня 1888 года, в десять часов утра. Река будет слева от десертной вилки, которая используется для пирожных и сладкого. Для десертов типа Мачингс-Энд пригодится также десертный нож и…

Нож. Нужды. Наяды! Вот как они назывались! Гилас и наяды. Он пошел к воде набрать кувшин, и они утянули его за собой на дно, в самую глубину, обвивая струящимися волосами и рукавами.

— Главное — верните, а дальше занимайтесь чем душе угодно. Две недели в полном вашем распоряжении. Можете кататься по реке, можете справа от десертной тарелки, лезвием вверх. — Мистер Дануорти хлопнул меня по плечу. — Поняли?

— Что? — переспросил я, но он уже не слушал. Он смотрел на сеть. Оттуда донесся громкий гул, заглушающий даже зенитки, и занавеси начали опускаться.

— Это что такое? — возмущенно обернулся он к серафиме.

— Стыковка, — ответила она, барабаня по клавишам. — Не могла же я оставить его болтаться там до завтра. Вытащу и сразу вас переброшу.

— Хорошо, — кивнул мистер Дануорти и снова хлопнул меня по плечу. — Я на вас рассчитываю, Нед, — донеслось до меня сквозь гул.

Кисейные занавеси опустились до пола и легли мягкими складками. Гул становился все пронзительнее, пока не слился с сиреной, сгустившийся воздух замерцал, и в сети возник Каррадерс,

который тут же запутался в складках, пытаясь выбраться.

— Стойте смирно, подождите, пока поднимется полог, — велела серафима, щелкая кнопками. Занавеси приподнялись до колена и замерли.

— Куда еще-то ждать? — выныривая из-под них, рявкнул Каррадерс. — Я два часа там проторчал! Где вас черти носили?

Выпутавшись, он, прихрамывая, двинулся к пульту. Весь в грязи, одного сапога не хватает, на псевдоформенной штанине зияет дыра и болтается полуоторванный лоскут.

— Какого дьявола вы не забрали меня сразу же после установления привязки? Знали ведь, где я очутился!

— Меня отвлекли, — заявила серафима, сердито косясь на мистера Дануорти и воинственно скрещивая руки на груди. — Где ваш сапог?

— В зубах этой бешеной псины! Повезло еще, что ногу не оттяпала.

— Это был подлинный вэпээсный веллингтон, — вздохнула серафима. — А с формой вы что сотворили?

— С формой? Да ничего особенного, просто битых два часа спасал свою шкуру. Меня выкинуло все на то же треклятое кабачковое поле. Только

на этот раз, видимо, позже, чем в предыдущий, потому что фермерша меня там уже поджидала. С собаками. Целую свору собрала — в рамках помощи фронту. По всему Уорвикширу небось клянчила… А ты что здесь делаешь? — Каррадерс вытаращил глаза, увидев меня, и похромал навстречу. — Ты же должен быть в лечебнице.

— Я отправляюсь в 1888-й.

— Просил ведь сестру не говорить леди Шрапнелл, что ты снова тут, — с досадой буркнул он. — Зачем она шлет тебя в девятнадцатый? Это насчет той пра-прабабки?

— Пра-пра-пра-пра, — уточнил я. — Нет, она ни при чем. Врач прописал две недели строгого постельного режима, вот мистер Дануорти и устроил мне отдых.

— Не получится, — покачал головой Каррадерс. — Ты должен вернуться в Ковентри искать епископский пенек.

— Я этим и занимался, ты сам меня оттуда выпихнул. Припоминаешь?

— А что было делать? Ты нес феерический бред — про благородного пса, лучшего друга человека на поле брани и у домашнего очага. На вот, полюбуйся, что сделал твой лучший друг! — Он помахал полуоторванным лоскутом комбине-

зона. — На поле брани! Этот благороднейший соратник чуть инвалидом меня не оставил. Когда тебя ждать обратно?

— Сестра сказала, две недели никаких переброс-ок. Зачем было сдавать меня в лечебницу, если я нужен в Ковентри?

— Я думал, они обойдутся уколом или таблеткой. Кто знал, что тебе запретят переброски… Как же ты теперь будешь искать епископский пенек?

— А ты его не нашел после моего отбытия?

— Я даже до собора не добрался. Весь день бьюсь, дальше кабачковых полей не пускает. Треклятые сдвиги…

— Сдвиги? — вскинулся мистер Дануорти. — Увеличилась величина сдвигов?

— Я ведь вам говорил, — напомнил я. — Кабачковое поле.

— Какое-какое?

— На полдороге к Бирмингему. С собаками.

— Я не могу попасть к Ковентрийскому собору в пятнадцатое число, сэр, — объяснил Карра-дерс. — Только за сегодня из четырех попыток самая близкая — восьмое декабря. Нед пока подобрался ближе всех, поэтому я и хочу, чтобы он вернулся и еще раз покопался на развалинах в

поисках епископского пенька.

Мистер Дануорти в недоумении наморщил лоб.

— А не проще ли искать пенек еще до налета, четырнадцатого числа?

— Вот этим мы две недели и занимаемся, — ответил Каррадерс. — Леди Шрапнелл велела выяснить, находился ли он в соборе во время бомбежки, поэтому изначально переброска предполагалась в без четверти восемь, как раз к началу налета. Но мы постоянно промахиваемся. Либо день не тот, либо время тютелька в тютельку, но в шестидесяти милях от нужного места, посреди кабачкового поля. — Он кивнул на свою заляпанную грязью форму.

— Мы? — нахмурился Дануорти. — И сколько вас таких уже промахивалось?

— Шестеро. Нет, семеро, — посчитал Каррадерс. — Все, кто не был занят на других заданиях.

— Насколько я знаю, посылали всех по очереди, — вставил я. — Поэтому меня и сорвали с барахолок.

— А с ними что?

— Да ничего особенного, это такая церковная ярмарка, где продают всякое ненужное барахло, в основном купленное на прошлом благотвори-

тельном базаре, и еще разное рукоделие. Чайные коробочки, вышитые игольницы, перочистки…

— Что такое благотворительный базар, я знаю, — прервал меня мистер Дануорти. — Я спрашиваю, были ли сдвиги на этих заданиях.

— Не больше обычного, — покачал головой я. — Разве что пространственные, не дающие заметить меня в момент появления — обычно меня выбрасывало где-нибудь за домом священника или чайным шатром.

Дануорти резко повернулся к Каррадерсу.

— А на сколько сдвигались ковентрийские переброски? Когда все-таки удавалось переместиться именно в Ковентри.

— По-разному. Паульсон вот попал в двадцать восьмое ноября. — Каррадерс помолчал, подсчитывая. — В среднем получается около суток. Самое близкое, куда удалось прорваться, — пятнадцатое днем, а теперь я даже туда не могу попасть. Поэтому мне нужен Нед. Новенький еще там, и вряд ли он знает, как возвращаться. Мало ли каких дров без присмотра наломает.

— Да уж… — пробормотал мистер Дануорти. — Скажите, увеличение сдвигов отмечается на всех перебросках или только на ковентрийских? — спросил он у серафимы.

— Понятия не имею. Я костюмер. Я всего лишь замещаю Бадри. Это он оператор сети.

— Бадри, точно! — воодушевился мистер Дануорти. — Замечательно! Где Бадри?

— С леди Шрапнелл, сэр, — ответил Финч. — И боюсь, они оба скоро будут тут.

Мистер Дануорти словно не слышал.

— За то время, что вы его замещаете, — продолжал он расспрашивать Уордер, — проводились ли переброски куда-то еще, кроме окрестностей собора четырнадцатого ноября 1940 года?

— Да, одна. В Лондон.

— И какой там вышел сдвиг?

Серафима, судя по выражению лица, хотела отрезать: «Мне некогда!» — но передумала и замолотила по клавишам.

— Пространственный — нулевой. Временной — восемь минут.

— Значит, дело в Ковентри, — задумчиво проговорил мистер Дануорти себе под нос. — Восемь минут вперед или назад?

— Назад.

Он повернулся к Каррадерсу.

— Вы пробовали перемещаться в Ковентри пораньше и дождаться бомбежки уже там?

— Да, сэр. Всех перекидывало на более позднее

время.

Мистер Дануорти снял очки, пристально изучил их и нацепил обратно.

— Сдвиги получаются разными или последовательно увеличиваются?

— Увеличиваются.

— Финч, пойдите узнайте у Киндл, заметила ли она какие-нибудь загадочные совпадения или странности в Мачингс-Энде. Нед, оставайтесь пока здесь. Мне нужно поговорить с Льюисом.

Мистер Дануорти вышел.

— Что все это значит? — Каррадерс озадаченно посмотрел ему вслед.

— Брошка леди Уиндермир, — пояснил я, садясь.

— Вставайте! — велела серафима. — Переброска готова. Занимайте позицию.

— Может быть, дождаться мистера Дануорти? — засомневался я.

— У меня девятнадцать переброс на очереди, плюс еще одна срочная для мистера Дануорти, а еще…

— Хорошо-хорошо.

Я подхватил ранец, портплед, саквояж, корзину и двинулся к сети. Занавеси по-прежнему свисали почти до самого пола. Пришлось поставить

часть поклажи на пол, приподнять вуаль, поднырнуть, а потом втащить багаж.

«Викторианская эпоха отличалась стремительным развитием науки и техники, — заявил наушник. — Телеграф, газовое освещение, дарвиновская теория происхождения видов радикально меняли образ жизни и сознание людей».

— Возьмите багаж и встаньте на отметку, — скомандовала серафима.

«Изменилось, в частности, отношение к путешествиям и поездкам. Изобретение паровоза и появление в 1863 году первой подземной железной дороги подарило викторианцам возможность путешествовать с невиданными прежде скоростями и на невиданные расстояния».

— Готовы? — Серафима занесла руку над пультом.

— Кажется. — Я оглянулся, проверяя, все ли втащил в сеть, и обнаружил торчащий наружу угол корзинки. — Минуточку! — Я подтянул ее к себе носком ботинка.

— Ну что, готовы?

«Доступность путешествий расширила горизонты сознания викторианцев и начала стирать классовые границы, которые…»

Серафима, рывком раздвинув занавеси, сдерну-

ла с меня наушник и вернулась за пульт.

— Готовы наконец?

— Да.

Она забарабанила по клавишам.

— Стойте! Я не знаю, куда мне.

— Седьмое июня 1888 года, — отчеканила она под дробный перестук.

— Я имею в виду, куда мне там идти, — пояснил я, перебирая складки занавесей в поисках щели. — Я не совсем расслышал мистера Дануорти. Из-за переброcочной болезни. Тугоухость.

— Тугодумие! — буркнула она. — Мне некогда!

Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

— Где мистер Дануорти? — донесся ее голос из коридора. Вопрос, видимо, адресовался Финчу.

Вроде бы мистер Дануорти говорил про Мачингс-Энд и про лодку — или это было в наушнике? «Пустяковое дело, даже ребенок справится», — так вроде бы он сказал.

— Где он? — повторила в коридоре серафима неожиданно похожим на леди Шрапнелл голосом.

— Где кто? — уточнил Финч.

— А то вы не знаете! — загремело за стеной. — И не говорите, что он в больнице. Я уже достаточно наигралась сегодня в кошки-мышки. Он здесь,

так?

Мамочки.

— Отойдите от двери, пропустите меня! — бушевала леди Шрапнелл.

Выронив багаж, я лихорадочно озирался в поисках укрытия.

— Нет, его там нет, — храбро отпирался Финч. — Он в Рэдклиффе.

Прятаться было негде, по крайней мере в этом столетии. Поднырнув под занавеси, я метнулся к пульту, молясь про себя, чтобы серафима успела ввести все настройки.

— А я говорю, в сторону! Бадри, велите ему отойти. Мистер Генри там, и я требую, чтобы он принимался искать мой епископский пенек, а не отлынивал, симулируя какие-то там перебросочные болезни.

— Он не симулирует, — вступился Финч. — У него острейший приступ. Двоение в глазах, трудности со слухом, нарушение логических связей…

На экране светилась надпись: «Готово. Нажмите „отправить“». Я прикинул расстояние до сети.

— Он слишком слаб для переброс ок, — заявил Финч.

— Глупости! — отрезала леди Шрапнелл. — Немедленно отойдите от двери и пропустите меня.

Глубоко вдохнув, я нажал «отправить» и рыбкой нырнул в сеть.

— Поверьте мне! — в отчаянии увещевал Финч. — Его там нет. Он в Крайст-Черче.

— С дороги! — скомандовала леди Шрапнелл. В коридоре началась возня.

Я приземлился подбородком прямо на метку. Опускающиеся занавеси накрыли торчащий наружу ботинок, и я поджал ногу.

— Мистер Генри, я знаю, что вы там! — протрубила леди Шрапнелл, и дверь распахнулась.

— А ведь я говорил, — раздался голос Финча. — Его там нет.

Меня тут же не стало.

Глава четвертая

Все пути ведут к свиданью.
Уильям Шекспир

Жесткая посадка — Разница между литературой и действительностью — Сходство паровозных гудков и воздушной сирены — Польза адреналина — Я раздумываю о своем задании — Говардс-Энд — Вовремя подвернувшаяся газета — Две пассажирки — Опоздание — Альма-матер — «Оксфорд, город грезящих шпилей» — Журнал мод — Судьба — Разгадка тайны столбенеющего перед змеей кролика — Знакомство

Я вывалился прямо на рельсы, растянулся поперек, словно Перл Уайт в сериале начала двадцатого века — только у нее багажа было поменьше. Портплед и К° живописно рассыпались вокруг, а с ними и канотье, слетевшее с головы, когда я нырял в сеть.

В ушах все еще гремел голос леди Шрапнелл. Я настороженно огляделся, поднимаясь, — нет,

вроде не видно. Реки с лодками, впрочем, тоже. Рельсы тянулись по травянистой насыпи, вдоль которой росли деревья.

Первое правило после выхода из сети — определиться во времени и пространстве, но как, скажите на милость? Здесь определенно лето: небо голубое, между шпалами какие-то цветочки, однако никаких других признаков цивилизации, кроме железной дороги, не наблюдается. Значит, где-то после 1804 года.

В визиках герою непременно попадается на глаза газета с громким заголовком типа «Налет на Перл-Харбор» или «Осада Мафекинга снята!» — а рядом витрина с точнехонько идущими часами.

Я машинально взглянул на свои. Их не было, и я в замешательстве уставился на запястье, вспоминая — может, их сняла Уордер, когда мерила на меня все эти пиджаки? Кстати, она, кажется, что-то совала в карман жилета. Пошарив там, я вытащил часы на золотой цепочке. Карманные. Да, правильно, в девятнадцатом веке наручные были бы анахронизмом.

Открыть «луковицу» удалось не сразу, римские цифры тоже поначалу доставили хлопот, но в конце концов я разобрался. Четверть одиннадцатого. За вычетом времени, что я лежал на рельсах

и возился с часами, считай, попал тютелька в тютельку. Если, конечно, год правильный. И место.

Не зная, куда именно меня предполагалось забросить, я не мог определить, туда ли попал, но если временной сдвиг незначительный, то, наверное, и пространственный должен быть небольшим.

Я скользнул взглядом вдоль путей — сначала в одну сторону, потом в другую. На севере стальная нитка терялась в густом лесу. С противоположного конца деревья обступали железную дорогу не так плотно, и в небо уходила темная струйка дыма. Фабрика? Или лодочная станция?

Надо бы собрать вещи и пойти посмотреть, но я застыл на путях под ласковым летним солнцем, блаженно впитывая благоухание клевера и свежескошенной травы.

Сто шестьдесят лет отделяли меня от выхлопных газов, пробок и епископского пенька. Нет, вру. Епископский пенек передали Ковентрийскому собору в 1852 году.

Удручающая мысль. Однако Ковентрийского собора еще нет. Церковь Святого Михаила получит статус соборной только в 1908 году. И леди Шрапнелл не существует даже в проекте. До ее трубного гласа, до злобных псов и до разбомб-

ленных соборов еще целый век — вокруг меня благословенная цивилизованная эпоха, когда время текло размеренно и чинно, а женщины были кроткими и благонравными.

Я окинул взглядом купы деревьев и цветочный ковер. Между рельсами желтели лютики и белели еще какие-то крошечные звездочки. Сестра в лечебнице сказала, что мне нужен покой — чего-чего, а покоя здесь хватает. Самую малость постоял на рельсах, а симптомы как рукой сняло. И в глазах не плывет, и сирена в ушах не гудит.

Нет, поторопился. Сирена взвыла снова, а потом так же резко смолкла. Я помотал головой, избавляясь от наваждения, и несколько раз глубоко вздохнул.

Да, я еще не выздоровел, но скоро поправлюсь — дивный чистейший воздух творит чудеса. На небе ни облачка — разве что струйка дыма стала выше и, кажется, ближе. Фермер жжет сорную траву?

Посмотреть бы на него — как он безмятежно помахивает граблями, не ведая о заботах и суете современного мира, у крыльца увитого розами домика, обнесенного белым штакетником, а в домике уютная кухонька и мягкие перины, и…

Сирена взревела прерывисто — как фабричный

гудок. Или паровозный.

Адреналин — на редкость эффективный стимулятор. Встряхивает не хуже электрического разряда, придавая немыслимую силу. И скорость.

Похватав ранец, корзину, портплед, саквояж, картонки и шляпу, которая умудрилась за это время слететь снова, я швырнул их с насыпи и сам кинулся следом, когда плюмаж черного дыма уже показался из-за деревьев.

Корзина с крышкой, о которой так беспокоился Финч, осталась на путях — стояла себе на дальнем рельсе, не шелохнувшись. Адреналин толкнул меня к ней, заставив схватить в охапку и скатиться с насыпи под оглушительный грохот промчавшегося поезда.

Да, пожалуй, до выздоровления далековато. Я еще долго лежал у подножия насыпи, осмысливая этот печальный факт и пытаясь справиться с дыханием.

Наконец я приподнялся. Насыпь была довольно высокой, а мы с корзиной откатились на порядочное расстояние (прежде чем нас притормозили заросли крапивы). Отсюда открывался совсем другой вид: белеющий за ольшаником угол какой-то деревянной постройки в кружевной

резьбе. Очень похоже на лодочную станцию.

Выпутавшись вместе с корзиной из крапивы, я вскарабкался по насыпи и осторожно посмотрел направо-налево. Дыма не заметно, тревожных звуков не слышно. Успокоившись, я перемахнул на другую сторону, подхватил свое добро, бодрой рысцой перебежал обратно и зашагал через рощу к лодочной станции.

Адреналин, кроме прочего, прочищает мозги, поэтому по дороге я отчетливо осознал несколько несложных истин, в том числе самую главную: понятия не имею, зачем мне туда нужно.

Мистер Дануорти сказал: «В первую очередь вам нужно…» — это я помню, а потом идет сплошной сумбур из ложек для стилтона, воротничков и сирены. И еще помню, он пообещал, что оставшиеся две недели в полном моем распоряжении. Оставшиеся. Не все. А напутственная фраза Финча: «Мы на вас рассчитываем»?

В чем рассчитывают? Что-то там было про лодку и реку. И какой-то Энд. Одли-Энд? Нет, непохоже. Начиналось на «Н». Или это я путаю с водяной нимфой? Надеюсь, вспомнится, когда приду к станции.

Станция оказалась не лодочной. А железнодорожной. Резная табличка над зеленой скамьей

гласила: «Оксфорд».

И как теперь быть? В Оксфорде есть и лодки, и река. Но раз меня перебросили на станцию, не предполагалось ли, что я должен доехать поездом до Какого-то-Энда, а уже там сесть в лодку? Вроде бы мистер Дануорти что-то говорил насчет железной дороги. Или это в наушниках говорили?

Что, если на станцию я попал в результате сдвига, а на самом деле конечной точкой переброски назначался мост Фолли? Про лодки и реку точно говорилось, я помню.

С другой стороны, не многовато ли у меня багажа для лодки?

Рядом со скамейкой на перроне возвышалась застекленная доска объявлений. Расписание. Можно глянуть, и если там обнаружится Какой-то-Энд, значит, нужно садиться на поезд.

Перрон был пустынным — по крайней мере пока. Высокий, но не смертельно. Небо по-прежнему безоблачное — горизонт чист в обе стороны. Я внимательно посмотрел на пути, потом на дверь в зал ожидания. Ничего и никого. Еще раза три-четыре повертев головой — для надежности, — я метнулся через пути, закинул багаж на перрон и вскарабкался сам.

По-прежнему никого. Нагромоздив свои пожит-

ки на краю скамьи, я направился к расписанию. Вот и направления — Рединг, Ковентри, Нортгемптон, Бат. Может, какая-то из промежуточных станций? Эйлсбери, Дидкот, Суиндон, Абингдон. Я проштудировал весь список. Ни единого Энда.

Что теперь — идти на станцию и спрашивать, когда ближайший поезд до Невесть-какого-Энда? Как же там было? Говардс-Энд? Нет, это роман Форстера, и он еще не написан. На Терл-стрит есть паб под названием «Биттер-Энд», но и это явно мимо. Начинается на «Н». Нет, это наяда. Тогда на «М».

Я вернулся на скамейку и напряг память. Мистер Дануорти сказал: «Вот что вам нужно сделать…» — потом начал про вилки для устриц и чаепитие у королевы. Нет, это не он, это из наушников. А, вот: «Вас отправят в седьмое июня 1888 года».

Наверное, лучше сперва установить, действительно ли я попал в седьмое июня 1888 года, а затем уже разбираться с остальным. Если я промахнулся во времени, мне точно никуда не надо ни поездом, ни на лодке. Нужно сидеть на месте, пока Уордер не установит привязку, не определит сбой и не создаст стыковку, чтобы меня вытащить. Ладно, хоть не кабачковое поле,

и то хорошо.

Между прочим (до меня только теперь дошло), Уордер ведь наверняка ставила мои часы по заданному времени переброски. Так что и время не показатель.

Я заглянул в окно станции — нет ли внутри часов? Есть. Без двадцати одиннадцать. Я сверился со своей «луковицей». Без двадцати XI.

В книгах и визиках непременно полагается мальчишка-газетчик, услужливо разворачивающий страницу датой к путешественнику, или где-нибудь на стене календарь с вычеркнутыми днями. Тут же ни календаря, ни газетчика, ни словоохотливого носильщика, роняющего: «Чудная погодка для седьмого июня, не то что в прошлом году. В восемьдесят седьмом лета, почитай, и не было вовсе».

Я снова сел на скамью, пытаясь сосредоточиться. Мальборо-Энд, Мидлсекс-Энд, Монтекки-Энд, Марплз-Энд…

Просигналив гудком (теперь я узнал его моментально), мимо станции с грохотом и ревом промчался поезд, и мою шляпу сорвало порывом ветра. Я побежал вдогонку, поймал ее и уже нахлобучил на макушку, когда ноги мне облепил подхваченный тем же порывом газетный лист.

Я развернул его и посмотрел на заголовок. «Таймс. 7 июня 1888 года».

Значит, со временем осечки нет, осталось только разобраться, что мне здесь нужно сделать.

Я плюхнулся на скамью и сжал виски ладонями, чтобы лучше думалось. Каррадерса вытащили без сапог, Уордер хлопнула планшетом, мистер Дануорти что-то сказал насчет реки и связного. Связной!

«Свяжитесь с Теннисоном», — велел он. Только не с Теннисоном. Хотя начиналось на «Т». Или на «А». И Финч тоже что-то говорил про связного. Связной…

Теперь понятно, почему я не в курсе насчет дальнейших действий. Мне было велено только найти связного, а уже тот (или та?) все разъяснит. Какое облегчение! Ладно, положимся на связного.

Теперь самые пустяки — выяснить, кто этот связной и где он. «Свяжитесь с…» — зазвучал в ушах голос мистера Дануорти. С кем? С Чизвиком! Нет, это начальник Управления путешествий во времени. То есть бывший начальник. «Свяжитесь с…» Клепперманом? Мичман Клепперман. Нет, это тот моряк, который погиб при исполнении. Потому что его некому было проинструктиро-

вать.

«Свяжитесь...» С кем? Словно в ответ, тишину разорвала череда оглушительных гудков, и к станции подкатил поезд. Плюясь искрами и выпуская клубы пара, состав постепенно остановился. С подножки третьего вагона спрыгнул проводник, поставил перед дверью обитую плюшем приступку и поднялся обратно.

Через несколько минут он выскочил снова — с шляпной картонкой и большим черным зонтом. Свободную руку он подал сперва хрупкой пожилой даме, потом барышне помоложе, помогая спуститься.

Глядя на кринолин, капор и кружевные перчатки пожилой пассажирки, я сперва заподозрил, что все-таки ошибся веком, но длинная юбка в мягкую складку и сдвинутая на лоб плоская шляпка барышни меня разубедили. Личико у младшей было миловидное, а голос, которым она перечислила проводнику места багажа, вполне кроткий и благонравный.

— А я тебе говорила, что он нас не встретит! — констатировала пожилая безапелляционным тоном леди Шрапнелл.

— Наверняка вот-вот появится, тетушка, — заверила барышня. — Должно быть, задержался по

университетским делам.

— Вздор! Опять сумасбродничает, — хмыкнула пожилая (надо же, они и в самом деле так изъяснялись). — Сидит где-нибудь с удочкой — вот еще занятие для солидного человека! Ты ему написала, когда мы приезжаем?

— Да, тетушка.

— И время, надо думать, указала?

— Конечно, тетушка. Уверена, он вот-вот будет.

— А мы до той поры изжаримся на солнцепеке.

Солнце всего лишь ласково пригревало — с другой стороны, это не я упакован в черное шерстяное платье с воротником под горло. И кружевные перчатки.

— Несусветная духота. — Дама принялась копаться в расшитом бисером ридикюле, ища платок. — Мне дурно. Осторожнее! — рявкнула она проводнику, который возился с огромным сундучищем. Финч был прав. Они действительно путешествуют с кофрами. — Задыхаюсь… — пробормотала тем временем тетушка, слабо обмахиваясь платком.

— Садитесь сюда, посидите. — Барышня заботливо подвела ее к соседней скамье. — Дядюшка не заставит себя ждать, вот увидите.

Зашуршав крахмальными нижними юбками,

дама грузно опустилась на сиденье.

— Не так! — одернула она носильщика. — Это все Герберт виновата. Ишь выдумала, замуж! Как раз когда я собралась в Оксфорд. Не поцарапайте обивку!

Ни одна из пассажирок на роль связной не подходила, зато у меня, кажется, наладился слух. И, что немаловажно, я понимал сказанное — а в прошлом это совершенно не гарантировано. На первой благотворительной ярмарке меня ставило в тупик каждое десятое слово: филонить, гамаши, коверкот, непроливайка, штопальный гриб, пасма, гуммиарабик…

И склонность к сентиментальности вроде бы тоже прошла. Миловидное личико барышни (сердечком!) и изящные точеные лодыжки в белых чулочках, мелькнувших, когда она спускалась на перрон, не навевали ни малейших ассоциаций ни с сильфидами, ни с херувимами. Кстати, и те, и другие выговорились без запинки — тоже отлично. Похоже, я полностью излечился.

— Он совершенно про нас позабыл, — проворчала тетушка. — Придется нанимать кукушку.

Гм, кажется, все-таки не полностью.

— Что вы, думаю, нет нужды искать экипаж самим, — возразила барышня. — Дядюшка не

мог забыть.

— Тогда где же он, Мод? — Дама расправила юбки, занимая ими всю скамью. — И Герберт туда же? Замуж ей, видите ли! Других занятий не нашлось! Где ей было взять подходящую партию? Ухажеров я запретила строго-настрого, а значит, она связалась с неподходящим. Каким-нибудь прощелыгой из мюзик-холла. — Дама понизила голос. — Или хуже.

— Насколько я понимаю, они познакомились в церкви, — терпеливо пояснила Мод.

— В церкви! Неслыханно! Куда катится мир! В мое время в церкви исполняли священный долг, а не заводили шашни. Попомни мои слова, еще сто лет, и собор будет не отличить от мюзик-холла!

«Или торгового центра», — согласился я про себя.

— А всё эти проповеди о христианской любви! — распалялась тетушка. — То ли дело прежде — о смирении, о том, чтобы знать свое место. И о пунктуальности. Твоему дядюшке не помешало бы послушать… Ты куда?

Мод направлялась к двери на станцию.

— Посмотрю время. Может статься, это не дядюшка опаздывает, а поезд пришел раньше.

Я с готовностью вытащил часы и щелкнул

крышкой, надеясь, что не запутаюсь в цифрах.

— И оставишь меня здесь одну? — возмутилась тетушка, погрозив Мод пальцем в перчатке. — Наедине бог весть с кем? Некоторые, — театральным шепотом возвестила она, — только и ждут случая навязаться к одинокой женщине с беседами.

Я захлопнул часы, опустил их в карман жилета и принял самый безобидный вид.

— Чтобы затем, — обличал театральный шепот, — похитить у бедняжки багаж! Или хуже.

— Сомневаюсь, что наши вещи кому-то под силу даже поднять, а тем более похитить, — вполголоса возразила Мод, сразу взлетев в моих глазах.

— Тем не менее я должна за тобой присмотреть, коль скоро братец не явился нас встречать, и мой долг — уберечь тебя от пагубного влияния. — Тетушка мрачно покосилась на меня. — Ни минутой дольше здесь не останусь! Сдайте это все в камеру хранения, — велела она проводнику, которому наконец удалось водрузить кофры и три обширные круглые картонки на багажную тележку. — И не забудьте квитанцию.

— Поезд вот-вот отправится, мэм, — запротестовал проводник.

— Я уже сошла. И наймите нам коляску. С приличным извозчиком.

Проводник в отчаянии оглянулся на поезд, выпускавший огромные клубы пара.

— Мэм, я обязан находиться в вагоне во время отправления. Иначе потеряю работу.

Я хотел было вызваться поискать экипаж, но передумал — чего доброго тетушка примет меня за Джека-потрошителя. Или это анахронизм? Орудовал ли Джек в 1888 году?

— Вздор! Работу вы потеряете, если я сообщу начальству о вашей безалаберности, — пообещала тетушка. — К какой дороге вы относитесь?

— К Большой западной, мэм.

— Так вот, она скоро изрядно измельчает, если будет и дальше позволять сотрудникам бросать багаж пассажиров на перроне на растерзание мелким жуликам. — Еще один подозрительный взгляд в мою сторону. — И отказывать в помощи слабым пожилым дамам.

Носильщик, явно несогласный с эпитетом «слабый», посмотрел на паровоз, который уже вращал шатунами, потом на дверь станции, словно прикидывая расстояние, затем козырнул и покатил тележку к камере хранения.

— Пойдем, Мод. — Тетушка зашуршала юбками, поднимаясь из своего кринолинового гнезда.

— А если приедет дядюшка? — усомнилась

Мод. — Мы разминемся.

— Научится не опаздывать, — отрезала тетушка и двинулась вперед.

Мод пристроилась в кильватере, кинув мне напоследок извиняющийся взгляд.

Поезд тронулся и начал набирать ход, огромные колеса вращались все быстрее. Я встревоженно оглянулся на дверь станции, но бедняга проводник не показывался. Медленно проплыли мимо пассажирские вагоны, потом зеленый багажный. Нет, не успеет. Наконец, покачивая фонарем, проехал вагон охраны — а за ним, вылетев пулей из распахнутой двери, промчался проводник и махнул тигриным прыжком с края перрона. Я вскочил.

Ухватившись за уплывающий поручень, он приземлился на нижнюю подножку и скорчился там, тяжело дыша. А потом погрозил кулаком в сторону оставшегося позади вокзала.

Наверняка в будущем он станет социалистом и примется пропихивать лейбористов в парламент.

А тетушка? Эта как пить дать переживет всю родню, но слуг в завещании не упомянет ни единым словом. Надеюсь, она благополучно дотянула до двадцатых, где ей как следует отравили

существование сигареты и чарльстон. А Мод, хочется верить, встретила подходящую партию — хотя, боюсь, под неусыпным тетушкиным оком ее шансы равны нулю.

Я посидел на скамье еще немного, размышляя над их будущим и над своим собственным, которое казалось куда более туманным. Следующий поезд только в двенадцать тридцать шесть — из Бирмингема. Мне ждать связного здесь? Или предполагалось добраться в Оксфорд и отыскать его там? Кажется, мистер Дануорти что-то говорил про конку. Но откуда здесь конка? «Связной», — отчетливо произнес голос мистера Дануорти.

Тут станционная дверь распахнулась, и на перрон со скоростью догонявшего поезд проводника вылетел молодой человек. Одет как я, в белый фланелевый костюм, и усы тоже кривоватые, а в руках канотье. Выскочив на платформу, он стремительно прошагал в дальний конец, явно кого-то ища.

Вот он мой связной! Не встретил меня, потому что задержался. Словно в подтверждение, он вытащил карманные часы и с завидной ловкостью щелкнул крышкой.

— Опоздал, — констатировал он, захлопывая

«луковицу».

Если это связной, он сам себя как-то обозначит, или мне полагается шепнуть ему: «Кхм, я от Дануорти»? А может, я должен знать отзыв на какой-нибудь пароль? Он мне: «Мармозетка отчаливает в полночь», а я в ответ: «Воробей уже на елке»?

Пока я прикидывал, что лучше: «Луна заходит во вторник» или «Простите, вы, часом, не из будущего?» — он развернулся, скользнул по мне мимолетным взглядом, прошел на другой конец перрона и уставился на рельсы.

— Скажите, — обратился он ко мне, возвращаясь, — лондонский одиннадцатичасовой уже был?

— Да. Отошел пять минут назад.

«Отошел» — это правильно? Не анахронизм? Может, надо было сказать «отправился»?

Видимо, нет, поскольку молодой человек, пробормотав «так и знал», нахлобучил канотье и скрылся в здании станции.

Минуту спустя он появился снова.

— Скажите, вы не видели тут старых перечниц?

— Перечниц? — На меня повеяло барахолками.

— Парочку вдовушек — ну, у которых «путь зем-

ной сошел под сень сухих и желтых листьев»[2], согбенные, убеленные сединами, старость не радость — в таком духе. Должны были приехать лондонским поездом. В бомбазине и агатах, не иначе. — Он наконец заметил мое замешательство. — Две дамы в летах. Меня прислали их встретить. Не могли же они сами уехать? — Он растерянно повертел головой.

Наверняка подразумевались виденные мной две пассажирки, но молодой человек никак не годился в тетушкины братья, а к Мод не подходил эпитет «в летах».

— Обе пожилые? — уточнил я.

— Седая старина. Я их уже встречал как-то… в осеннем триместре. Не видели? Одна скорее всего в вязаном и в фишю. А другая — типичная старая дева: сухопарая, востроносая, идейный синий чулок. Амелия Блумер и Бетси Тротвуд.

Нет, точно не они. И имена другие, и мелькнувшие на миг чулки точно были не синие.

— Нет, — уверенно ответил я. — Не видел. Была молодая барышня и…

Он мотнул головой.

— Не мои. Мои абсолютно допотопные — если

---

[2] Примечания: 2
Шекспир, Уильям. Макбет. Пер. М. Лозинского.

кто-то еще верит в Потоп. Интересно, куда бы их определил Дарвин? Допеласгические? Раннетрилобитские? Опять старик поезда перепутал, как пить дать.

Молодой человек подошел к расписанию и досадливо крякнул.

— Тьфу, пропасть! — (Еще одно выражение, до этого встречавшееся лишь в книгах). — Следующий из Лондона только в три восемнадцать, а это уже слишком поздно.

Он хлопнул шляпой по ноге.

— Ну, значит, пиши пропало. Разве только выцыганю что-нибудь у Мэгс в «Митре». На крону-другую она всегда расщедрится. Жаль, Сирила нет. Она от Сирила млеет.

Надев канотье, молодой человек удалился внутрь станции.

Вот тебе и связной. Тьфу, пропасть!

Ближайший поезд не раньше двенадцати тридцати шести. Может, нужно было дождаться связного в точке переброски? Взять багаж и вернуться к тому месту на путях? Найти бы его еще, это место… Эх, не додумался платком отметить.

Или встреча назначена у реки? Вдруг к связному надо приплыть на лодке? Я зажмурился. Мистер Дануорти что-то говорил насчет кол-

леджа Иисуса. Нет, это он давал распоряжения Финчу насчет реквизита. А мне: «Самое главное, что от вас требуется…» — потом про реку, крокет, Дизраэли и… Я зажмурился еще крепче, словно выжимая из себя воспоминание.

— Скажите… — раздался голос над ухом. — Не хочу показаться назойливым…

Я открыл глаза. Рядом стоял молодой человек, упустивший своих перечниц.

— Скажите, вы, часом, не на реку собирались? Ну, разумеется, куда же еще — канотье, блейзер, фланель, на сессию в таком не ходят, — а больше в Оксфорде в это время делать нечего. Бритва Оккама, как учит профессор Преддик. Я имею в виду, вы планировали прокатиться с друзьями — узким кругом, как говорится, — или в одиночку?

— Я…

Может, он все-таки связной, и это некая хитрая шифровка?

— Хотя нет, — спохватился он. — Я как-то не с того конца начал. Мы ведь не представлены. — Стянув левой рукой канотье с головы, он подал мне правую. — Теренс Сент-Трейвис.

Я пожал руку.

— Нед Генри.

— Вы из какого колледжа?

Банальнейший вопрос застал меня врасплох, потому что я усиленно вспоминал, фигурировал ли в наставлениях Дануорти какой-нибудь Теренс Сент-Трейвис.

— Из Баллиола.

Только бы он не оказался из Брейзноуза или Кибла…

— Так и знал! — обрадовался Теренс. — Баллиольца сразу видно. У Джоуэтта все как на подбор. А наставник у вас кто?

Кто преподавал в Баллиоле в 1888 году? Джоуэтт — ректор, в подопечные никого брать не мог. Рескин? Нет, он из Крайст-Черча. Эллис?

— Я этот год проболел, — решил я перестраховаться. — Возвращаюсь осенью.

— А пока врач порекомендовал вам речную прогулку, — понимающе кивнул Теренс. — Свежий воздух, покой, моцион и прочая дребедень. «Невинный отдых, распускающий клубок заботы»[3].

— Да, именно. — Как, интересно, он догадался? Может, он все-таки и есть связной? — Буквально нынешним утром он меня сюда и направил, — уточнил я на случай, если Теренс ждет кодовых

---

[3] Примечания: 3
Там же.

слов. — Из Ковентри.

— Ковентри? Это где святой Фома Бекет похоронен? «Избавит меня кто-нибудь от этого мятежного попа?»

— Нет, это в Кентербери.

— А в Ковентри тогда что? Да, точно, леди Годива, — просиял Теренс. — И любопытный Том.

Что ж, значит, не связной. Но все равно приятно оказаться во времени, когда Ковентри ассоциируется с леди Годивой, а не с разрушенными соборами и леди Шрапнелл.

— Так вот, — вернулся к теме Теренс, присаживаясь на скамью. — Мы с Сирилом собирались утром отправиться по реке — наняли лодку, отдали девятку залога, снарядились, и тут профессор просит встретить свой антиквариат, потому что ему самому недосуг — нужно писать про Саламинское сражение. Понятное дело, наставнику не откажешь, даже если у самого пожар, тем более когда ты ему обязан по гроб жизни за ту заварушку с памятником Мученикам, — он молоток, что отцу не сообщил, эх… Поэтому я оставил Сирила у моста Фолли присматривать за вещами, ну и за Джавицем заодно, чтобы не сплавил нашу лодку на сторону — с него станется, были случаи, и на залог не посмотрит, как в тот

раз, когда к Рашфорту сестра приехала на гонки восьмерок, — а сам пулей по Сент-Олдейт. Уже понятно было, что опоздаю, поэтому от Пембрука нанял пролетку. Денег осталось едва-едва в обрез за лодку заплатить, но я надеялся, что перечницы подкинут. Только вот старик перепутал поезда, а из содержания на следующий квартал тоже не возьмешь, потому что я все поставил на Бифштекса на дерби, а Джавиц с какой-то стати студентам в долг не верит. И вот я тут, в прострации, как Марианна в тоске по Анджело, а Сирил там, «как статуя Терпения застыв»…

Он посмотрел на меня выжидающе.

И, как ни странно, хотя в голове у меня все смешалось похлеще, чем на барахолках, из его слов я понял едва ли каждое третье, а литературные аллюзии и вовсе прошли мимо, суть я уловил: ему не хватает денег на лодку.

Вывод только один: Теренс точно никакой не связной. Всего-навсего издержавшийся студент. Или проходимец, насчет которых предостерегала тетушка, — клянчит деньги на станциях. Если не хуже.

— А у Сирила нет денег?

— Откуда? — Он вытянул ноги. — Гол как сокол. Вот я и подумал: раз вы все равно собираетесь на

лодке, как и мы, возможно, есть резон сложиться? Как Спику и Бертону. Истоки Темзы, впрочем, уже давно открыты, и пойдем мы не вверх, а вниз, да и разъяренные туземцы с мухами цеце нам не грозят… Так вот, мы с Сирилом интересуемся, не составите ли вы нам компанию?

— Трое в лодке, — пробормотал я, жалея, что он не связной. Всегда любил «Троих в лодке» — особенно главу, где Харрис блуждает по Хэмптон-Кортскому лабиринту.

— Мы с Сирилом идем вниз по реке, — продолжал Теренс. — Планировалась легкая прогулка до Мачингс-Энда, но можем останавливаться где пожелаете. В Абингдоне есть симпатичные развалины. Сирил любит развалины. Еще есть Бишемское аббатство, где Анна Клевская коротала дни после развода. А если вам по душе просто плыть и ни на что не отвлекаться, пускай несет нас «скользящий тихо по лесу ручей»[4].

Я уже не слушал. Мачингс-Энд! Вот название, которое я силился припомнить. «Свяжитесь с…» — сказал Дануорти. Разговоры о реке, о рекомендациях врача, кривоватые усы, такой же блейзер… Нет, это не совпадение.

---

[4] Примечания: 4

Шекспир, Уильям. Два веронца. Пер. В. Левика.

Почему, спрашивается, нельзя было прямо сказать? На перроне, кроме нас, ни души. Я оглянулся на станционное окно — вдруг смотритель подслушивает, — но никого не заметил. Может, Теренс осторожничает из опасения обознаться?

— Я…

Тут дверь на перрон отворилась, выпустив осанистого мужчину в котелке, с густой щеткой усов. Приподняв котелок, он буркнул что-то неразборчивое и проследовал к расписанию.

— В Мачингс-Энд — с превеликим удовольствием, — подчеркнув название, заверил я. — Речная прогулка пойдет мне на пользу после Ковентри.

Я пошарил в кармане брюк, вспоминая, куда Финч дел кошелек с деньгами.

— Сколько нужно на лодку?

— Шесть и три. Это за неделю. Девять шиллингов я уже внес.

Кошелек отыскался в кармане блейзера.

— Не помню, сколько у меня было при себе… — Я протянул купюру и монеты.

— Ба, да здесь хватит эту лодку в вечное пользование выкупить, — обрадовался Теренс. — Или бриллиант «Кохинор». Ваше добро? — спросил он, показывая на мою поклажу.

— Да.

Я потянулся за портпледом, но Теренс уже подхватил и его, и одну из перевязанных бечевкой картонок, а другой рукой — ранец и плетеный короб. Взяв вторую картонку, саквояж и корзину с крышкой, я пошел за ним.

— Я попросил извозчика дождаться, — начал Теренс, спускаясь по лестнице, но около станции никаких экипажей не наблюдалось, только лениво почесывалась пятнистая от парши собачонка, которая при виде нас даже ухом не повела.

У меня снова все запело в душе: как прекрасно, что я нахожусь за много-много лет от злобных псов и сбитых пилотов люфтваффе, в тихом, неспешном и куда более благопристойном времени.

— Вот пройдоха! — возмутился Теренс. — Велел ведь подождать. Придется брать кеб на Корнмаркете.

Собачонка сменила позу и начала вылизывать себе интимные места. Ладно, признаю, не всегда благопристойном.

И не таком уж неспешном.

— Идемте же, некогда зевать! — поторопил меня Теренс и почти галопом припустил по немощеной, изрытой колдобинами Хайт-Бридж-стрит. Я изо всех сил старался не споткнуться и не рас-

терять багаж. — Скорее! Солнце почти в зените.

— Иду, — выдохнул я, поправляя сползающую корзину для пикника, и принялся взбираться в горку. А взобравшись, застыл, как новичок при виде кошки. Я стоял на Корнмаркете, на перекрестке Сент-Олдейт и Хай, у стен средневековой башни.

Я стоял там тысячу раз, пережидая машины, чтобы перейти дорогу. Но это было в Оксфорде двадцать первого века, с метро и туристическими торговыми центрами. А здесь передо мной раскинулся исконный Оксфорд, «чьи башни нежатся под солнцем», Оксфорд Ньюмана, Льюиса Кэрролла и Тома Брауна. Вот изгиб Хай-стрит, за которым скрываются Квинс-колледж и колледж Магдалины; вот старая Бодлеинка с высокими окнами и книгами на цепях, а рядом Камера Рэдклиффа, и Шелдоновский театр. А там, на углу Брод-стрит — Баллиол во всем своем великолепии. Баллиол Мэтью Арнольда, Джерарда Мэнли Хопкинса и Асквита. За этими вратами правит великий седовласый Джоуэтт, громовым голосом поучающий студентов: «Никогда не оправдывайтесь. Никогда не извиняйтесь».

Часы на корнмаркетской башне пробили половину двенадцатого, пробуждая хор оксфордских

колоколов: Святой Марии вторил «Большой Том» в Крайст-Черче, а над Хай-стрит несся серебряный перезвон из колледжа Магдалины.

Я в Оксфорде. «Городе проигранных дел», где еще слышны «последние отголоски Средних веков».

— «Чудесный город грезящих шпилей», — произнес я — и чуть не угодил под самодвижущийся экипаж.

— В сторону! — Теренс выдернул меня на тротуар. — Нигде от них спасенья нет. — Он с тоской посмотрел вслед умчавшемуся авто. — Не достать нам пролетку в этом бедламе. Лучше пешком.

Молодой человек решительно вклинился в толпу изнуренных женщин в фартуках и с рыночными корзинами, приговаривая «Позвольте!» и приподнимая шляпу краем плетеного короба.

Я поспешил за ним по Корнмаркету, сквозь шумную толчею, мимо магазинов и зеленных лавок. Однако мельком глянув на отражение в витрине шляпного салона, я застыл как вкопанный. Идущая следом женщина с полной корзиной капустных кочанов врезалась в меня и обошла, выбранившись себе под нос, но я не слушал.

Поскольку в лаборатории зеркал не было, я лишь краем сознания улавливал, во что облачает

меня Уордер. Теперь же в витрине красовался самый натуральный викторианский джентльмен, отправляющийся на речную прогулку. Жесткий воротничок, элегантный блейзер и белые фланелевые брюки, а самое главное — канотье. Говорят ведь иногда «просто рожден» для чего-то — так вот я был явно рожден для этой шляпы. Светло-золотистая, с голубой лентой, она придавала мне щегольский, залихватский вид — а в комплекте с усами делала просто неотразимым. Неудивительно, что тетушка так торопилась спровадить Мод.

Если присмотреться, усы все-таки слегка набекрень, и взгляд еще немного ошалевший после переброски, но это скоро пройдет, а в целом, скажу без ложной скромности, впечатление весьма достойное…

— Что вы там канителитесь? — Теренс снова ухватил меня за руку. — Идемте же!

Он перевел меня через Карфакс и потащил по Сент-Олдейт, увлеченно болтая на ходу.

— Осторожнее, трамвайные рельсы! Сам здесь споткнулся на прошлой неделе. Хотя экипажам еще хуже, у них колеса застревают — и все, пиши пропало. Я и сам чуть не пропал — но мне повезло, ехала только крестьянская телега с мулом, дряхлым, как Мафусаил, иначе угодил бы прямиком

на свидание с Создателем. Вы верите в судьбу?

Мы шагали по Сент-Олдейт. Мимо «Бульдога» с вывеской, на которой студент удирал от разъяренных надзирателей-прокторов, мимо золотистых стен Крайст-Черча и Томовой башни. Мимо огороженного деканского садика, откуда доносился детский смех. Уж не маленькая ли Алиса Лидделл с сестрами? С замирающим сердцем я стал вспоминать, когда Чарльз Доджсон написал «Алису в Стране чудес». Нет, раньше, в 1860-х. Но вот там, на другой стороне улицы, магазинчик, где Алиса пыталась что-то купить у овцы.

— Еще позавчера я сказал бы, что не верю в судьбу, — продолжал Теренс, оставляя позади поворот к крайст-черчскому лугу. — Но после вчерашнего я уверился. Столько всего произошло! И вот профессор Преддик перепутал поезда, а мне попались вы. То есть вы ведь могли направляться совсем в другие края, или у вас не хватило бы денег на лодку, или вас вовсе не было бы на перроне, и что нам с Сирилом тогда делать? «Судьба все нити наши прибрала к рукам, и люди движутся, покорны ей, как дети. Успех приходит свыше».

Рядом притормозила двуколка.

— Кдаприкажте, джентны? — осведомился извозчик, глотая половину звуков.

Теренс покачал головой.

— Пока будем грузиться, уже пешком дойдем. Тут рукой подать.

И действительно, за поворотом нашему взору открылся мост Фолли, таверна и река с пестрой мешаниной лодок у причала.

— «Судьба, решай, нам воли не дано; пусть совершится то, что суждено» [5], — процитировал Теренс, переходя по мосту. — Испытаем судьбу. Джавиц! — позвал он, спускаясь к причалу. — Вы ведь сохранили лодку за нами?

Джавиц выглядел как персонаж из «Оливера Твиста» — косматая бороденка и неприветливое выражение лица. Он стоял, засунув большие пальцы чумазых рук за немыслимо засаленные подтяжки.

Лежащий рядом с ним огромный коричневый с белым бульдог сопел, пристроив приплюснутую морду с массивными брылями на скрещенные лапы. Даже издалека видно было мощный загривок и воинственно выдвинутую вперед нижнюю челюсть. У Билла Сайкса в «Оливере Твисте», кажется, тоже был бульдог?

Не увидев никого похожего на Сирила, я встре-

---

[5] Примечания: 5

Шекспир, Уильям. Двенадцатая ночь, или Что угодно. Пер. М. Лозинского.

вожился. Что, если эта парочка укокошила приятеля Теренса — и концы в воду?

Теренс, беззаботно болтая, спешил по берегу к лодке. И чудовищу. Я осторожно шел следом, стараясь не особенно сокращать дистанцию и изо всех сил надеясь, что чудовище оставит нас без внимания, как та псина у станции, но бульдог, едва завидев нас, тут же вскочил.

— Вот и мы! — радостно возвестил Теренс, и бульдог понесся на него.

Выронив ранец и картонку, я загородился корзиной, словно щитом, и судорожно завертел головой в поисках палки.

Широченная бульдожья пасть распахнулась, обнажая длинные, в локоть, клыки и многорядье акульих зубов. Вроде бы бульдогов в девятнадцатом веке разводили для боев? Булл-дог, собака, нападающая на быков, отсюда и название. Вцепляется быку в яремную вену мертвой хваткой — для того им дан приплюснутый нос и мощные челюсти. Специально выводили породу, которая сможет дышать, не разжимая зубов, когда повиснет у противника на шее.

— Сирил! — завопил Теренс, однако никто не ринулся к нам на помощь, а бульдог, пролетев мимо него, рванул прямиком ко мне.

Я уронил корзину, и она покатилась к реке. Теренс метнулся за ней. Бульдог отвлекся на мгновение, а потом снова понесся на меня.

Никогда не понимал, почему кролики застывают перед змеей, но теперь я заподозрил, что их завораживает необычная манера змеиного передвижения. Атакующий меня зверь больше напоминал катящийся шар, чем бегущую собаку, и к тому же кренился набок, поэтому, глядя, как его заносит, я понадеялся, что он промахнется, а когда понял, что надежда напрасна, бежать было поздно.

Бульдог прыгнул мне на грудь, и я рухнул, обеими руками закрывая горло и мысленно прося прощения у Каррадерса за недостаточное сочувствие.

Впечатав мои плечи в землю массивными лапами, зверюга распахнула широченную пасть.

— Сирил! — крикнул Теренс, но я не рискнул повернуть голову. Мне все равно, откуда он придет, лишь бы с оружием.

— Хороший песик… — неубедительно сказал я бульдогу.

— Ваша поклажа чуть не хлебнула водицы, — заявил Теренс, появляясь в поле зрения. — А я, пожалуй, переплюнул свой лучший рывок за

мячом во время матча с Хэрроу в восемьдесят четвертом.

Он поставил рядом со мной спасенную корзину.

— Вы не могли бы… — Я осторожно отнял одну руку от горла и показал на бульдога.

— Да, действительно, что же это я… Вас ведь не представили. — Он присел на корточки. — Это мистер Генри, — сообщил он бульдогу, — новоиспеченный участник нашей веселой компании и любезный спаситель нашего финансового положения.

Бульдожья пасть растянулась до ушей в широченной слюнявой ухмылке.

— Нед, — обратился ко мне Теренс, — позвольте представить вам Сирила.

Глава пятая

Джордж сказал: «Давайте махнем вверх по реке. Речная прогулка обеспечит нам свежий воздух, моцион и покой, постоянная смена обстановки займет наши умы (даже то, что выдает за него Харрис), а здоровая усталость будет содействовать возбуждению аппетита и улучшит сон».

«Трое в лодке, не считая собаки» Джеромом К. Джером

Бульдожья хватка и свирепость — Родословная Сирила — Еще багаж — Теренс загружает лодку — Джавиц загружает лодку — Навык верховой езды — Луг у Крайст-Черча — Разница между поэзией и действительностью — Любовь с первого взгляда — Тадж-Махал — Судьба — Всплеск — Дарвин — Спасение из пучины — Вымерший вид — Силы природы — Битва при Бленхейме — Видение

— Очень приятно, Сирил, — выдохнул я, не

решаясь подняться. Где-то я читал, что резкие движения могут их спровоцировать. Или это про медведей? Лучше бы Финч дал мне послушать про бульдогов, а не про дворецких. Это в наше время бульдоги — ласковые плюшевые игрушки: талисман колледжа Ориэл, например, просто лапочка, день-деньской дрыхнет перед привратницкой, дожидаясь, пока его потискают.

Но я-то имею дело с бульдогом девятнадцатого века, собакой, выведенной для боев с быками — очаровательных состязаний, где бойцовый пес, у которого в породе заложена мертвая хватка и свирепость, вцепляется в жизненно важную артерию быку, а тот пытается сбросить с себя обидчика или поднять на рога. Когда запретили бои быков? Явно до 1888 года. Но ведь мертвая хватка и свирепость сразу не исчезнут, нужно время, чтобы их вытравить.

— Искренне рад знакомству, Сирил, — продолжил я с надеждой.

Сирил издал короткий рык. А может, рыгнул.

— Сирил у нас из очень достойной семьи, — хвастался тем временем Теренс, сидя на корточках рядом с моим простертым на земле телом. — Отец — Дэн-потрошитель от Медузы, а прапрадед — Палач, непревзойденный чемпион бычьих боев.

Ни одного проигранного.

— Правда? — выдавил я обморочным голосом.

— А прапрапрадед схватился с самим Чепрачным Стариком. — Теренс восторженно покачал головой. — Восьмисотфунтовый гризли. Вцепился медведю в морду и не отпускал пять часов.

— Но ведь мертвую хватку и свирепость из породы уже вытравили? — понадеялся я.

— Да нет, что вы!

Сирил снова заворчал.

— У бульдогов ничего подобного, по-моему, отродясь не было, — развил мысль Теренс. — Разве только по необходимости. Когда тебя медведь дерет, кто угодно разъярится. Да, Сирил?

Сирил еще раз булькнул утробно — на этот раз определенно рыгнул.

— Палач, говорят, добрейшей души был пес, золотое сердце… Мистер Генри плывет с нами, Сирил, — сообщил Теренс бульдогу, который по-прежнему прижимал меня к земле и обильно поливал слюной. — Как только загрузим лодку и договоримся с Джавицем. — Он щелкнул крышкой карманных часов. — Пойдемте, Нед. Без четверти двенадцать. Успеете еще наиграться с Сирилом.

Подхватив обе картонки, он двинулся к прича-

лу. Сирил, видимо, решив помочь, слез с меня и потрусил обнюхивать корзину для пикника. Я, поднявшись, спас многострадальную поклажу и спустился вслед за Теренсом к реке.

Джавиц, воинственно скрестив руки на груди, стоял на причале у огромной груды вещей.

— Они думают, я разрешу им грузить лодку без оплаты! — возвестил он в пространство. — Но Джавиц этот фокус уже видел. — Он сунул мне под нос немыслимо чумазую ладонь. — Пятишесть.

Что подразумевалось под «пятишестью» (равно как и под упомянутой прежде «девяткой»), я мог только догадываться, поэтому вручил кошелек Теренсу.

— Вы расплачивайтесь, а я перенесу остальной багаж.

Забрав портплед и ранец, самостоятельно докатившийся до середины спуска, когда на меня прыгнул Сирил, я переправил их на причал. Сирил дружелюбно шествовал рядом.

Теренс уже стоял в облупленной темно-зеленой лодке с гордым названием «Виктория» на носу. Потрепанная, но вместительная — что хорошо, поскольку груда вещей на причале принадлежала, как выяснилось, Теренсу.

— Вот наша ласточка! — провозгласил он, при-

нимая у меня портплед и засовывая под среднюю банку. — Загрузим в два счета — и в путь.

В два счета не получилось. Мы уложили багаж Теренса, состоявший из большого гладстоновского саквояжа, двух картонок, чемодана, трех корзин, деревянного ящика, жестянки, скатанных рулоном одеял и двух удилищ, на носу, а мой на корме. После этого для нас места в лодке не осталось, так что пришлось все вытаскивать и начинать заново.

— Нужен научный подход, — решил Теренс. — Сперва крупные вещи, а мелочь — между ними.

Так мы и поступили, начав с «гладстона» и закончив одеялами, которые раскатали и запихнули по углам. На этот раз посередине остался пятачок примерно с фут шириной. Туда незамедлительно плюхнулся Сирил.

Я уже хотел предложить оставить часть своего багажа на берегу, но не решился, поскольку не знал, что в нем.

— Эх, зря я не взял Доусона! — подосадовал Теренс. — Доусон — виртуоз погрузки.

Наверное, его лакей. А может, ручной енот.

— Когда собирал меня в Оксфорд, каким-то чудом уложил все наши с Сирилом пожитки в один-единственный кофр, да еще и место

осталось. С другой стороны, тогда пришлось бы сейчас грузить и его вещи. И его самого где-то сажать. — Теренс окинул багаж задумчивым взглядом. — Может, если, наоборот, начать с мелочей…

В конце концов я подал идею подмазать Джавица еще одной девяткой (сколько бы это ни было), и пусть он попробует. Он попробовал, безжалостно распихивая и уминая все без разбора под непрекращающееся монотонное бурчание.

— Так и надо, так и делайте — промурыжьте Джавица полдня в ожидании платы, — ворчал он, заталкивая ранец под банку, — а потом пусть еще и посудину загрузит, словно он вам лакей. А сами стойте, глазейте, как парочка баранов.

Мы глазели. Я по крайней мере. Оторваться от этого зрелища было невозможно. Вот уж из кого хватку и свирепость никто не вытравлял — я надеялся лишь, что в багаже нет ничего хрупкого или бьющегося. Сирил, изгнанный на берег, снова принялся обнюхивать корзину для пикника, в которой, наверное, находилась провизия. Теренс, взглянув на часы, поинтересовался, не может ли Джавиц поторопиться — что, на мой взгляд, было крайне опрометчиво.

— Поторопиться… — буркнул Джавиц, упихи-

вая какую-то из Теренсовых картонок. — Притащат весь свой скарб до последнего носового платка, а потом торопят. Можно подумать, они к истокам Нила собрались. Вот затонет посудина, и поделом.

Наконец, изрядно сдобрив процесс ворчанием и сделав заметную вмятину в чемодане, Джавиц закончил. Научным подходом здесь и не пахло, и гора на корме грозила вот-вот обвалиться, зато оставалось место для нас троих.

— Точно по графику, — кивнул Теренс, щелкая крышкой часов и ступая на борт. — Отдать швартовы, свистать всех наверх!

Сирил вразвалку забрался внутрь, плюхнулся на дно и захрапел.

— Эй, на берегу! Нед, пора отчаливать.

Я двинулся к лодке, но Джавиц заступил мне дорогу, протягивая руку за чаевыми. Я выдал ему шиллинг, явно переплатив. Он тут же посторонился, щербато осклабившись.

— Добро пожаловать на борт, — приветствовал меня Теренс. — Здесь поначалу довольно сложный отрезок, так что вы гребите, а я буду править.

Я кивнул и сел на весла, покосившись на них с сомнением. Мне, конечно, доводилось грести

в университете, но только на скиммерах с автопилотом. А тут деревянные весла, каждое под тонну весом. И никак не закреплены. Я попытался сделать синхронный гребок, но одна лопасть глухо шлепнула по воде, а другая просвистела над поверхностью.

— Простите. — Я повторил попытку. — Отвык, пока болел.

— Ничего, руки сами вспомнят, — обнадежил Теренс. — Это как верхом ездить.

На второй раз я погрузил оба весла в воду, однако не смог вытащить. Тогда я налег изо всех сил, словно поднимая рухнувшую балку в Ковентрийском соборе, и обдал пассажиров и поклажу фонтаном брызг.

— Вот дурни! — бросил Джавиц в пространство. — Первый раз на веслах. Потонут еще до Иффли, а кто Джавицу лодку вернет?

— Давайте лучше я буду грести, — предложил Теренс, перебираясь на мое место, — а вы правьте. — Забрав весла, он ловко завел их в воду и сделал плавный гребок без единого всплеска. — Пройдем сложный участок, поменяемся.

Сложный участок включал в себя мост, за которым виднелось столпотворение яликов, плоскодонок, лодок и две большие красно-жел-

тые баржи. Теренс энергично греб, то и дело напоминая мне держать ровно рулевые шнуры, и я честно пытался, но лодка, видимо, заразилась от Сирила креном и упрямо забирала влево.

Вопреки моим стараниям нас неуклонно сносило к набережной с плакучими ивами.

— Право руля! На штирборт! — кричал Теренс. — На штирборт!

Я понятия не имел, где тут штирборт, поэтому просто тянул наугад за оба шнура попеременно, пока лодка более или менее не выровнялась. К тому времени столпотворение уже осталось позади, и по борту показался просторный луг.

Я не сразу сообразил, что это крайст-черчский, только не тот, к которому я привык. Без бульдозеров, без лесов, без раздуваемых ветром полотнищ синего полиэтилена. Без стен собора, вырастающих из груд красного песчаника, раствора и черепицы. Без прорабов, покрикивающих на роботов-каменщиков. Без леди Шрапнелл, покрикивающей на прорабов. Без пикетов в защиту окружающей среды, образования, оксфордского пейзажа и всего подряд.

Коровья троица безмятежно жевала жвачку на месте будущей башни, закутанной в синий фасадный пластик в ожидании, когда леди Шрапнелл

выторгует колокол у Ковентрийского муниципалитета.

По вьющейся через луг тропке к медовым стенам Крайст-Черча неторопливо шагали двое увлеченных разговором профессоров — может, беседовали о философии, а может, обсуждали труды Ксенофонта.

Поразительно, как ловко леди Шрапнелл выбила у колледжа луг под застройку. В девятнадцатом веке город тридцать лет отвоевывал разрешение проложить через этот участок хотя бы дорогу, и в конце концов победа осталась за колледжем, а потом, когда в Оксфорд провели метро, какая поднялась волна протеста, стоило только заикнуться о строительстве станции…

Однако темпоральная физика в своих исследованиях достигла порога, преодолеть который мог лишь ядерный мелкоструктурный генератор. Международные корпорации, потерявшие интерес к путешествиям во времени еще сорок лет назад, когда выяснилось, что из прошлого ничего не выдоить и не стрясти, раскошеливаться не собирались. Никаких средств на строительство, на зарплаты и гранты. Никаких, и точка. А леди Шрапнелл обладала целеустремленностью — и огромными капиталами. И к тому же пригрозила

отдать деньги Кембриджу.

— Не туда! — вмешался Теренс. — Вы правите к берегу!

Я поспешно потянул шнуры, возвращая лодку на стремнину.

Впереди виднелись лодочные сараи колледжей и одетое зеленью устье Чарвелла, а за ним — серая башня колледжа Магдалины и длинная лента Темзы. Небо стелилось голубым муаром, солнце золотило взбитые подушки облаков. Вдоль берегов белели кувшинки, а между ними янтарно поблескивала вода цвета глаз уотерхаусовской нимфы.

— «Темно-бурая река, золотой песок», — процитировал я и только потом спохватился: вдруг Стивенсон написал это после 1888 года?

Но Теренс подхватил с готовностью:

— «Сверху ветви ивняка смотрятся в поток». Хотя на самом деле это не так. Следующий отрезок — почти сплошные луга до самого Иффли. И течет она не до «тихой бухты», а до Лондона. Поэзия, что поделать, на каждом шагу преувеличение и вымысел. Взять хотя бы Теннисона: «Она лежала в челноке, и волны мчали по реке волшебницу Шалот». То есть она плывет в Камелот, лежа в челне, — но ведь это абсурд. Как, спрашивается,

править лодкой лежа? На первом же изгибе ее бы снесло в камыши — и дело с концом. Каких усилий нам с Сирилом стоит удержаться на стремнине — а ведь у нас и в мыслях нет разлечься на дне лодки, глазея в небо.

Он был прав. И между прочим, нас опять сносило к берегу, на котором теперь раскинулись каштаны, растопырив темно-зеленые пятерни.

— К штирборту! — сурово напомнил Теренс.

Я потянул веревку, и лодка нацелилась прямо на утку, свившую плавучее гнездо из прутьев и каштановых листьев.

Утка возмущенно крякнула и захлопала крыльями.

— К штирборту! Направо! — Теренс лихорадочно отгреб назад, мы обогнули гнездо и выскочили на середину. — Никогда не понимал, в чем тут фокус. Стоит уронить в реку трубку или шляпу — даже в каком-нибудь футе от берега, как их в два счета подхватывает течение и несет прямиком в море, а там мимо мыса Доброй Надежды в Индию. С бедняжкой Принцессой Арджуманд, наверное, так и вышло. Но в лодке почему-то, сколько ни выгребай, вечно какие-то заводи, водовороты, боковые течения — оглянуться не успеешь, а ты уже носом на бечевнике. И потом, даже если вол-

шебница Шалот не застряла в камышах, есть ведь еще шлюзы. Да к штирборту же! К штирборту, не к бакборту! — Он щелкнул крышкой часов и налег на весла с удвоенной силой, периодически покрикивая, чтобы я держал к штирборту.

Однако несмотря на досадный левый крен лодки и на доставшегося мне в попутчики доморощенного капитана Блая[6], я постепенно проникался умиротворением.

Все идет отлично: я встретил связного, который явно знает эту эпоху как свои пять пальцев — вон как здорово вжился в роль оксфордского студента, — и мы плывем в Мачингс-Энд. А луг у Крайст-Черча еще свободен, и до леди Шрапнелл целых сто шестьдесят лет.

Хотя я так и не вспомнил, что от меня требовалось сделать в Мачингс-Энде, какие-то обрывки инструкции мало-помалу всплывали. Голос мистера Дануорти произнес отчетливо: «Как только вернете на место…» — это мне, а потом Финчу: «Пустяковое дело…» — и что-то о несущественном предмете. Какой именно несущественный предмет мне поручалось вернуть на место, по-

[6] Примечания: 6

Вице-адмирал британского флота Уильям Блай получил наибольшую известность в связи с бунтом на судне «Баунти», который подняла недовольная обращением команда.

прежнему загадка, но, очевидно, он где-то в груде багажа на носу, так что, в случае чего, просто оставлю в этом Мачингс-Энде всю поклажу. Да и Теренс, наверное, в курсе. Спрошу, как только отплывем подальше от Оксфорда. У нас явно назначена в Иффли какая-то встреча — возможно, там я и узнаю подробности.

А пока мое дело — отдыхать. Восстанавливать нервы после переброcочной болезни, леди Шрапнелл и барахолок, расслабиться, как советовал врач, и ни о чем не думать — вон как Сирил. Бульдог самозабвенно храпел, завалившись на бок.

Если викторианская эпоха — лечебница, то лучшей палаты, чем река, не придумаешь. Ласковые объятия солнца, мягкий плеск весел, умиротворяющие пейзажи, одетые зеленью берега, убаюкивающее гудение пчел, храп Сирила и рассуждения Теренса…

— Или взять Ланселота, — продолжал он, видимо, возвращаясь к «Волшебнице Шалот». — Вот он скачет на коне, в доспехах, шлеме, со щитом и копьем — и распевает «тирра-лирра». Хороша песня для рыцаря, выдумают тоже. Хотя… — Теренс ненадолго перестал грести. — Момент зарождения любви у Теннисона подмечен верно, хоть и пересолено самую малость. «Порвалась

ткань с игрой огня, разбилось зеркало, звеня…» Вы верите в любовь с первого взгляда, Нед?

Перед глазами встал образ наяды, выжимающей мокрый рукав на ковер мистера Дануорти, — но тут все ясно, это побочное действие перебросочной болезни, гормоны шалят.

— Нет, — ответил я.

— И я не верил до вчерашнего дня. Как и в судьбу. Профессор Оверфорс утверждает, что никакой судьбы нет, есть лишь случайности и совпадения, но если так, почему она оказалась на берегу именно в этом месте? Почему мы с Сирилом решили покататься на лодке, вместо того чтобы читать Аппия Клавдия? Мы переводили «Negotium populo romano melius quam otium committi» — «Работа римлянам ближе, чем досуг», и я подумал: «Вот почему пала Римская империя! Потому что римляне не умели отдыхать». Допустить, чтобы та же участь постигла старую добрую Британию, я не мог; мы с Сирилом решительно встали, наняли лодку и поплыли к Годстоу, и как раз на том лесистом участке я услышал медовый голосок, как у феи, звавший: «Принцесса Арджуманд! Принцесса Арджуманд!» Я посмотрел на берег — и увидел самое прекрасное на свете создание.

— Принцессу Арджуманд?

— Нет-нет, красавицу в розовом, с золотыми локонами и очаровательнейшими, прелестнейшими, милейшими чертами лица. Нежный румянец, губы как лепестки роз, а носик — что за носик! Ланселотово «лицом, как ангел, хороша» не передаст этой красоты — и впрямь, чего ждать от рыцаря, который распевает «тирра-лирра»? Я замер на веслах, боясь неосторожным движением или словом спугнуть этого ангела, этот светлый дух, а она посмотрела на меня и спросила: «Сэр, вы, часом, не видели здесь кошку?» И все было в точности, как в «Волшебнице Шалот», только без проклятия и бьющихся зеркал. Что поделать, поэзии свойственно преувеличивать. Я, разумеется, и в мыслях не держал ложиться на дно челна и умирать от разбитого сердца. Я ловко подгреб к берегу, выскочил из лодки и спросил, какую именно кошку и где ее наблюдали в последний раз. «Черную, — ответило небесное создание, — с белой мордочкой и беленькими носочками на лапках — уже два дня как ее нет, вдруг с ней что-нибудь случилось…» — «Не бойтесь, у кошки девять жизней», — утешил я ее. И тут появилась ее компаньонка, кузина, и напомнила, что не следует разговаривать с незнакомцами. «Но этот молодой человек любезно вызвался помочь», —

возразило небесное создание, на что кузина сказала: «Очень мило с вашей стороны, мистер?..» Я назвался. «Рады знакомству, — ответила кузина. — Я мисс Браун, а это мисс Меринг». А потом она обратилась к небесному созданию: «Тосси, боюсь, нам пора. Иначе опоздаем к чаю». Тосси! Есть ли на свете имя чудесней? «Вовек пребудет для меня оно мелодий ангельских нежней и слаще!» — восторженно продекламировал Теренс.

Тосси?

— А кто же тогда Принцесса Арджуманд?

— Кошка. В честь индийской махарани, чье имя носит Тадж-Махал. Хотя в таком случае, по логике, ему бы следовало зваться Тадж-Арджуманд. Ее отец служил в Индии — восстание, раджи, «и вместе им не сойтись», сами понимаете.

— Чей отец? Принцессы? — Я совсем потерял нить.

— Да нет же! Отец мисс Меринг. Полковник Меринг. Служил в Индии при британском владычестве, а теперь собирает рыбу.

В каком смысле «собирает рыбу», я не решился уточнять.

— И вот кузина сказала, что им пора, а Тосс… мисс Меринг: «О, надеюсь, мы еще встретимся, мистер Сент-Трейвис. Завтра в два мы будем

осматривать норманнскую церковь в Иффли». Кузина ее одернула: «Тосси!», однако мисс Меринг заверила, что сообщает исключительно на тот случай, если я вдруг найду Принцессу Арджуманд. Я дал слово бросить все силы на поиски, и мы с Сирилом действительно ходили туда-сюда по берегу, зовя «кис-кис!», весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро.

— С Сирилом? — переспросил я, сомневаясь, что в данном случае бульдог — подходящий помощник.

— У него нюх, как у ищейки, — похвастался Теренс. — Вот за этим занятием нас и застал профессор Преддик и поручил встретить своих перечниц.

— А кошку вы так и не нашли?

— Нет. И вряд ли найдем, в такой-то дали от Мачингс-Энда. Я ведь думал, мисс Меринг живет в Оксфорде, а оказалось, она тут в гостях.

— Мачингс-Энд? — встрепенулся я.

— Он ниже по реке. Близ Хенли. Матушка привезла ее в Оксфорд на сеанс к медиуму…

— К медиуму? — Час от часу не легче.

— Ну да, знаете, такие загадочные особы, которые вертят столы, заматываются в марлю, обсыпаются мукой и сообщают, что вашему дя-

дюшке на том свете очень славно, а завещание в левом верхнем ящике комода. Никогда им не верил, но, опять-таки, я и в судьбу не верил прежде. А что это, если не судьба? Моя встреча с мисс Меринг и ваше появление на вокзале, и ее слова, что они с кузиной будут днем в Иффли… Ведь у меня недоставало денег на лодку, а значит, вас мне послала сама судьба. Вдруг вы не собирались бы никуда, или у вас тоже не оказалось бы денег? Тогда мы не плыли бы сейчас в Иффли, и я, возможно, даже мечтать бы не мог о встрече с ней. В общем, медиумы кошек ищут не хуже, чем завещания, поэтому мисс Меринг с матушкой и отправились в Оксфорд на сеанс. Но духи тоже не знают, где Принцесса Арджуманд, а мисс Меринг подумала, вдруг кошка сумела добраться вслед за ней до Оксфорда. Маловероятно. Собака — да, на такое способна, а вот кошки…

Из этого сумбура я вынес одно: Теренс не связной. Он понятия не имеет, что от меня требуется в Мачингс-Энде. Если, конечно, насчет Мачингс-Энда я тоже не напутал. Я увязался незнамо куда за совершенно посторонним человеком (и собакой, но она не в счет) из здешнего времени, а связной тем временем напрасно дожидается меня на станции, или на путях, или на каком-нибудь

причале. Мне срочно нужно назад!

Я оглянулся на Оксфорд. Грезящие шпили маячили милях в двух за кормой. А прыгнуть за борт и добраться пешком я не мог, ведь в этом случае пришлось бы бросить багаж. Связного я уже упустил, не хватало теперь упустить и вещи в придачу.

— Теренс… Боюсь, я вынужден…

— Нонсенс! — крикнул кто-то впереди, а потом раздался мощный всплеск, и ударившая в борт волна чуть не перевернула лодку. Корзина для пикника, стоявшая на «гладстоне», не кувырнулась в воду лишь чудом — я успел схватить ее в последний момент.

— Что это? — Я вывернул шею, пытаясь разглядеть, что происходит за поворотом.

Теренс скривился.

— Полагаю, Дарвин.

Рановато я решил, что иду на поправку: похоже, перебросочная болезнь по-прежнему не отпускает, и трудности со слухом дают о себе знать.

— Простите? — осторожно переспросил я.

— Дарвин, — повторил Теренс. — Профессор Оверфорс научил его лазить по деревьям, и теперь он взял дурацкую манеру прыгать сверху на ни в чем не повинных прохожих. Разворачивайте

лодку, Нед. — Он показал, куда править. — Подальше от берега.

Я послушно потянул рулевые шнуры, все еще вглядываясь за поворот.

— На прошлой неделе свалился прямехонько на плоскодонку с двумя студентами из Корпус-Кристи, которые катали барышень, — рассказывал Теренс, выгребая на середину. — Сирил категорически осуждает.

Вид у Сирила действительно был осуждающий. Вскочив (то есть слегка приподнявшись) в лодке, он уставился на плакучие ивы.

У берега плеснуло еще раз, погромче, и Сирил резко прижал уши. Я проследил за его взглядом.

Либо тугоухость все же ни при чем, либо у меня резко возросла нечеткость зрения. В воде под ивовыми ветвями, поднимая тучи брызг, барахтался пожилой человек.

Боже! И впрямь Дарвин!

У него была дарвиновская белая борода, бакенбарды и лысина, а за спиной по воде плыли фалды черного фрака. Перевернутая шляпа качалась на волне в нескольких метрах от него, — он попробовал ее ухватить и тут же скрылся с головой. Потом вынырнул, отплевываясь и молотя руками, и шляпу отнесло еще дальше.

— Святые угодники, это же мой наставник, профессор Преддик! — воскликнул Теренс. — Быстрее, разворачиваемся, нет, не туда, в другую сторону! Скорее!

Мы поспешили на помощь — я загребал руками, подгоняя лодку, а Сирил встал передними лапами на жестяную коробку и воззрился вдаль, как Нельсон перед Трафальгаром.

— Стойте! Не задавите профессора! — Теренс бросил весла на дно и перегнулся через борт.

Старик нас не замечал. Фрак надулся пузырем, словно спасательный жилет, но на плаву, очевидно, держал плохо. Профессор исчез в третий раз, только рука упорно и безнадежно тянулась за шляпой. Перевесившись через борт, я принялся шарить под водой.

— Поймал воротник! — возвестил я и тут же вспомнил, что на меня Уордер надевала пристежной. Я поспешно отпустил сорочку, нащупал ворот фрака и подсек добычу.

Голова профессора вынырнула на поверхность, словно кит, и по-китовьи обдала нас фонтаном воды.

— «И тогда, чтоб человек и ангелы однажды

увидели его, он с громким воплем всплывет»[7]. Не отпускайте, — велел Теренс, цепляя одну руку профессора Преддика за борт и пытаясь выудить другую. Я как раз упустил воротник, когда профессор изверг свой фонтан, зато, снова погружаясь, он вскинул руку, чем я и воспользовался.

Не представляю, как мы затащили его в лодку. Наше судно чуть не черпнуло воды, Теренс кричал: «Сирил, стой! Нед, назад! Мы утонем! Только не отпускайте!» — но, видимо, багаж сыграл роль балласта и не дал нам перевернуться, хотя Сирил в последнюю минуту решил взглянуть, как идут дела, и здорово качнул посудину.

Наконец я крепко ухватил профессора за руку, а Теренс подобрался к нему с другой стороны, уперся ногой в портплед, чтобы лодка не перевернулась, и взял за вторую руку. Так мы его и перевалили через борт, мокрого и жалкого.

— Профессор Преддик, как вы, сэр? — встревоженно спросил Теренс.

— Вашими стараниями цел и невредим, — ответил тот, выжимая рукав. Черный фрак оказался не фраком, а габардиновой профессорской мантией. — Ваше появление весьма кстати. Моя

---

[7] Примечания: 7

Теннисон, Альфред. Кракен. Пер. К. Д. Бальмонта.

шляпа!

— Уже выловил. — Теренс разогнулся, доставая головной убор из воды.

Шляпа оказалась не шляпой, а профессорской конфедераткой. С кисточки лило ручьем.

— У меня где-то были одеяла. Доусон скатывал, я помню. — Теренс принялся рыться в груде вещей. — Что вы делали в воде, профессор?

— Тонул.

— И почти преуспели, надо сказать. — Теренс пошарил в жестянке. — Но как вы там очутились? Упали?

— Упал? Упал?! — возмутился профессор. — Меня столкнули!

— Столкнули? — опешил Теренс. — Кто?

— Разумеется, этот негодяй Оверфорс.

— Профессор Оверфорс? — не поверил Теренс. — Зачем бы профессору Оверфорсу толкать вас в реку?

— Общая картина, — провозгласил профессор. — Частности для истории несущественны. Ни доблесть, ни долг, ни верность. Историков должна занимать лишь общая картина. Ха! Антинаучная чушь! Все исторические события обусловлены влиянием сил природы на массы. Обусловлены! Монмутское сражение! Испанская

инквизиция! Война Алой и Белой розы! Обусловлены силами природы! И массы! А королева Елизавета? А Коперник? А Ганнибал?

— Полагаю, лучше вам начать с начала, — предложил Теренс.

— Ab initio. Резонно, — согласился профессор Преддик. — Я пришел к реке поразмыслить над трудными местами своей монографии о Саламинской битве в Геродотовом изложении. Думал воспользоваться методом, который, по свидетельству мистера Уолтона, «дает отдых разуму, бодрит дух, гонит прочь тоску и приводит в порядок растрепанные мысли»[8]. Увы, мне было не суждено. Поскольку опрометчиво «piscatur in aqua turbida»[9].

Отлично. Очередной любитель говорить загадками и сыпать цитатами. Да еще на латыни.

— Кто-то из моих студентов, Таттл-второй, если не ошибаюсь, видел здесь у берега белоперого пескаря, когда тренировался к гонке восьмерок. Славный юноша, декламация отвратная, а почерк еще хуже, но в рыбе он дока.

— Вот, помнил же, что укладывал! — Теренс

---

[8] Примечания: 8

Уолтон, Исаак. Искусный рыболов, или Медитация для мужчин.

[9] Примечания: 9

Ловить рыбу в мутной воде (*лат.*).

торжествующе взмахнул зеленым шерстяным одеялом. — Возьмите, профессор. Снимайте мокрое и закутывайтесь.

Профессор расстегнул мантию.

— С его старшим братом, Таттлом-первым, та же беда. Кошмарнейший почерк. — Он выпростал руку, замер со странным выражением на лице и сунул ее в другой рукав. — Сплошные кляксы в сочинениях. — Рука судорожно шарила в рукаве. — «Non omnia possumus omnus» [10] переводил как «Запрещается провозить опоссумов в омнибусе». — Наконец, крутанув рукой последний раз, профессор выдернул ее из рукава и раскрыл ладонь. — Я боялся, он ни одного экзамена не сдаст. — На ладони трепыхалась крохотная белая рыбка. — Точно, Ugobio fluviatilis albinus, — приглядевшись к находке, возвестил он. — Где моя шляпа?

Теренс передал ему конфедератку, и профессор, зачерпнув ею воды из реки, пустил туда рыбку.

— Великолепный экземпляр!.. А теперь он помощник министра финансов. Советник королевы.

Профессор самозабвенно любовался своим

---

[10] Примечания: 10
Не каждому дано (*лат.*).

уловом, а я любовался профессором. Настоящий чудаковатый оксфордский дон. Тоже вымерший вид (если не считать мистера Дануорти, но его портит излишняя рассудительность); я всегда немного досадовал, что не застал золотые времена Джоуэтта и Ропера. Впрочем, и этим двоим далеко до Спунера, безбожно коверкавшего язык королевы и Шекспира. Это он как-то раз выдал отъявленному прогульщику: «Вы заработали пустоту» вместо «Вы запустили работу», а церковный гимн «Господь наш — любящий пастырь» объявил как «Господь наш — юлящий пластырь».

Безмерное восхищение у меня вызывал Клод Дженкинс, у которого дома царил такой беспорядок, что временами даже входная дверь снаружи не открывалась. Был случай, когда он сообщил, извиняясь за опоздание: «У меня только что умерла экономка, но я усадил ее на стул в кухне, так что до моего возвращения с ней ничего не случится».

Нет, ярких личностей в Оксфорде хватало всегда. Преподаватель логики Кук Вильсон, заявивший на третьем часу непрерывной лекции: «А теперь, после краткого вступления…» Преподаватель математики Чарльз Доджсон, который

на просьбу пришедшей в восторг от «Алисы в Стране чудес» королевы Виктории прислать свою следующую книгу отправил ей математический трактат «Конденсация определителей». Преподаватель древних языков, вешавший барометр горизонтально, потому что «так он лучше смотрится».

И разумеется, Бакленд со своим домашним зверинцем и ручным орлом, который вышагивал, полурасправив крылья, по проходу крайст-черчского собора на утренних службах. (Вот тогда, наверное, в церковь народ валил валом. Надо было епископу Биттнеру подумать о зверинце в Ковентрийском соборе, когда ряды прихожан начали редеть. Или научиться говорить спунеризмами.)

Однако встретить живого чудака во плоти я даже не чаял — и тем не менее вот он передо мной, великолепный экземпляр, с любопытством разглядывает плавающую в конфедератке рыбку и разглагольствует на исторические темы.

— Оверфорс утверждает, что пора перестать относиться к истории как к череде правлений, битв и отдельных событий, — объяснил профессор Преддик. — Дарвин, мол, совершил переворот в биологии…

Дарвин. Тот самый Дарвин, которого профессор Оверфорс научил лазить по деревьям?

— …а значит, пора перевернуть и историю. Довольно видеть в ней лишь набор дат, фактов и частностей. Для истории они значат примерно столько же, сколько какой-нибудь зяблик или окаменелость для эволюции.

«Ну нет, — возразил я мысленно, — в них-то вся и суть».

— Важны лишь основополагающие исторические законы, сиречь законы природы.

— А как же события, определяющие так или иначе ход истории? — уточнил я.

— А никак! События не имеют значения, талдычит Оверфорс. Убийство Юлия Цезаря! Подвиг Леонида в Фермопилах! Несущественны, вообразите!

— Значит, вы рыбачили на берегу, — подытожил Теренс, расстилая профессорскую мантию на груде багажа для просушки. — А профессор Оверфорс подошел и столкнул вас?

— Именно. — Профессор Преддик разулся. — Я стоял под ивой, насаживая червя на крючок, — пескари предпочитают мотыля, но сойдут и мучнистые, — когда этот дуралей Дарвин спрыгнул с дерева, слетел на меня, словно темный

ангел, которого Бог «разгневанный стремглав низверг объятого пламенем»[11], и плюхнулся в воду так громко, что я выронил удилище. — Профессор мрачно посмотрел на Сирила. — Ох уж эти собаки!

Собака. У меня отлегло от сердца. Дарвином зовут собаку профессора Оверфорса. Но все равно непонятно, что она делает на деревьях.

— Рано или поздно он кого-нибудь прикончит. — Профессор Преддик снял носки, выжал и надел обратно. — В прошлый вторник спрыгнул с дерева на Брод-стрит и повалил казначея Тринити-колледжа. Оверфорс совсем стыд потерял, возомнил себя вторым Баклендом, но Бакленд, при всех его недостатках, не учил своего медведя прыгать на прохожих с деревьев. Тиглатпаласар вел себя безукоризненно, равно как и шакалы, хотя ужинать у Бакленда было изрядным испытанием для гостя. Могли попотчевать крокодилятиной — помню один званый обед, на котором подавали полевок. Зато у него имелись два несравненных золотых карася!

— Так, значит, из-за Дарвина вы уронили удочку… — напомнил Теренс, пытаясь вернуть

---

[11] Примечания: 11

Мильтон, Джон. Потерянный рай. Пер. А. Штейнберга.

профессора в прежнее русло.

— Да, и когда обернулся, увидел Оверфорса, хохочущего, словно баклендовская гиена. «Рыбачите? — спрашивает. — Не видать вам хавилендовской кафедры, если будете так бездарно тратить время». «Размышляю над последствиями уловки Фемистокла при Саламине», — объяснил я, а он мне: «Это еще бессмысленнее, чем рыбалка. Историю нельзя воспринимать как хронику тривиальных событий. Это наука». — «Тривиальных событий?! — изумился я. — По-вашему, победа греков над персидским флотом — тривиальное событие? Да она определила развитие цивилизации на ближайшую сотню лет!» Оверфорс эдак небрежно отмахнулся: «События для исторической науки несущественны». — «И битва при Азенкуре несущественна? И Крымская война? И казнь Марии Стюарт?» — «Частности! — фыркнул он. — Разве Дарвин или Ньютон интересовались частностями?»

Вообще-то интересовались. Да и леди Шрапнелл не зря твердит, что Господь в мелочах.

— «Дарвин! Ньютон!» — продолжал профессор Преддик. — «Вы сами себе противоречите, приводя их в пример. Историю творят личности, а не масса. И отнюдь не природные силы. А как

же доблесть, и честь, и верность? А подлость, а трусость, а алчность?»

— И любовь, — вставил Теренс.

— Именно, — кивнул профессор. — «Как же любовь Антония и Клеопатры? Неужто никак не повлияла на историю?» Этот вопрос я адресовал ему уже в реку. «Как же коварство Ричарда Третьего? А пламенная вера Жанны д'Арк? Нет, историю творят личности, а не массы!»

— В реку?.. — переспросил я озадаченно.

— Вы толкнули профессора Оверфорса в реку? — одновременно со мной изумился Теренс.

— Толчок — тривиальное событие, частность, а значит, по теории Оверфорса, ни на что не влияет. Это я ему и сообщил в ответ на крики о помощи. «Силы природы действуют только на массы», — говорю я ему.

— Боже правый! — Теренс побледнел. — Разворачивайте лодку, Нед, срочно возвращаемся. Надеюсь, он еще не утонул.

— Утонул? Как бы не так! По его теории, утопление ничего не значит, даже если тонет Георг Плантагенет в бочке мальвазии. «А что насчет убийств? — спросил я его, пока он там барахтался, размахивая руками и вопя. — А помощь? Они ведь тоже невозможны, поскольку требуют

поступка и неких душевных свойств, которые вы отрицаете. Где в вашей теории цель, план и замысел?» — «Так и знал! — выкрикнул Оверфорс, отчаянно плещась. — Вы сторонник теории высшего замысла!» — «А разве нет свидетельств в пользу высшего замысла? — парировал я, подавая ему руку. — Ваша теория признает только случай? Никакой свободы воли? Никаких добрых поступков? — Я вытащил его на берег. — Ну, теперь-то вы признаете, что личность и деяния для истории не пустой звук?» А этот негодяй возьми и толкни меня в воду!

— Но с ним все в порядке? — с тревогой уточнил Теренс.

— В порядке? — возмутился профессор. — Он невежественный, косный, заносчивый, узколобый, инфантильный и необузданный негодяй! Что здесь порядочного?

— Я хотел сказать, он уже не тонет?

— Разумеется, нет. Наверняка отправился излагать свои завиральные теории перед хавилендовской комиссией. А меня оставил тонуть! Если бы не вы двое, я повторил бы судьбу Георга Плантагенета. А негодяй Оверфорс получил бы хавилендовскую кафедру.

— Ну что ж, по крайней мере никто никого не

прикончил, — выдохнул Теренс и обеспокоенно посмотрел на часы. — Нед, беритесь за рули. Нужно поторопиться, иначе не успеем засветло отвезти профессора и добраться до Иффли.

Отлично! Когда пристанем у моста Фолли, я придумаю какой-нибудь предлог, чтобы не плыть в Иффли с Теренсом — морскую болезнь или рецидив, например, — и вернусь на станцию. Лишь бы связной меня дождался…

— Иффли! — воодушевился профессор. — То, что надо! Там отменно ловится плотва. Таттл-младший говорил, что видел радужного погонихта полумилей выше Иффлийского шлюза.

— Разве вам не нужно домой? — огорченно протянул Теренс. — Переодеться в сухое?

— Нонсенс! Я уже почти высох. Нельзя упускать такую возможность. У вас ведь найдутся удочки и наживка?

— А как же профессор Оверфорс? — вмешался я. — Он вас не будет разыскивать?

— Ха! Ему не до того, он пишет про массы и учит пса кататься на велосипеде. Массы! Историю творят личности, а не массы! Лорд Нельсон, Катерина Медичи, Галилей!

Теренс с тоской посмотрел на часы.

— Если вы не боитесь подхватить простуду… Де-

ло в том, что в два часа у меня в Иффли встреча.

— Тогда «Вперед! Покуда силы есть!» Vestigia nulla retrorsum [12].

Теренс решительно взялся за весла. Ивняк перешел в кусты, затем в луга, и за длинным изгибом реки показалась серая колокольня. Иффли.

Я вытащил часы и подсчитал римское время. Без пяти II. Теренс все-таки успевает на встречу. Хорошо бы и мне успеть на свою.

— Стойте! — Профессор вскочил.

— Не надо… — Теренс со стуком уронил весла. Я попытался ухватить профессора, но ущепил только падающее к его ногам одеяло. Лодка угрожающе закачалась, вода плеснула через борт. Сирил, сонно моргая и пошатываясь, поднялся — и это нас спасло.

— Сидеть! — скомандовал я.

Профессор Преддик, оглянувшись в замешательстве, послушно уселся.

— Сент-Трейвис, немедленно правьте к берегу! — велел он, показывая пальцем. — Вы только взгляните!

Все, не исключая Сирила, посмотрели на зеленый луг, усыпанный лютиками и затканный

---

[12] Примечания: 12
Здесь: Ни шагу назад (*лат.*).

белым кружевом купыря.

— Точь-в-точь бленхеймское поле, — возвестил профессор. — Видите, вон там селение Зондерхайм, а там — ручей Небель. Какие еще нужны доказательства моей правоты? Слепые силы природы? Как бы не так! Победу вырвал герцог Мальборо своей собственной рукой! У вас найдется тетрадь? И удочка.

— Не лучше ли вернуться позже? После Иффли?

— Маршал Таллард отразил удар в середине дня, как раз при таком свете, — возразил профессор Преддик, натягивая туфли. — Какая у вас наживка?

— Сейчас нам некогда, — отбивался Теренс. — У меня встреча…

— Omnia aliena sunt, tempus tantum nostrum est, — процитировал профессор. — Ничто нам не принадлежит, кроме времени.

Я нагнулся к Теренсу.

— Можете оставить нас тут, вернетесь после встречи.

Он кивнул, оживляясь, и повел лодку к берегу.

— Но вы мне нужны, иначе некому будет сидеть на руле. Профессор Преддик, я вас высажу изучать битву, а мы спустимся к Иффли и потом

приплывем за вами. — Теренс принялся выискивать, где бы пристать.

У нас ушла вечность, чтобы найти достаточно пологий для профессора участок, и еще вечность с лишним, чтобы откопать рыболовные снасти. Теренс рылся в «гладстоне», ежесекундно глядя на часы, а я ворошил содержимое жестянки, ища удочку и коробку с мухами.

— Есть! — Теренс сунул мух профессору в карман и веслом притянул лодку к берегу. — Земля! — Вскочив, он встал одной ногой на глинистый склон. — Все, можно выходить.

Профессор рассеянно оглянулся, взял конфедератку и уже хотел ее надеть.

— Стойте! — Я едва успел. — Теренс, у вас есть какая-нибудь плошка? Для пескарика.

Мы возобновили поиски — Теренс в картонке, а я — в ранце. Два крахмальных воротничка, черные лакированные туфли на три размера меньше моего, зубная щетка…

Корзина для пикника, которой так настойчиво интересовался Сирил! Если там провизия, то наверняка есть и посуда. Я разгреб груду на корме, потом пошарил под банкой. Ага, вот она, на носу. Я протянул руку.

— Чайник! — Теренс встряхнул находку в воз-

духе и отдал мне.

Перелив туда воду с рыбкой, я вручил профессору конфедератку.

— Только не надевайте сразу, — предостерег я. — Подождите, пока подсохнет.

— Способный ученик, — просиял профессор. — Beneficiorum gratia sempiterna est [13].

— Провожающих просят покинуть судно! — возвестил Теренс, выдворяя профессора на берег и помогая забраться по склону. Я даже чайник с пескарем не успел пристроить. — Ждите нас обратно через часок. — Он залез в лодку и вцепился в весла. — Может, через два.

— Я буду здесь, — пообещал профессор Преддик, замерев на самом краю. — Fidelis ad urnum[14].

— Он не свалится снова? — обеспокоился я.

— Нет, — без особой уверенности ответил Теренс и бешено замахал веслами, как на гонках восьмерок.

Мы стремительно удалялись от профессора, который, наклонившись, уже что-то рассматривал на земле сквозь пенсне. Коробка с мухами выпала у него из кармана и покатилась по склону.

---

[13] Примечания: 13
Признательность за благодеяния долговечна (*лат.*).

[14] Примечания: 14
Здесь: До последнего (*лат.*).

Профессор нагнулся ниже, протягивая руку…

— Пожалуй, лучше бы… — начал я, но Теренс мощным гребком обогнул мыс, и перед нами вырос горбатый каменный мостик, за которым возвышалась церковь.

— Она сказала, что будет ждать на мосту, — выдохнул Теренс. — Видите ее, Нед?

Я прикрыл глаза ладонью и присмотрелся. У края моста кто-то стоял. Мы подплывали все ближе. Девушка под белым кружевным зонтиком. В белом платье.

— Она там? — Теренс греб не разгибаясь.

На белой шляпе голубели какие-то цветы, а из-под шляпы струились по плечам медно-каштановые волны.

— Я опоздал? — спросил Теренс.

— Нет.

Это я опоздал.

Передо мной стояло прекраснейшее создание на свете.

Глава шестая

Non semper ea sunt quae videntur. (Впечатление бывает обманчивым)
Федр

Английская роза — Рюшечки — Сирил сторожит лодку — Потустороннее послание — Осмотр достопримечательностей — Дворецкий — Знаки и объявления — На сельском погосте — Прозрение — Прикрытие — Объяснения — Размокший дневник — Джек-потрошитель — Загвоздка — Моисей в тростниках — Псевдонимы — Еще более неожиданный поворот

Да, знаю, прежде я назвал прекраснейшим созданием на свете наяду, но та была мокрая, вся в тине и безоговорочно принадлежала к двадцать первому веку, хоть и вынырнула из прерафаэлитского пруда.

Тогда как на мосту стояла истинная дочь девятнадцатого столетия. Ни одной путешественнице во времени, сколь бы небрежно она ни подхваты-

вала длинный белый подол затянутой в лайковую перчатку изящной ручкой и как бы высоко ни держала головку на пленительной аристократической шейке, никогда не перенять ту безмятежность, ту ясноглазую невинность, которой веяло от девушки на мосту. Это нежное растение, выведенное исключительно для тепличных условий поздневикторианской эры, способно было расцвести только в одну-единственную эпоху. Нетронутый бутон, распускающаяся английская роза, ангел во плоти. Какой-нибудь десяток лет, и она исчезнет, уступив велосипедисткам в шароварах-блумерах, манерно прикуривающим девушкам Гэтсби и суфражисткам.

На душе стало горько. Никогда она не будет моей. Эта воплощенная зеленоглазая красота и юность под белым кружевным зонтиком давно вышла замуж за Теренса, давно умерла и покоится на церковном погосте вроде того, что виднеется на холме.

— К бакборту! — командовал Теренс. — Нет же, к бакборту!

Порывистым гребком он направил лодку к краю моста, где торчали колья, видимо, как раз для привязывания лодок.

Взяв веревку, я прыгнул в чавкающую грязь и

накинул петлю на колышек. Теренс и Сирил уже карабкались по крутому берегу к мосту.

Узел у меня получился довольно неказистый — лучше бы Финч вместо описания столовых приборов включил руководство по вязанию всяких «полуштыков» и «рифовых». А еще жаль, что лодка не запирается.

Но это же викторианская эпоха, напомнил я себе, где на ближнего можно положиться, а порядочный юноша непременно встречает прекрасную девушку — и уже, наверное, целуется с ней на мосту.

Однако нет. Теренс в растерянности озирался, стоя на глинистом берегу.

— Не вижу ее, — сокрушенно выдохнул он, глядя прямо на неземную красоту. — Но кузина здесь, а вон и ландо. — Он показал на открытую коляску у церкви. — Значит, она еще не уехала. Сколько времени? — Он вытащил часы. — А если кузину прислали только затем, чтобы сообщить мне о перемене планов? Если… — И тут он расплылся в широченной улыбке.

На холме возникла барышня в рюшечках. Рюшечки покрывали всю белую юбку, и кокетку, и рукава платья. И зонтик обрамляла по краю оборка, и короткие белые перчатки, и все эти рю-

шечки трепетали и колыхались, словно знамена перед битвой. На шляпе рюшей почему-то не было, но их отсутствие с лихвой компенсировали развевающиеся розовые ленты, и белокурые локоны под полями шляпы тоже вились и играли на ветру.

— Смотрите, кузина, это мистер Сент-Трейвис! — Барышня устремилась вниз по склону, и рюшечки затрепетали с удвоенной силой. — Я ведь говорила, что он придет!

— Тосси! — укорила ее неземная красота в белом, однако Тосси уже бежала к бечевнику, подхватив свои реющие оборочки и мелко переступая крошечными ножками в белых ботинках.

На берегу она остановилась (оборочки и не подумали) и, хлопая ресницами, прощебетала, обращаясь к Сирилу:

— Наша собачулечка пришла навестить свою Тосси? Мы догадались, как Тосси скучала по славной мордашечке?

Сирил вытаращил глаза.

— Мы ведь хорошо себя вели? — ворковала Тосси. — А вот хозяин наш — бяка! Все не шел и не шел.

— Нас задержали, — оправдался Теренс. — Профессор Преддик…

— Тосси испугалась, что этот негодник совсем про нее забыл. Да, Сирил, душка?

Сирил обреченно оглянулся на Теренса и покорно потрусил гладиться.

— Ах-ах! — Тосси каким-то чудом удавалось озвучить восклицание со страниц викторианских романов. — Ах!

Сирил замер в растерянности, посмотрел на Теренса и еще раз попытался подойти.

— Бяка, бяка! — С губ Тосси слетали все те же возмущенные охи и ахи. — Ваш разбойник перепачкает мне все платье. А это шелковый муслин! — Она отдернула трепещущие оборочки. — Папенька заказывал в Париже.

Теренс, бросившись вперед, сгреб за ошейник Сирила, который и сам уже попятился.

— Ты напугал мисс Меринг, — отчитал он пса, строго погрозив пальцем. — Приношу искренние извинения за Сирила и за свое опоздание. Мой наставник чуть не утонул, пришлось его спасать.

К нам подошла кузина.

— Здравствуй, Сирил. — Она нагнулась почесать бульдога за ухом. — Здравствуйте, мистер Сент-Трейвис. Рады видеть вас снова. — Мелодичный голос, сдержанный тон, никакого сюсюканья. — Означает ли ваше появление, что

вы нашли Принцессу Арджуманд?

— Да-да, не томите! — спохватилась Тосси. — Нашли вы мою бедняжечку Жужу?

— Увы, нет, — покачал головой Теренс. — Но мы намерены продолжить поиски. Это мистер Генри. Мистер Генри — мисс Меринг и мисс Браун.

— Очень приятно, мисс Меринг, мисс Браун. — Я, как предписывал голос в наушниках, приподнял канотье в знак приветствия.

— Мы с мистером Генри наняли лодку… — Теренс махнул рукой в сторону моста, где едва виднелся нос нашей посудины, — … и планируем обыскать каждый закоулок на Темзе.

— Очень любезно с вашей стороны, — похвалила мисс Браун. — Впрочем, я уверена, когда мы приедем вечером домой, она будет ждать нас целая и невредимая.

— Домой? — в ужасе округлил глаза Теренс.

— Да! — подтвердила Тосси. — Сегодня же возвращаемся в Мачингс-Энд. Маменьке передали, что мы там нужны.

— Надеюсь, никакой беды не случилось, что вас так срочно вызывают обратно, — обеспокоился Теренс.

— Нет-нет, нас не оттуда вызывают. Это потустороннее послание. Оно гласило: «Возвращайтесь

в Мачингс-Энд и ждите свою судьбу там», — вот маменька и решила ехать немедля. Вечерним поездом.

— Да, — кивнула мисс Браун, протягивая руку в лайковой перчатке. — Нас ждет мадам Иритоцкая. Спасибо за помощь в поисках Принцессы Арджуманд. Рада была знакомству, мистер Генри.

— Постойте, кузина Верити, — запротестовала Тосси, — еще рано. Поезд только в половине седьмого. А мистер Сент-Трейвис и мистер Генри даже не посмотрели церковь.

— До мадам Иритоцкой далеко, — не уступала кузина Верити. — А ваша матушка настоятельно просила вернуться к чаю.

— Времени еще вдоволь, — отмахнулась Тосси. — Велим Бейну гнать побыстрее. Вы ведь хотите осмотреть церковь, мистер Сент-Трейвис?

— Конечно! — с жаром согласился Теренс. Сирил обрадованно потрусил между ними, но Тосси очаровательно надула губки.

— А разве Сирил не должен охранять лодку?

— Да, действительно. Сирил, ты остаешься, — решил Теренс.

— Он может подождать у погостной калитки, — предложил я.

Поздно. Теренс уже себе не принадлежал.

— Место, Сирил!

Сирил посмотрел на него, как Юлий Цезарь, наверное, смотрел на Брута, и улегся на голом берегу, пристроив голову на лапы.

— Мы не подпустим к лодке ни одну бяку, — нахмурила бровки Тосси. — Мы храбрые песики! — Раскрыв кружевной зонт, она зашагала по тропинке. — Премиленькая церквушка. Такая старинная, загадочная. Люди издалека приезжают посмотреть. Я люблю достопримечательности, а вы? Маменька обещала на будущей неделе повезти нас в Хэмптон-Корт.

Непрерывно щебеча, она вела Теренса вверх по склону, а мы с неземным созданием поднимались следом.

Тосси была права насчет церкви — постройка действительно пользовалась популярностью, судя по обилию объявлений. Они начинались у самого подножия холма с написанного от руки плаката, гласящего: «Держитесь дорожки». Далее шли «Во время службы экскурсии не проводятся», «По газонам не ходить» и «Рвать цветы возбраняется».

— Маменька хочет провести сеанс в хэмптонкортской галерее. Там бродит дух Катерины

Говард, знаете? Которая жена Генриха Восьмого. У него их было восемь. Бейн, впрочем, говорит, что шесть, но если так, почему его тогда зовут Генрих Восьмой?

Я украдкой глянул на мисс Браун, которая спрятала улыбку. Вблизи она казалась еще краше. Вуалетка на шляпе окутывала медно-каштановые локоны белопенным облаком, и сквозь эту дымку фарфоровая кожа с нежным розовым румянцем казалась почти неземной.

— Всем женам Генриха Восьмого отрубили голову, — вещала Тосси. — Я бы так ни за что не хотела. Волосы перед казнью обстригают… — Она взмахнула белокурыми завитками. — И одевают тебя в жуткую простецкую рубаху.

«Без единой оборочки», — посочувствовал я.

— Очень надеюсь, что нам не явится одна голова, — продолжала Тосси. — Бывает, знаете, что дух является не целиком. Нора Лайон, когда устраивала сеанс в Мачингс-Энде, материализовала отдельную руку. Она играла на аккордеоне. — Тосси стрельнула глазками в Теренса. — А знаете, что мне сказали духи вчера вечером? Что я встречу незнакомца!

— Подробностей не сообщили? — полюбопытствовал Теренс. — Например, что он будет

высоким, темноволосым и красивым?

— Нет, — с серьезным видом покачала головой Тосси. — Они простучали «Берегись!», а потом букву «ка». Маменька решила, что речь о Принцессе Арджуманд, но я думаю, тут все хитрее: это «ка» — сразу две буквы, из начала слова или, наоборот, из окончания, то есть, например, «капитана» или «моряка». А так как до моря тут далеко, то незнакомец прибудет по реке.

— Как я, — осмелел Теренс.

Мы почти добрались до вершины холма. Там стояла открытая коляска с кучером при полном параде — во фраке и полосатых брюках, надо же. Он читал книгу, а лошадь вяло пощипывала траву. Странно, что нигде не наблюдалось знака «Парковка запрещена».

При нашем приближении кучер захлопнул книгу и выпрямился, будто кол проглотил.

— Я уже опасалась, что поездка сорвется, — сообщила Тосси, даже головы не повернув в сторону коляски. — Нас должен был отвезти слуга мадам Иритоцкой, но он впал в транс, а одним нам маменька брать ландо не разрешила. И тогда я придумала — нас отвезет Бейн. Это наш новый дворецкий. Маменька переманила его у миссис Каттисборн, та ужасно разозлилась. Хорошего

дворецкого днем с огнем не сыщешь.

Вот, значит, откуда полосатые брюки и чопорность. В наушниках ясно говорилось, что кучерские обязанности дворецкие не исполняют. Я присмотрелся к нему — вблизи он оказался моложе, выше ростом и несколько осунувшимся, словно не выспался. Брат по несчастью: я тоже не спал, по-моему, уже несколько столетий.

Еще в наушниках особо отмечали фирменное непроницаемое выражение лица у дворецких, но этого явно что-то беспокоило. Интересно — что? Непривычная роль или перспектива находиться в услужении у барышни, считающей, будто у Генриха VIII было восемь жен? Я прищурился, подсматривая украдкой, что он там читает. «Французская революция» Карлейля. Однако.

— Не нравится мне этот дворецкий, — сказала Тосси, ничуть не смущенная его присутствием. — Вечно хмурится.

Видимо, кузине Верити он тоже не нравился. Даже взглядом его не удостоила. Я же кивнул и приподнял шляпу. Дворецкий раскрыл книгу и погрузился в чтение.

— Наш прошлый был куда милее, но его переманила леди Холл, когда приехала в гости. Вообразите, прямо из-под приютившего ее крова!

Папенька говорит, слугам читать не след. Это рушит их моральные устои. И рождает всякие идеи.

Теренс распахнул калитку. Табличка на ней гласила: «Закрывайте за собой при выходе».

Они с Тосси направились к церковной двери, сплошь увешанной объявлениями: «Окончание посещений в четыре часа», «Запрещены посещения во время службы», «Запрещается фотографировать и дагерротипировать», «Мистера Эгглсуорта, старосту, спросить в Харвуд-Хаусе. Без КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ не беспокоить». Странно, что не вывесили заодно и девяносто пять тезисов Лютера.

— Просто загляденье, правда? — спросила Тосси. — Только посмотрите на эти миленькие зигзаги вокруг двери.

Я без всяких обучающих курсов опознал в них орнаментальную кладку двенадцатого века — спасибо нескольким месяцам работы на проекте леди Шрапнелл.

— Норманнская архитектура, — пояснил я со знанием дела.

— Обожаю старинные церквушки, а вы? — не обращая на меня внимания, продолжала Тосси. — Премиленькие, не то что нынешние.

Теренс открыл премиленькую дверь, теряющуюся под объявлениями, Тосси сложила зонтик и вошла. Теренс шагнул за ней, а я посторонился, собираясь пропустить кузину Верити. В наушниках говорилось, что викторианские барышни шагу не могли ступить без присмотра, так что кузина Верити, хоть и неземное создание, очевидно, именно с этой целью к Тосси и приставлена. На берегу вид у нее был довольно суровый, а в церкви слишком интимный полумрак и масса возможностей разводить шуры-муры. Кроме того, судя по объявлению на двери, старосты явно нет на месте.

Однако мисс Браун, даже не взглянув на полуоткрытую дверь в интимный полумрак, толкнула кованую калитку, украшенную табличкой «Не плевать», и проследовала на погост.

Она молча шла меж надгробий, мимо объявлений, запрещающих рвать цветы и опираться на могильные камни, и мимо опасно накренившегося обелиска, на который, видимо, кто-то все же оперся.

Я вспоминал, о чем принято разговаривать, оставшись наедине с викторианской барышней. В наушниках, как назло, не приводилось никаких подходящих тем для беседы между едва представ-

ленными друг другу людьми противоположного пола.

Политика точно отпадает, потому что я понятия не имею, какого курса придерживалась страна в 1888 году, а прелестным барышням ни к чему забивать свои очаровательные головки государственными делами. Религии тоже касаться опасно, поскольку тут и с дарвинизмом еще не до конца определились. Я силился припомнить, как выкручивались персонажи виденных мной викторианских пьес (их перечень сводился к «Восхитительному Крайтону» и «Как важно быть серьезным»). Рецепт прост: классовые вопросы и острословие. Но идейный дворецкий здесь определенно успехом не пользовался, а каламбуры мне на ум не шли. Кроме того, с юмором всегда есть риск сесть в лужу.

Кузина тем временем остановилась у последнего надгробия и смотрела на меня выжидающе.

Погода. Беспроигрышная тема. Но как обратиться к барышне? Мисс Браун? Мисс Верити? Миледи?

— Ну? — нетерпеливо позвала она. — Доставили в целости?

Такого захода я никак не ожидал.

— Простите?

— Бейн вас не заметил? Где вы ее прячете?

— Кажется, вы меня с кем-то путаете…

— Все в порядке. — Она оглянулась на церковь. — Оттуда нас не слышно. Расскажите подробно, как вы пронесли ее через сеть.

Наверное, у меня рецидив переброcочной болезни. Слуховые галлюцинации?

— Не утопили же вы ее? — Девушка начала сердиться. — Он обещал ее не топить.

— Кого топить?

— Кошку.

Разговор клеился еще хуже, чем с медсестрой в лечебнице.

— Кошку? Вы имеете в виду потерявшуюся кошку Тос… мисс Меринг? Принцессу Арджуманд?

— Разумеется. — Девушка нахмурилась. — Разве мистер Дануорти вам ее не отдал?

— Мистер Дануорти? — Я заморгал растерянно.

— Ну да. Он не перебросил кошку вместе с вами?

Передо мной забрезжил свет.

— Так вы наяда из кабинета мистера Дануорти, — изумленно пролепетал я. — Но этого не может быть! Ту звали Киндл.

— И до сих пор зовут. Мисс Браун — мое прикрытие. У Рингов нет родственников по фамилии

Киндл, а я, по легенде, троюродная сестра Тосси.

Свет разгорался ярче.

— Значит, вы — «катастрофа». Та самая, которая что-то вынесла из прошлого.

— Ну да, кошку, — нетерпеливо подтвердила она.

Кошку. Разумеется. Это куда логичнее, чем конку или блошку. Теперь понятно, почему мистер Дануорти на меня так странно посмотрел, когда я начал рассуждать про леди Уиндермир.

— То есть вы утащили кошку через сеть. Но это же невозможно… Из прошлого ничего нельзя унести.

Теперь настал ее черед растерянно моргать.

— Вы не знали про кошку? А я думала, ее отправят обратно с вами…

Я похолодел. Финч ведь зачем-то велел мне повременить в последний момент. Что, если он как раз пошел за кошкой, а я взял и перебросился, не успев ее забрать?

— Вас предупредили, что отправят ее назад со мной? — уточнил я.

Она покачала головой:

— Мистер Дануорти больше мне вообще ничего не говорит. Мол, я уже и так достаточно бед натворила, не нужно давать мне лишний повод

вмешиваться. Вот я и решила, увидев вас в кабинете, что кошку отправят с вами.

— Он меня вызвал из-за перебросочной болезни. В лечебнице прописали две недели постельного режима, так что мистер Дануорти определил меня сюда поправляться.

— В викторианскую эпоху? — изумилась Верити.

— Именно. В Оксфорде был бы дохлый номер из-за леди Шрапнелл…

Верити изумилась еще больше.

— Он прячет вас здесь от леди Шрапнелл?

— Да. Или она тоже здесь? — встревожился я.

— Не совсем. Если кошку прислали не с вами, тогда, может, вы знаете, с кем?

— Нет. — Я попытался припомнить разговоры в лаборатории. — «Свяжитесь с кем-то», — велел мистер Дануорти. Эндрюс. Точно. Мистер Дануорти попросил: «Свяжитесь с Эндрюсом». — Они упомянули Эндрюса, — признался я.

— А больше они ничего не упоминали? Когда его отправили, например? И как все прошло?

— Нет. Я часто отключался. Из-за болезни.

— Когда именно вы услышали про Эндрюса?

— Сегодня утром, пока меня готовили к переброске.

— И когда вы перебросились?

— Сегодня же утром. В десять часов.

— Тогда понятно, — облегченно вздохнула она. — Я думала, что найду Принцессу Арджуманд тут, когда вернусь, а ее не оказалось, и я встревожилась. Мало ли, вдруг произошла какая-то накладка, и сеть ее не пропустила, или ее нашел Бейн и снова забросил в реку. И когда миссис Меринг потащила нас в Оксфорд советоваться по поводу пропажи с мадам Иритоцкой, а потом появился ваш приятель, я забеспокоилась по-настоящему. Но теперь все хорошо. Видимо, ее переправили назад уже после нашего отъезда в Оксфорд, а он оказался весьма кстати: никто не путается под ногами и можно без помех вернуть кошку, Бейн тоже тут, а значит, не утопит ее до нашего возвращения. И в сети, видимо, никаких сбоев, раз вы здесь. Мистер Дануорти собирался приостановить все переброски в девятнадцатый век до водворения кошки на место. Получается, все обошлось. Идея мистера Дануорти сработала, Принцесса Арджуманд встретит нас в Мачингс-Энде, и беспокоиться не о чем.

— Стойте… — Я понял, что запутался. — Давайте по порядку. Садитесь.

Я галантно указал на деревянную скамью с

табличкой «Не портить» и надписью «Вайолет и Гарольд, 59 г.» в пронзенном стрелой сердечке, вырезанном прямо под запретом. Верити села, грациозно расправляя белую юбку.

— Значит, — я попытался систематизировать факты, — вы утащили кошку через сеть.

— Да. Я была в беседке — там рядом устроена точка переброски, открывается на десятиминутные стыковки. Я как раз вернулась после отчета мистеру Дануорти и увидела, как Бейн — дворецкий — несет Принцессу Арджуманд…

— Погодите. А что вы вообще делаете в викторианской эпохе?

— Читаю дневник Тосси. Леди Шрапнелл полагает, что там может найтись какая-нибудь наводка на местонахождение пенька.

Кто бы сомневался. Мог бы и сам догадаться, что без пенька не обошлось.

— Но какое отношение к епископскому пеньку имеет Тосси? — Меня вдруг как громом поразило. — Только не говорите, что она и есть та самая пра-пра-пра…

— Пра-пра-пра-прабабка. Этим летом она съездит в Ковентри, увидит епископский пенек…

— …и ее жизнь изменится навсегда, — подхватил я.

— К этому событию она много раз возвращалась в своих бесконечных дневниках, которые вела почти до самой смерти. Именно из-за них леди Шрапнелл втемяшилось в голову восстановить Ковентрийский собор — и перевернуть свою жизнь тоже.

— И наши заодно. Но если она сама читала дневники, зачем было посылать вас в 1888 год с той же целью?

— Дело в том, что тетрадь за это лето, в которой Тосси первый раз описывает судьбоносное событие, сильно подмокла. Леди Шрапнелл наняла криминалиста разбирать записи, однако дело движется туго, поэтому она снарядила меня сюда — читать на месте.

— Но если Тосси много и подробно писала об этом в следующих дневниках… — недоумевал я.

— Она не объясняла, в чем именно состояла судьбоносность, и не указывала дату поездки. К тому же леди Шрапнелл надеется обнаружить в данной тетради и другие важные подробности. К сожалению (а может, к счастью, поскольку письменно Тосси изъясняется так же, как устно), дневник она хранит пуще драгоценностей короны, и пока мне его заполучить не удалось.

— Все равно не понимаю. Епископский пенек

пропал только в 1940 году. Какой прок от дневника, написанного в 1888-м?

— Леди Шрапнелл считает, там может быть указано, кто передал пенек церкви. Записи о пожертвованиях Ковентрийскому собору сгорели во время воздушного налета, а ведь дарители — или их потомки — могли забрать пенек на хранение в начале войны.

— Дарители, подозреваю, намеревались избавиться от него раз и навсегда.

— Пожалуй. Но вы ведь знаете леди Шрапнелл — «заглянуть под каждый камень». Вот я и хожу за Тосси по пятам две недели, надеясь, что она оставит дневник без присмотра. Или соберется в Ковентри. Должно быть, уже скоро: когда я упомянула Ковентри, она сказала, что никогда там не была, а нам известно, что поездка состоялась в июне.

— И тогда вы похитили кошку и потребовали дневник в качестве выкупа?

— Нет! Я вернулась после отчета мистеру Дануорти и увидела Бейна, дворецкого…

— Книголюба, — вставил я.

— Душегуба! Он нес Принцессу Арджуманд и уже подходил к берегу, удивительно прелестный июнь. Розы восхитительно цветут.

— Что? — Я снова потерял нить.

— А бобовник! У миссис Меринг есть увитая бобовником пергола — так живописно!

— Прошу прощения, мисс Браун. — Возникший из ниоткуда Бейн скованно поклонился.

— Что такое, Бейн? — спросила Верити.

— Я насчет кошки мисс Меринг, — неловко начал он. — Если мистер Сент-Трейвис тут, значит, кошка найдена?

— Нет, Бейн. — В воздухе ощутимо повеяло холодом. — Принцесса Арджуманд до сих пор не появлялась.

— Я беспокоился. — Он отвесил еще поклон. — Прикажете подать экипаж немедля?

— Нет, Бейн, благодарю, — ледяным тоном отказалась она.

— Миссис Меринг просила вернуться к чаю…

— Я помню, Бейн. Благодарю.

Он все еще колебался.

— До мадам Иритоцкой около получаса езды.

— Да, Бейн. Вы свободны. — Она проводила его взглядом до самой коляски и только потом дала волю чувствам. — Душегуб! «… значит, кошка найдена?» Прекрасно знает, что нет. Беспокоится он, как же! Злодей!

— Вы уверены, что он ее топил?

— Конечно, уверена. Забросил в реку со всего размаха.

— Может, у викторианцев так принято? Я читал, помнится, что они топили кошек, — своеобразный метод контроля рождаемости.

— Новорожденных котят, а не взрослых. И не домашних любимиц. Тосси обожает Принцессу Арджуманд больше всего на свете (кроме себя драгоценной). Избавляются от расплодившихся дворовых, а не от породистых диванных кокеток. Фермер по соседству с Мачингс-Эндом как раз утопил выводок на прошлой неделе — сунул в мешок с камнями и забросил в пруд. Варварство, но не злодейство. Бейн же совершил злодейство, отряхнул руки и с улыбочкой пошел к дому. Он топил ее намеренно!

— Я думал, кошки умеют плавать.

— Через Темзу? Если бы я так и стояла сложа руки, ее унесло бы течением.

— Как волшебницу Шалот, — пробормотал я.

— Что?

— Нет-нет, ничего. Но зачем ему понадобилось убивать хозяйскую кошку?

— Не знаю. Может, у него зуб на кошачьих. А может, не только на кошачьих, и однажды ночью он нас всех перережет в кроватях. Может,

он Джек-потрошитель. Тот ведь в 1888 году уже орудовал? Тем более настоящая личность Потрошителя до сих пор не установлена. В общем, я просто не могла стоять и смотреть, как Принцесса Арджуманд тонет. Это ведь вымерший вид.

— И вы нырнули за ней?

— Не нырнула, а вошла в реку, — оскорбленно поправила Верити. — Выловила кошку, отнесла на берег и только тогда спохватилась, что викторианской даме не пристало вот так лезть в воду — не разуваясь даже. Дальше я ни о чем не думала, просто действовала. Вскочила в сеть, а она как раз открылась. Я всего лишь хотела спрятаться, у меня и в мыслях не было что-то нарушать…

Нарушать. Она совершила невозможное с точки зрения темпоральной физики. И вероятно, вызвала диссонанс в континууме. Понятно теперь, почему мистер Дануорти забросал Чизвика вопросами и так наседал на Ти-Джея Льюиса. Нарушение… м-да.

Одно дело брошь, другое — живая кошка. Хотя и брошь сеть не пропустит. Доказано Дарби и Джентиллой еще во времена первых переброс. Они строили свою сеть как пиратский корабль в надежде поохотиться за сокровищами прошлого и перепробовали все, от Моны Лизы до гробницы

Тутанхамона, а потом, когда надежды рухнули, снизошли и до более мелкой добычи вроде денег. Сеть все равно ничего не пропускала, кроме микроскопических частиц. Если захочешь вынести из прошлого хотя бы полупенсовик или рыбную вилку, сеть попросту не откроется. Она задержит и микроб, и радиацию, и шальную пулю — за что Дарби, Джентилла и остальное человечество должны сказать спасибо, но почему-то не спешат.

Спонсировавшие эту парочку международные корпорации утратили интерес к путешествиям во времени и отдали их на откуп ученым. Те разработали теорию сдвигов и Закон сохранения истории, объяснявшие парадокс, а на практике все просто зарубили себе на носу: сеть ничего вынести из прошлого не дает. Так было до сих пор.

— То есть сеть взяла и открылась, выпустив вас с кошкой? — уточнил я. — И во время переброски ничего необычного не происходило, никаких зависаний или толчков?

Верити покачала головой:

— Нет, самое обычное перемещение.

— С кошкой тоже все в порядке?

— Она проспала весь процесс. Заснула у меня на руках и не проснулась даже у мистера Дануорти

в кабинете. Наверное, так на них путешествия во времени действуют. Вырубает сразу.

— И вы пошли к мистеру Дануорти?

— Разумеется, — опять оскорбилась Верити. — Отнесла ему кошку, как только поняла, что натворила.

— И он решил отправить ее обратно?

— Финч под моим давлением сообщил, что сейчас они проверят все переброски в викторианскую эпоху, и, если чрезмерных сдвигов не обнаружится, значит, кошку успели вернуть до того, как ее исчезновение наделало бед, и они в самом деле отправят ее обратно.

Но ведь чрезмерные сдвиги-то есть. Я вспомнил, как мистер Дануорти расспрашивал Каррадерса про Ковентри.

— Как тогда расценивать ковентрийскую неразбериху?

— Если верить Финчу, с кошкой это, видимо, не связано, просто в Ковентри свой очаг исторического напряжения. Из-за «Ультры». Больше нигде крупных сдвигов не обнаружено, только там. На викторианских перебросках — ни одного. — Она посмотрела на меня. — У вас какой был сдвиг?

— Никакого, — признал я. — Тютелька в тютельку.

— Отлично. — Ее лицо прояснилось. — У меня во время возвращения тоже всего пять минут. Финч говорит, что увеличение сдвигов — как раз первый признак диссонанса…

— О, я обожаю погосты, — донесся до нас голос Тосси, и я отскочил от Верити, словно застигнутый врасплох викторианский ухажер. Верити же, не поведя бровью, открыла кружевной зонтик и грациозно поднялась со скамьи.

— Они такие простые, славные. — Тосси выплыла на дорожку, рея всеми своими флагами. — Никакого сравнения с отвратительными современными кладбищами. — Она остановилась полюбоваться почти завалившимся надгробием. — Бейн говорит, что погосты — это негигиенично, поскольку они загрязняют подземные воды, но, по-моему, тут все так первозданно. Как в стихах. Да, мистер Сент-Трейвис?

— «Ах, может быть, под сей могилою таится прах сердца нежного, умевшего любить, — с готовностью процитировал Теренс. — И гробожитель-червь в сухой главе гнездится…»

Строка про червя подтверждала скорее правоту Бейна, однако ни Теренса, ни Тосси это не смутило — особенно Теренса, декламировавшего упоенно: «Как часто редкий перл, волнами сокровенный,

в бездонной пропасти сияет красотой; как часто лилия цветет уединенно, в пустынном воздухе теряя запах свой»[15].

— Я без ума от Теннисона! — выдохнула Тосси. — А вы, кузина?

— Это Томас Грей, — ответила Верити. — Элегия «Сельское кладбище».

— О, мистер Генри, вам непременно нужно заглянуть в церквушку, — пропустив уточнение мимо ушей, продолжала Тосси. — У них там стоит чудесная вазочка. Да, мистер Сент-Трейвис?

Теренс кивнул, не сводя с Тосси завороженных глаз, а Верити прищурилась.

— На вазочку непременно нужно посмотреть. — Она подхватила юбку затянутой в перчатку рукой. — Мистер Генри?

— Вне всякого сомнения. — Я взял ее под локоть, и мы чинно прошествовали в церковь, миновав табличку «Посторонним вход строжайше возбраняется».

В церкви было холодновато, едва уловимо пахло старым деревом и плесневеющими молитвенниками. Интерьер был представлен коренастыми норманнскими колоннами, сводчатым

---

[15] Примечания: 15

Грей, Томас. Сельское кладбище. Элегия. Пер. А. Жуковского.

раннеанглийским святилищем, викторианским окном-розой и большим плакатом на алтарной ограде, запрещающим проход в пресвитерий.

Начисто проигнорировав запрет и не удостоив даже взглядом норманнскую сланцевую купель, Тосси скользнула к нише в стене напротив амвона.

— Ну не прелесть ли?

Сомнения в ее родстве с леди Шрапнелл (а также в том, от кого леди Шрапнелл унаследовала свои вкусы) отпали окончательно. Хотя Тосси извиняла принадлежность к викторианской эпохе — породившей мало того что вокзал Сент-Панкрас, так еще и памятник принцу Альберту.

Ваза в нише напоминала сразу оба шедевра, уступая лишь размерами (всего один ярус) и отсутствием коринфских колонн. Вместо них имелся плющ и барельеф, изображающий то ли Ноев ковчег, то ли осаду Иерихона.

— Что это за сюжет? — спросил я.

— Избиение младенцев, — пробормотала Верити.

— Фараонова дочь купается в Ниле, — ответила Тосси. — Видите, вот Моисеева корзина выглядывает из тростников. Хотела бы я такую вещицу в нашу церковь. Там сплошная старая рухлядь,

а эта как из стихотворения Теннисона. — Тосси восхищенно сжала руки. — «Поэма о римском вазоне».

Не хватало только, чтобы Теренс начал декламировать «Оду греческой вазе» Китса. Я в отчаянии оглянулся на Верити, подыскивая предлог, чтобы удалиться и поговорить. Норманнские орнаменты? Сирил? Верити, однако, безмятежно рассматривала каменную кладку, словно в распоряжении у нас была вечность.

— «В прекрасном — правда, в правде — красота; вот все, что нужно помнить…»[16], — начал Теренс.

— Как думаете, здесь водятся призраки? — спросила Верити.

Теренс оборвал чтение на полуслове.

— Призраки?

— Призраки? — радостно ахнула Тосси. — Ну конечно! Мадам Иритоцкая говорит, есть места, которые служат порталами между нашим светом и тем, потусторонним.

Я покосился на Верити, но ту, похоже, нисколько не настораживало, что Тосси в точности описала нашу сеть.

---

[16] Примечания: 16

Китс, Джон. Ода греческой вазе. Пер. Г. Кружкова.

— Мадам Иритоцкая говорит, что духи часто витают у порталов, через которые душа умершего когда-то отлетела на тот свет, — объяснила Тосси Теренсу. — Поэтому сеансы так часто и не удаются, что проводятся слишком далеко от порталов. И поэтому мадам Иритоцкая всегда устраивает их у себя, ни к кому не выезжая. Погост — самое подходящее для портала место. — Тосси подняла глаза к ребристому своду и снова ахнула восторженно. — А вдруг они и сейчас там?!

— Наверное, староста знает, водятся ли тут духи, — подсказала Верити.

Это вряд ли. Где тогда таблички «Являться запрещено» и «Эктоплазма возбраняется»?

— О да! — воскликнула Тосси. — Мистер Сент-Трейвис, пойдемте спросим!

Они вышли за дверь и, сверившись с объявлением, двинулись к Харвуд-Хаусу и старосте, который, несомненно, ждет не дождется гостей.

— Мистер Дануорти сообщил только, что я вернусь в прошлое через два часа после спасения кошки, — продолжила Верити прерванный рассказ. — И велел доложить, если обнаружатся необычные сдвиги или странные совпадения, вот я и понадеялась, что Принцесса Арджуманд встретит меня в Мачингс-Энде. Но когда я вышла

из сети, ее по-прежнему не было. Тосси обнаружила пропажу и подняла на ноги весь дом, я начала беспокоиться, что где-то случилась накладка. Но проинформировать мистера Дануорти и выяснить, что произошло, я не успела — миссис Меринг утащила нас всех в Оксфорд, а там Тосси познакомилась с графом де Веккио.

— Граф де Веккио?

— Присутствовал на одном из сеансов. Молод, богат, красив, обворожителен. Идеален во всех отношениях, только фамилия начинается на «В», а не на «К». Увлечен теософией. И Тосси. Отвоевал место рядом с ней за спиритическим столиком (предлог подержать ее за руку) и предупредил, чтобы не пугалась, если вдруг почувствует прикосновение к ноге — это, дескать, все духи. Вот я и предложила прогулку вдоль Темзы, чтобы увести Тосси от него, а тут объявился Теренс, но его фамилия тоже не на «К». Зато он уже у ее ног. Это, впрочем, в порядке вещей, Тосси любого молодого человека сражает наповал. — Она посмотрела на меня из-под вуалетки. — Кстати, а вы как уцелели?

— Она уверяет, что у Генриха Восьмого было восемь жен, — буркнул я.

— Знаю, но мне казалось, из-за переброcочной

болезни вы, как бедняжка Титания, готовы были влюбиться в первую встречную?

— Первой встречной оказались вы, — уточнил я.

Будь передо мной и в самом деле нежная английская роза, под вуалеткой разлился бы очаровательный смущенный румянец, но Верити была дочерью двадцать первого века.

— Ничего, это пройдет, — в тон медсестре из лечебницы обнадежила она. — Главное — выспаться. Жаль, ухажерам Тосси этот простой рецепт не поможет. Особенно Теренсу. Тосси явно ему симпатизирует. Выклянчила эту поездку в Иффли, хотя мадам Иритоцкая устраивала специальный сеанс для поисков Принцессы Арджуманд. А по дороге интересовалась у меня, что я думаю насчет сливового пирога в качестве свадебного. И вот тогда я всерьез начала опасаться, что создала диссонанс, ведь вряд ли граф де Веккио и Теренс познакомились бы с Тосси, не явись она в Оксфорд, тем более ни тот ни другой не начинаются с «К».

Я в очередной раз запутался.

— А почему они должны начинаться с «К»?

— Потому что тем летом — этим летом — она вышла замуж за кого-то с фамилией на «К».

— Откуда это известно? Дневник ведь раскис от воды.

— Да. — Верити уселась на скамью рядом с табличкой «Сидеть разрешается только во время службы».

— А не может в таком случае эта «К» относиться к поездке в Ковентри, перевернувшей ее жизнь? — предположил я. — Ковентри на «К».

Она покачала головой.

— В записи от шестого мая 1938 года говорится: «Этим летом мы отмечаем пятидесятилетие со дня свадьбы, и я непередаваемо счастлива, что вышла за мистера К… замуж». Оставшаяся часть имени заляпана вместе с буквой «З» в «замуж».

— Заляпана?

— Клякса. В те времена часто ляпали кляксы.

— А там точно «К», а не что-то еще?

— Точно.

Значит, отпадают не только граф де Веккио и Теренс, но и профессор Преддик, и Джавиц. И я, к счастью.

— И кто же этот мистер Копперфильд, или Кольридж, или Китс, которого ей предстоит осчастливить?

— Не знаю. Она никого подходящего не упоминала, и в Мачингс-Энд никто подходящий не

наведывался. Я спросила у Колин, горничной. Говорит, ничего подобного не припомнит.

Снаружи послышались голоса.

— Идемте со мной, — шепнула Верити, вставая. — Сделаем вид, что любуемся архитектурой.

Она устремилась к купели и с интересом принялась разглядывать чашу.

— Значит, пока неизвестно, кто этот мистер К, но вы знаете, что Тосси его еще не встретила и выйдет за него замуж этим летом, — резюмировал я, изучая табличку «Запрещается трогать церковное убранство». — Мне казалось, у викторианцев была принята долгая помолвка.

— Так и есть, — мрачно подтвердила Верити. — А еще помолвку положено оглашать в церкви три воскресенья подряд, и это я молчу о родительском сговоре и шитье приданого. На дворе между тем почти середина июня.

— Когда же они поженились?

— Тоже неизвестно. Церковь в Мачингс-Энде сгорела в Пандемию, а в более поздних дневниках дата не упоминается.

— Но ведь где-то его фамилия должна фигурировать, — осенило меня. — Вряд ли владелица дневника за пятьдесят лет ни разу больше не назвала собственного мужа по имени?

Верити грустно вздохнула:

— Исключительно «мой драгоценный» и «мой возлюбленный супруг». «Драгоценный» и «возлюбленный» подчеркнуты.

— И восклицательные знаки частоколом, — понимающе кивнул я, начитавшись дневников в поисках упоминаний епископского пенька.

Мы переместились в боковой неф.

— Дневники на некоторое время прерываются — как раз после этого лета, — и Тосси возобновляет их только в 1904 году. Тогда они с мужем уже перебрались в Америку, и он снимался в немом кино под сценическим именем Бертрам Фаунтлерой, которое в 1927 году, когда пошли звуковые картины, поменялось на Реджинальд Фицхью-Смайт.

Верити остановилась перед витражом, наполовину скрытым под табличкой «Не открывать».

— Он долго и с успехом играл британских аристократов.

— Тогда, возможно, он и сам был из высшего света? Это ведь хорошо. По крайней мере не заезжий бродяга. А что в его некрологе? — озарила меня новая мысль.

— Псевдоним. Как и у нее. — Верити кисло улыбнулась. — Тосси дожила до девяносто семи

лет. Пятеро детей, двадцать три внука и крупная голливудская студия.

— И никаких зацепок. А что насчет Ковентри? Не могла она рядом с епископским пеньком повстречать мистера К и именно это счесть судьбоносным?

— Могла. Но тут другая беда: о поездке в Ковентри пока ничего не слышно. Миссис Меринг собирается в Хэмптон-Корт посмотреть на дух Катерины Говард, а о Ковентри ни словечка, и до моего появления они туда точно не успели съездить. Узнавала у…

— …горничной, — кивнул я.

— Да. И нам известно, что Тосси побывает там где-то в июне. Поэтому меня так встревожила эта внезапная вылазка в Оксфорд к мадам Иритоцкой. Я боялась, что пропажа Принцессы Арджуманд заставила их поменять Ковентри на Оксфорд… или что мистер К приедет в Мачингс-Энд в их отсутствие и разминется с Тосси. Однако если мистер Дануорти и Ти-Джей отправили Принцессу назад, может, она просто загуляла где-то. И тогда мистер К, например, найдет ее случайно и вернет хозяйке. Что, если именно это и подстегнуло помолвку — горячая благодарность Тосси за возвращение Принцессы?

— К тому же вы совсем ненадолго отлучились из Мачингс-Энда, — подхватил я. — Всего на день. Если мистер К действительно успел заглянуть за это время, наверняка горничная попросила его подождать в гостиной до вашего возвращения.

— То есть как? — Верити резко встала, зашуршав юбками.

— Просто предположил. Викторианцы вроде любили посиделки в гостиных? И горничные просили визитеров подождать?

— Когда, еще раз, вы перебросились? — с тревогой спросила Верити.

— Я ведь говорил. Утром. Тютелька в тютельку. Десять часов, седьмое июня 1888 года.

— Сегодня десятое.

Десятое…

— Но газета…

— Видимо, попалась старая. Я прибыла в Мачингс-Энд вечером седьмого, в Оксфорд мы выехали восьмого и уже третий день здесь.

— Тогда выходит… — протянул я растерянно.

— Чрезмерный сдвиг. Признак диссонанса.

— Не обязательно. Все-таки отправляли меня впопыхах. — Я объяснил про леди Шрапнелл. — Уордер могла не до конца ввести координаты. Или опечататься. Она до меня уже семнадцать

человек перебросила.

— Не исключено, — с сомнением признала Верити. — А где вас выкинуло? У моста Фолли? Это там вы познакомились с Теренсом?

— Нет, у железнодорожной станции. Его послали туда встречать родственниц наставника, но они не приехали. — Я рассказал, как Теренс поинтересовался моими намерениями насчет речной прогулки и пожаловался на финансовую несостоятельность. — И я внес залог за лодку.

— То есть, если бы не вы, его бы сейчас тут не было, — еще больше встревожилась Верити. — Смог бы он нанять лодку без вашего участия?

— Ни малейшего шанса, — покачал я головой, вспомнив Джавица. — Впрочем, он вроде собирался занять денег у какой-то Мэгс в «Митре». Считал минуты до встречи с Тосси. Думаю, останься он в итоге без лодки, пробежал бы до Иффли на своих двоих.

— Наверное, вы правы. Все-таки хаотическая система отличается гибкостью. Не встреть он Тосси здесь, вполне вероятно, встретил бы в Мачингс-Энде. Он ведь в любом случае собирался вниз по реке. Да и трехдневный сдвиг — не самая большая накладка. — Верити нахмурилась. — Хотя, конечно, для увеселительного путешествия

многовато. И больше, чем на других викторианских перебросках. Пожалуй, сообщу мистеру Дануорти, когда вернусь…

— …уверена, что духи передадут нам весточку о Принцессе Арджуманд, — донесся до нас голос Тосси, и сама она тут же порхнула в церковь вместе с Теренсом, который держал шляпу в руках. — Мадам Иритоцкая — мастерица находить пропажи. Это она помогла герцогине Дерби отыскать потерянную брошку, и герцогиня заплатила ей тысячу фунтов вознаграждения. Папенька сказал: «Конечно, помогла, сама эту брошку и спрятала», но маменька не сомневается, что это духи постарались.

Верити встала, разглаживая юбку.

— Что сказал староста? Водятся призраки в церкви?

Я поразился ее самообладанию. Перед нами снова была безмятежная английская роза.

— Нет, — покачал головой Теренс.

— Да, — заявила Тосси, возводя очи к сводам. — А этот старый бирюк пусть ворчит сколько вздумается. Они сейчас здесь, с нами, духи из другого времени и пространства. Я чувствую.

— Староста ответил, что лучше уж призраки, — пояснил Теренс, — поскольку они в отличие от

некоторых не топчут полы и не срывают объявления. И не отвлекают от чаепитий.

— Чай! — воскликнула Тосси. — Бесподобно! Кузина, прикажите Бейну подать чай.

— Некогда, — ответила Верити, подтягивая перчатки. — Нас ждут у мадам Иритоцкой.

— Как же так? Мистер Сент-Трейвис и мистер Генри еще не видели мельницу, — огорчилась Тосси.

— Посмотрят после нашего отъезда. — Верити грациозно выплыла из церкви. — Мы ведь не хотим опоздать на поезд до Мачингс-Энда. — Она остановилась у калитки. — Мистер Сент-Трейвис, будьте так любезны, попросите нашего дворецкого подогнать экипаж.

— Извольте. — Теренс приподнял шляпу и зашагал к дереву, под которым читал Бейн.

Я надеялся, что Тосси последует за ним, а я смогу поговорить с Верити, но барышня в рюшечках застыла у калитки и, надув губки, открывала-закрывала зонтик. Какой бы придумать предлог, чтобы уединиться? Надоумить Тосси пойти за Теренсом не получится, потому что Верити и без того обеспокоена их взаимной симпатией, а Тосси чужих указаний не слушает, предпочитает свои раздавать.

— Мой зонтик! — спохватилась Верити. — Должно быть, оставила в церкви.

— Давайте вместе поищем. — Я с готовностью рванул на себя дверь, и объявления посыпались, словно листья.

— Я при первой же возможности перемещусь в Оксфорд и доложу мистеру Дануорти, — прошептала Верити, как только дверь закрылась. — Вы где будете?

— Не могу сказать. Где-нибудь на реке. Теренс вроде бы собирался грести до Хенли.

— Я попытаюсь с вами связаться, — пообещала она, проходя в дальний конец нефа. — Может, через несколько дней.

— А что мне делать пока?

— Держать Теренса подальше от Мачингс-Энда. Возможно, Тосси просто забавляется от нечего делать, но я не хочу рисковать.

Я кивнул.

— И не волнуйтесь. Сдвиг всего на три дня, а мистер Дануорти не отправил бы вас сюда, если бы не удалось благополучно вернуть Принцессу. Я уверена, что все в порядке. — Она похлопала меня по руке. — Постарайтесь выспаться. Вам нужно восстановиться после переброcочной болезни.

— Непременно.

Вытащив кружевной зонтик из-под генофлектория, Верити двинулась к выходу, а потом обернулась с улыбкой.

— Зато если встретите какого-нибудь Киплинга или Карлейля, направляйте прямиком в Мачингс-Энд…

— Коляска подана, мисс, — возвестил дворецкий, вырастая в дверном проеме.

— Благодарю, Бейн, — сухо кивнула Верити и проскользнула мимо него.

Теренс усаживал Тосси в экипаж.

— Надеюсь, мы еще увидимся, мистер Сент-Трейвис, — перестав дуть губки, заявила Тосси. — Вы знаете, что сегодня вечером мы едем поездом в Мачингс-Энд? Это на реке, чуть ниже Стритли.

Теренс прижал шляпу к сердцу.

— «А до тех пор прощайте, светлый ангел, адье!»

Коляска дернулась.

— Бейн! — возмутилась Тосси.

— Прошу извинить, мисс. — Бейн натянул поводья.

— До свидания. — Тосси помахала нам платком, и от затрепетавших рюшечек зарябило в глазах. — До свидания, мистер Сент-Трейвис.

Ландо укатило, и Теренс проводил его долгим

взглядом.

— Нам пора. Профессор Преддик будет ждать, — осторожно напомнил я.

Теренс вздохнул, с тоской глядя на пыльное облако, в котором исчез экипаж.

— Ну не чудо ли она?

— Несомненно.

— Нужно немедля плыть в Мачингс-Энд, — решил он и устремился вниз по склону.

— Мы не можем, — едва поспевая за ним, возразил я. — Нужно отвезти профессора обратно в Оксфорд, а потом как же перечницы? Если они приедут дневным поездом, их необходимо будет встретить.

— Договорюсь с Троттерсом, пусть он встречает. Он передо мной в долгу за перевод Лукреция, — бросил Теренс на ходу. — А с Преддиком управимся в два счета — высадим его у колледжа Магдалины около четырех. И тогда в нашем распоряжении еще несколько часов до темноты. Успеем пройти Калемский шлюз — и завтра к полудню будем в Мачингс-Энде.

«Вот тебе и пообещал держать Теренса подальше от Тосси», — обреченно подумал я, выходя к лодке.

Которой у моста не оказалось.

Глава седьмая

Вот кошка,
Что мышку таскает за хвост,
Ту, что тихонько ворует овес,
Лежащий в унылом чулане,
В том доме,
Где Джек — хозяин.
Матушка Гусыня

О важности шлюзов в викторианские времена — «Болтун — находка для шпиона» — Тристан и Изольда — Погоня — Французская революция — Об опасности денежных вознаграждений — Напуганная кошка — Сажа — Батаанский марш смерти — Сон — Лодка найдена — Неожиданное открытие — Роль знакомств в истории — Леннон и Маккартни — Я ищу консервный нож — Находка

Сирил дожидался на месте в той же позе, в которой мы его оставили: голова обреченно покоится на лапах, в карих глазах упрек.

— Сирил! Где лодка? — воскликнул Теренс.

Сирил сел и удивленно посмотрел по сторонам.

— Ты должен был ее сторожить, — заявил Теренс строго. — Кто увел лодку, Сирил?

— А не могла она сама уплыть? — осторожно поинтересовался я, вспоминая про свой неуклюжий «полуштык».

— Глупости. Ее украли, вне всякого сомнения.

— Может быть, профессор Преддик забрал? — предположил я, но Теренс уже мчался на мост.

Когда мы его догнали, он вглядывался в убегающие воды. Вниз по течению никто не плыл, кроме одинокой кряквы.

— Наверное, вор отвел ее выше, — заключил Теренс и, перебежав на другой берег, вернулся к шлюзу.

Смотритель стоял на воротах, шаря багром в шлюзовом канале.

— Наша лодка не проходила обратно через шлюз? — крикнул ему Теренс.

Смотритель приставил руку к уху.

— Что?

— Наша лодка! — Теренс сложил ладони рупором. — Не проходила! Через шлюз!

— Что? — проревел смотритель.

— Лодка! — Теренс изобразил руками лод-

ку. — Не проходила! — Он энергично загреб воображаемыми веслами. — Через шлюз! — Он театральным жестом указал на ворота.

— Лодки проходят через шлюз? — догадался смотритель. — Разумеется, проходят. Иначе что в нем толку?

Я оглянулся по сторонам — вдруг кто видел, куда подевалась лодка? — однако Иффли совершенно обезлюдел. Не наблюдалось даже церковного старосты, торопливо втыкающего таблички «Не кричать!» Ну да, Тосси ведь говорила, что он чаевничает.

— Нет! Наша лодка! — уточнил Теренс, показывая сперва на себя, потом на меня. — Наша лодка не проходила через шлюз?

Смотритель возмущенно сдвинул брови.

— Ни в коем разе! Вплавь через шлюз проходить нельзя! Ишь чего удумали!

— Нет! — крикнул Теренс. — У нас угнали лодку, взятую напрокат!

— Аппарат? — Смотритель покачал головой. — Ближайший телеграф в Абингдоне.

— Нет, не аппарат! Напрокат!

— Супостат? — Смотритель угрожающе взмахнул багром. — Это кто еще тут супостат?

— Никто, никто. — Теренс попятился. — Напро-

кат! Лодку напрокат!..

Смотритель снова помотал головой.

— Это вам к мосту Фолли. Лодками Джавиц заправляет.

Мы с Сирилом отступили назад к мосту, и я, облокотившись на парапет, принялся размышлять об услышанном от Верити. Она спасла кошку из реки, потом вошла с ней в сеть, и сеть их пропустила.

Значит, диссонанс возник не из-за нее, потому что в таком случае сеть попросту не открылась бы. Как в первые десять раз, что Лейбовиц пытался убить Гитлера. На одиннадцатой попытке его выкинуло в Бозмен, штат Монтана, в 1946 году. Точно такую же глухую оборону сеть держала вокруг театра Форда, Перл-Харбора и мартовских ид. И Ковентри.

Наверное, Ти-Джей и мистер Дануорти правы насчет причины увеличения сдвигов вокруг Ковентри. Странно только, почему мы сами раньше не додумались, там ведь очевидный очаг напряжения.

И дело не в воздушном налете как таковом. Самолеты люфтваффе повредили — даже не уничтожили — только авиастроительные предприятия и военные заводы, да и те через три

месяца были запущены снова. Еще, разумеется, немцы разрушили собор, вызвав волну гнева и сочувствия в Соединенных Штатах, но и это не сыграло решающую роль. Американцы всколыхнулись уже после лондонского блица, ну и до Перл-Харбора оставалось всего три недели.

Нет, очаг напряжения создала «Ультра» — тайная программа с участием шифровальной машины, которую мы контрабандой протащили из Польши и использовали для расшифровки немецких текстов. Рассекреть ее немцы, изменился бы ход всей войны.

Именно благодаря «Ультре» мы узнали о грядущем налете на Ковентри — причем лишь косвенно и только к вечеру четырнадцатого, поэтому предпринять уже почти ничего не удавалось, разве что известить командование и на скорую руку наладить оборону. Меры эти (поскольку история действует по законам хаоса) оказались взаимоисключающими. Командование вопреки разведдонесениям решило, что главный удар немцев обрушится на Лондон, и отправило авиацию туда, тогда как попытки заглушить помехами радиопеленг немецких самолетов наведения провалились из-за ошибок в расчетах.

Секретность — вот из-за чего возникает зона риска. Неосторожное слово могло поставить под угрозу всю дальнейшую деятельность разведки. И если бы хоть какая-то малость насторожила фашистов — например, чудесное спасение собора или внезапное появление над Ковентри массовых сил Королевской авиации, или просто чей-то болтливый язык («Болтун — находка для шпиона»), они моментально перекодировали бы свои шифровальные машины. И мы проиграли бы сражения при Эль-Аламейне и в Северной Атлантике. А с ними и Вторую мировую.

Вот почему и Каррадерса, и новичка, и меня раз за разом выкидывало на кабачковые поля и груды щебня. Потому что в очаге напряжения любая мелочь раздувается до гигантских размеров. Последствия растут как снежный ком, и любой пустяк — пропущенный телефонный звонок, зажженная во время затемнения спичка, оброненный клочок бумаги — способен в конечном итоге погубить империю.

Шофер эрцгерцога Фердинанда по ошибке свернул на улицу Франца Иосифа, и это привело к мировой войне. Телохранитель Авраама Линкольна отлучился покурить — и прощай, надежда на спокойствие после едва отгремевшей

Гражданской. Гитлер в приступе мигрени распоряжается, чтобы его не беспокоили, и узнает о высадке союзных войск с роковой задержкой в восемнадцать часов. Лейтенант не делает на телеграмме пометку «срочно», и адмиралу Киммелю не докладывают о надвигающейся атаке японцев. «Враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя».

Вокруг таких вот очагов и возникают области увеличения сдвигов и закрытия сети.

А значит, Мачингс-Энд к таковым не принадлежит, и кошка ход истории не изменила, тем более что для предотвращения инцидента хватило бы нескольких минут. Даже не пришлось бы забрасывать Верити в Монтану. Пятью минутами позже — и кошка уже утонула; пятью минутами раньше — и Верити уходит в дом, минуя место будущей расправы.

К тому же это самая заурядная кошка, не принадлежащая ни королеве Виктории (несмотря на августейшую кличку), ни Гладстону, ни Оскару Уайльду. Вряд ли она способна повлиять на мировые события, да и 1888-й был вполне мирным годом. Восстание сипаев в Индии закончилось в 1859-м, а до Бурской войны еще одиннадцать лет.

— Это всего лишь кошка… — произнес я вслух.

Сирил встревоженно поднял голову.

— Нет, здесь ее нет, — успокоил его я. — Наверное, она уже благополучно вернулась в Мачингс-Энд.

Но Сирил вскочил и начал настороженно озираться.

— Да нет же! Воры, не творог! — донесся до нас крик Теренса. — Воры!

— Шоры? — проревел в ответ смотритель. — Это шлюз, а не конюшня!

В конце концов он махнул на Теренса рукой и скрылся в сторожке. Теренс поспешил к нам.

— Похоже, ее угнали по течению. Смотритель показал туда.

Вот уж не факт. На мой взгляд, его жест означал: «Полно мне с вами лясы точить» или даже «Катитесь-ка вы отсюда подобру-поздорову!» И потом, противоположное направление куда вернее уводило Теренса от Тосси.

— Точно? — спросил я. — Мне показалось, он махал в обратную сторону.

— Нет-нет. — Теренс уже бежал по мосту.

— Давай-ка поторопимся, — сказал я Сирилу, — иначе рискуем потеряться.

Мы поспешили за Теренсом по бечевнику,

мимо череды сельских домишек и вереницы тополей, а оттуда на пригорок, с которого виднелся длинный отрезок реки. На серебрящейся ленте не было ни пятнышка.

— Вы уверены?

Теренс кивнул, не сбавляя шага.

— Догоним их и вернем лодку. Нам с Тосси суждено быть вместе назло всем препонам. Мы предназначены друг другу судьбой, как Тристан и Изольда, как Ромео и Джульетта, как Элоиза и Абеляр.

О том, что эти пары плохо кончили, я ему напоминать не отважился, бросив все силы на то, чтобы не отстать. Сирил, пыхтя, переваливался позади.

— Когда догоним, вернемся за профессором, отвезем его в Оксфорд, потом догребем до Абингдона и там заночуем. Это всего в трех шлюзах отсюда. Если приналяжем, назавтра к чаю будем в Мачингс-Энде.

Ну уж дудки.

— Не слишком ли изнурительно? — высказался я. — Мне врач запретил переутомление.

— Можете вздремнуть, пока я гребу. К чаю — вернее всего, тогда обычно зовут посидеть с ними, а поскольку это не ужин, то официального

приглашения и парадной одежды не требуется. Нужно будет пройти Рединг к полудню.

— Хотелось бы посмотреть по дороге что-нибудь интересное, — упирался я, судорожно вспоминая подходящие достопримечательности. Хэмптон-Корт? Нет, это за Хенли. Виндзорский замок тоже. Что там осматривали трое в лодке? Могилы! Харрис не пропускал ни одного кладбища. — Я думал полюбоваться надгробиями.

— Надгробиями? — удивился Теренс. — Здесь вдоль реки ничего интересного нет, разве что плита Ричарда Тичелла в Хэмптонской церкви. Он выбросился из окна Хэмптон-Кортского дворца, но Хэмптонская церковь в любом случае дальше Мачингс-Энда. Если мы расположим к себе полковника Меринга, может, он и к ужину нас пригласит. Вы знаете что-нибудь о Японии?

— О Японии?

— Оттуда вся рыба, — напустил туману Теренс. — Лучше всего, конечно, если бы нас оставили на недельку, но он не любит долгих гостей, это, мол, ей во вред. Рыбе то есть. Что взять с кембриджца… Не притвориться ли нам медиумами? Миссис Меринг без ума от духов. Вы фрак с собой взяли?

Кажется, перебросочная болезнь навалилась с

новой силой.

— А что, медиумы ходят во фраках?

— Нет, у них обычно какие-нибудь хламиды или мантии с широкими рукавами, чтобы прятать бубны, марлю и прочий арсенал. Фрак для ужина, если нас пригласят.

Хороший вопрос, найдется ли в моем багаже вечерний наряд. Когда догоним лодку — если догоним, — нужно будет перебрать поклажу и посмотреть, чем снабдили меня Уордер с Финчем.

— Досадно, что мы не нашли Принцессу Арджуманд, — посетовал Теренс. — Тогда бы нас непременно позвали остаться. Заблудшая овечка, жирный телец и прочее. Помните, как Тосси бежала к нам в надежде, что кошка отыскалась? Прелестнейшее создание на свете! Золотые кудри, а глаза «голубые, как лен, и щеки румяней зари». Нет, даже еще алее, словно гвоздики, нет, розы!

Мы торопливо шагали вдоль берега. Теренс попеременно сравнивал черты Тосси с лилиями, вишнями, жемчугом и золотым руном, Сирил с тоской мечтал о теньке, а я размышлял о Людовике XVI.

Да, Принцесса Арджуманд не принадлежит королеве Виктории, а Мачингс-Энд не атолл

Мидуэй, но вспомните Друэ. Он тоже был никем, неграмотный французский крестьянин, который при другом раскладе ни за что не оставил бы след в истории.

Если бы не удиравший из Франции с Марией Антуанеттой Людовик XVI, высунувшийся из окна кареты спросить дорогу, а потом (вот он, тот пустяк, что меняет ход событий) в благодарность сунувший Друэ купюру. Со своим портретом.

И Друэ помчался через лес поднимать солдат, чтобы остановили карету, а когда не вышло, сам выволок телегу из амбара и перегородил выезд.

Что, если бы путешественник во времени украл телегу, или перехватил Друэ, или надоумил королевского кучера везти Людовика XVI другой дорогой? Или еще в Версале подменил купюру монетами? Людовик и Мария Антуанетта добрались бы до верной им армии, подавили революцию и направили историю Европы в иное русло.

Потому что в кузнице не было телеги. Или кошки.

— Скоро Сэндфордский шлюз, — радостно объявил Теренс. — Спросим смотрителя, не видел ли он лодку.

Через несколько минут мы добрались до шлюза, и я уже приготовился к очередному бесконечно-

му обмену неразборчивыми репликами, но в этот раз смотритель даже из сторожки не вышел.

— Ничего, — не сдавался Теренс. — В Ньюнхем-Кортни кто-нибудь найдется.

Я побоялся спрашивать, что такое Ньюнхем-Кортни, а тропа бечевника на следующем изгибе реки терялась в ивах. Однако когда мы догнали Теренса за поворотом, он стоял у крытого соломой домика, задумчиво разглядывая маленькую девочку в палисаднике. Она раскачивалась на качелях в полосатом бело-голубом платье с передником, и нижние юбки раздувал ветер. На руках она держала белую кошку.

— Кисуля, — ворковала девочка, — тебе ведь нравится качаться? Взлетать прямо под облака?

Кошка не отвечала. Она крепко спала.

В сороковые годы двадцатого века кошки еще водились, так что насмотреться на них я успел, но бодрствующий экземпляр, если не считать того комка сажи в соборе, мне пока не попадался. У Верити кошка якобы заснула во время переброски, однако сдается мне, это их обычное состояние. Помнится, одна такая черепаховая всю ярмарку в церкви Рождества Богородицы пролежала, свернувшись клубком на вязаном покрывале у прилавка с рукоделием.

— Что скажете? — показывая на девочку, спросил Теренс.

Я кивнул.

— Она могла видеть лодку. И уж наверняка слух у нее получше, чем у смотрителя.

— Да нет же, не девочка. Кошка.

— Мне казалось, у мисс Меринг пропала черная.

— Верно. С белыми носочками и белой мордочкой. Но если в нужных местах подкрасить ваксой…

— Ни в коем случае! — воспротивился я. — Она души не чает в своей любимице.

— Именно. Поэтому будет чрезвычайно признательна тому, кто ее найдет. Как считаете, если сажей, аккуратно…

— Нет. — Я решительно шагнул к качелям. — Ты не видела здесь лодку?

— Да, сэр, — вежливо ответила девочка.

— Отлично! — обрадовался Теренс. — И кто в ней плыл?

— В ком?

— В лодке!

— Которой? — поглаживая кошку, уточнила девочка. — Тут лодки плывут день-деньской. Это, знаете ли, Темза.

— Большая зеленая лодка, изрядно нагруженная, — добавил подробностей Теренс. — Видела такую?

— Он у вас кусается? — спросила девочка.

— Кто? Мистер Генри? — не понял Теренс.

— Сирил, — догадался я. — Нет, не кусается. Видела ты такую лодку? С большой кучей багажа?

— Да. — Девочка слезла с качелей и закинула кошку на плечо. Кошка не просыпалась. — Туда уплыла. — Она махнула рукой по течению.

— Это мы знаем. А кто был в лодке, видела?

— Да. — Девочка похлопала кошку по спине, словно младенца, который должен отрыгнуть. — Бедная кисуля, тебя напугала большая злая собака?

Кошка и в ус не дула.

— Так кто был в лодке? — допытывался я.

Девочка принялась баюкать кошку.

— Преподобный.

— Преподобный? То есть священник? Церковный служитель?

Может быть, староста прибил на берегу табличку «Не причаливать» и увез лодку на штрафстоянку?

— Да. В черной мантии.

— Профессор Преддик, — заключил я.

— У него были седые волосы? — спросил Теренс. — И бакенбарды?

Девочка кивнула, обхватила кошку поперек ребер и прижала к себе спиной, словно куклу.

— Нехорошая собачка, нельзя пугать маленьких!

Кошка так и не проснулась.

— Пойдемте! — позвал Теренс, уже удаляясь. — Могли бы сами догадаться, что лодку забрал профессор, — посетовал он, когда мы со злой собакой его нагнали. — Вряд ли он далеко уплыл. — Теренс показал на плавный изгиб реки между расстилающимися полями. — Один в один Марафонская долина.

То ли профессор не счел сходство таким уж разительным, то ли он все-таки греб быстрее предполагаемого, но ни его, ни лодки в обозримом пространстве не наблюдалось.

Теренса это не смутило.

— Скоро мы его настигнем.

— А если нет?

— Непременно настигнем. В пяти милях отсюда шлюз. Там он точно задержится.

— В пяти милях? — умирающим голосом переспросил я.

— Мы его обязательно догоним! Судьба не до-

пустит иного. Как у Антония и Клеопатры.

Еще одна парочка, у которой все сложилось не лучшим образом.

— Неужели Антоний отступил бы из-за такой малости, как потерянная лодка? Хотя в его случае это, наверное, была бы либурна.

Мы спешили вдоль берега. Викторианское солнце нещадно палило; Теренс, не сбавляя хода, сравнивал Тосси с ангелами, феями, духами и Клеопатрой (очень, очень трагический конец); Сирил все больше напоминал участника Батаанского марша смерти[17], а я мечтал о кровати и высчитывал, сколько я уже не сплю.

Я здесь с десяти утра, сейчас карманные часы показывают почти IV, итого шесть часов тут, а до этого три часа подготовки в лаборатории, час у мистера Дануорти, полчаса на стадионе, столько же в лечебнице, что в сумме дает нам одиннадцать, и это не считая двух часов поисков епископского пенька, часа розысков собора, а также пяти часов на благотворительном Осеннем базаре со сбором металлолома. Девятнадцать.

Когда я перебросился на благотворительную

---

[17] Примечания: 17

Устроенный японцами в 1942 году на полуострове Батаан 97-километровый перегон военнопленных пешим порядком, сопровождавшийся издевательствами и казнями.

барахолку, утром или днем? Днем, точно, потому что леди Шрапнелл перехватила меня и подсунула это изумительное задание как раз по дороге на обед.

Нет, это было накануне. Или два дня назад. Сколько я бродил по ярмаркам? Годы и годы. Я годами без сна.

— Похоже, придется бросить затею. — Я устало размышлял, далеко ли отсюда до Оксфорда. Может, заночевать в иффлийской церкви? Нет, она в четыре закрывается. И наверняка там на каждой спинке табличка «Спать на церковных скамьях запрещено».

— Смотрите! — воскликнул Теренс, указывая на заросший ивами островок посередине реки. — Вон он!

Профессор Преддик, вне всякого сомнения. Он стоял у самого берега в раздуваемой ветром мантии и, наклонившись, вглядывался в воду сквозь пенсне.

— Профессор Преддик! — крикнул Теренс, чуть не кувырнув подпрыгнувшего от неожиданности наставника в реку.

Однако профессор успел ухватиться за какую-то ненадежную ветку и удержался на ногах. Поправив пенсне, он посмотрел на нас.

— Это мы! — прокричал Теренс, приставив ладони рупором. — Сент-Трейвис и Генри. Мы вас искали!

— А, Сент-Трейвис! — обрадовался профессор. — Присоединяйтесь. У меня тут великолепное мелководье, идеальный клев для голавля.

— Вы должны за нами сплавать!

— Слава? — не расслышал профессор Преддик.

Ну, начинается.

— Сплавать! — повторил Теренс. — Лодка ведь у вас.

— А! — опомнился профессор. — Подождите.

Он исчез в ивняке.

— Будем надеяться, он не забыл ее привязать, — вздохнул я.

— Будем надеяться, он не забыл, где ее оставил, — поправил Теренс, усаживаясь на берегу.

Я уселся рядом. Сирил, плюхнувшись в траву, немедленно завалился на бок и захрапел. Эх, мне бы так…

Теперь придется везти профессора обратно в Оксфорд, на что уйдет не меньше трех часов (и то если вовремя оттаскивать его от каждого луга и рыбной заводи).

Но, может, это и к лучшему. Самое оно, чтобы держать Теренса подальше от Мачингс-Энда, как

просила Верити. Пока доберемся до Оксфорда, уже стемнеет, придется ночевать там, а утром, если повезет, уговорю Теренса подняться по реке до Парсонс-Плеже [18]. Съездим в Лондон или, например, на скачки. Когда там дерби проводится?

А может — как знать! — сон отрезвит Теренса, он прозреет и увидит в Тосси обычную пустоголовую щебетунью. Слепая влюбленность — это ведь тоже своего рода переброcочная болезнь, просто шалящие гормоны, которые отлично лечит здоровый сон.

Профессор пропал, как в воду канул.

— Наверное, нашел новую разновидность голавля и забыл про нас, — огорчился Теренс, но тут появилась лодка, огибающая оконечность острова. Профессор энергично греб, и рукава мантии надувались черными парусами.

Лодка ткнулась в берег ниже по течению, поэтому пришлось карабкаться к ней по тропе. Сирил ковылял следом.

Я обернулся поторопить его и врезался в Теренса, который застыл столбом, круглыми глазами глядя на лодку.

---

[18] Примечания: 18

Уединенный уголок в университетском парке Оксфорда на реке Чарвелл, где любили купаться и загорать голышом оксфордские профессора.

— Вы не представляете, сколько чудесных открытий я совершил, — похвастался профессор. — Этот остров — вылитое поле битвы у Данрит-Моу. А еще мне посчастливилось найти двухжаберного голубого голавля! — Он с гордостью продемонстрировал кастрюлю.

Теренс в ступоре смотрел на лодку.

Вроде бы никаких вмятин и царапин, за исключением тех, что были и при Джавице, пробоин тоже. Нос и корма совершенно сухие.

Нос. И корма.

— Теренс… — выдохнул я.

— Профессор Преддик, — пролепетал Теренс. — А что с нашими вещами?

— Вещами? — рассеянно переспросил профессор.

— Багажом. Портплед, корзины…

— А. — Лицо профессора прояснилось. — Под Salix babilonica[19] на дальней стороне острова. Забирайтесь. Я перевезу вас не хуже Харона, переправляющего души умерших через Стикс.

Я залез в лодку и помог Теренсу перекантовать Сирила — подтащил его на борт за передние лапы, а Теренс подтолкнул задние, после чего

---

[19] Примечания: 19
Вавилонская ива (*лат.*).

перебрался сам.

— Замечательное галечное дно, — отметил профессор, садясь на весла. — Идеально для плотвы. Много мошкары и мух. Я тут выловил красножаберную форель. У вас найдется невод, Сент-Трейвис?

— Невод?

— Чтобы тралить. Крючок портит рыбе губы.

— Сейчас не время для рыбалки, — покачал головой Теренс. — Нужно побыстрее загрузить лодку и двигаться обратно.

— Ерунда. Я нашел отличное место для ночлега.

— Ночлега?

— Что толку ехать домой и потом возвращаться заново? Голавль лучше всего клюет на закате.

— А как же ваша сестра с компаньонкой? — Теренс вытащил часы. — Уже почти пять. Если отплыть сейчас, увидитесь с ними за ужином.

— Нет нужды. Их уже встретил мой студент.

— Я и есть тот студент, профессор.

— Нонсенс. Того я перехватил на реке, когда работал над своей… — Он наставил пенсне на Теренса. — Боже правый, это и впрямь вы!

— Я встретил одиннадцатичасовой, но вашей сестры со спутницей там не было, значит, при-

едут тем, который в три восемнадцать.

— Не приехала она. — Профессор пристально вглядывался в воду. — Трава в самый раз для окуня.

— Да, ваша сестра не приехала, я знаю, — не сдавался Теренс. — Но если она прибудет следующим…

— Не сестра. — Профессор закатал рукав и сунул руку в воду. — Компаньонка. Сбежала и вышла замуж.

— Замуж?

Тетушка на платформе, помнится, возмущалась чьим-то замужеством.

— Вопреки всем сестрицыным стараниям. Познакомилась в церкви. Классический пример личного поступка. Историю вершат личности. Вместо нее сестра взяла племянницу.

— Племянницу?

— Большая умница. — Профессор вытянул склизкую плеть бурой травы. — Великолепно каталогизирует образцы. Жаль, вас не было на станции, вы бы с ней познакомились.

— Я-то был, а вот их не было, — настаивал Теренс.

— Уверены? — Профессор передал мне склизкий пучок. — Моди четко указала время в пись-

ме. — Он принялся хлопать по карманам.

— Моди? — Я надеялся, что мне послышалась.

— Мод, в честь своей бедняжки матери. — Профессор поочередно вывернул карманы. — Отличным бы стала натуралистом, родись она мальчиком. Наверное, потерял письмо, когда Оверфорс пытался меня прикончить. Там точно значилось без пяти одиннадцать — впрочем, возможно, поезд имелся в виду завтрашний. Какое сегодня число? О, вот наконец и наши райские кущи… «Будешь ты послан богами в поля Елисейские, к самым крайним пределам земли, где живет Радамант русокудрый»[20].

Лодка резко ткнулась в берег, разбудив Сирила, но по сравнению с тем ударом, который испытал я секундой назад, это были сущие пустяки. Мод. Из-за меня Теренс упустил своих «перечниц». Если бы не я, сестра и племянница профессора остались бы сидеть на станции, и Теренс бы их застал. Или догнал бы по дороге в Баллиол, не заверь я, что сошедшие пассажирки его эпитетам никак не соответствуют. Но он ведь сам сказал «перечницы»… И «допотопные» — тоже его слово.

---

[20] Примечания: 20

Гомер. Одиссея. Пер. В. Вересаева.

— Пришвартуетесь, Нед? — попросил Теренс, подтаскивая нос лодки подальше.

Встречи играют в общем хаосе истории чрезвычайно важную роль. Лорд Нельсон и Эмма Гамильтон. Генрих XVIII и Анна Болейн. Уотсон и Крик. Джон Леннон и Пол Маккартни. А Теренсу предназначено было встретить Мод на станции.

— Нед? — нетерпеливо окликнул меня Теренс. — Пришвартовывайте!

Я широко шагнул на глинистый берег и привязал лодку, хотя, по-хорошему, следовало сделать прямо противоположное.

— Не лучше ли нам вернуться сейчас в Оксфорд, к вашей племяннице? И сестре, — поспешно добавил я. Пусть не на станции, но они хотя бы встретятся. — Можем оставить багаж здесь, потом заберем. Две дамы, путешествующие в одиночку, — кто-то должен позаботиться об их вещах.

— Глупости, — отказался профессор. — Моди не пропадет — багаж отправят с посыльным, а сами наймут кукушку до гостиницы. У нее есть голова на плечах в отличие от многих нынешних девиц. Вам бы она понравилась, мистер Сент-Трейвис. Найдутся у вас мучные черви?

Профессор целеустремленно зашагал к ивам.

— Может быть, переубедите его? — обратился

я к Теренсу.

Тот покачал головой:

— Бесполезно, когда дело касается рыбы. Или истории. Лучше разобьем лагерь, пока не стемнело.

Он отошел к большой иве, под которой были в беспорядке свалены наши чемоданы и коробки, и принялся рыться в груде.

— Но его племянница…

— Вы же слышали. Голова на плечах. Умница. Наверняка из тех сушеных вобл, у которых на все свое мнение и которые ратуют за принятие женщин в Оксфорд. — Он выудил сковороду и пару консервных банок. — Пренеприятнейшие девицы. В отличие от мисс Меринг. Такая прелестная, неиспорченная…

И глупая. И он не должен был с ней знакомиться. Он должен был встретить Мод. «Она бы вам понравилась», — сказал профессор Преддик. Еще бы не понравилась — эти темные глаза, это личико сердечком… Но я выглядел слишком подозрительно, а Верити совершила свой опрометчивый поступок, и теперь Теренс и Тосси, которые в противном случае даже не подозревали бы друг о друге, назначают свидания. Кто знает, какими осложнениями это чревато?

— Мы в любом случае увидим ее утром, — продолжал Теренс, нарезая мясной пирог. — Когда будем отвозить профессора.

Он увидит ее утром. В хаотической системе заложены припуски, возможности вмешательства, упреждающие петли, чтобы последствия отдельных событий не росли как снежный ком, а попросту аннулировались. Не встретились в одном месте, встретятся в другом. Теренс сегодня разминулся с Мод — не беда, познакомится с ней завтра. Может статься, если мы поплывем обратно сейчас, будет уже поздно, и сестра профессора откажется принимать гостей, так что Теренс снова упустит Мод. А вот завтра утром, когда она встретит его свежей и принарядившейся, Теренс думать забудет про Мачингс-Энд и устроит для Мод пикник на Портовом лугу.

Если знакомство действительно было уготовано им судьбой. Мало ли, сестра профессора с таким же успехом могла счесть подозрительным носильщика или испугаться сквозняка и уехать на своей кукушке еще до появления Теренса, даже если бы меня там не было. А Теренс, горя желанием поскорее нанять лодку, все равно помчался бы к мосту Фолли, а не догонять встречаемых. Ти-Джей ведь говорил про заложенные в

системе возможности самокоррекции.

Верити тоже права. Принцессу Арджуманд вернули; диссонанс, если таковой и появился, сгладили, а значит, мне положено отдыхать и восстанавливаться, то есть ужинать и спать — именно в таком порядке.

Теренс, расстелив плед, расставлял на нем оловянные тарелки и кружки.

— Чем помочь? — спросил я, глотая слюну. Когда я ел в последний раз? Вспоминается только чашка чая и каменное печенье на благотворительном базаре в помощь фронту при Женском институте, а это было по крайней мере два дня и пятьдесят два года назад.

Запустив руку в плетеный короб, Теренс вытащил кочан капусты и большой лимон.

— Можете достать одеяла. Двое лягут в лодке, а кто-нибудь один — на берегу. А еще было бы неплохо найти серебро и имбирный эль.

Я послушно раскопал и принялся раскатывать одеяла. Рука церковного старосты из Иффли явно дотянулась и сюда: практически на каждом дереве висело по объявлению (не считая вкопанных у берега табличек). «Проезда нет», «Не ходить», «Частная территория», «Нарушители будут расстреляны», «Частные воды», «Причали-

вать воспрещается», «Рыбалка запрещена», «Не сорить», «Не разбивать лагерей», «Не устраивать пикников», «Высадка на берег строжайше возбраняется».

Перерыв коробки Теренса, я обнаружил набор какой-то столовой утвари и, выбрав оттуда вещицы, максимально похожие на вилки, ложки и ножи, разложил их на пледе.

— Вы уж не обессудьте, разносолов не предвидится, — предупредил Теренс. — Я собирался пополнить запасы по дороге, поэтому пока придется затянуть пояса. Скажите профессору, что скромный ужин подан.

Мы с Сирилом отыскали Преддика, который, по обыкновению, опасно склонялся над водой, и повели за стол.

На скромный, по мнению Теренса, ужин предлагался пирог со свининой, пирог с телятиной, холодный ростбиф, окорок, маринованные огурцы, маринованные яйца, маринованная свекла, сыр, хлеб с маслом, имбирный эль и бутылка портвейна. Да я такого пира за всю жизнь не видывал!

Теренс скормил обрезки ростбифа Сирилу и взял в руки консервную банку.

— Вот олух! — обругал он сам себя. — Забыл

консервный нож, зато взял…

— Ананасы, — подсказал я с ухмылкой.

— Нет, персики, — выяснил Теренс, взглянув на этикетку. — Хотя, может, и ананасы найдутся. — Он задумчиво склонился над коробом. — Впрочем, полагаю, без консервного ножа они на вкус одинаковы.

«Можно попробовать продырявить банку багром», — подумал я, пряча улыбку. Так делали трое в лодке. И чуть не укокошили Джорджа. Когда бы не соломенная шляпа…

— Сейчас попытаюсь карманным ножом, — предложил Теренс.

— Нет! — Ножом они пытались вскрыть банку до багра. А еще ножницами, острым камнем и мачтой. — Лучше обойдемся, — благоразумно отказался я.

— Послушайте, Нед, — озарило Теренса, — а у вас в багаже консервный нож не завалялся?

В принципе, зная Финча… Расправив затекшие ноги, я поковылял к ивам и начал перебирать поклажу.

В ранце нашлись три сорочки без воротника, вечерний костюм (на несколько размеров меньше моего) и явно великоватая шляпа-котелок. Хорошо, что мне никуда не надо отлучаться с

реки.

Я открыл короб — вот, это ближе к делу. Несколько больших ложек и разнокалиберные столовые приборы, среди которых что-то напоминающее ятаган и еще какой-то с двумя длинными ручками и вращающимся перфорированным барабаном. Вполне вероятно, какой-то из них и есть открывалка. Если не оружие.

На подмогу приплюхал Сирил.

— Ты знаешь, как выглядит консервный нож? — обратился я к нему, демонстрируя какую-то решетчатую пластину на длинной ножке.

Сирил заглянул в ранец, потом принялся нюхать корзину для пикника.

— Думаешь, там?

Расстегнув деревянную пуговицу, я откинул крышку. На меня посмотрели серые глаза зевающей Принцессы Арджуманд.

Глава восьмая

Кошки, как уже говорилось, это кошки,
и ничего тут не попишешь.
П. Г. Вудхаус

Шкатулка Пандоры — Исподнее как тема для разговоров в викторианскую эпоху — Моя оплошность — Каких команд слушаются кошки — Оплошность короля Джона — Как важно высыпаться — Открытие консервной банки — Звуки кошачьих — Лебедь — Корова миссис О'Лири — Гензель и Гретель — Идеальное окончание идеального дня

— Ты что здесь делаешь? — выпалил я.

Вопрос был излишним. Мистер Дануорти отправил ее со мной, и именно мне предстояло вернуть ее в Мачингс-Энд, прежде чем исчезновение кошки повлечет за собой разрушительные последствия.

Но я промахнулся на три дня и сорок миль. К тому же одурел от перебросочной болезни и не соображал, что от меня требуется. А тем време-

нем миссис Меринг уехала в Оксфорд к медиуму, Тосси познакомилась с Теренсом и графом де Веккио, а Теренс разминулся с Мод.

И катастрофу никто не урегулировал. Вот она, смотрит на меня серыми глазами.

— Тебя не должно здесь быть, — немеющими губами прошептал я.

Кошка разглядывала меня в упор. У нее были странные вертикальные зрачки, словно прорези, с зелеными искрами. Я и не подозревал, что у них бывают глаза такого цвета. Мне казалось, они у всех кошек ярко-желтые и светятся в темноте.

Еще мне казалось, что собакам положено гонять кошек, однако Сирил сидел смирно, косясь на меня, как на предателя.

— Я не догадывался, что она тут, — оправдался я.

Но как, как мне удалось не догадаться? Что еще мог сунуть мне Финч в корзине — закрытой корзине! — в последнюю минуту? Головку сыра?

Не зря Финч сомневался в моих силах. У меня ничего не щелкнуло, даже когда Теренс рассказал о пропаже. И когда начала расспрашивать Верити… Болван, тупица, остолоп!

Я мог бы еще в Иффли передать кошку Верити. Или Тосси. Отошел бы к лодке под каким-нибудь

предлогом и притворился, будто нашел пропажу на берегу. Если бы знал, что она у меня. Если бы додумался заглянуть в багаж. Олух, недотепа, кретин!

Кошка пошевелилась. Зевнула и изящно потянулась, выпростав белую лапку. Я наклонился поближе, надеясь увидеть остальные, но все скрывала черная шерсть.

У меня мелькнула страшная мысль: что, если это вовсе не Принцесса? Тосси говорила, что она черная с белой мордочкой, но ведь черно-белые кошки в 1888 году наверняка водились в избытке. И даже в переизбытке, раз уж им приходилось топить котят.

— Принцесса Арджуманд? — осторожно позвал я.

Серые глаза смотрели с прежним безразличием.

— Принцесса Арджуманд, — уже тверже повторил я, и глаза закрылись.

Нет, это не она. Это кошка смотрителя шлюза или церковного старосты. Забралась в корзину, пока мы бродили по иффлийской церкви.

Кошка в очередной раз зевнула, показывая розовый язык и ряд острых мелких зубов, потом поднялась.

Сирил попятился, словно дежурный ПВО при виде бомбы-зажигалки.

Выбравшись из корзины, кошка пошла прочь, грациозно переступая белыми лапами и покачивая белым кончиком хвоста. Верхняя часть задних лап тоже оказалась белой — словно панталончики. Тосси про панталончики ничего не говорила, и я уже воспрянул духом, но вспомнил, что это викторианская эпоха, где воспитанные люди не обсуждают панталоны и прочее исподнее. Да и, по здравом размышлении, сколько белолапых кошек могло забраться ко мне в корзину и застегнуть пуговицу снаружи?

Кошка почти пересекла поляну.

— Стой! — крикнул я. — Принцесса Арджуманд! — Нет, они ведь так не понимают. — Стоять! — скомандовал я строго. — Место!

Она удалялась.

— Вернись, — уговаривал я. — Стоять. Стоп. Эй!

Кошка обернулась и с любопытством посмотрела на меня большими серыми глазами.

— Вот так. — Я начал подкрадываться. — Молодец, хорошая киса.

Она села и принялась умываться.

— Замечательная киса, — приближаясь, приговаривал я. — Сиди… сиди… вот так…

Кошка элегантно потерла за ухом.

Мне оставалось полшага.

— Сиди… сиди… не двигайся…

Я бросился на нее, она мягко прыгнула вбок и скрылась за деревьями.

— Ну что, нашли? — позвал Теренс с берега.

Я поднялся, отряхивая рукава, и пристально посмотрел на Сирила.

— Никому ни слова!

К нам вышел Теренс с банкой персиков.

— Вот вы где. Есть улов?

— Пока нет. — Я поспешно вернулся к багажу. — То есть я еще не все проверил.

Захлопнув крышку корзины, я открыл ранец, изо всех сил надеясь обойтись без дальнейших сюрпризов. Надежда оправдалась. В ранце лежала пара ботинок не больше тридцать восьмого размера, большой платок в горошек, три рыбные вилки, объемистый серебряный половник с филигранной ручкой и щипцы для улиток.

— Может, эти подойдут? — спросил я, вытаскивая щипцы.

Теренс тем временем рылся в коробе.

— Сомневаюсь… А, вот! — Он извлек тот самый ятаган с красной рукоятью. — О, вы даже стилтон прихватили? Замечательно.

Он удалился, унося консервный нож и сыр, а я подошел к кромке поляны.

Кошки простыл и след.

— Эй, Принцесса Арджуманд! — звал я вполголоса, раздвигая ветви и заглядывая под кусты. — Сюда, киса!

Сирил ткнулся носом в куст, вспугнув какую-то птаху.

— Сюда, киса! — звал я. — К ноге!

— Нед! Сирил! — донесся до нас голос Теренса, и я дернулся, зашелестев веткой. — Чайник кипит! — Он вышел с открытой банкой персиков. — Что вы там возитесь?

— Решил прибрать слегка. — Я сунул щипцы в ботинок. — Упаковать все обратно, чтобы завтра не задерживаться.

— Приберем после десерта, — заявил Теренс, хватая меня за локоть. — Пойдемте уже.

Он отвел нас к костру. Сирил настороженно озирался, профессор разливал чай по оловянным кружкам.

— Dum licet inter nos igitur laetemur amantes[21], — возвестил он, передавая мне чашку. — Идеальное завершение идеального дня.

---

[21] Примечания: 21

«Будем же наслаждаться, пока есть возможность». — *Секст Аврелий Проперций.* «Элегии» (*лат.*).

Идеальнее некуда. Я не сумел вернуть кошку, разлучил Теренса с Мод, помог ему добраться до Иффли на свидание с Тосси — и кто знает, каких еще дров наломал.

Но что толку плакать над пролитым молоком? Метафора, может, не самая подходящая к случаю, однако его все равно не соберешь обратно, коль уж пролилось. Да и какая метафора будет уместнее? Шкатулка Пандоры? Джинн из бутылки?

Плакать бесполезно, сделанного не воротишь. Нужно как можно скорее доставить Принцессу в Мачингс-Энд, пока не стало еще хуже.

Верити просила держать Теренса подальше от Тосси, но она не знала про кошку. Я должен немедленно вернуть пропажу на место, а самый подходящий способ для этого — сообщить о находке Теренсу. Он будет на седьмом небе и на всех парах помчится в Мачингс-Энд.

Однако положение и без того шаткое, лучше не усугублять — ведь Тосси может из благодарности за возвращение Принцессы влюбиться в Теренса вместо своего мистера К. Или Теренс задастся вопросом, как Принцессу занесло так далеко от дома, и пустится в погоню за предполагаемым похитителем, как гнался за лодкой, свалится в темноте с запруды и утонет. Или утопит кошку.

Или вызовет Бурскую войну.

Лучше я сохраню свою находку в тайне до Мачингс-Энда. Если удастся заманить ее назад в корзину. И вообще отыскать.

— А вдруг мы найдем Принцессу Арджуманд? — поинтересовался я небрежным (хотелось бы верить) тоном. — Как мы ее поймаем?

— Вряд ли ее придется ловить, — усомнился Теренс. — Полагаю, она сама с благодарностью кинется нам в объятия. Она ведь не привыкла выживать в дикой природе — со слов Тосс… мисс Меринг, до сих пор Принцесса обитала в холе и неге.

— А если все же придется? — настаивал я. — Она подойдет на зов?

Теренс с профессором изумленно округлили глаза.

— Это ведь кошка!

— Тогда как ее отлавливать, если она испугается и не захочет подходить? Устраивать ловушку или…

— Думаю, можно подманить чем-нибудь вкусным. Наверняка она будет голодная.

Теренс мечтательно уставился на воду.

— Может статься, она сейчас тоже смотрит на реку, как и я. «Когда вечерняя прохлада струит

свой позлащенный шлейф через чертоги ночи»[22]...

— Кто? — Я пошарил взглядом по берегу. — Принцесса Арджуманд?

— Да нет же! — с досадой бросил Теренс. — Мисс Меринг. Смотрит ли она сейчас на этот же закат? Знает ли она, как знаю я, что нам суждено быть вместе, подобно Ланселоту и Гиневре?

Еще одна злополучная пара, но их злосчастье ничто по сравнению с тем, что ждет нас, если я не отловлю кошку и не доставлю в Мачингс-Энд.

Я встал и начал собирать посуду.

— Пожалуй, лучше все уложить и отправиться на боковую, чтобы завтра пораньше сняться.

— Нед прав. — Теренс повернулся к профессору, неохотно отрывая взгляд от реки. — В Оксфорд нужно выдвигаться рано поутру.

— Есть ли необходимость плыть в Оксфорд? — возразил я. — Мы можем взять профессора в Мачингс-Энд, а в Оксфорд отвезти потом.

Теренс смотрел на меня в недоумении.

— Так мы выиграем по меньшей мере два часа, а уж сколько там по берегу исторических мест! Руины и могилы и... Раннимед, — импровизировал

---

[22] Примечания: 22
Уитман, Сара. Зов лета.

я. — Ведь это слепые силы природы способствовали подписанию Хартии вольностей?

— Слепые силы? — взвился профессор. — Ни в коем случае, только поступки, только характер! Бессердечие короля Джона, медлительность папы, стремление архиепископа Лэнгтона настоять на неприкосновенности личности и власти закона. Природа! Хотел бы я послушать, как Оверфорс объяснит подписание Хартии вольностей силами природы! — Он одним глотком допил чай и решительно поставил чашку. — Непременно едем в Раннимед!

— А как же ваша сестра с племянницей? — напомнил Теренс.

— Мой лакей их обеспечит всем необходимым, да и Моди у меня вполне самостоятельная. Король Джон, знаете ли, сильно просчитался, выступив в Оксфорд. Сиди он в Лондоне, история сложилась бы совсем иначе. Мы его оплошность повторять не будем, — заявил профессор, подхватывая удочку. — Возьмем курс на Раннимед.

— Но ваша сестра с племянницей не узнают, куда вы делись.

— Можно послать телеграмму из Абингдона, — пожал я плечами.

— Да-да, телеграмму. — Профессор Преддик

проковылял к берегу.

Теренс озабоченно посмотрел ему вслед.

— Вам не кажется, что он будет нас задерживать?

— Полно вам. Раннимед почти у самого Виндзора — я могу отвезти профессора на лодке, пока вы будете в Мачингс-Энде с мисс Меринг. К полудню доберемся. И у вас будет время привести себя в порядок, чтобы предстать в самом выигрышном виде. Можем остановиться в «Ячменной скирде», — я припомнил название гостиницы из «Троих в лодке», — там вам отутюжат брюки и начистят туфли.

А я выскользну украдкой, пока ты будешь бриться, и верну кошку в Мачингс-Энд. Если отловлю.

Теренс по-прежнему колебался.

— Что ж, полагаю, время мы выиграем, — наконец признал он.

— Значит, решено. — Я свернул плед-скатерть и сунул его в короб. — Вы мойте посуду, а я устрою постели.

Теренс кивнул.

— В лодке поместятся только двое. Я посплю у костра.

— Нет-нет, сегодня у костра останусь я.

Я достал одеяла и все, кроме двух, расстелил на дне лодки, а оставшиеся унес на поляну.

— Не лучше ли поближе к огню? — спросил Теренс, собирая тарелки стопкой.

— Нет, врач не рекомендовал мне спать в дыму.

Пока Теренс, закатав брюки, ополаскивал посуду, стоя по щиколотку в воде, я тайком вытащил из багажа фонарь и веревку, жалея, что профессор не прихватил невод.

Нужно было спросить Теренса, что едят кошки. От ужина осталось немного стилтона. Любят ли кошки сыр? Нет, я путаю с мышами. Сыр любят мыши. А кошки — мышей. Но вряд ли мы брали в дорогу мышей.

Молоко! Вот что они любят. Заведующая кокосовым тиром на Осенней ярмарке долго ругалась на кошку, вылакавшую все молоко из бутылки, оставленной молочником на крыльце. «Когтями крышку содрала, паршивка такая!»

Молока у нас не было, но в бутылке плескались остатки сливок. Рассовав по карманам бутылку, блюдце, банку горошка и еще одну с тушенкой, хлебную горбушку и открывалку, я припрятал их на поляне, а потом вернулся к костру.

Теренс рылся в вещах.

— Куда запропастился фонарь? Было два, я помню. — Он поднял глаза к небу. — Похоже, будет дождь. Может, лучше вам тоже в лодку? В тесноте, да не в обиде.

— Ни в коем случае! Врач говорит, моим легким вредны речные пары. — Странный довод, учитывая якобы рекомендованную мне для поправки здоровья речную прогулку. — Она мне строго-настрого наказала спать на берегу.

— Она? — озадачился Теренс, и я только теперь спохватился, что врачей-женщин викторианская Англия не знала. Как и юристов с премьер-министрами.

— Он. Врач. Джеймс Дануорти. Велел спать на берегу, подальше от остальных.

Теренс выпрямился, покачивая фонарем.

— Я точно помню, Доусон клал два. На моих глазах паковал. Не представляю, куда он мог подеваться.

Он зажег фонарь, сняв стеклянный колпак, чиркнув спичкой и поправив фитиль. Я старательно запоминал.

Профессор Преддик принес чайник, в котором плескались две рыбешки.

— Нужно уведомить профессора Эдельсвайна о моем открытии. До сих пор считалось, что

ugobio fluviatilis albinus в Темзе перевелись окончательно. — Он вгляделся в темные глубины чайника. — Великолепный экземпляр!

Поставив чайник на короб, профессор достал трубку.

— Разве мы не идем на боковую? — удивился я. — Рано в кровать, рано вставать…

— Именно, — ответил профессор, развязывая кисет с табаком. — Здоровый сон очень важен. Греки при Саламине превосходно выспались перед битвой. — Он набил трубку, приминая табак большим пальцем. Теренс, следуя его примеру, вытащил свою. — Персы же, напротив, всю ночь расставляли корабли, чтобы не дать грекам уйти.

Он зажег трубку и принялся раскуривать.

— Вот-вот, и персов разбили наголову, — подхватил я. — Мы не повторим их ошибку. А значит, — я поднялся, — всем спать!

— Равно как и саксы в битве при Гастингсе, — продолжал профессор, передавая Теренсу кисет. Оба уселись. — Войска Вильгельма Завоевателя были свежими и отдохнувшими, а саксы едва держались на ногах после одиннадцатидневного перехода. Дай Гарольд своим войскам передышку, он мог бы выиграть битву и изменить ход

истории.

А теперь ход истории изменится, если я не верну пропажу.

— Мы не имеем права проигрывать завтрашние битвы, — попытался я снова. — Поэтому предлагаю укладываться.

— Индивидуальные поступки, — попыхивая трубкой, вещал профессор. — Вот что обусловило исход битвы при Гастингсе. У саксов, как известно, было преимущество. Они стояли на гряде, а защищать высоту — это самая выгодная для армии позиция. Вспомним Веллингтона при Ватерлоо. И сражение у Фредериксберга во времена Гражданской войны в Америке. Конфедераты потеряли у Фредериксберга двенадцать тысяч человек, двинув армию через открытую местность на обороняемый холм. А ведь саксы были лучше обеспечены и сражались на своей земле. Если бы историей правили экономические силы, саксы непременно одержали бы победу. Но битву при Гастингсе выиграла не экономика, а личность. Вильгельм Завоеватель переломил ход сражения по меньшей мере в двух критических моментах. Первый настал, когда под Вильгельмом во время атаки убили коня.

Сирил плюхнулся на землю и захрапел.

— Если бы он немедленно не вскочил на ноги и не откинул забрало, демонстрируя воинам, что цел и невредим, не видать ему победы. Как вписывается этот факт в оверфорсовскую теорию? Никак! Потому что историю движут личности, и порукой тому второй критический момент битвы при Гастингсе…

Прошел целый час, прежде чем они наконец выколотили трубки и отправились к лодке. Теренс вдруг вернулся с полпути.

— Оставьте-ка вы лучше фонарь себе, раз спите на берегу.

— Ничего страшного, обойдусь, — заверил я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Он помахал мне рукой и двинулся обратно к лодке, декламируя: — «Ночь — время отдыха. Как сладостно от сонма дневных забот укрыться звездным покрывалом»[23].

Да, было бы неплохо, но сперва надо отыскать Принцессу. Я уселся на поляне, дожидаясь, пока остальные заснут, и стараясь не думать о том, что каждая секунда отсутствия кошки умножает число непредсказуемых последствий в геометрической прогрессии.

---

[23] Примечания: 23
Монтгомери, Джеймс. Ночь.

Она может попасться в лапы волку. В викторианской Англии водились волки? Или ее утащит к себе какая-нибудь старушка. Или подберет проходящая лодка.

Шлюзы сейчас закрыты, успокаивал я сам себя, и потом, это всего лишь кошка. Ну какую роль может сыграть в истории животное?

Вообще-то существенную. Взять хотя бы коня Александра Македонского Буцефала и «маленького джентльмена в черном бархатном фраке» — крота, о чью нору споткнулась лошадь Вильгельма III. А Ричард III, суливший при Босворте полцарства за коня? А корова миссис О'Лири[24]? А кот Дика Виттингтона?

Выждав полчаса, я осторожно зажег фонарь. Потом вытащил припрятанные консервные банки из кустов и открывалку из кармана. И начал откупоривать.

Это ведь точно консервный нож. Теренс сказал. Он вскрыл им банку с персиками. Я потыкал в крышку концом ятагана, потом лезвием. Потом противоположным, закругленным концом.

Между ними имелся зазор. Возможно, одна часть цепляется за край банки и служит рыча-

---

[24] Примечания: 24

Согласно преданию, корова, из-за которой в Чикаго в 1871 году начался крупный пожар, уничтоживший почти весь город.

гом? Или ее нужно вонзать в банку сбоку? Или со стороны дна? А может, я просто держу открывалку не тем концом, и ятаган — это как раз ручка?

Нет, определенно нет. Зажав порез, я принялся шарить в ранце в поисках платка.

Ладно, будем рассуждать логически. Логичнее всего протыкать банку острием ятагана. Причем со стороны крышки. Возможно, в крышке есть какая-то специальная выемка. Я обследовал крышку — ничего похожего.

— Зачем викторианцы так все усложняли? — пожаловался я, и тут у ближней кромки поляны что-то блеснуло. — Принцесса Арджуманд? — позвал я шепотом, поднимая фонарь.

Да, хоть тут память меня не подвела: кошачьи глаза действительно светятся в темноте. Из кустов на меня смотрели два желтых огня.

— Сюда, киса… — Я поманил ее горбушкой и почмокал губами. — Я тебе вкусненькое припас. Иди сюда.

Желтые огни моргнули и пропали. Я сунул горбушку в карман и начал подкрадываться к кромке.

— Сюда, киса. Я отвезу тебя домой. Ты же хочешь домой?

Тишина. Ну, не совсем тишина. Лягушки ква-

кали, листья шелестели, а Темза плескалась — но ничего похожего на кошку. Какие звуки издают кошки? Поскольку все виденные мной представители кошачьих только и делали, что спали, с ответом я затруднялся. Очевидно, мяукающие. Кошки ведь мяукают.

— Мяу, — произнес я, раздвигая ветки и заглядывая под кусты. — Иди сюда, киса. Ты ведь не хочешь рушить пространственно-временной континуум? Мяу-мяу.

Снова блеснули глаза, на дальнем краю рощицы. Я начал пробираться туда, рассыпая хлебные крошки по дороге.

— Мяу! — позвал я, плавно покачивая фонарем. — Принцесса Арджуманд?

Я чуть не споткнулся о Сирила, который радостно вилял всей своей филейной частью.

— Марш назад охранять хозяйский сон, — прошипел я. — Только тебя здесь не хватало!

Сирил немедленно уткнулся приплюснутой мордой в землю и принялся нюхать, выписывая круги.

— Нет! Ты не ищейка! У тебя даже носа нет. Иди в лодку. — Я решительно указал ему на берег.

Сирил перестал нюхать и посмотрел на меня красными, как у матерого бладхаунда, глазами. В

них отчетливо читалось: «Ну пожалуйста!»

— Нет, — твердо ответил я. — Кошки не любят собак.

Сирил снова прижался брылями к земле и усердно засопел.

— Хорошо, хорошо, пойдем. — Я понял, что сопротивляться бесполезно. — Только от меня ни на шаг.

Я вернулся на поляну, налил сливок в блюдце, взял веревку и спички. Сирил с интересом наблюдал.

— Охота началась, Ватсон, — возвестил я, поднимая фонарь повыше. И мы устремились в неизвестность.

В темноте к плеску, шелесту и кваканью примешивались какие-то скользящие шорохи, уханье и стрекот. Поднимался ветер, и я прикрыл фонарь рукой, только теперь по достоинству оценив такое гениальное изобретение, как карманный фонарик. Как удобно, когда есть яркий направленный луч… Фонарь же я мог лишь поднимать и опускать, он давал пятно теплого рассеянного света, за пределами которого темнота, кажется, сгущалась еще сильнее.

Время от времени я звал: «Принцесса Арджуманд!», и «Сюда, киса!», и «Ау!» Я сыпал хлебные

крошки и устраивал засаду на подходящего вида кусты, ставя перед ними блюдечко со сливками.

Ничего. Ни желтых огней, ни мяуканья. Становилось все темнее, пахло сыростью — неужели и впрямь дождь намечается?

— Чуешь ее, Сирил?

Мы пошлепали дальше. Рощица, вполне приветливая днем, превратилась в дремучий лес, состоящий сплошь из бурелома, колючек и зловещих когтистых ветвей. Кошка может прятаться где угодно.

Вон там! У реки! Что-то белое…

— Сюда, Сирил, — прошептал я, сворачивая к берегу.

Снова мелькнуло — в камышах, не двигается. Может, спит?

— Принцесса Арджуманд? — позвал я, раздвигая камыши. — Вот ты где, безобразница…

У белого комка вдруг выросла длинная гибкая шея.

— Га-а-а! — заклекотал он, шумно хлопая исполинскими крыльями.

Я выронил блюдце.

— Это лебедь, — зачем-то констатировал я очевидное. Лебедь. Белоснежное украшение Темзы, царственно скользящее по темной глади. — Все-

гда мечтал увидеть своими глазами, — признался я Сирилу.

Сирила рядом не было.

— Га-а-а-а! — возмущенный бесцеремонной побудкой, гаркнул лебедь, расправляя крылья во всю их необъятную ширь.

— Прости, — извинился я, отступая. — Принял за кошку.

— Ш-ш-ш! — прошипел лебедь и побежал на меня.

Ни в одной оде лебедям ни слова не говорилось о том, что они шипят. И оскорбляются, когда их путают с кошачьими. И щиплются.

В конце концов я спасся, проломившись через какие-то колючие кусты, вскарабкавшись на нижние ветки дерева и двинув лебедю в клюв ногой, после чего тот поковылял обратно к реке, бормоча проклятия и угрозы.

Выждав минут пятнадцать — на случай если это уловка, — я слез с дерева и принялся осматривать раны. Поскольку большей частью они находились сзади, это было несколько затруднительно. Я извернулся ужом, проверяя, нет ли крови, и заметил Сирила, который с виноватым видом выходил из-за куста.

— Разбиты наголову. Как персы. У Харриса тоже

с лебедями не сложилось. (Эх, что ж я эту главу раньше не вспомнил?) Они хотели вытащить его и Монморанси из лодки.

Я подобрал фонарь, лишь чудом не опрокинувшийся, когда я его выронил.

— Если бы на стороне короля Гарольда сражались лебеди, Англией до сих пор владели бы саксы.

Мы возобновили экспедицию, стараясь держаться подальше от реки и подозрительных белых пятен.

Полли Вон из старинной песни погибла от рук своего возлюбленного, который принял ее за лебедя. Все потому, что на ней был белый передник, вот юноша и пустил в нее стрелу. Теперь я хорошо его понимаю. В дальнейшем я тоже предпочту сначала стрелять, а потом разбираться.

Темнота продолжала густеть, воздух — сыреть, а кусты — щетиниться колючками. Никаких белых пятен, горящих глаз и почти никаких звуков. Рассыпав последние крошки, я позвал: «Сюда, киса!» — но мой голос увяз в темноте.

Придется признать очевидное: кошка пропала бесследно, погибла от голода в дикой глуши, растерзана свирепым лебедем или найдена в тростниках фараоновой дочерью и кардинально

меняет ход истории. Нам с Сирилом ее не отыскать.

Словно в подтверждение, фонарь начал коптить.

— Все напрасно, Сирил. Ее нет. Пойдем назад.

Легко сказать. Бросив все силы на поиски Принцессы, я совсем не запоминал дорогу, а рощицы вокруг были похожи, как капли воды.

Я опустил фонарь к земле, выискивая оставленный след из хлебных крошек, и только тогда вспомнил, что Гензель и Гретель тоже принадлежат к числу катастрофически оплошавших.

— Показывай дорогу, Сирил, — с надеждой велел я. Бульдог с готовностью осмотрелся по сторонам — и сел на землю.

Конечно, самое разумное — выбраться на берег и идти вниз по реке, но там подстерегают лебеди, да и волки, наверное, еще не все хлебные крошки доели. Я двинулся в самом подходящем на вид направлении.

Через полчаса начало моросить, промокший ковер из листьев сделался скользким. Мы волочили ноги, словно саксы после одиннадцатидневного перехода. Перед тем как потерять Англию навсегда.

Я упустил кошку. Я потратил даром массу дра-

гоценного времени, не подозревая о том, что Принцесса у меня, а потом упустил ее. Я отправился на увеселительную прогулку с совершенно посторонним человеком, из-за меня Теренс проворонил, возможно, судьбоносную встречу и…

Хотя… Вот я уплыл с Теренсом, и мы подоспели как раз в нужный момент, чтобы спасти профессора Преддика от смерти в речной пучине. А если бы Теренс в это время сопровождал Мод? Или ему как раз не суждено было ее встретить, поскольку судьба назначила его в спасатели на водах? Или, наоборот, профессору предстояло утонуть, и счастливое спасение нужно добавить к списку моих оплошностей?

Но если это и оплошность, я о ней не жалею. Я рад, что профессор жив-здоров, хоть с ним и туговато приходится. И я начинаю понимать, что чувствовала Верити, вытаскивая кошку.

Кошку, которая бродит где-то здесь под дождем. Как мы с Сирилом. Я заблудился окончательно — ни этих деревьев, ни этого бурелома я прежде точно не видел. Развернувшись, я пошел обратно.

И там оказалась лодка. И поляна. И мое одеяло.

Сирил увидел их первым и рванул туда, радостно извиваясь всем телом, а потом вдруг встал

как вкопанный. Неужели в одеяле свил гнездо лебедь?

Нет, не лебедь. Свернувшись клубком, на пледе крепким сном спала Принцесса Арджуманд.

Глава девятая

Маленькие серые клеточки — вот что поможет распутать любую историю.

Эркюль Пуаро

Моя первая ночевка в викторианской эпохе — Теснота — Храп — Дождь — О влиянии погоды на ход истории — Пневмония — Исчезновение кошки — Раннее отплытие — Исчезновение двухжаберного голубого голавля профессора Преддика — Абингдон — Урок гребли — Исчезновение профессора Преддика — Сувениры — Отправка телеграммы — Позднее отплытие

Вряд ли именно такие покой и сон, как в эту первую мою ночь в викторианской эпохе, имела в виду медсестра из лечебницы.

Я намеревался водворить Принцессу обратно в корзину — под надежный замок, и для верности еще камней на крышку. Но когда я осторожно поднял ее, всячески остерегаясь когтей и неожиданных бросков, она уютно устроилась у меня на

руках. А потом посмотрела умоляюще и заурчала, едва я наклонился над корзиной. Я, конечно, читал, что кошки мурлычут, но всегда представлял этот звук как басовитое ворчание или что-то вроде радиопомех. Здесь же никакой угрозы и треска не слышалось, и я невольно принялся извиняться:

— Прости, так нужно. — Я неловко погладил теплый кошачий бок. — Иначе мы рискуем потерять тебя снова. Вселенная висит на волоске.

Урчание усилилось, и мягкая лапа просяще коснулась моей руки. Я сдался и понес кошку обратно.

— Ей и так завтра весь день сидеть в корзине, — объяснил я Сирилу, который уже устроился посреди одеяла. — А убегать ей теперь незачем, мы ведь подружились.

Сирила это не очень убедило.

— Раньше она боялась, — растолковал я. — А сейчас вполне укротилась и присмирела.

Сирил фыркнул.

Я сел на одеяло, скинул промокшую обувь, не выпуская кошку из рук, потом попытался забраться в постель. Легко сказать. Сирил застолбил себе место намертво и уступать не намеревался.

— Подвинься! — велел я, подталкивая его одной

рукой. — Собакам положено спать в ногах.

Сирил о таком законе слышал впервые. Привалившись всей тушей к моей спине, он громогласно захрапел. Я потянул за одеяло, надеясь высвободить хоть угол, чтобы закутаться вместе с кошкой.

Принцесса Арджуманд тоже не подозревала о каких-то там правилах распределения животных в кровати. Ловко вывернувшись, она пошла разгуливать по одеялу, наступив на Сирила, который откликнулся слабым «вуф», и поточив когти о мою ногу.

Сирил пихался и пихался, пока не отвоевал себе ложе почти целиком, а Принцесса угнездилась у меня на шее, всем весом давя на кадык. Сирил снова начал пихаться.

Через час такой возни дождь припустил всерьез, и все принялись зарываться под одеяла, заново отвоевывая позиции. В конце концов оба моих соседа утомились и заснули, а я лежал без сна, с тревогой размышляя о том, что скажет Верити, когда узнает, где все это время находилась кошка. А еще я думал о погоде.

Вдруг дождь зарядил на весь день и помешает нам плыть в Мачингс-Энд? Сколько раз погода меняла ход истории, начиная хотя бы с

«божественного ветра» камикадзе — тайфуна, уничтожившего флот хана Хубилая, шедшего войной на Японию в тринадцатом веке? Ураган разметал испанскую армаду, метель определила исход сражения при Таутоне, туман заставил «Лузитанию» свернуть прямо под прицел немецкой подлодки, а циклон над Арденнским лесом чуть не привел к поражению союзников в соответствующей операции Второй мировой.

Хорошая погода, впрочем, тоже может сыграть роковую роль. Люфтваффе при налете на Ковентри очень помогло чистое, ясное небо и полная луна — «радость бомбардировщика».

К тому же рука об руку с непогодой ходит болезнь. Вдруг профессор схватит насморк после ночлега под дождем, и его придется срочно везти в Оксфорд? Президент Соединенных Штатов Уильям Генри Гаррисон вымок во время собственной инаугурации, простудился и умер через месяц от пневмонии. Петр I продрог, спасая севший на мель бот, и скончался неделю спустя. И ладно бы только простуды… Генриха V доконала дизентерия, а с ним пошли прахом все завоевания Англии при Азенкуре. Малярия, сразившая непобедимого Александра Македонского, изменила в результате облик всей Азии. Про чуму и

говорить не буду.

Погода, болезни, климатические и тектонические сдвиги — восхваляемые профессором Оверфорсом слепые силы природы — влияли и будут влиять на историю независимо от мнения профессора Преддика.

Шутка в том, что, как и во многих баталиях, правы оба. Просто им еще целое столетие ждать теории хаоса, которая их примирит. Историю в самом деле вершат и слепые силы, и личность, и доблесть, и предательство, и любовь. А еще случайность и непредсказуемость. И шальные пули, и телеграммы, и чаевые. И кошки.

Но при этом система отличается устойчивостью — я помню, что сказал Ти-Джей. Мистер Дануорти тоже утверждал, что последствия серьезного диссонанса мы бы уже ощутили. А значит, кошку успели вернуть в изначальную пространственно-временную точку до того, как «катастрофа» стала необратимой.

Есть еще вероятность, что исчезновение кошки прошло для истории незамеченным, но все факты говорят против. Из-за кошки я помешал Теренсу встретиться с Мод. Дальше рисковать нельзя. Нужно вернуть Принцессу в Мачингс-Энд как можно скорее, а для этого необходимо отпра-

виться завтра в путь как можно раньше.

И дождь здесь совсем некстати. В Ватерлоо дождь превратил дороги в непролазное месиво, в котором увязла артиллерия. При Креси дождь вывел из строя луки, промочив тетиву. При Азенкуре тоже шел дождь.

Где-то в разгар беспокойных размышлений о дожде во время битвы за атолл Мидуэй я, видимо, заснул, поскольку проснулся уже в серых рассветных сумерках. Дождь кончился, а кошка исчезла.

Вскочив, я, не обуваясь, принялся ворошить одеяла в надежде, что она куда-нибудь зарылась. Потревоженный Сирил засопел и перекатился на бок.

— Сирил! Кошка пропала! Ты не видел?

Сирил бросил на меня взгляд, в котором читалось: «А я говорил!» — и заполз под одеяло.

— Помоги мне ее найти! — попросил я, выдергивая из-под него плед. — Принцесса Арджуманд! — звал я отчаянным шепотом, возясь с ботинками. — Ты где? Принцесса!

И она показалась, осторожно ступая по мокрой траве.

— Ты где была? Эх, зря я не запер тебя в корзине.

Прошествовав мимо меня на разоренное ложе,

она улеглась под бок к Сирилу и заснула.

Второй раз рисковать я не собирался. Ухватив ковровый саквояж, я вытряхнул оттуда все сорочки и щипцы для устриц. Потом, вытащив из короба филейный нож, сделал несколько прорезей по бокам, не забывая и про подкладку, уложил на дно твидовый пиджак для мягкости и рядом пристроил блюдце.

Принцесса не проснулась, даже когда я клал ее в саквояж и закрывал застежку. Возможно, Верити права, так на кошек действует переброска. Я засунул одежду в портплед и скатал все одеяла, кроме того, на котором храпел бульдог.

— Подъем, Сирил! Пора вставать! Нужно отплыть пораньше.

Сирил открыл один глаз и уставился на меня с недоверием.

— Завтракать! — предложил я более заманчивую перспективу, унося саквояж к кострищу. Собрав хворост, я разжег костер, словно заправский турист, потом отыскал в вещах Теренса карту реки и уселся к огню планировать маршрут.

Складывающаяся гармошкой карта в развернутом виде охватывала Темзу во всю длину, которую, хотелось бы надеяться, нам не придется

проходить целиком. Карты я научился читать еще студентом, но эту сильно портил излишек подробностей: помимо селений, шлюзов, островов и расстояний между ними, на этой указывались также запруды, отмели, каналы, бечевники, исторические объекты и рекомендуемые места для рыбалки. Пожалуй, профессору Преддику ее лучше в руки не давать.

Еще она пестрела пометками типа «очаровательный романтический вид» и «довольно сложное течение», за которыми и реку не всегда удавалось отыскать. Теренс говорил, что Мачингс-Энд сразу после Стритли, но я не видел ни того ни другого.

Наконец я обнаружил Раннимед, рядом с которым значилось: «Именно здесь, а не на острове Хартии вольностей, как будут убеждать вас местные „знатоки“, была подписана Хартия вольностей. Глубины изобилуют лещом. Пескаря, плотвы и щуки почти нет».

Поднявшись от Раннимеда до Стритли, я отметил место пальцем и принялся искать Иффли. Вот, есть: «Забавная мельница, которую приезжают посмотреть издалека, церковь XII в., голавль умеренно». Сейчас мы посередине между Иффли и Абингдоном, в двадцати трех милях от Стритли.

Если закладывать на завтрак полчаса, к шести будем на реке. За девять часов доплывем спокойно, даже с учетом высадки профессора, чтобы отправить телеграмму сестре. И тогда, если повезет, к трем я верну кошку на место исчезновения, и к пяти диссонанс будет сглажен.

— К чаю управимся, — обнадежил я Сирила, складывая карту. Сунув ее обратно в багаж Теренса, я добыл из короба яйца, кусок бекона с прожилками сала и сковороду.

Птицы начали утренний концерт, восходящее солнце переплело воду и небеса розовыми лентами. Река величаво несла золотистые воды меж зеленых берегов, не ведая ни о каких диссонансах, — в ее ровной бесконечной глади отражался не знающий тревог мир.

«Э, старина, далеко тебе еще до поправки», — отчетливо прочиталось во взгляде Сирила.

— Я не выспался, — буркнул я. — Из-за тебя, между прочим. Пойдем.

Поставив чайник, я нарезал бекон, разбил яйца в сковороду и направился к лодке будить Теренса с профессором, колотя в крышку от кастрюли ложкой для стилтона.

— Подъем! Завтрак подан!

— Боже правый… — Теренс, с трудом разлепив

глаза, полез в карман. — Который час?

— Половина шестого. Вы ведь хотели выйти пораньше, чтобы к чаю успеть в Мачингс-Энд. Мисс Меринг, помните?

— О! — Теренс вылетел из-под одеяла как подстреленный. — Точно. Просыпайтесь, профессор Преддик.

— «Пока Заре, вращеньем часовым разбуженной, не довелось открыть ворота света розовой рукой» [25], — продекламировал с кормы профессор, сонно моргая.

Я оставил их просыпаться, а сам побежал проверять, как поживают яичница и кошка. Принцесса спала крепко. И, что еще важнее, беззвучно. Поставив саквояж к остальным вещам, я принялся раскладывать завтрак.

— Такими темпами к шести будем на реке, — поделился я соображениями с Сирилом, скармливая ему полоску бекона. — В полседьмого пройдем шлюз, потом остановимся в Абингдоне, чтобы профессор отправил телеграмму, к восьми — в Клифтон-Хэмпден, к девяти — Дейский шлюз, около десяти доберемся до Рединга.

Около десяти мы еще канителились в Абин-

---

[25] Примечания: 25

Мильтон, Джон. Потерянный рай. Пер. А. Штейнберга.

гдоне.

Битых два часа мы грузили багаж, который, кажется, успел разрастись и размножиться за ночь, а потом в последнюю минуту профессор обнаружил, что пропал двухжаберный голубой голавль.

— Может, до него добрался какой-нибудь зверь? — предположил Теренс.

Я почти наверняка знал какой.

— Нужно отловить другой экземпляр, — заявил профессор, вытаскивая удочку и снасти.

— Некогда, — покачал головой Теренс. — К тому же у вас остался белый пескарь.

И его лучше закрыть понадежнее, иначе до него тоже доберется зверь, а мы никогда не доберемся до Мачингс-Энда.

— Нужно отчаливать, сэр, — уговаривал Теренс, — если мы хотим до завтра быть в Раннимеде.

— Non simper temeritas es felix, — изрек профессор, выбирая наживку. — То есть поспешишь — людей насмешишь. Помните, если бы Гарольд не кинулся в бой очертя голову, победа при Гастингсе была бы за нами… Раннее утро не лучшее время для голавля, — задумчиво протянул он, насаживая муху на крючок. — Голавль обычно

просыпается ближе к вечеру.

Теренс простонал и посмотрел на меня умоляюще.

— Если выйдем сейчас, ближе к вечеру будем в Пенборне. — Я развернул карту. — Здесь сказано, что Пенборн издавна славится рыбными местами. Отлично ловится усач, — зачитывал я, — отменно клюет окунь, елец и голавль. Много плотвы и карповых. Запруда богата крупной форелью.

— Пенборн, говорите? — заинтересовался профессор.

— Да, — соврал я. — Вот, тут написано: «Непревзойденный по разнообразию и изобилию рыбы участок Темзы».

Это решило дело. Профессор уселся в лодку.

— Спасибо, — прошептал Теренс беззвучно и оттолкнулся от берега, пока наставник не передумал.

Я посмотрел на часы. Двадцать минут девятого. Позже, чем я рассчитывал, но все равно к пяти успеваем в Мачингс-Энд, если все сложится благополучно.

Не сложилось. Абингдонский шлюз был закрыт, и у нас ушла четверть часа на то, чтобы разбудить смотрителя, который в отместку спускал воду

тончайшей струйкой. Тем временем груда багажа на корме начала крениться, пришлось останавливаться (дважды) и все привязывать заново.

На второй остановке профессор Преддик вдруг воскликнул:

— Видите вон те кувшинки? И быстрину у берега? Там должен хорошо клевать усач!

И он выкарабкался из лодки, прежде чем мы успели его остановить.

— Некогда… — беспомощно пробормотал Теренс.

— Пенборн, — напомнил я.

— Пфуй, — отмахнулся профессор, и я с радостью добавил бы в свою коллекцию еще одно междометие из викторианских романов, если бы не грызущее беспокойство за саквояж и судьбу Вселенной. — Лучше этого места не сыскать.

Теренс в отчаянии посмотрел на часы. Чем же выманить профессора? Битвой при Гастингсе? При Саламине? Раннимедом?

— Вот так я всегда представлял себе Раннимед. — Я обвел жестом ближайший луг. — Туман стелется под копыта лошадей короля Джона с войском. Как считаете, где на самом деле подписывали хартию? В Раннимеде или на острове Хартии?

— В Раннимеде, — клюнул профессор. — Доказано, что король переночевал в Стейнсе и поутру выехал на поле.

— Вот как? — начал вываживать я. — А профессор Оверфорс, готов поспорить, приводит убедительнейшие доводы в пользу острова.

— Да что вы говорите? — не поверил своим ушам профессор.

— Весьма убедительные, — подтвердил Теренс. — В полном соответствии со своей теорией главенства слепых сил природы.

— Ерунда на постном масле! — Профессор Преддик в сердцах отбросил удочку.

Теренс тут же подхватил ее и сунул в лодку.

— Откуда он их высосал, эти доводы? — кипятился профессор. — Доподлинно известно, что подписание состоялось в Раннимеде. — Он забрался на борт. Я поспешно отвязал конец и отчалил. — Убедительные, ха! Да на острове сроду не поместились бы все эти бароны и лорды, а король Джон с его подозрительностью ни за какие коврижки не отрезал бы себе путь к отступлению. Силы природы!

И так до самого Абингдона.

Когда мы прошли шлюз и добрались до селения, была уже четверть десятого.

Профессор отправился на телеграф, а Теренс — покупать хлеб и холодную мясную нарезку, чтобы не пришлось останавливаться и готовить обед.

— И еще бутылку молока! — крикнул я ему вслед.

Едва оба скрылись из виду, я расстегнул саквояж и проверил, как там Принцесса. Она мирно спала. Не захлопывая саквояж, я поставил его на колени и взялся за весла. До сих пор греб Теренс, но он ведь устанет махать веслами целый день, тем более если мы хотим успеть к сроку. А гребля — это гребля. Вряд ли так уж сильно отличается от скиммеров. Разве что весла стократ тяжелее. И выворачиваются. Я потянул рукояти на себя — ничего не произошло.

Тогда я уселся ровнее, уперся ступнями, поплевал на ладони и дернул весла изо всех сил.

Результат не замедлил ждать. Правое весло взметнулось вверх, рукояти стукнулись друг о друга, сбивая мне костяшки пальцев, левое весло выскочило из уключины, а лодка вильнула прямо на каменную опору моста.

Я поспешил водворить весло на место и сунуть оба в воду, пока мы не налетели на мост. В итоге снова сбил костяшки, а лодка врезалась носом

в берег.

Сирил, поднявшись, вразвалочку поковылял к борту, словно готовясь покинуть судно.

Ладно, третий раз — алмаз. Мне удалось оттолкнуться от берега веслом и вывести лодку на быстрину, там я сделал очередную попытку, стараясь не сбить костяшки. Не сбил. Теперь левое весло, подскочив, стукнуло меня по носу.

Однако с четвертой попытки я приноровился пусть неуклюже, но грести — и уже через несколько минут освоил азы. Я провел лодку через быстрину, потом под мост и назад, загребая довольно лихо.

— Не так, не так! — донесся до меня голос Теренса. — В начале гребка налегайте всем весом.

Я оглянулся на него и прищемил руку веслами.

— Не оборачивайтесь! Смотрите, куда гребете! — раскомандовался Теренс. — Рукояти попеременно. Угол держите! Нет-нет-нет! — кричал он, жестикулируя хлебом в одной руке и бутылкой молока в другой. — Корпус вперед. Колени раскройте. Держите курс. Не заваливайтесь.

Что может быть полезнее выкрикиваемых над ухом указаний, особенно маловразумительных? Я честно пытался выполнять понятные (то есть старательно разводил колени) и в награду

получал от Теренса: «Нет-нет, не так! Колени вместе! Лопасть ребром! Леща поймаете! Курс, курс держите!»

В конце концов у меня, кажется, начало получаться, и, держа угол и курс, налегая на весла корпусом, раскрывая и сдвигая колени и не заваливаясь, я пригреб к Теренсу.

— Ровно и плавно, — похвалил Теренс, когда я аккуратно подвел лодку к причалу. — Очень хорошо. Осталось только руку набить.

— За этим дело не станет, — пообещал я, забирая у него бутылку и засовывая в карман. — Едемте. Где профессор?

Теренс повертел головой.

— Разве он еще не вернулся с телеграфа?

— Нет, — ответил я, выбираясь на берег и привязывая лодку. — Пожалуй, имеет смысл его поискать.

— Кому-то надо остаться и присмотреть за лодкой, — сурово взглянув на Сирила, решил Теренс. — На случай если профессор придет в наше отсутствие.

— Отличная мысль.

Пока его не будет, еще раз проверю кошку и, может, даже выпущу размяться.

— Только лучше уж вы идите. Вы с историей

больше дружите.

Он посмотрел на часы, и я поспешно спрятал за спиной саквояж.

— Десять. — Теренс в сердцах щелкнул крышкой «луковицы». — Эх, нужно было везти его домой сразу же, как вытащили из воды.

— Времени не было, — напомнил я. — И потом, вы сами говорили, если упрется, с ним никакого сладу.

Теренс кивнул угрюмо.

— Несокрушимая сила. Как Вильгельм Завоеватель. Историю движут личности. — Он вздохнул с тоской. — Пока мы доберемся до Мачингс-Энда, она уже обручится.

— Обручится? С кем? — Я надеялся, что сейчас он упомянет других претендентов на руку Тосси, включая и мистера К.

— С кем угодно. К такому ангелу, как Тосс… мисс Меринг, наверняка сватаются по десять раз на дню. Где его носит? Эх, не видать нам Мачингс-Энда…

— Еще как видать, — заверил я. — Судьба, помните? Ромео и Джульетта, Элоиза и Абеляр…

— Судьба… «Жестока та судьба, что разлучает меня с ней даже на день!»

Теренс уставился на реку затуманенным взгля-

дом, а мы с саквояжем улизнули.

Сирил увязался за мной.

— Нет, ты оставайся, — скомандовал я, не допуская возражений, и мы устремились в Абингдон уже втроем.

Я понятия не имел, где может находиться телеграф и как он вообще выглядит, но магазинов виднелось всего два. Овощная лавка и какой-то с рыболовными снастями и цветочными вазами в витрине. Я сунулся в рыболовный.

— Где тут можно отправить телеграмму? — осведомился я у улыбчивой пожилой женщины в чепце.

Она посмотрела на меня точь-в-точь как Овца из «Алисы в Зазеркалье».

— Выбрались на речную прогулку? У меня есть дивные тарелочки с видами иффлийской мельницы. Подписано «На добрую память о Темзе». Вы вверх по реке или вниз?

«Ни туда, ни сюда», — ответил я мысленно.

— Вниз. А где здесь телеграф?

— Вниз! — восхитилась она. — Значит, вы ее уже видели. Изумительная, правда? — Женщина протянула мне желтую атласную подушечку с бахромой, где красовалась та же мельница с подписью «На память об Иффли».

— Очень мило, — кивнул я, отдавая подушку. — А где все же отправляют телеграммы?

— На почте, но мне кажется, письмо получить всегда приятнее. — Она шлепнула на прилавок стопку писчей бумаги. Каждый лист венчала виньетка с неизменным «Привет из Абингдона». — Полпенса за лист и пенни за конверт.

— Нет, благодарю. Так где, вы сказали, находится почта?

— Прямо по улице. Напротив аббатства. Видели его? У нас есть чудесная модель в миниатюре. А может, вам придутся по душе фарфоровые собачки? Раскрашены вручную. Еще имеются прелестнейшие перочистки.

В конце концов, чтобы отвязаться, я купил фарфорового бульдога, ни капли непохожего на Сирила (впрочем, на пуделя тоже), и отправился искать аббатство и почту.

Профессора на почте не оказалось, и тамошняя пожилая женщина в чепце не знала, заходил ли он.

— Муж ушел домой на обед, вернется через час. Вы с реки, да? — Она стала предлагать мне вазу с изображением иффлийской мельницы.

В овощной лавке профессора не видели тоже. Я купил сувенирный стакан для зубных щеток

с надписью «Праздничные поздравления с Темзы».

— У вас не найдется лосося? — поинтересовался я заодно.

— А как же, — ответила пожилая хозяйка в чепце и выставила на прилавок жестянку.

— Я имею в виду свежего.

— Так сами поймайте. Лучшего клева, чем в Абингдоне, вам не сыскать. — И она стала предлагать мне резиновые рыболовные сапоги.

— Куда теперь? — спросил я Сирила, который каждый раз терпеливо дожидался меня за порогом.

Абингдон вырос вокруг средневекового аббатства. Его развалины, включая житницу и делянки под огороды, вполне сохранились и должны были бы прельстить профессора Преддика, но, видимо, не преуспели. В клуатрах тоже оказалось безлюдно — похоже, аббатство не прельщало никого.

Опустившись на колени у стены, я поставил на камни бутылку молока и открыл саквояж.

Сирил плюхнулся рядом, глядя неодобрительно.

— Принцесса Арджуманд, завтракать изволите?

Я извлек кошку на свет. Стоило опустить ее

на землю, как она, неторопливо размяв лапы, молнией рванула куда-то за угол.

«А я говорил», — взглядом напомнил мне Сирил.

— Так не стой истуканом. Иди верни ее!

Сирил не тронулся с места. Наверное, он прав. Сколько мы ночью гонялись за ней по лесу, а толку?

— Тогда что ты предлагаешь?

Сирил улегся на землю, уткнувшись носом в молочную бутылку. Тоже здравая мысль. Я вытащил блюдце и налил туда немного молока.

— Сюда, киса! — позвал я, ставя блюдце к стене. — Завтрак подан!

Мысль, повторюсь, была здравая. Однако нам она не помогла. Как не помогло обыскивание развалин. И главной площади. И улиц, застроенных фахверковыми домами.

— Ты ведь знал, какие они, эти кошки, — упрекнул я Сирила. — Мог бы предупредить.

Нет, вина целиком и полностью моя. Я выпустил Принцессу, и теперь она, наверное, на полпути к Лондону — бежит встречаться с Гладстоном и провоцировать взятие Мафекинга бурами.

Мы добрели до окраин Абингдона. Дорога там

заканчивалась и терялась на сенокосном лугу, исчерканном крест-накрест узкими ручьями.

— Может, она вернулась к лодке? — поделился я надеждами с Сирилом. Бульдог не слушал. Он смотрел на тропинку, ведущую к мосту через ручей.

У моста по колено в воде бродил, закатав брюки, профессор Преддик с большой сетью. За его спиной на берегу стоял жестяной чайник — вне всякого сомнения, с уловом. Рядом с чайником устроилась в засаде Принцесса Арджуманд.

— Стой здесь, — велел я Сирилу. — Ни с места.

Я начал подкрадываться к охотнице, кляня себя за то, что не догадался купить сеть. Принцесса, бесшумно ступая белыми лапами, медленно подбиралась к чайнику, а профессор, как и кошка, не сводя глаз с предполагаемой добычи, медленно погружал сеть в воду. Принцесса заглянула в чайник и наудачу сунула туда лапу.

Я прыгнул вперед, накрывая кошку раскрытым саквояжем и подсекая, словно рыбу, за которой она охотилась. Одновременно со мной профессор Преддик рывком погрузил сеть и выдернул с извивающейся в ней добычей.

— Профессор! — окликнул я. — Мы вас повсюду ищем!

— Колюшка, — объявил он, вытаскивая улов из сети и запуская в чайник. — Здесь великолепные форельные места.

— Меня Теренс за вами прислал. — Я подал ему руку, помогая выбраться на берег. — Ему не терпится поскорее попасть в Пенборн.

— Qui non vult fiery desidiosus amet, — процитировал профессор. — Овидий. «Если не хочешь ты стать праздным ленивцем, — люби!» [26] — Однако, усевшись на берегу, он все же натянул носки и туфли. — Жаль, что они с Моди разминулись. Она бы ему понравилась.

Я взял сеть и чайник — на ручке значилось «На память о Темзе». Сирил сидел на том же месте, где я его оставил.

— Молодец! — похвалил я, и он, тут же вскочив, с разбегу врезался мне в колени. Из чайника выплеснулась вода.

— Вперед! Уже полдня прошло, — возвестил профессор, поднимаясь, и заторопился к селению.

— Вы отправили телеграмму? — вспомнил я, когда мы поравнялись с почтой.

Профессор запустил руку за отворот мантии и

---

[26] Примечания: 26

Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Пер. С. В. Шервинского.

вытащил две желтые квитанции.

— Аббатство, кстати, представляет некоторый исторический интерес, — заметил он, убирая квитанции обратно. — Разграблено солдатами Кромвеля во время Протектората. Вот на эти ворота пятнадцатого века стоит обратить внимание…

— Профессор Оверфорс, как я понимаю, считает Протекторат результатом действия сил природы? — поинтересовался я, увидев, что Преддик замедляет шаг, и увлек мгновенно закипевшего профессора к причалу, где пожилая женщина в чепце предлагала Теренсу кружку с изображением Боултерского шлюза.

— Прелестный сувенир на память о речной прогулке, — уговаривала торговка. — Каждый глоток будет напоминать вам об этом дне.

— Этого я и боюсь, — вздохнул Теренс и повернулся ко мне. — Куда вы пропали?

— Рыбачили. — Я забрался в лодку, поставил саквояж и протянул руку профессору, который, склонившись над чайником, разглядывал рыбу через пенсне.

— Он хотя бы телеграмму отправил? — уточнил Теренс.

Я кивнул.

— Собственными глазами видел две желтые квитанции. Сирил, пойдем! — окликнул я бульдога, который крепко спал, распластавшись на причале. — Профессор! Tempus fugit! [27]

— Вы знаете, который час? — ужаснулся Теренс, размахивая передо мной «луковицей». — Черт! Почти одиннадцать!

Я уселся на весла, поставив саквояж между колен.

— Не беспокойтесь, дойдем в два счета. На всех парусах.

---

[27] Примечания: 27
Здесь: Время не ждет (*лат.*).

Глава десятая

Поверь, мой юный друг, нет ничего лучше — абсолютно ничего лучше, чем просто повозиться с лодкой...

Ветер в ивах. Кеннет Грэм

На всех парусах — Неживописный отрезок реки — Истоки викторианской любви к природе — О роли барахолок в истории — Мы встречаем Троих в лодке, не считая собаки — Сирил против Монморанси — Случай в лабиринте — Затор — Чертова кочегарка — О роли мелочей в истории — Еще лебедь — Кораблекрушение! — Сходство с «Титаником» — Уцелевшие — Обморок

Как ни удивительно, мы и впрямь шли на всех парусах — то есть на веслах. На реке стояла тишь да гладь, дул едва заметный ветерок. Вода поблескивала на солнце, я держал корпус, раскрывал и закрывал колени, опускал лопасть ребром, не ловил лещей и налегал изо всех сил, поэтому к полудню мы прошли Клифтонский шлюз, и впе-

реди показался увенчанный церковью меловой утес Клифтон-Хэмпдена.

Карта определяла этот участок как «самый неживописный на Темзе» и предлагала до Горинга добираться по железной дороге, чтобы не тратить на него время. Но глядя на сочные зеленые поля, расчерченные цветущими изгородями, и на одетые стройными тополями берега, я даже представить не мог, как же тогда выглядит живописный отрезок.

Все было в цвету: золото лютиков, белое кружево купыря, лавандовая россыпь кукушкина цвета на лугах, ирисы и лилии по берегам, розы и львиный зев с резными листьями в палисадниках у шлюзовых сторожек. Принарядилась даже вода. Кувшинки протягивали на ладонях розовые чашки, камыши прицепили фиолетовые с белым бутоньерки. С цветка на цветок сновали переливчатые сине-зеленые стрекозы, над лодкой порхали огромные бабочки, временами присаживаясь передохнуть на груду багажа и грозя опрокинуть ее за борт. Чуть поодаль над вязами тянулся в небо изящный шпиль — для полной идиллии не хватало только радуги. Неудивительно, что викторианцы так млели от природы и видов.

Теренс сменил меня на веслах, и мы, обогнув круглый мыс, где стоял крытый соломой домик, весь увитый ипомеей, приблизились к арочному мосту из золотистого песчаника.

— Во что только превратили реку! — посетовал Теренс. — Железнодорожные мосты, насыпи, газовые станции… Весь вид испортили.

Мы прошли под аркой, оставляя позади еще поворот. Других лодок почти не попадалось — только двое рыбаков с плота, пришвартованного под березой, помахали нам, хвастаясь огромной связкой рыбы. Профессор, к счастью, в этот момент спал. Принцесса тоже.

Я заглянул к ней в саквояж, когда мы с Теренсом менялись местами, — даже не шелохнулась. Бархатная подушка да и только. Не верится, что ей под силу изменить историю, а тем более разорвать континуум, — как не верилось, глядя на пращу Давида, заплесневевшую чашку Петри у Флеминга или на бочонок разной всячины, который Авраам Линкольн приобрел на благотворительной барахолке за доллар.

Но в хаотической системе существенно все: и кошка, и телега, и простуда, и каждый пустяк может стать роковым. В бочонке оказалось полное издание «Комментариев к закону» Блэкстоуна,

которое Линкольну нипочем бы не купить за настоящую цену. И нипочем бы не стать юристом, если бы не этот трактат.

Однако в хаотической системе имеются еще и упреждающие петли, и страховочные механизмы, и противовесы, поэтому огромное большинство поступков попросту нивелирует друг друга. Армады в массе своей не гибнут от бурь, чаевые не вызывают революций, а барахло с распродаж тихо пылится на полке.

А значит, шансы, что кошка — даже в случае четырехдневного отсутствия — изменит ход истории, стремятся к нулю, особенно если мы больше не выбьемся из графика.

— Пожалуй, такими темпами к часу пройдем Дейский шлюз, — рассудил Теренс, выгружая хлеб с сыром, купленные им в Абингдоне на обед. — На реке ни души.

И впрямь. Если не считать одинокой лодки, двигающейся нам навстречу с тремя усатыми пассажирами в блейзерах и небольшой собачонкой на носу, настороженно смотрящей вперед. Они подплыли ближе, и до нас донеслись обрывки разговоров.

— Когда уже твоя очередь, Джей? — пропыхтел гребец тому, кто лежал на носу.

— Ты всего десять минут гребешь, Харрис, — ответил тот.

— Тогда сколько до следующего шлюза?

Третий, самый грузный из троих, поинтересовался, беря в руки банджо:

— А когда будем делать остановку на чай?

Пес, заметив нас, залился лаем.

— Прекрати, Монморанси, лаять невежливо, — отчитал его пассажир на носу.

— Теренс! — Я привстал. — Лодка!

Он глянул через плечо.

— Нас не заденут. Главное — держите рули ровно.

Пассажир с банджо взял несколько нестройных аккордов и начал напевать.

— Ради всего святого, Джордж, не пой! — хором воскликнули гребец и возлежащий на носу.

— И ты, Харрис, тоже не вздумай, — предупредил Джей.

— Почему? — возмутился тот.

— Потому что петь ты умеешь лишь в воображении, — заявил Джордж.

— Вот-вот, — поддержал Джей. — Помнишь партию адмирала из «Передника»?

— Тум-пу-дум-пум-тум-ти-ту-ру-ру-пум-пум! — с готовностью откликнулся Джордж.

— Это они! — ликовал я. — Теренс, вы знаете, кто это? Трое в лодке, не считая собаки!

— Собаки? — усомнился Теренс. — Вы это называете собакой? — Он с нежностью посмотрел на бульдога, храпящего на дне лодки. — Сирилу на один зуб.

— Вы не поняли! Это же Трое в лодке! Банка с ананасами, Джордж со своим банджо и лабиринт…

— Лабиринт? — недоуменно пожал плечами Теренс.

— Ну да, когда Харрис отправился с картой в Хэмптон-Кортский лабиринт и повел всех за собой, а карта не помогла, и все безнадежно заблудились, и пришлось звать смотрителя, чтобы он их вызволил…

Я подался вперед, глядя во все глаза. Подумать только, Джером К. Джером собственной персоной и двое увековеченных им друзей (не считая собаки) во время той самой исторической прогулки по Темзе. Даже не представляют, что их слава не увянет и сто пятьдесят лет спустя, а над приключениями с сыром, паровым катером и лебедями будет ухохатываться не одно поколение.

— Следите за носом! — воскликнул Теренс.

— Именно, — подхватил я. — Обожаю этот мо-

мент, когда Джером стоит в Хэмптон-Кортском шлюзе, а ему кричат: «Посмотрите на свой нос!» — и он думает, что имеется в виду его собственный, а на самом деле это нос лодки прищемило воротами.

— Нед! — всполошился Теренс, а Трое в лодке закричали и замахали руками, и сам Джером, вскочив, тоже начал жестикулировать.

— Приятной прогулки! Берегитесь лебедей! — помахал я им в ответ.

И кувырнулся на спину. Ноги мои задрались в воздух, весла с плеском свалились в воду, багаж посыпался с носа. Я поймал на лету саквояж и попытался сесть.

Профессор Преддик тоже поднимался, сонно моргая.

— Что случилось?

— Нед не смотрел, куда правит, — объяснил Теренс, подбирая «гладстон», и я увидел, что мы врезались в берег на полном ходу. Точно как Джером К. Джером в шестой главе.

Я оглянулся на них. Монморанси лаял, Джордж и Харрис складывались пополам от хохота.

— Вы целы? — прокричал Джером.

Я энергично закивал, и они, маша нам сквозь хохот, проплыли навстречу коварным лебедям,

Оксфорду и мировой славе.

— Я ведь просил держать рули ровно, — упрекнул меня Теренс.

— Знаю, простите.

Я переступил через Сирила, который проспал все происшествие, упустив случай познакомиться со Знаменитой Собакой. С другой стороны, памятуя драчливость и саркастическую натуру Монморанси, может, оно и к лучшему.

— Увидел знакомого, — объяснил я, помогая собирать рассыпанный багаж. — Писателя.

И лишь тут меня осенило: они ведь только поднимаются вверх по реке. «Трое в лодке» еще не написаны… Ладно, будем надеяться, когда книгу издадут, Теренс не станет заглядывать в выходные данные.

— А где моя сеть? — поинтересовался профессор. — Здесь должен отменно клевать Tinca vulgaris[28].

До самого полудня мы распихивали и увязывали багаж, а потом оттаскивали профессора от Tinca vulgaris, зато после все пошло как по маслу. К двум позади остался Литтл-Виттенбаум. Если ничего не случится в Дейском шлюзе, мы еще

---

[28] Примечания: 28
Линь (*лат.*).

успеваем к обеду в Стритли.

Дейский шлюз мы преодолели в рекордные сроки. И сразу же угодили в затор.

Вот почему до этого на реке было так пустынно — вся флотилия собралась тут. Плоскодонки, байдарки, катамараны, двухместные ялики, гребные катера, восьмерки, баржи, плоты и плавучие дома сбились в кучу, неторопливо пробираясь вверх по течению.

Барышни под кружевными зонтиками вели светские беседы, сидя в разных лодках, и просили своих спутников подгрести поближе. Перегнувшись через перила дебаркадеров, увешанных транспарантами «Ежегодная встреча Музыкального общества Нижнего Миддлсекса» и «Праздник матери», отмечающие переговаривались с пассажирами прогулочных суденышек внизу.

Никто из них никуда не спешил. Пожилые джентльмены на палубах плавучих домов читали «Таймс», а их пожилые жены с полным ртом прищепок развешивали белье.

Девушка в матросском платье и соломенной шляпе с лентой, медленно лавирующая на плоскодонке, залилась смехом, когда ее шест увяз в тине. Художник в желтой блузе неподвижно за-

стыл на плоту посреди толчеи, рисуя пейзаж, хотя как ему удавалось что-то разглядеть за буйством цветов на шляпах, зонтиками и развевающимися по ветру британскими флагами, для меня оставалось загадкой.

Гребец оксфордского колледжа в полосатом кепи и свитере зацепился веслами с гребцами прогулочного ялика и остановился извиняться — в это время сзади в них чуть не врезалась парусная лодка. Я дернул за рулевые шнуры и лишь чудом избежал столкновения.

— Лучше я сяду за руль, — предложил Теренс, перебираясь на корму, когда наша лодка втиснулась на свободное место между четырехвесельным катамараном и тузиком.

— Да, пожалуй, — согласился я. Но грести оказалось сложнее. Сидя спиной, я каждую секунду рисковал налететь на какую-нибудь экскурсию верхнеслотерских жестянщиков.

— Хуже, чем на регате в Хенли, — признал Теренс, подтягивая рули.

Лавируя, он вывел лодку на главное течение, а оттуда к другому берегу, но просчитался, — там толкали шестами плоскодонки и тянули бечевой плавучие домики. Многочисленные веревки перегородили нам дорогу, словно минные рас-

тяжки.

Идущие по бечевнику тоже никуда не торопились. Барышни, пройдя несколько шагов, со смехом останавливались оглянуться на лодку. Влюбленные замирали, поедая друг друга глазами и напрочь забывая про обмякающую в воде бечеву, а потом, вдруг вспомнив, зачем оказались на берегу, резко дергали веревку. Джером писал об одной такой парочке, которая, заболтавшись, упустила лодку и долго шла налегке, волоча за собой оборванную бечеву, но я опасался другого — остаться без головы, — поэтому то и дело тревожно оглядывался, словно Катерина Говард.

Внезапно выше по течению началась какая-то суматоха. До нас долетел гудок, потом крик: «Дорогу!»

— Что такое? — встрепенулся я.

— Чертова кочегарка, — буркнул Теренс, и сквозь столпотворение пропыхтел паровой катер, гоня сильную волну и распугивая лодки.

Мы закачались, одно из весел выскочило из уключины. Я ухватил его и саквояж, а Теренс, чертыхаясь, погрозил кулаком расходящейся кильватерной струе.

— Напоминают ганнибаловых слонов в битве на Тицине, — заявил проснувшийся профессор

и пустился в долгую лекцию об итальянском походе Ганнибала.

Всю дорогу до Уоллингфорда нас сопровождали Альпы и сутолока. Час с лишним мы угробили в очереди у Бенсонского шлюза (Теренс вытащил часы и каждые три минуты сообщал время).

— Три ровно, — извещал он нас. Потом: — Четверть четвертого. — Затем: — Почти половина. К чаю никак не успеваем.

Я разделял его опасения. Последний раз, когда я заглядывал в саквояж, Принцесса угрожающе пошевелилась, а когда мы вошли в шлюз, из ковровых недр донеслось едва слышное мяуканье, к счастью, заглушенное рокотом толпы и лекцией профессора Преддика.

— Вот из-за такой толчеи Наполеон проиграл сражение при Ватерлоо, — вещал профессор. — Артиллерийские повозки увязли в грязи, перекрыв дорогу пехоте. Как часто все решает какой-нибудь пустяк — дорожный затор, задержавшийся пехотный корпус, перехваченный приказ…

У Уоллингфорда столпотворение внезапно закончилось: туристы на плоскодонках причаливали на ночлег и разбредались готовить ужин; празднующие высаживались с дебаркадеров на

берег и двигались к станции, а оттуда по домам. Река резко опустела.

Однако от Мачингс-Энда нас отделял еще один шлюз и шесть миль хода.

— Пока доберемся, девять пробьет, — безнадежно вздохнул Теренс.

— Можем встать у Маулсфорда, — оживился профессор. — Там над запрудой отменные окуневые места.

— Думаю, лучше остановиться в гостинице, — возразил я. — Вам ведь нужно где-то привести себя в порядок — чтобы не ударить в грязь лицом перед мисс Меринг. Побреетесь, вам отутюжат фланель и начистят туфли, и с первыми лучами солнца мы выступим в Мачингс-Энд.

А я, когда все заснут, выскользну с саквояжем и без помех верну кошку, так что, пока Теренс доберется до усадьбы, диссонанс уже начнет рассасываться. И Тосси встретит его под ручку с мистером Каплуном, или Коленкором, или как там его.

— В Стритли две гостиницы, — сообщил Теренс, сверившись с картой. — «Бык» и «Лебедь». Лучше в «Лебедя». Если верить Троттерсу, там варят исключительный эль.

— Там ведь нет лебедей? — уточнил я, с трево-

гой оглянувшись на Сирила, который проснулся и тоже заметно занервничал.

— Вряд ли. В «Георгии и драконе» ведь нет драконов.

Мы поплыли дальше. Небо окрасилось сперва в синий, как лента на моей шляпе, затем в бледно-лавандовый, и высыпали редкие звезды. Когда начали свой вечерний концерт лягушки и сверчки, из саквояжа снова донеслось слабое мяуканье.

Я с силой налег на весла, стараясь плескать погромче, а профессора Преддика попросил подробнее объяснить разницу между его и Оверфорса теориями. Так мы дотянули до Клевского шлюза, где я выпрыгнул, украдкой напоил кошку молоком, а потом поставил саквояж на груду багажа в носу лодки, как можно дальше от Теренса и профессора.

— Индивидуальные поступки — вот что движет историю, — растолковывал профессор. — А не слепые безликие силы, как у Оверфорса. «Мировая история не что иное, как биография великих», — пишет Карлейль, и он прав. Гений Коперника, амбиции Цинцинната, вера Франциска Ассизского… Историю вершит личность.

Когда мы дошли до Стритли, уже совсем стем-

нело, и в домах зажглись огни.

— Ну наконец, — обрадовался я, заметив впереди причал. — Мягкая постель, горячий ужин, здоровый сон…

Однако Теренс греб дальше.

— Вы куда? — удивился я.

— В Мачингс-Энд. — Он с удвоенной силой замахал веслами.

— Вы же сами сочли, что уже поздно для визитов, — с тоской оглядываясь на удаляющийся причал, напомнил я.

— Знаю. Хочу взглянуть на ее дом хотя бы вполглаза. Я не засну в такой близости от нее, пока не увижу.

— Ночью на реке опасно. Мели, водовороты и прочее.

— Тут рукой подать, — не сдавался Теренс. — Она говорила, прямо за третьим островом.

— Мы в темноте все равно ничего не увидим. Заблудимся, свалимся с запруды и утонем.

— Вот он! — Теренс указал на берег. — Она сказала, я узнаю его по беседке.

Белая беседка едва заметно светилась под звездами, а за ней, за покатой лужайкой, возвышался дом. Огромный и совершенно викторианский — с башенками, шпицами и прочими пряничными

неоготическими изысками. Ни дать ни взять уменьшенная копия вокзала Виктория.

Свет в окнах не горел. Это хорошо, значит, они все уехали в Хэмптон-Корт вызывать дух Катерины Говард — или в Ковентри. И я смогу беспрепятственно вернуть кошку.

— Никого нет, — констатировал я. — Поплывем-ка мы назад в Стритли, иначе в «Лебеде» не останется свободных мест.

— Сейчас, буквально минутку, — проговорил Теренс, не сводя глаз с дома. — Дайте мне еще мгновение полюбоваться благословенной землей под ее ногами и священным кровом над ее головой.

— Похоже, семейство в отъезде, — заметил профессор Преддик.

— Возможно, просто задернули шторы, — возразил Теренс. — Тс-с-с.

Вряд ли в такой чудесный вечер им вздумалось зашториваться, но мы покорно умолкли. С берега не доносилось ни звука, только мягкий плеск воды, шепот ветра в камышах и приглушенное кваканье лягушек. И тихое «мяу» с носа лодки.

— О! — встрепенулся Теренс. — Вы слышали?

— Что? — уточнил профессор.

— Голоса. — Теренс высунулся за борт по пояс.

— Сверчки, — пожал я плечами, украдкой подвигаясь к носу.

Кошка мяукнула снова.

— Вот! — обрадовался Теренс. — Слышали теперь? Кто-то нас зовет.

Сирил засопел.

— Это птица, — успокоил я их, показывая на дерево у беседки. — Вон там, на иве. Соловей.

— Нет, на соловья не похоже, — усомнился Теренс. — Соловьи «славят лето горлом золотым и в упоении голос свой над миром льют»[29]. Тут совсем другое. Вслушайтесь.

С передней части лодки донеслось пыхтение. Я развернулся. Сирил, поднявшись на задние лапы и упираясь передними в груду багажа, энергично нюхал саквояж, подталкивая его приплюснутой мордой к краю.

— Сирил, нет! — крикнул я.

И тут произошло одновременно четыре события. Я рванулся вперед за саквояжем, Сирил виновато отпрянул и попятился на корзину, профессор сказал: «Только не наступите на Ugubio fluviatilis» — и наклонился вбок за чайником, а Теренс увидел падающий саквояж и выпустил

---

[29] Примечания: 29

По «Оде соловью» Д. Китса. Пер. Г. Кружкова.

весла.

Я, уворачиваясь от весла и от профессорской руки, повалился ничком, Теренс притормозил корзину, профессор прижал чайник с рыбой к груди, а я поймал уже летящий за борт саквояж. Лодка угрожающе закачалась, вода плеснула через нос. Я перехватил саквояж покрепче, поставил его на кормовую банку и, подтянувшись, сел сам.

Послышался плеск. Я снова вцепился в саквояж, но тот стоял как стоял, и тогда я посмотрел на нос — может, весло свалилось?

— Сирил! — закричал Теренс. — Утопающий за бортом! — Он начал срывать с себя пиджак. — Профессор, возьмите весла, Нед, кидайте круг.

Я перегнулся через борт, пытаясь разглядеть, куда он упал.

— Быстрее! — Теренс стаскивал туфли. — Сирил не умеет плавать.

— Не умеет? — поразился я. — Мне казалось, все собаки умеют.

— Воистину. Не зря же существует термин «плавать по-собачьи», подтверждающий от природы присущую семейству Canis familiaris способность, — глубокомысленно изрек профессор.

— Способность у него есть, — пояснил Теренс,

стягивая носки. — Но использовать ее он не может. Он ведь бульдог.

Теренс, очевидно, знал, о чем говорит. Сирил мужественно греб к лодке по-собачьи, однако морда и нос его скрывались под водой, и вид у него был обреченный.

— Иду, Сирил!

Теренс кинулся за борт, чуть не потопив пса поднятой волной, и поплыл к нему. Сирил перебирал лапами и тонул. На поверхности виднелся только сморщенный лоб.

— К баку, нет, к штирборту, в общем, налево! — крикнул я, роясь в лодке в поисках спасательного круга, который мы, видимо, завалили вещами. — Прямо как на «Титанике», — посетовал я и только потом спохватился, что злополучный лайнер еще не построен.

Теренс держал голову Сирила над водой, ухватив за шкирку.

— Подгребите поближе! — попросил он, отплевываясь, и профессор, взмахнув веслами, чуть не наехал на него лодкой. — Нет, стойте! — крикнул Теренс, всплеснув руками. Сирил тут же скрылся с макушкой.

— К баку! — завопил я. — Наоборот!

Перегнувшись за борт, я подцепил Теренса за

воротник.

— Не меня! — выдохнул он. — Сирила!

Вдвоем мы перевалили намокшего, словно губка, Сирила в лодку, где тот немедленно изверг из себя несколько галлонов Темзы.

— Закутайте его в одеяло, — велел Теренс, цепляясь за борт.

— Хорошо. — Я протянул ему руку. — Теперь вы.

— Со мной все хорошо, — ответил он, дрожа. — Сперва Сирила в одеяло. Он простужается в два счета.

Я развернул плед и укрыл мощный загривок Сирила, чуть не сыгравший с ним злую шутку, подло добавив потопляемости, а потом мы взялись за рискованное дело — затаскивать в лодку Теренса.

— Не перевешивайтесь, — командовал он, клацая зубами, — иначе все утонем.

Теренс слушался указаний еще хуже, чем профессор, и постоянно порывался закинуть ногу на борт, отчего лодка кренилась куда опаснее, чем «Титаник».

— Вы нас перевернете, — заявил я, засовывая саквояж под банку. — Не двигайтесь, мы вас втянем.

— Да я уже раз десять так делал, — отмахнулся он и забросил ногу.

Мы чуть не черпнули бортом. Сирил, завернутый в плед, запутался в лапах, пытаясь удержаться, и груда багажа на носу угрожающе закачалась.

— Никогда еще никого не переворачивал, — заверил Теренс.

— Подождите, я по крайней мере вес распределю. — Я отпихнул портплед на место. — Профессор, перейдите сюда, будьте любезны. А ты сидеть, место! — скомандовал я Сирилу, который, волоча за собой плед, шагнул посмотреть, как у нас дела.

— Главное — правильно ухватиться, — сообщил Теренс, передвигая руку.

— Стойте! — крикнул я. — Осторожно…

Теренс перекинул ногу через борт, подтянулся и повис животом на кромке.

— Самому Господу не под силу потопить этот корабль, — пробормотал я, придерживая багаж.

— Весь секрет в равновесии. — Теренс перевалился в лодку. — Вот, видите? — торжествуя, возвестил он. — Пара пустяков.

И лодка затонула.

Как мы добрались до берега, не знаю. Помню,

как на меня ехал портплед, словно рояль на палубе «Титаника», а потом захлестывающая волна и попытки вцепиться в спасательный круг, который оказался Сирилом, камнем идущим ко дну, и снова барахтанье в волнах, и вынос утопающего на плече, а потом мы все валимся на берег, хватая воздух ртом, и с нас льет ручьями.

Сирил пришел в себя первым. Шатаясь, поднялся на ноги, отряхнулся, окатив нас дождем брызг, и тогда Теренс сел на песке, устремляя взор на опустевшие воды.

— «И вот уже судно сквозь ночь и мглу, словно призрак, цепями гремя, летит на Нормандский риф…»[30], — процитировал он.

— Naufragium sibi quisque facit[31], — провозгласил профессор.

Теренс не сводил глаз с темной глади.

— Все кончено, — произнес он, в точности как леди Астор, а я вскочил, опомнившись, и кинулся в воду. Поздно, наше судно бесследно кануло.

Едва заметная волна лизала наполовину выброшенное на берег весло, а посреди реки пока-

---

[30] Примечания: 30

Лонгфелло, Генри. Гибель «Геспер».

[31] Примечания: 31

Кораблекрушенье каждый себе создает [сам] (*лат.*). — *Марк Анней Лукан.* «Фарсалия».

чивался профессорский чайник — единственные останки кораблекрушения. Никакого саквояжа.

— «И налетел ураган лихой, обрушился на корабль, — продекламировал Теренс. — Сорвал шкипер трос с расколовшейся реи и к мачте дочь привязал».

У Принцессы Арджуманд не было ни малейшего шанса на спасение. Из саквояжа под банкой… Если бы я выпустил ее, когда она замяукала, если бы рассказал Теренсу о находке, если бы перебросился куда нужно и голова работала получше…

— «Потрясенно смотрел на заре рыбак на кипящий морской прибой, — продолжал Теренс. — Мачту с привязанной юной девой несло штормовой волной…»

Я повернулся сказать ему, чтобы прекратил, и увидел белеющую позади нас беседку, куда предполагалось вернуть кошку.

Вернул, молодец. Довершил черное дело, начатое дворецким. Только в этот раз Верити-спасительницы поблизости не оказалось.

— «Соленым льдом одетая грудь, соленые слезы в глазах», — нараспев читал Теренс.

Я посмотрел на беседку. Принцесса Арджуманд, спрятанная в корзине для пикника, едва не попала под поезд, едва не кувырнулась в Темзу, ее

сшибали и Сирил, и профессор, но каждый раз она избегала смерти — чтобы в конце концов утонуть здесь. Может, Ти-Джей не ошибся, и ей суждено было утонуть вопреки всем вмешательствам? Такова судьба. История самокорректируется.

А может, Принцесса попросту исчерпала отмеренные ей девять жизней. За последние четыре дня по крайней мере пять использованных я насчитаю без труда.

Хорошо бы дело оказалось в этом, а не в моем безобразном разгильдяйстве. Но вряд ли. И вряд ли так подумает Верити. Ради этой кошки она не побоялась рискнуть собой и навлечь гнев мистера Дануорти. «Вы не посмеете ее утопить», — сказала она. Так что вряд ли удастся свалить все на историческую самокоррекцию.

Меньше всего на свете я хотел бы встретиться с Верити при таких обстоятельствах, но другого пути нет. Сирил, даром что отряхнулся, все равно мокрый как губка, и профессор Преддик тоже, а Теренс явно промерз до костей.

— «Вот так и погибла „Геспер“, — неразборчиво декламировал он, отчаянно стуча зубами. — В полночный шторм и буран».

Необходимо обсушиться и переодеться, а других домов, кроме Мачингс-Энда, поблизости не

видно. Значит, придется будить хозяев и просить пристанища, даже если в итоге нужно будет отчитываться перед Тосси, отыскалась ли ее «дуся-пуся Жужу». Даже если это чревато объяснением с Верити.

— Пойдемте. — Я взял Теренса под локоть. — Попросимся в дом.

Он не тронулся с места.

— «Упаси нас, Господи, смерть принять, как она, у Норманнских скал». Теперь Джавиц сдерет с нас пятьдесят фунтов.

— Об этом побеспокоимся позже, — заявил я. — Идемте. Давайте сперва постучим вон в те стеклянные двери — под ними виднеется полоска света.

— Я не могу в таком виде предстать перед родными возлюбленной, — поежился Теренс. — Без пиджака…

— Вот. — Я снял свой блейзер и выжал. — Возьмите мой. Они закроют глаза на то, что вы не одеты к ужину. Как-никак мы потерпели кораблекрушение.

Хлюпая на каждом шагу, ко мне подошел профессор.

— Я спас часть багажа. — Он вручил мне саквояж. — Однако все мои образцы, боюсь, пропали

безвозвратно. И белый Ugubio fluviatilis, увы.

— Я не могу стучаться к хозяевам босиком, — противился Теренс. — Показаться перед возлюбленной полуодетым…

— Вот. — Я с преогромным трудом развязал мокрые шнурки одной рукой. — Возьмите мои туфли. Профессор, отдайте ему носки.

Пока они возились с промокшими носками, я скрылся за беседкой и заглянул в саквояж.

Принцесса Арджуманд, почти совсем сухая, сверкнула на меня глазами из темной глубины, а потом вскарабкалась по ноге прямо в объятия. Кошки вроде бы не любят влагу, но Принцесса с комфортом устроилась в моих мокрых руках и блаженно зажмурилась.

— За спасение не меня благодари, — честно признался я, — а профессора Преддика.

Но ей было все равно. Свернувшись поуютнее и прижавшись ко мне покрепче, она, как ни удивительно, замурлыкала.

— О, Принцесса Арджуманд нашлась? Отлично! — Теренс разгладил блейзер, видимо, уже немного севший от воды. — Значит, я угадал. Она все время была здесь.

— Пристало ли оксфордскому дону являться без носков? — усомнился профессор.

— Вздор! — уверенно заявил я. — Профессор Эйнштейн их вовсе не носил.

— Эйнштейн? Не имею чести знать.

— Узнаете, — пообещал я, поднимаясь по склону.

Догадка Теренса насчет задернутых штор, похоже, оказалась верной. Как только мы ступили на лужайку, они слегка раздвинулись, являя слабый мерцающий огонек, и послышались голоса.

— Невероятно интересно, — произнес мужской. — Что сначала?

— Возьмитесь за руки. — Голос похож на Верити. — И сосредоточьтесь.

— Ой, маменька, спросите насчет Жужу! — Это определенно Тосси. — Спросите, где она!

— Тс-с-с.

В наступившей тишине мы подошли к дому.

— Дух, ты здесь? — вопросил властный голос, и я чуть не выронил Принцессу. Один в один леди Шрапнелл, но ей здесь взяться неоткуда, значит, скорее всего это «маменька» Тосси, миссис Меринг.

— О дух с того света, — проговорила она, и я с трудом подавил порыв пуститься наутек, — снизойди к нам!

Мы перебрались через цветочный бордюр на

мощеную дорожку, ведущую к французским дверям.

— Поведай нашу судьбу! — провыла миссис Меринг, и Принцесса, вскарабкавшись по моей груди, впилась мне когтями в плечо. — Войди, о дух, и принеси нам вести о пропавших близких!

Теренс постучал в дверь.

Повисла тишина, потом миссис Меринг дрогнувшим голосом сказала: «Войди же…»

— Стойте, — вмешался я, но Теренс уже распахнул двери. Ветер парусом надул занавески, и мы, моргая, уставились на немую картину при свечах.

За круглым столом, покрытым черной тканью, держась за руки и зажмурившись, сидели четверо: Верити в белом, Тосси в рюшечках, бледный молодой человек в пасторском воротнике и с выражением неземного блаженства на лице и, наконец, миссис Меринг, которая, слава Богу, не имела внешнего сходства с леди Шрапнелл. Она была куда обширнее, с массивной грудью и массивными подбородками.

— Войди, о дух с того света! — возвестила она, и Теренс, раздвинув занавески, шагнул внутрь.

— Прошу прощения…

Все открыли глаза и уставились на нас.

Мы, похоже, являли не менее живописную картину: расцарапанный Теренс, я босиком, все промокшие и потрепанные, словно крысы с корабля, и это не считая собаки, которая по-прежнему откашливалась Темзой. И кошки.

— Мы пришли… — начал Теренс.

Миссис Меринг поднялась, прижимая руку к необъятной груди.

— Они пришли! — вскричала она и рухнула без чувств.

Глава одиннадцатая

Я словно слышал крик: «Не спите больше!»

Уильям Шекспир

Причины викторианской сдержанности — Дусечка-пусечка Жужу возвращается к мамочке — Рыба — Недоразумение — Как важно стучаться — Знакомство — Ирландские фамилии — Поразительное совпадение — Еще рыба — Неохотное отбытие — Еще недоразумение — Я отправляюсь на боковую — Визитеры — Коллизия

Вернее сказать, не рухнула без чувств, а потеряла сознание. Миссис Меринг плавно опустилась на вытканный цветами ковер, умудрившись ничего не задеть, — нелегкое, между прочим, дело, учитывая меблировку помещения. Большой круглый палисандровый стол, треугольный столик с альбомом ферротипов, стол красного дерева с букетом восковых цветов под стеклянным колпаком, набитая конским волосом софа, обтянутая

дамастом козетка, легкое виндзорское деревянное кресло, массивное моррисовское кресло с деревянными подлокотниками, честерфильдовское кожаное кресло, несколько оттоманок, бюро, книжный шкаф, горка с безделушками, этажерка, каминный экран, арфа, аспидистра и слоновья нога.

А еще она падала очень медленно, и пока она оседала, я успел кое-что подметить.

Во-первых, миссис Меринг не единственная отреагировала так, будто увидела привидение. Бледный молодой человек (должно быть, священник) стал белее своего пасторского воротника, а Бейн у двери ухватился за косяк, чтобы не упасть. Однако ужаса разоблаченного убийцы я на его лице не заметил. Не знай я истинной картины событий, подумал бы, что там написано скорее облегчение. Или радость, что уж совсем ни в какие ворота.

Во-вторых, Верити совершенно точно просияла при виде нас, и на какой-то миг я (под воздействием перебросочной болезни) принял эти чувства на свой счет. Только потом я сообразил, что она просто еще не успела к мистеру Дануорти с докладом. Тосси наверняка вчера весь вечер занимала домашних поисками Принцессы, поэтому Верити

еще не знает, что именно мне поручили вернуть кошку, а я провалил задание. И мне придется признаваться ей самому.

А это плохо, поскольку, в-третьих, даже после (относительно) здорового ночного сна и моратория на переброски она по-прежнему казалась мне самым прекрасным созданием на свете.

— Маменька! — вскричала Тосси.

Бейн, Теренс, профессор и я дружно ринулись подхватывать миссис Меринг, круша по дороге все, что ей удалось не задеть.

Теренс поймал миссис Меринг, Бейн включил свет, безжалостно заливший все, что мы своротили, я поставил на место опрокинутую дрезденскую пастушку и «волшебный фонарь», а священник уселся и начал промокать лоб большим белым платком. Теренс и Бейн уложили миссис Меринг на каштановую бархатную кушетку, зацепив мимоходом бюст Афины Паллады, и Верити принялась обмахивать пострадавшую.

— Бейн, — приказала она, — пусть Колин принесет нюхательную соль!

— Да, мисс.

Бейн, переполняемый эмоциями, поспешил исполнять.

— Ах, маменька! — Тосси рванулась к мате-

ри. — С вами…

И тут она заметила кошку, в суматохе примостившуюся у меня на груди.

— Принцесса Арджуманд! — воскликнула Тосси, кидаясь ко мне. — Дусечка-пусечка Принцесса! Ты вернулась!

Дусечку-пусечку пришлось отрывать от моей сорочки коготь за коготь. Я передал кошку Тосси, которая принялась ее тискать, издавая ликующие ахи-охи.

— Ах, мистер Сент-Трейвис, — проворковала она, обращаясь к Теренсу, — вы вернули мне мою драгоценную масюсечку Жужу! — Она потерлась о дусечку-пусечку носом. — Мы потеяись в ствашном йесу, да, лапусечка? Мы осень-осень испугавись? Но хвабвый мистев Сент-Твейвис нас нафол, да? Скажем спасибоськи добвому джентймену, да, Жужусенька?

Стоявший рядом со мной Сирил громко фыркнул, и даже пусечка Жужу скривилась презрительно. Ничего, зато это отрезвит Теренса, и мы вернемся вверх по реке в Оксфорд, Тосси выйдет за своего мистера К, и континуум восстановится.

Я посмотрел на Теренса. Он поедал Тосси влюбленными глазами.

— Право слово, не стоит благодарности. Вы по-

ручили мне найти свою любимицу, а ваше слово для меня — закон, прекрасная леди.

С кушетки донесся слабый стон миссис Меринг.

— Тетя Мальвиния! — Верити принялась растирать ей руки. — Тетя Мальвиния? — Она обернулась к Тосси. — Кузина, позовите Бейна и скажите, что нужно разжечь камин. У вашей матушки руки словно лед.

Тосси подошла к свисавшему вдоль стены длинному вышитому дамастовому шнуру с кисточкой на конце и дернула.

Видимо, где-то прозвенел колокольчик, потому что Бейн возник мгновенно. За время отсутствия он явно успел взять себя в руки и теперь бесстрастным голосом спросил:

— Да, мисс?

— Разожгите камин, — велела тискающая кошку Тосси, не повернув головы.

Бейн, не смущенный бесцеремонностью, улыбнулся покорно: «Да, мисс!» — и, опустившись на колени перед камином, принялся укладывать поленья.

В комнату вбежала горничная — еще рыжее, чем Верити, — с крошечным флакончиком в руках.

— О, мисс, так хозяйка, выходит, в обморок хлопнулась? — спросила она с безошибочно угадывающимся ирландским акцентом.

— Да, — подтвердила Верити, забирая у нее флакончик, вытаскивая пробку и поднося его под нос миссис Меринг. — Тетя Мальвиния, — позвала она ласково.

— О, мисс, это, значится, духи наделали? — Горничная испуганно заозиралась.

— Нет. Тетя Мальвиния…

Миссис Меринг застонала, но глаз не открыла.

— Я знала, что в доме нечисто, — крестясь, заявила горничная. — Давеча видела одного, во вторник, у беседки…

— Колин, добудьте мокрое полотенце положить миссис Меринг на лоб, — попросила Верити. — И грелку для ног.

— Да, мисс.

Горничная сделала книксен и вышла, не переставая пугливо озираться.

— Моя тутусечка Жужу, — сюсюкала Тосси. — Мы говодные, да? Бейн, подите сюда, — приказала она Бейну, который как раз собирался зажечь огонь.

Бейн, уже поднесший спичку к бумажной растопке, немедленно поднялся и подошел.

— Да, мисс?

— Принесите Жужу блюдечко сливок.

— Да, мисс, — улыбнувшись кошке, ответил дворецкий.

— И тарелочку рыбы.

Бейн обернулся на полпути и удивленно приподнял бровь.

— Рыбы?

Тосси вздернула подбородок.

— Именно рыбы. Бедняжка Принцесса такого натерпелась…

— Как вам будет угодно. — Каждое слово дворецкого сочилось неодобрением.

— Именно так мне будет угодно, — отрезала Тосси. — Немедленно несите!

— Да, мисс, — сказал дворецкий, но вместо того чтобы удалиться, опустился на колени перед камином и прилежно зажег огонь. Потом раздул его мехами, аккуратно вернул их в стойку для каминных принадлежностей и лишь затем поднялся.

— Сомневаюсь, что у нас осталась рыба, — заявил он, выходя.

— Маменька! — возмущенно воскликнула Тосси, однако миссис Меринг по-прежнему лежала без чувств. Верити укрывала ее ноги вязаным пледом и подкладывала подушку под голову.

Меня в мокрой одежде начала бить дрожь, и я стал пробираться к весело потрескивающему камину — мимо бюро, столика для рукоделия и небольшой подставки с мраморной столешницей, на которой поблескивали фотографии в металлических рамках. У камина уже пристроился Сирил, и с его шкуры капало на теплую приступку.

Вбежала горничная Колин с миской воды. Верити забрала у нее миску, поставила на столик рядом с высокой бронзовой вазой, из которой вместо цветов торчали павлиньи перья, и намочила полотенце.

— Неужто призраки украли ее душу? — ужаснулась Колин.

— Нет, — ответила Верити, накрывая мокрым полотенцем лоб миссис Меринг. — Тетя Мальвиния!

Миссис Меринг вздохнула, и веки ее затрепетали.

В комнату вошел пузатый джентльмен с густыми белыми усами и газетой под мышкой. На нем был красный домашний пиджак и смешная красная феска с кисточкой.

— В чем дело? — спросил он грозно. — Дадут человеку почитать «Таймс» в тишине и покое?

— Папенька! — воскликнула Тосси. — Маменька потеряла сознание.

— Потеряла? — подходя к супруге, переспросил папенька. — Где?

— Мы проводили сеанс, — объяснила Тосси. — Хотели найти Принцессу Арджуманд, и маменька вызывала духов, и когда она сказала: «Придите, духи!» — занавеси раздулись, на нас повеяло холодом, и появилась Принцесса Арджуманд!

— Хр-рмф, — фыркнул папенька. — Не терплю эту спиритическую чушь. Глупости одни.

Полковник Меринг разговаривал рублеными фразами. Возможно, распространенные предложения застревали в его густых усах.

— Истерия. Треплет дамские нервы.

Священник решил вмешаться:

— Несомненную ценность потусторонних явлений подтверждает ряд выдающихся ученых и исследователей. Известный физик сэр Уильям Крукс написал на эту тему фундаментальный трактат, а Артур Конан Дойль проводит…

— Чушь! — отмахнулся полковник Меринг, пополняя мою коллекцию подлинных викторианских восклицаний. — Морочат голову доверчивым дамочкам. Пора запретить законом. — Его взгляд упал на Теренса. — А вы кто?

Из этих шарлатанов?

— Это мистер Сент-Трейвис, папенька, — поспешно вставила Тосси. — Они с друзьями вернули нам Принцессу Арджуманд. Принцесса потерялась, а мистер Сент-Трейвис ее нашел.

Тосси протянула ему кошку в доказательство, и полковник Меринг посмотрел на спасенную с неприкрытой злостью.

— Ба! Думал, утонула, туда ей и дорога.

— Папенька, вы, конечно же, не всерьез! — Тосси потерлась носом о кошачью шерстку. — Нет-нет, дусечка Жужу, он такую бяку пло нас и не думает думать. Он футит-футит!

Полковник грозно сверкнул глазами на меня и профессора Преддика.

— Небось тоже столовращатели?

— Нет, — ответил я. — Мы плыли на лодке, она перевернулась, и вот…

— О-о-о, — простонала миссис Меринг с кушетки и затрепетала ресницами. — Муж мой, это ты? — слабым голосом проговорила она и протянула ему руку. — О, Мейсел, духи!

— Вздор! Дребедень! Губит нервы и здоровье. Как еще не покалечило никого? — Верити подвинулась, уступая полковнику место, и он, усевшись рядом на кушетке, взял супругу за ру-

ку. — Решено. Никаких больше сеансов. Чтобы в моем доме больше ни-ни! Бейн! — обратился он к дворецкому, входящему с блюдцем сливок. — Все книги по спиритизму долой. И об этой проныре мадам Идиотской слышать больше не хочу!

— Иритоцкой, — поправила миссис Меринг. — О, Мейсел, право же! — сжимая его руку, принялась увещевать она. — Ты не понимаешь! Ты всегда был скептиком. Но теперь и ты поверишь. Они были здесь, Мейсел. В этой самой комнате. Я как раз вызвала вождя Гитчевату, проводника мадам Иритоцкой, и вопросила его, что сталось с Принцессой Арджуманд, и тогда… — Она ахнула, точь-в-точь как Тосси. — И тогда они вошли, неся кошку в призрачных руках!

— Покорнейше прошу прощения. Никого не хотел пугать. — Теренс, кажется, заразился от полковника манерой рубить фразы.

— Кто это? — требовательно спросила миссис Меринг у мужа.

— Теренс Сент-Трейвис, с вашего позволения, — отрекомендовался Теренс, снимая шляпу, к сожалению, полную воды. Миссис Меринг окатило, как из душа.

— Ах-ах-ах! — заахала несчастная жертва, беспомощно всплескивая руками.

— Нижайше прошу прощения! — Теренс попытался предложить ей свой платок, но он был еще мокрее, поэтому, вовремя одумавшись, Теренс убрал его обратно в карман.

Хозяйка смерила молодого человека ледяным взглядом и снова повернулась к мужу.

— Все их видели! Преподобный, — обратилась она к священнику, — скажите же Мейселу, что видели духов!

— Ну… — замялся преподобный.

— Они были все в водорослях, Мейсел, и светились нездешним светом, — возбужденно трясла руку супруга миссис Меринг. — Они передали нам, что бедняжка Принцесса Арджуманд лежит на дне речном. Вот отсюда они вошли! — Она указала на французские двери.

— Да, следовало бы постучать, — устыдился Теренс. — У нас и в мыслях не было вламываться без приглашения, но лодка перевернулась и…

— Кто этот наглец? — осведомилась миссис Меринг у мужа.

— Теренс Сент-Трейвис, — объяснил Теренс.

— Вот вам и духи, — хмыкнул полковник Меринг.

— Теренс Сент-Трейвис, — повторил Теренс. — А это мистер Нед Генри и…

— Духи! — презрительно бросил полковник. — Свет погасят и знай себе столы вертеть. Куда там распознать горемык с перевернувшейся посудины. На дне речном? Ха!

— Маменька, Принцесса Арджуманд цела и невредима, — заявила Тосси, подсовывая кошку миссис Меринг под нос. — Она не утонула. Мистер Сент-Трейвис нашел ее и принес домой. Да, кисюлечка Жужу? Да, он наф нафол, нафол. Хвабвый-хвабвый, хвабвец-удалец!

— Вы нашли Принцессу? — спросила миссис Меринг.

— На самом деле ее нашел Нед…

Хозяйка взглядом заставила замолчать сперва меня, потом Теренса, отмечая нашу промокшую одежду, непрезентабельный вид и, очевидно, абсолютную несхожесть с духами. На секунду мне показалось, что сейчас она снова потеряет сознание. Верити тоже подалась вперед, вынимая пробку из флакончика с солями.

Но миссис Меринг приподнялась на кушетке и произнесла, обдавая Теренса холодом:

— Как смели вы прикинуться духом, мистер Сент-Трейвис?

— Я… мы… у нас перевернулась лодка, и…

— Сент-Трейвис! — скривилась хозяйка. — Что

это еще за фамилия? Ирландская?

Температура в комнате упала на несколько градусов, и Теренса начала бить легкая дрожь.

— Нет, мэм. Старинная родовая фамилия. Восходит к норманнскому завоеванию. Кажется, к рыцарю, сражавшемуся в крестовых походах с Ричардом Львиное Сердце.

— Похожа на ирландскую, — отрезала миссис Меринг.

— Это о мистере Сент-Трейвисе я вам рассказывала, — вмешалась Тосси. — Помните, я встретила его на реке и попросила поискать Принцессу? И он ее нашел! — Она продемонстрировала маменьке кошку.

Миссис Меринг даже голову не повернула.

— На реке? — Ее взгляд налился жидким азотом. — Вы что, какой-нибудь лодочник?

— Нет, мэм. Я студент. Второй курс. Баллиол.

— Ха! Оксфорд! — хмыкнул полковник Меринг.

Все шло к тому, что сейчас нас выгонят взашей, — может, оно и к лучшему, учитывая несмолкаемый щебет Тосси про Теренса. Не исключено, что это как раз включился механизм самокоррекции континуума после возвращения дусечки-пусечки. Очень хотелось бы надеяться.

Еще хотелось бы улучить момент и переки-

нуться парой слов с Верити, пока нам не указали на дверь. С той первой вспышки радости она на меня даже не взглянула, а хорошо бы узнать, что она выяснила (если выяснила) у Ти-Джея и мистера Дануорти.

— Это вас в Оксфорде учат врываться в чужие дома? — возмущалась миссис Меринг.

— Н-нет, — промямлил Теренс. — Вы сами сказали: «Войдите!»

— Я говорила с духами! — осадила его миссис Меринг.

— Небось какую новомодную дребедень изучаете? — вклинился полковник.

— Нет, сэр. Классические языки, сэр. Вот, кстати, мой наставник, профессор Преддик.

— Мы совершенно не хотели вторгаться, — заверил профессор. — Эти юные джентльмены любезно везли меня вниз по реке в Раннимед, когда…

В комнате моментально потеплело, полковник расцвел и засиял улыбкой (насколько мне удалось разобрать под густыми усами).

— Не вы ли, часом, профессор Артур Преддик? «О физических свойствах японских сюбункинов» — это ваше?

Профессор кивнул.

— Читали?

— Читал? Писал вам о своем перламутровом пучеглазом рюкине! Недели не прошло, — пробасил полковник. — А вы раз — и у меня! Удивительное совпадение!

— Ах да! — Профессор посмотрел на полковника сквозь пенсне. — Я ведь собирался ответить на ваше письмо. Любопытнейший вид, эти рюкины.

— Это ж надо вашей лодке перевернуться именно здесь! — изумлялся полковник. — Какова вероятность? Мизер!

Я оглянулся на Верити. Она задумчиво покусывала губу.

— Пойдемте, полюбуетесь моим черным телескопом, — провозгласил полковник. — Красавец! Прямиком из Киото. Бейн, принесите фонарь!

— Да, сэр, — ответил Бейн.

— И трехфунтовым полосатым бычком похвастаюсь, — продолжал полковник, хватая профессора под руку и увлекая сквозь мебельный лабиринт к французским дверям. — Только на прошлой неделе поймал.

— Мейсел! — рявкнула миссис Меринг с кушетки. — Куда это ты собрался?

— На пруд, дорогая, покажу профессору Пред-

дику моих золотых рыб.

— Среди ночи? Безумие! Он простудится насмерть в мокрой одежде.

— И то верно. — Полковник только теперь заметил, что рукав, за который он держится, можно выжимать. — Переоденем. Бейн, — обратился он к выходящему дворецкому, — немедленно профессору сухое.

— Да, сэр.

— Мистеру Генри и мистеру Сент-Трейвису тоже не помешало бы переодеться, — подсказала Верити.

— Да, мисс.

— И бренди прихватите, — распорядился полковник.

— И рыбки, — вставила Тосси.

— Вряд ли у джентльменов есть время угощаться бренди. — Миссис Меринг снова напустила холода. — Час весьма поздний, а им еще нужно вернуться к себе. Вы ведь остановились где-то в гостинице на реке, мистер Сент-Трейвис? В «Лебеде», наверное?

— По правде говоря… — начал Теренс.

— Слышать не желаю. Убогие сараи. Канализация никудышная. Останутся здесь, — заявил полковник, решительным жестом отметая

любые возражения. — Места предостаточно. Оставайтесь сколько пожелаете. Рядом отменные глубины для блесны. Бейн, велите Джейн приготовить комнаты для джентльменов.

Бейн, которому предстояло одновременно разлить бренди, принести фонарь и раздобыть одежду для половины присутствующих, ответил: «Да, сэр!» — и двинулся к выходу.

— И вещи их доставьте, — добавил полковник.

— Боюсь, вещей у нас нет, — развел руками Теренс. — Когда лодка перевернулась, мы хорошо что сами живыми добрались.

— Упустил прекраснейшего пескаря-альбиноса, — пожаловался профессор. — Изумительные спинные плавники.

— Придется ловить заново, — ответил полковник. — Бейн, посмотрите, нельзя ли вытянуть их лодку и поклажу. Где фонарь?

Странно, что Бейн еще не начал читать Маркса — настолько его тут угнетают. Хотя нет, Маркс еще только пишет свой «Капитал». В читальном зале Британского музея.

— Сейчас принесу, сэр.

— Ни в коем случае, — вмешалась миссис Мерринг. — Уже слишком поздно для экскурсий на пруд. Эти джентльмены, — столбик термометра

ухнул вниз, — без сомнения, устали после пережитого. Плыть на лодке! Среди ночи! Чудо, что вы не рухнули с запруды и не утонули. — Во взгляде, однако, читалось сожаление, что этого не случилось. — Джентльмены, конечно же, без сил.

— Определенно, — согласился священник. — Тогда откланиваюсь. Спокойной ночи, миссис Меринг.

Миссис Меринг протянула руку.

— О, преподобный, какая жалость, что сегодня нам никто не явился.

— В другой раз непременно повезет больше, — пообещал священник миссис Меринг, глядя при этом на Тосси. — Я буду с нетерпением ждать следующего соприкосновения с метафизическим. И разумеется, послезавтрашней встречи с вами обеими. Уверен, благодаря вам и вашей прелестной дочери нас ждет ошеломляющий успех.

Он широко улыбнулся Тосси, и у меня закралось подозрение — уж не он ли таинственный мистер К?

— Почтем за честь хоть чем-нибудь вам помочь, — откликнулась миссис Меринг.

— У нас заканчиваются скатерти… — начал священник.

— Бейн, немедленно отвезите в приход дюжину

скатертей, — велела хозяйка.

Неудивительно, что Бейн пристрастился на досуге топить домашнюю живность. Вполне оправданная месть.

— Рад был со всеми познакомиться, — продолжил священник, не сводя глаз с Тосси. — И если вы еще будете здесь послезавтра, то спешу пригласить вас…

— Вряд ли джентльмены задержатся так надолго, — сообщила миссис Меринг.

— Что ж, тогда доброй ночи.

Бейн подал священнику шляпу, и тот удалился.

— Могла бы попрощаться с преподобным мистером Арбитиджем, — упрекнула миссис Меринг Тосси, и мое предположение лопнуло, как мыльный пузырь.

— Профессор Преддик, по крайней мере на моего перламутрового пучеглазого рюкина вы должны взглянуть, — не утерпел полковник. — Бейн, где фонарь? Неповторимая окраска…

— А-а-ай! — раздалось с кушетки.

— Что такое? — встрепенулся Теренс, и все разом обернулись на французские двери, словно ожидая еще одного явления призраков.

— Что, тетушка? — Верити потянулась за фла-

кончиком солей.

— Там! — Миссис Меринг театральным жестом указала на Сирила, гревшегося у очага. — Кто впустил это кошмарное создание?

Сирил оскорбленно поднялся.

— Я… я впустил. — Теренс кинулся к Сирилу и ухватил его за ошейник.

— Это Сирил, — объяснила Верити. — Пес мистера Сент-Трейвиса.

К несчастью, именно в этот момент собачья натура Сирила взяла верх, а может, на него, как и на всех нас, подействовала миссис Меринг, но он энергично отряхнулся, шлепая мясистыми брылями.

— Фу, паршивый пес! — вскричала миссис Меринг, закрываясь руками, хотя Сирил находился на другом конце комнаты. — Бейн, выдворите его немедленно!

Бейн шагнул вперед, и у меня мелькнуло страшное подозрение: вдруг перед нами серийный питомцеубийца?

— Я его выведу, — предложил я.

— Нет, я сам. Сирил, пойдем, — позвал Теренс.

Сирил, судя по изумленному взгляду, решил, что ослышался.

— Искренне прошу прощения. — Теренс по-

тянул бульдога за ошейник. — Он был с нами в лодке, когда та перевернулась, и…

— Бейн, проводите мистера Сент-Трейвиса на конюшню. Прочь! — скомандовала миссис Меринг Сирилу, и тот пулей вылетел за дверь, а следом за ним Теренс.

— Несносной собаченции сделали ата-та, и теперь нам нечего бояться, да, сладусечка Жужу? — проворковала Тосси.

— Нет, это уже слишком! — Миссис Меринг картинно приложила руку ко лбу.

— Вот, возьмите. — Верити сунула ей под нос флакончик. — Я с радостью провожу мистера Генри в его комнату.

— Верити! — пристыдила ее миссис Меринг тоном, не оставляющим сомнений в родстве с леди Шрапнелл. — В этом нет совершенно никакой нужды.

— Да, мэм, — стушевалась Верити и пошла звать дворецкого, ловко подбирая юбку, чтобы не задеть подолом когтистые ножки столика и ажурную подставку под аспидистру. Дойдя до сонетки, она шепнула мне вполголоса: «Рада вас видеть. Очень беспокоилась».

— Я… — начал я таким же полушепотом.

— Отведи меня наверх, Тосси, — попросила

миссис Меринг. — Я ужасно переутомилась. Верити, пусть Бейн принесет мне ромашкового чаю. А ты, Мейсел, не морочь профессору голову своей рыбой.

Появившаяся в разгар выдачи распоряжений Колин тоже получила свое — проводить меня в комнату.

— Да, мэм.

Она обозначила реверанс и повела меня на второй этаж, задержавшись у подножия лестницы, чтобы зажечь лампу.

Принцип «не переусердствуй», похоже, еще не ввели в обиход. Вдоль лестницы сплошняком шли портреты меринговских предков в золоченых рамах — галуны, брыжи, галифе, доспехи, — а по коридору выстроились стойка для зонтов, бюст Дарвина, большой папоротник и статуя Лаокоона, обвитого огромной змеей.

Дойдя до середины коридора, Колин сделала книксен и застыла, придерживая для меня крашеную дверь.

— Ваша комната, сэр, — объявила она. Из-за акцента «сэр» прозвучал как «сорр».

Комната оказалась не такой заставленной, как гостиная. Всего-навсего кровать, умывальник, ночной столик, деревянный стул, кресло с

цветочной обивкой, комод, зеркало и огромный гардероб, занимающий целую стену (что к лучшему, поскольку рисунок на обоях представлял собой сплошь увитую пышным голубым вьюном решетку).

Горничная поставила лампу на ночной столик и, метнувшись на другой конец комнаты, взяла с умывальника кувшин.

— Сейчас горяченькой налью, сорр.

Она выскочила, а я принялся осматриваться. Викторианцы, очевидно, исповедовали принцип «Господь кроется в накидках». Кровать пряталась под покрывалом, поверх которого, в свою очередь, был наброшен ажурный, вязанный крючком плед; на трюмо и комоде белели подстеленные под вазы с букетами сухих цветов льняные дорожки с вязаной каймой, а ночной столик укрывала шаль в «огурцы» с вязаной салфеточкой поверх.

Вязаные чехлы имелись даже у туалетных принадлежностей на трюмо. Я вытащил их и начал изучать, надеясь, что они зададут меньше загадок, чем кухонная утварь. Нет, вроде ничего страшного, обычные щетки, а вот и помазок, и кружка с мылом. На кафедре двадцатого века мы обычно делали перед переброскими дол-

говременную депиляцию, чтобы не возиться с допотопными средствами для бритья, и я тоже сделал перед отправкой на барахолки, но на все мое пребывание здесь ее не хватит. В 1888 году уже изобрели бритвенный станок?

Ответ я получил, вызволив из вязаного чехольчика эмалированный футляр: в нем лежали две опасные бритвы с ручкой из слоновой кости. На вид — идеальное орудие убийства.

В дверь постучали. Я открыл, и вошла горничная, сгибаясь под тяжестью кувшина почти с нее саму размером.

— Горяченькая, сорр, — объявила она, ставя кувшин и приседая в книксене. — Если еще что понадобится, звонок туточки.

Она неопределенно махнула в сторону свисавшей над кроватью длинной ленты, вышитой фиалками. Хорошо, что я видел, как Тосси дергала за сонетку, иначе принял бы ленту за украшение.

— Спасибо, Колин.

Горничная замялась, скомкав реверанс.

— Извиняюсь, сорр, — теребя в руках край передника, уточнила она, — только я Джейн.

— Вот как? Простите, должно быть, я недопонял. Я думал, вас зовут Колин.

Она замялась еще больше.

— Нет, сорр, Джейн, сорр.

— Что ж, тогда «спасибо, Джейн».

— Доброй ночи, сорр, — облегченно выдохнула она и, еще раз присев в торопливом книксене, вышла, затворяя за собой дверь.

Я почти благоговейно смотрел на кровать, не веря, что наконец получу то, ради чего, собственно, и прибыл в викторианскую эпоху, — здоровый сон. Неслыханная удача! Мягкая постель, теплое одеяло, благословенные объятия Морфея. Никаких каменистых берегов, дождя и поисков пропавших кошек. Никаких барахолок, епископских пеньков и леди Шрапнелл.

Я сел на кровать. Она слегка прогнулась, повеяло лавандой, и на меня навалилась апатия. Сил не осталось даже на то, чтобы раздеться. Вот, наверное, ужаснется Колин — то есть Джейн, когда обнаружит поутру, что я сплю одетым.

Меня по-прежнему беспокоил диссонанс и предстоящее объяснение с Верити, но это подождет до утра. Утром я буду свеж, бодр, полностью оправлюсь от перебросочной болезни и в два счета что-нибудь придумаю. Если еще понадобится придумывать. Может, Принцесса Арджуманд, прильнув к трепещущей рюшечками хозяйки-

ной груди, восстановит равновесие во Вселенной, и диссонанс начнет рассасываться. А если нет, то я уже верну себе способность соображать и продумаю план действий. Эта мысль придала мне достаточно сил, чтобы не подвергать чувства горничной жестокому испытанию. Стянув мокрую сорочку, я повесил ее на спинку кровати, а потом принялся снимать носки.

Едва я расправился с одним промокшим носком, как в дверь снова постучали. Горничная, подумал я с надеждой. Принесла какую-нибудь грелку или перочистку, или что там еще полагается, и если ее напугает моя босая нога, то ничего не поделаешь. Натягивать мокрый носок обратно я не стану.

Это оказалась не горничная. Дворецкий. В руках он держал саквояж.

— Я сходил к реке, сэр. К сожалению, удалось выловить только ваш портплед, корзину и этот саквояж, увы, пустой и порванный. — Он показал на разрез, который я сделал для Принцессы. — Видимо, его потрепало о камни, прежде чем прибить к берегу. Но я его починю, сэр.

Мне совсем не улыбалось, чтобы он присмотрелся к саквояжу повнимательнее и обнаружил внутри кошачью шерсть.

— Не стоит беспокоиться.

— Поверьте, сэр, заштопаю так, что будет как новенький.

— Спасибо. Я сам все устрою.

— Как вам будет угодно, сэр.

Он подошел к окну и задернул шторы.

— Лодку пока не нашли. Но я дал знать смотрителю Пенборнского шлюза.

— Благодарю.

Я приятно поразился про себя его расторопности, однако больше всего мне хотелось, чтобы он ушел уже и дал мне спокойно улечься.

— Ваши вещи из портпледа сейчас стирают и утюжат, сэр. Ваше канотье я тоже выловил.

— Премного благодарю.

— Рад стараться, сэр.

Почему-то он и после этого не ушел. Встал и стоит. Наверное, полагается как-то его отпустить, но как? Чаевые дворецким вроде не дают? Я стал припоминать, что говорилось в наушниках.

— Вы свободны, Бейн, — сообщил я в конце концов.

— Да, сэр.

Он поклонился и пошел прочь, но в дверях задержался снова, будто чего-то ему не хватало.

— Доброй ночи, — пожелал я, надеясь, что уж

теперь-то все.

— Доброй ночи, сэр.

Он наконец вышел. Я сел на кровать. На этот раз я даже за носок взяться не успел, как в дверь постучали.

Теренс.

— Слава Богу, вы еще не легли, Нед, — обрадовался он. — Нужна ваша помощь. У нас коллизия.

Глава двенадцатая

…странное поведение собаки в ночь преступления.
— Собаки? Но она никак себя не вела!
— Это-то и странно, — заметил Шерлок Холмс.

Артур Конан Дойль

Вызволение — Истоки легенд о привидениях в английских загородных домах — Бегство Элизабет Барретт Браунинг — Визитеры — Признание — Разгадка тайны Принцессы Арджуманд — Еще визитеры — Атака легкой кавалерии — Законы детективного жанра — Наименее вероятный подозреваемый — Обескураживающее известие

Коллизия возникла из-за Сирила.

— Конюшня! Он ведь никогда не спал на улице, — отчаивался Теренс, явно забыв про вчерашнюю ночь. — Бедняга Сирил! Выдворен за порог. Под лошадиные копыта!.. Какое варварство, после того как он едва не утонул, отсылать

его на конюшню. В его-то состоянии!

— А что с ним?

— Слабая грудь. Склонность к катарам. — Теренс перестал метаться по комнате и выглянул в щель между портьерами. — Наверное, уже кашляет. Ему нужно в дом. — Он отошел от окна. — Вы должны протащить его к себе в комнату.

— Я? А почему не вы к себе?

— Миссис Меринг и без того мне не доверяет. Велела дворецкому, чтобы ни в коем случае не пускал это животное спать в дом. Животное!

— Тогда как я его протащу?

— Дворецкий будет следить за мной, а не за вами. Видели бы вы глаза Сирила, когда я сказал, что ему придется спать там. «И ты, Брут…»

— Хорошо, — согласился я. — Но все равно не представляю, как пробраться мимо Бейна.

— Я пойду к себе и позвоню, чтобы принесли какао. Так мы его отвлечем. Вы непременно справитесь. «Мой лучший друг, ты для меня родник в пустыне дикой»[32].

Он открыл дверь и посмотрел по сторонам.

— Пока все чисто. Выжидаю пять минут, чтобы вы успели обуться, а потом звоню просить какао.

---

[32] Примечания: 32

Элиот, Джордж. Испанская цыганка.

Если он вас все же перехватит, скажете, что вышли покурить.

— А если он перехватит меня на обратном пути, с Сирилом на буксире?

— Не перехватит. Я спрошу в придачу бокал кларета — «Шато-Марго» семьдесят пятого года. В загородных домах редко найдется приличный винный погреб.

Еще раз глянув туда-сюда, Теренс выскользнул в коридор и мягко прикрыл за собой дверь, а я вернулся к кровати и горестно уставился на свои носки.

Натянуть мокрый носок, а поверх него еще и мокрый ботинок — задача не из легких, поэтому дело шло туго. В пять минут я определенно не уложился. Одна надежда, что винный погреб у Мерингов располагается в противоположном крыле.

Приоткрыв дверь, я посмотрел в коридор. Никого не видно. Точнее, ничего. Эх, надо было запоминать, где что расположено, когда мы поднимались.

Темно хоть глаз выколи. Я уже собрался вернуться за лампой с позвякивающими хрустальными подвесками, прикидывая, что хуже: быть пойманным миссис Меринг, заметившей свет,

или быть пойманным миссис Меринг, когда я врежусь в статую Лаокоона?

Пусть уж второе. Если слуги еще не легли, что вероятнее всего, учитывая, сколько скатертей им нужно постирать и накрахмалить, они увидят свет и прибегут узнавать, не изволит ли сэр еще чего-нибудь. Глаза постепенно привыкают к темноте, вполне достаточно, чтобы разобрать очертания коридора. Если держаться ближе к центру, все пройдет как по маслу.

Я ощупью добрался до лестницы, задев большой папоротник, который угрожающе закачался на подставке (уф, успел поймать), и пару ботинок.

До самой лестницы я гадал, что бы это значило, пока не споткнулся о вторую пару — на этот раз изящные белые ботиночки Тосси на шнуровке, — и только тогда вспомнил: вроде бы в наушниках говорилось о выставляемой на ночь у порога обуви, которую слуги начищали к утру. Само собой, когда закончат со скатертями, варкой какао и вылавливанием чужих лодок из Темзы.

На лестнице было чуть светлее. Я стал спускаться. Четвертая ступенька громко скрипнула, а когда я испуганно оглянулся, на меня с верхней площадки грозно сверкнула глазами леди Шрапнелл.

Сердце остановилось.

Когда оно наконец застучало снова, я разглядел плоеный воротник и корсет с длинным мысом — похоже, леди Шрапнелл остается «по ту сторону», а это всего-навсего кто-то из меринговских предков елизаветинской эпохи. Неудивительно, что викторианские загородные дома славятся привидениями.

Дальше пошло совсем легко, хотя перед входной дверью у меня опять похолодело внутри, когда показалось, что она заперта и теперь придется через всю заставленную гостиную пробираться к стеклянным французским. Нет, все в порядке, обычная щеколда — которая к тому же откинулась почти беззвучно. Снаружи светила луна.

В какой из построек, белеющих в лунном свете, скрывалась конюшня, пришлось выяснять методом тыка. Я сунулся в гончарный сарай, потом в курятник, и только тогда ржание лошадей, видимо, разбуженных курами, подсказало мне нужное направление.

Бедолага Сирил так обрадовался моему приходу, что я моментально выбросил из головы проклятия, которые готовил для Теренса.

— Пойдем, старина, — позвал я. — Только тихо. Как Флаш, когда Элизабет Барретт Браунинг сбе-

гала из дома с возлюбленным.

Что, кстати, происходило примерно в эти годы. Интересно, как ей удалось спуститься по лестнице и выбраться из дома в кромешной темноте, не свернув шею? Да еще с чемоданом и кокер-спаниелем? Снимаю шляпу перед викторианцами.

Сирил, оказывается, считал, что тишина — это тяжелое пыхтение, перемежаемое всхрапами. Посреди лестницы он вдруг замер, уставившись на верхнюю площадку.

— Не бойся, — подбодрил я его. — Это всего лишь картина. Опасности никакой. Осторожнее, папоротник.

Мы преодолели коридор и без происшествий добрались до моей комнаты. Закрыв дверь, я облегченно привалился к ней изнутри.

— Молодец, Флаш бы тобой гордился, — похвалил я Сирила и только тут заметил у него в пасти черный ботинок, видимо, прихваченный по дороге. — Нет! Отдай сюда!

Бульдожья порода изначально выводилась, чтобы мертвой хваткой вцепляться быку в нос, и, как видно, эта способность никуда не исчезла. Как я ни тащил, ни тянул и ни дергал — тщетно. Я сдался.

— Брось ботинок! Или сейчас же отправляешь-

ся на конюшню.

Сирил смотрел на меня не моргая, ботинок свисал из пасти, шнурки болтались.

— Не шучу, — предупредил я. — Подхватывай там сколько влезет хоть катар, хоть воспаление легких.

После недолгого раздумья Сирил неохотно выронил ботинок и улегся, уткнувшись в него приплюснутым носом.

Я выхватил добычу, надеясь, что обувка принадлежит профессору Преддику, который вмятин от зубов попросту не заметит, или Теренсу, которому будет поделом. Но она оказалась женской. И точно не Верити. У нее была белая, как и у Тосси.

— Ботинок миссис Меринг! — ужаснулся я, потрясая испорченным предметом обуви перед носом Сирила.

Сирил тут же вскочил, собираясь поиграть.

— Веселого мало! — урезонил я его. — Ты только посмотри!

На самом деле, если не считать моря слюны, вроде бы не так уж этот ботинок и пострадал. Я вытер его о брючину и, скомандовав Сирилу «место!», пошел возвращать украденное.

Где комната миссис Меринг, я понятия не имел, а рассмотреть не привыкшими заново к темноте

глазами, у какого порога недостача, тоже не получалось. Привыкать было некогда. Не хватает еще, чтобы миссис Меринг застала меня крадущимся по коридору на четвереньках.

Я вернулся к себе, взял лампу и посветил в коридор. Ага, вот она, дверь с разрозненной парой, вторая с конца. А до нее статуя Лаокоона, Дарвин и большой папоротник на подставке из папье-маше.

Делать нечего — я скрылся в комнате, поставил на место лампу, взял ботинок и снова украдкой выглянул в коридор.

— …говорю тебе, я видела свечение, — раздался голос, который мог принадлежать только миссис Меринг. — Потустороннее, зыбкое, нездешнее свечение. Это духи, Мейсел! Вставай же!

Притворив дверь, я задул лампу и поспешно нырнул в кровать. Там уже обосновался Сирил, уютно закопавшись в подушки.

— Все из-за тебя, — шепнул я и понял, что злополучная обувь по-прежнему у меня в руках.

Я сунул улику под одеяло — нет, так ее в два счета обнаружат, начал было прятать под кровать, передумал и в конце концов запихнул ботинок между пружинной сеткой и периной. А потом застыл в темноте, прислушиваясь. Голо-

сов сквозь храп Сирила не доносилось никаких, скрипа и шагов тоже, и полосок света у порога не возникало.

Выждав еще несколько минут, я разулся, прокрался на цыпочках к двери и приоткрыл ее на волосок. Темнота и тишина. Тогда я на цыпочках же вернулся к кровати (ударившись большим пальцем ноги о зеркало, а косточкой на щиколотке — о ночной столик), зажег лампу и стал укладываться как следует.

Последние несколько минут вытянули из меня остатки сил, но я разделся аккуратно, запоминая, как застегиваются подтяжки и крепится воротник, а галстук развязывая перед зеркалом, чтобы с утра изобразить хотя бы отдаленно похожий узел. Впрочем, какая разница? Я до этого все равно не доживу — перережу себе горло во время бритья. Или меня разоблачат как вора и обувного фетишиста.

Стянув так и не высохшие носки, я надел ночную сорочку и забрался в постель. Сетка прогнулась вместе с периной, простыни были холодные, а Сирил загреб себе все одеяло. Превосходно.

Сон, сладкий сон, хранитель наш, распутывающий клубок забот, сон, смерть дневных тревог, бальзам на израненную душу…

В дверь постучали.

Не иначе как миссис Меринг ищет свой ботинок. Или духи. Или полковник, которого она все-таки подняла с кровати.

Но света под дверью не было, а стучали чересчур мягко. Значит, Теренс, явился на готовенькое — забрать Сирила.

Однако на случай, если это все же не он, я зажег лампу, набросил халат и прикрыл Сирила одеялом.

За порогом стояла Верити. В ночной сорочке.

— Что вы здесь делаете? — прошептал я. — Это ведь викторианская эпоха.

— Знаю, — шепнула она, проскальзывая в комнату. — Но мне нужно с тобой поговорить, прежде чем докладывать мистеру Дануорти.

— А если кто-нибудь войдет? — продолжал опасаться я, приглядываясь к ее сорочке. Вполне скромная, с длинными рукавами и наглухо застегнутым воротом под горло, но вряд ли это убедит Теренса. Или дворецкого. Или миссис Меринг.

— Никто не войдет. — Верити села на кровать. — Все спят. А стены в викторианских домах достаточно толстые.

— Теренс уже заходил, — сообщил я. — И Бейн.

— Зачем?

— Сказать, что весь багаж ему выловить не удалось. А Теренс просил контрабандой протащить Сирила из конюшни в дом.

Услышав свое имя, бульдог высунулся из-под одеяла, сонно моргая.

— Привет, Сирил. — Верити погладила его по голове, которую он тут же уложил ей на колени.

— А вдруг Теренс заглянет его проведать?

— Тогда спрячусь, — пообещала Верити невозмутимо. — Ты не представляешь, Нед, как я рада тебя видеть. — Она посмотрела на меня с улыбкой. — Мы вернулись от мадам Иритоцкой; Принцессы Арджуманд по-прежнему не было, и миссис Меринг перехватила меня по дороге к беседке вчера вечером, когда я собралась на доклад. Наболтала ей, что встретила духа, а она подняла весь дом и отправила обыскивать окрестности, поэтому я так и не перебросилась и не представляла, что происходит.

Хуже не придумаешь. Наяда сидела в ночной рубашке на моей постели, рассыпав по плечам прерафаэлитскую медь, и улыбалась мне, не подозревая, что сейчас я все испорчу. Что же, семь бед, один ответ.

— А утром, — продолжала она, — мне пришлось сопровождать Тосси в церковь, и…

— Кошку пронес я. В собственном багаже. Мистер Дануорти, видимо, предупредил меня, что она там, но я из-за перебросочной болезни не расслышал. Все это время она была со мной.

— Знаю.

— Что?

Неужели опять трудности со слухом?

— Знаю. Сегодня днем докладывалась, и мистер Дануорти мне сказал.

— Но…

Ничего не понимаю. Если она успела наведаться в 2057 год, то эта сияющая улыбка…

— Могла бы догадаться еще в Иффли. Чтобы мистер Дануорти позволил историку прохлаждаться в прошлом, да еще когда ему в затылок дышит леди Шрапнелл, а до освящения собора всего две недели…

— В Иффли я еще не подозревал, что она у меня, — объяснил я. — Я искал открывалку. Да, я помню, ты просила держать Теренса подальше от Мачингс-Энда, но я подумал, что вернуть кошку куда важнее. Предполагалось остановиться в гостинице в Стритли, тогда бы я тайком принес ее в усадьбу, но Теренс погреб дальше, кошка замяукала, Сирил начал нюхать, потом свалился за борт, потом лодка перевернулась… остальное

тебе известно, — закончил я скомканно. — Надеюсь, что не слишком напортачил.

Верити обеспокоенно прикусила губу.

— Что? Считаешь, не надо было ее возвращать?

— Не знаю.

— Мне казалось, ее нужно вернуть поскорее, пока не разрослись последствия.

— Да, — кивнула Верити удрученно. — Проблема в том, что ты вообще не должен был ее проносить в прошлое.

— То есть как?

— Когда мистер Дануорти узнал про ковентрийские сдвиги, он отменил переброску.

— Но… — Я растерялся. — Принцессу Арджуманд не нужно было возвращать вовсе? Ты ведь вроде говорила, что у сдвигов в Ковентри своя собственная причина — очаг напряженности?

— Да. Но во время проверки данных Ти-Джей сравнил рисунок сдвигов с материалами Фудзисаки, и они с мистером Дануорти пришли к выводу, что отсутствие сдвигов вокруг изначальной точки переброски свидетельствует о незначительности события.

— Но это невозможно! Живые существа всегда значимы.

— Именно, — вздохнула она горестно. — Они считают, что Принцесса Арджуманд уже не относилась к живым. То есть ей суждено было утонуть.

Я по-прежнему ничего не понимал.

— Даже если она утонет, ее тело не перестанет взаимодействовать с континуумом. Она ведь не растворится.

— Вот об этом и писал Фудзисаки. Она распадется на составные элементы, и комплексность их взаимодействия будет стремиться к нулю.

Проще говоря, ее бренное тело поплывет по Темзе, распадаясь на углерод и кальций и взаимодействуя лишь с речной водой и голодными рыбами. Прах к праху. Пепел к обнулению значимости.

— А значит, — договорила Верити, — ее можно изъять из пространственно-временной точки без ущерба для истории. То есть возвращать ее в прошлое необходимости нет.

— Выходит, умыкнув ее через сеть, ты никакого диссонанса не вызвала? Зато вызвал я, доставив ее обратно.

Верити кивнула.

— Когда ты не появился, я испугалась: вдруг тебе передали через Финча или еще кого, чтобы

ты ее утопил?

— Ни в коем случае! Никто никого топить не будет.

Меня одарили ослепительной улыбкой.

— Если Принцесса и вправду не имеет значения, заберем ее обратно в будущее, — пообещал я твердо. — Топить ее незачем. Однако все равно не складывается. Ее неизбежная гибель тоже ведь имеет свои последствия, такие же, как при исчезновении: переполох, поиски, ваша поездка в Оксфорд, знакомство Тосси с Теренсом…

— Тот же довод я привела мистеру Дануорти, — кивнула Верити. — Но Ти-Джей вычитал у Фудзисаки, что это кратковременные последствия, которые на истории не отразятся.

— Другими словами, горечь утраты постепенно утихла бы, не верни я кошку обратно.

— И тебе не пришлось бы ее возвращать, если бы меня с самого начала не угораздило вмешаться, — грустно договорила Верити.

— Ты не могла оставить ее тонуть.

— Нет, не могла. Сделанного не воротишь, нужно сообщить мистеру Дануорти и выяснить, как быть дальше.

— А дневник? — осенило меня. — Если после седьмого июня Принцесса где-то упоминается,

значит, она не утонула. Нельзя попросить криминалистов поискать в дневнике?

Верити помрачнела.

— Они искали. Что-то подходящее встречается — два длинных слова подряд с большой буквы, но только в течение нескольких дней сразу после происшествия, и расшифровать пока не удалось. Мистер Дануорти считает, что скорее всего упоминания относятся непосредственно к пропаже или гибели. Ладно, я, пожалуй, отправлюсь на доклад. — Верити поднялась. — Что произошло, когда ты обнаружил Принцессу у себя в багаже? И когда выяснили Теренс с профессором?

— Они так и не выяснили. Я прятал ее до самого прибытия сюда. В саквояже. Теренс думает, она была на берегу, когда мы… — «причалили» здесь явно не подходило, — …эвакуировались.

— И больше ее никто не видел?

— Не знаю. Она дважды убегала. Один раз в лесу и второй — в Абингдоне.

— Из саквояжа?!

— Нет. Я ее выпускал.

— Выпускал?

— Я думал, она воспитанная.

— Воспитанная? — изумилась Верити. — Кошка? — Она укоризненно посмотрела на Сирила:

— Что ж ты его не вразумил?.. Больше Принцесса ни с кем на твоих глазах не взаимодействовала? — уточнила она у меня.

— Нет, — подтвердил я.

— Уже хорошо. Тосси тоже пока больше ни с какими обладателями фамилий на неправильные буквы не пересекалась.

— И мистер К, я так понимаю, не объявлялся?

— Нет, — нахмурилась Верити. — И с дневником Тосси мне все так же не везет. Поэтому я должна доложиться. Может, криминалистке уже удалось расшифровать фамилию. Или упоминание о Принцессе. А еще нужно сообщить им, что кошка возвращена и…

— И еще кое про что, — вставил я.

— Про удивительную встречу профессора Преддика и полковника Меринга? Я и так собиралась.

— Нет, другое. Из-за меня Теренс упустил возможность познакомиться с племянницей профессора Преддика.

Я объяснил, что произошло на станции.

— Хорошо, скажу мистеру Дануорти, — кивнула Верити. — Знакомства…

В дверь постучали.

Мы с Верити замерли.

— Кто там? — осторожно поинтересовался я.

— Бейн, сэр.

«Сказать ему, чтобы ушел?» — одними губами спросил я у Верити.

«Нельзя», — изобразила она в ответ, набросила покрывало на Сирила и полезла под кровать. Я перехватил ее за руку. «В гардероб», — беззвучно велел я.

— Сейчас, Бейн! Минуту! — Я распахнул гардероб, Верити скользнула внутрь, я закрыл дверь, открыл снова, подобрал свисающую полу ее сорочки, снова закрыл дверь, убедился, что из-под покрывала не высовываются никакие части Сирила, встал у кровати и только тогда крикнул: — Входите, Бейн!

Дворецкий внес стопку сложенных сорочек.

— Вашу лодку нашли, сэр, — объявил он, направляясь прямиком к гардеробу.

Я преградил ему путь.

— Это мои?

— Нет, сэр. Позаимствовал на время у Каттисборнов, у них сын в Южной Африке. Это пока вы не распорядитесь послать за собственными вещами.

Собственными. И куда, спрашивается, я должен за ними послать? Впрочем, сейчас у меня хватало более неотложных проблем.

— Положите в комод, — распорядился я, не сходя с места.

— Да, сэр. — Он аккуратно сложил их в верхний ящик. — Кроме того, имеется комплект вечерней одежды и твидовый костюм, который я отдал почистить и подогнать по мерке. Будут готовы к утру, сэр.

— Отлично. Благодарю, Бейн.

— Да, сэр.

Он вышел, не дожидаясь особого указания.

— Чуть не… — начал я, и тут вернулся Бейн, неся на подносе фарфоровую чашку, серебряный кофейник и тарелочку печенья.

— Подумал, вдруг вам захочется какао, сэр.

— Благодарю.

Он поставил поднос на ночной столик.

— Прикажете налить, сэр?

— Нет, спасибо.

— В гардеробе есть еще одеяла, сэр. Прикажете постелить?

— Нет! — Я поспешно встал перед ним. — Благодарю. Вы свободны, Бейн.

— Да, сэр… — Он почему-то мялся. — Сэр, — начал он беспокойно, — если мне будет позволено…

Он знает, что я прячу Верити в гардеробе. Или

что я самозванец. Или и то, и другое.

— Да?

— Я… всего лишь… — Он снова замялся, и я увидел, какой он бледный и осунувшийся. — Хотел сказать, как я вам благодарен за то, что вы вернули мисс Меринг Принцессу Арджуманд.

Этого я не ожидал никак.

— Благодарны? — ошеломленно переспросил я.

— Да, сэр. Мистер Сент-Трейвис сообщил, что именно вы ее нашли, когда лодка перевернулась и все выбирались на берег. Не сочтите за дерзость, сэр, но мисс Меринг души не чает в своей любимице, и я бы никогда не простил себе, если бы с ней что-то случилось. — Он вздохнул прерывисто. — Видите ли, это ведь целиком моя вина.

— Ваша? — растерялся я.

— Да, сэр. Понимаете, полковник Меринг коллекционирует рыбу. Восточную. Держит коллекцию в пруду у рокария.

— Вот как?

Неужели рецидив перебросочной болезни? Я категорически не улавливал связи.

— Да, сэр. У Принцессы Арджуманд имеется неприятная привычка охотиться на хозяйских золотых рыбок, а я, как ни бьюсь, не могу ее от-

учить. Кошки, сами знаете, невосприимчивы к угрозам.

— Да, — подхватил я. — И к мольбам, и к уговорам…

— Единственная мера воздействия, которую мне посчастливилось найти…

— Кинуть ее в реку? — озарило меня.

Из гардероба донеслось изумленное «ах!», но Бейн вроде не заметил.

— Да, сэр. Для острастки. Конечно, потом она опять принимается за старое, приходится повторять урок примерно раз в месяц. Я ее далеко не закидываю. Кошки в случае надобности довольно хорошо плавают. Лучше собак. Но в тот раз ее, должно быть, подхватило течением, и… — Он закрыл лицо руками. — Я боялся, что она утонула, — проговорил он убитым голосом.

— Ну что вы. — Я взял его под руку и усадил в кресло с цветочной обивкой. — Садитесь. Все обошлось. Она цела и невредима.

— Она съела серебряного императорского веерохвоста. Крайне редкая особь. Полковнику ее доставили с Хонсю, за большие деньги, — сокрушенно объяснил Бейн. — Как раз накануне привезли, и вот Принцесса уже сидит, облизывает лапы, а рядом один спинной плавник. Я

ей: «Принцесса, что же ты натворила?» А она смотрит на меня невинными глазами. Боюсь, я не сдержался.

— Понимаю.

— Нет. — Он покачал головой. — Я отнес ее к реке и зашвырнул со всего размаху. И ушел. А когда вернулся, — он снова спрятал лицо в ладонях, — ее уже нигде не было. Я все обыскал. Последние четыре дня я чувствую себя как Раскольников у Достоевского: признаться в содеянном не могу, а совесть мучает. Погубил невинное создание…

— Ну, не такое уж невинное, — заметил я. — Она ведь и в самом деле съела серебряного императорского веерохвоста.

Бейн меня не слушал.

— Должно быть, ее подхватило течением и выбросило на берег ниже по реке, ошарашенную…

— Набившую себе живот веерохвостом, — подхватил я, чтобы он перестал убиваться.

И двухжаберным голубым голавлем.

— У меня пропал сон. Я понимал, что мисс Меринг никогда не простит мне потерю своей любимицы, но вдруг ее золотое сердце на это способно, и тогда я не вынесу такого великодушия и сам себе не прощу. Однако я должен был ей признаться и уже дал себе слово сделать это сегодня

после сеанса, но тут двери распахнулись, и нам явилось чудо. Принцесса Арджуманд вернулась живая и здоровая — вашими стараниями! — Он схватил меня за руки. — Я вам бесконечно, безмерно благодарен, сэр! Спасибо!

— Не стоит, — ответил я, отнимая руки, пока он не начал их целовать в порыве или что там еще делают в порывах. — Рад был помочь.

— Принцесса могла погибнуть от голода и холода, ее могли разорвать дикие псы, могла…

— Но ведь не погибла же, что проку печалиться? Теперь она дома, и ей ничего не грозит.

— Да, сэр, — выдохнул он, кажется, вновь порываясь схватить меня за руки.

Я спрятал их за спину.

— Если я хоть чем-то могу отплатить вам за добрый поступок и выразить свою безмерную благодарность, только скажите!

— Право, пустяки. Но спасибо.

— Нет, это вам спасибо, сэр! — Он выхватил мою спрятанную за спиной руку и энергично ее потряс. — И благодарю, что выслушали. Надеюсь, не сочтете за дерзость, сэр.

— Ни в коем случае, — заверил я. — Вы правильно сделали, что рассказали.

Он встал и поправил лацканы.

— Прикажете отутюжить пиджак и брюки, сэр?

— Нет, не стоит. — Они мне, чего доброго, сейчас понадобятся. — Потом отутюжите.

— Да, сэр. Что-нибудь еще, сэр?

Наверняка. А как бы хотелось, чтобы на сегодня уже было все.

— Нет, благодарю. Спокойной ночи, Бейн. Отдыхайте. И не беспокойтесь, Принцесса Арджуманд не пострадала, все благополучно.

Будем надеяться.

— Да, сэр. Доброй ночи, сэр.

Я выпустил его, проследил тайком, пока он скроется на половине слуг, и лишь тогда тихонько постучал в гардероб.

Ответа не последовало.

— Верити? — позвал я и распахнул двойные двери. Она сидела, прижав колени к груди. — Верити?

— Он не собирался ее топить. Не зря мистер Дануорти ругал меня за опрометчивость. Выходит, Бейн вернулся бы и спас ее, если бы я не вмешалась.

— Но это ведь хорошо, — рассудил я. — Получается, она имела значение, и возврат ее в прошлое не вызовет диссонанса.

Верити кивнула, но без особой уверенности.

— Может быть. Однако, если бы ее спас Бейн, она не пропадала бы на четыре дня. Не понадобилось бы ехать к мадам Иритоцкой, и Тосси не познакомилась бы с Теренсом. — Верити выбралась из гардероба. — Нужно сообщить мистеру Дануорти. Постараюсь вернуться как можно скорее и все тебе рассказать.

Она взялась за дверную ручку.

— Стучать не буду. А то миссис Меринг услышит и, чего доброго, решит, что это духи. Поскребусь в дверь, вот так. — Она показала. — Я скоро.

— Подожди. — Я вытащил из-под кровати пострадавший ботинок. — Поставь у порога миссис Меринг.

— М-да, спрашивать, пожалуй, не буду, — улыбнулась она, забирая предмет обуви, и выскользнула за дверь.

Не услышав ни грохота поваленных статуй, ни криков «Духи!» из комнаты миссис Меринг, я уселся в кресло ждать. И волноваться.

Я не должен был возвращать кошку в прошлое. Да, мистер Дануорти велел: «Оставайтесь пока здесь!» — но я думал, он имеет в виду в сети.

И ведь не первый раз история страдает от подобных недоразумений. Сколько было случаев,

когда послание понималось неправильно, не доходило до адресата или попадало в чужие руки, влияя на исход битвы: и потерянные генералом Ли планы сражения при Энтитеме, и телеграмма Циммермана, и неразборчивый приказ Наполеона маршалу Нею при Ватерлоо…

Обошлось ли хоть одно такое недоразумение без роковых последствий? Похоже, история подобных примеров не знает. Взять ту же мигрень Гитлера в день высадки союзных войск. И «Атаку легкой кавалерии».

Лорд Реглан видит с холма, как русские отходят с захваченной турецкой артиллерией, и командует лорду Лукану задержать их. Лорд Лукан, стоящий ниже и, возможно, временно туговатый на ухо, не разбирает слово «турецкая» и, не видя никаких других пушек, кроме направленных прямо на него русских, дает лорду Кардигану приказ: «В атаку!» Итог предсказуем.

— «Долиною смерти, под шквалом картечи, отважные скачут шестьсот»[33]… — прошептал я, и тут в дверь легонько поцарапались.

Нет, это не может быть Верити. За это время никак не успеть в беседку и обратно, а тем более

---

[33] Примечания: 33

Теннисон, Альфред. Атака легкой кавалерии. Пер. Ю. Колкера.

в будущее.

— Кто там? — шепнул я в замочную скважину.

— Верити, — шепнули в ответ. — Я ведь сказала, что поскребусь, — напомнила она, входя.

Локтем она прижимала к себе какой-то сверток в коричневой бумаге.

— Знаю, но тебя всего пять минут не было.

— Это радует. Значит, без сдвигов обошлось.

Она села на кровать, явно довольная собой. Похоже, новости обнадеживающие.

— Что сказал мистер Дануорти?

— Его не было, — радостно улыбнулась Верити. — Уехал в Ковентри повидаться с Элизабет Биттнер.

— Миссис Биттнер? Женой последнего епископа Ковентрийского?

Верити кивнула.

— Только он к ней не как к епископской жене. Судя по всему, она тоже когда-то работала над сетью. Ты ее знаешь?

— Расспрашивал о пеньке по указке леди Шрапнелл.

— И как, узнал что-нибудь ценное?

— Нет.

— Ох. Можно мне печенья? — Верити посмотрела голодными глазами на принесенный Бейном

поднос. — Умираю как есть хочется.

Она откусила кусочек.

— Сколько ты там пробыла?

— Несколько часов. Уордер наотрез отказалась говорить, где Ти-Джей — он прячется от леди Шрапнелл и велел Уордер никому его не выдавать. Пока отыскала, вечность прошла.

— Ты спросила, как быть с тем, что из-за меня Теренс разминулся с Мод?

— Да. Можно я себе какао налью?

— Пожалуйста. Что он сказал?

— Сказал, что вряд ли Теренсу было суждено познакомиться с Мод, а если и было, то знакомство не имеет значения, поскольку в противном случае сеть бы не открылась.

— А если это диссонанс, вызванный тем, что я пронес кошку обратно?

Верити покачала головой:

— Ти-Джей так не думает. Ему кажется, что диссонанс все-таки вызвала я.

— Судя по рассказанному Бейном?

Она кивнула:

— Да. И по увеличению сдвигов.

— Но мы ведь считали, что сдвиги в Ковентри происходят из-за очага напряженности.

— Не в Ковентри, — мотнула головой Верити. —

В Оксфорде. В апреле 2018 года.

— 2018-го? А там что за очаг?

— В том-то и дело, что вроде никакого. Поэтому мистер Дануорти и решил съездить к миссис Биттнер, узнать, не помнит ли она каких-нибудь странностей с переброскими или чего-нибудь полезного из работы над путешествиями во времени, которую они вели в том году. Однако ничего подходящего они оба не припомнили. Итак, если диссонанс вызвала я, то ты, доставив кошку обратно, ничего не усугубил. Наоборот, только исправил, а значит, положение должно улучшаться, а не ухудшаться. Упущенное знакомство было бы ухудшением, тем более что знакомство это исключает свидание с Тосси в Иффли. А раз свидание состоялось, значит, встречу с Мод судьба Теренсу не готовила, и можно не рассматривать этот эпизод как симптом усугубления диссонанса.

— Симптом? В каком смысле?

— Согласно Фудзисаки, первый рубеж защиты — рост сдвигов. Потом, если на диссонанс это не действует, включается рост случайных совпадений, а если и он не срабатывает, возникают расхождения.

— Расхождения? То есть начинает меняться

история?

— Поначалу нет. Но диссонанс ее дестабилизирует, расшатывает. То есть, как объяснил Ти-Джей, вместо четко прописанной линии событий появляется напластование вероятностей.

— Как в камере Шредингера.

Я вспомнил знаменитый мысленный эксперимент со счетчиком Гейгера и колбочкой синильной кислоты. И котом.

— Именно, — радостно подтвердила Верити. — Оба исхода — в случае исправленного диссонанса и неисправленного — существуют одновременно. И когда самокоррекция завершается, остается какой-то один вариант. Но до этого момента между наблюдаемыми и прописанными в истории событиями могут отмечаться расхождения. Загвоздка в том, что в качестве исторического источника у нас только дневник Тосси, который пока не удается прочитать, и поэтому непонятно, считать ли расхождением несостоявшееся знакомство Теренса с Мод.

Верити взяла еще печенье.

— Поэтому я столько и провозилась. После разговора с Ти-Джеем отправилась в Бодлеинку, поискать упоминания о Теренсе, потом в Ориэл, попросить криминалистку насчет него тоже

покопаться в дневнике. Ну и узнать, расшифровалась ли фамилия мистера К.

— И как, расшифровалась?

Может, поэтому Верити такая довольная?

— Нет. Удалось восстановить в одном месте большой кусок, но, к сожалению, он весь посвящен заказанному для Тосси платью. Четыре абзаца защипов, брюссельского кружева, французской вышивки, мережек и…

— Рюшечек, — вздохнул я.

— Рюшечек, складочек и оборочек, — подтвердила Верити с отвращением. — И ни слова ни о кошке, ни о поездке в Ковентри, ни о епископском пеньке. У тебя нигде, случаем, шоколада не припасено? Или сыра? Я ужасно голодная. Хотела вернуться в Баллиол и поужинать после разговора с криминалисткой, но по дороге наткнулась на леди Шрапнелл.

— Леди Шрапнелл? — Я вздрогнул. За нашими новыми треволнениями я успел о ней почти забыть. — Она ведь не знает, что я здесь? Ты ей не сказала?

— Разумеется, нет, — отпивая какао, успокоила меня Верити. — И про кошку тоже. Она принялась допытываться, что мне понадобилось в университете, пришлось придумать, будто сроч-

но нужен новый костюм на послезавтра. Уордер была вне себя.

— Представляю.

— А потом она торчала рядом во время подгонки и возмущалась, что ты куда-то подевался, а мистер Дануорти не признается куда, и что Ти-Джей Льюис отказывается слетать в 1940-й поискать епископский пенек только потому, что двадцатый век, видите ли, десятая категория для темнокожих, глупости какие, подумаешь — воздушный налет, большое дело… — Верити допила какао и заглянула в кофейник. — И еще ругалась на рабочих, которые тянут с постройкой хора и заявляют, что на хор уйдет минимум месяц, а это абсурд, потому что освящение через тринадцать дней.

Верити вылила в чашку последние капли какао.

— Не унялась, даже когда Уордер повела меня в подсобку мерить платье. Пришлось просить ее постоять снаружи и заговорить леди Шрапнелл зубы, пока я звонила в Бодлеинку и узнавала результаты запроса по Теренсу.

— И как? Должен он был познакомиться с Мод?

— Не знаю, — возвестила она бодро. — Поиск ничего не дал. Ни медалей, ни рыцарства, ни

баллотирования в парламент, ни арестов, ни тюремных сроков, ни попадания в газеты. Вообще никаких упоминаний в официальных записях.

— А лицензия на брак?

Верити покачала головой и потянулась за последним печеньем.

— Церковь в его приходе была разрушена во время блица, а общий поиск я задать не успела, хотя передала мистеру Дануорти через Уордер, чтобы он поискал сразу по приезде из Ковентри. Однако если Теренс не упоминается в официальных документах, значит, следа в истории он не оставил, и соответственно его встреча с Мод несущественна. Это вполне согласуется с тем, что Ти-Джей говорил о расхождениях, — то есть что дестабилизация возникает лишь непосредственно в области диссонанса. Между предполагаемой встречей и спасением Принцессы прошло четыре дня, от Мачингс-Энда до Оксфордского вокзала не меньше тридцати миль — по всем статьям далековато для непосредственной области. Получается, это никакое не расхождение, и диссонанс не усугубляется.

— Хм-м, — протянул я.

Мне бы ее уверенность.

— А вот если Тосси вместо своего мистера К

выйдет за Теренса, это будет настоящее расхождение, поэтому нам необходимо выкрасть дневник, выяснить, кто этот загадочный тип, и поженить их как можно скорее, тем временем не подпуская Теренса к Тосси. И еще разыскать епископский пенек, — слизывая крошки с пальцев, добавила Верити.

— Погоди, ты же говоришь, что не выдала меня леди Шрапнелл!

— Я не выдала. Я сказала, что ты нашел епископский пенек и занимаешься его доставкой.

— Что-о-о?! — Я плюхнулся на Сирила.

— Она тебя повсюду ищет. Мастера отказались делать репродукцию пенька, и она рвет и мечет. Еще чуть-чуть, и она проверит журнал переброс у Уордер, явится за тобой, и вот тогда мы попляшем, — резонно заметила Верити.

— А что будет, когда выяснится, что я про пенек как не имел понятия, так и не имею? Освящение через две недели, переброски мне противопоказаны…

— Я тебе помогу, — пообещала Верити. — Тем более что никуда мотаться не нужно. Как говорил Пуаро, для разгадки тайны достаточно положиться на «маленькие серые клеточки».

— Пуаро? Какой Пуаро? Викарий?

— Да нет же. Эркюль Пуаро. Из Агаты Кристи. Он говорит…

— Агата Кристи? — смешался я.

— Детективщица. Двадцатый век. До пришествия леди Шрапнелл я специализировалась на тридцатых годах, а это мрачнейшее время: Гитлер у власти, Великая депрессия, никаких визиков, никакого виртуала, и даже на кино денег нет. Только и остается, что читать детективы. Дороти Сэйерс, Бенсон, Агата Кристи. Ну и кроссворды, — добавила она, словно это все объясняло.

— Кроссворды?

— Они нам как раз вряд ли помогут. А вот детективы — да. Там, конечно, большей частью убийство, а не кража, но действие всегда происходит в таком вот загородном доме, и виновный всегда дворецкий — по крайней мере в первой сотне детективов точно. Подозреваются все, однако преступником непременно оказывается самый маловероятный, и вот после первой сотни дворецкий уже перестал быть самым маловероятным, поэтому пришлось искать еще менее вероятных. Ну там… безобидная старушка или верная жена викария, но читатель и тут навострился раскусывать интригу, вынуждая автора делать убийцей самого детектива или

рассказчика (хотя этот финт уже провернули в «Лунном камне»). Герой совершал убийство сам того не зная — например, ходил во сне, причем в ночной сорочке, что для викторианских времен неслыханно, и механизм преступления всегда получался ужасно сложным. В детективах. То есть преступник не может просто схватить вазу и убежать или пристрелить кого-то в состоянии аффекта, поэтому в конце, когда уже маячит разгадка, возникает какой-нибудь сюжетный кульбит, и оказывается, что преступление тщательно продумано — с переодеваниями, алиби, железнодорожными справочниками, и приходится рисовать на фронтисписе карту дома, обозначая все спальни, библиотеку (там обычно помещается труп) и межкомнатные двери, но даже тогда у читателя нет ни малейшего шанса раскрыть преступление, поэтому нужно привлекать знаменитого детектива…

— С маленькими серыми клеточками?

— Именно. Так вот, Пуаро у Агаты Кристи утверждает, что детективу совсем не обязательно бегать замерять отпечатки следов и подбирать окурки, как Шерлоку Холмсу. Это персонаж Конана Дойля.

— Шерлока Холмса я знаю.

— О! В общем, Пуаро говорит, что нужно положиться на маленькие серые клеточки и порассуждать.

— И мы отыщем епископский пенек. Здесь. В 1888-м, — скептически хмыкнул я.

— Ну, не сам пенек, но хотя бы вычислим, где он должен быть. — Верити, лучась оптимизмом, поглубже уселась на кровать. — Итак, когда ты видел его в последний раз?

Поспать мне в эту эпоху, видимо, не суждено. Так и буду вести одну кэрролловскую беседу за другой, пока не свалюсь замертво. В идиллическом, благословенном викторианском покое.

— Может быть, утром? — намекнул я.

— Утром вокруг будет полно народа. И потом, чем скорее мы его найдем, тем скорее перестанем бояться, что сюда ворвется леди Шрапнелл с вопросами. Я, между прочим, его своими глазами вообще не видела. Представляю только по рассказам. Он и в самом деле такой кошмарный? Там не изображена, часом, дочь фараона, нашедшая в камышах корзину с младенцем Моисеем, как на той жуткой штуковине в Иффли? — Верити оборвала себя на полуслове. — Язык без костей, да? Как у лорда Питера. Это герой-детектив у Дороти Сэйерс. Лорд Питер Уимзи. Расследует преступле-

ния вместе с Гарриет Вейн. Очень романтично… Ой, я опять? Мелю языком, в смысле. Это у меня перебросочная контузия. — Она посмотрела на меня сочувственно. — А ты после болезни, и тебе нужен покой. Прости, пожалуйста.

Верити слезла с кровати и подхватила свой сверток в коричневой бумаге.

— Переброски на меня действуют примерно как кофеин с алкоголем. А на тебя? Язык развязывается и словно навеселе. — Она подобрала туфли с чулками. — Утром нам обоим станет лучше.

Верити открыла дверь и посмотрела в темноту.

— Поспи, — шепнула она. — У тебя вид совсем измученный. Отдохни хорошенько, утром постараемся развести Тосси и Теренса подальше друг от друга. Я все продумала. Утащу Теренса ставить шатер для гадалки.

— Для гадалки? — опешил я.

— Да. А ты поможешь Тосси с благотворительной ярмаркой.

Глава тринадцатая

...нет ничего более поучительного для юноши, чем начать самостоятельную жизнь с попытки погостить в загородном доме под чужим именем...

П. Г. Вудхаус

Еще гости — Вариации на тему — «Птицы» — О пользе дворецких — Традиционный английский завтрак — Зверинец — Епископский птичий пенек — Незаметная деталь — Разгадка неувязки с именем горничной — Краткий курс — Истоки барахолок — Мое пребывание в Штатах — Викторианское рукоделие — Мое канотье — Мистер К — Сюрприз

На Верити визиты не закончились. Через полчаса после ее ухода в дверь поцарапались снова, так тихо, что я бы и не расслышал, если бы спал.

Но я не спал. Сна меня лишила Верити своими новостями о росте сдвигов и расхождениях. Не говоря уже о леди Шрапнелл и епископском пеньке.

К тому же Сирил, даром что коротконожка, умудрился как-то раскинуться на всю кровать и захватить обе подушки, оставив лишь узкую кромку, с которой я то и дело норовил скатиться. Закрепившись ногой за столбик кровати и обеими руками прижимая к себе одеяло, я думал о лорде Лукане и коте Шредингера.

В мысленном эксперименте кота предполагалось поместить в камеру со смертельным устройством: колба с синильной кислотой, молоток, соединенный со счетчиком Гейгера, и атом урана. Если уран распадется, вылетевший электрон спустит молоток, который разобьет колбу, из которой вырвется смертельный яд, который убьет кота, который живет в камере, которую соорудил Шредингер.

А поскольку узнать, распался уже уран или нет, невозможно, кот не считается ни живым, ни мертвым, он существует одновременно в обоих состояниях, в наслоении вероятностей, которые сольются в одну, когда камеру откроют. Или когда исправят диссонанс.

Однако в таком случае пятьдесят процентов вероятности, что диссонанс не исправится. И с каждым мгновением, что кот остается в камере, вероятность распада урана возрастает, а вместе

с ней вероятность обнаружить в итоге мертвого кота.

Первый рубеж защитных мер уже пал, судя по счастливым случайностям — знакомству Тосси с Теренсом, моей встрече с Теренсом, спасению профессора Преддика, его встрече с полковником… Дальше пойдут расхождения.

Но ведь Теренс следа в истории не оставил, по крайней мере личного, иначе фигурировал бы в официальных архивах. И потом, от Оксфордского вокзала до Мачингс-Энда тридцать миль и четыре дня. А Ти-Джей говорил о непосредственной близости.

Хотя Верити в своей послепереброcочной эйфории не учла вот чего: даже если знакомство Теренса с Мод не относится к «непосредственной близости», то решение миссис Меринг поехать с Тосси к мадам Иритоцкой еще как относится, а ведь именно благодаря ему Тосси познакомилась с Теренсом, и Теренс столкнулся с профессором, который затем попросил его встретить «перечниц». А потом случай свел его со мной. Да и как измерить непосредственную близость? Ти-Джей ведь не указывал параметров. Может, речь идет о десятилетиях и сотнях миль.

Я лежал в темноте, а мысли ходили кругами,

как Харрис в Хэмптон-Кортском лабиринте. Бейн не собирался топить Принцессу, но если она не утонула, чтобы затем распасться на несущественные элементы, почему сеть выпустила ее с Верити? А если утонула, почему сеть пропустила ее обратно со мной?

И почему меня выбросило в Оксфорде? Чтобы помешать Теренсу познакомиться с Мод? Не представляю, каким образом это должно способствовать самокоррекции. Или чтобы держать кошку подальше от Мачингс-Энда? Я вспомнил, как уронил корзину с ней на мосту Фолли, когда на меня кинулся Сирил, и как Теренс перехватил ее почти у самой воды. И как я вцепился в саквояж, когда Сирил кувырнулся за борт. Неужели все это время история пыталась вернуться в колею, а я ей каждый раз мешал?

Нет, Принцесса ведь не должна была утонуть. Бейн ее не топил. Если бы Верити не вмешалась, он сам нырнул бы в Темзу прямо во фраке и спас кошку. А вдруг он зашвырнул ее слишком далеко, она попала на стремнину, и он попросту не успел бы ее выловить? И все равно это не объясняет…

В дверь поцарапались. Верити, наверное. Забыла дорассказать про методы расследования Эркюля Пуаро. Я открыл дверь.

Там никого не было. Я высунулся в коридор и повертел головой. Кромешная темнота. Видимо, кто-то из духов миссис Меринг ошибся дверью.

— Мимо, — произнес вкрадчивый голосок.

Я опустил взгляд. На меня снизу вверх смотрели серо-зеленые глаза Принцессы Арджуманд.

— Мило, — заявила она.

Распушив хвост, кошка прошествовала в комнату, запрыгнула на кровать и улеглась на мою подушку. Для меня места не осталось вовсе. Сирил к тому же храпел. К храпу в принципе можно привыкнуть, но со временем он становился все громче и раскатистее. Так он, чего доброго, и мертвых разбудит. Или миссис Меринг. Или и тех, и другую.

В руладах намечались вариации: сперва басовитый раскат, напоминающий далекий гром, потом храп, потом странное фырчание, от которого тряслись брыли, потом опять храп, потом сопение, потом присвист.

Кошку этот концерт ничуть не смущал. Она вновь устроилась у меня на горле, придавив кадык, и мурлыкала (без вариаций) мне в ухо. Я то проваливался в сон (вызванный кислородным голоданием), то просыпался, чиркал спичкой и пытался разобрать цифры на карманных часах в

II, III и без четверти IV.

Отключившись в очередной раз, я открыл глаза в половине VI-го, разбуженный птичьим хором, приветствующим восход. Мне всегда казалось, что рассветные птичьи трели должны быть нежными и мелодичными, но эти больше напоминали массированный воздушный налет люфтваффе. Интересно, есть ли у Мерингов убежище?

Я стал нашаривать спички, потом понял, что вижу циферблат и без них, и встал с кровати. Оделся, натянул ботинки и принялся расталкивать Сирила.

— Поднимайся, дружище, пора обратно на конюшню, — сообщил я, тормоша его посреди заливистой рулады. — Ты же не хочешь, чтобы тебя застукала миссис Меринг? Подъем!

Сирил открыл один сонный глаз, потом закрыл и захрапел еще громче.

— Не прикидывайся! — велел я. — Не получится. Я знаю, что ты не спишь. — Я потыкал его под ребра. — За мной! Иначе нас обоих вышвырнут.

Я потянул за ошейник, Сирил снова приоткрыл глаз и поднялся, путаясь в лапах. Выглядел он именно так, как я себя ощущал. Глаза красные, пошатывается, словно после ночного рейда по

кабакам.

— Молодец! — подбодрил я его. — Вот так, скок-поскок, с кровати на порог…

Как раз в этот момент Принцессе Арджуманд приспичило зевнуть, томно потянуться и поуютнее устроиться на перине. Вот спасибо, удружила.

— Диверсантка, — укорил я кошку. — Да, Сирил, это несправедливо, я согласен, но жизнь вообще несправедлива. Меня, например, сюда посылали восстанавливать силы. Отдыхать. Спать без просыпа.

Сирил, сочтя «спать» за команду, с готовностью повалился обратно.

— Нет! Ну-ка поднимайся! Сирил, я серьезно. За мной! К ноге! Вставай!

Кто не тащил на руках тридцатикилограммового бульдога по крутой лестнице в половине шестого утра, тот многое упустил в жизни. За порогом разливалась румяная заря, травяные персты были унизаны бриллиантами росы, а розы кокетливо склоняли растрепанные головки, что означало только одно: перебросочная болезнь по-прежнему со мной, и когда я увижу за завтраком Верити, то снова окажусь во власти ее чар, хоть она и сдала меня леди Шрапнелл,

соврав насчет епископского пенька.

Тем временем птичье люфтваффе, похоже, улетело на дозаправку, давая миру понежиться в утренних лучах, и наступила та самая блаженная тишина, которая осталась в прошлом вместе с викторианскими загородными домами, лодочными прогулками по Темзе и безмятежностью эпохи, не знающей аэропланов и дорожных пробок, «зажигалок» и точечных бомб, — уютный покой давно забытой идиллии.

Жаль только, что мне некогда им насладиться. Сирил, который весил целую тонну, принялся жалобно и пронзительно скулить, когда я опустил его на пол в конюшне. На выходе я чуть не споткнулся о спящего конюха, а в верхнем коридоре дома едва не столкнулся с Бейном.

Дворецкий аккуратными парами выставлял под дверьми начищенные ботинки. «Когда же он спит?» — успел я поразиться за секунду до того, как он поднял на меня глаза.

— Не спалось, — пробормотал я, от волнения начиная рубить фразы, как полковник. — Дай, думаю, поищу чего-нибудь почитать.

— Да, сэр. — Бейн держал белые ботиночки Тосси. С рюшами на носках. — Мне обычно помогает «Промышленный переворот» мистера Тойнби.

Прикажете принести?

— Нет, думаю, не стоит. Кажется, я теперь и сам засну.

Откровенная ложь. Слишком много беспокойных мыслей меня одолевало, какой уж тут сон. Как я буду пристегивать воротник и завязывать галстук поутру? Какие последствия четырехдневной задержки при возврате Принцессы Арджуманд выявит Управление путешествий во времени? Что я скажу леди Шрапнелл?

Даже если прогнать тревоги, отходить ко сну не имеет смысла. Уже совсем рассвело. Через несколько минут в окно заструится солнце, а птичье люфтваффе явно пошло на второй заход. К тому же, крепко заснув, я рискую задохнуться в объятиях Принцессы Арджуманд.

Пока меня не было, она успела раскинуться на обе подушки. Я попытался осторожно столкнуть ее хотя бы с одной, не разбудив, но она тут же потянулась, изгибаясь дугой, и начала хлестать меня хвостом по лицу.

Я лежал словно под метелкой и думал о епископском пеньке.

Что я не знаю, где он, — мягко сказано. Я даже приблизительно не представляю, что с ним могло произойти. Стоял себе в церкви восемьдесят лет

и во время налета должен был стоять, никаких свидетельств в пользу его отсутствия там не выявлено. Все указывает на обратное. Найденная среди щебня программка чинопоследования подтверждает, что за четыре дня до бомбардировки ваза находилась в соборе, и девятого ноября я видел пенек собственными глазами — после молебна за ВВС и базара выпечки.

Возможно, его в последнюю минуту унесли в безопасное место, но это маловероятно, учитывая, что ни крестильную купель из пурбекского мрамора, ни орган, на котором играл сам Гендель, не эвакуировали из города и не прятали в крипту, хотя их-то как раз следовало. Епископский пенек мраморной купели сто очков вперед даст по несокрушимости. Рухнувшая крыша даже кончики крыльев у херувимов, наверное, не отбила бы. Так и возвышался бы среди щебня и пепла, невредимый, ни единой цара…

Когда я проснулся, комнату заливало солнце, а надо мной склонился Бейн с чашкой чая.

— Доброе утро, сэр. Я взял на себя смелость вернуть Принцессу Арджуманд в комнату хозяйки.

— Отличная мысль, — одобрил я, запоздало отмечая подушку под головой и ничем не стесненное дыхание.

— Да, сэр. Для мисс Меринг было бы крайне огорчительно снова подумать, будто кошка пропала, хотя я вполне понимаю, почему Принцесса к вам тянется.

Я сел на кровати.

— Который час?

— Восемь, сэр. — Он подал мне чашку. — Увы, боюсь, большую часть вашего, мистера Сент-Трейвиса и профессора Преддика багажа мне спасти не удалось. Вот все, что получилось выловить.

Он продемонстрировал упакованный Финчем вечерний наряд заметно меньшего размера.

— К сожалению, пагубное воздействие воды не прошло бесследно — он несколько сел. Поэтому я заказал замену и…

— Замену? — Я чуть не поперхнулся чаем. — Откуда?

— Разумеется, из «Свона и Эдгара», сэр. А пока ваш лодочный костюм.

Бейн его не просто отгладил. Сорочка сияла белизной и была накрахмалена до хруста, а фланелевые брюки выглядели как новые. Надеюсь, я сумею в них облачиться. Я задумчиво потягивал чай, вспоминая, как завязывался галстук.

— Завтрак будет подан в девять, сэр, — возве-

стил Бейн, наливая в таз горячую воду из кувшина и открывая футляр с бритвами.

Бог с ним, с галстуком. Я зарежусь, и повязывать его будет некуда.

— Миссис Меринг просила всех спуститься к завтраку не позже девяти, поскольку предстоят большие приготовления к церковной ярмарке, — продолжил дворецкий, раскладывая лезвия. — Особенно к благотворительному базару.

Благотворительный базар. Я о нем и забыл почти, а может, просто подсознательно вытеснял неприятные мысли. Похоже, от базаров и церковных ярмарок мне ни в какую эпоху не скрыться.

— А когда планируется ярмарка? — спросил я, отчаянно надеясь услышать: «Через месяц».

— Послезавтра, — ответил Бейн, вешая на руку полотенце.

Может, нас здесь уже не будет. Профессор Преддик сорвется в Раннимед, посмотреть на луг, где была подписана Хартия вольностей, не говоря уже об отменных окуневых местах.

Теренс, конечно, никуда ехать не захочет, но кто его спросит? У миссис Меринг на него явный зуб, и вряд ли она смягчится, узнав, что Теренс имеет виды на ее дочь. И беден как церковная мышь.

Ей в принципе ничего не стоит спровадить нас сразу после завтрака, отговорившись приготовлениями к ярмарке. Диссонанс начнет сглаживаться, а я отосплюсь в лодке, пока Теренс будет грести. Если к тому времени не перережу себе горло.

— Прикажете побрить вас сейчас, сэр? — осведомился Бейн.

— Да! — Я выскочил из кровати как подброшенный.

Насчет одежды я тоже беспокоился напрасно. Бейн застегнул мне и подтяжки, и воротник, и галстук повязал, и даже ботинки зашнуровал бы, но я ему не позволил. Не знаю, из благодарности он так расстарался или по обязанности — надо будет спросить у Верити.

— А где накрывают завтрак? — уточнил я.

— В комнате для завтрака, сэр. Первая дверь слева.

Окрыленный, я почти вприпрыжку поспешил вниз. Старый добрый английский завтрак — яичница с беконом, апельсиновый джем, прислуживающий за столом дворецкий… Есть что предвкушать, да и день такой чудесный! Солнце золотило балясины перил и озаряло портреты. Даже елизаветинская пра-пра-пра леди Шрап-

нелл выглядела благосклоннее.

Я открыл первую дверь слева. Наверное, Бейн ошибся. За дверью оказалась столовая, которую почти целиком занимали массивный стол красного дерева и еще более массивный буфет с шеренгой блюд под серебряными колпаками.

На столе стояли чашки и лежали приборы, но тарелок не наблюдалось. Как и людей в комнате. Я попятился, собираясь отправиться на поиски комнаты для завтрака, — и чуть не наступил на ногу Верити.

— Доброе утро, мистер Генри. Как спалось?

На ней было бледно-зеленое платье с мелкой плиссировкой по корсажу, а забранные наверх медно-каштановые волосы перехватывала зеленая лента. Мне еще отсыпаться и отсыпаться, чтобы наваждение потеряло надо мной власть. Даже едва заметные тени под ореховыми глазами не мешали ей оставаться самым прекрасным созданием на свете.

— Завтрак накрывается здесь, мистер Генри, — пояснила она, подходя к буфету и беря из высокой стопки тарелку с цветочным ободком. — Остальные скоро спустятся.

Верити наклонилась поближе, подавая мне тарелку.

— Прости, что я сдала тебя леди Шрапнелл с этим пеньком. Наверное, перебросочная эйфория совсем мне мозги затуманила, но это не оправдание, поэтому обещаю, я сделаю все, чтобы помочь тебе в поисках. Когда его видели в последний раз?

— Я лично — в субботу девятого ноября 1940 года после молебна за ВВС и базара выпечки.

— А после? Никто?

— После никто не мог попасть в этот временной промежуток — до самого окончания налета. Увеличение сдвигов, помнишь?

Вошла Джейн с горшочком апельсинового джема, поставила его на стол, сделала книксен и удалилась. Верити шагнула к первому из блюд — под колпаком с ручкой в виде бьющейся рыбы.

— В развалинах после налета его тоже не нашли? — Она ухватилась за рыбу и подняла колпак.

— Нет. Боже, что это? — Я уставился на ослепительно желтый рис с вкраплениями какого-то белого мяса.

— Кеджери, — пояснила Верити, откладывая немного себе на тарелку. — Рис в карри и копченая рыба.

— На завтрак?

— Индийское блюдо. Полковник обожает. — Она вернула колпак на место. — И никто из тамошних не говорил, что видел его в промежутке с девятого до после налета?

— Он значится в чинопоследовании на воскресенье, десятое ноября, в графе «цветочные композиции», так что, надо полагать, во время службы он был в соборе.

Верити перешла к следующему блюду. У этого ручка была в виде оленя с рогами, и я уже заподозрил некую систему условных обозначений, однако третий колпак — с оскалившимся волком — заставил меня усомниться.

— А девятого ноября, — продолжала расспросы Верити, — ты в нем ничего необычного не заметил?

— Необычного? Ты хорошо себе представляешь епископский пенек?

— В смысле… его не передвигали? Не повредили? Никто рядом с ним не отирался подозрительный?

— Ты до сих пор не отошла от переброски? — догадался я.

— Вот еще! — оскорбилась она. — Епископский пенек пропал, но не мог же он раствориться в воздухе. Значит, кто-то его забрал, а если кто-то

его забрал, то должны остаться улики. Ты никого рядом с ним не наблюдал?

— Нет.

— Эркюль Пуаро говорит, какая-то зацепка всегда есть, просто мы упускаем ее из виду или не придаем значения.

Она приподняла «Трубящего оленя». Под колпаком обнаружилось загадочное пряно пахнущее месиво из коричневых кусочков.

— А это что?

— Почки, припущенные в остром соусе, — чатни с горчицей. У Эркюля Пуаро всегда есть какая-нибудь деталь, которая никуда не вписывается, вот она-то и становится ключом к разгадке. — Верити взяла за рога разъяренного быка. — А это холодная куропатка.

— А яичницы с беконом нет?

Она покачала головой:

— Яичница — это мещанство. Копченую сельдь? — Верити протянула мне кусок мореной рыбы на вилке.

Я ограничился овсянкой.

Верити, наполнив свою тарелку, устроилась у дальнего конца огромного стола и жестом пригласила меня сесть напротив.

— А после налета? Никаких следов того, что

пенек побывал в огне?

Я уже собирался сказать: «Так ведь собор был разрушен подчистую», — но осекся.

— Вообще-то есть кое-что, — нахмурился я. — Обгоревший цветочный стебель. И еще мы нашли кованую подставку.

— Стебель от такого же цветка, что значился в чинопоследовании? — уточнила Верити.

Я хотел ответить, что по нему не разберешь, но тут вошла Джейн и, присев в реверансе, спросила:

— Чаю, мэм?

— Да, Колин, благодарю, — кивнула Верити.

— Почему ты зовешь ее Колин? — в замешательстве спросил я, едва горничная вышла.

— Потому что ее так зовут. Но миссис Меринг считает, что для служанки это слишком простецкое имя. Чересчур ирландское. Сейчас в моде английская прислуга.

— И она велела сменить имя?

— Обычное дело. Миссис Каттисборн зовет всех своих горничных Глэдис, чтобы не утруждать себя запоминанием. Тебе разве не говорили на подготовке?

— У меня вообще не было подготовки. Два часа гипнотической лекции — без гипноза, — полови-

ну которой я не расслышал из-за переброcочной болезни. В основном об угнетенном положении женщин. И рыбных вилках.

— Тебя отправили необученным? — ужаснулась Верити. — В викторианскую эпоху все строго регламентировано, и нарушение этикета смерти подобно. — Она посмотрела на меня с любопытством. — Как же ты до сих пор продержался?

— Предыдущие два дня я провел на реке с оксфордским профессором, цитирующим Геродота; влюбленным молодым человеком, цитирующим Теннисона; а еще бульдогом и кошкой. Действовал по наитию.

— Так вот, здесь этот номер не пройдет. Нужно тебя как-то натаскать. Ладно, — она наклонилась через стол, — вот тебе краткий курс. Главное — соблюдать условности. Никаких «что на уме, то и на языке». Балом правят эвфемизмы и экивоки. Никаких физических контактов между противоположными полами. Мужчине, впрочем, позволено взять даму под локоть, помочь ей перебраться через перелаз в изгороди или взойти по лестнице в вагон. Неженатые и незамужние не должны находиться наедине, — сообщила она, словно мы не сидели с ней одни в пустой столовой. — Обязательно должен присутствовать

кто-то третий.

Как по заказу возникла Джейн с двумя чашками чая и поставила их перед нами.

— Слуг называют по имени, — продолжила Верити, как только горничная вышла. — Кроме дворецкого. Его зовут мистер Бейн или Бейн. А кухарка всегда миссис, независимо от матримониального положения, так что не спрашивай миссис Поузи, как здоровье супруга. В здешнем штате, помимо горничной — Колин, то есть Джейн, — имеются еще судомойка, кухарка, лакей, конюх, дворецкий и садовник. Были еще «верхняя» горничная, личная горничная хозяйки и коридорный, но их украла герцогиня Ландри.

— Украла? — Я потянулся за сахаром.

— Сахар в кашу не кладут. И нужно было позвонить в звонок, чтобы сахар тебе подал слуга. Переманивать чужую прислугу — главное развлечение викторианской знати. Миссис Меринг переманила Бейна у миссис Каттисборн и сейчас переманивает коридорного. Молоко тоже не наливают. И никаких бранных слов и чертыхания в присутствии дам.

— А как же «чушь собачья»? И «пфуй»?

— Пфуй, мистер Генри? — В столовую вплыла миссис Меринг. — На что это вы фыркаете? Уж не

на церковную ли ярмарку? Надеюсь, нет. Средства пойдут в восстановительный фонд, самое благое дело, мистер Генри. Наша бедная приходская церковь отчаянно нуждается в восстановлении. Подумать только, крестильную купель с 1262 года не меняли! А окна? Отсталое Средневековье! Если ярмарка удастся, купим все новое!

Завалив тарелку копченой сельдью, олениной и волчатиной, она уселась и расстелила на коленях салфетку со стола.

— Проект восстановления — целиком и полностью заслуга нашего младшего священника, мистера Арбитиджа. Пока он не появился, викарий и мысли не допускал ни о каких реставрациях. Боюсь, он несколько зашорен. Даже слышать не желает про общение с духами.

И молодец.

— А вот мистер Арбитидж — совсем другое дело: и идею спиритизма принимает, и разговоры с усопшими близкими приветствует. Как вы полагаете, возможен контакт с тем светом, мистер Генри?

— Мистер Генри как раз интересовался церковной ярмаркой, — вступила в беседу Верити. — Я собиралась рассказать ему о вашей замечательной задумке с барахолкой.

— О! — Миссис Меринг расцвела польщенно. — Вы бывали на ярмарках, мистер Генри?

— Доводилось, — кивнул я.

— Тогда вы знаете, что там будет: разные милые сувениры, и желе, и рукоделие. А я еще придумала, что можно отдать вещи, которые нам уже без надобности, — самые разные: посуду, безделушки, книги… Будет такой пестрый базар, барахолка!

Я смотрел на нее в ужасе. Вот, оказывается, кто всему виной, вот кто развел этот благотворительный кошмар, из которого мне никак не выбраться.

— Вы не представляете, мистер Генри, какие сокровища пылятся на чердаках и в кладовых. Да что там, я сама обнаружила на собственном чердаке бульотку и прелестную селедочницу. Бейн, вам удалось выправить вмятины на бульотке?

— Да, мэм, — ответил Бейн, наливая ей кофе.

— Желаете кофе, мистер Генри? — предложила миссис Меринг.

Я удивлялся про себя неожиданной благосклонности хозяйки. Наверное, это и есть та самая формальная учтивость, о которой говорила Верити.

Вошла Тосси с Принцессой Арджуманд на

руках. На шее у кошки красовался пышный розовый бант.

— Доброе утро, маменька, — поздоровалась Тосси, ища взглядом Теренса.

— Доброе утро, Тоселин. Как спалось?

— Прекрасно, маменька. Ведь теперь моя дусечка-пусечка со мной. — Она потерлась носом о кошачью шерстку. — Ты всю ночь ко мне ласкалась, да, кисюлечка-красотулечка?

— Тосси! — одернула ее миссис Меринг.

Тосси сконфузилась. Видимо, какое-то нарушение этикета, только непонятно какое. Нужно будет узнать у Верити.

Прибыли полковник Меринг и профессор, увлеченные беседой о Трафальгарском сражении.

— Превосходящие силы — тридцать три против двадцати семи! — басил полковник.

— Именно, — соглашался профессор Преддик. — Если бы не Нельсон, битва была бы проиграна! Историю вершат личности, а не природа! Личная инициатива, поступок!

— Доброе утро, папенька. — Тосси подошла чмокнуть полковника в щеку.

— Доброе утро, дочь. — Он сверкнул глазами на Принцессу Арджуманд. — Ей здесь не место.

— Но она такого натерпелась, — протянула Тос-

си, шествуя вместе с кошкой к буфету. — Смотри, Принцесса, селедка!

Она отложила кусок рыбы на тарелку, поставила ее на пол вместе с кошкой и вызывающе улыбнулась Бейну.

— Доброе утро, Мейсел, — приветствовала супруга миссис Меринг. — Как спалось?

— Сносно, — буркнул он, заглядывая под волка. — А ты, Мальвиния? Хорошо спала, дорогая?

Очевидно, только этого вопроса миссис Меринг и ждала.

— Вовсе нет. — Она выдержала театральную паузу. — В доме водятся духи. Я их слышала!

Вот не надо было полагаться на слово Верити — «в загородных домах стены толстые, ничего не слышно»…

— Маменька! — ахнула Тосси. — И что же они вещали?

Миссис Меринг воззрилась в пространство.

— Это был такой потусторонний, нездешний звук, на который не способна ни одна живая душа. Что-то вроде прерывистого судорожного вздоха, хотя призраки, разумеется, не дышат, а потом, — она не сразу подыскала слово, — вскрик и долгий мучительный всхлип. Кошмарный, кошмарный звук.

Да, здесь я с ней солидарен.

— Мне показалось, что они пытаются со мной связаться, но не могут, — продолжала миссис Меринг. — Вот мадам Иритоцкая сумела бы их разговорить. Я непременно напишу ей сегодня же и попрошу приехать, хотя, боюсь, она откажет. Она ведь принимает только у себя дома.

Ну еще бы. Дома и стены в помощь — потайные дверцы, скрытая проводка и тайные переходы. А вообще-то мне надо спасибо сказать, что она не приедет — не то разоблачат меня как укрывателя Сирила.

— Если бы она только услышала этот душераздирающий всхлип, ни за что не осталась бы в стороне, — уверяла миссис Меринг. — Бейн, мистер Сент-Трейвис еще не спускался?

— Полагаю, вот-вот будет, — ответил Бейн. — Он отправился вывести собаку.

Опоздание к завтраку и выгул собаки. Минус два очка Теренсу. Хотя миссис Меринг, против моего ожидания, не особенно рассердилась.

— Доброе утро, — поздоровался Теренс, входя. Без Сирила. — Простите, задержался.

— Ничего страшного, — просияла миссис Меринг. — Прошу к столу, мистер Сент-Трейвис. Вам кофе подать или чаю?

— Кофе, пожалуйста. — Теренс улыбнулся Тосси.

— Бейн, принесите кофе мистеру Сент-Трейвису. Мы все так рады вашему появлению. Надеюсь, вы с друзьями сможете остаться на церковную ярмарку. Будет очень увлекательно! Кокосовый тир и гадалка, а Тоселин испечет торт для лотереи. Тоселин изумительно готовит, и других талантов у нее немало. Играет на фортепиано, да-да, а еще знает немецкий и французский. Да, милая?

— Oui, Mama, — ответила Тосси, улыбаясь Теренсу.

Я вопросительно посмотрел на Верити. Она в ответ недоуменно пожала плечами.

— Профессор Преддик, надеюсь, студенты потерпят несколько дней без вас, — продолжала расточать гостеприимство миссис Меринг. — А вы, мистер Генри, пообещайте, что поможете нам с Поиском клада.

— Мистер Генри, оказывается, жил в Штатах, — вставила Верити, и я обернулся к ней, вытаращив глаза.

— В самом деле? — удивился Теренс. — А мне вы ни словом…

— Это… это во время болезни, — промямлил я. — Я… ездил в Америку подлечиться.

— И видели индейцев? — заинтересовалась Тосси.

— Я был в Бостоне, — выдавил я, проклиная про себя Верити.

— Бостон! — воскликнула миссис Меринг. — А вы не знакомы с сестрами Фокс?

— Сестрами Фокс?

— Мисс Маргарет и мисс Кейт Фокс. Основоположницы спиритизма. Это ведь именно им впервые удалось с помощью столоверчения получить послание от духов!

— Боюсь, не имел чести, — покачал головой я, но миссис Меринг уже переключилась на Теренса.

— А как Тоселин вышивает, мистер Сент-Трейвис! Видели бы вы, какие чудесные наволочки она приготовила для ярмарки.

— Уверен, тому, кто их купит, будут сниться только сладкие сны, — блаженно улыбаясь Тосси, вздохнул Теренс. — «О сладкий сон, прекрасный, мимолетный…»

Полковник и профессор, по-прежнему поглощенные Трафальгаром и Нельсоном, отодвинули стулья и встали, бормоча по очереди: «С вашего позволения».

— Мейсел, куда же вы? — окликнула мужа мис-

сис Меринг.

— На пруд, — ответил полковник. — Показать профессору Преддику моего перламутрового рюкина.

— Тогда накинь шинель, — велела миссис Меринг. — И шарф. — Она повернулась ко мне. — У мужа слабая грудь и склонность к катарам.

Как у Сирила.

— Бейн, принесите полковнику Мерингу шинель, — распорядилась хозяйка, но рыболовы уже удалились, и она снова занялась Теренсом. — А где живут ваши родители, мистер Сент-Трейвис?

— В Кенте. Райское место, лучше которого нет на земле, — так я считал, пока не очутился здесь.

— С вашего позволения, тетя Мальвиния, я пойду? — спросила Верити, складывая салфетку. — Нужно закончить футляры для перчаток.

— Конечно, — рассеянно кивнула миссис Меринг. — А давно ли ваша семья живет в Кенте, мистер Сент-Трейвис?

Верити, проходя мимо, уронила мне на колени свернутую записку.

— С 1066 года. Конечно, с тех пор дом успел обновиться. Сейчас основная часть в георгианском

стиле. Браун делал[34]. Непременно приезжайте в гости.

Я украдкой развернул под столом записку. «Встретимся в библиотеке».

— С превеликим удовольствием! — загорелась миссис Меринг. — Правда, Тоселин?

— Oui, Mama.

Дождавшись паузы, я вклинился с дежурным: «С вашего позволения, миссис Меринг…» — но получил отказ.

— Ни в коем случае, мистер Генри, — отрезала хозяйка. — Вы же ничегошеньки не съели! Попробуйте пирог с угрем — нигде такого не найдете, как у нашей миссис Поузи.

Я бы и рад был не найти. Ни его, ни кеджери, которое по наущению миссис Меринг положил мне Бейн большой лопаткой. Не иначе как ложкой для кеджери.

Расправившись по мере сил с угрем и рисом, я все-таки ускользнул и пошел искать Верити, понятия не имея, где может быть библиотека. Мне срочно требовался план дома, как в детективах.

Открыв наугад несколько дверей, я наконец обнаружил Верити в комнате, обрамленной

---

[34] Примечания: 34

Ланселот Браун — маститый английский ландшафтный архитектор восемнадцатого века, мастер пейзажного садово-паркового искусства.

книжными стеллажами во всю стену.

— Где ты был?

Она сидела за столом, заваленным ракушками и уставленным баночками клея.

— Ел страшных морских тварей. И отвечал на расспросы об Америке. Зачем ты им наплела про Штаты, я ведь ничего о них не знаю!

— Они тоже, — невозмутимо ответила Верити. — Как-то надо было выкручиваться. Без подготовки ты обязательно где-нибудь проколешься. А американцы, по их мнению, варвары, так что если возьмешь не ту вилку, спишут на пагубное влияние Штатов.

— Тогда, наверное, спасибо.

— Садись, — пригласила Верити. — Нужно разработать стратегию.

Я оглянулся на дверь — в замке торчал старинный ключ.

— Может быть, запереть?

— Зачем? — выбирая из груды плоскую розоватую раковину, пожала плечами Верити. — Кроме Бейна, сюда все равно никто не заходит. Миссис Меринг не одобряет чтение.

— Тогда откуда все это? — Я обвел рукой ряды книг в коричневых и алых переплетах.

— Купили, — намазывая раковину клеем, отве-

тила Верити.

— Что купили?

— Библиотеку. У лорда Дансени — Бейн у него служил еще до Каттисборнов. А у Каттисборнов Бейна сманила миссис Меринг, и мне кажется, он совсем не прочь был воссоединиться с книгами. — Она приклеила ракушку к шкатулке. — Садись. Если кто-нибудь войдет, ты помогаешь мне с работой. — Верити протянула законченный футляр, украшенный ракушечным сердечком.

— Ну и уродство! — ужаснулся я.

— Викторианская эпоха отличалась полным отсутствием вкуса. Радуйся, что не нужно плести волосяные венки.

— Волосяные венки?

— Из волос усопших делались цветы и сплетались в венок. Нет, перламутровые по кромке, — показала она, подвигая мне баночку с клеем. — А потом ряд каури. Я разузнала у Бейна, почему миссис Меринг вдруг прониклась такой любовью к Теренсу. Она нашла его в Дебретте[35]. Теренс, оказывается, богат и к тому же племянник пэра.

— Богат? — поразился я. — Ему же за лодку нечем было заплатить.

---

[35] Примечания: 35

Издающийся с 1802 года ежегодный реестр дворянских фамилий.

— Аристократия в долгах как в шелках, — пожала плечами Верити, вертя в руках раковину гребешка. — Пять тысяч дохода в год, поместье в Кенте, второй в очереди наследования титула. А значит, — она отложила раковину, — во что бы то ни стало нужно развести Теренса и Тосси по разным углам, хотя с миссис Меринг в роли свахи это будет трудновато. Тосси сейчас отправится на сбор вещей для барахолки, так что тебя я пошлю с ней. Тогда они хотя бы полдня проведут порознь.

— А Теренс?

— Его я спроважу в Стритли за китайскими фонариками для ярмарки. А ты, уж будь добр, выведай у Тосси насчет знакомых с фамилиями на К.

— Полагаю, по соседям ты этих мистеров К уже поискала?

Верити кивнула.

— Обнаружены только двое — мистер Кадден и мистер Кауп, тот самый фермер, который топит котят.

— Идеальная пара для Тосси, чего уж там. А мистер Кадден?

— Женат, — помрачнела Верити. — Странно, вроде такая популярная буква. Взять хотя бы Диккенса — Дэвид Копперфильд, Боб Кретчет,

капитан Катль…

— Не говоря уже о Восхитительном Крайтоне и Льюисе Кэрролле. Нет, не подходит, это псевдоним. Тогда Томас Карлейль. И Уилки Коллинз. Отличные женихи, все как на подбор. А ты чем займешься, пока я буду пасти Тосси? — поинтересовался я.

— Обыщу ее комнату на предмет дневника. Она его прячет, и в прошлый раз поиски пришлось прервать, потому что вошла Джейн. Но сегодня все будут заняты ярмаркой, так что мне никто не помешает. А если не удастся, переброшусь в Оксфорд и узнаю, какие успехи у криминалистки.

— Заодно спроси у Уордер, какой был сдвиг на той переброске, когда ты спасла Принцессу Арджуманд.

— То есть когда возвращалась с ней в Оксфорд? Так ведь на обратных перебросках не бывает сдвигов.

— Нет, на переброске сюда, когда ты увидела, как Бейн топит кошку.

— Хорошо. Все, пожалуй, нам пора.

Она закупорила баночку с клеем и дернула сонетку.

— Бейн, — обратилась Верити к возникшему на пороге дворецкому, — велите подать коляску, а

потом приходите в комнату для завтрака.

— Как пожелаете, мисс.

— Благодарю, Бейн.

Взяв обклеенную ракушками шкатулку, Верити направилась в столовую.

Миссис Меринг все еще допрашивала Теренса.

— О, какая прелесть! — воскликнула она при виде шкатулки.

— Нам еще очень много нужно сделать к ярмарке, тетя Мальвиния, — вздохнула Верити. — И я так хочу, чтобы барахолка удалась! Вы составили список?

— Позвони Джейн, пусть принесет, — распорядилась миссис Меринг.

— Она сейчас в приходе, забирает ткань для флажков, — сказала Верити и, дождавшись, пока миссис Меринг пойдет за списком сама, повернулась к Теренсу. — Мистер Сент-Трейвис, могу я попросить вас об огромном одолжении? Нам не привезли китайские фонарики, которые планируется развесить между киосками. Не окажете любезность съездить за ними в Стритли?

— Пускай Бейн съездит, — нахмурилась Тосси. — Теренс будет сопровождать меня к Каттисборнам.

— Бейна ваша матушка не отпустит, он ей

нужен, чтобы ставить чайный шатер, — возразила Верити. — А с вами отправится мистер Генри. Бейн, — велела она вошедшему дворецкому, — принесите мистеру Генри корзину, чтобы складывать вещи для барахолки. Коляска подана?

— Да, мисс, — ответил он и вышел.

— Но… — Тосси надула губки.

— Вот адрес. — Верити вручила Теренсу записку. — И заказ на фонарики. Вы так любезны! — Она выпроводила его за дверь, не давая Тосси даже слова вставить.

Бейн принес корзину, Тосси понадобилось наверх за шляпкой и перчатками.

— Не понимаю, почему бы мистеру Генри не съездить за фонариками, — выдвинула она последний аргумент, поднимаясь вместе с Верити.

— В разлуке чувства крепнут, — ответила кузина. — Непременно наденьте ту шляпку с вуалеткой в горошек, пусть Роза Каттисборн оценит.

— Я впечатлен, — признал я, когда Верити спустилась.

— Беру мастер-классы у леди Шрапнелл. Будете у Каттисборнов, попытайся разузнать, когда возвращается домой Эллиот Каттисборн — тот

самый, у которого тебе взяли одежду. Вдруг она с ним тайно переписывается, пока он в Южной Африке. А вот и Тосси.

Тосси порхнула к нам, взмахнув вуалеткой в горошек. Ридикюль и кружевной зонтик тоже были при ней. Мы зашагали к воротам.

Через минуту нас догнал Бейн.

— Ваша шляпа, сэр, — запыхавшись, выдохнул он, протягивая мне канотье.

Соломенная шляпа, которую я в последний раз видел плывущей по реке и у которой лента уже начинала линять на промокшую тулью. Бейн каким-то чудом умудрился вернуть ей первоначальный вид: лента ярко голубела, хрусткая солома золотилась как новенькая.

— Спасибо, Бейн, — поблагодарил я. — Не чаял ее снова увидеть.

Я надел шляпу и мгновенно почувствовал себя победителем: рядом с таким неотразимым кавалером Тосси не то что отвлечется от Теренса, она и думать о нем забудет.

— Позволите? — Я предложил Тосси руку.

Она посмотрела на меня сквозь вуалетку в горошек.

— Кузина Верити говорит, в этой шляпе вы смотритесь фатовато, — задумчиво протянула

она. — Но вы не горюйте. Не всем же уметь носить шляпы. «Ну вазве мистей Сент-Твейвис не дуська в своем канотье? — спросила меня пусечка Жужу сегодня поутру. — Вазве он не квасавец из квасавцев?»

Я думал, хуже сюсюканья нет ничего — но когда сюсюкает кошка…

— Вроде бы где-то в этих местах живет один мой школьный приятель, — попытался я сменить тему на более продуктивную. — Только вот фамилию уже не припомню. Что-то там на «К».

— Эллиот Каттисборн?

— Нет, точно не он. Но все равно на «К».

— Школьный приятель? — Тосси задумчиво поджала губы. — Вы учились в Итоне?

— Да, — кивнул я. — В Итоне.

Почему бы и нет?

— Есть Фредди Лоренс. Но он оканчивал Харроу. А вы учились вместе с Теренсом?

— Роста он был такого, чуть выше среднего. В крикет еще хорошо играл.

— И фамилия на «К»? — Тосси помотала локонами. — Нет, никого не припомню. А Теренс играет в крикет?

— Он занимается греблей. И плавает. Отлично плавает.

— Мне кажется, он совершил настоящий подвиг, спасая Принцессу Арджуманд, — заявила Тосси. — «Ну вазве он не хвабвейший лыцаль на свете? — спросила меня Жужу. — Самый-самый хвабвый!»

Она не умолкала всю дорогу до самого дома Каттисборнов — что, в общем, к лучшему, поскольку я все равно больше ничего не знал о Теренсе.

— Пришли, — возвестила Тосси, сворачивая на подъездную дорогу к большому неоготическому особняку.

«Все, самое страшное позади, — ободрил я себя, — дальше пойдет легче».

Тосси поднялась на крыльцо. Я подождал, пока она позвонит в звонок, потом вспомнил, что мы в викторианской эпохе, и позвонил сам, а потом отступил на шаг, чтобы дворецкий не задел меня дверью.

Дворецким оказался Финч.

— Доброе утро, мисс, сэр, — поздоровался он. — Как прикажете вас объявить?

Глава четырнадцатая

Это совсем не такая игра. Это совершенно другая игра, вот в чем беда.

Дэррил Ф. Занук о крокете

Неожиданное явление — Дживс — Цветник — Хихиканье — Описание платья — Растолстевшая кошка — Межполовые отношения — Финч не уполномочен — Рассказы о Диком Западе — Удивительные сокровища, пылящиеся на чердаках — Снова дома — Краткий курс — Цивилизованная игра — Дурные вести — Крокет в Стране чудес — Еще более дурные вести

Не помню, что я сказал и как мы вошли в дом. Меня хватило только на то, чтобы не выпалить: «Финч! А вы что здесь делаете?!»

Хотя это как раз понятно без вопросов. Служит дворецким. Очевидно также, что образ он срисовывал с величайшего представителя профессии, вудхаусовского Дживса. Та же чопорность, безупречный выговор, а главное, каменное лицо.

Нипочем не догадаешься, что он видел меня прежде.

Склонившись в четко отмеренном полупоклоне, Финч пригласил нас войти со словами: «Я вас объявлю!» — и двинулся к лестнице, но было уже поздно.

Миссис Каттисборн с четырьмя дочерьми спешила вниз навстречу нам, восклицая:

— Тосси, дорогая, какой сюрприз!

У подножия лестницы она остановилась, и дочери тоже, выстроившись за ней, — получилось что-то вроде гаммы на нотном стане. У всех, включая саму миссис Каттисборн, были курносые носы и русые локоны.

— А что это за кавалер с вами? — поинтересовалась миссис Каттисборн.

Девочки захихикали.

— Мистер Генри, мэм, — объявил Финч.

— Значит, вот он, тот молодой джентльмен, что нашел вашу кошку, — понимающе кивнула миссис Каттисборн. — Преподобный мистер Арбитидж нам все рассказал.

— Ах нет! — поправила Тосси. — Бедняжку Принцессу Арджуманд мне вернул мистер Сент-Трейвис. А мистер Генри просто его приятель.

— Вот как. Весьма рада знакомству, мистер

Генри. Позвольте представить вам мой цветник.

Эта нелепица меня уже не смутила — в последние дни я постепенно начал привыкать.

Миссис Каттисборн подвела меня к лестнице.

— Мои дочери, мистер Генри. — Она принялась перечислять по очереди: — Роза, Лилия, Цинния и младшенькая — Камелия. Моя душистая клумбочка, а для какого-то везунчика, — она пожала мой локоть, — и свадебная бутоньерка в петлицу.

Девочки отзывались хихиканьем на каждое имя и дружно прыснули в конце, услышав про свадебную бутоньерку.

— Прикажете подать закуски в утренней комнате? — осведомился Финч. — Мисс Меринг и мистер Генри, без сомнения, утомились с дороги.

— Как вы предусмотрительны, Финч, — похвалила миссис Каттисборн, увлекая меня к правой двери. — Не нарадуюсь на нашего дворецкого. Ничего не упустит!

Утренняя комната Каттисборнов выглядела точь-в-точь как гостиная Мерингов, только в цветочек. На ковре раскинулись лилии, на лампах цвели незабудки и нарциссы, а на мраморном столе в центре комнаты возвышалась расписанная маками ваза с розовыми пионами.

Комната была заставлена так же тесно, как у Мерингов, поэтому к креслу, вытканному на удивление реалистичными розами, пришлось пробираться через лабиринт гиацинтов и ноготков. Я осторожно опустился на сиденье, почти всерьез опасаясь уколоться о шипы. Четыре дочери Каттисборнов устроились на кушетке напротив и захихикали. Как мне предстояло убедиться, хихикали они (все, кроме младшей, десятилетней Камелии) постоянно, по поводу и без.

— Финч — настоящее золото! — возвещала, например, миссис Каттисборн, и они прыскали. — Такой предупредительный! Не успеешь подумать, уже все сделано. Наш прежний ему и в подметки не годится. Как там его звали, Тосси?

— Бейн, — подсказала Тосси.

— Ах да, Бейн, — фыркнула хозяйка. — Самое подходящее имя для дворецкого. Но я всегда подозревала, что не имя красит слугу, а вышколенность. Бейн был вышколен достаточно, но не идеально. Постоянно читал, насколько я помню. Финча вот с книгой не увидишь, — похвасталась она.

— Где же вы его отыскали? — полюбопытствовала Тосси.

— Это поистине чудо! — (Хихиканье с кушетки.) — Я наведалась в приход, отдать на ярмарку наши вязаные дорожки для комодов, там он и сидел у викария в гостиной. Как выяснилось, его бывшие хозяева отправились в Индию, а он не смог их сопровождать из-за непереносимости карри.

Непереносимость карри. Прелестно.

— Викарий спросил, нет ли у меня знакомых, которым нужен дворецкий. Только вообразите! Судьба, не иначе.

(Хихиканье.)

— Весьма необычный способ найма, — заключила Тосси.

— О, разумеется, Томас с ним побеседовал как положено, и рекомендации у него оказались просто блестящие.

И все как на подбор от хозяев, срочно отбывших в Индию.

— Тосси, я должна бы дуться на вашу матушку, что она увела — как его фамилия, опять забыла?.. — Миссис Каттисборн наморщила лоб.

— Бейн, — подсказала Тосси.

— За то, что она увела Бейна, но разве можно таить обиду, когда я нашла такую восхитительную замену!

Восхитительная замена прошествовала в комнату, неся на подносе в цветочек хрустальный графин и бокалы.

— Смородиновая наливка! — восхитилась миссис Каттисборн. — Именно то, что нужно. Понимаете теперь, о чем я?

Финч принялся наполнять и раздавать бокалы.

— Стало быть, мистер Генри, — обратилась ко мне хозяйка, — вы учитесь с мистером Сент-Трейвисом?

— Да. В Оксфорде. Баллиол.

— А вы женаты? — хитро прищурилась Камелия.

— Камелия! — одернула ее Лилия. — Невежливо спрашивать у человека, женат ли он.

— Ты же спрашивала у Тосси, есть ли у него жена, — пожала плечами Камелия. — Я слышала, как вы шептались.

— Тс-с-с! — шикнула Лилия под дружное хихиканье, зардевшись вопреки имени как маков цвет.

— А где вы живете, мистер Генри? — продолжила миссис Каттисборн.

Я понял, что срочно пора менять тему.

— Пользуюсь случаем поблагодарить вас за одолженную одежду, — начал я, пригубив налив-

ку. Определенно лучше, чем пирог с угрем. — Ваш сын сейчас дома?

— Нет, помилуйте. Разве Меринги не сказали? Эллиот в Южной Африке.

— Он шахтами занимается, — вставила Тосси.

— Как раз получили от него письмо, — похвасталась миссис Каттисборн. — Цинния, где оно?

Девочки разом вскочили и под непрерывные смешки занялись поисками.

— Вот оно, мэм. — Финч передал хозяйке сложенные листки.

— «Дорогие мама, отец и розанчики, — начала читать миссис Каттисборн. — Вот наконец я и сел писать вам обещанное длинное письмо…»

Догадавшись, что она собирается огласить его целиком, я поспешил вмешаться:

— Вы, должно быть, сильно по нему скучаете? Скоро он возвращается?

— Не раньше, чем выйдет срок контракта, а до этого еще восемь месяцев, — вздохнула хозяйка. — Конечно, если какая-нибудь из сестер соберется замуж, его отпустят на свадебное торжество.

Хихиканье.

Она вернулась к письму. Уже через два абзаца я понял, что Эллиот не намного превзошел умом

сестер и никогда никого не любил, кроме себя. На третьем абзаце я убедился, что Тосси до этого Эллиота тоже нет ни малейшего дела, поскольку слушала она с откровенно скучающим видом. К четвертому абзацу, гадая, почему Эллиота не назвали Рододендроном или Нарциссом, я от нечего делать принялся наблюдать за хозяйской кошкой.

Она распласталась на пуфе с фиалковой гобеленовой обивкой, оставив лишь несколько фиалок по краям. Палевая, в рыжую полоску, она смотрела на меня янтарными глазами из-под тяжелых томно полуприкрытых век. У меня и самого веки предательски тяжелели — спасибо наливке и бойкому перу Эллиота Каттисборна. Оказаться бы сейчас в Мачингс-Энде. Под деревом. В гамаке.

— В чем будешь на ярмарке, Роза? — спросила Тосси, когда миссис Каттисборн умолкла ненадолго, перелистывая письмо на третью страницу.

— В голубом маркизетовом с кружевными вставками, — ответила Роза, хихикнув.

— А я в белом крапчатом муслиновом, — подхватила Цинния, и старшие барышни зашушукались, склонившись друг к другу.

Камелия тем временем подошла к пуфу, подхватила кошку и плюхнула ее мне на колени.

— Это наша кошка, Мисс Мармелад.

— Миссис Мармелад, Камелия, — поправила миссис Каттисборн.

Видимо, кошкам статусы тоже выдаются по рангу, как кухаркам.

— Как поживаете, Миссис Мармелад? — поинтересовался я, щекоча кошку под подбородком.

Хихиканье.

— А ты в чем будешь на ярмарке, Тосси? — полюбопытствовала Лилия.

— Папенька заказал мне новое платье в Лондоне, — скромно опустила ресницы Тосси.

— О, расскажи, расскажи, какое оно! — воскликнула Цинния.

— Я все подробно описала в дневнике, — заявила Тосси.

И над этой записью бедная криминалистка будет биться несколько недель.

— Финч, — попросила Тосси, — подайте, пожалуйста, корзину.

Она извлекла из-под вышитой салфетки обтянутую сафьяном книжечку с золотым замком. Конец надеждам Верити заглянуть в дневник, пока никого не будет… Разве что мне удастся выкрасть его из корзины на обратном пути. Тосси осторожно отстегнула с запястья тоненькую

золотую цепочку с крошечным ключиком и отперла замок, а потом так же аккуратно вернула цепочку на место. Может, подговорить Финча его похитить? Или он и сам сообразит, раз такой мастер предугадывать желания?

— Белое кружево-миньонет и органди, — зачитывала Тосси, — на чехле из сиреневого шелка. Корсаж с кружевной вставкой, окаймленный рюшем с вышивкой цветными шелками нежнейших оттенков гелиотропа, сирени и барвинка, образующими рисунок в виде фиалок и незабудок, отделанных…

Описание платья выходило еще длиннее, чем письмо Эллиота Каттисборна. Я бросил все силы на поглаживание Миссис Мармелад. Она была невероятно, неприлично толстой. В раздутом животе прощупывались какие-то комки. Остается только надеяться, что она не больна. Ведь ранняя форма того недуга, что уничтожил кошек как вид в 2004 году, уже существовала в викторианские времена?

— …и плиссированный сиреневый пояс с розеткой на боку, — читала Тосси. — Юбка, подобранная изящными складками, вышита каймой из таких же цветов. Рукава присборены, на плече и на запястье рюши. Сиреневые ленты перехва-

тывают…

Я осторожно прощупал кошачье брюхо. Несколько опухолей. Если это лептовирус, то, видимо, самая начальная стадия. Мягкая шкура Миссис Мармелад лоснилась, и сама кошка выглядела вполне довольной жизнью, судя по умиротворенному мурлыканью и радостно впивающимся мне в брючину когтям.

Зато у меня налицо все признаки перебросочной заторможенности. Нет, она совсем не выглядит больной, хотя и кажется, что вот-вот лопнет…

— Черт! Да она же бере…

В затылок мне ткнулся острый предмет. Я прикусил язык.

Стоящий позади Финч объявил:

— Прошу прощения, мэм, там джентльмен спрашивает мистера Генри.

— Меня? Но я…

В затылке снова загудело.

— С вашего позволения, дамы.

Изобразив поклон, я последовал за Финчем к выходу.

— Мистер Генри последние два года жил в Америке, — донесся до меня голос Тосси.

— А, — понимающе заметила миссис Каттис-

борн.

Финч провел меня по коридору в библиотеку и плотно затворил дверь.

— Я помню, чертыхаться в присутствии дам не положено, — потирая затылок, признал я. — Не обязательно было меня бить.

— Я не за это вас ткнул, сэр. Хотя вы правы. В приличном обществе это моветон.

— Чем, кстати, вы меня ударили? — Я осторожно пощупал шейный позвонок. — Кастетом?

— Подносом, сэр. — Он вытащил из кармана серебряное смертельное оружие. — У меня не осталось выбора, сэр. Вас следовало остановить.

— Почему? И что вы здесь вообще делаете?

— Выполняю задание мистера Дануорти.

— Какое задание? Он отправил вас нам с Верити на помощь?

— Нет, сэр.

— Тогда зачем же?

Финч замялся.

— Я не уполномочен рассказывать, сэр. Могу пояснить лишь, что я здесь… — он подыскал слово, — … со смежным проектом. Я иду по другой временно́й траектории, поэтому обладаю сведениями, которые вам еще неизвестны. И если я расскажу, это может отразиться на вашем

задании, сэр.

— А битье меня по затылку, значит, не может отразиться? У меня, похоже, позвонок треснул.

— Я не мог позволить вам распространяться о деликатном положении кошки, сэр. В викторианском обществе обсуждение межполовых отношений в смешанной компании — абсолютное табу. Впрочем, вы в своем невежестве не виноваты, хотя я говорил мистеру Дануорти, что посылать вас в таком состоянии да еще без подготовки не самая лучшая мысль, однако он настоял — Принцессу Арджуманд возвращаете именно вы, и точка.

— Да? — удивился я. — А почему?

— Я не уполномочен, сэр.

— У меня и в мыслях не было касаться межполовых отношений, — оправдался я. — Я всего лишь хотел сказать, что кошка бере…

— А также всего, что вытекает из означенных отношений, сэр, и хоть как-то к ним относится. — Он понизил голос, наклоняясь ближе. — Девочек растят в полном неведении об этой стороне жизни до самой брачной ночи, которая, боюсь, оказывается для некоторых жестоким потрясением. Кроме того, нельзя упоминать женскую грудь и фигуру вообще, а о женских ногах отзываются

иносказательно.

— Как же тогда мне надлежало выразиться? Сообщить, что кошка в интересном положении? На сносях? В тягости?

— Вообще ничего не говорить. Беременность у людей и животных старательно обходят молчанием. Так что следовало обойтись без комментариев.

— А когда она родит и по дому будут бегать полдюжины котят, их тоже замалчивать? Или поинтересоваться, в какой капусте их нашли?

Финч опустил глаза.

— Есть еще одна причина, сэр, — загадочно пояснил он. — Нельзя привлекать к ситуации излишнее внимание. Чтобы не вызвать второй диссонанс.

— Диссонанс? Вы о чем?

— Я не уполномочен. Так вот, когда вернетесь в гостиную, я бы рекомендовал вовсе воздержаться от упоминаний о кошке.

Вылитый Дживс.

— Да, здорово вас поднатаскали, — восхитился я. — Когда вы успели стать таким спецом по викторианской эпохе?

— Я не уполномочен, — помотал головой явно польщенный Финч. — Но, признаюсь, у меня

ощущение, будто я рожден для этой должности.

— Тогда, если вы такой дока, подскажите, что мне говорить, когда вернусь в комнату. Какой еще джентльмен мог меня спрашивать? Я ведь никого здесь не знаю.

— Об этом не беспокойтесь, сэр, — заверил Финч, открывая дверь затянутой в перчатку рукой.

— Не беспокоиться? Почему? Как-то ведь нужно объяснить свой уход?

— Нет, сэр. Им абсолютно все равно, почему вы отлучились, коль скоро отлучка дает возможность без помех вас обсудить.

— Обсудить? В смысле… не самозванец ли я?

— Да нет, сэр, — неподражаемым тоном истинного дворецкого объяснил Финч. — Насколько вы годитесь в женихи.

Он провел меня по коридору и с чопорным полупоклоном открыл дверь.

Финч не обманул: комната встретила меня сконфуженной тишиной, а затем взрывом смешков.

— Тоселин рассказывала нам, как вы оказались на волосок от гибели, — наконец подала голос миссис Каттисборн.

Когда я чуть не ляпнул про беременность?

— Когда у вас перевернулась лодка, — оживленно подхватила Цинния. — Но, думаю, это ничто по сравнению с вашими приключениями в Америке!

— С вас снимали скальп? — округлила глаза Камелия.

— Камелия! — ахнула миссис Каттисборн.

В дверях возник Финч.

— Прошу прощения, мэм. Останутся ли мисс Меринг и мистер Генри на обед?

— О, мистер Генри, останьтесь, пожалуйста! — хором прощебетали барышни. — Мы так хотим послушать про Америку!

Весь обед я развлекал их байками про почтовые дилижансы и томагавки, почерпнутыми на лекциях по девятнадцатому веку (эх, надо было слушать тогда внимательнее), и наблюдал за Финчем. Он подсказывал мне, какие приборы брать, шепча на ухо: «Вилку с тремя зубцами», — во время перемены блюд, или украдкой подавал знаки от буфета, пока я отвлекал внимание остальных, вещая страшным голосом: «И вот мы сидим у костра, а из темноты доносится рокот тамтамов — бум! бум! бум!»

Хихиканье.

После обеда Лилия, Роза и Цинния упрашивали

нас остаться на шарады, но Тосси заявила, что пора ехать, аккуратно заперла дневник и положила его не в корзину, а в ридикюль.

— Неужто вы не можете хоть на чуточку задержаться? — завела Цинния умоляюще.

Тосси сказала, что нам еще нужно забрать в приходе вещи для барахолки, и я был ей за это крайне признателен. От выпитых за столом рейнвейна и кларета (вкупе с воздействием наливки и остаточными явлениями перебросочной болезни) меня теперь клонило в добрый послеобеденный сон.

— А вы будете на ярмарке, мистер Генри? — хихикнула Лилия.

«Куда ж я денусь…» — вздохнул я мысленно, надеясь лишь, что дом викария не очень далеко.

Надежда оправдалась, однако сперва пришлось заглянуть к вдове Уоллис (за соусником и банджо без двух струн), к Мидлмарчам (чайник с отбитым носиком, сосуд для уксуса и колода для игры в «Писателей» без нескольких карт) и к мисс Стиггинс (птичья клетка, набор из четырех статуэток, изображающих богинь судьбы, томик «Алисы в Зазеркалье», рыбный нож и фарфоровый наперсток с надписью «На память о Маргейте»).

Учитывая, что у Каттисборнов к бесценным

сокровищам добавилась подставка для шляпных булавок, трость с резной собачьей головой, яйцеварка и думка с вышитыми шерстью фиалками и душистым горошком, корзина почти заполнилась, и как дотащить до дома остальное, я уже не представлял. К счастью, викарий жертвовал лишь большое потрескавшееся зеркало в золоченой раме.

— Пошлю за ним Бейна, — решила Тосси, и мы двинулись в Мачингс-Энд.

Обратная дорога ничем не отличалась от дороги туда, разве что я теперь был более нагруженным и уставшим. Тосси без устали молола языком — о Жужу и «хвабвом, хвабвом Тейенсе», а мне оставалось только радоваться, что моя фамилия не начинается с «К», и искать взглядом гамак.

Встретивший нас в начале подъездной дороги Бейн принял у меня корзину, а потом ко мне радостно бросился Сирил. Однако из-за крена влево его повело к Тосси, которая немедленно воскликнула: «Ой, несносный, несносный пес!» — и заахала.

— Сирил, дружище, иди сюда! — Я хлопнул в ладоши, и он вразвалочку поковылял ко мне, виляя всем телом. — Скучал?

— «И возвратились путники домой, — провоз-

гласил Теренс, маша нам с газона. — В родную сень прохладных белых стен»[36]. Вы как раз вовремя. Бейн ставит воротца для крокета.

— Крокет! — оживилась Тосси. — Какая прелесть!

Она убежала переодеваться.

— Крокет? — спросил я у Верити, смотревшей, как Бейн вколачивает колышки в траву.

— Выбор был между ним и лаун-теннисом, — сообщила Верити, — насчет которого, я боюсь, тебя не инструктировали.

— Насчет крокета тоже, — парировал я, косясь на деревянные молотки.

— Все проще простого, — обнадежила Верити, вручая мне желтый шар. — Нужно молотком прогнать шар через воротца. Как у вас успехи?

— Я был когда-то скаутом у Буффало Билла, — доложил я. — А теперь помолвлен с Циннией Каттисборн.

Верити не улыбнулась.

— Что выяснил насчет мистера К?

— Эллиот Каттисборн возвращается только через восемь месяцев. — Я рассказал, как выведывал у Тосси про вымышленного одноклассника с

---

[36] Примечания: 36
Моррис, Уильям. Жизнь и смерть Ясона.

забытой фамилией. — Она никого не припомнила. Но это не самое интересное из…

Прибежала Тосси в бело-розовом матросском платье с мятными полосками и большим розовым бантом, держа на руках Принцессу Арджуманд.

— Жужу обожает смотреть на шары, — опуская кошку на землю, сообщила она.

— И гоняться за ними, — согласилась Верити. — Мы будем с мистером Генри. А вы с мистером Сент-Трейвисом.

— Мистер Сент-Трейвис, мы с вами в паре! — воскликнула Тосси, подбегая к Теренсу, наблюдающему за Бейном.

— Я думал, наша задача — развести Тосси и Теренса подальше, — удивился я.

— Так и есть, — подтвердила Верити. — Но мне нужно с тобой поговорить.

— Мне тоже. Ни за что не угадаешь, кого я встретил у Каттисборнов. Финча!

— Финча? — Верити растерялась. — Секретаря мистера Дануорти?

Я кивнул.

— Он у них дворецкий.

— И что он там делает?

— Не сказал. Признался только, что это «смежное задание» и поэтому он не вправе распростра-

няться.

— Вы готовы? — позвала Тосси от воротец.

— Почти! — крикнула Верити. — Так, правила предельно просты. Очки начисляются за проведение шара через шесть воротец — четверо крайних и двое в центре — дважды, то есть туда и обратно. Один ход — один удар. Если пробиваешь шар через воротца, тебе дается дополнительный удар. Если сбиваешь своим шаром чужой, то получаешь право на крокирование (удар по чужому шару) и дополнительный удар, но если за один раз пробьешь две пары воротец, все равно получаешь только один дополнительный удар. Ударив один раз, больше бить не имеешь права, пока не пройдешь следующие воротца, но первых воротец это не касается. Если бьешь по уже ударенному шару, теряешь ход.

— Готовы? — окликнула Тосси.

— Сейчас, — отозвалась Верити. — Вот это границы площадки, — она очертила молотком, — северная, южная, восточная и западная. Вот тут ярдовая линия, вот там стартовая. Все понятно?

— Предельно. Какой у меня цвет?

— Красный. Начинаешь со стартовой линии.

— Готовы? — потеряла терпение Тосси.

— Да, — кивнула Верити.

— Я первая.

Тосси, гибко изогнувшись, уложила шар на траву.

«Ну что здесь может быть сложного?» — думал я, глядя, как Тосси примеривается для удара. Благородная викторианская забава на лоне природы, рассчитана на детей и барышень в длинных платьях с оборками. Цивилизованная игра.

Обернувшись, Тосси кокетливо улыбнулась Теренсу и встряхнула локонами.

— Хоть бы не промахнуться… — Она мощным взмахом послала шар через первые двое воротец и половину лужайки. — У меня повторный? — удивленно спросила она и снова жахнула по шару.

На этот раз она чуть не прибила Сирила, который прилег вздремнуть в теньке.

— Помеха, — заявила Тосси. — Шар задел его по носу.

— У Сирила нет носа, — возразила Верити, кладя свой шар на расстоянии головки молотка от первых воротец. — Моя очередь.

Она стукнула не так сильно, как Тосси, но тоже не промахнулась. Ее шар пролетел через воротца, а на следующем ударе очутился в двух шагах от шара Тосси.

— Ваш черед, мистер Сент-Трейвис, — объявила Тосси, подбираясь к своему шару и накрывая его длинным подолом. Когда она двинулась к Теренсу, ее шар переместился на лишний метр дальше от шара Верити.

— Она жульничает, — шепнул я напарнице.

Верити кивнула.

— Я так и не отыскала ее дневник.

— Знаю. Она возила его с собой. Зачитывала описание платья дочерям Каттисборнов.

— Теперь вы, мистер Генри, — возвестила Тосси, опираясь на длинный молоток.

Верити не объяснила, как правильно этот молоток держать, а я как-то не обратил внимания. Уложив шар перед воротцами, я ухватил рукоятку, словно крикетную биту.

— Штраф! — воскликнула Тосси. — Шар мистера Генри слишком близко к воротам. Пропускаете ход, мистер Генри.

— Нет-нет, — вмешалась Верити. — Передвиньте шар подальше, на расстояние головки молотка.

Я послушался и послал шар в более или менее правильном направлении, хоть и мимо воротец.

— Мой ход! — Тосси выбила шар Верити за пределы площадки, куда-то в кусты. — Прости-

те, — жеманно потупилась она и точно так же разделалась с шаром Теренса.

— Ты, кажется, говорила, что это цивилизованная игра, — шепнул я Верити, выковыривая ее шар из кустов.

— Я сказала — простая.

Я наконец вытащил шар.

— Притворись, будто еще ищешь, — велела Верити вполголоса. — Обыскав комнату Тосси, я смоталась в Оксфорд.

— Выяснила, какой сдвиг был на той твоей переброске? — усердно шурша ветками, спросил я.

— Нет, — ответила она мрачно. — Уордер была слишком занята.

Я хотел напомнить, что Уордер всегда слишком занята, но Верити продолжила:

— Тот новенький — не помню его фамилию, — которого прикомандировали к вам с Каррадерсом, застрял в прошлом.

— На кабачковом поле? — ужаснулся я, подумав о собаках.

— Нет, в Ковентри. Должен был вернуться, когда закончит ковыряться в щебне, и не вернулся.

— Может, просто не нашел сеть?

Запросто, памятуя, как он щелкал фонариком.

— Каррадерсу тоже так кажется, но мистер

Дануорти и Ти-Джей боятся, как бы это не были последствия диссонанса. Поэтому выслали Каррадерса на поиски.

— Ваша очередь, Верити, — нетерпеливо объявила Тосси и двинулась к нам. — Неужто еще не нашли?

— Вот он! — Я вылез из кустов, демонстрируя шар в вытянутой руке.

— Я сбила его вот отсюда. — Тосси показала носком ботинка на пятачок в нескольких милях от настоящего места.

— Словно против Черной Королевы играем, — восхитился я и передал Верити шар.

На следующие три хода моей единственной целью стало удержать шар на одной стороне площадки с Верити, чему отчаянно мешала мисс «Отрубите ей голову!» Меринг.

— Догадался, — сообщил я, хромая к Верити, когда Тосси на очередном ходу залепила шаром прямо мне по щиколотке, а Сирил предусмотрительно поднялся и потрусил к дальней кромке газона. — Мистер К — это врач, которого обычно вызывают лечить жертв Тосси. Что еще ты разузнала?

Верити аккуратно примерилась.

— На ком женился Теренс.

— Только не на Тосси, умоляю.

Я потирал щиколотку, топчась на здоровой ноге.

— Нет. — Верити провела шар ровнехонько в воротца. — Не на Тосси. На Мод Преддик.

— Отлично! Значит, я ничего не разрушил, невольно вынудив Теренса с ней разминуться.

Верити украдкой вытянула из-за кушака и сунула мне сложенный лист бумаги.

— Что это? — запихивая его в нагрудный карман, спросил я. — Отрывок из дневника Мод?

— Нет. Она, похоже, единственная из всех викторианок не вела дневник. Это письмо от Мод Сент-Трейвис младшей сестре.

— Ваш ход, мистер Генри! — поторопила Тосси.

— Второй абзац, — подсказала Верити.

Я с размаху стукнул по красному, и тот усвистел мимо шара Теренса прямиком в куст сирени.

— Ох, неудачно как! — посочувствовал Теренс.

Я кивнул и полез в сирень.

— Прощай, дорогой друг! — весело выкрикнул Теренс, помахивая молотком. — «Но не хотят сказать „прощай“ уста: как мы ни верим, ни хотим, ни ждем — отчаянье в том слове роковом»[37].

---

[37] Примечания: 37

Байрон, Джордж Гордон. Корсар. Пер. Г. Шенгели.

Я отыскал шар, углубился вместе с ним еще дальше в гущу сирени и там развернул письмо. Оно было написано тонким изящным почерком. «Дорогая Изабель! Весть о твоей помолвке несказанно меня обрадовала. Роберт — замечательный юноша, и я от всей души надеюсь, что вы с ним будете так же счастливы, как мы с Теренсом. Напрасно ты беспокоишься, что ваше знакомство состоялось не в самой романтичной обстановке — на крыльце скобяной лавки. Мы с дорогим Теренсом и вовсе познакомились на станции. Я стояла с тетей Амелией на перроне Оксфордского вокзала…»

Я оцепенел с письмом в руке. Перрон Оксфордского вокзала.

«… тоже не особенно романтичное место, но я сразу же поняла, именно там, среди багажных тележек и кофров, что он мой суженый».

Поняла бы. Но вмешался я, и Мод с тетей укатили на кукушке.

— Не нашли? — окликнул Теренс.

Я поспешно сложил письмо и сунул обратно в карман.

— Вот он! — продемонстрировал я шар, выползая из кустов.

— Вы били отсюда.

Ботиночек Тосси указал на какую-то совсем уж немыслимую отметку.

— Спасибо, мисс Меринг, — поблагодарил я и, отступив на расстояние головки молотка, приготовился ударить снова.

— Ваш ход кончился, — запротестовала Тосси, направляясь к своему шару. — Теперь моя очередь.

Описав широченную дугу, ее молоток загнал мой шар обратно в заросли сирени.

— Рокет, — возвестила она с милой улыбкой. — Два удара.

— Ну разве она не чудо! — восхитился Теренс, помогая мне искать шар.

Отнюдь. И даже будь она чудом, все равно в нее нельзя влюбляться. Ты должен влюбиться в Мод, которую тебе суждено было встретить на вокзале, и все это из-за меня, из-за меня, из-за меня…

— Мистер Генри, ваша очередь, — поторопила Тосси.

— Да? — Я рассеянно ударил по ближайшему шару.

— Штраф, мистер Генри! — выпалила Тосси раздраженно. — Вы мертвы.

— Что?

— Ваш шар мертв, мистер Генри. Вы по нему

уже били, значит, больше бить не можете, пока не пройдете воротца.

— Понятно. — Я нацелился на соседние.

— Не эти! — Тосси возмущенно затрясла светлыми локонами. — Засчитываю штраф за попытку срезать.

— Простите. — Я постарался сосредоточиться.

— Мистер Генри отвык от наших правил, пока жил в Америке, — вступилась Верити.

Я подошел к ней и встал рядом, наблюдая, как Тосси замахивается для удара, выстраивая траекторию, чтобы шары выбивали друг друга, как в бильярде.

— Хуже того, — шепнула Верити. — Их внук был пилотом ВВС в Битве за Британию. Участвовал в первой бомбардировке Берлина.

— Теренс! — позвала Тосси. — Ваш пес мешает мне сделать двойное крокирование.

Теренс послушно принялся будить Сирила. Тосси вытянула молоток, вычисляя рикошеты.

Я смотрел, как Тосси готовится к удару. Верити молчала. Что тут говорить? Про первую бомбардировку я и сам отлично знал. Сентябрь 1940 года, разгар Битвы за Британию — Гитлер клялся, что ни одна бомба не упадет на фатерлянд, а когда они все-таки посыпались, дал приказ о масси-

рованной бомбардировке Лондона. А потом, в ноябре, Ковентри.

Тосси взмахнула молотком. Ее шар выбил мой, отскочил, задел шар Верити и прокатился прямиком в воротца.

Та бомбардировка спасла ВВС, которые сильно уступали люфтваффе в численности. Если бы люфтваффе не переключилось на гражданские объекты, нам нипочем бы не выиграть Битву за Британию. И Гитлер захватил бы страну.

Глава пятнадцатая

Если нить хоть одна оборвется,
Все плетенье распустится враз.
Стоит выпасть из тысячи клавиш органа одной,
Резанет по ушам диссонанс.
Джон Гринлиф Уиттьер

Ночные гости — Пожар — Очередные параллели с «Титаником» — Дух — Прогулки во сне — Перл-Харбор — Рыба — Разговор с работником — Финч — Недобрые помыслы — Мы с Верити отправляемся поплавать на лодке — Предложение руки и сердца на латыни, преимущества и недостатки — Недуг Наполеона — Сон — Сходство между литературой и реальностью — Объявление

Вторая ночь в Мачингс-Энде вышла такой же беспокойной, как и первая. Заглянул Теренс спросить, как о нем отзывалась Тосси по дороге к Каттисборнам, и получить подтверждение, что ее глаза «сияют точно звезды». Сирила пришлось

тащить по лестнице на руках, а Бейн принес мне какао и полюбопытствовал, правда ли, что в Америке все ходят с оружием.

Я сказал, что нет.

— А еще я слышал, что американцы меньше придают значения классовым различиям и поэтому социальные границы там более размыты.

Мне оставалось лишь догадываться, какое отношение классовые различия имеют к оружию и не собирается ли Бейн в бандиты.

— Как бы то ни было, искать свою судьбу там волен каждый, — сообщил я. — И ищет.

— А верно ли, что промышленный магнат Эндрю Карнеги родился в семье шахтера? — поинтересовался Бейн и, когда я подтвердил, налил мне какао и еще раз поблагодарил за спасение Принцессы Арджуманд. — Какая отрада — видеть счастье мисс Меринг, обнимающей свою любимицу.

«Видел бы ты счастье мисс Меринг, сеющей хаос в крокете», — подумал я, однако вслух не сказал.

— Если я еще что-то могу сделать, сэр, в качестве ответной услуги…

Полететь бомбить Берлин. Но вряд ли ты согласишься.

Под конец крокетной партии, пока Тосси самозабвенно расправлялась с Теренсовым шаром, Верити шепнула мне обязательно уничтожить письмо от Мод, иначе мы рискуем получить еще диссонанс. Едва Бейн ушел, я запер дверь, открыл окно и поднес письмо к огоньку керосиновой лампы.

Бумага вспыхнула, заворачиваясь по краям. Один пылающий клочок взметнулся вверх и порхнул к букету сухих цветов на комоде. Я прыгнул за ним, зацепился за кресло и неловким взмахом руки подогнал его еще ближе к сухому букету.

Великолепно. Вместо того чтобы предотвратить диссонанс, я вот-вот спалю дом.

От следующего моего рывка горящий клочок увернулся и начал медленно опускаться на пол. Я кинулся на него в третий раз, подставляя сложенные ковшиком ладони, но он уже прогорел сам, обращаясь в пепел и прах.

В дверь поцарапались, и я открыл. На пороге стояли Принцесса Арджуманд с Верити. Кошка мгновенно взлетела на кровать и томно разлеглась на подушках, а Верити присела на край.

— Послушай, — начал я, — по-моему, тебе не нужно сейчас перебрасываться. И так две пере-

броски за сутки, а…

— Я уже, — сообщила она радостно. — И у меня хорошие новости.

— По-настоящему хорошие, — усомнился я, — или переброcочная эйфория?

— Хорошие, — утвердительно кивнула она и тут же нахмурилась. — По крайней мере так мне их преподнесли. Я хотела узнать, что выяснили насчет того самого внука и бомбардировки. Ти-Джей говорит, налет на Берлин не является кризисной точкой. Ни на аэродроме, ни в Берлине увеличения сдвигов не отмечено, а еще он смоделировал налет и пришел к выводу, что никаких долгосрочных последствий отсутствие там Теренсова внука за собой не повлекло. Можно мне какао?

— Сколько угодно. А почему не повлекло?

Верити слезла с кровати и подошла к ночному столику.

— Потому что в этом вылете участвовал восемьдесят один самолет и двадцать девять из них бомбили Берлин, — объяснила она, наливая какао. — Один пилот погоды не сделает, тем более что Гитлера заставил отказаться от первоначальных планов не размер нанесенного ущерба, а сам факт падения бомб на фатерлянд. И после этого

налета было еще три.

Верити вернулась на кровать, прихватив чашку с блюдцем. Я и забыл, что бомбардировок было четыре. Избыточность, один из страховочных механизмов.

— И это еще не все, — продолжила Верити, потягивая какао. — По словам мистера Дануорти, Геринг, похоже, и без того собирался бомбить Лондон, так что наши рейды просто-напросто послужили предлогом. А значит, можно не волноваться, что отсутствие Теренсова внука изменит ход войны, хотя…

Так и знал, что будет «хотя».

— …с бомбардировками все же связана одна критическая точка, которую нам следует держать в уме. Двадцать четвертое августа, ночь, когда два немецких самолета случайно сбросили бомбы на Лондон.

Об этом случае я знал. Пример восхваляемой профессором Преддиком личной инициативы — впрочем, и без слепых сил не обошлось. Два пресловутых немецких бомбардировщика летели уничтожать авиастроительный завод в Рочестере и нефтяные резервуары на Темзе. Радиолокационные приборы имелись только у головных машин эскадрильи, у остальных нет,

поэтому эти двое, случайно оторвавшись, угодили под зенитный огонь и решили уносить ноги, предварительно сбросив груз. К сожалению, в это время они пролетали над Лондоном, и их бомбы разрушили церковь Святого Эгидия в Криплгейте и погубили немало народа.

В отместку Черчилль скомандовал бомбить Берлин, а Гитлер в отместку за бомбардировку Берлина приказал бомбить Лондон. Вот кошка, что мышку таскает за хвост, ту, что тихонько…

— Мистер Дануорти и Ти-Джей пока не видят никакой связи между Теренсовым внуком и этими двумя немцами, — отпивая какао, пояснила Верити, — но они ищут. Не исключено, что, будучи пилотом ВВС, этот внук что-то такое совершил — сбил самолет люфтваффе, например, — и своим поступком повлиял на ход истории. В общем, они проверяют.

— А нам тем временем что делать?

— Что угодно, лишь бы не усугубить. И, по возможности, свести Теренса с Мод. Поэтому завтра ты поговоришь с профессором и убедишь его вернуться в Оксфорд — повидаться с сестрой и племянницей. А я буду обрабатывать Теренса и сделаю еще попытку заглянуть в дневник.

— Считаешь, так будет лучше? — усомнился

я. — Я вот думаю: это же хаотическая система, тут причинно-следственные отношения не линейные. Может, мы, наоборот, только вредим своими попытками исправить. Как с «Титаником». Если бы он не старался изо всех сил отвернуть от айсберга, он бы…

— Врезался в него носом, — кивнула Верити.

— Да, и получил бы повреждения, но не затонул. А из-за попытки увернуться он проскреб по айсбергу бортом, пропоров все водонепроницаемые отсеки, и в результате пошел ко дну.

— Значит, по-твоему, пусть Тосси и Теренс спокойно доводят дело до помолвки? — уточнила Верити.

— Не знаю. Может, если перестать их разводить, Теренс увидит Тосси в истинном свете, и наваждение спадет?

— Может. — Верити с серьезным видом откусила кекс. — С другой стороны, если бы на «Титанике» изначально хватало шлюпок, никто бы не утонул.

Она допила какао и понесла чашку с блюдцем на ночной столик.

— А что там насчет сдвигов в 2018 году? Выяснили, в чем причина? — вспомнил я.

Верити покачала головой.

— Миссис Биттнер ничего подходящего не рассказала. Как раз в 2018 году Фудзисаки написал первую монографию о возникновении диссонансов, и сеть перепрограммировали на автоматическое закрытие при чрезмерном росте сдвигов, но это было в сентябре. А рост сдвигов начинается в апреле.

Верити приоткрыла дверь и выглянула.

— Или, например, завтра мистер К явится помогать с ярмаркой, и нам не придется вмешиваться, — прошептала она.

— Или мы врежемся в айсберг, — шепнул я в ответ.

Уже закрывая за ней дверь, я понял, что не спросил насчет Финча. Выждав пять минут, чтобы Верити наверняка успела добраться до своей комнаты, я надел халат и на цыпочках прокрался по коридору, аккуратно обходя расставленные в темноте ловушки: Лаокоона (эх, как я его теперь понимаю), папоротник, бюст Дарвина и стойку для зонтов.

Я тихонько постучал к Верити.

Она открыла сразу же, недовольно хмурясь.

— Договорились же не стучать, — упрекнула она, встревоженно оглянувшись на дверь миссис Меринг.

— Прости.

Я проскользнул внутрь.

— Что ты хотел?

— Забыл спросить, не выяснила ли ты, зачем прислали Финча.

— Мистер Дануорти не говорит, — прошептала она обеспокоенно. — Только намекнул, как и Финч, насчет «смежного задания». А вдруг ему велели утопить Принцессу Арджуманд?

— Что? — От неожиданности я даже голос понизить забыл. — Финчу? Смеешься?

Она покачала головой.

— Криминалистка расшифровала часть фразы, относящейся к кошке. Там говорится: «… бедная Принцесса Арджуманд, она утонула…»

— Может, Тосси написала это еще во время поисков? Неизвестно же. И потом, кому придет в голову поручать такое Финчу? Он и мухи не обидит.

— Не знаю. Вдруг они решили, что от нас этого требовать бесполезно, а кроме Финча, никого свободного не нашлось?

Вот это запросто, учитывая манеру леди Шрапнелл прибирать к рукам всех, кто не спрятался.

— Но чтобы Финч? — с сомнением протянул я. — И потом, с таким поручением логично было

бы внедрить его сюда, а не к Каттисборнам?

— Может, они рассчитывают, что миссис Меринг его сманит.

— С тебя точно хватит пока переброс. Утром поговорим, — решил я и выскользнул в кромешную темень коридора.

Верити закрыла за мной дверь, и я отправился к себе. Стойка для зонтов…

— Мейсел! — зазвенел рядом голос миссис Меринг. Коридор озарился светом. — Что я говорила!

Миссис Меринг двинулась на меня с керосиновой лампой в руках. До лестницы было слишком далеко, не добежать, да и все равно по ней уже поднимался Бейн со свечой. Я не успевал даже отскочить от комнаты Верити. Что там мистер Дануорти говорил насчет «не усугублять»?

Интересно, поверят, если сказать, что я ходил вниз за книгой? Без свечи? И где тогда книга? На какой-то миг мелькнула дикая мысль прикинуться, будто я брожу во сне, как герой «Лунного камня».

— Я…

Миссис Меринг не дала мне и рта раскрыть.

— Что я говорила? Вы тоже услышали, да, мистер Генри?

Из соседней комнаты высунулась голова Тосси в папильотках.

— Маменька, что такое?

— Дух! — возвестила миссис Меринг. — Мистер Генри тоже его слышал, да, мистер Генри?

— Да. Как раз вышел разобраться. Сперва подумал, кто-то проник в дом, но тут никого не было.

— Вы слышали, Бейн? — торжествуя, обратилась к нему хозяйка. — Сперва стук, очень слабый, а потом что-то похожее на шепот?

— Нет, мэм, — ответил дворецкий. — Я был в комнате для завтрака, раскладывал серебро к утренней трапезе.

— Но вы-то, мистер Генри, слышали? Слышали! Недаром вы были белее мела, когда я вышла в коридор. Так вот, сперва перестук, потом шепотки, а дальше…

— Нездешний стон, — подсказал я.

— Именно! Мне кажется, духов несколько, и они переговариваются между собой. Заметили что-нибудь, мистер Генри?

— Какое-то белое свечение, — сказал я, на случай, если она углядела Верити, закрывавшую дверь. — Лишь на миг, мелькнуло и пропало.

— О! — просияла миссис Меринг. — Мейсел! Иди сюда! Мистер Генри видел духа!

Полковник не откликнулся, и в наступившей паузе по коридору разнесся тихий храп Сирила. Нет, нам еще выплывать и выплывать.

— Вот! — Я показал пальцем на стену над портретом «леди Шрапнелл». — Слышали?

— Да! — Миссис Меринг припечатала рукой свою обширную грудь. — На что было похоже?

— Колокольный звон, — импровизировал я, — потом вроде бы рыдание…

— Точно! — подтвердила миссис Меринг. — Чердак. Бейн, откройте чердачный ход. Нужно подняться.

В этот момент наконец появилась Верити, сонно моргая и плотнее запахивая халат.

— Что случилось, тетя Мальвиния?

— Тот самый дух, которого я видела давеча у беседки. Он на чердаке!

И тут из моей комнаты донесся оглушительный раскат выданного Сирилом храпа. Верити моментально вскинула глаза к потолку.

— Я их тоже слышу! Призрачные шаги над головой!

Следующие два часа мы провели на чердаке, путаясь в паутине и выискивая неуловимые белые сполохи. Миссис Меринг не нашла ни одного, зато отобрала для барахолки варенье в банке из

красного стекла, литографию ландсировского «Короля долины» и траченную молью тигриную шкуру.

Бедняге Бейну пришлось, по ее настоянию, тут же нести это добро вниз.

— Каких только сокровищ не найдешь на чердаке? Правда, мистер Генри?

— Угум-м, — пробормотал я, подавляя зевок.

— Боюсь, призрак уже исчез, — заявил Бейн, поднимаясь обратно на чердак. — И наше дальнейшее присутствие здесь его только спугнет.

— Вы правы, Бейн, — согласилась хозяйка, и мы наконец смогли разойтись.

Я опасался, что Сирил еще не закончил концерт, но из моей комнаты не слышалось ни звука. Сирил с Принцессой Арджуманд сидели посреди кровати нос к носу (условному, в случае Сирила) и играли в гляделки.

— Не переглядываться, — велел я, снимая халат и забираясь в кровать. — Не храпеть. И не раскидываться.

Они и не собирались. Вместо этого они принялись кружить по кровати, нюхая друг у друга под хвостом (условным, в случае Сирила) и сверкая глазами.

— Ложитесь уже, — прошипел я и сам улегся в

темноте, размышляя о том, как быть дальше, и о незапланированной бомбардировке Лондона.

Вполне логично, что она стала кризисной точкой. Участников всего двое, поэтому для смены исторического хода событий достаточно самой малости: летчики увидят какой-нибудь ориентир и поймут, где находятся; сброшенные бомбы угодят на кабачковое поле или в Ла-Манш; в конце концов, самолеты могут подбить зенитчики. Или вмешается и вовсе пустяк, на который никто внимания не обратит. Хаотическая система в действии.

А значит, никто не в силах предугадать, что нам делать или не делать и как это отразится на перспективе бракосочетания Теренса и Мод.

Сирил с Принцессой по-прежнему топтались по кровати.

— Ложитесь! — велел я.

Сирил, как ни странно, послушался, плюхнувшись у меня в ногах. Принцесса подобралась к нему, уселась рядом и шлепнула его лапой по носу. Сирил обиженно вскочил, кошка немедленно растянулась на его месте.

Если бы все было так просто… Действие — реакция. Причина — следствие. В хаотической системе следствие не всегда получается таким,

как задумываешь.

Взять хотя бы мою неуклюжую попытку сжечь письмо. Или еще один подходящий пример — линкор «Невада». Он был поврежден в первую волну атаки на Перл-Харбор, но не затонул, а развел пары и попытался выйти из гавани на простор для маневра. В результате его чуть не потопили в канале, где он закупорил бы гавань на несколько месяцев.

С другой стороны, вспомним дежурного с радиолокационной станции Опана, который в восемь ноль пять утра, за пятьдесят минут до налета на Перл-Харбор, доложил наверх о большой массе неопознанных самолетов, приближающихся с севера. Командир велел не обращать внимания, глупости, мол, и отправился спать дальше.

Или вот аэродром Уилер, где все самолеты, в надежде уберечь от саботажа, собрали в центре поля. Там японские «зеро» и разбомбили их скопом — за две с половиной минуты.

Леди Шрапнелл пусть и дальше ищет Господа в мелочах, а я постепенно формулировал другой девиз: «Поступай как знаешь, все равно опростоволосишься».

Мысли о Перл-Харборе не оставляли меня и по пути на завтрак. У буфета стояла Тосси с Прин-

цессой на руках — по очереди снимая серебряные колпаки со всех блюд и с недовольной гримасой накрывая их снова.

Я впервые проникся к ней невольным сочувствием. Бедняжка, обречена легкомысленно порхать по жизни да еще есть всякую гадость на завтрак. Ни в университет поступить, ни полезным делом заняться, а тут еще пироги с угрем. Я уже корил себя за то, что был к ней слишком строг, но тут она со звоном обрушила на блюдо колпак с оскаленной волчьей мордой, взяла стоящий рядом серебряный колокольчик и яростно им затрясла.

Бейн возник через секунду — с охапкой кокосов и накинутым на плечи отрезом фиолетовой ткани для флажков.

— Да, мисс?

— Почему на завтрак нет рыбы? — возмутилась Тосси.

— Миссис Поузи занята приготовлением сладкого и закусок для завтрашней ярмарки, — сообщил Бейн. — Я сказал ей, что четырех горячих блюд будет достаточно.

— А их недостаточно! — заявила Тосси.

Вошла Джейн с полными руками вязаных накидок на мебель, сделала книксен перед Тосси и

залепетала:

— Прощения просим, мисс. Мистер Бейн, чайный шатер уже доставили, а лакей мисс Стиггинс спрашивает, куда девать лишние стулья.

— Спасибо, Джейн, — кивнул дворецкий. — Передай, что я сейчас буду.

— Да, сорр. — Джейн присела в реверансе и выбежала.

— Я желаю поджаренную форель на завтрак. Раз миссис Поузи некогда, поджарьте рыбу сами, — велела Тосси.

Я бы на месте Бейна уже закидал ее кокосами, но дворецкий лишь посмотрел в упор, силясь удержать непроницаемое лицо, и ограничился обычным: «Как вам будет угодно, мисс». Однако все же не ушел.

— Если позволите, мисс, на мой взгляд, не особенно разумно поощрять тягу кошки к рыбе. Это лишь…

— Ваши взгляды меня не интересуют, — бросила Тосси свысока. — Вы здесь служите, поэтому будьте любезны принести мне поджаренную форель.

— Как пожелаете, мисс.

Бейн направился к выходу, жонглируя кокосами, чтобы не рассыпать.

— На серебряном блюде! — крикнула Тосси ему вдогонку. — И посадите этого несносного пса на цепь, он утром гонял мою дусечку Жужу.

Ну все, это последняя капля. Тосси не выйдет замуж за Теренса, и плевать, что там будет с континуумом! Реальность, в которой так обращаются с Сирилом (и Бейном), не имеет права на существование.

Я побежал наверх к профессору Преддику. Его в комнате не было, зато Теренс обнаружился у себя. Он брился.

— Мне тут подумалось, — начал я, завороженно следя за движениями помазка. — Профессор Преддик уже третий день как уплыл из Оксфорда, а мы до сих пор не побывали в Раннимеде. Может быть, наведаемся туда сегодня, а завтра обратно в Оксфорд? Мы ведь тут только под ногами путаемся, люди к ярмарке готовятся…

— Я обещал мисс Меринг, что останусь и помогу, — ответил Теренс, проводя смертельным оружием по щеке. — Она хочет поручить мне катание на пони.

— Можем отвезти его в Оксфорд на поезде и вернуться к ярмарке, — предложил я. — Наверняка сестра и племянница очень по нему соскучились.

— Он им телеграфировал, — скребя лезвием по подбородку, напомнил Теренс.

— А если они совсем ненадолго приехали? — увещевал я. — Жаль будет, если они так и не увидятся.

Теренса довод не убедил.

— «Время быстротечно, — призвал я на помощь цитату, — упущенного не вернешь».

— Точно. — Теренс беззаботно махнул лезвием в миллиметре от яремной вены. — Но такие кумушки обычно гостят до посинения. — Он вытер остатки пены полотенцем. — Идейная племянница наверняка приехала вести кампанию за открытие женских колледжей или участвовать в суфражистской возне, и в Оксфорде они до конца триместра просидят. Эти нынешние девицы! Слава Богу, мисс Меринг — девушка старого воспитания, скромная и благонравная, «пригожа, как боярышника цвет; как проблеск радости нечаянной прекрасна»[38].

Безнадежно. Однако я еще несколько минут потратил на Теренса, прежде чем пуститься обрабатывать профессора Преддика.

Не дошел. По дороге к пруду меня перехватила

---

[38] Примечания: 38

Бернс, Роберт. Посвящение Эдинбургу.

миссис Меринг и отправила расклеивать объявления в деревне, а вернулся я почти к полудню.

Верити, забравшись на стремянку на газоне, развешивала китайские фонарики между киосками, которые сколачивали рабочие.

— Как дела с дневником?

— Никак, — с досадой буркнула Верити. — Обыскала каждую рюшечку в ее комнате — и ничего. — Она спустилась на землю. — А как с Теренсом?

Я покачал головой и окинул взглядом киоски.

— Где он? Не с Тосси, надеюсь?

— Нет. Миссис Меринг послала Теренса к Горингам за призами для рыболовного аттракциона, а Тосси — к Каттисборнам, позаимствовать ленту для шляпы. Ее не будет до вечера.

— Ленту?

Верити кивнула.

— Я внушила ей, что необходим совершенно определенный оттенок, между барвинковым и лиловым, с лавандовым подтоном. Ну и потом девочкам Каттисборнов не терпится посплетничать о тебе. Так что Теренс и Тосси до самого чая плотно заняты.

— Хорошо. А я пока обработаю профессора.

— И речи быть не может! — отрезала миссис Ме-

ринг, чуть не доведя меня до сердечного приступа леди-шрапнелловской интонацией. — Ярмарка уже завтра! Мне нужен хрустальный шар!

Я подхватил китайский фонарик, имитируя участие в работе, и осторожно посмотрел из-за киоска с вязаньем на недостроенный шатер гадалки.

Посыльный в цилиндре и фраке-визитке под мясницким фартуком вжимался спиной в повозку.

— «Фелпхем и Манкастер» весьма сожалеют о причиненном неудобстве, — лепетал он, — и готовы со всей ответственностью…

— Неудобство! — прогремела миссис Меринг. — Мы собираем деньги на фонд восстановления церкви!

Я вернулся к Верити.

— Хрустальный шар не привезли.

— Отчего же он им не предсказал? — улыбнулась она. — Если хочешь поймать профессора, лучше поторопись. Они с полковником собирались на рыбалку.

— Шар должен быть здесь к четырем часам сегодняшнего дня! — бушевала миссис Меринг.

— Но, миссис Меринг…

— И ни секундой позже!

— Ты не знаешь, где профессор? — спросил я у Верити.

— В библиотеке, кажется. — Она взяла очередной фонарик и полезла на стремянку, подобрав подол. — Что-то искал о битве при Баннокберне. Да, пока ты не ушел… — Она спустилась на ступеньку ниже. — Думаю, ты прав насчет Финча. Он не из тех, кто утопит кошку. — Она потерла лоб. — Мне после переброски иногда такое в голову взбредет…

— Знакомо, — кивнул я.

— Но я все равно ума не приложу, зачем его сюда прислали, — призналась Верити. — А ты?

Я покачал головой.

— Я в любом случае собираюсь проверить, как там успехи у криминалистки, — сообщила Верити. — Заодно посмотрю, не удастся ли что-то разузнать про Финча. Мистер Дануорти, конечно, будет отмалчиваться, но, может, из Уордер получится что-нибудь вытянуть.

Я кивнул и пошел искать профессора — окольными путями, чтобы миссис Меринг не перехватила меня снова.

В библиотеке профессора не оказалось, в гостиной тоже. Я заглянул на всякий случай на конюшню, а потом двинулся обратно к дому —

может, старика видела Джейн?

На полпути я заметил Финча, которого с черного хода провожала горничная. Он ей что-то сказал на прощание, она хихикнула и с улыбкой помахала ему вслед передником.

— Джейн, что здесь делал Финч? — спросил я, подходя.

— Принес каменное печенье для ярмарки. — Она мечтательно посмотрела ему в спину. — Эх, был бы он у нас дворецким заместо мистера Бейна. Мистер Бейн вечно гундит, что читать, мол, мне надобно и расти над собой, не век же мне в горничных прозябать, а мистер Финч такой душка, никогда нотаций не читает, только разговаривает.

— И о чем вы с ним говорили? — как можно непринужденнее спросил я.

— Да о том о сем. О ярмарке, еще спрашивал, буду ли я покупать билетики на торт, ну и про Принцессу Арджуманд, как она пропала. Насчет Принцессы особенно любопытствовал.

— Принцессы? — встрепенулся я. — И что сказал?

— Да ничего такого — только как ей свезло, что не утонула, а еще спрашивал, не было ли у нее когда котят. Мисс Стиггинс так ее нахваливала,

ей бы котеночка. И еще неотлучно ли она с мисс Меринг или когда сама по себе гуляет, вот и все.

— И посмотреть на нее просил?

— Просил, — подтвердила Джейн. — Но я ее не сыскала. Я ему намекнула, что, видать, у пруда она, охотится на хозяйскую рыбу. — Джейн вдруг опомнилась и осознала, с кем разговаривает. — Ой, сорр, я ведь ничего худого не сделала, что с ним поболтала? Мы не просто так языками мололи, мы работали.

— Нет, конечно, ничего. Я лишь хотел узнать, вдруг он принес на ярмарку витрину для безделушек.

— Нет, сорр. Только каменное печенье.

— Понятно.

Я направился к пруду — сперва шагом, а потом, когда вышел из поля зрения Джейн, рысцой. Значит, Верити правильно догадалась. Финч охотится за Принцессой Арджуманд.

Я пересек лужайку, где миссис Меринг по-прежнему распекала посыльного, потом пробежал мимо киосков, между которыми Верити вешала фонарики. Стремянка еще стояла, но Верити уже не было — неужели перебросилась в Оксфорд?

Проскочив заросли сирени, скрывающие беседку, я вылетел на бечевник. Никаких следов

Принцессы — впрочем, признаков зашвыривания в реку тоже никаких. Я снова вспомнил о считаных минутах, которые могут решить все.

— Принцесса Арджуманд! — позвал я, устремляясь по ведущей через цветник дорожке к рокарию.

Посреди рокария располагался обложенный кирпичом пруд, весь заросший кувшинками. Рядом с прудом сидел Сирил, а на бортике, изящно макая лапу в воду, примостилась Принцесса Арджуманд.

— Прекрати! — велел я.

Сирил вскочил с виноватым видом. Принцесса, не поведя и ухом, продолжила загребать воду лапой, словно сетью.

— Значит, так, вы оба! — заявил я. — Вы под арестом. Марш за мной.

Подхватив Принцессу, я двинулся к дому, и Сирил, понурившись, потрусил за мной.

— Как тебе не стыдно! — выговаривал я ему. — Она тебя сманивает на скользкую дорожку, а ты и рад стараться. Вот застукает вас Бейн, что тогда?

У беседки возникло знакомое мерцание перебросочной сети. Я оглянулся в тревоге, надеясь, что посторонних глаз поблизости нет. Сеть засияла, и Сирил, отпрянув, попятился с рычанием.

Рядом с беседкой возникла озирающаяся Верити.

— Нед! Ты меня встречаешь? Как мило!

— Что удалось выяснить? — спросил я.

— Ты и Сирила привел? — Она погладила бульдога по голове. — И дусечку-пусечку Жужу. — Верити забрала у меня кошку и принялась баюкать, а потом дразнить, шевеля пальцами перед носом. — И как мы только выносим, когда наша мамусечка заводит с нами такие сюси-пуси? Будем за это ее шлеп-шлепать лапусечкой.

— Верити, с тобой все хорошо?

— Лучше некуда. — Она продолжила заигрывать с радостно откликающейся кошкой. — А где Теренс? Нужно сказать ему, чтобы расстался с Тосси, потому что на кону судьба свободного мира. А еще, — Верити понизила голос до театрального шепота, — она жульничает в крокете.

— Это которая у тебя переброска по счету? — спросил я сурово.

Верити наморщила лоб.

— Шестнадцатая. Нет, восьмая. Двенадцатая. — Она посмотрела на меня пристально. — Так нечестно, знаешь ли.

— Что нечестно? — поинтересовался я настороженно.

— Канотье твое. Ты в нем в точности как лорд

Питер Уимзи, особенно когда сдвигаешь на лоб, как сейчас.

Она зашагала к лужайке. Я забрал Принцессу, опустил на землю и перехватил Верити за руку.

— Мне нужно найти Тосси. Сказать ей пару ласковых.

— Не самая лучшая мысль. Давай присядем на минутку. В беседке.

Верити покорно потянулась за мной.

— Еще когда я тебя первый раз увидела, сразу подумала: надо же, вылитый лорд Питер Уимзи. Ты был в этом самом канотье… хотя нет, это ведь не первый раз. — В голосе появился упрек. — Первый раз был в кабинете у мистера Дануорти, когда ты явился весь в саже. И все равно неотразимый, хоть и таращил глаза. — Она посмотрела на меня вприщур. — Усы тогда уже имелись?

— Нет. — Я помог ей подняться в беседку. — Так, а теперь рассказывай подробно, что произошло в Оксфорде. Откуда двенадцать переброс?

— Семь. Ти-Джей хотел проверить сдвиги в мае и августе 1888 года. Ищет смежные области их радикального увеличения, — объяснила Верити куда более связно. Наверное, переброс очная эйфория быстро улетучивается. — Он сказал, что наш диссонанс не укладывается в шаблоны, —

продолжала тем временем Верити. — Вокруг основного очага должна появляться область умеренно возросших сдвигов. Знаешь, почему Наполеон проиграл Ватерлоо? Потому что лило. Как из ведра.

М-да, видимо, не очень быстро.

— И зачем Ти-Джею понадобилось тебя одну гонять? Не мог послать Каррадерса?

— Его до сих пор не вытащили.

— Постой, это ведь новичок в прошлом застрял?

Верити энергично замотала головой.

— Каррадерс.

Поди теперь пойми, запуталась она или меня запутывает. И вообще не факт, что мы говорим об одном и том же. Трудности со слухом, рябь в глазах, наверняка без умолку грохочущие в ушах зенитки… Не исключено, что в ее представлении беседа складывается совсем по-другому.

— Верити, пойдем-ка мы…

Куда? Ей сейчас необходимо поспать, но через минное поле между беседкой и домом я ее никак не проведу. Нам наверняка попадется преподобный мистер Арбитидж, командующий прислугой, и миссис Меринг, командующая мистером Арбитиджем, и Тосси, которая вернулась

от Каттисборнов пораньше и ищет новых простофиль в соперники по крокету.

На конюшню? Нет, для этого все равно придется пересекать кусок лужайки. Может, лучше остаться здесь, в беседке, и уговорить Верити прилечь на скамье?

— Что же плохого в высшем замысле, скажите на милость? — донесся от пруда голос профессора Преддика. — Где уж там Оверфорсу его постичь! У него только один замысел: обучить свою псину сигать с деревьев на невинных прохожих.

— Пойдем, Верити. — Я потянул ее за руку со скамьи. — Здесь нельзя оставаться.

— А куда мы идем? Не на барахолку, часом? Ненавижу барахолки. Кисточки, ракушки, вышивка, вязаные салфеточки, ажурная ковка и бисер, который пихают во все щели. Что у них с чувством меры?

— Мы не распознаем замысла, поскольку являемся его составной частью. — Голос Преддика раздался ближе. — Видит ли нить на ткацком станке общий узор материи? Понимает ли солдат стратегию битвы?

Ухватив Верити за руку, словно ребенка, я поспешно выволок ее из беседки в сиреневые заросли.

— Пойдем. Нужно уходить. Вот сюда.

Я повел ее по тропинке к реке. Сирил и Принцесса Арджуманд увязались с нами, причем Принцесса вертелась под ногами, мешая идти.

— Сирил, — шепнул я, — поищи Теренса.

— Хорошая мысль, — оживилась Верити. — Теренсу мне тоже есть что сказать. «Теренс, как ты можешь любить ту, которая издевается над твоей собакой?»

Мы дошли до бечевника.

— Тс-с-с, — прошептал я, прислушиваясь к рассуждениям профессора.

— Отголоски высшего замысла мелькают в искусстве, в истории. — Теперь его голос удалялся. — Но лишь на миг. «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!»

Голос растворился вдали. Видимо, они уже у самого дома.

— А вот Мод Преддик наверняка любит собак, — продолжала Верити. — Какая чудесная девушка! И дневник не ведет, и патриотка…

У причала никого не было. Я увлек Верити туда.

— В честь нее стихи пишут! «Выйди в сад поскорее, Мод…» Теннисон. Теренс ведь любит Теннисона. И переживает Мод, наверное, по-на-

стоящему, без жеманных охов-ахов. Ой, мы что, на лодке поедем?

— Да. — Я помог ей перебраться. — Садись.

Она застыла на корме, слегка пошатываясь и мечтательно глядя на реку.

— Лорд Питер тоже возил Гарриет кататься. Они кормили уток. Мы будем кормить уток?

— Обязательно, — кивнул я, отвязывая веревку. — Садись.

— Ой, смотри! — Верити показала на берег. — Они тоже хотят. Ну не лапочки?

Я, вздрогнув, поднял голову. Сирил и Принцесса Арджуманд стояли рядышком на причале.

— Можно Сирилу с нами? — попросила Верити.

При мысли о том, что придется в случае чего вылавливать сразу двух плавающих как топор, я поежился. С другой стороны, если прихватить их с собой, для полковничьего черного телескопа так явно будет безопаснее. Да и для Принцессы тоже, если Финч явится ее топить.

— Можно, — ответил я и затащил Сирила в лодку — сперва передние лапы, затем задние. Принцесса Арджуманд тут же развернулась и, распушив свой великолепный хвост, направилась к пруду.

— Даже не вздумай! — Я подхватил кошку, передал Верити, которая все никак не садилась, и отвязал наконец веревку. — Садись, — пригласил я в третий раз, отталкивая лодку от берега.

Верити резко села, не выпуская кошку из рук. Я прыгнул на борт, взял весла и начал выгребать на стремнину.

По течению мы, конечно, уберемся отсюда быстрее, но тогда придется проплывать мимо дома и лужайки, а я не хотел никому показываться на глаза. Поэтому я развернул лодку против течения и, что было сил налегая на весла, погреб прочь от Мачингс-Энда. Катающихся в этот час оказалось немало. С одной из лодок нам радостно помахали, и Верити помахала в ответ. Я еще приналег на весла, надеясь, что это не кто-нибудь из каттисборновских барышень.

Я-то думал, на реке будет спокойнее, но не учел, сколько народу выбралось покататься и порыбачить. Спокойствия ждать не приходилось, и я начал подыскивать какую-нибудь тихую протоку или уединенную заводь.

— Ты обещал, что мы будем кормить уток, — укорила меня Верити. — Лорд Питер с Гарриет кормили.

— Обязательно покормим, — подтвердил я и

повел лодку на противоположный берег, где плакучие ивы свесили ветви почти до самой воды.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда? Я вот не верила. А потом увидела тебя, всего в саже… Когда мы будем кормить уток?

Я подгреб под завесу из ветвей и подтянул лодку веслом к самому берегу. Все, теперь с реки нас совсем не видно. Ива отгораживала нас бледно-зеленым шатром, и солнце мерцало в листве, словно сеть перед открытием.

Сложив весла, я осторожно пришвартовался к длинной ветке. Здесь нас никто не потревожит.

— Верити, — без особой надежды спросил я, — что ты выяснила в Оксфорде?

Она дразнила Принцессу Арджуманд ленточками на шляпе.

— Ты поговорила с криминалисткой? — допытывался я. — Расшифровала она, кто такой мистер К?

— Да.

— Да? Ты знаешь, кто мистер К?

Верити нахмурилась.

— Нет. То есть да, я с ней поговорила. — Она сняла шляпу и принялась отвязывать ленту. — У нее получается от семи до десяти букв, и последняя — либо «Н», либо «М».

Значит, не Дэвид Копперфильд. И не Льюис Кэрролл.

— Я попросила ее оставить пока поиски упоминаний о Принцессе Арджуманд и бросить все силы на мистера К и дату поездки в Ковентри.

Верити отцепила ленту и поболтала ею перед носом у Принцессы.

— Хорошо, — одобрил я. — Говоришь, Каррадерс застрял в Ковентри. Ты точно его имела в виду, а не новичка?

— Точно. — Кошка охотилась за лентой, присев на задние лапы. — Его вытащили. И потом… это другое.

Верити подергала ленту вверх-вниз. Сирил, заинтересовавшись, подобрался поближе.

— В каком смысле «другое»? — терпеливо допытывался я.

Сирил засопел. Кошка самодовольно шлепнула его по носу и продолжила ловить вертящийся хвостик ленты.

— Новичок просто не мог найти сеть. Она была открыта. А теперь нет.

— То есть, когда Каррадерса стали вытаскивать, сеть не открылась? — переспросил я.

Верити кивнула.

Проблемы с сетью — признак усугубления дис-

сонанса. Так говорил Ти-Джей.

— Они пытались потом еще раз?

— Они все перепробовали, — подтвердила Верити, резко отдергивая ленту. Кошка прыгнула за ней, и лодка закачалась. — Ти-Джей вон даже битвой при Ватерлоо занялся.

Про Ватерлоо я от Верити уже слышал, но решил тогда, что она заговаривается из-за переброcочной эйфории.

— И что именно делает Ти-Джей?

— Вносит изменения. — Принцесса не сводила глаз с ленты, готовясь в любую секунду ухватить добычу. — То ворота в замке Угумон откроет, то отряды д'Эрлона в качестве подкрепления подведет… Ты знал, что у Наполеона был жуткий почерк? Его записи еще хуже, чем дневник Тосси, никто расшифровать не может. — Верити резко взмахнула лентой, Принцесса прыгнула, качнув лодку. — Я думаю, он проиграл сражение из-за геморроя.

Какие бы махинации Ти-Джей ни проводил при Ватерлоо, они подождут. Время идет, а Верити лучше не становится. Везти ее назад в таком состоянии нельзя никак, но единственное приходящее на ум лекарство — сон.

— Из-за геморроя он не мог сидеть в седле, —

пояснила Верити. — Поэтому всю ночь провел во Флерюсе. И поэтому проиграл сражение.

— Да, возможно, ты права, — кивнул я. — А сейчас, полагаю, тебе лучше прилечь и отдохнуть.

Она поболтала лентой.

— Просто кошмар, какие последствия тянет за собой всякая ерунда — вроде спасения Принцессы Арджуманд. Кто бы мог подумать, что от этого будет зависеть победа в войне…

— Верити, — сказал я твердо, забирая у нее ленту. — Сейчас же ложись и отдыхай.

— Не могу. Нужно выкрасть Тоссин дневник и выяснить, кто такой мистер К, а потом доложить мистеру Дануорти. Устранить диссонанс.

— У нас уйма времени. Спи пока. — Я вытащил из отсека в носу слегка подплесневевшую подушку и уложил на банку. — Вот прямо здесь и располагайся.

— Лорд Питер тоже задремал. А Гарриет смотрела на него спящего и как раз тогда поняла, что любит его. Я-то, конечно, догадалась еще на второй странице «Смертельного яда», а вот Гарриет разобралась только две книги спустя. Она все убеждала себя, что это лишь сотрудничество — расследования, расшифровка, разгадка тайн, а я видела: это любовь. Он сделал ей предложе-

ние на латыни. Под мостом. Когда они раскрыли дело. Пока дело не раскрыто, руку и сердце предлагать нельзя, — таков закон детективного жанра. — Верити вздохнула, приподнимаясь с подушки. — Все не как у людей. Он ее спросил: «Placetne, magistra?», а она ответила: «Placet»[39]. Это такой ритуал у оксфордских профессоров на церемонии присвоения степени. Пришлось в словаре смотреть. Терпеть не могу, когда кто-то цитирует на латыни без пояснений. Знаешь, что мне вчера профессор Преддик сказал? «Raram facit misturam cum sapienta forma»[40]. И вот сиди ломай голову, что это значит. Что-то насчет высшего замысла, не иначе. Ты веришь в высший замысел, Нед?

— Потом обсудим. — Я похлопал по подушке. — А сейчас приляг.

Она улеглась.

— А вообще предложение на латыни — это романтично. Наверное, все дело было в шляпе. Гарриет сидела, смотрела, как он спит, такой милый в своем канотье… И еще усы. Слегка перекошенные, ты знал?

---

[39] Примечания: 39
«Согласны, магистр?» — «Согласна» (*лат.*).

[40] Примечания: 40
Красота редко сочетается с мудростью (*лат.*).

— Да. — Я снял блейзер и укрыл ее. — Ну все, отдыхай.

— А ты будешь смотреть, как я сплю?

— Буду.

— Хорошо. — Верити закрыла глаза.

Прошло несколько минут.

— Сними, пожалуйста, шляпу, — попросила она сонно.

— Извольте, — улыбнулся я, выполняя просьбу.

Верити, поджав ноги, уложила ладони под щеку и закрыла глаза.

— Нет, не помогло, — пробормотала она.

Сирил устроился на дне лодки, а Принцесса примостилась у меня на плече, словно попугай, и замурлыкала.

Я посмотрел на Верити. Только теперь, глядя на синеву под глазами, я осознал, что за последние двое суток ей удалось поспать не больше моего, то и дело мотаясь на переброски, разрабатывая стратегии, да и в Оксфорд она ведь не на пять минут заглядывает — то Теренсовых потомков разыщи, то с криминалисткой поговори… Бедная.

Сирил с Принцессой дружно сопели. Я подался вперед и подпер щеку рукой.

Я смотрел на спящую Верити, и меня охватывало такое же блаженство, как если бы я отдыхал

сам. Лодка мягко покачивалась, солнце играло в листве; Верити спала мирно, безмятежно, лицо ее во сне было спокойно и светло.

Пора уже признать очевидное. Отосплюсь я или нет, она навсегда останется для меня той же наядой. Даже сейчас, когда зеленовато-карих глаз не видно, а из приоткрытого рта тянется на подплесневевшую подушку ниточка слюны, она по-прежнему остается самым прекрасным созданием на свете.

— «Лицом, как ангел, хороша», — пробормотал я. Нет, Теренс не прав, вполне исчерпывающее описание.

В какой-то момент меня все-таки сморил сон, и голова, похоже, начала клониться набок. А потом локоть соскользнул с колена, и я, вздрогнув, проснулся.

Принцесса Арджуманд замяукала, недовольная тем, что ее потревожили, и соскочила с моего плеча. Верити с Сирилом по-прежнему спали. Принцесса широко зевнула, потянулась и, прошествовав к борту, посмотрела на воду, а потом грациозно макнула туда лапу в белой «перчатке». Солнечные блики в листве плясали ниже и успели налиться золотом. Я вытащил карманные часы — половина IV. Пора, наверное, возвращаться,

пока нас не хватились. Если уже не хватились.

Будить Верити было ужасно жаль. Она выглядела во сне такой умиротворенной, а на губах играла легкая улыбка, будто ей снилось что-то приятное.

— Верити, — позвал я тихонько и наклонился тронуть ее за плечо.

Рядом послышался плеск. Я отпрянул.

— Принцесса!

Сирил вскочил с ошарашенным видом.

Кошки простыл и след. Я перегнулся через борт, засучивая рукава.

— Принцесса! — Я лихорадочно шарил в воде у лодки. — Не смей тонуть! Слышишь? Мы целой Вселенной рискнули, спасая тебя!

Кошка вынырнула, будто поплавок, и заскользила к лодке. Я ухватил ее за шкирку и втащил на борт, прилизанную после купания, словно крыса, бежавшая с корабля. Сирил подобрался ближе — заинтересованный и, кажется, довольный.

Я попытался вытереть кошку носовым платком, но его явно не хватало. Тогда я поискал взглядом на носу какое-нибудь одеяло или плед — ничего. Придется жертвовать блейзером.

Осторожно сняв его с плеч Верити, я завернул Принцессу Арджуманд.

— Рыба тебя погубит когда-нибудь, ты в курсе? — отчитывал я кошку, растирая с головы до хвоста. — Имей в виду, у вас только по девять жизней, и по крайней мере шесть ты потратила на моих глазах. — Я промокнул хвост. — Пора переключаться на менее вредные привычки — курение, например.

Принцесса Арджуманд начала выворачиваться.

— Нет, ты еще мокрая, — не согласился я и продолжил вытирать.

Она, в свою очередь, продолжила выпутываться, и минуту спустя я сдался. Растрепанное высочество прошествовало мимо Сирила на середину банки, уселось и принялось умываться.

Я разложил блейзер на носу для просушки и еще раз глянул на карманные часы. Без четверти IV. Хочешь не хочешь, а Верити нужно будить, хотя спит она как сурок, судя по тому, что вся эта суматоха и возня ее не подняла. Я защелкнул часы.

Верити открыла глаза.

— Нед… Я что, заснула?

— Да. Тебе лучше?

— Лучше? — переспросила она недоуменно. — Я… а что случилось? Я помню, как перебросилась

сюда и… — Глаза ее округлились. — Я совсем никакая была, да? Все эти прыжки в май и август… — Она приложила руку ко лбу. — Полный кошмар?

— Худшее из того, что я пока видел, — подтвердил я с улыбкой. — Ничего не помнишь?

— Не особенно. Все в тумане, а сквозь туман такой вой, будто сирена…

— Воздушной тревоги.

— Да, а еще какой-то храп с присвистом…

— Это Сирил.

— А где мы? — Верити окинула взглядом шатер из ивовых ветвей и воду.

— Примерно в полумиле вверх по течению от Мачингс-Энда. Тебя нельзя было ни к кому подпускать, пока не поспишь. Так что, тебе лучше?

— М-м-м… — Она потянулась. — А почему Принцесса вся мокрая?

— Свалилась во время рыбалки.

— А-а-а, — зевнула Верити.

— Тебе точно лучше?

— Да. Гораздо.

— Хорошо. — Я отвязал веревку. — Тогда возвращаемся. Скоро уже чай.

Взяв весла, я вывел лодку из-под ивы и выгреб на середину.

— Спасибо. Наверное, я полную околесицу несла. Ничего неприличного не ляпнула?

— Только что Наполеон проиграл Ватерлоо из-за геморроя, — ответил я, работая веслами. — Но я бы не советовал делиться этой гипотезой с профессором Преддиком и полковником.

Верити рассмеялась.

— Неудивительно, что тебе пришлось меня умыкнуть. Я рассказала, что Ти-Джей делает с Ватерлоо?

— Не очень внятно, — признал я.

— Моделирует диссонансы в сражении. Ватерлоо как историческое событие давно разобрали по косточкам и исследовали под микроскопом. В двадцатые была создана подробная компьютерная модель. — Верити подалась вперед. — И вот в этой модели Ти-Джей меняет то один, то другой фактор, влияющий на ход событий. Например, что, если бы Наполеон послал маршалу Нею удобочитаемый приказ? А если бы ранили д'Эрлона?

— Или Наполеона не мучил бы геморрой…

Верити покачала головой:

— Нет, только то, на что под силу повлиять путешественнику во времени. Приказы подменить или выстрелить из мушкета. А потом Ти-Джей

сравнивает конфигурацию сдвигов с нашей.

— И?

— Он только начал, — объяснила Верити. — И пока это лишь теория.

То есть подробностей можно не ждать.

— А еще ты хотела выяснить у Уордер, какой вышел сдвиг на той твоей переброске, — напомнил я.

— Да, я спросила. Девять минут.

Девять минут.

— А майские и августовские?

— По-разному. В среднем минут шестнадцать. Вполне соотносится с предыдущими перебросками в викторианскую эпоху.

Впереди показался Мачингс-Энд. Я вытащил часы.

— К чаю успеваем, так что вопросов возникнуть не должно. Но если все же возникнут, мы плавали в Стритли расклеить объявления о ярмарке.

Я натянул еще сырой блейзер, Верити поправила прическу и надела шляпку.

Шестнадцать минут. А на той переброске, когда она спасала Принцессу, — девять. То есть даже при средней величине сдвига Верити имела все шансы не увидеть, как топят кошку, и упустить возможность устроить диссонанс. Девять

минут — совсем небольшой сдвиг. Что стоило сети увеличить его до средних параметров? Или захлопнуться, не допустив диссонанса вовсе? И почему она захлопнулась в Ковентри, не выпуская Каррадерса?

До причала оставалось несколько сотен метров.

— Если повезет, никто и вовсе не узнает, что мы были на реке, — начал я, подгребая к берегу.

— Везение, похоже, кончилось, — вздохнула Верити.

Я повернулся. По берегу, маша нам, бежали Тосси с Теренсом.

— О, кузина, вы нипочем не догадаетесь, какие у нас новости! — воскликнула Тосси. — Мы с мистером Сент-Трейвисом помолвлены!

Глава шестнадцатая

Правил никаких нет, а если и есть — они не соблюдаются. Просто невероятно, до чего трудно вести игру, когда все вокруг живое.

«Алиса в Стране чудес»

Вероятность дождя — Еще лебедь — Что покупают на барахолках — Номера три, семь, тринадцать, четырнадцать и двадцать восемь — Мне предсказывают будущее — Впечатление бывает обманчивым — Я отправляюсь на Ту Сторону — Сражение при Ватерлоо — О важности чистописания — Судьбоносный день — Число пятнадцать — План — Непредвиденный визит

— Ты не виноват, — доказывала Верити на следующее утро. Мы раскладывали товар на барахольном прилавке, впервые улучив минуту для разговора после того «ошеломляющего», по версии миссис Меринг, известия. — Это все из-за меня. — Верити выставила фарфоровый

голландский башмак с нарисованной на нем бело-голубой мельницей. — Не надо было соглашаться на столько переброс.

— Ты трудилась для пользы дела, искала зацепки, — возразил я, разворачивая яйцеварку. — Это я оставил Тосси с Теренсом без присмотра. И подал идею. Ты же его слышала вчера. Он подождал бы с предложением, не напугай я его своими «время быстротечно» и «упущенного не вернешь».

— Ты действовал по моей указке, — вздохнула она, раскрывая японский веер. — «Поворачивай „Титаник“, Нед, ничего не случится, мы обойдем айсберг»…

— Все еще возитесь? — раздался над ухом голос миссис Меринг, и мы дружно вздрогнули. — Пора бы уже открывать.

— Сейчас закончим, — пообещала Верити, выставляя супницу в форме салатного кочана.

Миссис Меринг озабоченно посмотрела на затянутое тучами небо.

— Ах, мистер Генри, дождя ведь не будет, верно?

Разумеется, будет. Удача от нас отвернулась.

— Нет, — ответил я, разворачивая гравюру с Паоло и Франческой — еще одни страдальцы.

— И то хорошо, — сказала миссис Меринг, об-

махивая от пыли бюст принца Альберта. — О, а вот и мистер Сент-Трейвис. Я должна поговорить с ним о катании на пони.

Я с интересом посмотрел вслед хозяйке, нацелившейся на Теренса. На ней было синее праздничное платье со всеми полагающимися викторианскому наряду буфами, рюшами, розетками и кружевными вставками, однако поверх него она набросила летящую мантию в красно-желто-фиолетовую полоску, а лоб ее перехватывала широкая бархатная лента с большим страусиным пером.

— Она сегодня гадалка, — объяснила Верити, выкладывая швейные ножницы в форме цапли. — И когда она будет мне гадать, я намерена спросить, где епископский пенек.

— Вполне может быть где-то здесь. — Я поискал, куда приткнуть банджо вдовы Уоллис. — Среди этого барахла ему самое место.

Верити посмотрела на пеструю мешанину вещей на прилавке.

— Да, барахолка в чистом виде, — протянула она, добавляя в общую кучу чашку для усачей[41].

---

[41] Примечания: 41

Чашка с горизонтальной перегородкой у верхнего края с отверстием для питья. Усы при питье закрывались перегородкой и оставались сухими.

Я окинул кучу-малу критическим взглядом.

— Чего-то все же не хватает. — Утащив с прилавка Тосси перочистку, я воткнул ее между пресс-папье и набором оловянных солдатиков. — Вот! Теперь все в порядке.

— Если не считать помолвки Теренса с Тосси, — возразила Верити. — И как только я могла поверить, что она действительно пробудет у Каттисборнов до вечера?

— Вопрос не в том, по чьему недосмотру состоялась помолвка, а в том, как теперь быть.

— И как теперь быть? — переставляя фигурки Арлекина и Коломбины, вздохнула Верити.

— Может, Теренс выспится, одумается и поймет, что совершил ужасную ошибку? — предположил я.

Верити покачала головой:

— Это нас не спасет. Помолвка в викторианскую эпоху уже почти что свадьба. Разрыв помолвки грозит джентльмену жутким скандалом. Так что Теренсу не выпутаться, если только Тосси сама не освободит его от обязательств.

— То есть встретит мистера К, — протянул я. — А значит, нам нужно как можно скорее выяснить, кто он.

— Для этого кому-то нужно явиться к мистеру

Дануорти и узнать, расшифровала ли криминалистка фамилию.

— Не «кому-то», а мне, — заявил я твердо.

— А если наткнешься на леди Шрапнелл?

— Рискну, что ж поделать. А ты сиди здесь.

— Да, наверное, так лучше. — Верити потерла лоб. — Я кое-что припомнила из вчерашней околесицы, которую несла в лодке. — Она склонила голову. — Имей в виду, весь этот бред про лорда Питера Уимзи и канотье я плела исключительно из-за переброcочной эйфории и гормонального сбоя, а вовсе не потому…

— Разумеется. Я ведь тоже на «трезвую» голову не представляю тебя наядой, которая тащит меня в пучину, чтобы задушить в мокрых объятиях. И потом, — ухмыльнулся я, — меня уже обручили с Циннией Каттисборн.

— Тогда самое время выбрать ей подарок на помолвку. — Верити протянула мне отделанную золотым галуном стеклянную штуковину с мелкими дырочками, всю в розовых стеклянных левкоях.

— Что это?

— Понятия не имею. Что-то приобрести в любом случае придется. Миссис Меринг тебе не простит, если ничего не купишь.

Она взяла с прилавка плетеную корзинку в форме лебедя.

— Или вот, например.

— Нет, спасибо. У нас с Сирилом зуб на лебедей.

Верити выставила жестяную коробочку из-под засахаренных фиалок.

— Вот эту точно никто не возьмет.

— Ошибаешься, — возразил я, разворачивая покоробившуюся от воды «Старомодную девушку» Олкотт и подпирая ее с обеих сторон мраморными подставками для книг в виде Энея и Дидоны — еще одной парочки, которую постигла незавидная судьба. Есть ли в истории хоть одни влюбленные, которые благополучно поженились, родили детей и жили долго и счастливо? — На благотворительных барахолках метут все подряд. На ярмарке в пользу эвакуированных детей одна женщина купила ветку, случайно упавшую с дерева на стол.

— Не оглядывайся, — заговорщицки шепнула Верити, — сюда идет твоя невеста.

Я обернулся и увидел выросшую за спиной Циннию Каттисборн.

— О, мистер Генри, — хихикнула она. — Помогите мне, пожалуйста, устроить прилавок с

рукоделием.

Она потащила меня раскладывать накидочки и вязанные крючком футляры для носовых платков.

— Вот эти я связала. — Цинния продемонстрировала мне пару тапочек, украшенных помпонами-цинниями. — На языке цветов означает: «Вспоминаю о тебе».

— Понятно, — ответил я и купил закладку с вышитым изречением: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Матфея 6:19».

— Нет-нет-нет, мистер Генри! — воскликнула миссис Меринг, пикируя на меня и вышитые крестиком кухонные полотенца, будто пестрая хищная птица. — Вам не здесь нужно быть. Вы мне требуетесь вон там.

Она повела меня прочь от киоска с рукоделием — мимо рыболовного аттракциона, кокосового тира и чайного шатра — на дальний конец лужайки, где обнаружилась огороженная деревянными рейками песчаная площадка. Бейн расчерчивал ее лопаткой на футовые квадраты.

— Это у нас «Поиски клада», мистер Генри, — объяснила миссис Меринг, вручая мне стопку картонных карточек. — Для нумерации ячеек.

Шиллинги у вас найдутся, мистер Генри?

Я достал кошелек и высыпал наличность на ладонь.

Миссис Меринг выгребла все монеты.

— Три шиллинга на мелкие призы, — она вручила мне три серебряных кругляша, — а остальное сгодится на сдачу для киоска с шерстью.

Единственную золотую монету она мне тоже вернула.

— А это вам на бесценные сокровища барахольного прилавка.

Кто-то еще сомневался в ее родстве с миссис Шрапнелл?

— Сами выбирайте, в какие ячейки зарывать шиллинги и главный приз. Только смотрите, чтобы никто не увидел, — наставляла меня миссис Меринг. — Ни в коем случае не по углам и на не счастливые числа — тройку, семерку и тринадцать, их всегда выбирают в первую очередь, а если клад раскопают сразу, мы не заработаем денег на церковь. Номера до двенадцати тоже не стоит — дети имеют привычку выбирать ячейку со своим возрастом. И четырнадцать. Сегодня четырнадцатое июня, на дату всегда ставят. И смотрите, чтобы не копали по две ячейки за одну попытку. Бейн, где главный приз?

— Здесь, мэм. — Бейн протянул ей сверток в коричневой оберточной бумаге.

— Два пенса за ячейку и пять пенсов за три, — назначила цену миссис Меринг, разворачивая сверток. — А вот и наш главный приз!

Она выдала мне тарелку с изображением иффлийской мельницы и подписью «На добрую память о Темзе». Точь-в-точь как та, что мне втюхивали в Абингдоне.

— Бейн, где лопатка? — спросила миссис Меринг.

— Вот, мэм. — Он вручил мне лопатку и грабли. — Чтобы разравнивать, когда закопаете клад.

— Бейн, сколько времени? — не отставала миссис Меринг.

— Без пяти десять, мэм.

Хозяйка едва не рухнула в обморок.

— У нас ничего не готово!.. Бейн, ступайте объясните профессору Преддику насчет рыболовного аттракциона и принесите мой хрустальный шар. Мистер Генри, не мешкайте, зарывайте клад.

Я двинулся к площадке.

— Двадцать восемь тоже не берите. Этот номер выиграл в прошлом году. И шестнадцать. Это день рождения королевы.

Она прошествовала дальше, а я приступил

к своему ответственному делу. Бейн разметил всего тридцать ячеек. Исключаем шестнадцать, двадцать восемь, три, семь, тринадцать, четырнадцать и первую дюжину, а еще углы — остается всего ничего.

Я честно окинул орлиным взором окрестности, на случай если в кустах притаился охотник за сувенирами с Темзы, и закопал три монеты по шиллингу в двадцать девятой, двадцать третьей и двадцать шестой. Нет, это угловая. Значит, в двадцать первую. А потом застыл, прикидывая, какая из оставшихся выглядит наименее вероятной и успею ли я сгонять к мистеру Дануорти до начала ярмарки.

Мои раздумья прервал звон колокола в соседней церкви. Миссис Меринг громко ахнула, и ярмарку официально объявили открытой. Я поспешно зарыл главный приз в восемнадцатую и стал разравнивать граблями песок.

— Седьмую! — раздался за спиной детский голос.

Я обернулся. Там стояла Камелия Каттисборн в розовом платье с пышным бантом. В руках у нее зеленела супница в форме салатного кочана.

— Еще закрыто, — заявил я, разравнивая соседние ячейки и раскладывая картонные карточки

с номерами.

— Я хочу седьмую! — Камелия сунула мне пятипенсовик. — У меня три попытки. Первой будет номер семь. Это мое счастливое число.

Я вручил ей лопатку, Камелия поставила супницу и несколько минут увлеченно рыла песок.

— Может, попробуешь другую? — предложил я.

— Я пока не закончила, — отказалась Камелия и еще немного потыкала лопаткой.

Потом она выпрямилась и окинула взглядом ячейки.

— По углам никогда не бывает, — протянула она задумчиво, — и четырнадцать тоже не пойдет. Потому что сегодняшнее число, а в датах всегда пусто. Двенадцать, — наконец решила она. — Столько мне исполнится в день рождения.

Камелия вскопала ячейку.

— Вы точно что-то клали? — усомнилась она.

— Да. Три шиллинга и главный приз.

— А вдруг вы их прикарманили и нарочно всем говорите, что они там, а их там нет?

— Нет, я так не делал. Какой номер выбираешь третьим?

— Я пока не буду. — Она вернула мне лопатку. — Пойду подумаю.

— Как вам будет угодно, мисс.

Она протянула раскрытую ладонь.

— С вас двухпенсовик сдачи. За третью попытку.

Она, часом, не состоит в родстве с леди Шрапнелл? Может, вопреки очевидному мистером К все-таки окажется Эллиот Каттисборн?

— У меня нет сдачи, — вздохнул я.

Камелия упорхнула. Я заново разровнял песок и прислонился к дереву в ожидании клиентов.

Никто не шел. Наверное, все первым делом побежали к барахольному прилавку. Поначалу дело двигалось так вяло, что я спокойно мог бы улизнуть к сети, если бы не Камелия, крутившаяся рядом в раздумьях, на какую ячейку пустить последний двухпенсовик.

А еще надзиравшая за мной, как выяснилось, когда она в конце концов выбрала номер семнадцать и безрезультатно его вскопала.

— Сдается мне, вы перепрятываете призы, когда никто не видит, — заявила она, размахивая игрушечной лопаткой. — Поэтому я не спускала глаз с квадратиков.

— Если ты не спускала с них глаз, — резонно заметил я, — как я мог перепрятать клад?

— Не знаю, — буркнула Камелия. — Но другого объяснения нет. Семнадцатая никогда пустой

бывает.

Я понадеялся, что, потратив последнее, Камелия наконец уберется, но она осталась понаблюдать, как маленький мальчик вскапывает шестую (возраст), а его мама — четырнадцатую (сегодняшнее число).

— Сдается мне, вы так-таки ничего и не клали, — заключила Камелия, проводив взглядом рыдающего мальчика, которому не достался приз. — Только говорите, что клали.

— А ты не хочешь прокатиться на пони? — предложил я. — Мистер Сент-Трейвис вон там катает на пони.

— Это для малышей, — скривилась Камелия.

— А к гадалке ты уже ходила? — уцепился я за соломинку.

— Да. Мне выпала дальняя дорога.

«И поскорее бы», — взмолился я про себя.

— На прилавке с безделушками попадались прелестные перочистки, — пошел я на сделку с совестью.

— Мне не нужна перочистка. Я хочу главный приз.

Еще полчаса она следила за мной, словно коршун, а потом явился профессор Преддик.

— Точь-в-точь раннимедская равнина. — Он

обвел жестом всю лужайку с киосками и чайным шатром. — Военачальники, встав лагерем и развернув знамена, ожидают короля Джона со свитой.

— Кстати, о Раннимеде… — оживился я. — Не пора ли нам спуститься дальше по реке, а потом вернуться в Оксфорд к вашей сестре и племяннице? Они наверняка уже затосковали без вас.

— Да ну! — отмахнулся он. — Времени еще уйма. Они приехали на все лето, а полковнику завтра должны доставить серебристого тантё «красная шапочка».

— Мы с Теренсом можем отвезти вас завтра на поезде — просто проверить, как дома дела, — а потом вернетесь посмотреть на «красную шапочку».

— К чему хлопоты? Моди — расторопная девочка, у нее там наверняка полный порядок. И вряд ли Теренс захочет ехать, раз он теперь помолвлен с мисс Меринг. — Профессор покачал головой. — Не скажу, впрочем, что одобряю такие скоропалительные обручения. Как на ваш взгляд, мистер Генри?

— На мой взгляд, у кого-то тут ушки на макушке. — Я многозначительно посмотрел на Камелию, которая заложив руки за спину, с

серьезным видом сверлила глазами песчаную площадку.

— Она прелестна, спору нет, но в истории совершенно не разбирается, — продолжал профессор, не уловив намека. — Утверждает, что Нельсон потерял руку в бою с Непобедимой армадой.

— Вы будете копать? — обратилась к нему Камелия.

— Копать? — удивился профессор.

— Искать клад.

— Как профессор Шлиман раскапывал древнюю Трою, — понял профессор и подобрал лопатку. — Fuimus Troes; fuit Ilium[42].

— Сперва нужно заплатить двухпенсовик, — вмешалась Камелия. — И выбрать номер.

— Номер? — Профессор выудил из кармана два пенса. — Хорошо. Пятнадцать — в честь дня и года подписания Хартии вольностей. — Он пересыпал монеты мне в руку. — Пятнадцатое июня 1215 года.

— Это завтра, — напомнил я. — У нас есть великолепная возможность наведаться в Раннимед в годовщину подписания. Можно телеграфировать вашим родственницам, чтобы встретили нас там,

---

[42] Примечания: 42
Были мы троянцами, был Илион (*лат.*).

а мы с утра отправимся на лодке.

— Там туристы косяками ходят, — поморщился профессор. — Всю рыбу распугают.

— Пятнадцать — плохое число, — не одобрила Камелия. — Я бы выбрала девятку.

— Вот! — Профессор вручил ей орудие труда. — Вы за меня и покопаете.

— И тогда что найду останется мне?

— Поделим пополам, — решил профессор. — Fortuna belli semper anticipiti in loco est[43].

— А что мне будет за труды, если клада в пятнадцатой не окажется?

— Лимонад и пирожные в чайном шатре, — пообещал профессор.

— Пятнадцатая точно мимо, — заявила Камелия, но все же начала копать.

— Судьбоносный день, пятнадцатое июня, — протянул профессор, наблюдая за ней. — Пятнадцатого июня 1815 года Наполеон вступил в Бельгию. Если бы он двинулся дальше на Линьи, а не остановился у Флерюса, вбил бы клин между войсками Веллингтона и Блюхера и обеспечил себе победу при Ватерлоо. Пятнадцатое июня — день, изменивший историю навсегда.

---

[43] Примечания: 43

«Неверен битв исход, судьба колеблется» (*лат.*). — *Сенека*. Финикиянки. Пер. С. А. Ошерова.

— Я говорила, что в пятнадцатой пусто, — торжествующе провозгласила Камелия. — По-моему, в них во всех пусто. Когда мне дадут пирожные с лимонадом?

— Прошу вас! — Профессор взял ее под руку и повел к чайному шатру, а я наконец получил возможность сгонять к мистеру Дануорти.

Я двинулся к беседке, но не сделал и трех шагов, как меня перехватила миссис Каттисборн.

— Мистер Генри, вы не видели Камелию?

Я объяснил, что она в чайном шатре.

— Полагаю, вы уже слышали чудесную новость о помолвке мисс Меринг и мистера Сент-Трейвиса? — восторженно продолжала она.

Я подтвердил, что слышал.

— Я всегда считала июнь идеальным месяцем для помолвок, а вы, мистер Генри? Тем более когда вокруг столько прелестных девиц на выданье. Не удивлюсь, если и вы с кем-нибудь обручитесь.

Я повторил, что Камелия в чайном шатре.

— Благодарю! О, и если увидите мистера Финча, не сочтите за труд передать, что у нас в киоске с выпечкой заканчивается пастернаковое вино.

— Хорошо, миссис Каттисборн.

— Финч — изумительный дворецкий. Такой

заботливый. Вы знаете, он ходил за тминным кексом для прилавка с выпечкой в такую даль — аж в Стоустер. Все свободное время тратит на походы по округе, выискивая деликатесы для нашего стола. Вчера вот прогулялся на ферму к Билтонам за клубникой. Золото, а не человек! Лучшего дворецкого у нас еще не было. Теперь днем и ночью тревожусь, как бы его не увели.

Вполне закономерная тревога, с учетом обстоятельств. Интересно, что на самом деле понадобилось Финчу в Стоустере и на билтоновской ферме? И отвяжется ли от меня миссис Каттисборн?

Она отвязалась, но сперва явились хихикающие Цинния и Лилия и вручили мне по двухпенсовику за свои счастливые номера — три и тринадцать. Пока я их спровадил, прошло почти полчаса, вот-вот могла вернуться Камелия.

Я рванул лихим спринтом через подъездную дорогу к кругу для катания на пони и попросил Теренса несколько минут присмотреть за кладоискательской площадкой.

— А что нужно делать? — уточнил он подозрительно.

— Собирать двухпенсовики и выдавать лопатку, — объяснил я, умолчав про Камелию.

— Тогда справлюсь, — согласился Теренс, привязывая пони к дереву. — По сравнению с этим — просто синекура. Меня тут все утро пинают.

— Пони? — Я с опаской покосился на копыта.

— Дети.

Я вручил ему план площадки с кладом и инструмент.

— Через четверть часа вернусь.

— Можете не торопиться, отлучайтесь на сколько понадобится.

Поблагодарив Теренса, я ринулся к беседке. И почти добрался. У самых зарослей сирени меня перехватил священник.

— Как вам ярмарка, мистер Генри? — спросил он.

— Изумительно. Я…

— У гадалки уже были?

— Нет еще. Я…

— Тогда непременно сходите тотчас же! — Он ухватил меня за руку и потащил обратно к шатру. — Гадалка и барахольный прилавок — настоящие гвозди мероприятия.

Он втолкнул меня под красно-фиолетовый полог в тесную палатку, где сидела миссис Меринг с хрустальным шаром, который она, похоже, все-таки выбила у «Фелпхема и Манкастера» к

назначенному часу.

— Садитесь, — велела она. — И не забудьте посеребрить ручку.

Я отдал ей единственную оставленную мне золотую монету, миссис Меринг вернула на сдачу несколько серебряных и начала делать пассы над хрустальным шаром.

— Вижу… — завела она замогильным голосом. — Жизнь у вас будет до-о-олгая.

Если мне ее перестанут укорачивать на каждом шагу.

— Вижу… дальнюю дорогу, очень дальнюю… вы что-то ищете. Какую-то ценность? — Она прикрыла глаза и провела рукой по лбу. — Стекло туманится… не разберу, увенчаются ли ваши поиски успехом.

— А где она, вы не видите, случайно? — спросил я, подаваясь вперед и заглядывая в шар. — Эта ценность?

— Нет, — ответила миссис Меринг, накрывая шар ладонями. — Впечатление бывает обманчивым. Я вижу… хлопоты… снова все в тумане… вот, из него проступает… Принцесса Арджуманд!

Я подскочил от неожиданности.

— Принцесса! Вот негодница! — Миссис Меринг полезла рукой под складки мантии. — Нечего

тебе здесь делать, шалопайка. Мистер Генри, будьте добры, отнесите ее моей дочери. Всю атмосферу губит.

Миссис Меринг коготь за когтем отцепила кошку от мантии и передала мне.

— Вечно проказничает.

Я отнес Принцессу к барахольному прилавку и попросил Верити за ней присмотреть.

— Какие вести от мистера Дануорти? — поинтересовалась Верити.

— Никак до него не доберусь. Сейчас вот миссис Меринг отвлекла. Зато она предсказала мне дальнюю дорогу, так что, может быть, уже переброшусь наконец.

— Мне она предсказала свадьбу, — пожала плечами Верити. — Будем надеяться, это окажется свадьба Тосси и мистера К.

Я вручил ей Принцессу Арджуманд, потом, скрываясь за киосками, опрометью кинулся к бечевнику, по нему пробежал в беседку и спрятался в сиреневых зарослях, ожидая, пока откроется сеть. На ожидание ушла целая тревожная вечность: сперва я опасался, что меня обнаружит Камелия или священник, а когда сеть наконец замерцала, заволновался, как бы не наткнуться на леди Шрапнелл.

В будущее я прибыл на низком старте, готовясь дать деру, если в лаборатории окажется мой главный кошмар. Однако ее там не было — по крайней мере в обозримом пространстве. Лаборатория напоминала военный штаб. Вдоль стены, у которой я когда-то — сколько дней назад? — сидел, растянулась огромная компьютерная панель. На ее фоне даже сетевой пульт выглядел крошечным. Всю остальную часть помещения, не занятую сетью, загромождали поставленные друг на друга мониторы и трехмерные экраны.

Сидящая за пультом Уордер расспрашивала новичка.

— А он мне говорит: «Еще не хватало, чтобы ты снова тут застрял», — рассказывал тот. — «Полезай, — говорит, — в сеть». И я полез.

— И Каррадерс не упомянул, собирается ли еще что-то сделать, прежде чем последовать за вами? — допытывалась Уордер. — Что-нибудь там проверить?

Новичок покачал головой:

— Сказал: «Иди, я потом».

— Кто-нибудь был поблизости?

Он пожал плечами:

— Сирена смолкла. А жильцов в той части города нет. Там все выгорело.

— Сирена? — переспросила Уордер. — То есть был налет? А не могло его бомбой?.. — Она оторвалась от пульта и только теперь заметила меня. — А вы что тут делаете? Что случилось с Киндл?

— Острый приступ переброcочной болезни, спасибо вам большое, — объяснил я, выпутываясь из занавесей. — Где мистер Дануорти?

— В Корпус-Кристи с криминалисткой.

— Передайте ему, что мне нужно с ним поговорить, — попросил я новичка.

— Я вообще-то выясняю, что случилось с Каррадерсом! — вскипела Уордер. — Нельзя же вот так вваливаться посреди…

— Но мне срочно…

— Каррадерсу тоже! — отрезала она и обернулась к новичку. — На том участке не было бомб замедленного действия?

Новичок неуверенно посмотрел на нее, потом на меня.

— Не знаю…

— А кто будет знать? — рявкнула Уордер. — Здания, стены там не шатались? Только заикнитесь, что не знаете!

— Я, пожалуй, сбегаю за мистером Дануорти, — пролепетал новичок.

— Хорошо, — смилостивилась Уордер. — И сразу назад. Я с вами еще не закончила.

Новичок спасся бегством, чуть не задев Ти-Джея, входящего со стопкой книг, визиков и дисков.

— О, и вы здесь? — обрадовался он, увидев меня. — Я хотел вам обоим показать… А где Верити?

— В 1888-м. С перебросочной болезнью по вашей милости. Вы ее совсем загоняли.

— Причем безрезультатно, — вздохнул Ти-Джей, сгружая свою ношу на стол и стараясь не обрушить стопку. — Что странно. Сдвиги просто обязаны были увеличиться. Вот, смотрите.

Он повел меня к компьютерной панели, но с полпути свернул к Уордер с вопросом:

— На переброске Неда был сдвиг?

— Мне некогда было считать. Я Каррадерса вытаскиваю!

— Хорошо, хорошо. — Ти-Джей примирительно поднял руки. — А сейчас можете вычислить? Нед, я хотел вам показать…

— Зачем считать сдвиг на моей переброске? — не понял я. — На обратных ведь не бывает сдвигов.

— У Верити в прошлый раз был.

— Откуда?

— Не знаем пока. Выясняем. Идите сюда. Вот, смотрите, что мы делаем. Вам Верити рассказывала про модель Ватерлоо?

— В общих чертах.

— Так вот, сделать точную компьютерную модель исторического события крайне сложно из-за огромного количества неизвестных факторов. Ватерлоо в этом смысле исключение. Битва проанализирована досконально, каждый эпизод исследован буквально под микроскопом. А еще, — барабаня черными пальцами по кнопкам, продолжил Ти-Джей, — там имеется несколько очагов напряжения и несколько факторов, которые могли переломить ход событий: страшные ливни шестнадцатого и семнадцатого, отсутствие маршала Груши…

— Неразборчивый почерк Наполеона, — подхватил я.

— Именно. А также, кроме прочих, послание д'Эрлону и неудачная попытка взятия Угумона.

Он пробежался пальцами по клавиатуре и, вывернув шею, взглянул на экранную стену за спиной.

— Вот, собственно, что мы исследуем. — Взяв световое перо, Ти-Джей подошел к центральному

экрану. — Это модель Ватерлоо, выполненная в полном соответствии с исторической действительностью.

На экране красовалась объемная клякса — серая, с едва заметными перепадами оттенков.

— Вот сражение. — Ти-Джей включил перо и ткнул им в центр кляксы. — А здесь, — он указал на края, — прилегающие временные и пространственные области, которые оно затрагивает. — Луч метнулся обратно в центр, потом заплясал вокруг. — Вот тут у нас битва при Катр-Бра, Ваврское сражение, атака старой гвардии, отступление.

Я не различал ничего из показанного, только скопление серых пятен. Как на УЗИ, когда врач говорит: «Вот ваши легкие, вот сердце», — а ты ничего не разбираешь.

— Соответственно я ввожу в модель виртуальные диссонансы и смотрю, что меняется. — Ти-Джей перешел к левому экрану с идентичной, на мой взгляд, серой кляксой. — Здесь, например, Наполеон посылает д'Эрлону неразборчивый приказ повернуть на Линьи; тот приводит войска в тыл левому наполеоновскому флангу, и их принимают за вражеские. Я отправляю туда виртуального историка, — Ти-Джей ткнул в серое

пятно, — который подменяет наполеоновский приказ разборчивым, и как видите, картина радикально меняется.

Я предпочел поверить ему на слово.

— Когда возникает диссонанс, в эпицентре образуется очаг резкого роста сдвигов. — Ти-Джей поводил пером по экрану. — Вот здесь и здесь, в прилегающей области, зона умеренного роста, а далее спад к периферии по мере самокоррекции системы.

Я вприщур посмотрел на экран, стараясь сделать осмысленное выражение лица.

— В данном случае самокоррекция совершилась почти мгновенно. Д'Эрлон вручил приказ своему помощнику, который уже устно передал его лейтенанту, а тот не расслышал из-за канонады и послал войска на злополучный левый фланг, и все вернулось на круги своя.

Перо уперлось в верхний ряд экранов.

— Я перепробовал несколько переменных разной степени серьезности. Вот тут историк отпирает изнутри ворота Угумона. В этой модели он спасает Летора от пули пехотинца. Вот здесь перехватывает переписку Блюхера и Веллингтона. — Ти-Джей по очереди показывал на экраны. — Все они сильно разнятся в плане

последствий и времени, которое требуется континууму на самокоррекцию.

Он продолжил водить указкой по экранам.

— Здесь ушло несколько минут, здесь — два дня, причем степень вмешательства не определяет напрямую масштаб последствий. Вот тут, — Ти-Джей ткнул в нижний левый экран, — мы застрелили Аксбриджа, чтобы предотвратить его самоубийственную атаку, но принявший командование помощник все равно послал войска на смерть. Тогда как вот здесь, — он показал на экран во втором ряду, — переодетый в прусского солдата историк всего лишь споткнулся во время битвы за Линьи, а для самокоррекции потребовалось задействовать довольно крупные силы, включая четыре полка и Блюхера собственной персоной.

Ти-Джей шагнул к центральному экрану.

— А вот тут мы вмешивались в Ла-Э-Сент. Там от артиллерийского снаряда загорелись соломенные крыши, однако цепочка солдат с походными котелками потушила пожар. — Ти-Джей обрисовал пятно в середине. — Я внедрил туда историка, который украл один котелок. В результате образовался капитальный диссонанс, но самое интересное, что самокоррекция, помимо сдвигов

тут и тут, — указка переместилась к верхушке экрана, — затронула и вот эту область, до 1815 года.

— То есть пришлось еще дальше углубиться в прошлое?

— Да. Зимой 1812 года случился буран, после которого на дороге к Ла-Э-Сент образовалась большая колдобина, из-за которой с проезжающей телеги свалилась часть поклажи — в том числе и деревянный пивной бочонок, который местный слуга отнес домой в Ла-Э-Сент. Этот бочонок и заменил котелок в пожарной цепочке, огонь потушили, диссонанс устранился.

Ти-Джей вернулся к панели, побарабанил по кнопкам и включил еще ряд экранов.

— Вот здесь, где Гнейзенау отступает к Льежу, и здесь, где историк помогает вытащить увязшую в грязи пушку, тоже представлена самокоррекция с углублением в прошлое.

— Поэтому вы посылали Верити в май? — понял я. — Вы считаете, что диссонанс мог пытаться сам себя предупредить?

— Да, хотя там нигде никаких сдвигов не обнаруживается. Только на вашей переброске, — обескураженно протянул Ти-Джей. — Повсюду, — он обвел рукой экраны, — независимо от масштабов

самокоррекции, картина в целом одинаковая: резкий рост сдвигов в эпицентре, умеренный рост в прилегающих областях и отдельные очаги сдвигов на периферии.

— А у нашего диссонанса все по-другому, — кивнул я, вглядываясь в экран.

— Именно. На переброске Верити сдвиг составил девять минут, и никакого резкого скачка поблизости я не обнаружил. Единственный ближайший очаг сдвигов — в 2018 году, и он гораздо больше, чем должен быть на таком удалении от эпицентра.

Ти-Джей подошел к компьютерной панели, что-то набрал и вернулся к левому экрану, изображение на котором слегка изменилось.

— Вот одна-единственная точка, которая как-то похожа. Тут у нас историк убивает Веллингтона артиллерийским снарядом.

Ти-Джей пошарил в карманах в поисках светового пера, не нашел и стал показывать пальцем.

— Видите? Вот здесь и здесь радикальный рост сдвигов, но его оказалось недостаточно, чтобы сдержать диссонанс, поэтому вот тут и тут начинают развиваться расхождения. — Он обвел пальцем три точки неподалеку от эпицентра. — Здесь сдвиги резко падают, а вот тут аварийные

меры не срабатывают, сеть начинает сбоить, и история меняется радикально.

— Наполеон побеждает при Ватерлоо?

— Да. Вот тут можно проследить параллели с вашим диссонансом. — Палец Ти-Джея устремился к более темному участку. — Это очаг роста сдвигов почти в семидесяти годах от эпицентра, а вот здесь, — он указал на светло-серое пятно, — мы наблюдаем отсутствие сдвигов в непосредственной близости от эпицентра.

— Однако в самом эпицентре резкий рост сдвигов продолжается, — заметил я.

— Да, — мрачно кивнул Ти-Джей. — Во всех устроенных нами диссонансах до единого. Кроме вашего.

— Зато вы доказали вероятность возникновения диссонансов как таковых. Это уже кое-что, — обнадежил я его.

— Если бы, — откликнулся Ти-Джей огорченно. — Это ведь всего лишь математическая модель.

— И все-таки вы продемонстрировали, что будет в случае…

Он энергично замотал головой.

— Если мы в самом деле пошлем историка в Ватерлоо перехватить приказ, или подстрелить

коня, или подсказать дорогу, сеть попросту не откроется. Такие попытки ведутся уже сорок лет. К Ватерлоо невозможно подобраться ближе, чем на два года и сотню миль. — Ти-Джей сердито махнул рукой в сторону экранов. — Все эти модели построены на основе сети без ограничителей.

Значит, мы снова там, откуда начинали.

— А не могли каким-то образом отключиться ограничители на переброске Верити? — спросил я. — Или просто сбойнуть?

— Это мы проверили первым делом. Нет, все показатели в норме, самая обычная переброска.

В лабораторию вошел обеспокоенный мистер Дануорти.

— Простите, что заставил ждать. Узнавал, нет ли каких подвижек у криминалистки насчет фамилии или даты поездки в Ковентри.

— И как, есть? — поинтересовался я.

— А где новенький? — встряла Уордер, не дав мистеру Дануорти ответить. — Он должен был с вами вернуться.

— Я его послал в собор отвлечь леди Шрапнелл, чтобы та не явилась сюда и не наткнулась на Неда.

О да, у него это получится так же ловко, как он выбирался из прошлого, поэтому лучше нам тут

закругляться побыстрее.

— Удалось криминалистке расшифровать фамилию?

— Нет. Разве что сократить количество букв до восьми и еще найти запись о Ковентри. Теперь она разбирает дату.

Хорошо, уже какая-то надежда.

— Нужно спешить, — сказал я. — Теренс и Тосси вчера обручились.

— О Господи… — Мистер Дануорти оглянулся обессиленно, ища, куда бы сесть. — Помолвка в викторианские времена — дело серьезное, — объяснил он Ти-Джею. — Нед, у вас с Киндл по-прежнему нет догадок насчет мистера К?

— Нет. И дневник тоже пока заполучить не удалось. Верити надеется, что мистер К придет сегодня на церковную благотворительную ярмарку.

Я стал припоминать, не собирался ли я еще что-нибудь рассказать или спросить.

— Ти-Джей, вы что-то говорили насчет сдвига на обратных перебросках?

— А, да. Уордер! — позвал он оператора, которая выбивала яростную дробь на пульте. — Вы уже вычислили сдвиг?

— Я занята…

— Знаю, знаю, вытаскиваете Каррадерса.

— Нет, перебрасываю Финча.

— Это может подождать, — заявил Ти-Джей. — Мне нужны параметры сдвига на обратной переброске Неда.

— Сейчас! — Серафима метнула молнию всей сотней своих глаз и замолотила по кнопкам. — Три часа восемь минут.

— Три часа! — поразился я.

— Лучше, чем в прошлый раз у Верити, — заметил мистер Дануорти. — Тогда вышло два дня.

Ти-Джей поднял руки, словно сдаваясь, и пожал плечами.

— Ни в одной из моделей такого не наблюдалось.

У меня мелькнула мысль.

— Какой сегодня день?

— Пятница.

— Девять дней до освящения, — задумчиво проговорил мистер Дануорти. — Пятое ноября.

— Девять дней! — ужаснулся я. — Боже! И епископский пенек, конечно, ниоткуда чудом не явился?

Мистер Дануорти покачал головой.

— Плохи дела, да, мичман Клепперман?

— Кое-что все-таки есть хорошее, — оживился

Ти-Джей, бросаясь обратно к панели и щелкая кнопками. — Я тут проиграл несколько сценариев бомбардировки Берлина. — Серые пятна на экранах едва заметно сменили конфигурацию. — Промахи мимо цели, сбитый самолет, подстреленный летчик, даже пробовал устранить сразу и летчика, и самолет. Так вот, конечный исход во всех случаях получается прежним. Лондон все равно бомбят.

— Это радует, — хмыкнул мистер Дануорти.

— Да, уже кое-что, — согласился я. Самому бы еще в это поверить…

Сеть замерцала, и появился Финч. Дождавшись, пока Уордер поднимет занавеси, он направился прямиком к мистеру Дануорти.

— У меня отличные новости касательно… — Он заметил меня и осекся. — Буду в вашем кабинете, сэр.

— Мне нужно знать, что замышляет Финч, — заявил я. — Вы послали его утопить Принцессу Арджуманд?

— Утопить? — Ти-Джей расхохотался.

— Признавайтесь, — не отставал я. — И только попробуйте сказать, что вы не уполномочены.

— Мы действительно не можем открыть вам суть задания Финча, — вмешался мистер Дануор-

ти, — но уверяю, Принцессе Арджуманд ничего не грозит, а результаты, когда задание будет выполнено, вас обрадуют.

— Если Генри планирует возвращаться, — проворчала Уордер из-за пульта, — давайте я его уже отправлю, потому что мне нужно открывать получасовые интервалы для Каррадерса.

— Данные от криминалистки нам понадобятся как только, так сразу, — сказал я мистеру Дануорти. — Постараюсь еще заглянуть сегодня вечером или завтра.

Мистер Дануорти кивнул.

— Вы что, думаете, у меня времени вагон? — поторопила нас Уордер. — Я пытаюсь…

— Хорошо, хорошо. — Я двинулся к сети.

— В какое время вас возвращать? — поинтересовалась Уордер. — Пятью минутами позже отбытия сюда?

Надежда замаячила передо мной, словно одна из бесчисленных уордсвортовских радуг.

— Я могу вернуться в любое время, какое пожелаю?

— На то и путешествия во времени, — буркнула Уордер. — Некогда мне вози…

— Тогда полпятого.

Если повезет, у меня будет двадцатиминутный

сдвиг, и ярмарка уже совсем закончится.

— Полпятого? — переспросила Уордер грозно. — Вас там не хватятся?

— Нет. Теренс будет только рад подольше отлынивать от катания на пони.

Уордер, пожав плечами, начала вводить координаты.

— Идите в сеть, — велела она и нажала «отправить».

Сеть замерцала, и я, поправив канотье и галстук, бодро зашагал обратно на ярмарку. Небо по-прежнему хмурилось, поэтому определить время по солнцу не представлялось возможным, но толпа вроде бы поредела. Уж половина четвертого-то наверняка есть. Я подошел к барахольному прилавку сообщить Верити, что новостей никаких.

Верити на месте не оказалось. Прилавком заведовали Роза и Лилия Каттисборн, которые тут же начали впаривать мне серебряный молоток для колки сахара.

— Она в чайном шатре, — сказали сестры.

Увы, в шатре ее не было, зато там нашелся Сирил, судя по всему, весь день тешивший себя надеждой, что кто-нибудь обронит сэндвич. Я купил ему булочку с изюмом, а себе каменное пе-

ченье и чашку чая и понес немудреное угощение к площадке с кладом.

— Как вы быстро, — удивился Теренс. — Вовсе не обязательно было торопиться.

— А сколько времени? — У меня возникло нехорошее предчувствие. — Мои часы остановились.

— «Я же говорил, нельзя смазывать их сливочным маслом», — процитировал Теренс. — Пять минут первого. Может быть, хотите немного покатать детишек на пони? — безнадежно осведомился он.

— Нет, спасибо.

Теренс угрюмо поплелся к подъездной дорожке, а я остался пить чай, грызть каменное печенье и размышлять о превратностях судьбы.

День тянулся бесконечно. Камелия, выклянчившая у кого-то из сестер еще пятипенсовик, полдня просидела на корточках у площадки с кладом, разрабатывая стратегию.

— Мне кажется, главного приза тут нигде нет, — заявила она, просадив двухпенсовик на номер два.

— Есть. Сам зарывал, хочешь верь, хочешь нет.

— Я вам верю. Преподобный мистер Арбитидж видел, как вы зарывали. Но, может, кто-то успел выкрасть приз, когда никто не видел?

— Здесь все время кто-то вертится.

— Могли подобраться тайком, пока мы разговаривали.

Камелия вновь устроилась на корточках, а я принялся грызть печенье, которое оказалось еще тверже, чем на распродаже выпечки после молебна за ВВС, и раздумывать о епископском пеньке.

Может, кто-то выкрал его тайком, когда никто не видел? Да, я говорил, что на пенек охотников не найдется, но если посмотреть, что люди покупают на барахолках… А значит, не исключено, что какой-нибудь мародер все же выковырял его из-под обломков. Или Верити права, и его вынесли из собора еще до налета. Либо он был в соборе во время бомбежки, либо нет, рассуждал я, глядя на расчерченную песчаную площадку. Других вариантов не дано. В любом случае где-то он должен быть. Но где? В восемнадцатой? В двадцать пятой?

В половине второго священник пришел меня сменить, чтобы я «пообедал как подобает» и «погулял по ярмарке». Подобающий обед состоял из сэндвича с рыбным паштетом (половину которого я отдал Сирилу) и еще одной чашки чая, после которой я отправился обходить киоски. Выиграл кольцо с красной стекляшкой в рыболовном ат-

тракционе, купил лоскутную накидку на чайник, ароматический шарик из утыканного гвоздикой апельсина, фарфорового крокодильчика и банку студня из телячьих ножек; сообщил Верити, что ни дата, ни фамилия мистера К пока не расшифрованы, и вернулся к площадке с кладом. Улучив момент, когда Камелия отвлеклась, зарыл в девятой ячейке крокодильчика.

День тянулся дальше. Подходящие попытать счастья вскопали четвертую, шестнадцатую, двадцать первую и двадцать девятую ячейки и в конце концов нашли два из зарытых шиллингов. Камелия впустую потратила остаток пятипенсовика и возмущенно утопала прочь. В какой-то момент пришел Бейн с Принцессой Арджуманд и сгрузил кошку мне на руки.

— Не могли бы вы за ней присмотреть некоторое время? Миссис Меринг поручила мне кокосовый тир, а я боюсь, Принцессу Арджуманд ни на секунду нельзя упускать из виду, — пристально посмотрев на нее, объяснил он.

— Снова перламутровый пучеглазый рюкин? — догадался я.

— Да, сэр.

Огромная песочница тоже показалась мне малоподходящим для кошки местом.

— Почему ты не можешь весь день проспать на прилавке с рукоделием, как та черепаховая на ярмарке Рождества Богородицы? — вздохнул я.

— Ми-ило, — мяукнула Принцесса и потерлась носом о мое запястье.

Я погладил ее, жалея, что она не утонула и не распалась на элементы, ведь тогда сеть не пустила бы меня обратно в прошлое, и я бы оставил Принцессу себе.

Нет, конечно, у меня бы не получилось ее оставить. Ее прибрала бы к рукам какая-нибудь миллиардерша, и одна кошка все равно не возродит вымерший вид, даже с помощью клонирования. И все равно, думал я, почесывая ее за ухом, она замечательная кошка. Если, разумеется, забыть о перламутровых рюкинах. И голубом двухжаберном голавле.

Ко мне подошел Финч и, воровато оглянувшись, зашептал:

— Мистер Дануорти просил вам передать, что он узнал от криминалистки — дата поездки в Ковентри расшифрована. Так вот…

— Мамуля говорит, чтобы вы дали мне еще три попытки, — потребовала возникшая из ниоткуда Камелия. — А она заплатит вам пять пенсов, когда ярмарка закончится.

Финч тревожно покосился на Камелию.

— Мы можем поговорить где-нибудь с глазу на глаз, сэр?

— Камелия, — попросил я, — ты не присмотришь несколько минут за площадкой?

Девочка отчаянно замотала головой.

— Я хочу копать. А смотрителю не полагается искать призы. Я хочу вторую.

— Прости, этот джентльмен пришел раньше. Мистер Финч, какую ячейку выбираете?

— Ячейку? — переспросил Финч.

— Где будете копать? — Я показал на площадку. — Поскольку ячеек тридцать, большинство первым делом ставят на дату. Если, конечно, это не тридцать первое. У вас есть какая-нибудь дата на примете, мистер Финч?

— А-а. — Лицо Финча прояснилось. — Дата. Тогда мне, пожалуй, номер…

— Он не заплатил! — вклинилась Камелия. — С вас два пенса!

Финч пошарил по карманам.

— Боюсь, у меня нет…

— Дворецким полагается бесплатная попытка, — нашелся я. — Так какой номер?

— Нечестно! — взвыла Камелия. — Почему это дворецким бесплатно?

— Правило церковных ярмарок.

— Но дворецкому миссис Меринг вы бесплатных попыток не давали, — протестовала Камелия.

— Он свою потратил в кокосовом тире. — Я вручил Финчу лопатку. — Называйте дату, мистер Финч.

— Пятнадцатое, мистер Генри, — поспешно произнес он.

— Пятнадцатое? Точно?

— Пятнадцатую нельзя, — возмутилась Камелия. — Ее уже выбирали. И шестнадцатую с семнадцатой. Нельзя по второму разу, это против правил.

— Пятнадцатое, — твердо повторил Финч.

— Но это невозможно, — ахнул я. — Пятнадцатое завтра.

— И шестую с двадцать второй тоже нельзя, — бубнила Камелия, — потому что их беру я.

— Она не могла ошибиться?

— Не могла, сэр, — ответил Финч.

— А месяц? Может быть, имелся в виду июль? Или август?

Нет, надеяться бессмысленно. Верити сама сказала еще в Иффли, что поездка в Ковентри состоялась в июне.

— Я бы выбрала угловую, — посоветовала Камелия. — Тридцатую или первую.

— То есть вы уверены, что это пятнадцатое? Завтра?

— Да, сэр, — кивнул Финч. — Поэтому мистер Дануорти и отправил меня к вам в срочном порядке.

— Я должен предупредить Верити. Финч, закрывайте лавочку.

— Нет, так нельзя! — захныкала Камелия. — У меня еще три попытки!

— Пусть вскопает три ячейки, и закрывайте, — велел я и, не дожидаясь возражений, помчался к базарному прилавку. Проскользнул кружным путем, чтобы меня не перехватила миссис Меринг или барышни Каттисборн.

Верити как раз продавала банджо без струн молодому человеку в котелке и с лихо закрученными усами. Взяв с прилавка непонятную штуковину с большим зазубренным колесом и двумя изогнутыми лезвиями, я до ухода молодого человека глубокомысленно вертел ее в руках.

— Некто мистер Килбрет, — шепнула мне Верити. — Но это он так произносит, а на самом деле — Гилбрет.

— Криминалистка расшифровала дату поездки

в Ковентри, — сообщил я, пока никто не пришел и не прервал нас. — Пятнадцатое июня.

— Но это невозможно! — Верити побледнела. — Пятнадцатое завтра.

— Вот и я о том же.

— Как ты узнал? Снова перебрасывался?

— Нет. Финч передал.

— Он уверен?

— Да. Что будем делать? Уговаривать их прокатиться завтра утречком в Ковентри совсем бесполезно? Развеяться, посмотреть достопримечательности…

Верити покачала головой.

— После таких мероприятий весь следующий день посвящается перемыванию косточек с Каттисборнами, священником и вдовой Уоллис. Чтобы они променяли главную радость на какую-то поездку — ни за что. Это же самое сладкое.

— Тогда, может, рыба? — предложил я.

— Что рыба?

— Сказать полковнику и профессору Преддику, что там изумительные отмели или глубины или галечное дно, где ходят вот такенные лещи. В Ковентри ведь есть река? Против рыбы полковник с профессором не устоят.

— Не знаю… — протянула Верити задумчиво. —

Но ты подал мне мысль. Скажи, ты, случаем, пальцами ног не хрустишь?

— Что?

— Так делали сестры Фокс. Ладно, обойдемся. — Она принялась копаться в куче-мале на прилавке. — Вот, замечательно, еще не купили. — Верити выудила металлическую коробочку из-под засахаренных фиалок и сунула ее мне. — Покупай ты, я без денег.

— Зачем?

— Есть у меня одна идея. Давай же, с тебя пять пенсов.

Я покорно отдал ей шиллинг.

— Это я ее хотела купить! — заныла невесть откуда возникшая Камелия.

— Я думал, ты клад ищешь.

— Я искала. В десятой, одиннадцатой и двадцать седьмой. Везде пусто. Мне сдается, клада нигде нет. И вы его вовсе туда не закапывали. — Она посмотрела на Верити. — Я ведь вам сказала утром, что покупаю эту коробочку.

— Не получится, — посочувствовала Верити. — Ее уже купил мистер Генри. А теперь будь умницей и позови мне миссис Меринг. Мне нужно с ней поговорить.

— Она в самый раз для пуговиц, — не унималась

Камелия. — И я сказала еще с утра, что ее куплю!

— Может быть, тебе лучше вот эту милую книжечку? — Верити предложила ей «Старомодную девушку».

— Вот, возьми двухпенсовик. — Я протянул Камелии монету. — Если сходишь за миссис Меринг, я подскажу тебе, где клад.

— Это жульничество, — надулась Камелия.

— Подсказка разрешается. Битва при Ватерлоо, — прошептал я ей на ухо.

— День или год?

— А это сама догадайся.

— Где шиллинги зарыты, тоже подскажете?

— Нет. И миссис Меринг позови до того, как пойдешь копать.

Камелия убежала.

— Быстрее, пока она не вернулась. Что ты придумала? — спросил я у Верити.

Она взяла коробочку с крышкой в разные руки и хлопнула, словно музыкальными тарелками. Они глухо клацнули.

— Сеанс, — объявила Верити.

— Сеанс? Это и есть твоя идея? Ради этого я отнимал конфетку у ребенка?

— Ты сказал, что полковник с профессором не устоят против рыбы. Так вот миссис Меринг не

устоит против спиритического сеанса и духов…

— Сеанс? — воскликнула миссис Меринг, выплывая в своем разноцветном плаще. — Ты предлагаешь сеанс, Верити?

— Да, тетя Мальвиния, — ответила Верити, поспешно заворачивая коробочку с крышкой в папиросную бумагу, засовывая в плетеного лебедя и вручая мне. — Похвальный выбор, мистер Генри, надеюсь, вам понравится. Мистер Генри, — пояснила она хозяйке дома, — как раз говорил мне, что еще ни разу не присутствовал на сеансе.

— Неужели, мистер Генри? — поразилась миссис Меринг. — Тогда непременно нужно провести его сегодня же вечером, специально для вас. Спрошу преподобного мистера Арбитиджа, порадует ли он нас своим присутствием. Мистер Арбитидж!

Она стремительно удалилась.

— Отдай мне коробочку, — шепнула Верити.

Я тайком передал ей завернутый в папиросную бумагу предмет.

— Что ты с ней будешь делать?

— Стучать, — ответила Верити вполголоса, убирая коробочку в ридикюль. — Сегодня духи поведают нам, что нужно ехать в Ковентри.

— Ты считаешь, получится?

— У мадам Иритоцкой получается. И у Дэниела Хьюма, и у сестер Фокс, и у Флоренс Кук. Им удалось заморочить голову ученому Уильяму Круксу и Артуру Конану Дойлю. Миссис Меринг и тебя ведь приняла за духа. Так что получится. Что может не получиться?

К нам вернулась миссис Меринг в развевающемся плаще.

— Преподобный мистер Арбитидж сейчас проводит лотерею, так что я спрошу позже. О, мистер Генри, — она взяла меня за руку, — у нас будет отличный сеанс! Я уже чувствую присутствие духов.

На самом деле это был Бейн, который подошел сзади и дожидался возможности обратиться.

— Может быть, это тот самый дух, которого вы слышали недавно ночью, мистер Ген… Что такое, Бейн? — нетерпеливо спросила она.

— Мадам Иритоцкая, мэм.

— Да, и что с ней?

— Она здесь.

Глава семнадцатая

Долиною смерти...
«Атака легкой кавалерии» Лорд Альфред Теннисон

В прихожей — Вызов — Бейн распаковывает вещи и совершает интересное открытие — На кухне — Занимательные истории о ясновидении Джейн — Подготовка к сеансу — Я сочувствую Наполеону — Драгоценности — Поединок медиумов — Явление призрака

Мадам Иритоцкая дожидалась в прихожей с девятью предметами багажа, черным лакированным шкафчиком и графом де Веккио.

— Мадам Иритоцкая! — всплеснула руками миссис Меринг. — Какой восхитительный сюрприз! И граф!.. Бейн, ступайте приведите полковника, скажите ему, что у нас гости. Он будет так рад! Мисс Браун вы уже знаете, — она показала на Верити, — а это мистер Генри.

Пока мы шли за миссис Меринг к дому, Верити недоумевала вполголоса:

— Что она здесь делает? Говорили же, что она никогда не выезжает.

— Мой почтенье, синьор Геньри, — с поклоном поздоровался граф де Веккио.

— Что же вы не предупредили о приезде? — сокрушалась миссис Меринг. — Бейн встретил бы вас на станции.

— Я и сама не знала до вчерашнего вечера, — объяснила мадам Иритоцкая, — пока не получила послание с Той Стороны. Нельзя пренебрегать велением духов.

Она выглядела совсем не так, как я ожидал. Коренастая и пухлая, похожая на клецку, с носом-кнопкой, седыми неприбранными волосами, в довольно ветхом коричневом платье. Шляпа тоже видала виды, а перья на ней, судя по всему, были насильно позаимствованы у какого-то петуха. Мне казалось, миссис Меринг такую оборванку и на порог не пустит, а тут, пожалуйста, чуть ли не на задних лапках перед ней пляшет.

— Послание от духов! — Миссис Меринг благоговейно сжала руки. — Какой восторг! И что они сказали?

— В путь! — драматическим тоном возвестила мадам Иритоцкая.

— Avanti! — подтвердил граф де Веккио. — Про-

стучальи на столу. В путь!

— «Куда — в путь?» — спросила я их, — продолжала мадам Иритоцкая. — Надеялась, они пояснят, но в ответ — тишина.

— Silencio, — подсказал граф.

— «Куда — в путь?» — спросила я снова. И вдруг на столе передо мной возникло пятно света, оно росло, росло, пока не превратилось… — она выдержала театральную паузу, — … в ваше письмо.

— Мое письмо? — ахнула миссис Меринг, и я шагнул к ней, опасаясь, что сейчас придется иметь дело с новым обмороком. — Я писала мадам, рассказывала о виденных нами духах, — пояснила она мне. — А теперь они сами ее вызвали!

— Они пытаются вам что-то сказать, — провозгласила мадам Иритоцкая, уставившись в потолок. — Я чувствую их присутствие. Они и теперь среди нас!

Насчет духов не знаю, но к нам точно подоспели Тосси, Теренс и Бейн. И крайне раздраженный полковник Меринг — в болотных сапогах и с рыболовной сетью.

— Что здесь стряслось? Надеюсь, серьезное. Обсуждали с Преддиком Монмутскую битву.

— Мисс Меринг, amor mia, — начал граф, немед-

ленно устремляясь к Тосси. — Как я радый вновь лицезрейть вас.

Он наклонился, собираясь припасть к руке Тосси.

— Будем знакомы! — Теренс заступил ему дорогу и скованно протянул ладонь для рукопожатия. — Теренс Сент-Трейвис. Жених мисс Меринг.

Граф и мадам Иритоцкая переглянулись.

— Мейсел, ты ни за что не угадаешь, кто к нам приехал! — просияла миссис Меринг. — Мадам Иритоцкая, позвольте представить вам моего супруга, полковника Меринга!

— Полковник, благодарю за гостеприимство. — Мадам Иритоцкая склонила голову, махнув на полковника петушиными перьями.

— Хр-р-м, — проворчал полковник в усы.

— Я ведь говорила тебе, Мейсел, что видела духа! — торжествовала миссис Меринг. — И мадам Иритоцкая прибыла, чтобы войти с ним в контакт. Она чувствует, что духи и теперь среди нас.

— Вряд ли, — буркнул полковник. — Охота им толкаться в прихожей. Есть дом. Какая радость спотыкаться о чемоданы?

— Да, действительно. — Миссис Меринг только теперь заметила царящее вокруг столпотво-

рение. — Проходите, мадам Иритоцкая, граф, пойдемте в библиотеку. Бейн, велите подать чаю и отнесите вещи мадам и графа де Веккио в комнаты.

— Шкафчик тоже, мэм? — уточнил Бейн.

— Шка… — Миссис Меринг окинула удивленным взглядом груду багажа. — Боже, сколько вещей! Вас ждет дальняя дорога, мадам Иритоцкая?

Мадам с графом снова переглянулись.

— Кто знает? — загадочно проговорила мадам. — Духи велят, я повинуюсь.

— О да, разумеется, — кивнула миссис Меринг. — Нет, Бейн, шкафчик мадам Иритоцкой понадобится на сеансе. Поставьте его в гостиной.

Интересно, куда они его втиснут среди всех этих козеток, ширм и аспидистр?

— А остальные вещи отнесите наверх. И распакуйте.

— Нет! — поспешила поправить мадам Иритоцкая. — Я предпочитаю распаковывать все сама. Вы же понимаете, каналы духовной силы…

— Ну конечно! — заверила миссис Меринг, понимавшая в каналах духовной силы не больше нашего. — А после чая прогуляемся по саду, я покажу вам, где впервые увидела нашего духа.

— Нет! — Мадам страдальчески поморщилась. — Мои силы и без того истощены дальней дорогой. Эти поезда!.. Так что после чая мне необходим отдых. А завтра покажете и дом, и сад.

— Непременно, — огорченно вздохнула миссис Меринг.

— Мы исследуем Мачингс-Энд на предмет потустороннего присутствия, — пообещала мадам Иритоцкая. — Оно здесь определенно имеется. Мы установим контакт.

— Ах, какая прелесть! — оживилась Тосси. — И нам явятся духи?

— Возможно. — Мадам утомленно приложила руку ко лбу.

— Вы устали, мадам Иритоцкая, — спохватилась миссис Меринг. — Пойдемте выпьем чаю.

Она повела мадам и графа в библиотеку.

— А вы мне не рассказывали про этого графа де Червяккио, — упрекнул Теренс Тосси, идя за ними.

— Де Веккио. Он такой душка, правда? Лилия Каттисборн говорит, итальянцы все исключительные красавцы. Вы согласны?

— Духи! — Полковник в сердцах хлопнул сетью о колено. — Вздор! Редкостная чушь!

Возмущенно топая, он вернулся к Монмутской

битве.

Бейн, все это время с неодобрением смотревший на багаж, поклонился и зашагал на кухню.

— Ну что? — спросил я у Верити, когда все разошлись. — Как теперь быть?

— Готовиться к вечернему сеансу. Та корзина для пикника, в которой приехала Принцесса Арджуманд, уцелела после кораблекрушения?

— Да. Она у меня в гардеробе.

— Отлично. Принеси ее и поставь в гостиной. А я пойду пришью коробочку с крышкой к подвязкам.

Верити шагнула на лестницу.

— Ты по-прежнему планируешь провести сеанс? Несмотря на явление мадам Иритоцкой?

— Завтра пятнадцатое. У тебя есть идеи получше?

— А нельзя просто предложить Тосси экскурсию в Ковентри — как тогда в Иффли?

— В Иффли она ездила не церковь смотреть, а встречаться с Теренсом, и потом, ты же ее слышал. Она ждет не дождется, когда медиум пойдет осматривать сад и являть духов. Такое событие она ни за что не пропустит.

— А граф де Веккио? Вдруг это он мистер К? Появился как раз вовремя, и на роль инкогнито

с вымышленным именем лучшей кандидатуры не сыщешь.

— Нет, не складывается, — отмела мое предположение Верити. — Тосси прожила с мистером К в счастливом браке шестьдесят лет, помнишь? А граф растратит все ее состояние и бросит в Милане без гроша уже месяца через три.

Я был вынужден согласиться.

— Как думаешь, зачем они приехали?

Верити задумчиво сдвинула брови.

— Не знаю. Мне казалось, мадам Иритоцкая не проводит выездных сеансов, потому что дом у нее нашпигован тайными ходами и хитрыми приспособлениями. Но, видимо, некоторые трюки портативны. — Она подергала дверцу шкафчика. — А может, мадам прибыла на разведку. Порыться в белье, почитать письма, посмотреть на семейные портреты.

Верити взяла в руки ферротип, запечатлевший пару у деревянного указателя с надписью «Лох-Ломонд».

— Вижу мужчину в цилиндре, — прикоснувшись кончиками пальцев ко лбу, заунывно протянула она. — Стоит… у водоема… кажется, это озеро. Да, определенно озеро. И тут миссис Меринг взвизгивает: «Это дядя Джордж!» Вот

так они и действуют — собирают информацию и дурят доверчивые головы. Хотя миссис Меринг и дурить не нужно — она и без того хуже Конана Дойля. Наверняка мадам Иритоцкая вместо «отдыха» будет рыскать по комнатам и выведывать ценные сведения для сеанса.

— Так давай подрядим ее стащить дневник Тосси.

Верити улыбнулась.

— Что сказал Финч насчет дневника? Дословно. Ошибки в дате быть не может?

— Передал слова мистера Дануорти: криминалистка расшифровала число, и это пятнадцатое.

— А Финч не уточнял, как именно она расшифровывала? Все-таки пятерку легко перепутать с шестеркой или даже с восьмеркой. Если там шестнадцатое или восемнадцатое, то у нас еще есть время… Я с ним поговорю, — решила Верити. — Если миссис Меринг спросит, где я, скажи, что пошла пригласить на сеанс преподобного Арбитиджа. И поищи где-нибудь два куска проволоки примерно в полтора фута длиной.

— Зачем?

— Для сеанса. А бубен тебе Финч в багаж не клал, случаем?

— Нет. Уверена, что стоит сейчас перебрасы-

ваться? Помнишь, что было вчера?

— Так ведь я к Финчу, а не к криминалистке, никакой переброски не понадобится. — Верити натянула перчатки. — И потом, я уже полностью выздоровела. Ты совершенно не кажешься привлекательным.

Она выскользнула наружу.

Я поднялся к себе, достал корзину и отнес ее в гостиную. Верити не предупредила, что собирается с ней делать, поэтому я поставил корзину за каминным экраном, чтобы не увидел Бейн, когда притащит шкафчик, и не убрал с глаз долой.

Вездесущий дворецкий встретил меня в очищенной от багажа прихожей.

— Можно вас на пару слов, сэр? — Он тревожно оглянулся на библиотечную дверь. — Без посторонних.

— Конечно. — Я отвел его к себе, надеясь, что он не вздумает снова расспрашивать меня об условиях жизни в Штатах. — Вы ведь больше не кидали Принцессу в реку?

— Нет, сэр. Дело касается мадам Иритоцкой. Я распаковывал ее вещи и обнаружил ряд весьма подозрительных предметов.

— Мне казалось, она предпочитает распаковывать сама.

— Дамы никогда этим не занимаются, — убежденно возразил Бейн. — Так вот, когда я открыл чемоданы, там нашлось множество сомнительных вещей: щупы, тромбоны, колокольчики, грифельные доски, автоматический аккордеон, проволока, по несколько ярдов черной ткани и кисеи и пособие по фокусам. И еще вот это! — Он протянул мне какую-то склянку.

— «Светящаяся краска Бальмена», — прочитал я вслух этикетку.

— Боюсь, мадам Иритоцкая никакая не медиум, а мошенница.

— Похоже на то, — кивнул я, открывая склянку. В ней мерцала зеленовато-белая жидкость.

— Подозреваю, они с графом де Веккио замыслили что-то недостойное против Мерингов. Я на всякий случай убрал драгоценности миссис Меринг в более надежное место.

— Отличная мысль, — похвалил я.

— Однако гораздо больше меня беспокоит влияние мадам Иритоцкой на мисс Меринг. Боюсь, как бы наша барышня не стала жертвой какой-нибудь гнусной интриги. — В голосе Бейна слышалась искренняя тревога. — За чаем мадам Иритоцкая погадала мисс Меринг по руке и сказала, что ее ждет замужество. С иностранцем. А

мисс Меринг — натура впечатлительная, — убежденно продолжал он. — Ее не учили мыслить логически и анализировать чувства. Как бы она чего не натворила сгоряча.

— Вы о ней и в самом деле печетесь, — удивился я.

У Бейна покраснела шея.

— То, что она взбалмошная и глупенькая, — издержки плохого воспитания. Ее чересчур баловали и нежили, однако сердце у нее золотое. — Дворецкий смутился. — Только вот в мире и людях она не разбирается. Поэтому я к вам и пришел.

— Мы с мисс Браун тоже обеспокоены, — признался я. — Попытаемся уговорить мисс Меринг съездить с нами завтра на экскурсию в Ковентри — тогда удастся увезти ее подальше от графа и мадам Иритоцкой.

— О, — облегченно выдохнул дворецкий. — Отличный план! Если я чем-то могу посодействовать…

— Лучше отнести краску назад, пока мадам Иритоцкая не хватилась, — посоветовал я, с сожалением отдавая Бейну склянку с фосфоресцирующей субстанцией. Как было бы здорово написать «Ковентри» на столе перед сеансом…

— Да, сэр, — согласился Бейн.

— И серебро тоже не мешало бы под замок.

— Уже сделано, сэр. Спасибо вам, сэр.

Он двинулся к двери.

— Бейн, — окликнул я его. — Вы можете еще кое-чем помочь. Сдается мне, что де Веккио никакой не граф и, вполне вероятно, путешествует под вымышленным именем. Когда будете распаковывать его вещи, посмотрите, вдруг там найдутся какие-нибудь бумаги или переписка…

— Понимаю, сэр, — кивнул Бейн. — И если я еще чем-нибудь смогу быть полезен, только скажите. — Он помолчал. — Меня заботит главным образом мисс Меринг.

— Знаю, — ответил я и отправился на кухню поискать крепкую тонкую проволоку.

— Проволоку? — вытаращила глаза Джейн, вытирая руки фартуком. — А что за надобность, сорр?

— Перевязать портплед, — придумал я. — Там пряжка сломалась.

— Так Бейн вам ее починит. А что, сегодня сеанс будет, раз эта мадама явилась?

— Будет.

— И трубы летающие? У меня сестра, Шарон, в Лондоне служит, так ее хозяйка проводила сеанс

— там труба летала прямо над столом и играла «Сгущается ночная тень»!

— Насчет труб не знаю. Бейн сейчас занят багажом графа де Веккио, и я не хочу его отвлекать. Так что найдите, пожалуйста, два отрезка проволоки примерно в полтора фута длиной.

— Могу дать бечевку, — предложила Джейн. — Сгодится?

— Нет. — Эх, надо было попросить Бейна выкрасть парочку щупов у мадам Иритоцкой. — Нужна проволока.

Горничная принялась рыться в ящике.

— Я, между прочим, ясновидящая. Это у меня от матери, у нее тоже было.

— М-м-м, — протянул я, разглядывая внушительный арсенал кухонных приборов. Проволоки среди них не наблюдалось.

— Мне приснилось, что Шон сломает ключицу, — и он сломал. А если у меня в животе схватывает ни с того ни с сего — это к беде.

К сеансу, например.

— Давеча видела во сне большой корабль. Вот как пить дать кому-то здесь светит дальняя дорога — я кухарке прямо с утра сказала. И что — прикатила эта мадама, да еще на поезде! Как думаете, явятся нам духи сегодня?

Я искренне надеялся, что нет, хотя с Верити не угадаешь.

— Что ты все-таки придумала? — спросил я, когда она вернулась почти перед самым ужином. — В кисею заматываться не планируешь?

— Нет, — шепнула она с явным сожалением.

Мы стояли у французских дверей в гостиную, дожидаясь, когда всех пригласят к ужину. Миссис Меринг на кушетке делилась с Тосси подробностями ночных рулад Сирила — «Жуткий вопль измученной души!» — а Теренса загнали в угол у камина профессор с полковником и донимали рыбацкими байками, так что нам пришлось соблюдать конспирацию. Ни мадам Иритоцкая, ни граф пока не спускались — видимо, еще «отдыхали». Лишь бы не засекли Бейна за шпионажем.

— Я думаю, лучше не усложнять, — продолжила Верити. — Ты добыл проволоку?

— Да. — Я отвернул лацкан пиджака, демонстрируя. — Полтора часа слушал похвальбу Джейн о ясновидении. Зачем нам проволока?

— Двигать стол. — Верити развернулась, прикрывая нас от случайных взглядов. — Согни ее крючком на конце и перед самым сеансом засунь в рукава. Когда выключат свет, вытащи слегка и зацепи за край стола. Тогда можно будет приподд-

нимать стол, не выпуская руки соседей.

— Приподнимать стол? — Я убрал проволоку обратно под пиджак. — Какой стол? Ту палисандровую махину в гостиной? Да его ни одна проволока не выдержит.

— Выдержит. По принципу рычага.

— Откуда ты знаешь?

— Читала в детективе.

Разумеется.

— А если меня кто-нибудь поймает?

— Не поймают. Там темно будет.

— А если кто-нибудь попросит зажечь свет?

— На свет духи не являются.

— Удобно, — признал я.

— Еще бы. Кроме того, они не являются, если на сеансе присутствует скептик. И если кто-то мешает медиуму или находящимся в кругу. Так что никто тебя не подловит, когда будешь двигать стол.

— Если сдвину. Он небось тонну весит.

— Мисс Климпсон же смогла. В «Смертельном яде». Ей пришлось, потому что у лорда Питера времени уже не оставалось. И у нас тоже.

— Ты поговорила с Финчем?

— Да, наконец-то. Прошагала до самой бейкеровской фермы, где он покупал спаржу. Что он

все-таки замышляет?

— И в дате точно пятерка?

— Там вообще не цифрами, а прописью. А другой даты на «-дцать», где второй буквой была бы «Я», не существует. Пятнадцатое, как ни крути.

— Пятнадцатое июня, — донесся от камина голос профессора. — Канун битвы при Катр-Бра, день роковых ошибок, которые привели к катастрофе Ватерлоо. Именно в этот день Наполеон доверил взятие Катр-Бра маршалу Нею. Скорбный день.

— Будет скорбный, если мы не заманим Тосси в Ковентри, — пробормотала Верити. — Значит, что мы делаем: ты разок-другой толкаешь стол, мадам Иритоцкая спросит, здесь ли дух, и я стукну один раз в подтверждение. Потом она поинтересуется, есть ли у него послание для кого-нибудь из присутствующих, и я его озвучу.

— Озвучишь?

— Стуком. Медиум зачитывает алфавит, а дух отзывается стуком на нужную букву.

— Тягомотина какая-то. Я думал, в ином мире всё знают, могли бы придумать средство связи поэффективнее.

— Придумают — спиритическую доску, но только в 1891 году, так что придется обойтись

чем есть.

— А как ты будешь стучать?

— Пришила коробочку к одной подвязке, крышку к другой. Смыкаешь колени — и вот тебе отличный глухой стук. Прорепетировала в комнате.

— А вдруг ты случайно стукнешь, когда не надо? За ужином, например? — Я скользнул взглядом по длинной юбке.

— Подтянула одну подвязку повыше, а когда начнем сеанс, опущу обратно. Твоя главная задача — нейтрализовать мадам Иритоцкую.

— У нее тоже коробочка из-под сладостей?

— Нет. Она хрустит пальцами ног. Как сестры Фокс. Так что, если прижмешься ногой к ее ноге, вряд ли она отважится выщелкивать. Лишь бы дала мне отстучать «В Ковентри».

— Ты уверена, что получится?

— У мисс Климпсон получилось. И потом, ты же слышал Финча: у Тосси в дневнике сказано, что в Ковентри ездили пятнадцатого, значит, поездка состоялась. Значит, мы ее убедили. Значит, сеанс удался.

— Какая-то странная логика.

— Это викторианская эпоха. Здесь логика женщинам не нужна. — Верити взяла меня под

руку. — А вот и мадам Иритоцкая с графом. Проследуем на ужин?

За столом нас потчевали жареной камбалой, бараньими ребрышками и критикой Наполеона.

— Ночевать во Флерюсе — вот ошибка, — басил полковник. — Двинься он на Катр-Бра, битва началась бы на сутки раньше, и Веллингтон с Блюхером не успели бы объединить силы.

— Вздор! — гнул свое профессор Преддик. — Ему нужно было дождаться, пока просохнет земля после ливней. Наступать по распутице — нелепее не придумаешь.

Вопиющая несправедливость. Им хорошо, они знают, как все вышло в итоге, а у Наполеона и у нас с Верити в распоряжении только жалкая горстка депеш и дата в раскисшем дневнике.

— Чушь! — пробухтел полковник. — Ему бы атаковать чуть раньше и взять Линьи. Ватерлоо тогда и вовсе бы не состоялось.

— Полковник, вы, наверное, много великих сражений повидали в Индии? — полюбопытствовала мадам Иритоцкая. — И много невероятных сокровищ! Привезли что-нибудь с собой? Изумруды раджи, например? Или проклятый лунный камень из глаза туземного божка?

— Что? — поперхнулся в усы полковник. — Лун-

ный камень? Божок?

— Ну да, папенька, — пришла на помощь Тосси. — Лунный камень. Роман такой.

— Хр-р-м. Первый раз слышу.

— Уилки Коллинз, — разъяснила Тосси. — Лунный камень похищен, приезжает детектив, и еще там зыбучие пески, и украл камень главный герой, но сам того не знает. Непременно прочтите!

— Что проку было тогда рассказывать концовку? — хмыкнул полковник. — Нет, никаких божков с драгоценностями.

— Зато Мейсел привез мне изумительное рубиновое ожерелье, — вставила миссис Меринг. — Из Варанаси.

— Рубиновое! — Мадам Иритоцкая метнула многозначительный взгляд на графа. — Подумать только!

— Зачем синьоре рубины, — проговорил граф, — когда ее дочь — лучший сокровьище? Истинный брильянт. Нет, zaffiro perfetto, как это по-вашему, сапфир чистая вода.

Я оглянулся на Бейна, который с мрачной миной разливал суп.

— Мадам Иритоцкая как-то раз связалась с духом раджи, — вспомнила миссис Меринг. — Как думаете, явятся нам духи на сегодняшнем

сеансе?

— Сегодня? — встрепенулась мадам. — Нет-нет, сегодня никаких сеансов. И даже, возможно, завтра. Такие вещи не делаются впопыхах. Мне нужно настроиться.

«Распаковать тромбоны», — продолжил я мысленно и посмотрел на Верити, ожидая увидеть на ее лице такое же огорчение, как у Бейна, однако она невозмутимо поднесла ложку ко рту.

— И явления призраков нам здесь определенно ожидать не стоит, — закончила мадам Иритоцкая. — Видимые манифестации возникают лишь рядом с так называемыми порталами, связывающими наш мир и иной…

— Но здесь есть портал! — просияла миссис Меринг. — Я уверена. Я видела духов в доме и вокруг. И если вы согласитесь сегодня провести сеанс, нам наверняка кто-нибудь явится.

— Не стоит утомлять мадам Иритоцкую, — вмешалась Верити. — В ее словах есть резон. Путешествия на поезде отнимают много сил, мы не вправе требовать от нее тратить попусту свои уникальные психические способности. Поэтому проведем сегодня сеанс сами.

— Без меня? — ледяным тоном проговорила мадам.

— У нас и в мыслях нет транжирить ваш дар на скромную домашнюю забаву. Когда придете в себя после поездки, тогда устроим настоящий сеанс.

Мадам Иритоцкая открыла рот, закрыла, открыла снова — ни дать ни взять полковничий пучеглазый рюкин.

— Рыбы? — услужливо склонился к ней Бейн с блюдом камбалы.

Один — ноль в нашу пользу. Теперь бы с сеансом так же лихо управиться.

Преподобный мистер Арбитидж прибыл в девять, и пока его знакомили с гостями, я воспользовался моментом, чтобы засунуть проволоку в рукава. Потом мы всей гурьбой (за исключением мадам Иритоцкой, которая довольно холодно извинилась и прошествовала к себе, и полковника Меринга, буркнувшего «Чушь!» и удалившегося в библиотеку читать газету) перешли в гостиную и уселись за палисандровый стол, который мне ни за что на свете не поднять, хоть с рычагами, хоть без.

Верити украдкой показала, чтобы я сел рядом с ней. На колени мне тут же опустилось что-то тяжелое.

— Это что? — прошептал я, пока Теренс, граф

и преподобный мистер Арбитидж отвоевывали себе место рядом с Тосси.

— Принцессина корзинка. Откроешь по моему сигналу.

— Какому сигналу?

Ответом мне был резкий пинок по щиколотке.

В возне победили граф и преподобный, так что Теренсу пришлось усаживаться между священником и миссис Меринг. Слева от меня примостился профессор.

— Наполеон тоже увлекался спиритизмом, — сообщил он. — Устроил сеанс в пирамиде Хеопса.

— Нужно взяться за руки, — напомнил граф Тосси, беря ее ладонь в свою. — Вот так…

— Да-да, все беремся за руки, — подхватила миссис Меринг. — О, мадам Иритоцкая, и вы?

Мадам Иритоцкая стояла в дверях, облаченная в летящую фиолетовую мантию с широкими рукавами.

— Духи призвали меня послужить сегодня вечером вашим проводником за разделяющую наши миры завесу. — Она картинно коснулась лба тыльной стороной кисти. — Это мой долг, чего бы он мне ни стоил.

— Как чудесно! — обрадовалась миссис Меринг. — Садитесь же! Бейн, подайте мадам

Иритоцкой стул.

— Нет-нет. — Мадам указала на профессора Преддика. — Вот здесь сходятся телеплазмические вибрации.

Профессор покорно пересел. Спасибо, конечно, что мадам не выбрала место рядом с Верити, но плохо, что она пристроилась по соседству с графом, а значит, одна рука у нее будет свободной. И еще хуже, что она сидит рядом со мной, затрудняя столоверчение.

— Здесь слишком светло, — заявила мадам. — Нужна темнота… — Она окинула гостиную взглядом. — А где мой шкаф?

— Действительно, Бейн, — спохватилась миссис Меринг. — Я ведь велела его сюда поставить.

— Да, мэм, — с поклоном ответил дворецкий. — Там покосилась и заедала дверца, поэтому я отнес его на кухню поправить. И поправил. Прикажете принести?

— Нет! — всполошилась мадам. — Не стоит.

— Как вам будет угодно.

— Я предвижу, что призраки нам сегодня не явятся, — продолжила мадам. — Они желают ограничиться беседой. Возьмемся за руки, — скомандовала она, расстилая по столешнице свои просторные рукава.

Я ухватил ее за правую руку и крепко сжал.

— Нет! — вывернулась она. — Легонько.

— Простите, я в этих делах новичок.

— Бейн, тушите свет. Духи приходят к нам лишь при свечах. Поставьте свечу. Вот сюда. — Мадам указала на подставку для цветов у своего локтя.

Дворецкий зажег свечу и погасил верхний свет.

— И ни в коем случае не включайте, — наказала мадам. — Кроме того, не пытайтесь прикоснуться к духам или медиуму. Это опасно.

Тосси хихикнула, мадам Иритоцкая закашлялась и выпустила мою руку. Я воспользовался моментом, чтобы вытащить проволоку из рукавов и подвести под край стола.

— Прошу прощения. Горло. — Рука мадам скользнула в мою.

Да, свет включать крайне опасно. Готов спорить на что угодно, вместо руки мадам в моей обнаружится длань графа. Про свои собственные манипуляции молчу.

Справа что-то зашуршало. Это Верити спускала подвязку.

— Я никогда прежде не присутствовал на сеансе, — поспешил я заглушить шум. — Мы ведь ничего огорчительного не услышим, надеюсь?

— Духи вольны вещать что сочтут нужным, — ответила мадам.

— Ну разве не восхитительно! — воскликнула миссис Меринг.

— Тишина! — замогильным голосом изрекла мадам Иритоцкая. — Духи из иного мира, мы призываем вас! Придите и поведайте нашу судьбу!

Свеча погасла.

Миссис Меринг вскрикнула.

— Тишина! — провозгласила мадам Иритоцкая. — Они идут.

В наступившей паузе раздался кашель на разные голоса, потом Верити пнула меня по лодыжке. Я открыл корзину.

— Я что-то чувствую, — сообщила Верити, что было неправдой, поскольку Принцесса обтиралась о мои ноги, а не о ее.

— Я тоже, — откликнулся через секунду преподобный. — Словно холодом повеяло.

— Ах! — выдохнула Тосси. — Теперь и я тоже.

— Дух, ты здесь? — вопросила мадам, и я, подавшись вперед, приподнял запястья.

Стол, как ни странно, и впрямь качнулся. Едва заметно, однако достаточно, чтобы миссис Меринг с Тосси дружно заахали, а Теренс воскликнул: «Однако!»

— Если ты здесь, дух, — продолжала мадам с явным раздражением, — поговори с нами. Стукни один раз, если да, дважды — если нет. Ты добрый дух?

Я затаил дыхание.

Коробочка из-под фиалок клацнула, возвращая мне веру в детективы.

— Ты Гитчевата?

— Это ее проводник, — объяснила миссис Меринг. — Индейский вождь.

Клац, клац.

— Ты — дух, которого я видела недавно ночью? — подключилась миссис Меринг.

Клац.

— Я знала! — обрадовалась хозяйка.

— Кто ты? — холодно вопросила мадам Иритоцкая.

Тишина.

— Он ждет, пока мы зачитаем алфавит, — сказала Верити, и даже в темноте я почувствовал, как мадам испепеляет ее взглядом.

— Дух, ты хочешь побеседовать с помощью алфавита? — восторженно уточнила миссис Меринг.

Клац. А потом щелчок, словно кто-то хрустит суставом.

— Ты не хочешь беседовать? — растерялась миссис Меринг.

Клац. И резкий пинок по щиколотке.

— Хочет, — поспешно вставил я. — А, Б, В…

— «К»! — воскликнула Тосси, услышав клацанье. — Ах, мадам Иритоцкая, помните, у вас они мне тоже простучали «ка».

— А дальше? — поторопила миссис Меринг. — Читайте дальше, мистер Генри.

Нет уж, пока тут кое-кто беспрепятственно хрустит пальцами. Я едва заметно сполз со стула и, вытянув левую ногу, плотно прижался ботинком к туфле мадам.

— АБВГДЕЖЗИКЛМНО, — скороговоркой протараторил я.

Клац.

Мадам отдернула ногу. Интересно, что будет, если я обрушу ей свою ладонь на колено?

Поздно.

— АБВГ… — начала миссис Меринг, и следом прозвучал хруст. — «И»? КОИ? — переспросила она.

— Кои, — обрадовался профессор. — Парчовый carpinus carpio, насчитывает более восьмидесяти пород.

— «По коему в конце всего — покой»[44], — процитировал Теренс.

— Кои, коли, коди… — задумчиво перебирал священник. — Дух, ты, часом, не ковбой Буффало Билл Коди?

— Нет! — выкрикнул я, пока никто не простучал подтверждение. — Я понял! Это не «К», это «Г», они ведь похоже звучат, — выкручивался я, ухватившись за догадку мистера Арбитиджа и вспомнив вчерашнего мистера Килбрета-Гилбрета. Лишь бы никто не спохватился, что в алфавите эти буквы довольно далеко друг от друга. — ГОДИ. Нам пытаются сказать «Годива». Ты дух леди Годивы?

Отчетливый «клац» возвестил, что мы, слава Богу, вырулили и можно продолжать.

— Леди Годива? — с сомнением повторила миссис Меринг.

— Это не та ли, что ехала на лошади совсем… — припомнила Тосси.

— Тоселин!

— Леди Годива была святая женщина, — вступилась Верити. — Она пеклась исключительно об интересах подданных. Вряд ли она будет обра-

---

[44] Примечания: 44
Теннисон, Альфред. Тифон. Пер. А. Сергеева.

щаться к нам попусту, без важного дела.

— Да, — подхватил я, крепко прижимая ногу мадам Иритоцкой. — Что ты хочешь поведать нам, леди Годива? АБВ…

Я тараторил, не давая мадам хрустнуть суставом. «К». Клац. Есть. Второй заход, еще быстрее. АБ…

На «Б» раздался резкий, сухой щелчок, словно кто-то в сердцах ломает пальцы. Я попробовал не обратить внимания и читать дальше, но уловка не сработала.

— «Б», — провозгласила миссис Меринг. — КБ.

— Что-то не подберу слов, начинающихся с КБ, — озадачился Теренс.

— Может, это сокращенно? — предположила Тосси. — Ка-бэ, кэ-бэ. КЕБ! Поездка?

— Да, наверняка, — согласилась миссис Меринг. — Но куда? АБВГ…

Хотя на «К» Верити клацнула вовремя, я уже понял, что каши мы не сварим. Такими темпами «О» нам больше не видать.

— «А»… — произнесла миссис Меринг.

Я с силой наступил на ногу мадам, но было поздно. Хрусть. С неприкрытой яростью. Как бы она и вправду палец там не сломала.

— К-А… — соединила буквы миссис Меринг.

— КошКА! — безапелляционно заключила мадам Иритоцкая. — Дух хочет передать нам весточку от кошки мисс Меринг. Я вещаю от имени Принцессы Арджуманд, — хрипло провыла она нечеловеческим голосом. — Она здесь, с нами, в ином мире…

— Принцесса? В ином мире? — изумилась Тосси. — Но этого не может быть! Она ведь…

— Не горюйте о ее безвременной кончине. Ей хорошо здесь.

Как раз в этот момент Принцессе Арджуманд вздумалось прыгнуть на стол — все отпрянули, Тосси взвизгнула.

— Ой, Принцесса! Конечно же, ты не ушла в мир иной. Мадам Иритоцкая, почему дух так сказал?

Я не стал дожидаться объяснений.

— Значит, это не КА. Начнем опять с «К», раз она все время повторяется. Что ты пытаешься поведать нам, дух? АБВГД… — затараторил я с пулеметной скоростью.

Верити клацнула в нужный момент.

— КО? — озвучила результат Тосси. — КО. С «ко» много слов начинается.

— Куда может звать нас леди Годива? — задал я наводящий вопрос.

— Ковентри, — догадалась миссис Меринг, и я

готов был ее расцеловать. — Дух, ты зовешь нас в Ковентри?

Неистовое клацанье.

— А куда именно в Ковентри? — уточнил я, надавив на ногу мадам Иритоцкой, и галопом понесся по алфавиту.

Верити благоразумно решила не разменяться на «святого» и «церковь». Она клацнула на «М» и «И», а когда мы чудом добрались до «Х», я, не представляя, сколько еще смогу нейтрализовывать мадам, пошел ва-банк: «Михаил? Святой Михаил?» — и получил подтверждающий «клац».

— Ты зовешь нас в церковь Святого Михаила?

Ликующий «клац», и я убрал ногу.

— Церковь Святого Михаила! О, мадам Иритоцкая, выезжаем завтра же утром! — загорелась миссис Меринг.

— Тихо! — велела мадам Иритоцкая. — Я чувствую злонамеренное присутствие.

Я принялся лихорадочно шарить ногой под столом.

— Ты злой дух? — вопросила мадам.

Хрусть. Я надеялся, что Верити клацнет вдогонку, но услышал только судорожное шуршание. Видимо, она поторопилась на радостях поддер-

нуть подвязку с коробочкой повыше.

— Тобой управляет скептик? — продолжала мадам. Хрусть. — Бейн, включайте свет. Кто-то здесь стучит вместо духа.

Сейчас меня засекут с торчащей из рукавов проволокой. Я попытался выдернуть руку, которую сжимала мадам (или граф), но хватка оказалась железной.

— Бейн, свет! — повторила мадам Иритоцкая властно, чиркая спичкой и зажигая свечу.

Из французских дверей повеяло ветром, свеча погасла. Тосси взвизгнула, и даже Теренс не удержался от сдавленного возгласа. Все обернулись на раздувающиеся парусом гардины. Послышался глухой стон, и в проеме показалось что-то светящееся.

— Боже правый! — выдохнул преподобный мистер Арбитидж.

— Явление… — пробормотала миссис Меринг.

Явление медленно проплыло в открытые французские двери, слегка кренясь влево и излучая зеленоватое призрачное сияние.

Железная хватка ослабла, я высвободил руку и засунул проволоку поглубже в рукава — до самых локтей. Верити рядом со мной, пошуршав юбками, втиснула коробочку в мой правый ботинок.

— Граф де Веккио, включите свет! — не унималась мадам Иритоцкая.

— Una fantasma! [45] — воскликнул граф, крестясь.

Верити выпрямилась и взяла меня за руку.

— О явление, ты дух леди Годивы?

— Граф де Веккио, я приказываю вам зажечь лампу! — распалялась мадам.

Добравшись до французских дверей, явление словно взлетело, и в темноте проступили очертания лица. Под плотной вуалью блеснули большие выразительные глаза. Приплюснутый нос. Брыли.

Рука Верити, сжимавшая мою, слегка дрогнула.

— О дух, — произнесла она бесстрастно, — ты зовешь нас в Ковентри?

Явление плавно скользнуло за порог, повернулось и растворилось в темноте, словно скрывшись под темным плащом. Двери захлопнулись.

— Дух повелевает нам ехать в Ковентри, — подтвердил я. — А духам перечить опасно.

— Вы видели? — полуобморочным голосом проговорил граф. — Кошмар, суйщий кошмар!

---

[45] Примечания: 45
Призрак! (*ит.*)

— Я узрел серафима во плоти, — благоговейно отозвался преподобный.

Вспыхнул свет. У мраморного столика с лампой стоял Бейн, спокойно подкручивая фитиль.

— Ах, мадам Иритоцкая! — провозгласила миссис Меринг, оседая без чувств на ковер. — Это было лицо моей дражайшей матушки!

Глава восемнадцатая

Во всех моих странствованиях… я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками.

«Лунный камень» Уилки Коллинз

Здоровый сон — Самозванец — Неожиданный отъезд — Еще самозванцы — Мадам Иритоцкой предсказывают будущее — Разгадка тайны перочистки — Епископский пенек как орудие убийства — Кража — Разгадка тайны рубинов — Разгадка тайны дневника — Затянувшийся отъезд — Поезд до Ковентри — Потрясение

У меня ушел битый час и бутылка бензола на то, чтобы под неусыпным взором Принцессы Арджуманд отмыть Сирила от бальменовской светящейся краски. Мы, видимо, здорово надышались, поскольку следующее, что я помню, — Бейн тряс меня за плечо со словами: «Простите, что беспокою, сэр, но уже седьмой час, а полковник Меринг просил разбудить его и профессора Пред-

дика в семь».

— М-м-м, — промычал я, стряхивая сон.

Сирил зарылся поглубже в одеяло.

— Джимми Сламкин, сэр, — произнес Бейн, наливая горячую воду в умывальник.

— Что?

— Настоящее имя графа. Джимми Сламкин. Так значится в его паспорте.

Сламкин. Что ж, значит, и он отпадает в качестве кандидатуры на роль таинственного мистера К. Оно, вероятно, к лучшему, однако хотя бы один подозреваемый нам нужен. У преславутого лорда Питера и месье Пуаро, напротив, от подозреваемых отбоя не было. Ни представляю себе детектива совсем без подозреваемых.

Я спустил ноги с кровати.

— Точно Сламкин? Не Кламкин, например?

— Сламкин, сэр. А что?

— Мадам Иритоцкая предсказала мисс Меринг замужество с кем-то на «К», — объяснил я, слегка подтасовав факты.

Бейн продолжил раскладывать бритвенные принадлежности.

— В самом деле? Возможно, опять кто-то что-то недослышал и имелось в виду «Г»? Граф?

— Нет, — покачал я головой. — Совершенно

точно «К» и совершенно точно «мистер К», так что это не титул. Вы, часом, не припомните в здешней округе подходящих женихов с фамилиями на «К»?

— Женихов? Нет, сэр.

Меня побрили, одели, и я попытался растолкать Сирила.

— На этот раз я тебя не понесу.

— Там сегодня довольно прохладно и пасмурно, — заметил Бейн, портя мне все уговоры. — Вам лучше надеть пальто.

— Пасмурно? — пропыхтел я, подпихивая Сирила к краю кровати.

— Да, сэр, — подтвердил Бейн. — Похоже, собирается дождь.

Бейн не преувеличил. Судя по набрякшим тучам, полить могло в любую минуту, а холод стоял такой, словно я вдруг переместился в середину декабря. Сирил, едва высунув нос наружу, рванул со всех ног обратно, и только на лестнице я отловил его и стащил вниз.

— На конюшне теплее, — уговаривал я.

Наглая ложь. Там было промозгло и темно. Конюх, видимо, тоже проспал. Нашарив спички и лампу, я зажег фитиль.

— Привет, — раздался голос Верити. Она сидела

на тюке с сеном, болтая ногами. — Где ты был?

— Что ты здесь делаешь?

— Мадам Иритоцкая с графом уехали в четыре. Подкупили конюха, чтобы отвез их на станцию.

Сирил, притворявшийся, будто без посторонней помощи не одолеет и лестничную ступеньку, одним махом взлетел на тюки — к Верити на колени.

— И тебе привет, Сирил! Нед, я подумала, вдруг ты правильно предполагал, что мистер К — это граф, поэтому я на всякий случай проследила за нашим гостем. Хотела убедиться, что с ним не убегает Тосси.

— Он не мистер К, — опроверг я устаревшую версию. — Он Джимми Сламкин.

— Знаю, — почесывая Сирила за ухом, кивнула Верити. — Он же Том Хиггинс, граф де Фано и Боб Вексфорд по прозвищу Хорек. Я перебросилась после их отъезда и посмотрела в архивах Скотленд-Ярда. И еще я догадываюсь, зачем они приезжали.

— Прощупать почву?

— Возможно. — Сирил с блаженным вздохом перевернулся на бок, и Верити принялась чесать ему брюхо. — Позавчера мадам Иритоцкая проводила специальный сеанс для Общества

психических исследований, чтобы они удостоверились в подлинности ее дара. Ее связали по рукам и ногам и заперли в собственном шкафчике, после чего явился дух Клеопатры. Он играл на бубне, приплясывал вокруг стола, дотрагивался до участников сеанса и предрекал им дальнюю дорогу. — Верити посмотрела на меня с лукавой улыбкой. — К несчастью, на одного из представителей Общества чары Клеопатры подействовали так сильно, что вопреки предостережениям мадам Иритоцкой он схватил царицу за руку и потянул к себе на колени.

— И что потом?

— Дух вцепился ему в волосы и начал кусаться, тот завопил от боли. Тогда другой участник включил свет, отпер шкафчик…

— В котором, как ни странно, оказалось пусто.

— И сорвал с Клеопатры вуаль, под которой обнаружилась мадам Иритоцкая. Три дня спустя они с подельником сбежали во Францию, где ее разоблачил Рише, даром что верил абсолютно во все и вся. Потом она отправилась в Калькутту и там научилась у индийского факира новым фокусам, в 1922 году перебралась в Америку — где ее вывел на чистую воду Гудини, — а оттуда обратно в Оксфорд, где Артур Конан Дойль назвал ее

«величайшим медиумом на свете» и заключил, что «в подлинности ее дара не может быть ни малейших сомнений».

Верити с обожанием посмотрела на Сирила.

— Когда надежно сосватаем Тосси за мистера К, — пообещала она, почесывая его за ухом, — я, пожалуй, заберу тебя с собой. Шучу, — успокоила она меня, лукаво блеснув глазами. — Я завязала с диссонансами. Но бульдога завела бы с радостью.

— Я тоже.

Верити опустила взгляд.

— Каррадерса так и не вытащили. Сеть по-прежнему не открывается. Уордер предполагает, что это временная блокада, и пытается ее преодолеть с помощью ускоренных четырехчасовых интервалов.

— А Ти-Джей разобрался, как диссонанс обошел защитные механизмы сети?

— Нет. Зато выяснил, почему Наполеон проиграл Ватерлоо, — улыбнулась она и тут же посерьезнела снова. — А еще ему наконец удалось сгенерировать диссонанс.

— Да? Что же ты сразу не сказала?

— Так ведь это лишь модель. И потом, это не такой диссонанс. Он возник в ходе самокоррекции

— в том варианте, где путешественник во времени убивает Веллингтона. Когда Ти-Джей ввел в модель второго путешественника, тот украл ружье, из которого первый собирался застрелить Веллингтона, и вынес через сеть, тем самым предотвращая диссонанс, а не создавая. Однако Ти-Джей просил передать тебе, что по крайней мере гипотетически сеть какие-то предметы выпускает из прошлого, хоть это к нашему случаю и не относится.

Гипотетически выпускает. Замечательно, только это не поможет открыть сеть для путешественника номер один — того, которого командируют убивать Веллингтона.

— Еще что-нибудь выяснилось?

— Нет. Ти-Джей и мистер Дануорти рады, что нам удалось заманить Тосси в Ковентри. Они сходятся во мнении, что отсутствие роста сдвигов в районе изначальной переброски свидетельствует о кратковременном характере диссонанса, а значит, для его самокоррекции достаточно будет обеспечить присутствие Тосси в соборе в указанную дату. — Верити снова уставилась в пол. — И если диссонанс исчезнет, нам больше здесь делать нечего и нужно готовиться к встрече с леди Шрапнелл. А я обещала помочь с поиска-

ми епископского пенька. Поэтому решила тебя дождаться.

Она спихнула Сирила с колен, достала из кармана перо, бутылочку чернил, несколько листов бумаги и разложила все это на тюке с сеном.

— Это зачем? — не понял я.

— Распишем по пунктам, что могло случиться с епископским пеньком. Лорд Питер Уимзи и Гарриет Вейн составляли похожий список версий в восьмом романе — «Где будет труп».

— Все варианты просчитать невозможно, — возразил я. — Ведь континуум — хаотическая система…

Верити пропустила мои слова мимо ушей.

— У Агаты Кристи всегда остается одна вероятность, которую никто не учел, и именно в ней кроется разгадка. Так… — Верити обмакнула перо в чернила. — Номер один: епископский пенек был в соборе во время налета и сгорел при пожаре. Номер два: он был в соборе, уцелел в огне и был найден на руинах. Номер три… — Перо деловито строчило по бумаге. — Пенек спасли из собора во время налета.

Я покачал головой:

— Во время налета спасли только флаг, два комплекта подсвечников, деревянное распятие и

книги из алтаря. Есть список.

— Мы пока перечисляем все версии, — возразила Верити. — А потом будем вычеркивать невозможные.

«То есть все три», — вздохнул я про себя.

— Номер четыре, — продолжила она. — Пенек уцелел при налете, но почему-то не попал в список и куда-нибудь завалился.

— Нет. Миссис Биттнер проводила инвентаризацию перед продажей, она бы его нашла.

— Когда Гарриет составляла список, лорд Питер, между прочим, не перебивал ее на каждом слове. Номер пять: его вовсе не было в соборе во время налета. Его вынесли где-то между десятым и четырнадцатым ноября.

— Зачем? — поразился я.

— Для сохранности. Вместе с восточными витражами.

— Я ведь ездил в дом настоятеля, к Люси Хэмптон, — напомнил я. — Ничего, кроме витражей, к ним из Ковентрийского собора не привозили.

— Хм. Ладно, а если его забрал домой кто-нибудь из прихожан? Тоже чтобы уберечь или, например, почистить, вот его и не оказалось в соборе в ночь налета?

— Если так, почему этот кто-то не принес его

обратно?

— Не знаю. — Верити задумчиво покусала губу. — Может, сам погиб при налете, от фугаса… А наследники не знали, что пенек из собора.

— Или он подумал: «Нет, я не могу поступить так с ковентрийцами. Им и без того досталось, собор погиб, за что им еще одно наказание в виде епископского пенька?»

— Не дурачься, — велела Верити. — Или, предположим, пенек не вернули, потому что он был поврежден во время налета — той же бомбой, например.

Я покачал головой:

— Епископскому пеньку даже прямое попадание нипочем.

Верити положила перо.

— Хорошо, что мы наконец едем в Ковентри. Хоть посмотрю на это чудо своими глазами. Не может он быть настолько жутким. — Она задумалась. — А если епископский пенек участвовал в преступлении — например, как орудие убийства? На нем осталась кровь, поэтому его похитили, чтобы скрыть следы…

— Ты перечитала детективов, — заключил я.

Верити снова обмакнула перо в чернила.

— Или, может, он действительно хранился в

соборе, только не на виду, а внутри чего-то? Как в «Украденном письме» По.

Верити начала новую строчку, но остановилась и посмотрела на перо. Потом вытащила из кармана оранжевую перочистку в виде георгина.

— Что ты делаешь?

— Чищу перо, — недоуменно пожала плечами Верити, вытирая металлический кончик о многослойную ткань.

— Перочистка! — осенило меня. — Перо-чистка! Для чистки писчих перьев!

— Ну да. — Верити посмотрела на меня подозрительно. — На кончике скопилось слишком много чернил, вышла бы клякса.

— Конечно же! Поэтому его вытирают о перочистку!

— Нед, ты сколько раз перебрасывался? — начала Верити.

— Ты просто золото! — Я ухватил ее за плечи в порыве чувств. — Ты разгадала тайну, которая не давала мне покоя с 1940-х. Я готов тебя расце…

Со стороны дома донесся душераздирающий вопль, и Сирил прикрыл морду лапами.

— Что опять такое? — произнесла Верити с видимым огорчением.

— Ритуальный обморок? — предположил я,

отпуская ее плечи.

Верити встала, отряхивая юбку от соломинок.

— Не дай Бог, расстроит поездку в Ковентри, — обеспокоилась она. — Ты иди первым, а я проберусь через кухню.

— Мейсел! — верещала миссис Меринг. — Ах, Мейсел!

Я поспешил к дому, ожидая увидеть хозяйку без чувств среди нагромождения безделушек в гостиной, но она стояла на лестнице в халате, судорожно вцепившись в перила. Волосы заплетены в две косы, в свободной руке пустая бархатная шкатулка.

— Мои рубины! — прорыдала она полковнику, которого, судя по салфетке в руке, выдернули прямо с завтрака. — Их украли!

— Я знал! Не нужно было пускать в дом эту шарлатанку! — Полковник от потрясения даже фразы перестал рубить. — Воры!

Он в ярости швырнул салфетку.

— Ах, Мейсел… — Миссис Меринг прижала шкатулку к груди. — Неужели ты подозреваешь мадам Иритоцкую?!

— Что случилось, маменька? — На шум вышла Тосси.

— Тоселин, ступай проверь, не пропало ли у

тебя что из драгоценностей!

— Мой дневник! — вскричала Тосси и кинулась к себе в комнату, чуть не столкнувшись с Верити, которая, видимо, поднялась по черной лестнице.

— Что такое? — спросила она. — Что происходит?

— Кража! — лаконично отрапортовал полковник. — Велите мадам Как-там-ее и этому графу немедленно спуститься!

— Они уехали, — сказала Верити.

— Уехали? — Миссис Меринг покачнулась, и я испугался, что сейчас она рухнет через перила.

Я рванул наверх, Верити поспешила вниз, и вдвоем мы свели миссис Меринг по лестнице в гостиную, где усадили на пухлый диван рыдать.

На площадке второго этажа показалась раскрасневшаяся Тосси.

— Маменька, нет моего гранатового ожерелья! — воскликнула она, сбегая по лестнице. — И жемчугов, и аметистового кольца! — Однако вместо гостиной она свернула в коридор и через мгновение появилась с дневником. — Слава Богу, я спрятала дневник в библиотеке, где его никто не заметит среди книг!

Мы с Верити переглянулись.

— Знал, что это столоверчение до добра не

доведет, — проворчал полковник. — Где Бейн? Позвоните!

Верити шагнула к сонетке, но Бейн уже стоял в дверях с надколотым фаянсовым кувшином.

— Поставьте, — велел полковник, — и вызовите констебля. У миссис Меринг пропало колье.

— А у меня — аметистовое кольцо… — начала Тосси.

— Рубины миссис Меринг и другие драгоценности я вчера вечером забрал в чистку, — успокоил всех Бейн. — Когда их надевали в прошлый раз, мне они показались несколько потускневшими. Замочил их на ночь в растворе уксуса с содой. — Бейн выудил из кувшина рубиновое колье и передал полковнику. — Я как раз укладывал их обратно по футлярам. Мне следовало уведомить миссис Меринг заранее, но она была занята с гостями.

— Я знала! — воскликнула миссис Меринг с дивана. — Мейсел, как ты мог заподозрить дражайшую мадам Иритоцкую?

— Бейн, проверьте серебро, — велел полковник. — И Рубенса.

— Да, сэр. К какому часу прикажете подать коляски?

— Коляски? Зачем это?

— Чтобы ехать в Ковентри, — объяснила Тосси. — Мы собираемся в церковь Святого Михаила.

— Эка! — хмыкнул полковник. — Отставить поездки! Воры вокруг дома рыщут! Вернутся в любой момент.

— Но нам обязательно нужно съездить, — вмешалась Верити.

— Нас позвали духи, — подтвердила Тосси.

— Чушь и вздор! — забрызгал слюной полковник. — Небось нарочно подстроили, чтобы выманить нас, а самим без помех пробраться в дом и обокрасть!

— Подстроили? — Миссис Меринг величественно поднялась с дивана. — Ты намекаешь, что полученное нами вчера послание от духов было фальшивым?

Полковник Меринг на нее даже не взглянул.

— Коляски отставить. И лошадей держите наготове. Мало ли… — У него вдруг вытянулось лицо. — Мой черный телескоп!

Мне слабо верилось, что мадам Иритоцкой придет в голову похитить золотую рыбку, даже если рубины уплыли из рук, но полковнику я этого говорить не стал. Только посторонился, когда он торпедой вылетел за дверь.

Миссис Меринг бессильно опустилась на диван.

— Как твой отец мог сомневаться в мадам Иритоцкой? Счастье, что она уехала и не слышит этих огульных наветов! — Она задумалась. — Бейн, как она объяснила свой отъезд?

— Я и сам узнал о нем лишь утром, — сообщил Бейн. — Судя по всему, они отправились среди ночи. Для меня это оказалось полной неожиданностью: я ведь пообещал мадам Иритоцкой, что вы наверняка сегодня же напишете в Общество психических исследований и пригласите кого-нибудь оттуда поприсутствовать при явлении призраков. Я ни на секунду не сомневался, что ради такого она непременно останется, но, видимо, у нее нашлись срочные дела.

— Не иначе, — согласилась миссис Меринг. — Зовом духов нельзя пренебрегать. Но Общество психических исследований здесь, в нашем доме! Какая была бы честь!

Вернулся полковник с Принцессой Арджуманд под мышкой. Вид у него был мрачный.

— Телескоп в целости, сэр? — встревоженно поинтересовался я.

— До поры, — ответил он, сгружая кошку на пол.

Тосси тут же подхватила ее на руки.

— Неспроста они именно сейчас пожаловали — перед доставкой моего серебристого тантё, — насупился полковник. — Бейн! Вы будете весь день караулить у пруда. Мало ли когда они вернутся.

— Бейна я беру с собой. — Миссис Меринг поднялась с дивана, словно валькирия — две косы, глаза сверкают боевым огнем. — Мы едем в Ковентри.

— Дудки! Я из дома ни ногой. Остаюсь держать оборону.

— Тогда мы едем без тебя, — решила миссис Меринг. — Духам перечить нельзя. Бейн, когда ближайший поезд на Ковентри?

— В девять ноль четыре, мэм, — с ходу откликнулся Бейн.

— Отлично, — поворачиваясь спиной к полковнику, заключила хозяйка. — Подавайте коляску к четверти девятого. В половине девятого выезжаем на станцию.

Бейн выполнил распоряжение в точности, но в половине девятого мы не выехали. Как и в половине десятого. И одиннадцатого. К счастью, были еще поезда в девять сорок девять, десять семнадцать и одиннадцать ноль пять, о чем Бейн,

словно ходячий железнодорожный справочник, извещал нас после каждой задержки.

Задержки случались одна за другой. Миссис Меринг заявила, что утреннее потрясение лишило ее последних сил и она шагу не сделает без сытного завтрака из кровяной колбасы, кеджери и куриных потрошков. Тосси не могла найти лавандовые перчатки. Джейн принесла не ту шаль.

— Нет-нет, кашемировая слишком теплая для июня, — отказалась миссис Меринг. — Несите данфермлинскую шотландку.

— Мы так упустим мистера К, — начала отчаиваться Верити, дожидаясь в прихожей, пока миссис Меринг в очередной раз сменит шляпку.

— Не упустим, — успокоил ее я. — Выедем через полчаса и успеем на одиннадцать двадцать шесть. В дневнике ведь не указывалось точное время встречи. Выдохни.

Верити кивнула.

— Я тут думала о епископском пеньке. Вдруг, наоборот, какие-то ценности спрятали в нем, уберегая от кражи? А потом пришли забирать, но вытаскивать припрятанное было некогда, поэтому они захватили пенек вместе с содержимым. — Верити взглянула на лестницу. — Что они там возятся? Уже почти одиннадцать.

Тосси в лавандовых перчатках и облаке лавандовых рюшей медленно спустилась в прихожую.

— Кажется, собирается дождь, — нахмурилась она, выглянув в открытую дверь. — Под дождем мы ничего не сможем посмотреть. — Она обернулась к надвигающейся миссис Меринг. — Маменька, может быть, отложим на завтра?

— Нет! — испугалась Верити. — Что, если у леди Годивы срочное дело?

— Но дождь и вправду собирается, — озабоченно проговорила миссис Меринг. — Бейн взял зонтики?

— Да, — ответил я.

А еще путеводители, корзинку с ланчем, нюхательные соли, спиртовку, вышивку миссис Меринг, роман для Тосси, Теннисона для Теренса, несколько номеров спиритического еженедельника «Светоч», ворох пледов и шерстяных покрывал, причем уложил все так виртуозно, что в двух экипажах еще осталось место для нас — благо, впрочем, профессор Преддик решил остаться с полковником дома.

— Я намеревался обсудить с ним некоторые моменты битвы при Фермопилах, — объяснил он миссис Меринг.

— Что ж, главное — уведите его в дом, если

начнется дождь, — явно смягчившись по отношению к супругу, напутствовала та. — Иначе не миновать ему простуды.

Теренс подвел Сирила к коляске и принялся подпихивать на подножку.

— Мистер Сент-Трейвис, — прогремела миссис Меринг вагнеровским металлом, — вы же не думаете взять это создание с собой?

Теренс замер, оставив задние лапы Сирила болтаться в воздухе.

— Сирил ведет себя в поезде как истинный джентльмен. Путешественник он опытный, был в Лондоне, Оксфорде, Суссексе. Ему нравится смотреть в окно — пейзажи, кошки и прочее. И с железнодорожными служащими отлично ладит.

С миссис Меринг поладить не получилось.

— Вагон не место для животных! — отрезала она.

— А я как раз надела новое дорожное платье, — подхватила Тосси, разглаживая оборочки лавандовой перчаткой.

— Но он ведь расстроится.

Теренс неохотно спустил бульдога на землю.

— Чепуха! — отмахнулась миссис Меринг. — У собак нет чувств.

— Не горюй, Сирил, — утешил его профессор

Преддик. — Пойдешь с нами на пруд. Я всегда чрезвычайно любил собак. Да и племянница моя, Мод, тоже — всегда чем-нибудь со стола угостит.

Они с Сирилом удалились.

— Садитесь, мистер Сент-Трейвис, — поторопила миссис Меринг. — Мы из-за вас на поезд опоздаем. Бейн, вы взяли мой лорнет?

Наконец ближе к одиннадцати мы укатили на станцию.

— Учти, — шепнула мне Верити, когда я помогал ей забраться в коляску, — в дневнике Тосси сказано только «поездка в Ковентри». Этап поездки не уточняется, так что мистер К может попасться и на перроне, и в поезде.

На станцию мы прибыли в одиннадцать ноль девять. Поезд уже ушел — что, впрочем, к лучшему, поскольку выгружались мы добрых десять минут. Пока мы дошли до перрона, тот уже опустел.

— Поезд мог бы и подождать! — возмущалась миссис Меринг. — Подумаешь, несколько минут. Какая неучтивость!

— Сейчас пойдет дождь и погубит мое дорожное платье, — нервничала Тосси, посматривая на небо. — Ах, Теренс, только бы на свадьбе обошлось без дождя!

— «О, торжество, день долгожданный, ясный…» — рассеянно процитировал Теренс, оглядываясь на Мачингс-Энд. — Только бы профессор не бросил Сирила на улице, если все-таки польет.

— Только бы им не взбрело в голову отправиться в такую погоду на рыбалку, — поправила миссис Меринг. — Для Мейсела с его слабой грудью это погибель. Прошлой весной он схватил ужасную простуду. Две недели в кровати, душераздирающей кашель… Врач говорил, до воспаления легких рукой подать было, чудом обошлось. Мистер Генри, окажите любезность, посмотрите, не идет ли поезд.

Я прогулялся до конца перрона. Когда я вернулся, Верити стояла чуть в стороне от остальных.

— Я тут думала о епископском пеньке. В «Лунном камне» похититель украл драгоценность сам того не зная, в сомнамбулическом состоянии. Потом куда-то спрятал, и драгоценность украли уже у него. Что, если тот, кто взял епископский пенек…

— Ходил во сне? В Ковентрийском соборе?

— Нет. Не знал, что совершает кражу.

— Сколько раз ты перебрасывалась на этой неделе? — сощурился я.

Появился Бейн в компании с носильщиком (лет

по меньшей мере семидесяти на вид), и вместе с кучером они принялись выгружать вещи из колясок на край перрона. Верити оценивающе посмотрела на носильщика.

— Нет, — наконец сказала она. — Тосси прожила с мужем больше пятидесяти лет. Этому пришлось бы дотянуть до ста двадцати.

— Что там насчет поезда, мистер Генри? — окликнула меня миссис Меринг.

— Увы, пока не видно, — ответил я, возвращаясь.

— Где же он? Надеюсь, его опоздание не дурной знак. Мистер Генри, коляски уже уехали?

— В Ковентри нужно непременно попасть сегодня, — напомнила Верити. — Что подумает мадам Иритоцкая, если мы пренебрежем велением духов?

— Тем более что она сама не побоялась сорваться на их зов среди ночи, — поддакнул я, мысленно поторапливая проклятый поезд. — Да и в Ковентри наверняка распогодится, готов ручаться.

— А в Ковентри так много разных чудес… — попыталась соблазнить спутниц Верити, но умолкла, ничего подходящего не припомнив.

— Синяя краска, — пришел я на помощь. — Знаменитый ковентрийский синий краситель.

И ленты!

— Пожалуй, прикуплю для приданого, — оживилась Тосси.

— Профессор Преддик такой рассеянный, — проговорил Теренс озабоченно. — Он ведь не бросит Сирила за порогом, как думаете?

— Да, лазурные ленты на дорожную шляпку, в которой я буду уезжать со свадьбы, — размечталась Тосси. — Или лучше незабудковые? Как думаете, маменька?

— Почему эти поезда не могут приходить согласно расписанию, не вынуждая нас томиться тут часами? — возмущалась миссис Меринг.

И так до самого прибытия поезда, который ровно в одиннадцать тридцать две подкатил к перрону в клубах пара. Верити буквально затолкала всех внутрь, зорко поглядывая по сторонам в поисках потенциального мистера К.

Бейн помог миссис Меринг подняться в вагон и проводил в купе, а потом помчался присмотреть за носильщиком, загружающим поклажу. Джейн устроила миссис Меринг на сиденье, выдала лорнет, вышивку, нашла платок и шаль, а потом, сделав напоследок книксен, спустилась обратно на перрон.

— Куда это она? — спросил я украдкой у Верити,

наблюдая, как Джейн бежит со всех ног в хвост поезда.

— Во второй класс. Слуги не ездят в одном вагоне с господами.

— А как же те обходятся?

— Никак, — ответила Верити, подхватывая юбки и забираясь по лесенке в тамбур.

Без слуг действительно не обходились никак. Как только все вещи погрузили в поезд, Бейн вернулся с пледом для миссис Меринг и спросил, не изволит ли она еще чего-нибудь.

— Подушку, — попросила та. — Эти вагонные сиденья такие неудобные.

— Да, мэм. — Он галопом умчался прочь и вернулся (минуты не прошло), растрепанный и запыхавшийся, с парчовой подушкой. — В редингском поезде есть переходы между вагонами, мэм, — пропыхтел он, — а в этом нет. Но я к вашим услугам на каждой остановке.

— Разве прямых поездов до Ковентри не было? — поморщилась миссис Меринг.

— Был, мэм. В десять семнадцать. Поезд сейчас тронется, мэм. Изволите еще что-нибудь?

— Да, бедекеровский путеводитель. И коврик для ног. Полы в этих поездах грязнее, чем в хлеву.

Видно, что миссис Меринг никогда не бывала в метро. Закон Вселенной: свою эпоху никогда не ценят. Особенно транспорт. В двадцатом веке возмущаются задержками рейсов и ценами на бензин, в восемнадцатом — непроезжими дорогами и разбойниками. Любимые профессором Преддиком греки наверняка ругали на чем свет стоит норовистых лошадей и ломающиеся оси колесниц.

На поездах я уже ездил, в 1940-х, — в последний раз к Люси Хэмптон, проверить, не отправился ли епископский пенек вместе с восточными витражами, — но те поезда были под завязку набиты солдатами, окна затянуты затемняющими шторами, и весь лишний металл снят на производство боеприпасов. Впрочем, даже в мирное время те составы нашему поезду и в подметки бы не годились.

Диваны с высокой спинкой обтягивал зеленый велюр, а стены купе были обиты полированными панелями красного дерева с цветочной инкрустацией. На окнах висели густо-зеленые плюшевые шторы; газовые рожки над диванами прятались за плафонами из гравированного стекла, полка для багажа под потолком, поручни, подлокотники и подхваты для штор сияли начищенной

медью.

Нет, это определенно не метро. Поезд качнулся, запыхтел (Бейн успел примчаться с путеводителем и ковриком и совершить спринтерский рывок обратно во второй класс) и поплыл, набирая скорость, в живописную туманную даль. На что тут жаловаться?

Миссис Меринг нашла на что. В окно летела сажа (Теренс закрыл окно), в купе стояла духота (Теренс открыл окно и задернул шторы), за окном было чересчур пасмурно, в поезде слишком сильно трясло, а принесенная Бейном подушка оказалась жесткой.

Каждое торможение, разгон и поворот миссис Меринг встречала негромким возгласом, а кондуктора, зашедшего проверить билеты, — громким. Кондуктор был еще старше, чем носильщик, но Верити все равно подалась вперед, рассматривая фамилию на бляхе, и задумчиво откинулась на спинку сиденья, когда он ушел.

— И как его зовут? — спросил я, помогая ей сойти в Рединге, где мы делали пересадку.

— Эдвардс. — Верити окинула взглядом перрон. — Никого не видишь, кто бы горел желанием взять Тосси в жены?

— Вон тот Криппен[46] подойдет? — Я кивнул на бледного и робкого юношу, то и дело косящегося на пути и нервно оттягивающего пальцем воротник.

— У Криппена ни одна из спутниц жизни пятьдесят лет не продержалась, — отклонила кандидатуру Верити, не спуская глаз с корпулентного красного от злости мужчины с бакенбардами, который никак не мог дозваться носильщика. Всех носильщиков еще до окончательной остановки поезда перехватил Бейн, и теперь они под его началом таскали пожитки Мерингов.

— А этот? — Я показал на пятилетнего мальчика в матросском костюме.

На перрон влетел усатый молодой человек в канотье и принялся лихорадочно озираться. Верити сжала мой локоть. Увидев Тосси, стоящую с миссис Меринг и Джейн, он с улыбкой двинулся к ней.

— Гораций! — помахала ему барышня из другой дамской троицы, и он, подбежав к ним, начал рассыпаться в извинениях за опоздание.

Я кинул виноватый взгляд на Теренса, вспоми-

---

[46] Примечания: 46

Криппен, Хоули Харви, доктор Криппен (1862–1910). Получил известность в ходе громкого судебного процесса, в результате которого был признан виновным в убийстве собственной жены.

ная судьбоносную встречу, которую он пропустил из-за меня. Молодой человек удалился вместе с тремя дамами, здоровяк с бакенбардами подхватил багаж сам и в ярости потопал прочь, оставляя нам Криппена, который теперь опасливо косился на станционного смотрителя.

Впрочем, даже если кто-то из этих троих и не устоял перед чарами Тосси, она их не заметила, поглощенная свадебными планами.

— Букет непременно из флердоранжа, — расписывала она. — Или лучше из белых роз? Как считаете, Теренс?

— «Две розы на одном стебле, склонясь друг к другу нежно, — процитировал Теренс, с тоской глядя на проходящую мимо даму с терьером на руках, — навек обручены».

— Ах, но ведь у флердоранжа такой изумительный аромат!

— Здесь слишком много поездов, — заявила миссис Меринг. — И что людям на месте не сидится?

Наконец Бейн погрузил всех и вся в вагон, устроил в еще более роскошном купе, и мы покатили на Ковентри. Через несколько минут явился кондуктор — куда моложе предыдущего и даже симпатичный. Тосси, однако, с головой ушедшая

в продумывание приданого, даже не посмотрела в его сторону. С чего мы взяли, что она разглядит в Ковентри какого бы то ни было мистера К, если все ее мысли заняты свадьбой с Теренсом? Может, она и епископский пенек проморгает.

Нет, не может. Она обязана его заметить. Поездка в Ковентри изменила всю ее жизнь и вдохновила ее пра-пра-пра-правнучку испортить заодно и наши.

Через несколько миль прибыл Бейн, расстелил у нас на коленях белые льняные салфетки и подал роскошный ланч. У всех сразу поднялось настроение (кроме, наверное, Бейна, которому пришлось раз двести пробежаться туда-обратно из первого класса во второй, нося холодный ростбиф и огуречные сэндвичи, а также свежий платок миссис Меринг, ее вторые перчатки, ее швейные ножницы и зачем-то железнодорожный справочник Брэдшоу).

Теренс, выглянув в окно, объявил, что небо проясняется, а потом — что мы подъезжаем к Ковентри, и не успели Джейн с дворецким собрать вещи и свернуть плед миссис Меринг, как мы уже стояли на перроне, дожидаясь, пока Бейн сгрузит багаж и найдет нам коляску. Проясняться на самом деле и не думало, в воздухе висела мелкая

морось, размывая очертания города.

Теренс не преминул продекламировать подходящее к случаю стихотворение:

— «Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь в толпе народа по мосту, смотрел на три высоких башни…» [47] — Он умолк, озадаченно озираясь. — Позвольте, а где же третья? Я вижу только две.

Я проследил за его взглядом. На фоне серого неба возвышался один шпиль, второй — и какой-то дощатый короб.

— В церкви Святого Михаила ремонтируется колокольня, — сообщил Бейн, сгибаясь под тяжестью пледов и шалей. — По сведениям, полученным от носильщика, в данный момент церковь подвергается масштабной реконструкции.

— Теперь понятно, почему к нам воззвала леди Годива, — догадалась миссис Меринг. — Видимо, духов потревожили во время работ.

Морось перешла в легкое накрапывание.

— Мое дорожное платье! — ахнула Тосси.

Рядом тут же возник Бейн.

— Я нанял закрытую коляску, мэм, — успокоил он миссис Меринг, подавая мне и Теренсу зонты,

---

[47] Примечания: 47
Теннисон, Альфред. Годива. Пер. И. Бунина.

чтобы держать над дамами.

Джейн отправили вперед на дрожках с корзиной провизии, пледами и шалями и наказали ждать нас у церкви, а мы поехали в город. Лошади цокали копытами по узким мощеным улочкам, стиснутым старинными фахверковыми домами, нависающими над мостовой. Тюдоровская гостиница с раскрашенной вывеской над дверью; тесные лавочки, торгующие лентами и велосипедами; плотный строй узких зданий с решетчатыми окнами и высокими каминными трубами. Старый Ковентри. Он погибнет в огне вместе с собором ноябрьской ночью 1940 года, но разве можно представить такое сейчас, под цокот копыт по мирным, убаюканным дождем улицам…

Извозчик остановил лошадей на углу Сент-Мэри-стрит — той самой, по которой пройдет маршем настоятель Говард со своим маленьким отрядом, спасая из горящего собора подсвечники, кресты и полковое знамя.

— Дальше ходу нету ни за какие шиши, — пробубнил извозчик на непостижимом диалекте.

— Он говорит, что дальше не проехать, — перевел Бейн. — Видимо, дорога к церкви перекрыта.

Я подался вперед.

— Скажите ему, чтобы подал по этой же улице назад до Литтл-Парк-стрит. Так мы подъедем к церкви со стороны западного входа.

Бейн передал. Извозчик мотнул головой и буркнул что-то неразборчивое, но все же развернул коляску и двинулся по Эрл-стрит в обратном направлении.

— О, я уже ощущаю присутствие духов! — Миссис Меринг прижала руку к груди. — Что-то назревает, я чувствую.

Мы покатили по Литтл-Парк-стрит. Увидев в створе улицы колокольню, я понял, куда исчез третий из ковентрийских шпилей. Верхняя часть была одета в деревянные леса, и хотя вместо синего пластика их закрывал серый брезент, собор почти не отличался от того, что я наблюдал неделю назад у мертоновской калитки. Леди Шрапнелл даже не подозревает, как точно ей удалось выдержать историческую достоверность.

Штабеля блоков красного песчаника и горы песка на паперти тоже выглядели неизменными, и я начал опасаться, как бы из-за ремонта не перекрыли все подступы к собору, но опасения оказались напрасными. Извозчику удалось подогнать коляску почти вплотную к западному порталу. На дверях висело большое рукописное

объявление.

— Никак и здесь иффлийский церковный староста постарался, — заметил я и только потом прочитал текст.

«Закрыто на ремонт.
С 1 июня по 31 июля».

Глава девятнадцатая

Сердца творят свою судьбу.
Филип Джеймс Бейли

Судьбоносный день — Еще одна беседа с работником — Я опускаюсь до рекламы барахолок — Призрак в соборе — Экскурсия — Я выясняю фамилии двух рабочих — Мы наконец отыскали епископский пенек — Реакция Тосси — Казнь Марии Стюарт — Бейн высказывается на эстетические темы — Реакция Тосси — В чем прелесть памятника принцу Альберту — Перочистки — Преобладание цветочных имен в викторианскую эпоху — Предчувствие — Попытка выяснить фамилию священника — Размолвка — Скоропалительный отъезд

— Закрыто! — объявила Тосси.

— Закрыто? — переспросил я и посмотрел на Верити. Та бледнела на глазах.

— Закрыто, — констатировала миссис Меринг. — Вот почему мадам Иритоцкая велела остерегаться «К». Она пыталась нас предупре-

дить.

Словно в подтверждение, дождь усилился.

— Не может она быть закрыта, — пролепетала Верити, с недоверием глядя на объявление. — Как она может быть вдруг закрыта?

— Бейн, — позвала миссис Меринг. — Когда ближайший поезд?

«Пусть Бейн будет не в курсе», — взмолился я. Если он не помнит расписание, у нас образуется по меньшей мере четверть часа, пока он сбегает до станции и обратно, и, может, за это время мы что-нибудь придумаем.

Но это же Бейн, достойный предшественник Дживса, а Дживс знал все и всегда.

— В два ноль восемь, мэм, — сообщил дворецкий. — До Рединга. Либо экспресс в два сорок шесть до Горинга.

— Едем на первом, — решила миссис Меринг. — Горинг — такое мещанство.

— А как же леди Годива? — в отчаянии воскликнула Верити. — Зачем-то ведь она позвала нас в Ковентри!

— Я уже не уверена, с учетом обстоятельств, ее ли дух с нами говорил, — усомнилась миссис Меринг. — Подозреваю, мадам Иритоцкая была права насчет злонамеренного вмешательства.

Бейн, пусть нас отвезут на вокзал.

— Постойте! — вскричал я, выпрыгивая из коляски прямиком в лужу. — Я мигом! Не уезжайте.

Я со всех ног кинулся за угол.

— Куда это он? — донесся до меня голос миссис Меринг. — Бейн, немедленно ступайте и позовите мистера Генри обратно.

Спасаясь от ветра с дождем, я зажал у горла поднятый воротник и обогнул колокольню. Насколько я помнил по остову собора и по пристроенному рядом новоделу, в южной стене должна быть дверь (и в северной тоже, а если понадобится, я и в ризницу буду молотить, пока кто-нибудь не откроет). Не понадобилось. Южная дверь оказалась открытой — под глубоким стрельчатым порталом пререкался с рабочим молодой человек в пасторском воротнике.

— Вы обещали, что хор будет готов к двадцать второму, тогда как сегодня пятнадцатое, а вы даже не начали покрывать лаком новые скамьи, — выговаривал бледный священник с глазами навыкате (возможно, из-за рабочего).

Рабочий смотрел так, будто слышит все это в сотый и далеко не последний раз.

— Без толку сейчас лачить, мистер, пока хор не

кончили. Пыль столбом.

— В таком случае доделывайте хор.

Рабочий покачал головой:

— Никак. Билл слег, который стержни в балки ставил, домой отпустили.

— И когда он вернется? К следующей субботе нужно все доделать, нам предстоит благотворительная ярмарка.

Рабочий пожал плечами точно так же, как тот электрик в разговоре с леди Шрапнелл три недели назад, и я пожалел, что ее здесь нет. Она залепила бы ему оплеуху, и все доделали бы к пятнице. Или к четвергу.

— Может, завтра, может, через месяц. На кой вам вообще сдались новые скамьи? Мне и старые нравились.

— Вы не священнослужитель, — еще больше выкатил глаза священник, — и не специалист по современной архитектуре. Через месяц нас не устраивает. Ремонт нужно завершить к двадцать второму.

Рабочий сплюнул на промокший порог и скрылся в недрах собора.

— Простите, — начал я, подбегая к священнику, пока он тоже не ушел. — Нельзя ли нам сейчас посетить церковь?

— Нет-нет! — Священник принялся затравленно озираться, словно хозяйка, застигнутая врасплох нежданными гостями. — У нас идут крупные работы по перестройке хора и колокольни. Церковь официально закрыта до тридцать первого июля — вот тогда милости просим, викарий будет рад все вам показать.

— Слишком долго дожидаться. К тому же мы специально приехали посмотреть на строительство. Приходская церковь в Мачингс-Энде отчаянно требует ремонта — алтарь не меняли со времен Средневековья.

— О, ну, если так… — промямлил он с неохотой. — Однако дело в том, что мы готовимся к благотворительной ярмарке и…

— Ярмарка! — воскликнул я. — Какое чудесное совпадение! Миссис Меринг буквально вчера устраивала ярмарку в Мачингс-Энде.

— Миссис Меринг? — Священник оглянулся на дверь, словно примеряясь, как бы половчее в нее юркнуть. — Боюсь, наша церковь сейчас не лучшее место для дам. Вы не увидите ни хора, ни алтаря, повсюду пыль, опилки, рабочие инструменты…

— Дамы не возражают, — заверил я, решительно перекрывая ему путь к отступлению. — Имен-

но ради опилок они и приехали.

Подбежавший Бейн протянул мне зонт, но я отказался.

— Подгоняйте коляску, — велел я. — И передайте миссис Меринг, что нам разрешили осмотреть церковь.

Вот так, пообщаешься с леди Шрапнелл и ее предками, в два счета научишься ломиться напролом.

— Скорее! — поторопил я Бейна, и тот помчался обратно под моросящим дождем, который стремительно усиливался.

— Я все же думаю, для экскурсии сейчас не самое подходящее время, — упирался священник. — Рабочие устанавливают балюстраду в хоре, а мне предстоит встретиться с мисс Шарп по поводу рукоделия для ярмарки.

— У вас, конечно, предполагается и барахолка? — поинтересовался я.

— Барахолка? — неуверенно переспросил священник.

— Последний писк на ярмарках. А, вот и наши дамы. — Я слетел по лестнице к подъехавшей коляске и, подав Верити руку, практически выдернул ее с сиденья. — Какая удача! Церковь все-таки открыта и помощник викария любезно

согласился устроить нам экскурсию. Быстрее, — шепнул я вполголоса, — пока он не передумал.

Верити порхнула к священнику, одарила его ослепительной улыбкой и заглянула в открытую дверь.

— О, Тосси, вы только посмотрите! — воскликнула она, ныряя внутрь.

Теренс помог Тосси выбраться из коляски и повел в собор, а я подал руку миссис Меринг, держа над ней выданный Бейном зонт.

— Ах, Боже мой! — Она подняла встревоженный взгляд к небу. — Совсем обложило. Лучше бы нам поспешить домой, пока гроза не грянула.

— Кто-то из рабочих, кажется, видел призрак, — поспешил вставить я. — И даже слег после пережитого.

— Какая прелесть! — воодушевилась миссис Меринг.

Мы поравнялись со священником, который стоял в дверях, заламывая руки.

— Я боюсь, церковь вас разочарует, миссис Меринг, — сокрушенно признался он. — Как раз сейчас…

— …готовится ежегодная ярмарка. Миссис Меринг, непременно расскажите про ваши перочистки в форме георгинов, — посоветовал я, в

обход священника проводя ее под руку внутрь. — Бесподобная идея, да и красиво к тому же.

В вышине оглушительно загрохотало, и я втянул голову в плечи, уверенный, что это меня поразило громом за вранье.

— О Боже! — ахнула миссис Меринг.

— Увы, сейчас действительно не самое подходящее время для визитов, — одновременно с раскатом грома произнес священник. — Викарий в отъезде, а мисс Шарп…

Я открыл рот, чтобы сказать: «Мы одним глазком, раз уж приехали», — но говорить ничего не пришлось. Раздался второй раскат, и хляби небесные разверзлись.

Миссис Меринг со священником попятились под крышу, прочь от хлещущих струй, а Бейн услужливо закрыл за нами дверь.

— Похоже, мэм, придется здесь задержаться, — сказал он, и я услышал облегченный вздох Верити.

— Что же, — начал священник, — коль скоро вы тут. Перед вами неф. Как видите, в нем ведется ремонт.

Насчет опилок и беспорядка он не преувеличил. Собор выглядел немногим лучше, чем после воздушного налета: всю алтарную часть отрезала

деревянная перегородка, скамьи покрывал пыльный брезент, перед хором лежали штабеля досок, а из самого хора доносился громкий перестук.

— Мы обновляем убранство, — объяснил священник. — Оно безнадежно устарело. Я надеялся и колокола заменить механическим карильоном, но реставрационный комитет и слышать об этом не желает. Беспримерная косность. Однако мне удалось убедить их снести галереи, а также часть старых надгробий и памятников, загромождавших капеллы. Некоторые собирали тут пыль аж с четырнадцатого века. — Он закатил глаза. — Только вид портили.

Он улыбнулся Тосси, показывая кроличьи зубы.

— Не желаете ли осмотреть неф, мисс Меринг? Мы уже провели там электричество.

Верити подобралась поближе ко мне.

— Узнай его фамилию!

— Когда все задуманное будет выполнено, — продолжал священник, — церковь станет образцом современной религиозной архитектуры, который простоит сотни лет.

— Пятьдесят два, — пробормотал я себе под нос.

— Простите? — переспросил священник.

— Нет, ничего. Башню вы тоже обновляете?

— Да. На башне и шпиле полностью перекладывается облицовка. Осторожнее, дамы, здесь неприбрано.

Он подал руку Тосси, но миссис Меринг ее опередила.

— А где у вас крипта? — осведомилась она.

— Крипта? Вон там. — Священник указал на дощатую перегородку. — Но в ней работы не проводятся.

— Вы верите в иной мир? — спросила миссис Меринг.

— Я… а как же иначе? — опешил священник. — Я ведь служитель церкви. — Он снова показал Тосси кроличьи зубы. — Пока всего лишь помощник викария, однако на следующий год мне обещают приход в Суссексе.

— Вы знакомы с Артуром Конаном Дойлем? — продолжала допрос миссис Меринг.

— Я… да, — еще больше озадачился священник. — То есть я читал «Этюд в багровых тонах». Захватывающая история.

— Вы не интересовались его трудами по спиритизму? — нахмурилась миссис Меринг. — Бейн! — позвала она дворецкого, который чинно стоял с зонтами у выхода. — Принесите номер

«Светоча» с письмом Конана Дойля.

Бейн кивнул, отворил тяжелую дверь и исчез в потопе, подняв воротник плаща.

Миссис Меринг повернулась к священнику.

— Вы, разумеется, слышали о мадам Иритоцкой? — начала она, решительно увлекая его к крипте.

Священник смешался.

— Она занимается барахолками?

— Она была права. Я чувствую присутствие духов, — заявила миссис Меринг. — В церкви водятся призраки?

— Признаться откровенно, есть одна легенда. О призраке, который вроде бы видели в башне. С четырнадцатого века предание тянется, если не ошибаюсь.

Они прошли за перегородку — на Ту Сторону. Тосси проводила их неуверенным взглядом, раздумывая, стоит ли идти следом.

— Взгляните-ка, Тосси, — окликнул ее Теренс, стоящий перед набранной медными буквами надписью. — Это памятник Джервису Скроупу. «Судьба его гоняла через сетку летом и зимой, лишь тут несчастный мячик теннисный обрел покой».

Тосси послушно подошла ознакомиться, но

затем ее взгляд упал на небольшую медную табличку — посвящение Ботонерам, основателям собора.

— Какая прелесть! — восхитилась Тосси. — Послушайте: «Вильям и Адам построили башню, Анна с Марией ей шпиль подарили, Вильям и Адам построили храм, Анна с Марией хор возвели».

Она пошла дальше, к большому мраморному памятнику даме Марии Бриджман и миссис Элизе Сэмуэлл, а оттуда — к холсту с написанной маслом «Притчей о заблудшей овце», и мы двинулись вдоль нефа, перешагивая через доски и мешки с песком, по очереди останавливаясь у каждой капеллы.

— Ах, был бы у нас путеводитель! — Тосси, наморщив лоб, разглядывала крестильную купель из пурбекского мрамора. — Как без путеводителя понять, что осматривать?

Они с Теренсом проследовали к Капелле вязальщиков шапок. Верити, поотстав, придержала меня за фалды.

— Пусть уйдут вперед, — прошептала она вполголоса.

Я послушно застыл перед датированной 1609 годом медной мемориальной плитой с изображе-

нием женщины в якобинском платье. «В память об Анне Сьюэлл, — гласила подпись, — наставлявшей ближних на путь истинный».

— Явная прародительница леди Шрапнелл, — заключила Верити. — Ты выяснил фамилию священника?

Когда, интересно, я должен был ее выяснить?

— Думаешь, он и есть мистер К? Похоже, он запал на Тосси.

— На Тосси все западают. — Верити оглянулась на «кузину», которая, хихикая, висла на руке Теренса. — Вопрос в том, кому она ответит взаимностью. Ты видишь где-нибудь епископский пенек?

— Пока нет.

Я обвел глазами неф. Цветы у дощатой перегородки, отделяющей хор, стояли в обычных медных вазах, а покрытые древесной пылью розы в Капелле вязальщиков помещались в серебряной чаше.

— Где он должен быть?

— Осенью 1940 года стоял у ограждения Кузнечной капеллы, — сообщил я. — Летом 1888-го — понятия не имею. Где угодно.

В том числе под зеленым брезентом или за строительными перегородками.

— Может быть, спросить священника, когда тот вернется? — предложила Верити озабоченно.

— Нельзя.

— Почему?

— Во-первых, пенька ни в одном путеводителе не сыщешь, так что праздные туристы, которыми мы прикидываемся, о нем слыхом не слыхивали. Во-вторых, епископским птичьим пеньком он станет только в 1926 году.

— Чем же он до тех пор был?

— Литой «ветвиеватой» вазой на ножках. А может, крюшонницей.

Стук молотков за перегородкой резко стих, сменившись приглушенным чертыханием.

Верити обернулась на Тосси и Теренса, рассматривающих витраж.

— А что случилось в 1926-м?

— На редкость бурное собрание алтарниц, где кто-то внес предложение купить для цветов в нефе птичий пенек — модную в те годы керамическую вазу в форме пенька с птицами. А епископ незадолго до того ввел режим экономии, поэтому предложение отклонили — мол, неоправданные расходы, и наверняка где-нибудь в закромах найдется подходящая замена. В итоге отыскалась «ветвиеватая ваза на ножках», лет двадцать

хранившаяся в крипте. Сперва ее язвительно прозвали «епископской заменой птичьему пеньку», а потом прозвище сократилось до…

— …епископского птичьего пенька. Понятно. Однако, если она еще не была епископским пеньком, когда ее увидела Тосси, откуда леди Шрапнелл знала, что перевернуло жизнь ее прапра-пра?

— Тосси подробно описывала ее во многих своих дневниках, и когда леди Шрапнелл взялась восстанавливать собор, одного историка специально отправили в весну 1940-го опознать пенек по дневниковым заметкам.

— А если этот историк его и стащил? — предположила Верити.

— Не стащил.

— Откуда такая уверенность?

— Это был я.

— Кузина, — позвала Тосси. — Только посмотрите, что мы нашли!

— Может, она уже сама на него наткнулась? — понадеялся я, но нет, ее привлек очередной памятник, на этот раз с резным изображением четырех младенцев в пеленках.

— Ну разве не лапочки? — восхищалась Тосси. — Какие дуси эти малютки!

Южная дверь открылась, и вошел промокший до нитки Бейн, пряча под плащом номер «Светоча».

— Бейн! — окликнула его Тосси.

Он приблизился, оставляя за собой мокрую дорожку.

— Да, мисс?

— Здесь зябко. Принесите мою персидскую шаль. Розовую, с бахромой. И для мисс Браун тоже.

— Мне не обязательно, — отказалась Верити, сочувственно глядя на растрепанного Бейна. — Я не замерзла.

— Глупости, — отрезала Тосси. — Несите обе. И смотрите не замочите.

— Да, мисс. Только сперва отдам вашей матушке журнал.

Тосси надула губки.

— Кузина, взгляните-ка на эти мизерикорды, — поспешила отвлечь ее Верити, пока она не потребовала, чтобы Бейн мчался за шалями сию секунду. — Тут изображены семь деяний милосердия.

Тосси послушно направилась осматривать откидные сиденья в Капелле ременщиков, потом алтарную гробницу из черного мрамора, веерные

своды и памятник с какой-то на редкость длинной и неразборчивой надписью.

Верити воспользовалась моментом, чтобы увести меня вперед.

— А если его здесь нет? — шепнула она.

— Он здесь. До 1940-го он никуда не исчезал.

— Я имею в виду — вдруг он пропал из-за диссонанса? Вдруг история уже начала меняться, и пенек унесли в крипту или продали на барахолке?

— Ярмарка ведь только на следующей неделе.

— Где, говоришь, он стоял в 1940 году? — Верити решительно двинулась в конец нефа.

— Вот в этом проходе, — догоняя ее, показал я. — Перед Кузнечной капеллой, но это не значит, что он и сейчас там…

Я остановился как вкопанный. Пенек находился на месте. Неудивительно, что они запихнули его именно сюда. В 1888 году в эту часть бокового нефа попадало меньше всего света, к тому же одна из колонн удачно загораживала пенек практически с любого ракурса. А еще кто-то из алтарниц постарался задрапировать верхние ярусы крупными клонящимися через край пионами и плющом, прикрыв кентавров и одного из сфинксов. К тому же, поскольку пенек был но-

вее, первозданный блеск затмевал подробности. Нет, сейчас он выглядел и вполовину не таким кошмарным.

— Боже мой! — ахнула Верити. — Это он? — Эхо заметалось под веерными сводами. — Жуть какая!

— Да, это уже признанный факт, так что потише.

Я показал на пару рабочих в дальнем конце нефа. Один из них, в синей блузе и почерневшем шейном платке, перетаскивал доски из штабеля в штабель. Второй, с полным ртом гвоздей, громко молотил по уложенной на козлы доске.

— Прости, — покаянно шепнула Верити. — Это я от неожиданности. Первый раз ведь… — Она робко показала пальцем на одно из украшений. — Это что, верблюд?

— Единорог. Верблюды с другой стороны, вот тут, где Иосифа продают в Египет.

— А это? — Верити ткнула в большую группу над кованой гирляндой из роз и чертополоха.

— Казнь Марии Стюарт. Викторианцы любили наглядность в искусстве.

— И насыщенность, — вздохнула Верити. — Неудивительно, что леди Шрапнелл так и не нашла мастера, чтобы сделать репродукцию.

— Я вообще-то предоставил достаточно зарисовок. Думаю, мастер отказался из этических соображений.

Верити склонила голову набок, присматриваясь.

— Это морские коньки, или мне мерещится?

— Колесница Нептуна, — подтвердил я. — А вон там расступившееся перед Моисеем Красное море. Рядом с Ледой и лебедем.

Верити коснулась расправленного лебединого крыла.

— Да, он действительно несокрушим, ты был прав.

Я кивнул, глядя на чугунный монолит. Даже рухнувшая кровля не оставила бы на нем и царапины.

— И потом, уродство всегда уцелевает, — продолжила она. — Закон природы. Недаром вокзал Сент-Панкрас выстоял во время блица. И памятник Альберту. А пенек просто кошмарен.

Я согласился. Пышные пионы и плющ положение не спасали.

— Ах! — раздался за спиной восторженный возглас Тосси. — В жизни не видела ничего прелестнее!

Она подлетела к нам, таща за собой Теренса,

и застыла перед пеньком, восхищенно сжимая руки в лавандовых перчатках.

— Ах, Теренс, ну разве не чудесная вещица?

— Э-э… — с сомнением протянул Теренс.

— Только посмотрите на этих купидончиков! А жертвоприношение Исаака! Ах-ах-ах!

Рабочий, молотивший по доске, недовольно обернулся на восторженные возгласы, но, увидев Тосси, выплюнул гвозди и подтолкнул локтем своего напарника. Тот оторвался от распила заготовок, расплылся в широченной беззубой улыбке и приподнял над головой матерчатую кепку.

— Понял-понял, — одними губами шепнул я Верити. — Узнать фамилии.

Поскольку рабочие решили, будто я собираюсь донести на них священнику за попытку поглазеть на посетителей, дело шло туговато, но когда я вернулся, Тосси по-прежнему восхищалась пеньком.

— Ах! — взвизгнула она. — Это Саломея!

— Уидж и Багетт, — шепнул я Верити. — А фамилию священника они не знают, зовут его между собой Лупоглазый.

— Как изящно, — не унималась Тосси. — Смотрите, блюдо, а на нем голова Иоанна Крестителя!

Замечательно, однако на судьбоносный момент

это совсем не тянуло. Тосси точно так же ахала и охала над фарфоровым голландским башмаком у барахольного прилавка. И над вышитыми крестиком игольницами мисс Стиггинс. И даже если это и впрямь Откровение (вот, кстати, и оно, прямо над колесницей Нептуна на том боку, что ближе к колонне), то где же мистер К?

— Ох, нам бы такую домой! — всплеснула руками Тосси. — В наш милый дом, Теренс, после свадьбы. Вот точно такую же!

— А не великовато ли? — усомнился Теренс.

Южная дверь распахнулась со стуком, и вошел Бейн, напоминающий жертву крушения шхуны «Геспер». В руках у него был какой-то завернутый в клеенку сверток.

— Бейн! — позвала его Тосси, и он прошлепал к нам, хлюпая на каждом шагу.

— Я принес вашу шаль, мисс.

Отогнув брезент на углу скамьи, дворецкий принялся разворачивать сверток.

— Бейн, что вы об этом думаете? — Тосси показала на епископский пенек. — Ну не прелесть ли? Бесподобный шедевр!

Бейн выпрямился и посмотрел на шедевр, смаргивая воду и выжимая рукав.

— Нет, — наконец сказал он.

— Нет? — задохнулась Тосси.

— Нет. — Бейн склонился над скамьей и развернул клеенку, являя на свет две аккуратно сложенные и совершенно сухие шали. Пошарив за лацканом плаща, он вытянул сырой платок, вытер руки и, едва касаясь, поднял за уголки розовую, передавая ее Тосси. — Ваша шаль, мисс.

— Не сейчас. Что значит «нет»?

— Эта скульптура — безобразный ужас, воплощение безвкусицы, к тому же топорно исполненное, — бережно складывая шаль и заново укутывая в клеенку, разъяснил Бейн.

— Да как вы смеете?! — вспыхнула Тосси.

Бейн выпрямился.

— Виноват, мисс. Мне показалось, вы спрашивали мое мнение.

— Да, но я полагала, вы восхититесь!

Бейн склонил голову в полупоклоне.

— Как вам будет угодно, мисс. — Он бесстрастно посмотрел на литое чудовище. — Весьма восхитительно.

— Так мне совсем не угодно! — топнула ножкой Тосси. — Как она может вам не нравиться? Вы только взгляните на этих милых крошек, заблудившихся в лесу! А этот прелестный воробьишка с земляничным листком в клювике?

— Как вам будет угодно, мисс.

— Опять вы за свое! — Оборочки гневно затрепетали. — Почему вы называете ее безвкусицей?

— Потому что это беспорядочное нагромождение, — его взгляд уперся в заблудившихся «крошек», — слащаво-сентиментальных сюжетов на потребу эстетически неразвитому мещанству.

Тосси повернулась к Теренсу.

— И вы спустите ему эту дерзость?

— Нагромождение действительно имеет место, — признал Теренс. — А это кто? — Он ткнул пальцем в Минотавра. — Лошадь или бегемот?

— Лев! — пришла в ярость Тосси. — Вот же Атрокл, вытаскивающий шип из его лапы.

Я оглянулся на Верити. Она прикусила губу.

— И никакой слащавой сентиментальности тут нет! — наседала Тосси на Бейна.

— Как вам будет угодно, мисс.

Дворецкого спасло появление священника и миссис Меринг, вышедших из-за строительной перегородки.

— А вот и римская конница, — пробормотала Верити.

— Точнехонько под Вакхом с виноградной гроздью, — показал я взглядом на чугунную мешанину.

— Непременно, непременно устройте на ярмарке барахолку, — советовала миссис Меринг, увлекая священника к нам. — Сколько сокровищ без дела пылится на чердаках, а на ярмарке их мигом разбирают.

Она остановилась перед епископским пеньком.

— Вот что-то вроде этого. И стойки для зонтов. И вазы — весьма ходовой товар. Нашу фарфоровую с нарисованным водопадом купили за…

Тираду прервала Тосси.

— Вы ведь находите эту вещь красивой? — спросила она у священника.

— Поистине. Я считаю ее воплощением самого лучшего в современном искусстве. Назидательный и нравственный уровень выше всяких похвал — взять хотя бы изображение семи казней египетских. Нам этот шедевр передали несколько лет назад родные покойной Эмили Джейн Трабшо, которая приобрела его на Всемирной выставке и считала величайшим своим сокровищем. Викарий пытался отговорить родных Трабшо от такой жертвы, уверяя, что столь ценная вещь должна остаться в семье, но они не принимали никаких возражений.

— Я в жизни ничего прекраснее не видела, —

заверила Тосси.

— Совершенно согласен, — кивнул священник. — Она напоминает мне памятник Альберту.

— Обожаю памятник Альберту! — подхватила Тосси. — Увидела его из экипажа по дороге на лекцию миссис Гуппи об эктоплазме и места себе не находила, пока папенька меня к нему не отвез. Эти мозаики и золоченый шпиль! — Она восторженно сжала руки. — А статуя принца, читающего каталог Всемирной выставки!

— Да, памятник выдающийся, — вставил Теренс.

— И несокрушимый, — обронила Верити вполголоса.

— Олицетворения четырех континентов, на мой взгляд, особенно тонко проработаны, — заметил священник. — Хотя Азия и Африка, боюсь, не для глаз молодых барышень.

Тосси очаровательно зарделась.

— Слоник такая дуся, правда ведь? А цоколь с великими учеными и архитекторами? Бесподобно!

— А вокзал Сент-Панкрас вы видели? — полюбопытствовал священник. — Вот где образец выдающейся архитектуры. Не желаете заодно оценить и наши достижения по части рекон-

струкции? Конечно, до памятника Альберту нам далеко, но Скотт отлично постарался. — Он взял Тосси под руку и повел к хору. — Галереи расчистили, убрали все ложи.

Не выпуская руку Тосси, священник показал на арки клерестория.

— Скотт придумал вставить в каждую деревянную балку железную распорку, чтобы связать и укрепить стены галереи. Наглядный пример превосходства современных строительных материалов над уходящим в прошлое камнем и деревом.

— Ах, я совершенно с вами согласна! — с жаром подхватила Тосси.

Наглядный пример, он прав. Классическая попытка развернуть «Титаник». Когда собор загорелся вечером четырнадцатого ноября, металлическая арматура просела, выгнулась и лопнула, увлекая за собой клерестoрий и внутренние колонны. Без арматуры собор, вероятно, выстоял бы — как выстояли избежавшие укрепления внешние стены и башня.

— И после окончания работ, — разъяснял священник Тосси, — у нас будет современное, соответствующее эпохе здание, которым будут любоваться и через сотни лет. Хотите посмотреть,

что происходит в башне?

— О да, — кивнула Тосси, обворожительно встряхивая локонами.

У южного входа послышался какой-то шум, и я повернул голову. Молодая женщина — длинный нос, серое платье, в руках корзина — шагала к нам через весь неф, отбивая каблучками стаккато, напоминающее пулеметную очередь.

— Мисс Шарп, — заюлил священник, словно застигнутый врасплох, — позвольте вам представить…

— Я всего лишь хотела передать вещи для ярмарки. — Мисс Шарп сунула ему корзину — и тут же отдернула, увидев, что священник держит под руку Тосси. — Там перочистки. Две дюжины. Оставлю в ризнице.

— О, мисс Шарп, вы разве не задержитесь? — Священник отодвинулся от Тосси. — Мисс Мерринг, позвольте представить вам мисс Гортензию Шарп.

Неужели родственница Каттисборнов?

— А я надеялся обсудить с вами расстановку ярмарочных киосков, — продолжил священник.

— Я не смогу присутствовать на ярмарке. Оставлю корзину в ризнице, — повторила мисс Шарп, и убийственное стаккато простучало в обратном

направлении.

— Нам крайне любопытно было бы взглянуть на вокзал Сент-Панкрас, да, маменька? — вернулась к прежней теме Тосси.

Громко хлопнула дверь.

— Да, это блестящий образец неоготики, — сказал священник, едва заметно вздрогнув. — Я считаю, что архитектура должна отражать общественный уклад, и особенно это касается вокзалов и церквей.

— Ах, я тоже так думаю, — кивнула Тосси.

— Я… — начала миссис Меринг, заставив обернуться разом и священника, и Тосси. С непривычно растерянным выражением лица она смотрела на епископский пенек.

— Что такое, маменька?

Миссис Меринг неуверенно прижала руку к груди и нахмурилась — словно пробуя языком, не откололся ли кусок зуба.

— Вам нездоровится? — Теренс подхватил ее под локоть.

— Нет, не то. Меня посетило странное чувство… словно… — Она сдвинула брови. — Мелькнуло перед глазами… — Она отняла руку от груди и неопределенно махнула в сторону пенька. — И внезапно я…

— Тебе было послание от духов? — заинтересовалась Тосси.

— Нет, не послание. — Взгляд миссис Меринг снова обратился внутрь. — Там… У меня возникло престраннейшее чувство…

— Предчувствие? — подсказала Тосси.

— Да, — задумчиво согласилась миссис Меринг. — Ты… — Она наморщила лоб, словно припоминая ускользающий сон, а потом повернулась и уставилась на епископский пенек. — Оно… Сейчас же едем домой!

— Нет, еще рано уезжать, — запротестовала Верити.

— А я хотел обсудить с вами поиск клада. — Священник с огорчением посмотрел на Тосси. — И организацию киоска с рукоделием. Может быть, вы останетесь хотя бы на чай?

— Бейн! — позвала миссис Меринг, не слушая ничьих доводов.

— Да, мэм, — откликнулся дворецкий, вернувшийся на время беседы к южным дверям.

— Бейн, нам немедленно нужно домой, — заявила хозяйка, устремляясь к выходу.

Бейн поспешил ей навстречу, держа наготове зонт.

— Что-то случилось?

— Мне было предостережение, — приходя постепенно в себя, разъяснила миссис Меринг. — Когда ближайший поезд?

— Через одиннадцать минут, — без запинки сообщил Бейн. — Но это местный. А экспресс до Рединга только в четыре восемнадцать.

— Подавайте коляску, — велела миссис Меринг. — Потом сбегайте на станцию и попросите задержать для нас поезд. И сложите зонт, раскрывать зонт в помещении — к беде. Беда! — Она схватилась за сердце. — Ах, что, если уже слишком поздно?

Я забрал у Бейна ни в какую не желающий складываться зонт, и дворецкий, благодарно кивнув, помчался на станцию.

— Тетя Мальвиния, может быть, вам присесть? — участливо склонилась к ней Верити.

— Нет-нет, — замотала головой миссис Меринг. — Взгляни, подана ли коляска. Дождь еще идет?

Дождь шел, коляска стояла. Теренс с извозчиком свели миссис Меринг с лестницы и водрузили на сиденье, помогая не запутаться в дорожных юбках.

Я воспользовался минутной задержкой, чтобы пожать руку священнику.

— Сердечно благодарю за то, что показали нам церковь, мистер?..

— Мистер Генри! — позвала из коляски миссис Меринг. — Мы опоздаем на поезд!

Южная дверь хлопнула, и мисс Шарп, стуча каблучками, просеменила мимо нас в сторону Бейли-стрит. Священник обернулся ей вслед.

— Прощайте! — выглянув из окна коляски, помахала ему Тосси. — С превеликим удовольствием посмотрю на Сент-Панкрас.

Уже поднимаясь на подножку коляски, я повторил попытку:

— Удачи с ярмаркой, мистер?..

— Спасибо, — протянул он рассеянно. — Всего доброго, миссис Меринг, мисс Меринг. С вашего позволения… — Он помчался догонять мисс Шарп. — Мисс Шарп! Постойте! Гортензия! Тензи!

— Я не расслышал вашу фамилию! — высунувшись из окна, крикнул я ему в спину.

— Мистер Генри! — рявкнула миссис Меринг. — Извозчик!

И коляска загрохотала по мостовой.

Глава двадцатая

Каждого в конце концов ждет свое Ватерлоо.
Уэнделл Филлипс

Отступление — Попытка уточнить фамилию станционного служащего — Разнообразные толкования предчувствия миссис Меринг — Шали — Псевдонимы священнослужителей — Камелии Каттисборн предсказывают будущее — Джон Пол Джонс — Нежелательный тонизирующий эффект чая — Аппорты — Газеты — Веера и опахала — Снова обморок — Бейн спешит на помощь — Ошеломляющий заголовок

Обратная дорога отчаянно напоминала отступление Наполеона после Ватерлоо: паника, спешка, неразбериха, а потом бездействие и отчаяние. Впопыхах чуть не потеряли Джейн по пути на вокзал, миссис Меринг была на грани обморока, вблизи станции небеса разверзлись снова, и Теренс чуть не выколол Тосси глаз, рас-

крывая зонт.

Бейн удерживал поезд практически силой.

— Быстрее, — поторопил я миссис Меринг, помогая ей выбраться из экипажа. — Поезд сейчас отправится.

— Нет-нет, без нас отправляться нельзя, — на полном серьезе заявила миссис Меринг. — Мое предчувствие…

— Тогда нужно спешить.

Верити подхватила миссис Меринг под вторую руку, и вместе мы почти бегом проволокли ее к вагону первого класса.

Препиравшийся с Бейном станционный служащий смягчился при виде Тосси, путающейся в юбках и зонтике с оборочками, и подсадил ее в вагон, церемонно приподняв фуражку.

— Знаю-знаю, — бормотнул я. — Выяснить фамилию.

Искать носильщика было некогда. Мы с Теренсом, презрев сословные предрассудки, сграбастали корзины, ранец, свертки, пледы и Джейн и закинули все скопом в вагон второго класса.

Я сбегал расплатиться с извозчиком, который, получив деньги, погнал так, словно за ним неслись пруссаки Блюхера. Когда я влетел на перрон, поезд уже трогался, тяжелые колеса с каждым ра-

зом проворачивались все быстрее. Станционный служащий отошел от края платформы, заложив руки за спину.

— Как ваша фамилия? — выдохнул я, подбегая.

Ответ заглушила трель паровозного свистка. Поезд набирал ход.

— Что? — прокричал я. Снова раздался свисток.

— Простите? — крикнул в ответ служащий.

— Фамилия!

— Нед! — поторопил меня Теренс из тамбура первого класса. — Забирайтесь же!

— Иду! Как ваша фамилия? — Я прыгнул в вагон.

И промахнулся. Однако правая рука успела уцепиться за медный поручень, на котором я и болтался пару секунд, пока Теренс не ухватил меня за левую руку и не затащил на подножку. Прижавшись к поручню, я выглянул наружу. Служащий спешил скрыться в здании вокзала, втянув голову в поднятый воротник.

— Фамилия! — крикнул я в шум дождя, но служащий уже исчез за вокзальной дверью.

— Что это с вами? Вознамерились повторить судьбу Анны Карениной? — обеспокоился Теренс.

— Ни в коем случае. Где наше купе?

— Третье с конца, — ответил Теренс и направился туда, где у окна, провожая взглядом стремительно удаляющийся перрон, стояла Верити.

Дождь поливал опустевшую платформу.

— «Судьба — как и у всех, другой судьбы не жди, — продекламировал Теренс. — Ведь в каждой жизни моросят дожди, и дни бывают мрачны и унылы»[48].

Он открыл дверь купе. Миссис Меринг полулежала в подушках, дыша в обшитый кружевами платок.

— Ты уверена, что пятнадцатого именно у Тосси случилось знаменательное событие, а не у ее матери? — шепнул я Верити.

— Мистер Генри, Верити, садитесь сюда, — позвала миссис Меринг, взмахнув платком. В нос шибануло пармской фиалкой. — И закройте дверь, сквозит.

Мы вошли. Закрыли дверь. Сели.

— «И вот в обратный путь мы радостно пустились», — ободряюще улыбнулся всем Теренс.

Никто не улыбнулся в ответ. Миссис Меринг всхлипнула в платок. Верити посмотрела встре-

---

[48] Примечания: 48

Лонгфелло, Генри. Дождливый день. Пер. Ю. Ерусалимского.

воженно, а Тосси, нахохлившаяся в углу, чуть не испепелила его взглядом.

Если она и пережила что-то судьбоносное, на ней это пока не отразилось. Она выглядела усталой, хмурой и промокшей. Оборочки поникли и не трепетали, а золотистые локоны пушились от влажности.

— Могли хотя бы на чай остаться, маменька, — подосадовала она. — Ручаюсь, священник собирался нас пригласить. Это ведь не единственный поезд. Уехали бы в пять тридцать шесть, угостившись чаем без всякой спешки.

— Когда возникает страшное предчувствие, — заявила миссис Меринг, приходя в себя, — уже не до чая. — Она взмахнула платком, и меня снова окатило удушливой фиалковой волной. — А ведь я уговаривала Мейсела поехать с нами!

— Ваше предчувствие касалось полковника Меринга? — уточнила Верити. — Он в опасности?

— Нет. — У миссис Меринг появилось прежнее отсутствующее выражение, с которым нащупывают обломок зуба. — Там… Там была… вода. Что, если он упал в пруд и утонул?! Сегодня как раз должны привезти эту злополучную рыбку.

Миссис Меринг откинулась на подушки, шумно дыша в платок.

— Папенька умеет плавать, — успокоила Тосси.

— Он мог удариться головой о каменный бортик, — гнула свое миссис Меринг. — Что-то случилось. Что-то ужасное, я чувствую!

И не она одна. Я украдкой покосился на Верити. На лице ее было написано глухое отчаяние. Нужно с ней поговорить.

— Принести вам что-нибудь, миссис Меринг? — предложил я. Как бы выманить Верити из купе? Может, передать записку с проводником? Ладно, будем решать проблемы по мере возникновения. — Здесь довольно зябко, не хотите ли дорожный плед?

— Холодно, — согласилась она. — Верити, пусть Джейн принесет мне шотландскую шаль. Тосси, тебе тоже?

— Что? — Тосси безучастно смотрела в окно.

— Шаль. Тебе нужна?

— Нет! — огрызнулась Тосси.

— Глупости. Здесь сквозняк. Захвати шаль и для Тосси, — велела миссис Меринг Верити.

— Да, тетя Мальвиния.

Верити вышла.

— Действительно, сквозит, — заметил я. — Хотите, я попрошу у проводника печку? Или

нагретый кирпич под ноги?

— Нет. Тосси, почему, скажи на милость, ты отказываешься от шали?

— Жду чая, — буркнула в окно Тосси. — Я и вправду эстетически неразвитая?

— Какой вздор! — возмутилась миссис Меринг. — Ты знаешь французский. Куда вы, мистер Генри?

Я отпустил дверную ручку.

— Думал подышать воздухом на обзорной площадке. — Я продемонстрировал трубку в доказательство.

— Ну что за безрассудство? Там дождь льет.

Я сел обратно, посрамленный. Верити вот-вот вернется, и мы упустим свой шанс. Как упустили его в Ковентри.

— Мистер Сент-Трейвис, велите Бейну принести чаю, — продолжила миссис Меринг.

— Я сбегаю! — Вскочив, я вылетел из купе, пока меня не остановили.

Верити должна уже возвращаться с шалью, если удастся перехватить ее в вагоне второго класса, можно…

Из предпоследнего купе высунулась рука и, сцапав меня за пиджак, втянула внутрь.

— Ты где пропадаешь? — спросила Верити.

— От миссис Меринг так просто не отвяжешься, — оправдался я и, проверив, не идет ли кто по коридору, закрыл дверь.

Верити опустила шторы.

— Главный вопрос — что теперь делать. Я-то полагала, достаточно будет залучить Тосси в Ковентри. Она увидит епископский пенек, встретит мистера Кандидатуру-в-мужья, ее жизнь изменится, и диссонанс рассосется.

— Но, может, так все и вышло. Может, ее жизнь уже изменилась, просто мы не знаем. Сколько нам мужчин сегодня попалось — и на пересадке в Рединге, и проводник, и священник. И тот, похожий на Криппена. Даже Сирила нельзя сбрасывать со счетов, поскольку Теренс изучает древние языки, а по-гречески Сирил читается как Кирилл.

— Отпадает, — без улыбки возразила Верити. — По милости Тосси поездку в Ковентри он пропустил.

— Я лично ставлю на священника, — заявил я, садясь напротив. — Слегка лупоглазый и занудный, на мой вкус, но у Тосси со вкусом, уже доказано, «катастрофа», а как этот пастор пожирал ее взглядом, мы оба видели. Готов биться об заклад, завтра он под каким-нибудь предлогом

явится в Мачингс-Энд — например, ударится в спиритизм или попросит совета насчет кокосового тира — и хоп, они влюбились, Тосси бросает Теренса, словно горячую картофелину, и не успеем мы оглянуться, как в газетах уже объявляют о помолвке мисс Тосси Меринг и преподобного…

— Бредни, — заключила Верити.

— Ну почему же, вполне вероятный расклад, — не сдавался я. — Ты ведь слышала, как они умилялись памятнику Альб…

— Бредни. Фамилия у него такая, — разъяснила Верити. — Преподобный мистер Бредни.

— Точно?

— Миссис Меринг поделилась, когда мы садились в коляску, — подтвердила она с мрачным кивком. — «Славный молодой человек, этот преподобный Бредни, но несколько недалекий. Абсолютно не понимает устройства загробной жизни».

— Ты хорошо расслышала? Именно Бредни, а не какой-нибудь…

— Кредни? — Верити покачала головой. — Нет, сказано было четко. Так что священник не мистер К.

— Ладно, тогда у нас остаются еще те из Рединга. Или мачингс-эндский священник.

— Он ведь Арбитидж.

— С его слов. Но вдруг это псевдоним?

— Псевдоним? Он же священник.

— Вот именно — прикрывает вымышленным именем непростительные для церкви грехи молодости. Не зря он постоянно отирается в Мачингс-Энде — явно положил глаз на Тосси. Кстати, почему к ней священники так липнут?

— Мечтают о жене, которая будет помогать с воскресной школой и церковными ярмарками.

— Барахолки, — пробормотал я. — Так и знал. А еще преподобный Арбитидж интересуется спиритизмом. И охотно уродует старинные церкви. Он…

— Он не мистер К. Я его нашла в архивах. Он женился на Камелии Каттисборн.

— На Камелии Каттисборн?

Верити кивнула.

— В 1897 году. Стал викарием церкви Святого Альбана в Норидже.

— А станционный служащий? Я так и не разобрал его фамилию. Он…

— Тосси на него даже не взглянула. Она вообще за весь день никем не заинтересовалась. — Верити устало откинулась на спинку дивана. — Пора признать очевидное, Нед: судьбоносного события

не произошло.

— Но ведь в дневнике не сказано, что судьбоносное событие случилось в самом Ковентри, — попытался я приободрить Верити, не в силах видеть ее такой подавленной. — Только «Я никогда не забуду тот день, когда мы ездили в Ковентри». Может, оно ждет нас на обратном пути. Вот миссис Меринг предчувствует что-то ужасное. — Я улыбнулся. — Предположим, поезд сойдет с рельсов, и мистер К вытащит Тосси из-под обломков.

— Поезд сойдет с рельсов… — с надеждой проговорила Верити, вставая и подбирая шаль. — Нам лучше вернуться, пока миссис Меринг не послала кого-нибудь на поиски.

— Что-нибудь обязательно произойдет, вот увидишь. У нас остается дневник. И «смежное» задание Финча. И до Мачингс-Энда еще полдюжины станций и пересадка. Может, Тосси налетит на мистера К на рединг ском перроне. Или уже налетела: например, маменька отправила ее за тобой, и тут поезд качнулся на повороте, и она упала прямо в объятия суженого. Вся такая утонченная, аристократичная и невыносимая, а он оказался автором епископского пенька, и сейчас они увлеченно обсуждают в купе викторианское искусство.

Нет. Тосси по-прежнему кисла в углу, угрюмо глядя в окно.

— А вот и вы, — встрепенулась миссис Меринг. — Куда вы пропали? Я насквозь промерзла.

Верити поспешно укутала ее плечи шалью.

— Вы передали Бейну насчет чая? — спросила меня миссис Меринг.

— Как раз иду. Встретил по дороге мисс Браун и вернулся проводить ее до купе.

Я выскользнул обратно в коридор. Сейчас придется отрывать Бейна от «Промышленного переворота» Тойнби или дарвиновского «Происхождения человека». Но раскрытая книга лежала на сиденье, а дворецкий невидящим взглядом смотрел в залитое дождем окно. Судя по мрачному тону, которым он со мной заговорил, эскапада в соборе и ее возможные последствия не давали ему покоя.

— Мистер Генри, можно задать вам вопрос о Штатах? Вы ведь там были. Правду говорят, что Америка — страна безграничных возможностей?

Да уж, пробелы по девятнадцатому веку надо восполнять. Кроме Гражданской войны и нескольких золотых лихорадок ничего на ум не шло.

— Безграничных или нет, свое мнение там

каждый волен выражать свободно. И выражает. Особенно в западных штатах. Миссис Меринг желает чаю, — передал я распоряжение.

После этого я удалился на открытую площадку и встал там, делая вид, что курю трубку, а сам смотрел на дождь. Он снова превратился в мелкую морось. Тяжелые тучи нависали над раскисшими дорогами, мимо которых грохотал поезд. Отступление из Ватерлоо.

Верити права. Нужно признать очевидное. Мистер К не появится ни в Рединге, ни где бы то ни было. Мы пытались залатать прореху в континууме, скрепляя оборванные нити, заманивая Тосси к назначенному месту в назначенный день.

Но в хаотической системе не бывает отдельной прорехи. Каждое событие связано с массой других. Когда Верити кинулась спасать Принцессу, когда я спустился с насыпи к вокзалу, мы затронули десятки, тысячи других составляющих континуума. В том числе и местоположение мистера К 15 июня 1888 года. Мы оборвали все нити разом, и холст на пространственно-временном станке начал распускаться.

— Порвалась ткань с игрой огня, разбилось зеркало, звеня, — процитировал я вслух. — «Беда, проклятье ждет меня!» — воскликнула Шалот.

— Как вы сказали? — раздался из открывающейся двери мужской голос. На платформу вышел здоровяк с густейшими усами и пенковой трубкой, которую он ожесточенно набивал. — Проклятье, говорите?

— Это Теннисон.

— Стишата… — презрительно буркнул он. — Дребедень, как по мне. Картины, скульптуры, музыка — что от них проку в настоящей жизни?

— Согласен, — кивнул я, протягивая руку. — Нед Генри. Будем знакомы.

— Артур Т. Митфорд, — отрекомендовался он, сминая мне пальцы.

Что ж, попытка не пытка.

— Не верю я в проклятия, — заявил он, смачно посасывая мундштук. — В судьбу, в предназначение. Ерунда все это. Человек сам хозяин своей судьбы.

— Хотелось бы надеяться.

— Чистая правда. Возьмите хоть Веллингтона.

Я выколотил трубку на рельсы и двинулся обратно в купе. Веллингтон. Жанна д’Арк. Джон Пол

Джонс [49]. Они сумели переломить судьбу, когда казалось, всё против них.

Да и континуум голыми руками не возьмешь. Сдвиги, страховочные механизмы, избыточность. В одном месте убыло, в другом прибыло. Если так, то прав могу оказаться я, а не Верити, и мистер К еще попадется нам в Рединге. Вдруг он уже в нашем купе в эту самую секунду — компостирует билеты или торгует сладостями вразнос…

Держи карман шире. В купе нашелся только Бейн — раздавал фарфоровые чашки и разливал чай, который несколько некстати оказал на миссис Меринг тонизирующее действие. Она села прямо, расправила шаль из шотландки и принялась отравлять всем жизнь.

— Тосси, выпрями спину и пей. Это ведь ты хотела чаю. Бейн, что же вы не принесли лимон?

— Я схожу на вокзал, узнаю, может быть, там продаются, мэм.

Бейн удалился.

---

[49] Примечания: 49

Джон Пол Джонс (1747–1792) — начав морскую карьеру 13-летним юнгой, ходил на британских торговых судах и однажды был вынужден самостоятельно вести судно в порт, когда и капитан, и помощник скончались от желтой лихорадки. Впоследствии разбогател, служа капитаном в Вест-Индии, подвизался капером у североамериканских колоний, топил и захватывал британские корабли. Был приглашен на военно-морскую службу в Россию и принимал участие в Русско-турецкой войне.

— Почему мы так долго стоим? — не унималась миссис Меринг. — Надо было ехать экспрессом. Верити, эта шаль совсем не греет. Попросила бы у Джейн кашемировую.

Поезд тронулся, и через несколько минут вернулся Бейн — такое впечатление, что догонял бегом.

— Боюсь, мэм, лимонов не было, — сообщил он, доставая из кармана молочную бутылку. — Не угодно ли молока?

— От бог весть какой коровы? Благодарю покорно. И чай едва теплый.

Достав спиртовку, Бейн принялся кипятить воду, а миссис Меринг начала подыскивать следующую жертву.

— Мистер Сент-Трейвис, — обратилась она к Теренсу, попытавшемуся укрыться за томиком стихов, — здесь слишком темно для чтения. Вы испортите глаза.

Теренс закрыл книгу и убрал в карман, только сейчас (судя по выражению лица) начиная осознавать, как он влип. Бейн зажег лампы и долил кипятка в чашки.

— Ну что за уныние? — упрекнула миссис Меринг. — Мистер Генри, расскажите нам о Штатах. Миссис Каттисборн говорит, вы были на Диком

Западе и сражались с краснокожими?

— Немного.

Сейчас она спросит про скальпирование. Но нет, миссис Меринг интересовало другое.

— А не довелось вам посетить сеанс баронессы Эвсапии в Сан-Франциско?

— Увы, нет.

— Как же так! — Миссис Меринг пожалела, что я даром потратил время. — Она славится своими аппортами.

— Аппортами? — переспросил Теренс.

— Перемещением предметов в пространстве, — пояснила миссис Меринг.

Вот оно, догадался я. Вот что случилось с епископским пеньком. Его аппортировали на сеанс в Сан-Франциско.

— …цветы и фотографии, — продолжала миссис Меринг. — А однажды аппортировала воробьиное гнездо из самого Китая. С воробьем!

— А как определили, что воробей китайский? — засомневался Теренс. — Вряд ли он чирикал по-китайски? Почему бы ему не оказаться калифорнийским?

— Правда ли, что слуги в Америке не знают свое место? — Тосси в упор посмотрела на Бейна. — И хозяева позволяют им высказываться об искус-

стве и образовании когда заблагорассудится, как равным?

Похоже, Вселенная собралась рушиться прямо здесь, не медля ни секунды.

— Я… э-э… — замялся я.

— Миссис Меринг, а вы видели духа, когда испытали предчувствие? — Верити попыталась срочно сменить тему.

— Нет, там… — Снова обращенный внутрь себя взгляд. — Бейн, сколько остановок еще намерен сделать этот кошмарный поезд?

— Восемь, мэм.

— Мы превратимся в ледышки, пока доберемся. Велите проводнику принести печку. И сходите за пледом.

И так без конца. Бейн добыл ей плед, нагретый кирпич под ноги и порошок от головной боли, который, по справедливости, полагался нам.

— Очень надеюсь, что вы не думаете после женитьбы держать собак, — высказала миссис Меринг Теренсу и заставила погасить свет, который резал ей глаза. На следующей станции она послала Бейна за газетой. — Мое предчувствие предрекало что-то ужасное. Может, произошло ограбление. Или пожар.

— Вы ведь, кажется, говорили про воду? — воз-

разила Тосси.

— Пожар тушат водой, — с достоинством отчеканила миссис Меринг.

В купе вернулся Бейн, похоже, снова вскочивший в поезд на ходу.

— Ваша газета, мэм.

— Фи, «Оксфорд кроникл», — оттолкнула его руку миссис Меринг. — Мне нужна «Таймс».

— У газетчика не было «Таймс», — объяснил Бейн. — Попробую узнать, нет ли свежего номера в курительном вагоне.

Миссис Меринг откинулась на спинку сиденья. Теренс подобрал отвергнутую «Оксфорд кроникл» и погрузился в чтение. Тосси снова уставилась безучастным взглядом в окно.

— Как здесь душно, — пожаловалась миссис Меринг. — Верити, принеси мне веер.

— Да, тетя Мальвиния! — Верити с благодарным видом выскочила за дверь.

— Что за манера перегревать вагоны? — обмахиваясь платком, проворчала миссис Меринг. — Форменное безобразие, возить нас в таких нецивилизованных условиях. — Она скользнула глазами по развернутой перед Теренсом газете. — Не возьму в толк…

Миссис Меринг оцепенела, не отрывая остано-

вившегося взгляда от газетного листа.

Тосси повернулась.

— Что такое, маменька?

Миссис Меринг на подкашивающихся ногах попятилась к двери.

— Вечером на сеансе… — проговорила она и рухнула навзничь.

— Маменька! — Тосси вскочила.

Теренс выглянул из-за газеты и тут же отбросил ее в сторону шуршащим комком. Миссис Меринг, к счастью, повалилась не в коридор, а на плюшевое сиденье, широко раскинув руки. Мы с Теренсом сгребли ее и совместными усилиями водрузили на диван. Тосси суетилась рядом.

— Ах, маменька! — склоняясь над бездыханным телом и зачем-то сдергивая с него шляпу, причитала она. — Очнитесь! — Тосси принялась хлопать миссис Меринг по щекам. — Маменька, очнитесь же! — Безуспешно. — Маменька, скажите что-нибудь!

Теренс подобрал брошенную газету и начал обмахивать пострадавшую. Миссис Меринг не откликалась.

— Пожалуй, надо звать Бейна, — посоветовал я Теренсу.

— Да, Бейна, — встрепенулась Тосси. — Он что-

нибудь придумает.

— Точно.

Теренс отдал Тосси газету и выскочил в коридор.

— Маменька! — Тосси приняла у Теренса эстафету по обмахиванию. — Ответьте мне!

Миссис Меринг затрепетала ресницами.

— Где я? — произнесла она слабым голосом.

— Между Верхним Элмскоттом и Оулдемским разъездом, — ответила Тосси.

— В поезде из Ковентри, — перевел я. — Как вы?

— Ах, маменька, вы так нас перепугали! — воскликнула Тосси. — Что случилось?

— Случилось? — Миссис Меринг с усилием села и коснулась простоволосой головы. — Где моя шляпа?

— Вот, маменька. — Тосси сунула мне газету и подобрала шляпу. — Вы потеряли сознание. Еще одно предчувствие?

— Предчувствие? — рассеянно проговорила миссис Меринг, водворяя шляпу на положенное место и прикалывая шпильками. — Я не…

— Вы посмотрели на Теренса, потом вдруг оборвали фразу на полуслове, словно привидение увидели, а потом рухнули без чувств. Вам явилась

леди Годива?

— Леди Годива? — Голос Миссис Меринг обретал привычные обертона. — С какой стати леди…

— Маменька? — с тревогой окликнула Тосси вновь умолкнувшую миссис Меринг.

— Вспомнила. Мы вопрошали духов о Принцессе Арджуманд, и тут двери отворились… — Голос начал срываться. — Кажется, именно в этот момент… Я хотела узнать, не утонула ли она…

Миссис Меринг снова отключилась — словно свечу задули. Голова скользнула на подлокотник, шляпа съехала на нос.

— Маменька! — истошно взвизгнула Тосси.

— У вас есть нюхательная соль? — спросил я, поднимая миссис Меринг с подлокотника.

— У Джейн есть. Сейчас принесу.

Тосси исчезла в коридоре.

— Миссис Меринг, — позвал я, одной рукой придерживая ее, а другой обмахивая. Она норовила завалиться на бок. — Миссис Меринг!

Может быть, расслабить корсет — или хотя бы расстегнуть воротник? Нет, лучше подождать Тосси. Или Верити. Куда же они все подевались?

Дверь со стуком распахнулась, и в купе влетел запыхавшийся Теренс.

— Не могу нигде найти Бейна. «Исчез, сокрылся от людского взора». Может, его аппортировали. — Он с интересом уставился на миссис Меринг. — Так и не пришла в себя?

— Ушла снова, — объяснил я, обмахивая. — Как думаете, с чего вдруг?

— Даже не представляю, — опускаясь на противоположное сиденье, ответил Теренс. — Я читал газету, и вдруг миссис Меринг смотрит на меня, будто на призрак Банко. «Что в воздухе я вижу пред собою? Кинжал!» [50] Только это был не кинжал, а «Оксфорд кроникл», но она все равно рухнула как подкошенная. Неужели ее мои литературные пристрастия так напугали?

Я покачал головой.

— Она что-то говорила о Принцессе Арджуманд и о духах.

Верити принесла веер.

— Что здесь?.. — Она остановилась в растерянности.

— Потеря сознания, — объяснил я. — Тосси отправилась за нюхательной солью.

В купе впорхнула Тосси, следом за ней вошел Бейн.

---

[50] Примечания: 50

Шекспир, Уильям. Макбет. Пер. Ю. Корнеева.

— Где горничная? — спросил я, оглянувшись мельком на Тосси. — Вы отыскали соль?

— Я отыскала Бейна, — ответила она, раскрасневшаяся после беготни по вагонам.

Дворецкий тут же занялся делом: опустился на колени перед миссис Меринг, снял с нее шляпу и расстегнул воротник.

— Мистер Сент-Трейвис, откройте окно, — скомандовал он. — Мистер Генри, подвиньтесь, будьте любезны.

— Осторожнее, — предупредил я, отпуская миссис Меринг. — Ее клонит к штирборту.

Но Бейн уже крепко держал ее за плечи. Я шагнул назад к Верити, не выпуская из рук сложенную газету.

— Раз-два… — Бейн резко наклонил голову миссис Меринг к коленям.

— Бейн! — воскликнула Тосси.

— А-ах! — вздохнула миссис Меринг и попыталась выпрямиться.

— Дышите глубже, — велел Бейн, не убирая руку с ее затылка. — Вот так. Вдох — выдох. Хорошо.

Только после этого он позволил ей откинуться на спинку дивана.

— Что… — растерянно захлопала глазами мис-

сис Меринг.

Бейн вытащил из кармана флягу с бренди и налил немного в фарфоровую чашку.

— Выпейте. — Он вложил чашку в обтянутые перчатками руки хозяйки. — Вот так. Хорошо.

— Вам нездоровится, маменька? — спросила Тосси. — Почему вы упали в обморок?

Миссис Меринг глотнула еще бренди.

— Не помню. Теперь, впрочем, мне гораздо лучше. — Она вернула чашку Бейну. — Далеко еще до Мачингс-Энда?

— Что случилось? — шепнула мне стоящая рядом Верити.

— Понятия не имею. Теренс читал газету… — Я продемонстрировал «Оксфорд кроникл». — И вдруг… — Я осекся, уставившись на газетный лист, словно Макбет.

Второй заголовок сверху, прямо под статьей о лодочном заторе на Темзе.

«ГИБЕЛЬ БАЛЛИОЛЬСКОГО ПРОФЕССОРА».

И ниже, более мелким, но все же достаточно разборчивым шрифтом (как-никак «Оксфорд кроникл», а не «Таймс»):

«НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ НА РЕКЕ УНЕС ЖИЗНЬ ПРОФЕССОРА ИСТОРИИ МЭТЬЮ ПРЕДДИКА».

Глава двадцать первая

«Беда, проклятье ждет меня!» — воскликнула Шалот.
Лорд Альфред Теннисон

Объяснения и упреки — Еще предчувствие — Наша материальность под вопросом — Гроза — Разгадка тайны телеграмм — Тихий вечер в кругу домочадцев — Визит — Детские прозвища — Барахолка укореняется как традиция — Упадок и разрушение

Остаток пути прошел в выяснениях и взаимных упреках.

— Вы ведь, кажется, убедились, что он отправил сестре телеграмму, — припомнил Теренс.

— Я думал, что да. Я его спросил: «Вы послали телеграмму?» — он ответил: «Да», и помахал желтыми квитанциями.

— Значит, забыл оплатить или еще что-нибудь забыл. Церемония прощания завтра в десять.

— Мадам Иритоцкая пыталась меня предостеречь, — простонала миссис Меринг, полулежащая

на трех подушках и свернутом одеяле, за которым пришлось сбегать Бейну. — «Берегитесь! — говорила она. — Берегитесь!» Выходит, «ка» означало «река». Она имела в виду, что профессор Преддик утонет.

— Но ведь он не утонул, — возразил я. — Это лишь недоразумение. Он упал в воду, мы с Теренсом его вытащили. Наверное, профессор Оверфорс, не найдя его потом, испугался, что утопил.

— Упал в воду? — запуталась миссис Меринг. — Я полагала, у вас перевернулась лодка.

— Так и было, — подтвердил Теренс. — Но на следующий день. Мы услышали плеск, я подумал на Дарвина, поскольку по берегу росли деревья, но ошибся — это был профессор Преддик, и ему несказанно повезло, что мы проплывали рядом, иначе ему настал бы конец. Судьба. «Та судьба, что удачу за юбку хватает». Потому что он уже в третий раз скрылся под водой, и черта с два мы бы его вытащили…

— Мистер Сент-Трейвис! — вспыхнула окончательно пришедшая в себя миссис Меринг. — Здесь дамы!

Теренс сконфузился.

— О, простите великодушно! Увлекся расска-

зом…

Миссис Меринг благосклонно кивнула.

— Так вы говорите, профессор Преддик упал в реку?

— На самом деле это профессор Оверфорс — видите ли, они дискутировали на исторические темы, и профессор Преддик отстаивал…

Я перестал слушать и уставился в стену таким же невидящим взглядом, как миссис Меринг во время предчувствия. В чьих-то словах на секунду мелькнула разгадка, ключ к тайне — Верити была права, мы смотрим не с той стороны, — и тут же улетучилась. Что-то такое кто-то из них произнес, но кто? Миссис Меринг? Теренс? Я вприщур посмотрел на Теренса, силясь вспомнить.

— …профессор Преддик заявил на это, что Юлием Цезарем пренебречь невозможно, и вот тогда у профессора Оверфорса состоялся вынужденный заплыв.

— Оверфорса! — Миссис Меринг знаком попросила у Верити нюхательные соли. — Вы ведь, помнится, начали с того, что в воду упал профессор Преддик?

— Строго говоря, его толкнули, — уточнил Теренс.

— Толкнули?!

Нет, без толку. Мое предчувствие пропало бесследно. Похоже, пора вмешаться в рассказ.

— Профессор Преддик поскользнулся и упал в воду, — заявил я. — Мы его выловили и хотели отвезти домой, но он предпочел отправиться с нами вниз по реке. Мы остановились в Абингдоне, чтобы он телеграммой известил сестру о своих планах, однако, очевидно, произошла какая-то накладка, и когда профессор не явился домой, сестра забила тревогу, решив, будто он утонул. Тогда как на самом деле он жив, здоров и с нами.

Миссис Меринг шумно втянула нюхательные соли.

— С вами… — Она подозрительно покосилась на Теренса. — На нас дохнуло холодом, и вот в дверях стоите вы трое, объятые темнотой. Откуда мне знать, что вы не призраки?

— Вот, пощупайте. — Теренс протянул руку. — «О если б ты, моя тугая плоть…»[51] — Миссис Меринг осторожно коснулась его рукава. — Видите? Материальнее некуда.

Подозрение во взгляде миссис Меринг не исчезло.

— Дух Кэти Кук тоже был материален на ощупь.

---

[51] Примечания: 51

Шекспир, Уильям. Гамлет. Пер. Б. Пастернака.

Мистер Крукс обнял ее за талию на сеансе и свидетельствовал, что формы совершенно человеческие.

Да, и этому есть вполне логичное объяснение, равно как и поразительному сходству духов с людьми, закутанными в марлю. Однако попробуй с такой логикой докажи, что ты человек…

— И с ними была Принцесса Арджуманд, — укрепляясь в своем мнении, продолжала миссис Меринг. — Которая, насколько известно мадам Иритоцкой, обретается по Ту Сторону.

— Принцесса Арджуманд не призрак, — возразила Верити. — Бейн не далее как сегодня утром отловил ее у пруда, где она охотилась на черного телескопа. Правда, Бейн?

— Да, мисс. Но я успел выдворить ее, пока она не наделала бед.

Интересно, не в Темзу ли он ее выдворил по обыкновению — или после памятного происшествия зарекся кидать кошку в реку?

— Артур Конан Дойль утверждает, что духи в ином мире едят и пьют так же, как и мы здесь, — не унималась миссис Меринг. — Он говорит, иной мир совсем как наш, только чище и добрее, и в газетах там не печатают досужий вымысел.

И так до самой пересадки в Рединге, где она

переключилась на недостойный поступок профессора Преддика.

— Обречь своих близких на такие страдания! — сокрушалась миссис Меринг на перроне, глядя, как Бейн мучается с багажом. — Заставить их сидеть у окна в тревоге, ожидая его возвращения, с каждым часом теряя крупицы надежды — это верх жестокости! Знай я, насколько пренебрежительно он относится к чувствам родных, никогда не открыла бы для него двери своего дома. Никогда!

— Может, послать телеграмму и предупредить профессора о надвигающейся буре? — шепнул я Верити, когда мы поднимались в поезд.

— Пока я ходила за веером, — спросила она, не спуская глаз с Тосси, идущей впереди под руку с Теренсом, — в купе никто не появлялся? Совсем никто?

— Ни души, — заверил я.

— И Тосси все время сидела там?

— Она бегала за Бейном, когда миссис Меринг упала в обморок.

— Сколько ее не было?

— Ровно столько, сколько заняло сбегать за Бейном. — Верити, услышав это, совсем поникла. — Возможно, она все же с кем-нибудь

столкнулась в коридоре. И потом, мы еще не приехали. У нее остается шанс встретить кого-нибудь здесь. Или на станции в Мачингс-Энде.

Однако проводнику, распахнувшему перед Тосси дверь купе, было по меньшей мере семьдесят, а на залитой дождем платформе в Мачингс-Энде не наблюдалось никого — ни отъезжающего, ни провожающего, ни встречающего. И дома тоже — если не считать полковника и профессора.

Да, пожалуй, зря мы не телеграфировали.

— Гениальная родилась идея, — возвестил полковник, радостно выходя навстречу нам под дождь.

— Мейсел, где твой зонт? — Миссис Меринг не дала ему и шагу дальше ступить. — А пальто?

— Нет нужды, — отмахнулся полковник. — Только что любовались серебристым тантё. Сух, как перец. — На самом деле вымок он изрядно, с обвисших усов капало. — Хотели поскорее поделиться нашей задумкой. Совершенно гениально! Вот и вышли встречать, да, профессор? Греция!

Миссис Меринг, которой Бейн помогал выбраться из коляски под раскрытый зонт, настороженно посмотрела на профессора Преддика, видимо, не до конца убежденная в его телесности.

— Греться?

— Фермопилы! — торжествующе рокотал полковник. — Марафон, Геллеспонт, Саламинский пролив. По местам великих сражений. Осенило вдруг. Единственный способ посмотреть место действия. Расположить войска.

Над головой зловеще прогрохотал гром, но полковник не обращал внимания.

— Семейный отдых. Заказать Тосси приданое в Париже. Навестить мадам Иритоцкую. Получил сегодня телеграмму от нее — едет за границу. Увеселительное путешествие!

Он умолк, с улыбкой ожидая ответа жены.

Миссис Меринг, судя по всему, признала профессора Преддика достаточно живым — по крайней мере до поры до времени.

— Скажите, профессор Преддик, — начала она голосом, которому не помешало бы сразу несколько шалей, — прежде чем отлучиться на «прогулку», вы намеревались поставить родных в известность о своих планах? Или пусть себе надевают траур, ничего страшного?

— Траур? — Профессор с озадаченным видом извлек из кармана пенсне.

— Прости, что, дорогая? — не понял полковник.

Небеса, как по сигналу, разразились новым

оглушительным раскатом.

— Мейсел, ты пригрел на груди змею! — Миссис Меринг устремила обвиняющий перст на профессора. — Этот человек обманул тех, кто предоставил ему кров и назвал другом, но хуже того, он обманул своих собственных любящих родных.

Профессор Преддик снял пенсне и поглядел в него как в лорнет.

— Змею?

Так мы, чего доброго, простоим здесь до утра, причем профессор ни на йоту не приблизится к осознанию постигшей его катастрофы. Может быть, пора уже вмешаться, тем более что дождь снова припустил? Я оглянулся на Верити, однако она с надеждой смотрела на пустую подъездную дорогу.

— Профессор Преддик, — начал я, но миссис Меринг уже протягивала ему «Оксфорд кроникл».

— Читайте! — велела она.

— «Опасаются, что утонул…» — Профессор растерянно нацепил и тут же снял пенсне.

— Вы разве не посылали сестре телеграмму? — спросил Теренс. — Что сплавляетесь с нами по реке?

— Телеграмму… — пробормотал он в замеша-

тельстве, переворачивая газету, словно надеясь найти ответ на обратной стороне.

— Вы отправляли какие-то телеграммы из Абингдона, — подсказал я. — Я еще спросил, отправили вы или нет, и вы ответили, что да.

— Телеграммы! — озарило профессора. — Да, теперь вспоминаю. Я телеграфировал доктору Мароли, автору монографии о подписании Хартии вольностей. И профессору Эдельсвайну в Вену.

— А должны были телеграфировать сестре и племяннице, — нравоучительно заметил Теренс. — Сообщить, где находитесь и куда держите путь.

— Боже мой! — всполошился профессор. — Но Моди такая умница, наверняка она поняла, что я отбыл в экспедицию, раз не возвращаюсь. Она не из тех кликуш, которые будут заламывать руки и причитать, что я попал под трамвай.

— Что вы, какой трамвай! — язвительно ввернула миссис Меринг. — Вас считают утонувшим. Прощание завтра в десять.

— Прощание? — Профессор изумленно уставился в газету. — «Панихида в десять часов, собор Крайст-Черч». Какая еще панихида? Я ведь не умер.

— Это вы так утверждаете, — с подозрением

проговорила миссис Меринг.

— Нужно немедленно им телеграфировать, — вмешался я, пока миссис Меринг не попросила потрогать профессорскую руку.

— Да, немедленно, — согласилась хозяйка. — Бейн, принесите письменный прибор.

— Возможно, в библиотеке вам будет удобнее, — с поклоном ответил дворецкий и, слава Всевышнему, повел нас в дом.

Бейн принес перо, чернила, бумагу и перочистку в форме ежа, а потом чай, сконы и лепешки с маслом на серебряном подносе. Профессор Преддик сочинил телеграмму сестре и еще одну — ректору Крайст-Черча. Теренса отрядили на почту, а мы с Верити, воспользовавшись его отбытием, проскользнули в столовую — продумывать следующий шаг.

— Это какой? — вздохнула Верити. — На станции никого не было. Здесь тоже. Я спрашивала у кухарки. За весь день никто не появился. Наверное, как только прекратится дождь, нужно перебросить и доложить мистеру Дануорти, что ничего не получилось.

— Еще не вечер, — возразил я. — Еще ужин и после ужина. Вот увидишь, мистер К ворвется в столовую к подаче супа и объявит, что они с

Тосси тайно обручились еще на Пасху.

— Может, ты и прав, — нехотя признала Верити.

Однако и за ужином ничего не произошло, если не считать рассказа миссис Меринг о своем предчувствии, которое начало обрастать художественными подробностями.

— Я стояла в церкви, и передо мной возник дух леди Годивы — одетой, разумеется, в плащ ковентрийского голубого оттенка, поверх которого струились до самой земли длинные волосы. Я обомлела, а она предостерегающе подняла сияющую белую руку и изрекла: «Впечатление бывает обманчивым».

За сигарами и портвейном тоже не произошло ничего — лишь полковник в красках расписывал новообретенного серебристого тантё. Я понадеялся, что наши дамы в гостиной как раз окружают заботой какого-нибудь матроса с разбившегося корабля или герцога, лишенного наследства, и увлеченно слушают, как он заплутал в лесу под этим ливнем… Но когда полковник Меринг отворил двери, миссис Меринг полулежала на кушетке, явно опять расчувствовавшись, и шумно дышала в надушенный платок; Тосси за конторкой что-то царапала в дневнике, и только Верити,

устроившаяся в кресле без подлокотников, смотрела на нас с мольбой, словно надеялась, что мы приведем злополучного матроса или герцога с собой.

Во входную дверь постучали, и Верити выронила вышивку, но это оказался всего-навсего Теренс, вернувшийся с почты.

— Я решил не уходить, пока не дождусь ответа от вашей сестры, — пояснил он, отдавая Бейну мокрый плащ и зонт.

Профессору он вручил два желтых конверта. Преддик нашарил пенсне, вскрыл телеграммы и зачитал вслух: «Дядя зпт рады слышать тчк Знали зпт что все хорошо зпт целуем тчк Твоя племянница тчк».

— Милая Моди, — умилился профессор. — Я же говорил, она не потеряет голову. Вот польза, которую приносит женщине образование.

— Образование? — встрепенулась Тосси. — Она эстетически образована?

Профессор Преддик кивнул.

— Живопись, риторика, классические языки, математика. Никаких дамских глупостей вроде рукоделия и бренчания на фортепиано. — Он надорвал второй конверт. — «Гораций зпт Как вы могли впрс Панихида заказана тчк Цветы

заготовлены зпт несущие гроб назначены тчк Ждем вас завтра поездом девять тридцать две тчк Профессору Оверфорсу поручена надгробная речь тчк». Профессор Оверфорс! Я должен немедленно ехать в Оксфорд. Когда ближайший поезд?

— Сегодня поездов на Оксфорд больше нет, — ответил ходячий справочник Бейн. — А завтра первый в семь четырнадцать из Хенли.

— Им и отправлюсь, — решил профессор. — Соберите мой багаж. Оверфорс! Нет, он не надгробную речь собрался читать, он хочет опровергнуть мою историческую теорию и выдвинуть свою. Ему лишь бы хавилендовскую кафедру заполучить! Природные силы! Массы! Убийца!

— Убийца? — взвизгнула миссис Меринг, и я подумал, что сейчас придется выяснять заново, кто тут жив, а кто нет, но профессор не дал ей даже нюхательную соль потребовать.

— Хотя убийство по его теории вовсе ничего не значит, — продолжил он, комкая в руке телеграмму. — Убийство Марата, сгинувшие в Тауэре принцы, убийство Генриха Стюарта — все якобы прошли для истории бесследно. Отдельный поступок на истории не отражается. Ни доблесть, ни ревность, ни глупость, ни удача роли не играют и никакого влияния не оказывают. Ни сэр

Томас Мор, ни Ричард Львиное Сердце, ни Мартин Лютер…

После двух безуспешных попыток перебить распалившегося профессора миссис Меринг сдалась и осела на кушетке. Полковник вытащил газету (не «Оксфорд кроникл»). Тосси, подперев подбородок ладонью, рассеянно теребила большую перочистку в виде гвоздики. Теренс вытянул ноги к огню. Принцесса Арджуманд свернулась у меня на коленях и заснула.

Дождь барабанил по стеклам, в камине потрескивали поленья, Сирил храпел. Верити сосредоточенно тыкала иголкой в шитье, то и дело поглядывая на бронзовые каминные часы, которые, кажется, остановились.

— В сражении при Гастингсе, — вещал профессор Преддик, — короля Гарольда убили стрелой, пущенной в глаз. Один удачный выстрел определил исход всей битвы. Как теория Оверфорса опровергнет личное везение?

Его прервал громкий стук дверного молотка, и Верити уколола палец иглой. Теренс сел, сонно моргая. Бейн, подкладывающий поленья в камин, выпрямился и пошел открывать.

— Кто это может быть в такой час? — удивилась миссис Меринг.

Ну же, ну, пусть это будет мистер К…

— Природные силы! Массы! — бушевал профессор. — Как в эту теорию вписывается осада Хартума?

Из прихожей донеслись приглушенные голоса — Бейна и еще один, мужской. Я переглянулся с Верити, которая посасывала уколотый палец.

В дверях возник Бейн.

— Преподобный мистер Арбитидж, — возвестил он, и в комнату шагнул священник. С широкополой шляпы капало на пол.

— Знаю, непозволительное время для визитов, — извинился он, отдавая шляпу Бейну, — но я просто обязан был отчитаться, как прошла ярмарка. Я был в Нижнем Хеджбери на собрании Комитета вспомоществования жителям трущоб, и там все готовы аплодировать нашим успехам. Которыми, — он расплылся в елейной улыбке, — мы обязаны главным образом вашей идее устроить барахолку, миссис Меринг. Преподобный Китчестер хочет провести такую же на Летней ярмарке в миссии для бесприданниц.

— Преподобный Китчестер? — Я подался вперед.

— Да, — с жаром подтвердил священник. — Он просил узнать, не соблаговолите ли вы, миссис

Меринг, протянуть ему руку организационной помощи. И вы, мисс Меринг, и мисс Браун, разумеется, тоже.

— Преподобный Китчестер… — проговорил я задумчиво. — Я о нем, кажется, слышал. Молод, холост, с темными усами?

— Преподобный Китчестер-то? — изумился священник. — Боже правый, совсем наоборот. Девяносто без малого. Замучен подагрой, но благотворительностью по-прежнему занимается охотно. И очень интересуется потусторонним миром.

— Еще бы! — хмыкнул полковник из-за газеты. — Одной ногой уже там.

— Все мы в шаге от Страшного суда, — поджав губы, урезонил его преподобный. — «Убойтесь Бога и воздайте ему славу, ибо наступил час суда Его». Откровение, глава четырнадцатая, стих седьмой.

Вот ведь индюк. Напыщенный, самодовольный, без капли юмора. Идеальная партия для Тосси. Тем более других претендентов не наблюдается.

— Арбитидж, — с интересом начал я. — Это ваша полная фамилия?

— Простите?

— Сейчас, знаете ли, мода на двойные и трой-

ные. Эдвард Берн-Джонс, Элизабет Барретт Браунинг, Эдвард Бульвер-Литтон. Я и подумал, вдруг Арбитидж — это сокращение от Арбитидж-Кулпеппер, скажем, или Арбитидж-Кидни.

— Нет, Арбитидж — это полная фамилия, — выпрямляясь, с достоинством произнес священник. — Юстас Иероним Арбитидж.

— Прозвищ при вашем сане, полагаю, тоже не дают? Но, может, в детстве? Меня вот сестры прозвали Кудряшкой — из-за младенческих локонов. У вас такого не было?

— Насколько помню, до трех лет я был совершенно лыс, — ответил Арбитидж.

— Вот как? Тогда, к примеру, Карапуз? Или Кабачок?

— Мистер Генри, — вмешалась миссис Меринг. — Мистер Арбитидж хотел рассказать нам о результатах ярмарки.

— Да, именно. — Преподобный вытащил из кармана блокнот в кожаном переплете. — За вычетом расходов выручка составила восемнадцать фунтов четыре шиллинга и восемь пенсов — более чем достаточно, чтобы закрасить фрески и поставить новый амвон. Возможно, хватит даже заказать картину маслом для Дамской капеллы. Например, Холману Ханту.

— Мистер Арбитидж, в чем вы видите предназначение искусства? — спросила вдруг Тосси.

— Наставлять и просвещать, — откликнулся священник не раздумывая. — В любом произведении должна быть мораль.

— Просвещать. Как «Светоч мира» [52], — проговорила Тосси.

— Именно. «Се стою у двери и стучу…» Откровение, глава третья, стих двадцатый. — Он повернулся к миссис Меринг. — Значит, я могу передать преподобному Китчестеру, чтобы рассчитывал на вашу помощь?

— Боюсь, нет, — покачала головой хозяйка. — Послезавтра мы уезжаем в Торки.

Верити вздрогнула, полковник опустил газету.

— Мои нервы, — объяснила миссис Меринг, глядя в упор на профессора. — Столько треволнений за последние несколько дней. Я должна побеседовать с доктором Фоли — может быть, вы о нем слышали? Специалист по спиритизму. И эктоплазме. Оттуда мы проследуем в Кент, знакомиться с родителями мистера Сент-Трейвиса и готовиться к свадьбе.

— О, — огорчился преподобный. — Но к августу,

---

[52] Примечания: 52

«Светоч мира» — картина прерафаэлита Уильяма Холмана Ханта, изображающая Иисуса Христа у заброшенной двери.

надеюсь, вы вернетесь? Я планирую, чтобы закрепить успех летней ярмарки, провести еще одну в Варфоломеев день, и нам никак не обойтись без гадалки. И барахольного прилавка. Миссис Каттисборн предложила вместо него устроить вист, но я сказал ей, что за барахолками будущее. И все благодаря вам. Я уже начал собирать вещи. Мисс Стиггинс пожертвовала подставку для обуви, а моя двоюродная бабушка посылает гравюру со сражением при Несби.

— О да, Несби! — оживился профессор Преддик. — Атакующая кавалерия принца Руперта. Классический пример того, как можно за один миг упустить уже почти завоеванную победу — и все из-за непредусмотрительности.

После непродолжительной дискуссии об опасности опрометчивых поступков преподобный Арбитидж благословил собравшихся и удалился. Тосси, кажется, даже не заметила.

— Я утомилась, — заявила она, как только Бейн вышел проводить преподобного.

Встав, она поцеловала на ночь сперва отца, потом мать.

— Ты что-то бледная, — заметила миссис Меринг. — Морской воздух пойдет тебе на пользу.

— Да, маменька, — рассеянно произнесла Тосси,

витая мыслями где-то далеко. — Доброй ночи.

— Пора и нам, пожалуй, — поднимаясь с кушетки, решила миссис Меринг. — День у всех был долгий… — Она пробуравила профессора уничтожающим взглядом. — И полный событий, а тебе, Мейсел, нужно встать пораньше, чтобы составить компанию профессору Преддику.

— К-компанию? — опешил полковник. — А как же мой серебристый тантё? На произвол судьбы?

— Я уверена, ты захочешь лично проследить, чтобы профессор не свернул с намеченного пути, — пресекла все возражения миссис Меринг. — И совесть не позволит тебе оставить его родных в неведении и тоске.

— Нет-нет, ни в коем случае, — устыдился полковник. — Буду рад проводить вас, профессор Преддик.

Пока они узнавали у Бейна расписание поездов, я подошел к Верити.

— Переброшусь утром, когда поведу Сирила на конюшню.

Она потерянно кивнула, в последний раз обвела взглядом гостиную, словно в надежде, что мистер К все-таки появится из ниоткуда, пожелала спокойной ночи и отправилась наверх.

— Пойдем, Сирил, — позвал Теренс, многозна-

чительно посмотрев на меня. — Пора тебе на конюшню.

Но я не повернул головы. На конторке лежал оставленный Тосси дневник.

— Сейчас поднимусь, — пообещал я, подбираясь ближе к конторке. — Только найду сперва книжку — почитать перед сном.

— Книги! — скривилась миссис Меринг. — Многовато сейчас развелось книгочеев.

Она проследовала к выходу.

— Пойдем, Сирил, — снова позвал Теренс, и бульдог, кряхтя, поднялся. — Бейн, дождь еще не кончился?

— Боюсь, нет, сэр.

Бейн пошел провожать их к выходу.

— А атака Пикетта? — втолковывал полковнику профессор Преддик. — В Геттисбергском сражении. Еще один блестящий пример бездумного поступка! Как Оверфорс объяснит пикеттовскую атаку?

Оба удалились.

Притворив за ними дверь гостиной, я подбежал к конторке. Дневник лежал распахнутый, нижние две трети страницы закрывали перо и перочистка в виде гвоздики. На верху листа кудрявилась дата — пятнадцатое июня. Ниже шла

запись: «Сегодня мы ездили в Ков…»

Я приподнял перочистку. «… ентри». Хвостик «и» обрывался в пустоту. В каких бы словах Тосси ни собиралась увековечить этот день для потомков, они еще не легли на бумагу, но, может быть, в предыдущих записях найдется что-то о мистере К.

Захлопнув дневник, я взял с полки первые два тома гиббоновского «Упадка и разрушения Римской империи» и спрятал между ними бесценную находку.

За спиной вырос Бейн.

— Буду рад отнести мисс Меринг ее дневник, чтобы вам, сэр, не пришлось утруждаться.

— Отлично, — ответил я, вытягивая тетрадь из-под томов. — Как раз собирался его отдать.

— Как вам будет угодно, сэр.

— Нет-нет, лучше вы. Отнесите сами. А я, пожалуй, пойду прогуляюсь перед сном.

На редкость нелепое желание, учитывая барабанящий по стеклянным дверям дождь. Думаю, Бейн поверил в него не больше, чем в намерение отнести дневник Тосси. Однако вслух он сказал только неизменное: «Как вам будет угодно, сэр».

— Никто больше не приходил вечером? — уточнил я на всякий случай. — Кроме преподобного

Арбитиджа?

— Нет, сэр.

— А с черного хода? Лоточник, может? Или, например, кто-нибудь искал спасения от ливня?

— Нет, сэр. Что-нибудь еще, сэр?

Нет, больше ничего. Совсем ничего. Люфтваффе расправится с Королевскими ВВС, немцы высадятся в Дувре, и внуки Тосси и Теренса будут безуспешно сражаться с ними на побережьях, в полях, на улицах и на холмах, на лугу перед Крайст-Черчем и в Иффли. Фашисты вывесят знамена со свастикой на балконах Букингемского дворца и пройдут победным маршем через Мачингс-Энд, Оксфорд и Ковентри. Что ж, хотя бы Ковентри не ляжет руинами. Лишь здание Парламента в Лондоне. И мир.

А пространственно-временной континуум постепенно зарубцуется. Если только гитлеровские ученые не изобретут машину времени.

— Что-нибудь еще, сэр? — повторил Бейн.

— Нет. Теперь все.

Я открыл дверь. Дождь хлестнул в прихожую — почему-то холод и ливень показались сейчас как нельзя более кстати.

— Я взял на себя смелость поместить приятеля мистера Сент-Трейвиса в вашу комнату, сэр, —

предупредил Бейн.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я и, закрыв входную дверь, прошел мимо него наверх.

— Мистер Генри, — окликнул дворецкий.

— Да?

Что Бейн хотел сказать на самом деле, я так и не узнал — похоже, он передумал.

— Отличная книга, — похвалил он. — «Упадок и разрушение».

— Поучительная и просвещающая, — кивнул я и отправился спать.

Глава двадцать вторая

Целуй же, Кэт, меня без опасенья, сыграем свадьбу в это воскресенье![53]

Петруччо

Оптимистический характер путешествий во времени — Раннее отбытие — Проблема — Глэдис и Глэдис — Финч пропал — Занятные истории об изворотливости кошачьего племени — Запоздалое отбытие — Подслушивание — Капуста — Верити пропала — Бейн цитирует Шекспира — Проект закона против невежества — Разгадка тайны размокшего дневника — Преждевременное отбытие

Утром на душе стало полегче. Когда в шесть я спустился с Сирилом вниз, дождь уже стих, небо голубело, а мокрая трава переливалась россыпью бриллиантов.

Все-таки путешествия во времени — занятие оптимистичное. Если сразу не получилось, мо-

---

[53] Примечания: 53

Шекспир, Уильям. Укрощение строптивой. Пер. П. Мелковой.

жешь пробовать еще и еще, сколько угодно — а не ты, так кто-то другой. Через неделю, через год, когда криминалистка наконец расшифрует дневник, Каррадерс, или Уордер, или какой-нибудь недотепа-новичок вернутся в пятнадцатое июня и позаботятся, чтобы мистер К явился вовремя.

Нас постигла неудача, но, может, как раз сейчас они там в будущем раскрыли тайну Ватерлоо и самокоррекции. И в этот самый момент Ти-Джей с мистером Дануорти поручают кому-нибудь перехватить меня по пути к Оксфордскому вокзалу, чтобы я не встретился с Теренсом и не испортил ему личную жизнь. Или разнимают профессора Преддика и профессора Оверфорса. Или не дают Верити кинуться в реку за Принцессой Арджуманд. Или шлют меня выздоравливать от перебросочной болезни на Первую мировую.

Кошка выплывет на берег, Теренс познакомится с Мод, а люфтваффе полетит бомбить Лондон. И я никогда не встречусь с Верити. Небольшая цена за спасение Вселенной. Вполне оправданная жертва.

Тем более что я не почувствую утраты, ведь наше знакомство изначально не состоится. Интересно, а Теренс? Ощущает ли он где-то в глубине души, что не встретил свою настоящую любовь? И

если да, что это за ощущение? Тоска-печаль, как у его любимых викторианских поэтов? Непонятное сосание под ложечкой, смутная неудовлетворенность? Или просто безразличие ко всему?

Я повел Сирила на конюшню. Принцесса Арджуманд увязалась с нами — гордо вышагивая по мокрой траве, задрав хвост трубой и обтираясь то о задние лапы Сирила, то о мои ноги. Из конюшни донесся какой-то шум, и ворота начали со скрипом отворяться.

— Прячемся, — скомандовал я, подхватывая Принцессу и скрываясь за дверью кухни.

Заспанный конюх распахнул половинки ворот, и кучер вывел двух лошадей, запряженных в коляску. Коляску, которая повезет профессора с полковником на станцию.

Я оглянулся на дом. Бейн выносил багаж и складывал на крыльце. За ним вышел профессор Преддик в мантии и шапочке, прижимая к животу свой чайник с рыбой и о чем-то беседуя с Теренсом.

— Пойдем, — шепнул я Сирилу, проскальзывая к боковой стене конюшни.

Принцесса Арджуманд заерзала у меня на руках, пытаясь вывернуться, и я спустил ее на землю. Она молнией метнулась через лужайку. Я

запустил Сирила через дверцу для конюха.

— Сделай вид, что всю ночь тут и проспал.

Сирил незамедлительно направился к холщовым мешкам, потоптался на них, обернувшись три раза вокруг себя, плюхнулся и громко захрапел.

— Молодец.

С чувством выполненного долга я вышел из конюшни — и столкнулся с Теренсом.

— Сирил у вас?

— Только что привел. А что? Что-то не так? Меня заметила миссис Меринг?

Теренс покачал головой.

— Меня разбудил Бейн, сказал, что полковнику Мерингу нездоровится, и не могу ли я сопроводить профессора в Оксфорд вместо него. Похоже, полковник простудился вчера, когда удил форель, а миссис Меринг хочет удостовериться, что профессор доберется благополучно. И это правильно. А то попадется ему на глаза какой-нибудь холм — в точности как на поле битвы при Гастингсе, — он сойдет с поезда и поминай как звали. Только я подумал заодно взять с собой Сирила. Пусть отдохнет от… — Теренс прикусил язык. — То есть раз его в Ковентри вчера не пустили… Он здесь, на конюшне?

— Возле сенных тюков, — кивнул я, но когда Теренс открыл боковую дверь, Сирил уже поджидал его, виляя всем своим массивным телом.

— Прокатимся на поезде, старина?

Оба чуть не вприпрыжку припустили к дому.

Дождавшись, когда уедет коляска и Бейн скроется за дверью, я рванул к увитой бобовником перголе, пока зевающий конюх не вернулся в конюшню, а потом перемахнул цветочный бордюр и через крокетную площадку побежал к беседке.

Там кто-то был. Я обошел плакучую иву и подкрался со стороны сиреневых зарослей. Темная фигура сгорбилась на скамье. Кому понадобилась беседка в такую рань? Миссис Меринг выслеживает призраков? Бейн уединился, чтобы почитать, пока никто не дергает?

Я раздвинул сиреневые ветви, окатив себя душем с ног до головы. Таинственный любитель уединения сидел в плаще, низко надвинув капюшон. Тосси? Ждет свидания со своим роковым возлюбленным? Или это загадочный мистер К собственной персоной?

Лица не разглядеть. Нужно подобраться с другой стороны. Я осторожно отпустил ветки, устроив себе повторный душ, и, попятившись, наступил прямо на Принцессу Арджуманд.

— Мия-ууу! — взвыла она.

Таинственный незнакомец вскочил, запахивая полы плаща. Капюшон слетел.

— Верити!

— Нед?

— Мфу! — фыркнула Принцесса. Я поднял ее на руки, осматривая, не ушиб ли. — Мирр! — смягчилась она и замурлыкала.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я Верити, обходя сиреневые кусты.

Она была такая бледная, что миссис Меринг с легкостью приняла бы ее за призрака. Плащ — видимо, какой-то вечерний — промок насквозь, под ним белела ночная сорочка.

— Сколько ты уже здесь сидишь? — Принцесса Арджуманд заворочалась, и я вернул ее на землю. — Не обязательно было докладывать самой, я же обещал, что переброшусь, когда поведу Сирила. Что сказал мистер Дануорти?.. — Только теперь я увидел ее лицо. — Что такое?

— Сеть не открывается.

— То есть как?

— Я здесь битых три часа торчу. Не открывается.

— Сядь и расскажи толком, что случилось.

— Не открывается! Мне не спалось, и я по-

думала: чем быстрее мы доложим, тем лучше — вернусь еще до того, как все встанут. Поэтому я вышла на переброску, а сеть не открылась.

— Привязка пропала?

— Нет, все на месте. Мерцание есть. Но когда я в него вхожу, ничего не происходит.

— Может, ты что-то не так делаешь? Не туда встаешь, например?

— Я уже где только не стояла, — раздраженно отмахнулась Верити. — Не открывается и все!

— Понял, понял. А что, если здесь кто-нибудь бродит и может тебя увидеть? Бейн, например, или миссис Меринг…

— Я об этом думала. После второй попытки я прогулялась к реке, потом к пруду, потом в цветник — нигде никого.

— А на тебе ничего нет из этой эпохи?

— Тоже подумала. Сорочка реквизитная, из будущего, и нет, ее здесь не штопали и пуговиц не переставляли.

— Может, дело в тебе? — предположил я. — Сейчас попробую сам.

— А вот этой версии у меня не было, — приободрилась Верити. — Следующий интервал где-то через минуту.

Она вывела меня из беседки на травянистый

пятачок у шапки розовых пионов. Трава уже подернулась мерцающей дымкой. Я поспешно проверил собственную одежду: пиджак, фланелевые брюки, носки, обувь, сорочка — все реквизитные.

Воздух задрожал, и я шагнул в центр травянистого пятачка. Сияние усилилось.

— У тебя тоже так было?

Сияние резко погасло. На пионах замерцали капельки росы.

— Да.

— Может, это из-за воротничка, — признал я, отстегивая его и отдавая Верити. — Не отличу свои от позаимствованных у Эллиота Каттисборна.

— Нет, — горестно вздохнула Верити, — воротник ни при чем. Мы застряли. Как бедняга Каррадерс.

Я представил на миг, что останусь здесь навсегда — играть в крокет, есть кеджери на завтрак и кататься по Темзе, а Верити будет скользить рукой по янтарной воде и смотреть на меня из-под шляпы с летящей по ветру лентой.

— Прости, Нед. Это я виновата.

— Мы не застряли. Так, ладно, давай побудем немного лордом Питером и Гарриет и просчитаем вероятности.

— Я уже просчитала, — сдавленно проговорила она. — Вероятность у нас одна — все рушится. Как Ти-Джей и предупреждал.

— Глупости. Чтобы разрушить континуум, диссонансу потребуются годы. Ты же видела модели. В 1940 году, может, что-то и рушится, но не через неделю после диссонанса.

В глазах Верити блеснула надежда.

— Так, — произнес я, стараясь вложить в тон побольше уверенности, которой мне очень не хватало. — Ты иди домой и оденься, пока не скомпрометировала нас обоих и мне не пришлось брать тебя замуж.

Она вымученно улыбнулась.

— А потом спускайся завтракать, чтобы миссис Меринг не хватилась и не снарядила за тобой поисковый отряд. После завтрака скажешь, что ушла рисовать, сядешь тут и дождешься меня. Я пока поищу Финча и узнаю, какие у него мысли на этот счет.

Верити кивнула.

— На самом деле скорее всего ничего страшного, просто мелкий сбой, который Уордер пока не отследила. А может, это она закрыла все обратные переброски, пока вытаскивает Каррадерса. В любом случае мы разберемся.

Верити снова кивнула, на этот раз бодрее, и я отправился к Каттисборнам, жалея, что сам не верю собственным увещеваниям и что викторианцы селились так далеко друг от друга.

Дверь открыла горничная в переднике с оборками и чепце.

— Глэдис, мне нужно поговорить с мистером Финчем, дворецким, — сообщил я, отдышавшись.

Я чувствовал себя как греческий гонец, который пробежал от Марафона до самой Спарты, — профессор Преддик бы порадовался. Только тот грек, помнится, рухнул замертво, сообщив радостную весть.

— Простите покорно, сэр. — Глэдис присела в еще более скомканном, чем у Джейн, реверансе. — Мистера и миссис Каттисборн нет дома. Изволите оставить карточку?

— Нет, спасибо. Мне нужен только мистер Финч. Он здесь?

Очевидно, к таким неожиданным поворотам ее не готовили.

— Можете оставить карточку, если желаете, — повторила Глэдис, протягивая серебряный подносик с завитушками.

— А куда уехали мистер и миссис Каттис-

борн? — не сдавался я. — Их мистер Финч повез?

Глэдис совсем смешалась.

— Мистера и миссис Каттисборн нет дома, — заявила она и захлопнула передо мной дверь.

Я обогнул дом и постучал с черного хода. Мне открыла другая служанка. На этой был холщовый передник, шейный платок и картофелечистка в руках.

— Глэдис, я хотел поговорить с дворецким, мистером Финчем.

— Мистера и миссис Каттисборн нет дома, — завела она, и я испугался, что снова упрусь в непробиваемую стену, но Глэдис продолжила: — Уехали в Доннигтон. Там ярмарка рукоделия в церкви Святого Марка.

— Мне нужен только мистер Финч. Он тоже с ними?

— Нет. В Литтл-Рашлейд ушел, капусту покупать. Прямо спозаранку, с большой корзиной, чтобы все вместилось.

— В котором часу?

Вдруг я еще успею его догнать…

— До завтрака. Еще до свету, почитай. Не знаю уж, чем ему не угодила гаменовская капуста — с соседней фермы которая, но он знай твердит, что на столе Каттисборнов должно быть только

самое лучшее. А по мне, так капуста она и есть капуста. — Глэдис скривилась. — Что ради нее три часа ноги бить?

Три часа. Нет, догонять смысла нет, и вернется он не скоро, так что ждать тоже бесполезно.

— Когда вернется, будьте так добры, передайте ему, что приходил мистер Генри от Мерингов, и пусть он сразу же ко мне заглянет.

Служанка кивнула.

— Хотя воротится он, чаю, совсем без ног. И что его понесло сегодня, после этакой-то ночки, не представляю. Миссис Мармелад давеча окотилась, вот уж мы побегали, выискивая, где она своих котят запрятала.

Интересно, запрет на обсуждение межполовых вопросов на слуг не распространяется, или дело в том, что с появлением котят на свет они перестают быть табу?

— Давешний раз в погребе нашлись. А они ж, как только глаза откроют, пиши пропало — поди собери их, чтобы утопить. В позапрошлый раз так и не отыскали. Миссис Мармелад у нас та еще шельма.

— Вы, главное, не забудьте ему про меня передать, — напомнил я, надевая шляпу.

— А до того в швейной шкатулке мисс Циннии

угнездилась. А еще до того — в бельевом ящике хозяйского комода. Знает ведь, плутовка, что котят заберут, вот и прячет где никому в голову не придет искать. Прошлой зимой у Мерингов кошка окотилась — в винном погребе, вот чего удумала, их три недели потом найти не могли! Насилу в самое Рождество отыскали, ох, с ног сбились потом, их собираючи. А когда я у вдовы Уоллис служила, так там кошку аж в печке угораздило схорониться!

Выслушав еще несколько забавных историй о кошачьей изобретательности, я наконец сумел откланяться и преодолеть марафонскую дистанцию в обратном направлении.

Не увидев Верити, я решил, что ей наконец удалось перебросить, но нет — она сидела под деревом за беседкой, грациозно склоняясь над альбомом. В том самом белом платье, в котором я увидел ее в первый раз.

— Получилось? — спросил я.

— Нет, никак. — Она поднялась. — А где Финч?

— Ушел с соседнее село за капустой. Попросил служанку передать ему, чтобы наведался в Мачингс-Энд, как только вернется.

— Передать… Хорошая мысль. Можно попробовать передать сообщение. — Верити задумчиво

посмотрела на альбом для набросков. — Ты, конечно, никакой бумаги с собой из будущего не принес?

Я покачал головой.

— Если что и имелось, то смыло за борт во время крушения. Нет, подожди! Есть купюра. — Я выудил банкноту из кармана. — Только вот чем писать?

— Понадеемся, что миллилитр углерода покажется истории несущественной мелочью. — Верити взяла угольный карандаш.

— Слишком толстый, — забраковал я. — Пойду принесу чернильницу с пером. Когда ближайшая стыковка?

— Сейчас. — Верити показала на мерцающую зыбь.

Времени кидаться за письменным прибором и тем более царапать наспех координаты и «Не можем перебросить» не было.

— Придется подождать следующей.

Верити слушала вполуха, пристально глядя на растущее свечение. Шагнув в центр, она отдала мне альбом с карандашом.

— Видишь? — Сияние тут же померкло. — Не открывается.

И она исчезла в мерцании.

Вот и все. Континуум цел — по крайней мере пока, и мы не застряли в прошлом. Что ж, наверное, оно и к лучшему. На кеджери я долго не протяну, а крокетные матчи просто смертоубийство. И потом, судя по беседе в церкви Святого Михаила, в конце лета нам грозит ярмарочно-барахольный бум.

Карманные часы показали половину X-го. Пора идти в дом, пока никто не застал меня тут и не поинтересовался, чем я занят. Если повезет, я еще найду какие-нибудь маринованные почки или копченую сельдь под Ревущим оленем.

Я двинулся к рокарию и чуть не наткнулся на Бейна. Он с мрачным видом смотрел на Темзу, и я пошарил взглядом по воде — не плывет ли к берегу Принцесса Арджуманд, перебирая белыми лапами.

Кошки не наблюдалось, а вот меня Бейн заметит в любую секунду. Я нырнул обратно в сиреневые кусты, стараясь не шуршать, и едва не наступил на Принцессу.

— Мяур, — сообщила она громко. — Мрур.

Бейн повернулся и, сдвинув брови, посмотрел на сирень.

— Мри, — возвестила Принцесса.

— Тс-с-с… — прошептал я, прикладывая палец

к губам.

Кошка принялась тереться о мои ноги, громко мяукая. Я нагнулся подхватить ее, задел сухую ветку, и та отломилась с резким шелестом. Бейн шагнул к кустам. Как я объясню свое появление? Ищу потерявшийся крокетный шар? И какого, спрашивается, рожна мне вздумалось спозаранку играть в крокет самому с собой? Хожу во сне? Нет, я ведь полностью одет. Я с тоской оглянулся на беседку, прикидывая время до следующей стыковки и расстояние. Далековато и то, и другое. К тому же с Принцессы станется в последнюю секунду юркнуть в сеть и вызвать очередной диссонанс. Пусть уж лучше крокетный шар…

— Мдур-р, — констатировала Принцесса, и Бейн протянул руки, готовясь раздвинуть ветви.

— Бейн, подойдите сюда, — позвала Тосси с бечевника. — Я хочу с вами поговорить.

— Да, мисс, — откликнулся Бейн и пошел к Тосси, обеими руками прижимающей дневник к великолепию рюшей, кружев, мережек и прошв.

Я воспользовался моментом, чтобы подхватить Принцессу и отойти поглубже в кусты. Кошка прижалась ко мне и громко замурлыкала.

— Да, мисс? — спросил Бейн.

— Я требую, чтобы вы извинились передо

мной, — велела Тосси. — Вы не должны были говорить то, что сказали вчера.

— Вы совершенно правы, — согласился Бейн мрачно. — С моей стороны было дерзостью выразить свое мнение, пусть и обоснованное, и за эту дерзость я прошу меня простить.

— М-я-а, — напомнила о себе Принцесса. Я, увлекшись подслушиванием, перестал ее гладить, и она мягко тронула мою руку. — Мня-а-а-а.

Тосси рассеянно оглянулась, я забился еще дальше в кусты.

— Признайте, что это было прекрасное произведение, — потребовала она.

Последовала долгая пауза.

— Как вам будет угодно, мисс Меринг, — раздался наконец ровный голос Бейна.

Тосси вспыхнула.

— Не нужно мне одолжений. Вот преподобный мистер Бредни назвал его… — Пауза, шелест страниц. — «Воплощением всего лучшего в современном искусстве». Я специально записала в дневник.

— Да, мисс.

Щеки Тосси заалели еще сильнее.

— Вы осмеливаетесь перечить служителю

церкви?

— Нет, мисс.

— Мой жених, мистер Сент-Трейвис, тоже считает его выдающимся.

— Да, мисс, — ответил Бейн тихо. — Это все, мисс?

— Нет, это не все. Я требую, чтобы вы взяли назад свои слова про беспорядочное нагромождение слащаво-сентиментальных сюжетов.

— Как вам будет угодно, мисс.

— Не угодно мне так! — топнула ногой Тосси. — Что вы заладили?

— Да, мисс.

— Мистер Сент-Трейвис и преподобный Бредни — джентльмены. Как вы смеете оспаривать их мнение? Вы всего лишь слуга!

— Да, мисс, — подтвердил Бейн устало.

— Вас следует уволить за неподобающее поведение.

Очередная затянувшаяся пауза.

— Никакие дневниковые записи и увольнения в мире не отменят истины, — произнес в конце концов Бейн. — От того, что Галилей отрекся под пытками, Земля не перестала вращаться вокруг Солнца. От того, что вы меня уволите, ваза не перестанет быть вульгарной, я все равно останусь

правым, а ваш вкус — плебейским, что бы вы ни писали в дневнике.

— Плебейским? — Тосси пошла алыми пятнами. — Что вы себе позволяете? Вы уволены! — Она властным жестом указала на дом. — Немедленно собирайте вещи.

— Да, мисс. E pur si muove [54].

— Что? — Тосси покраснела от ярости, как вареный рак. — Что вы сказали?

— Я говорю, раз я уволен, я больше не слуга, а значит, имею право высказываться свободно, — бесстрастно ответил Бейн.

— Да вы теперь вовсе не имеете права со мной разговаривать, — замахиваясь дневником, заявила Тосси. — Убирайтесь сию же секунду!

— Я осмелился высказать вам правду, поскольку счел, что вы этого достойны, — посерьезнел Бейн. — Я, как всегда, пекся лишь о вашем благополучии. Вы щедро одарены — не только богатством, положением в обществе и красотой, но и живым умом, и чуткостью, а также тонкой душевной организацией. Однако вы расточаете эти дары на крокет, оборочки и вопиющую безвкусицу. В вашем распоряжении библиотека с

---

[54] Примечания: 54
И все-таки она вертится (*um.*).

трудами великих умов прошлого, а вы читаете глупые романчики Шарлотты Янг и Бульвер-Литтона. Вместо того чтобы изучать науки, вы окружаете себя шарлатанами в марле и фосфорной краске. Прикоснувшись к подлинному шедевру готической архитектуры, вы восхищаетесь дешевой подделкой, а когда вам говорят правду, топаете ножкой, словно капризный ребенок, и требуете сказок.

Ну и речь! Сейчас Тосси огреет Бейна дневником по голове и удалится в ярости, возмущенно трепеща оборочками. Но вместо этого она спросила:

— Вы находите у меня живой ум?

— Да. И он способен на истинные чудеса при должном развитии и дисциплине.

Из середины сиреневого куста мне было не видно их лица, а посмотреть требовалось, и я сдвинулся влево, где кусты слегка редели. И врезался в Финча. Я чуть не выронил Принцессу Арджуманд. Она взвыла, Финч крякнул.

— Тс-с-с, — велел я обоим. — Финч, вам горничная передала мою просьбу зайти?

— Нет, я только что из Оксфорда, — сияя, объяснил Финч. — И рад сообщить, что моя миссия увенчалось полнейшим успехом.

— Тс-с-с. Потише. Дворецкий спорит с Тосси.

— Спорит? — Финч поджал губы. — Дворецкий никогда не перечит хозяевам.

— А этот перечит.

Финч зашелестел ветвями.

— Я рад, что наткнулся на вас, — заявил он, вытаскивая полную корзину капусты. — Где мисс Киндл? Мне нужно поговорить с вами обоими.

— То есть как это «где?» Вы же вроде сами только что из лаборатории?

— Да.

— Тогда должны были с ней встретиться. Она перебросилась несколько минут назад.

— В лабораторию?

— Куда же еще? Сколько вы там провели?

— Полтора часа. Обсуждали следующий этап моего задания, но за это время никто не прибывал.

— А не могла она выйти из сети незаметно? Скажем, вы увлеклись обсуждением…

— Нет, сэр. Мы стояли рядом с сетью, и мисс Уордер не сводила глаз с пульта в связи с Каррадерсом. — Он задумался. — У вас отмечались какие-то проблемы с сетью?

— Проблемы? — забыв о конспирации, воскликнул я. — Эта сволочь часов пять не хотела

открываться, как мы ни бились!

— Тс-с-с! — шикнул на меня Финч. — Потише!

Но можно было не трудиться, Бейн с Тосси разговаривали на повышенных тонах.

— И нечего наседать на меня с вашим Теннисоном! — кипятилась Тосси.

— Это не Теннисон! — возмущался Бейн. — Это Уильям Шекспир, чьи произведения давно растащили на афоризмы. «Да разве слух мой к шуму не привык? Да разве не слыхал я львов рычанья? На бранном поле пушек не слыхал я или с небесным громом не знаком?»[55]

— И сеть не открывалась? — спросил Финч.

— За этим я вас и просил прийти. Ни в какую не открывалась, не пускала ни меня, ни Верити. Верити пробовала с трех ночи. — Тут меня осенило. — А вы в котором часу перебрасывались отсюда?

— В половине третьего.

— Значит, прямо перед Верити. И какой был сдвиг?

— Никакого, — обеспокоенно покачал головой Финч. — Боже… Мистер Льюис предупреждал о подобной возможности.

---

[55] Примечания: 55

Шекспир, Уильям. Укрощение строптивой. Пер. П. Мелковой.

— Подобной?

— На некоторых моделях Ватерлоо диссонанс привел к неполадкам в сети.

— Каким неполадкам? — снова взорвался я.

— Отказ открытия, раскоординация с пунктом назначения…

— Какая еще раскоординация?

— В двух моделях на обратной переброске историка закидывало в другое место. То есть возникал не пространственный сдвиг, а перенос на совершенно иной пространственно-временной участок. Например, в Мехико 1872 года.

— Нужно сообщить мистеру Дануорти, — решил я, направляясь к переброске. — Давно вы сюда вернулись?

— Без двадцати десять, — нагоняя меня, ответил Финч, сверившись с карманными часами. — Двенадцать минут назад.

Хорошо. Значит, до следующей стыковки всего четыре минуты. Я обогнул беседку, ища глазами пятачок, с которого отправилась Верити.

— Вы уверены, сэр, что это хорошая мысль? — обеспокоился Финч. — Если сеть сбоит…

— Верити могло занести в Мехико или еще бог весть куда.

— Но в таком случае она вернулась бы, поняв,

что не туда попала.

— Каким образом, если сеть откажется ее выпускать? — спросил я, подходя к травянистой кочке рядом с пионами.

— Вы правы, — признал Финч. — Что мне сделать, сэр? Меня ждут обратно из Литтл-Рашлейд, — он приподнял корзину, — но я могу…

— Нет, лучше отнесите капусту Каттисборнам, а потом встретите меня здесь. Если я не вернусь, перебросьтесь и доложите о случившемся мистеру Дануорти.

— Да, сэр. А если сеть не откроется?

— Откроется, — заверил я мрачно.

— Да, сэр.

Он заторопился прочь с корзиной. Я уставился на траву, подгоняя мерцание. Кошку я по-прежнему прижимал к себе, не решаясь отпустить. С нее действительно станется в последний момент влезть в сеть, а новый диссонанс нам категорически ни к чему.

Еще три минуты. Я протиснулся в заросли сирени, откуда видно было Тосси с Бейном, намереваясь выпустить кошку так, чтобы они ее заметили.

Похоже, буря пока не улеглась.

— Да как вы смеете! — бушевала Тосси.

— «Ну полно, Кэт! Ну не смотри так кисло» [56], — не уступал Бейн.

— Да что я вам, служанка, чтобы звать меня Кэт?!

Я присел на корточки и разжал руки, отпуская Принцессу. Она прошествовала через кусты прямиком к Тосси, а я кинулся обратно к переброске.

— Я расскажу своему жениху про ваши дерзости! — крикнула Тосси, не обращая внимания на Принцессу. — Когда мы с мистером Сент-Трейвисом поженимся, я подговорю его баллотироваться в парламент и издать закон, запрещающий слугам читать книги и набираться вздорных идей!

Воздух едва слышно загудел и замерцал. Я шагнул в переливчатую зыбь.

— И я запишу все, что вы мне тут наговорили, в дневнике, — пообещала Тосси, — чтобы мои дети и внуки знали, какой грубый, наглый, неотесанный мужлан… Что вы делаете?

Сеть замерцала по-настоящему, и я не отважился выйти. Только вывернул шею, пытаясь разглядеть через сиреневые заросли, что там происходит.

---

[56] Примечания: 56
Там же.

— Что вы делаете? — визжала Тосси. — Поставьте меня! — Возмущенные ахи и охи. — Немедленно поставьте!

— Это исключительно ради вашего блага.

Я посмотрел на растущее сияние, прикидывая, сколько оно еще продержится. Совсем чуть-чуть, а ждать следующего интервала рискованно, учитывая, что Верити бог весть где. Когда в Мексике революция была? Не в 1870-х ли?

— Вас за это арестуют! — дробные удары, словно кто-то молотит кулачками по широкой груди. — Вы кошмарный, самонадеянный наглец!

— «Вот способ укротить строптивый нрав. Кто знает лучший, пусть расскажет смело»[57], — закончил Бейн.

Воздух вокруг меня ослепительно засиял.

— Рано, — взмолился я, и сияние, словно послушавшись, слегка померкло. — Нет!

Я и сам перестал понимать, хочу ли, чтобы сеть открылась.

— Немедленно отпустите! — потребовала Тосси.

— Как вам будет угодно, мисс!

Сияние вспыхнуло с новой силой, окутывая

---

[57] Примечания: 57
Там же.

меня.

— Стой! — крикнул я в закрывающуюся сеть и, кажется, услышал всплеск.

Глава двадцать третья

— Умеешь грести? — спросила Овца, сунув Алисе в руки спицы.
— Чуть-чуть... Но не на земле же... и не спицами... — растерялась Алиса.
В тот же миг спицы в ее руках стали веслами, а сама девочка очутилась в лодке, быстро несущейся по реке. Пришлось ей как следует налечь на весла.

Льюис Кэрролл

Прибытие — В лаборатории — Я пытаюсь определить свое пространственно-временное положение — Прятки — Зулейка Добсон — Подслушивание — Сокровища разных соборов — В книжном магазине — Неподвластная времени мужская мода — Неподвластные времени книги — Еще подслушивание — Просьба не раскрывать интригу — В темнице — Летучие мыши — Я призываю на помощь маленькие серые клеточки — Я засыпаю — Еще одна беседа с работником — Истоки легенды о призраке Ковентрийского собора

— Прибытие

Где я очутился, неизвестно, однако точно не в лаборатории. Скорее похоже на старую баллиольскую аудиторию. На одной стене классная доска, над ней — крепление для карты. Дверь заклеена объявлениями.

Хотя лабораторию здесь, кажется, все-таки устроили. На длинном металлическом столе — ряд мониторов и примитивных компьютеров на цифровых процессорах, между ними змеятся серые, оранжевые и желтые кабели с гроздью адаптеров.

Я оглянулся на оставшуюся за спиной сеть. Просто очерченный мелом круг с крестом из малярного скотча в центре. К нему тянутся еще более страшные на вид шнуры, медные провода, пугающая мешанина конденсаторов, металлических коробок с кнопками и ручками настройки, полихлорвиниловых трубок, толстых кабелей, переключателей, резисторов, и все это прихвачено где попало широкой серебристой изолентой. Начинка сети. Я бы на такой не рискнул даже через дорогу перебросить, не то что в прошлое.

Меня поразила жуткая мысль. Что, если это и в самом деле лаборатория? Что, если диссонанс

затронул не только женитьбу Теренса на Мод и бомбардировку Берлина?

Я подошел к двери, отчаянно надеясь, что в объявлениях не значится 2057 год. И что они не на немецком.

Нет. Верхнее гласило: «Запрещено оставлять машины на Брод-стрит, Паркс-роуд и на стоянке Наффилдского колледжа. Автомобили нарушителей будут эвакуированы». Фашизм, конечно, но в парковочных правилах всегда есть что-то фашистское. По крайней мере свастик не видно — ни здесь, ни на соседнем расписании поездов. «Сроки внесения платы за зимний триместр истекли. Всем опоздавшим немедленно явиться к казначею!» — уведомлял большой розовый лист.

Ну и, разумеется, куда ж без них — «Благотворительная ярмарка в пользу осиротевших в Пандемию и сбор средств в церкви Святого Михаила у Северных ворот. Пятого апреля с десяти утра до четырех дня. Выгодные покупки. Коты в мешке. Сокровища».

На фашистскую Англию не похоже. И Пандемия все-таки случилась.

Я присмотрелся к объявлениям. Год нигде не указан, да и вообще дат никаких, если не считать предстоящую ярмарку в церкви Святого Михаила

у Северных ворот, но и на нее полагаться опрометчиво. Лично видел на баллиольской доске объявления годичной и больше давности.

Подойдя к заклеенным окнам, я отлепил бумагу с одного угла и посмотрел наружу. Там под ласковым весенним солнцем зеленел главный двор Баллиола. Сирень у часовни стояла в цвету, а посреди газона одевалась в листву огромная береза.

Теперь в центре газона растет каштан, и ему уже лет тридцать. Значит, я где-то до 2020-го, но после Пандемии, а расписание поездов подсказывает, что и метро в Оксфорд еще не протянули. Зато сеть уже существует. Получается, между 2013 и 2020 годами.

Я вернулся к компьютерам. На среднем мониторе мигала надпись: «Нажмите „Перезагрузить“».

Я нажал, и на меловой круг глухо шмякнулись полы сети. Не полупрозрачная кисея, а пыльный бордовый бархат, словно из любительского театра.

«Назначение?» — мигало теперь на экране. Знать бы, какую систему координат использовали в двадцатых… Мистер Дануорти, было дело, развлекал меня байками о том, как перебрасывались наугад на раннем этапе путешествий во

времени — без координат Пухальски, без страховок, без проверки параметров, когда вообще не представляешь, куда отправляешься и вернешься ли назад. Старые добрые времена…

Тут по крайней мере запросы вводятся на человеческом языке, а не каким-нибудь кодом. Я напечатал: «Текущее местоположение?» Экран потемнел и выдал ошибку. Подумав минуту, я ввел: «Помощь». Экран снова потемнел и больше ничего не выдавал. Чудесно. Я начал нажимать кнопки. На экране замигало: «Назначение?»

За дверью кто-то завозился. Я судорожно завертел головой, ища, куда спрятаться. Некуда. Если только в сеть, а это совсем не дело. Но я все же нырнул за бархатные шторы и плотно их задернул.

Побороть дверь входящему удалось не сразу: распахнулась она только после долгого дерганья ручки, толчков и нажимов с разной силой. Я попятился в центр сети и застыл. Дверь, судя по звуку, закрылась, и наступила тишина.

Я прислушался. Ничего. Может, входящий передумал — только заглянул и ушел обратно? Шагнув на цыпочках к шторе, я раздвинул пыльный бархат буквально на миллиметр. У входа в аудиторию, покусывая губу и глядя прямо на

меня, стояла молодая красивая женщина.

Я едва удержался, чтобы не отпрянуть. Нет, она меня не видит. Она, похоже, и сеть не видит, с головой уйдя в какие-то мысли.

Надетое на ней белое платье до щиколотки могло принадлежать любому десятилетию начиная с 1930-х. Длинные рыжие волосы закручены в небрежный пучок на затылке с выпущенным хвостом — прическа начала двухтысячных, но и это еще ни о чем не говорит. В наших пятидесятых их тоже носят, а также косы, корзинки и сетки — изощряются как могут, заплетая отращиваемые для переброс длинные волосы.

Женщина выглядела моложе Тосси, хотя на самом деле, наверное, была старше. На пальце обручальное кольцо. Кого-то она мне смутно напоминала. Это не Верити, хотя и похожа слегка — общей самоотверженностью. И не леди Шрапнелл или какая-нибудь из ее пра-пра-пра. Может, попадалась мне где-нибудь на ярмарках?

Я прищурился, вглядываясь попристальнее. Волосы, кажется, должны быть другие. Светлее? Рыжевато-блондинистые?

Постояв минуту с характерным для Верити выражением лица — смесь испуга, возмущения и решимости, — она стремительным шагом напра-

вилась к компьютерам, пропав из виду.

Снова тишина. Я вслушивался в тихое щелканье кнопок, надеясь, что она не переброску там готовит. И не дает команду поднять занавеси.

С этого ракурса не разобрать. Я осторожно передвинулся к соседней щели между шторами. Женщина стояла перед компьютерами, глядя на них или, вернее, сквозь них с прежней целеустремленностью.

И что-то еще было в ее лице — чего я никогда не наблюдал у Верити, даже после объявления о помолвке Тосси и Теренса, — какое-то безрассудное отчаяние.

За дверью снова послышался шум. Женщина резко обернулась и двинулась туда — опять покинув мое поле зрения. А у входящего явно имелся ключ: когда я прокрался к первоначальной точке обзора, он уже стоял в дверях, глядя на хозяйничающую в лаборатории.

На нем были джинсы, потрепанный свитер и очки. Волосы темно-русые, слегка длинноватые, как водится у историков, чтобы легче было состряпать подобающую эпохе прическу. Он тоже казался знакомым — хотя, возможно, не он сам, а взгляд. Еще бы. Именно такой у меня неизменно появлялся при виде Верити.

Он держал пухлую кипу бумаг и папок и в придачу ключ от лаборатории.

— Привет, Джим, — сказала женщина.

Жаль, что она стоит ко мне спиной и ее глаз не видно.

— Что ты тут делаешь? — спросил Джим.

Голосом, который я знал не хуже своего собственного. Вот так номер! Это же мистер Дануорти собственной персоной.

Мистер Дануорти! Он, конечно, рассказывал мне о заре путешествий во времени, но я всегда представлял его — ну, вы понимаете, мистером Дануорти. А не тощим, неловким юнцом. Да еще влюбленным в недоступную красавицу.

— Пришла поговорить с тобой. И с Сёдзи. Он где?

— У начальства, — ответил мистер Дан… Джим. — Опять.

Он подошел к столу и сгрузил на край оттягивающую руки стопку бумаг и папок. Я переметнулся к другой щели. Что ж им на месте-то не стоится?

— Я не вовремя? — догадалась женщина.

— Да, времена не лучшие, — ответил Джим, перебирая стопку. — С тех пор как ты вышла за Битти и уехала, у нас успел смениться декан. Мистер Арнольд П. Ласситер. «П» означает «пере-

страховщик». Осторожничает сверх меры, за три месяца ни одной переброски. «Путешествие во времени — это ответственное дело, к которому нельзя приступать, не изучив досконально его механику». То есть без горы бланков и отчетов. Он требует полного анализа по каждой переброске (когда все-таки раз в сто лет соизволит дать добро) — проверку параметров, графики сдвигов, статистическую вероятность вмешательства, проверку страховочных мер… — Он оторвался от перебирания бумаг. — Как ты попала в лабораторию?

— Было не заперто, — соврала собеседница.

Я вывернул шею, пытаясь рассмотреть ее лицо.

— Отлично, — вздохнул Джим, наконец отыскивая нужную папку в кипе. — Перестраховщика удар хватит, если он узнает. А куда ты епископа Битти задевала?

— Он в Лондоне, подает апелляцию против указа Церкви.

Джим помрачнел.

— Да, я уже слышал, что Ковентрийский собор упраздняют. Мне искренне жаль, Ливзи.

Ковентри. Ливзи. Так вот она кто — Элизабет Биттнер, жена последнего ковентрийского епи-

скопа. Хрупкая седовласая старушка, с которой я беседовал в Ковентри. Понятно, почему ее волосы показались мне слишком яркими.

— Упраздняют… — горько вздохнула она. — Собор. А дальше упразднят религию, потом искусство и истину. Не говоря уже об истории.

Она снова скрылась из виду, направившись к затянутым бумагой окнам.

Да постой ты уже смирно!

— Это так несправедливо, — продолжила она. — Бристоль и тот оставили. Представляешь, Бристоль!

— А Ковентри им чем не угодил? — спросил Джим, тоже выходя из поля зрения.

— Церковь постановила, что все религиозные учреждения должны обеспечить себе семидесятипятипроцентную самоокупаемость. Это значит, туристы. А туристов манят только редкости и могилы знаменитостей. В Кентербери есть Беккет, в Винчестере — Джейн Остен и купель из черного турнейского мрамора, а Сент-Мартин-ин-зе-Филдс — в Лондоне, где есть еще Тауэр и музей мадам Тюссо. Редкости у нас были, но, к сожалению, все уничтожены люфтваффе в сороковом, — закончила она с горечью.

— В новом соборе есть окно баптистерия, —

подсказал Джим.

— Да. А еще есть здание, напоминающее фабричный склад; витражи, развернутые в обратную сторону, и самый уродливый на свете гобелен. Середину двадцатого не назовешь золотым веком искусства. И архитектуры, в частности.

— Но ведь кто-то приезжает посмотреть на развалины старого собора?

— Мало кто. Битти убеждал Комитет по ассигнованиям, что Ковентри — особый случай и собор имеет историческую ценность, но его не послушали. Вторая мировая была слишком давно, ее почти никто не помнит. — Элизабет вздохнула. — И апелляция тоже ничего не даст.

— И что тогда? Вам придется закрыться?

Она, видимо, покачала головой.

— Нет, мы не можем такого себе позволить. Епархия в долгах по уши. Придется продавать. — Она резко вернулась в поле зрения. На лице застыла решимость. — Уже поступило предложение от Церкви грядущего — это такая нью-эйджевская секта, гадальные доски, явления призраков, беседы с усопшими… Его это убьет.

— Он останется совсем без работы?

— Нет, — усмехнулась Лиззи саркастически. — Религия упраздняется, а значит, священнослу-

жителей днем с огнем не сыскать. Крысы бегут с тонущего корабля. Ему предложили место старшего каноника в Солсбери.

— Хорошо! — с чрезмерным жаром отозвался Джим. — Солсбери ведь в кандидатах на упразднение не состоит?

— Нет. Там масса ценностей. И Тернер. Что ему стоило ездить на пленэр в Ковентри? Но ты не понимаешь — Битти убьет сама мысль о продаже. Он же потомок Томаса Ботонера, того самого, который строил изначальный собор. Битти к нему душой прирос. Он все сделает, чтобы его спасти.

— А ты сделаешь все ради него…

— Да. — Элизабет посмотрела на Джима пристально. — Сделаю. Поэтому я к тебе и пришла. Хочу попросить об одолжении.

Она порывисто шагнула к нему, и оба снова пропали из виду.

— Что, если отправлять людей через сеть посмотреть на собор? — изложила она свою идею. — Пусть увидят, как он горит, поймут, что это значит, как это важно…

— Возить людей в прошлое? Мы Перестраховщика на научные переброски уломать не можем, какие уж тут экскурсии…

— Не экскурсии! — оскорбилась Элизабет. —

Просто перебросить туда несколько человек.

— Комитет по ассигнованиям?

— И визорепортеров. Если на нашей стороне будет общественное мнение, если они увидят собственными глазами, то поймут…

Джим, похоже, покачал головой, потому что Элизабет сменила тактику.

— Не обязательно тащить их под бомбы. Можно в развалины сразу после налета — или, наоборот, в старый собор. Среди ночи, чтобы там никого не было. Пусть посмотрят на орган, на мизерикорды с «Пляской смерти», на детский крест пятнадцатого века — они поймут, что потерял Ковентрийский собор однажды, и не допустят этого снова.

— Лиззи… — начал Джим категоричным тоном.

Неужели она сама не знает, что ее предложение неосуществимо? Даже в старые добрые времена Оксфорд не пускал в прошлое туристов. Да и сеть не пускала.

Нет, знает, прекрасно знает.

— Ты не понимаешь! — произнесла она в отчаянии. — Это его убьет.

Дверь открылась, и в аудиторию вошел невысокий худосочный парень с азиатскими чертами.

— Джим, ты провел проверку параметров?..

Он застыл, глядя на Лиззи. Похоже, за ней половина Оксфорда бегала. Вторая Зулейка Добсон[58], не иначе.

— Привет, Сёдзи, — поздоровалась Лиззи.

— Привет, Лиз. Какими судьбами?

— Как там Перестраховщик? — вмешался Джим.

— Предсказуемо, — ответил Сёдзи. — Теперь его беспокоят сдвиги. В чем их функция? Откуда такие колебания? — Он заговорил с надрывом, передразнивая Ласситера: — «Прежде чем переходить к делу, необходимо учесть все вероятные последствия». Он не санкционирует новые переброски, пока мы не представим полный анализ рисунка сдвигов по всем уже совершенным, — закончил Сёдзи своим обычным голосом и удалился из поля зрения к компьютерам.

— Шутишь? — ужаснулся Джим, пропадая вслед за Сёдзи. — На это уйдет полгода. Мы тут корни пустим.

---

[58] Примечания: 58

Зулейка Добсон — персонаж сатирического романа Макса Бирбома «Зулейка Добсон, или Оксфордская история любви» 1911 года. Красавица и умница Зулейка кружит головы оксфордским студентам во главе с герцогом Дорсетским. Окончательно обезумев от любви, герцог и остальные поклонники роковой красавицы сводят счеты с жизнью, кидаясь в реку.

— Думаю, на то и рассчитано, — кивнул Сёдзи, усаживаясь за средний компьютер и начиная печатать. — Чем меньше переброс, тем спокойнее. А почему шторы в сети опущены?

О внезапно материализовавшемся в баллиольской лаборатории путешественнике из будущего (равно как и из прошлого) никаких преданий не сохранилось. То есть либо меня не застукали, либо я ловко выкрутился. Я принялся срочно придумывать оправдание.

— Если мы будем сидеть тут сиднем, — возмущался Джим, — как прикажете развивать темпоралистику? Ты не объяснил ему, что наука строится на эксперименте?

Сёдзи забарабанил по клавиатуре.

— «Мистер Фудзисаки, — проговорил он с надрывом, не переставая печатать, — мы с вами не на лекции по химии. Это пространственно-временной континуум».

Шторы совершенно некстати поползли вверх.

— Я знаю, что континуум, — возразил Джим, — но…

— Джим, — перебила еще невидимая, но уже открывающаяся взору Лиззи, и оба повернулись к ней. — Ты его попросишь хотя бы? Это ведь значит…

И я оказался в углу книжного магазина «Блэкуэлл». Его темные панели и книжные стеллажи от пола до потолка не перепутаешь ни с чем, они попросту вне времени. На миг мне показалось, что я вернулся в 2057 год и от баллиольской лаборатории меня отделяет минутная пробежка по Брод-стрит, но осторожный взгляд из-за стеллажей показал, что не все так просто. За решетчатой витриной шел снег. А перед Шелдоновским театром стоял припаркованный «даймлер».

До двадцать первого века, похоже, далековато. Да и конец двадцатого еще неблизко, понял я, оглянувшись вокруг. Ни терминалов, ни карманных форматов, ни распечатки на месте. Только твердые переплеты, в основном даже без суперобложек, в синем, зеленом и коричневом коленкоре.

И продавщица, надвигающаяся на меня с блокнотом в руке и желтым карандашом за ухом. Скрываться в углу поздно — она меня уже заметила. К счастью, мужская одежда в отличие от женской с годами почти не менялась, речные блейзеры с фланелевыми брюками встречаются в Оксфорде и по сей день, вот только не в разгар зимы. Ладно, если повезет, сойду за первокурсника.

На продавщице было темно-синее узкое платье,

которое Верити датировала бы с точностью до месяца, но для меня вся мода середины двадцатого — темный лес. Пятидесятые? Нет, подколотые карандашом волосы затянуты в тугой пучок, а на ногах — ботинки на шнуровке. Начало сороковых?

Тоже вряд ли, окна все целы, никаких затемняющих штор и мешков с песком у двери, да и продавщица довольно упитанная и цветущая для послевоенного времени. Значит, тридцатые.

Тридцатые — специализация Верити. Может, сеть по ошибке закинула меня в одну из ее прошлых перебросок? Или Верити тоже тут? Нет, невозможно. Мой костюм еще сойдет, но ее длинное платье с глухим воротом-стойкой и уложенные в высокую прическу волосы — ни в какую. Круг времен и мест, в которых она может оказаться, не вызвав диссонанса одним своим видом, получается довольно узким и, слава Богу, в основном цивилизованным.

— Вам помочь, сэр? — спросила продавщица, неодобрительно покосившись на мои усы.

Совсем про них забыл. В тридцатых растительность на лице не приветствуется? У Эркюля Пуаро вроде были усы?

— Вам помочь, сэр? — настойчиво повторила

она. — Вы что-то конкретное ищете?

— Да.

Что спросить в «Блэкуэлле» в 1930 каком там? «Властелина колец»? Нет, это будет позже. «До свидания, мистер Чипс» [59]? Повесть вышла в 1934 году, но вдруг он еще не настал? Разглядеть дату на книжке квитанций у продавщицы не удавалось, а создавать очередной диссонанс, когда вокруг и без того континуум трещит по швам, желания не было.

— «Упадок и разрушение Римской империи», — перестраховался я. — Гиббона.

— Это вам на второй этаж, — указала продавщица. — Отдел истории.

Спасибо, на второй этаж мне не надо. Лучше держаться поближе к точке переброски. Что у них на первом? Через восемьдесят лет будут записки и метапроза, но сейчас вряд ли. «Алиса в Зазеркалье»? Нет, вдруг детскую литературу уже выделили в отдельное помещение.

— Лестница на второй этаж вот здесь, сэр, — показала продавщица вынутым из-за уха каран-

---

[59] Примечания: 59

«До свидания, мистер Чипс» — повесть Джеймса Хилтона о школьном учителе, который вспоминает многолетнюю карьеру в частной школе для мальчиков. В книге затрагивается тема разрушительного воздействия войн на британское общество.

дашом.

— А «Трое в лодке» Джерома у вас есть? — нашелся я.

— Сейчас посмотрю. — Она двинулась в конец зала.

— «Не считая собаки», — крикнул я вдогонку и, как только она скрылась за стеллажами, юркнул обратно в свой укромный угол.

Я смутно надеялся, что сеть будет открыта или хотя бы мерцанием обозначит скорую готовность, но среди подпирающих потолок книжных полок не наблюдалось даже намека на ее присутствие. И никаких подсказок насчет текущего года.

Я стал по очереди заглядывать на титульные страницы книг. 1904. 1930. 1921. 1756. Эх, беда с этой литературой. Она тоже вне времени. 1892. 1914. Без даты. Я перевернул страницу. И там тоже нет. Тогда я посмотрел на заглавие. Еще бы! Геродотова «История», которую профессор с полковником цитировали только вчера.

У входа звякнул колокольчик. Я осторожно выглянул из-за стеллажа, надеясь увидеть Верити. Но в магазин вошли три дамы в меховых палантинах и шляпках с фигурно заломленными полями.

Посетительницы остановились прямо у две-

ри, любовно отряхивая меха от снега, словно поглаживая, и переговариваясь высокими аристократическими голосами, слегка в нос.

— …и сбежала с ним! — закончила самая правая. Ее палантин напоминал распластанную Принцессу Арджуманд. — Так романтично!

— Но ведь он фермер! — воскликнула средняя. Ее меха больше походили на Сирила и шириной не уступали бульдожьей спине.

— И что такого, что фермер? — возразила третья. — Я рада, что она за него вышла. — Палантин у нее был самый роскошный, с лисьими головами, которые поблескивали стеклянными глазками. — Иначе так бы и чахла на церковных собраниях и благотворительных ярмарках. Позвольте, а что же я хотела купить? Я еще сказала Гарольду утром, не забыть бы, когда попаду в «Блэкуэлл». Что же?

— А мне нужен подарок на день рождения крестнице, — сообщила та, что с Сирилом на плечах. — Чем бы ее порадовать? «Алисой», пожалуй, хотя я никогда не понимала, что дети в ней находят. Какая-то чехарда бессмысленная. Тут исчезли, там появились.

— Ой, смотрите! — воскликнула «лиса», беря со стола новинок книгу в зеленой суперобложке.

Рука в рыжей, под цвет палантина, перчатке заслонила название, но автора я разглядел. Агата Кристи. — Вы читали ее последний роман?

— Нет, — покачала головой укутанная в Сирила дама.

— Да, — отозвалась «Принцесса Арджуманд». — Там…

— Нет-нет-нет! — «Лиса» остановила ее взмахом рыжей перчатки. — Не рассказывай, чем закончится. — Она повернулась к «Сирилу». — Вечно Кора всю интригу испортит. Помнишь «Убийство Роджера Экройда»?

— Сравнила! Мириам, не ты ли сама допытывалась, по какому поводу такая шумиха в газетах? — возмутилась «Принцесса». — Как еще было объяснить, не раскрывая, кто убийца? И потом, здесь с «Роджером Экройдом» совершенно ничего общего. Тут про девушку, которую пытаются убить, то есть это мы должны так думать. А на самом деле…

— Не рассказывай! — воскликнула «лисичка».

— И не собиралась, — с достоинством ответила «Принцесса». — Я просто хотела намекнуть, что иногда мы принимаем за преступление вовсе не преступление. Восприятие бывает обманчивым.

— Как в «Тайне авторучки» [60], — подхватила «Сирил». — Нам кажется, будто это первое преступление, а выясняется, что уже второе. Первое произошло много лет назад, и никто о нем даже не подозревал, а убийцей…

— Не рассказывай! — «Лисичка» зажала уши ладонями в рыжей лайке.

— Это сделал дворецкий, — сообщила «Сирил».

— Ты же не читала! — возмутилась «лисичка», отнимая ладони от ушей.

— Не читала. Но это всегда дворецкий.

Свет погас. Странно, сейчас ведь день, и даже если вдруг отключилось электричество, зал с такими большими витринами не может погрузиться в кромешный мрак. Я вытянул руку, нащупывая соседний стеллаж. Он оказался твердым и сырым, словно каменная кладка. Я осторожно шагнул к нему — и чуть не рухнул в пропасть.

Нога нащупала пустоту. Я отпрянул, шатаясь, и плюхнулся всем весом на камень. Лестница. Тогда я пошарил вокруг, прохлопывая ладонью грубую каменную стену — вверх, потом вниз. Винтовая лестница с узкими клиновидными

---

[60] Примечания: 60

«Тайна авторучки» (The Fountain Pen Mystery) — вымышленный детектив, написанный Гарриет Вейн, персонажем Дороти Сэйерс.

ступенями. Похоже, я в башне. Или в темнице.

Было зябко и промозгло, едва уловимо тянуло плесенью. Вряд ли темница: в подземельях пахнет куда хуже. Но если это башня, то из бойницы где-нибудь наверху должен сочиться свет, и где он? Даже собственную руку не разглядеть. Значит, подземелье.

Или, мелькнула обнадеживающая мысль, из-за прыжков туда-сюда во времени я заработал такую перебросочную болезнь, что совершенно ослеп.

Я нащупал в кармане спичку и чиркнул ею о каменную кладку. Ага, зря надеялся. Со всех сторон теснились каменные стены и каменные ступени. Точно, темница. Значит, на Оксфорд 2018-го или 1933-го можно не рассчитывать.

Бум на темницы был в семнадцатом веке. С шестнадцатого по двенадцатый, впрочем, тоже. А до того типовую английскую застройку составляли большей частью свинарники да хижины. Чудесно. Застрял в средневековом норманнском подземелье.

А может, в закоулке лондонского Тауэра, и через несколько минут сюда ввалится толпа туристов. Но что-то подсказывает — вряд ли. Ступени в неярком свете спички показались совсем не стертыми, и стена без поручней.

— Верити! — крикнул я в темноту.

Эхо запрыгало с камня на камень — и увязло в тишине. Я осторожно встал и, обеими ладонями скользя по каменной кладке, двинулся наверх, нащупывая ступени ногой. Раз ступень. Два.

— Верити, ты здесь?

Молчание. Еще ступень.

— Верити!

Следующая ступень качнулась предательски, я замахал руками, хватаясь за что попало, но только ссадину получил. Съехав вниз, я больно грохнулся на колено.

Будь Верити здесь, она бы услышала. Однако я все равно позвал еще раз. Гулкая тишина взорвалась странным звуком — диким шуршанием и хлопаньем крыльев, несущимся прямо на меня. Летучие мыши. Отлично. Я загородился невидимой рукой. Хлопанье усилилось, но я по-прежнему ничего не мог разглядеть, хоть и пялился в темноту до рези в глазах. Шелест надвигался, крыло мазнуло по локтю. Великолепно. Эти мыши тоже ни черта не видят. Я снова замолотил руками, и шелест, оглушив на миг, начал стихать, удаляясь. Я медленно и бесшумно опустился на ступень.

Так, хорошо. Самое разумное, конечно, сидеть

и ждать, пока откроется сеть. Надеясь, что не застрял тут насовсем, как Каррадерс.

— А Верити, значит, пусть скитается бог весть где?! — заорал я и тут же об этом пожалел, потому что мыши налетели снова и угомонились только минут через пять.

Я замер и прислушался. Либо в этой темнице капитальная звукоизоляция, либо я где угодно, кроме последних трех столетий. Промышленный переворот навсегда лишил мир тишины. Даже в викторианскую эпоху в сельской местности были поезда и паровые катера, а в городах — грохот и шум транспорта, который вскоре перерастет в рев. В двадцатом и двадцать первом веках добавился еще и несмолкающий гул электрических и электронных устройств. Здесь же, когда мыши сложили крылья, наступило полное безмолвие.

И что теперь? Если снова отправлюсь на разведку, рискую сломать шею и, возможно, пропустить стыковку. При условии, конечно, что сеть откроется.

Я нашарил еще спичку и карманные часы. Половина XI-го. Уордер держит в Мачингс-Энде тридцатиминутные интервалы, в лаборатории я провел минут двадцать, не больше, в «Блэкуэлле» — около пятнадцати. Значит, сеть может

открыться в любое время. Или вообще не открыться, если мне уготована участь Каррадерса.

Как быть? Сидеть и пялиться в темноту? Беспокоиться за Верити? Вычислять, что случилось с епископским пеньком?

По утверждению Верити, детективу совсем не обязательно куда-то ходить и что-то делать. Достаточно устроиться в кресле (или в темнице) и раскрыть тайну при помощи «маленьких серых клеточек». Чего-чего, а тайн мне хватает. Кто вообще мог позариться на епископский пенек? Кто такой мистер К и почему до сих пор не дал о себе знать? Какое задание проворачивал Финч? Что я делаю в Средних веках?

Ну, с последним по крайней мере все ясно. Мы с Верити потерпели неудачу, и континуум расползается по швам. Сперва застрявший в Ковентри Каррадерс, потом сдвиги на обратных перебросках, потом Верити — не надо было ее пускать. Мог бы сразу догадаться, к чему все идет, когда сеть не открылась. То есть еще раньше, когда Тосси не встретила мистера К.

Вот он, худший из сценариев Ти-Джея — слишком резкий диссонанс, с которым континууму не справиться. «Видите, — показывал он на бесформенное серое пятно, — вот здесь и здесь

— крупный рост сдвигов, но его не хватает, чтобы унять диссонанс, и страховочные механизмы дают сбой, сеть начинает барахлить, ход истории меняется».

Ход истории. Теренс вместо Мод женится на Тосси; другой пилот вместо их внука летит бомбить Берлин, промахивается мимо цели или попадает под зенитный огонь, или ему мерещатся перебои с двигателем и он поворачивает назад, а вслед за ним и остальные, решив, что он получил приказ, или они сбиваются с курса, как те немцы за два дня до них. А может, отсутствие внука Теренса и Мод каким-то образом сказывается на развитии авиастроительства, или запасах горючего в Англии, или погодных условиях. И налет отменяется.

Люфтваффе не наносит ответный удар по Лондону. И по Ковентри. Значит, никакого проекта реконструкции. И леди Шрапнелл незачем посылать Верити в 1888 год. Парадоксы множатся, достигают критической массы, и сеть начинает рваться, запирая Каррадерса в Ковентри, а меня закидывая все дальше и дальше в прошлое. Вот кошка, которая сбросила бомбу, от которой рухнул дом, который построил Джек.

Почувствовав, что подмерзаю, я запахнул по-

плотнее блейзер, стягивая лацканы у горла и жалея, что это не твидовый пиджак.

Но если события действительно развиваются по худшему сценарию, почему на переброске Верити не увеличился сдвиг? «Вот смотрите, — показывал Ти-Джей, выводя на экраны модель за моделью, — каждый диссонанс порождает область резкого роста сдвигов вокруг эпицентра». Каждый. Кроме нашего.

Девять минут на первой переброске, от двух до тридцати на всех остальных, в среднем — четырнадцать на всех путешествиях в викторианскую эпоху. И только две области увеличения сдвигов, причем одна из-за «Ультры».

Я снял блейзер и закутался в него, как в одеяло, дрожа и думая об «Ультре». В «Ультре» тоже хватало страховочных механизмов. Первый рубеж обороны, понятно, секретность. Если где-то произойдет утечка, то включается второй рубеж, как было в Северной Африке.

Там при помощи «Ультры» отслеживали и топили конвои, поставляющие горючее Роммелю, а чтобы отвести подозрения в дешифровке секретных донесений, каждый раз посылали самолет-разведчик: увидев его над конвоем, фашисты должны были прийти к выводу, что их

засекли с воздуха.

Уловка действовала, пока однажды из-за густого тумана самолет не упустил возможность помаячить над конвоем, а ВВС и Королевский флот не явились топить танкеры, чтобы горючее не досталось Роммелю, и чуть не рассекретили всю операцию.

И тогда руководство «Ультры» привело в исполнение запасной план, посеяв в мальтийском порту ложные слухи и послав несуществующему агенту легко поддающееся расшифровке и без труда перехватываемое сообщение. В нем агента благодарили за сведения о конвое и давали повышение. Следующие полгода фашисты распутывали сплетни и выслеживали вымышленного агента. Не подозревая об «Ультре».

А в случае провала запасного плана руководство придумало бы еще один, третий. И даже если бы планы проваливались один за другим, все равно время было бы выиграно.

Независимо от величины диссонанса континуум обязан попытаться его предотвратить. Вместо этого он создает девятиминутный сдвиг — и Верити попадает ровно в тот момент, когда кошку можно выловить, хотя пять минут в любую сторону, и диссонанса не случилось бы вовсе. Такое

впечатление, что континуум при одном намеке на этот диссонанс рухнул без чувств, как миссис Меринг.

Верити говорила, нужно искать некую мелочь, странную деталь, которая не укладывается в общую картину. Но у меня кругом сплошные странности. Почему, если континуум пытается восстановиться, я не очутился сразу в Мачингс-Энде — ведь тогда я вернул бы кошку и миссис Меринг не понадобилось бы прибегать к услугам мадам Иритоцкой? Зачем выбрасывать меня на три дня позже, да еще там, где я расстрою встречу Теренса с Мод? И самая большая странность — почему сеть вообще допустила диссонанс, если ей положено было автоматически закрыться перед Верити с кошкой на руках?

«Вы же понимаете, это все гипотетически, — сказал Ти-Джей. — На самом деле в любом из этих случаев сеть бы просто не открылась».

К Ватерлоо невозможно подобраться. И к театру Форда. И к улице Франца-Иосифа. Если кошка так важна для истории, почему сеть свободно пускает кого угодно в Мачингс-Энд? Почему не подскочил сдвиг на переброске Верити, если как раз там он должен был подскочить, равно как и в Оксфорде в апреле 2018 года? И как туда попал я,

если сдвиги всех оттуда выкидывают?

Как было бы здорово, если бы там, в лаборатории 2018 года, нашелся ответ, но пока ясно одно: ни Джим Дануорти, ни Сёдзи Фудзисаки этот сдвиг не устраивали. Им вообще отменили переброски.

Конечно, Эркюль Пуаро на моем месте уже излагал бы разгадку не только тайны загадочного диссонанса, но и погубленных в Тауэре принцев, Джека-потрошителя и взорванной в соборе Святого Павла точечной бомбы. Но его тут нет, как и щеголя Питера Уимзи, а если бы были, я бы снял с них пиджаки и укутал коченеющие колени.

Только теперь я вдруг осознал, что различаю в окружающей кромешной тьме какую-то неровность, похожую на раствор между камнями, а значит, откуда-то проникает свет.

Я вжался в стену, однако свет — или скорее чуть менее кромешная тьма — не мерцал и не приближался, как, скажем, плывущий откуда-нибудь сверху факел. И на желтовато-оранжевый круг от фонаря со свечой не похоже. Просто чуть разбавленная темнота. И наверное, переброской меня все же слегка контузило, потому что я целых пять минут додумывался до простой мысли: кромешная темнота означает ночь, а я сижу в

башне. И выбираться нужно вниз.

Потом понадобилось еще раз оступиться и ссадить теперь уже правую руку, чтобы додуматься до следующей простой мысли: если подождать еще полчаса, развиднеется больше, и я смогу выбраться, не свернув шею.

Я уселся на ступень, откинулся затылком на стену и стал смотреть, как редеет темнота.

Предположив, что темнота означает темницу, я изначально смотрел на происходящее под неправильным углом. Что, если по отношению к диссонансу мы поступаем так же? Исходим из неверного предположения?

Примеров неверных предположений история знает немало: Наполеон, уверенный, что Ней взял Катр-Бра; Гитлер, решивший, будто вторжение союзных войск произойдет через Кале; саксы короля Гарольда, не ведающие, что якобы отступающие войска Вильгельма Завоевателя заманивают их в ловушку.

Что, если мы тоже смотрим на диссонанс под неверным углом? Может, есть какое-то объяснение, которое поставит все на места — и отсутствие сдвига на переброске Верити, и резкий его скачок в 2018 году? Какой-то ракурс, в который впишется все: и Принцесса Арджуманд, и Каррадерс, и епи-

скопский пенек, и все эти треклятые барахолки, и священники, не говоря уже о собаке — и головоломка разом сложится…

Наверное, я заснул, потому что, когда открыл глаза, совсем рассвело, а снизу доносились приближающиеся голоса.

Я заметался взглядом по узкой башне, словно и впрямь надеясь отыскать укрытие, а потом рванул наверх. Ступенек через пять я спохватился, что нужно считать их, иначе потеряю точку переброски. Шесть, семь, восемь — отсчитывал я про себя, поднимаясь на следующий виток. Девять, десять, одиннадцать. Я замер, прислушиваясь.

— Hastyeh doon awthaslattes? — спросил женский голос.

Похоже на средневековую речь, значит, со временем я все-таки не ошибся.

— Goadahdahm Boetenneher, thahslattes ayrnacoom, — ответил мужской.

— Thahslattes maun bayendoon uvthisse wyke, — потребовала женщина.

— Tha kahnabay, — не уступал мужчина.

Я не понимал, о чем они говорят, но разговор этот слышал уже сотни раз; в последний — у южного портала церкви Святого Михаила. Женщина допытывается, почему то-то и то-то до сих пор

не сделано. Мужчина оправдывается. Женщина (явная далекая пра-пра-пра леди Шрапнелл) говорит, что причины ее не интересуют, к благотворительной ярмарке все должно быть готово.

— Thatte kahna bay, Goadahdahm Boetenneher, — повторил мужчина. — Tha wolde hahvneedemorr holpen thanne isseheer.

— So willetby, Gruwens, — приказала женщина.

Грохнула расшатанная ступенька, и женщина рявкнула:

— Lokepponthatt, Gruwens! The steppe bay lossed.

Бранит за неполадки. Правильно. Пусть выдаст ему по первое число.

— Ye charge yesette at nought, — пристыдила она.

— Ne gan speken rowe, — залебезил работник.

Они продолжали подниматься. Я поднял голову, вглядываясь в лестничный колодец — вдруг там наверху есть какая-нибудь площадка или приступка?

— Tha willbay doone bylyve, Goadahdahm Boetenneher.

Ботонер. А вдруг та самая Анна Ботонер — или Мария, которые строили шпиль Ковентрийского собора? Неужели это он и есть?

Я двинулся наверх, стараясь ступать как можно

тише и считая ступени. Девятнадцать, двадцать.

Вбок от лестницы уходила площадка, упирающаяся в пустоту. Колокола. Точнее, будут колокола, когда их повесят. Вот я и определил свое пространственно-временное положение — башня Ковентрийского собора в год постройки, 1395-й.

Голоса пропали. Вернувшись к лестнице, я на цыпочках спустился на пару ступеней. И чуть не наступил на голову женщине и работнику.

Они стояли прямо подо мной, так что видно было макушку белого апостольника. Рванув назад, я ринулся вверх по лестнице и едва не раздавил голубя. Он возмущенно заголосил, отчаянно захлопал крыльями, словно летучая мышь, и слетел мимо меня вниз, к площадке.

— Shoo! — крикнула высокочтимая Ботонер. — Shoo! Thah divils minion!

Я замер, готовясь рвануть еще выше и стараясь не пыхтеть, но они дальше не поднимались. К голосам теперь примешивалось непонятное эхо — похоже, они отошли на дальний край площадки, и минуту спустя я прокрался обратно, откуда за обоими можно было наблюдать тайком.

Работник — в коричневой рубахе и кожаных штанах — удрученно качал головой.

— Nay, Goadudahm Marree. It wool bay fortnicht ahthehlesst.

Мария Ботонер. Я с интересом посмотрел на дальнюю прародительницу епископа Биттнера. Перехваченное слегка провисшим чеканным поясом красно-коричневое узкое одеяние с широкими рукавами, в прорезях которых виднеется желтое нижнее платье. Льняной апостольник туго охватывает круглые морщинистые щеки. Кого-то она мне напоминает. Леди Шрапнелл? Миссис Меринг? Нет, старше. Седовласую?

Мария куда-то показывала, возмущенно встряхивая апостольником.

— Thahtoormaun baydoon ah Freedeywyke.

Работник отчаянно замотал головой.

— Tha kahna bay, Goaduhahm Boetenneher.

Женщина топнула ногой.

— So willetbay, Gruwens.

Резко развернувшись, она решительно зашагала к лестнице.

Я юркнул в укрытие, готовый сию секунду мчаться наверх, но разговор, видимо, был окончен.

— Bootdahmuh Boetenneher, — взмолился работник, семеня за ней.

Я крался следом, держась на виток выше.

— Gottabovencudna do swich… — увещевал работник.

Уже и до точки переброски недалеко.

— Whattebey thisse? — вдруг озадачилась женщина.

Я осторожно спустился на ступень, потом еще на одну, пока не увидел их снова. Мария Ботонер показывала на что-то в стене.

— Thisse maun bey wroughtengain, — напустилась она на работника с новой силой, и над ее головой, словно нимб, засияло едва заметное мерцание.

Нет, только не сейчас! Проторчать тут всю ночь, и теперь…

— Bootdahmuh Boetenneher… — скис работник.

— So willet bey, — тыча костлявым пальцем в стену, оборвала его Мария Ботонер.

Мерцание разгоралось. Сейчас кто-нибудь из них поднимет голову и заметит.

— Takken under eft! — велела она.

Ну давай же, давай, пообещай ей, что все починишь.

— Thisse maun bey takken bylyve, — напомнила она и наконец двинулась вниз.

Работник возвел глаза к небу, подтянул веревочный пояс на круглом брюхе и поплелся за

ней.

Две ступени. Три. Апостольник скрылся за поворотом лестницы, потом вынырнул снова.

— Youre hyre isse neyquitte till allisse doone.

Дальше медлить было нельзя — лучше рискну попасться им на глаза. Ничего, в Средневековье верили в ангелов, если повезет, за небесного посланца меня и примут. Сияние разгорелось в полную силу. Я ринулся вниз, перепрыгнув через голубя, который взлетел с громким гвалтом.

— Guttgottimhaben! — пролепетал работник, и оба уставились на меня.

Мария Ботонер перекрестилась.

— Holymarr remothre…

А я нырнул в уже закрывающуюся сеть и растянулся на прекраснейшем в мире кафельном полу лаборатории.

Глава двадцать четвертая

С растущим ужасом и отчаянием мы осознали <…> что больше ничего сделать нельзя.

Настоятель Говард

В лаборатории — Чересчур запоздалое прибытие — Письмо в редакцию — В башне — Я определяю пространственно-временное положение — В соборе — Опрометчивый поступок — Табак — Драконiха — Шествие — В полицейском участке — В убежище — Что, съели? — Верити отыскалась — «Наш красавец собор!» — Ответ

Пусть только это будет 2057-й, а не 2018-й. Я поднял голову. Да, на этот раз осечки нет. Надо мной склонялась Уордер, заботливо протягивая руку. Однако, увидев, что это всего лишь я, она выпрямилась и возмущенно подбоченилась.

— Вы что здесь делаете?

— Здесь? — в свою очередь, возмутился я, отскребая себя от пола. — Объясните лучше, что я

делал в 1395 году. И в «Блэкуэлле» 1933-го. И где Верити?

— Марш из сети! — велела Уордер, садясь обратно за пульт и начиная печатать.

Занавеси поползли вверх.

— Выясните, куда подевалась Верити. Она перебросилась вчера, и что-то засбоило. Она…

Уордер жестом приказала мне замолчать.

— Декабрь, одиннадцатое, — произнесла она в приемник пульта. — Четырнадцать ноль-ноль.

— Вы не понимаете. Верити пропала! С сетью что-то творится.

— Минуту… — Уордер не сводила глаз с экрана. — Восемнадцать ноль-ноль. Двадцать два ноль-ноль. Каррадерс застрял в Ковентри, и я пытаюсь…

— А Верити, возможно, застряла где-нибудь в темнице! Или в пылу сражения при Гастингсе. Или в клетке со львом в зоопарке. — Я стукнул кулаком по пульту. — Немедленно выясните, где она!

— Минуту. Декабрь, двенадцатое. Четырнадцать ноль-ноль. Восемнадцать ноль-ноль…

— Нет! — Я отвернул от нее раструб приемника. — Сейчас же!

Уордер вскочила на ноги.

— Если вы сбили мне стыковку…

Вошли мистер Дануорти с Ти-Джеем, обеспокоенно уткнувшись в один на двоих наладонник.

— …еще одна область роста сдвигов, — говорил Ти-Джей. — Видите, вот тут она…

— Отдайте приемник! — прошипела Уордер в ярости, и вошедшие синхронно оторвались от наладонника.

— Нед! — поспешил ко мне мистер Дануорти. — Как успехи в Ковентри?

— Никаких.

Уордер выхватила раструб и продолжила диктовать даты и время.

— Никакого мистера К, никакого «судьбоносного переживания», — развел я руками. — Верити пыталась перебросить к вам с докладом, но не добралась. Пусть Уордер ее разыщет.

— Я провожу ускоренную, — отмахнулась она.

— Мне все равно, что вы там проводите. Дело безотлагательное. Немедленно выясните, где Верити!

— Минуту, Нед, — вполголоса попросил мистер Дануорти, придерживая меня за локоть. — Мы вытаскиваем Каррадерса.

— Каррадерс подождет! С ним, черт дери, хотя бы все ясно! А Верити невесть где.

— Расскажите, что случилось, — не теряя спокойствия, велел мистер Дануорти.

— Сеть рушится, вот что случилось! Верити отправилась сообщать вам, что мы провалили Ковентри, а потом почти сразу вернулся Финч и говорит, что в лаборатории она не появлялась. Поэтому я попробовал перебросить сам, но очутился сперва в две тысячи восемнадцатом, а потом в «Блэкуэлле» 1933-го, а после…

— Вы были в лаборатории 2018 года? — Мистер Дануорти переглянулся с Ти-Джеем. — Там как раз очаг увеличения сдвигов. И что вы там видели?

— …а после в башне Ковентрийского собора в 1395-м, — закончил я.

— Раскоординация с пунктом назначения, — с тревогой заметил Ти-Джей.

— Четырнадцать ноль-ноль, восемнадцать ноль-ноль, — твердила Уордер, буравя взглядом экран.

— Сеть рушится, а Верити где-то там, непонятно где. Нужно установить к ней привязку и…

— Уордер, — отвлек оператора мистер Дануорти, — прекращайте ускоренную. Необходимо…

— Стойте, что-то вроде появилось.

— Немедленно. Мне требуется привязка к Верити Киндл.

— Мину…

В сети возник Каррадерс.

Одет он был так же, как в нашу последнюю встречу: комбинезон ВПС с неуставным шлемом, только теперь все обмундирование покрывал слой сажи.

— Самое время! — сказал он, снимая шлем.

Уордер кинулась к сети и, не дожидаясь, пока поднимется кисея, повисла у Каррадерса на шее.

— Как я волновалась! С тобой все нормально?

— Едва не арестовали за хождение без документов, — ответил Каррадерс, слегка опешив от такого приема. — Еще чуть не подорвался на фугасе замедленного действия, но в остальном — цел и невредим. — Он высвободился из объятий Уордер. — Я уж решил, что сеть полетела и я останусь там до конца войны. Что ж вы тут резину-то тянули?

— Тебя вытаскивали, — ослепила его счастливой улыбкой Уордер. — Мы тоже решили, что сеть не в порядке. А потом я додумалась провести ускоренную, проверить, удастся ли обойти этот непонятный блок. — Она взяла его под руку. — С тобой точно все в порядке? Что-нибудь хочешь?

— Я хочу! — не выдержал я. — Отыскать Верити. Сейчас же сделайте привязку!

Мистер Дануорти кивнул.

— Хорошо! — огрызнулась Уордер и потопала к пульту.

— Вы без приключений вернулись? — спросил Ти-Джей Каррадерса.

— То есть три недели, что я там мариновался, не в счет?

— Я имею в виду — на обратной переброске вас никуда больше не закидывало? Сразу сюда?

Каррадерс помотал головой.

— Есть догадки, почему сеть не открывалась?

— Нет. Но тот фугас взорвался аккурат ярдах в ста от переброски. Я думал, может, из-за него.

Я подошел к пульту.

— Получается?

— Нет, — буркнула Уордер. — И не стойте над душой, вы меня отвлекаете.

Каррадерс, усевшись у стены с выведенными на экраны моделями, стягивал сапоги.

— Одно хорошо, — усмехнулся он, стаскивая грязнющий носок. — Могу с чистой совестью сообщить леди Шрапнелл, что пенька в развалинах не было. Мы расчистили щебень до последнего дюйма — нигде ничего. Однако во время бомбежки он точно находился в соборе. Руководительница цветочного комитета, эта

жуткая старая дева мисс Шарп — ну, знаешь, типичная мымра — седая, длинноносая, настоящий сухарь, зубы обломаешь — видела его в пять вечера. Возвращалась домой после собрания комитета по посылкам на фронт и организации предрождественского базара, заметила, что некоторые хризантемы в пеньке пожухли, и навела порядок.

Я слушал вполуха. Все мое внимание занимала Уордер, которая щелкала кнопками, бросала грозные взгляды на экран, задумчиво откидывалась назад, снова барабанила по кнопкам. Нет, она понятия не имеет, где Верити.

— Значит, думаете, он сгорел в огне? — уточнил мистер Дануорти.

— Я, — подчеркнул Каррадерс, — думаю. И все остальные тоже, кроме этой старой гарпии мисс Шарп. Она утверждает, что его украли.

— Во время налета?

— Нет. По ее словам, как только завыла сирена, она вернулась и встала на часах, так что его могли вынести только в промежутке с пяти до восьми вечера, причем похититель должен был знать о предстоящей бомбардировке.

На экране замелькали цифры. Уордер подалась вперед и замолотила по кнопкам.

— Привязались? — спросил я.

— В процессе, — раздраженно бросила Уордер.

— Носилась с этой мнимой кражей как с писаной торбой, — продолжал Каррадерс, стаскивая второй заскорузлый носок и запихивая его в голенище сапога. — Приставала ко всем, кто был в соборе или рядом во время налета, обвинила причетникова зятя, даже редактору местной газеты написала. Всем крови попортила. Мне вообще ничего расследовать не пришлось, она сама все сделала. Если пеньку и в самом деле кто-то приделал ноги, будьте уверены, она бы этого мародера вычислила.

— Есть! — заявила Уордер. — Верити в Ковентри.

— Ковентри? А когда?

— Четырнадцатое ноября сорокового.

— Где именно?

Перестук кнопок, и на экране высветились координаты.

— Это же собор! Время?

Снова дробь по клавиатуре.

— Пять минут девятого вечера.

— Начало налета. — Я рванулся к сети. — Перекиньте меня туда.

— Если сеть барахлит… — начал Ти-Джей.

— Там Верити! Под бомбами.

— Посылайте, — распорядился мистер Дануорти.

— Мы ведь уже пытались, помнишь? — остановил меня Каррадерс. — Туда никому не удавалось подобраться, даже тебе. С чего ты взял…

— Комбинезон давай и шлем, — сообразил я в последний момент.

Каррадерс оглянулся на мистера Дануорти и начал раздеваться.

— В чем была Верити? — спросил мистер Дануорти.

Каррадерс вручил мне комбинезон, который я тут же натянул прямо на костюм.

— Длинное белое платье с высоким воротом под горло, — ответил я и понял, что ошибся еще в одном предположении. Ее одежда не вызовет никакого диссонанса во время воздушного налета. Всем будет попросту не до того. А если кто и заметит, решит, что девушка впопыхах выскочила из дома в ночной рубашке.

— Вот, возьмите. — Ти-Джей подал мне дождевик.

— Держите пятиминутный интервал, — попросил я, забирая дождевик и заходя в сеть.

Уордер опустила занавеси.

— Если угодишь на кабачковое поле, — напутствовал Каррадерс, — амбар на западе.

Сеть замерцала.

— Берегись собак, — успел я услышать. — И фермерши…

Я очутился там же, откуда исчез. В кромешной темноте. То есть я попал в следующую ночь — или в любую из тысячи ночей, сотни тысяч ночей, которые пережил собор за Средние века. А Верити сейчас под бомбами. Мне же остается только сидеть тут и ждать, пока снова откроется чертова сеть.

— Нет! — Я в сердцах саданул кулаком по каменной кладке.

И мир взорвался звуками.

Протяжный свист, потом взрыв, потом тарахтенье зениток на востоке. Темнота расцвела бело-голубыми сполохами, затем окрасилась багряным. Потянуло дымом.

— Верити! — крикнул я и рванул вверх по лестнице к колоколам, не забывая на этот раз считать ступени. Подернутое дымом рыжеватое зарево давало достаточно света.

Добежав до платформы с колоколами, я крикнул наверх: «Верити! Ты здесь?»

Голуби, далекие потомки того, которого я чуть

не раздавил шестьсот лет назад, ринулись, хлопая крыльями, из верхнего лестничного колодца прямо на меня.

Значит, там ее нет. Я помчался вниз, зовя ее, пока не добежал до перебросочной ступени, и оттуда начал считать заново.

Тридцать один, тридцать два.

— Верити! — звал я, перекрикивая гул самолетов и рев запоздалой и уже никому не нужной сирены воздушной тревоги.

Пятьдесят три, пятьдесят четыре.

— Верити, ты где?

Вот и подножие. Пятьдесят восемь. «Запомни», — велел я себе и, толкнув дверь башни, выскочил к западному порталу. Здесь дымом тянуло сильнее, к нему примешивался какой-то густой едкий запах, похожий на сигарный чад.

— Верити! — позвал я, наваливаясь на тяжелую дверь, ведущую из башни в неф.

В соборе было темно, если не считать лампады над распятием и красноватых сполохов в окнах клерестория. Я попытался прикинуть, который час. Грохот разрывов и сирены большей частью слышны с севера. Вокруг органа дым клубами, но Капелла ременщиков еще не горит, а ее подбили раньше всех. Значит, сейчас не позже половины

девятого, и Верити провела здесь лишь несколько минут.

— Верити! — Эхо разнеслось по темному собору.

Капелла торговцев тканями пострадала от первой же партии зажигалок. Я ринулся по главному проходу к хору, кляня себя, что не догадался прихватить фонарик.

Зенитки смолкли и сразу затарахтели с новой силой, а гул самолетов стал громче. С восточной стороны, совсем рядом, ухала бомба за бомбой, окна озарялись призрачными вспышками. Половина окон — та, из которой убрали витражи, — была либо заколочена, либо затянута затемняющей бумагой, но три витражных окна по северной стороне стояли нетронутыми, и мелькающие за ними зеленоватые вспышки раз за разом окрашивали церковь в жутковатый красно-синий. Верити нигде не было. Куда она подевалась? По логике, должна была оставаться у переброски, но, видимо, испугалась бомб и где-то укрывается. Где?

Гул самолетов перерос в ожесточенный рев.

— Верити! — перекрывая его, позвал я, и по крыше словно град забарабанил, сменившийся ударами и приглушенными криками.

Пожарная охрана тушит зажигалки. Может, Верити услышала топот и спряталась?

Над головой громыхнуло, потом раздался визжащий, захлебывающийся звук. Я посмотрел наверх — и вовремя, потому что в меня чуть не угодила зажигалка.

Она упала в ряды, шипя и плюясь раскаленным металлом на деревянную скамью. Схватив с соседней спинки молитвенник, я сбил фырчащий цилиндр на пол. Зажигалка покатилась в проход и уткнулась прямо в торец противоположного ряда. Я отшвырнул ее ногой, однако дерево уже тлело. Зажигалка плевалась и искрила, вертясь, словно живая, а потом вспыхнула белым пламенем, ударившись о генофлекторий.

Ножной насос. Я завертел головой в поисках, но, видимо, все унесли на крышу. На глаза попалось висящее у южных дверей ведро — я кинулся к нему, надеясь, что там песок. Есть! Промчавшись обратно через полнефа, я опорожнил ведро на зажигалку и уже загоревшийся генофлекторий, а сам отскочил, ожидая, что сейчас рванет.

Не рванула. Тогда я выкатил зажигалку ногой на самую середину прохода и затоптал рдеющий генофлекторий. Брошенное ведро закатилось под скамью. Завтра его найдет причетник и раз-

рыдается.

Я застыл, провожая взглядом ведро и думая о том, что сделал. Действовал без оглядки, как Верити, когда спасала кошку. Еще один опрометчивый поступок. Только он вряд ли изменит ход истории — люфтваффе уже ровняет с землей все возможные диссонансы.

Я оглянулся на Капеллу торговцев тканями. Пламя лизало резной деревянный потолок, и ведра с песком против него были бессильны. Через два часа собор окажется полностью охвачен огнем.

Что-то с глухим взрывом приземлилось за стеной Капеллы ременщиков и озарило ее вспышкой. Я успел разглядеть деревянный крест пятнадцатого века с резным изображением коленопреклоненного ребенка у основания. Еще через полчаса настоятель Говард увидит его уже сквозь стену огня, потому что весь восточный торец собора будет полыхать.

— Верити! — крикнул я, и эхо раскатилось по вновь объятому темнотой нефу. — Верити!

— Нед!

Я крутнулся на месте волчком и с криком «Верити!» рванул назад по главному проходу. Там, в торце, я затормозил с разгона и, позвав еще раз,

застыл, прислушиваясь.

— Нед!

Снаружи. У южного портала. Я запрыгал между скамьями, спотыкаясь о генофлектории, держа курс на южные двери.

Сгрудившиеся там люди с тревогой смотрели на крышу, а два хулиганистых молодчика, засунув руки в карманы и небрежно привалившись к фонарю на углу, обсуждали, что там горит чуть западнее.

— Откуда куревом тянет? — лениво, словно о погоде, спросил долговязый.

— Табачная лавка на Бродгейт, — ответил второй, пониже. — Надо было туда слазить и натырить себе, пока не пыхнуло.

— Вы не видели, тут девушка из собора не выходила? — обратился я к ближайшей из зевак — женщине средних лет в платке.

— Утихнет ведь, как думаете? — спросила она с тревогой.

Не утихнет.

— Там наверху пожарная охрана, — успокоил я ее. — Так вы не видели, девушка не выходила?

— Нет. — Женщина снова задрала голову и уставилась на крышу.

Я пробежался туда-сюда по Бейли-лейн вдоль

стены собора, но Верити словно в воду канула. Наверное, выбралась через другие двери. Не через ризницу, там снует пожарная охрана. Значит, через западные.

Я рванул за угол к западному порталу. Там, в стрельчатой арке, тоже толпились люди — женщина с тремя маленькими девочками, старик в одеяле и девушка в форме горничной. Остроносая седая женщина с повязкой Женской вспомогательной службы загораживала вход, скрестив руки на груди.

— Вы не видели, в последние несколько минут из собора никто не появлялся? — спросил я.

— Туда никого не пускают, кроме пожарной охраны, — заявила она возмущенно.

Ее голос тоже показался мне знакомым, но времени разбираться, откуда, не было.

— Рыжая девушка, — уточнил я. — В длинном белом… в белой ночной рубашке.

— В ночной рубашке? — неодобрительно поджала губы остроносая.

К нам подошел коренастый толстяк — дежурный ПВО.

— Мне приказано очистить территорию. Пожарной бригаде требуется беспрепятственный подъезд к собору со всех сторон. Пойдемте.

Женщина с девочками подхватила на руки младшую и вышла из-под арки. Старик зашаркал следом.

— За мной! — подбодрил пэвэошник горничную, которая будто оцепенела от страха. — И вы тоже, мисс Шарп, — окликнул он остроносую.

— Никуда я не пойду! — заявила та, еще воинственнее скрещивая руки. — Я заместитель председателя гильдии алтарниц собора и руководитель цветочного комитета.

— Меня ваши звания не интересуют, — отмахнулся дежурный. — Приказано очистить подходы для пожарной бригады. Южный портал уже свободен, теперь ваша очередь.

— Простите, вы не видели тут рыжеволосую девушку? — перебил я.

— Мне поручили охранять вход от мародеров. — Мисс Шарп вытянулась и вскинула подбородок. — Я здесь стою с самой сирены и, если понадобится, простою до утра.

— А мне поручили расчистить подступы. — Дежурный тоже вытянулся во весь свой небольшой рост.

Я вклинился между ними, не собираясь слушать их препирательства, и, в свою очередь, вытянулся, расправляя плечи.

— Я ищу девушку. Рыжие волосы. Белая ночная сорочка.

— Спросите в полиции, — посоветовал пэвэошник, показывая туда, откуда я прибежал. — На Сент-Мэри-стрит.

Я пустился туда со всех ног, гадая, кто все-таки победит. Я лично ставил на руководительницу цветочного комитета. Кого же она мне напоминает? Марию Ботонер? Леди Шрапнелл? Или кого-то из трех дам в книжном?

С южным порталом пэвэошник справился плохо. Там по-прежнему толпился народ, и двое молодчиков все так же подпирали фонарь. Я промчался вдоль южной стены к Бейли-лейн и выскочил прямо на процессию.

Я, конечно, читал о «маленьком крестном ходе» — так один сержант полиции назвал перенос спасенных пожарной охраной ценностей из собора в участок по соседству. Мне и представлялось что-то вроде торжественного шествия: во главе под знаменем Уорвикширского полка настоятель Говард, за ним остальные с канделябрами, потиром и просфорницей, а замыкает ряды деревянное распятие, — поэтому я не сразу понял, что передо мной.

Это была не процессия, а бегство, лихорадочное

отступление старой наполеоновской гвардии из Ватерлоо со всем, что под руку подвернулось. Спотыкаясь, они улепетывали по улице — каноник с подсвечниками под мышкой и ворохом риз; подросток, мертвой хваткой вцепившийся в потир и ножной насос, и настоятель, несущийся с древком наперевес, словно с пикой, то и дело наступая на волочащееся знамя.

Я остановился, глядя на них, как зритель на параде, и заодно вычеркивая одну версию из списка Верити. Епископского пенька ни у кого из них не было.

Они скрылись в полицейском участке и, видимо, побросали свою ношу как попало в первом же углу, потому что уже через минуту выскочили снова и кинулись ко входу в ризницу.

На лестнице путь им преградил лысеющий мужчина в синем комбинезоне.

— Нельзя туда, там все в дыму, — замотал он головой.

— Мне нужно забрать Евангелие и Послания апостолов, — заявил настоятель Говард, протискиваясь мимо него к двери.

— Где этих пожарных носит, к чертям собачим? — крикнул подросток.

— Пожарных? — Каноник запрокинул голову

к небу. — Где, к чертям собачьим, носит нашу авиацию?

Подросток помчался обратно по Сент-Мэри в полицию, просить, чтобы еще раз вызвали пожарных, и я последовал за ним.

Спасенные сокровища лежали жалкой кучкой на сержантском столе, а знамя стояло у стенки позади. Пока подросток втолковывал сержанту: «Ну так позвоните еще раз! Там вся крыша над алтарем горит!» — я внимательно их осмотрел. Подсвечники, деревянное распятие. Еще маленькая стопка потрепанных томиков Книги общественного богослужения, которые не вошли в список уцелевшего, пачка конвертов для пожертвований и хористская альба. Интересно, сколько еще вынесенных из собора вещей остались неучтенными? Однако пенька среди них все равно не было.

Подросток выскочил за дверь. Сержант снял трубку телефона.

— Вы не видели тут рыжеволосую девушку? — спросил я, пока он не начал звонить пожарным.

Он покачал головой, прикрывая рукой мембрану.

— Скорее всего она где-нибудь в убежище.

Убежище. Конечно. Куда еще податься во время

воздушного налета? Кому-кому, а Верити хватит ума не носиться по улицам под бомбами.

— Где соседнее? — уточнил я.

— На Литтл-Парк-стрит, — баюкая трубку, ответил сержант. — Назад по Бейли и налево.

Я благодарно кивнул и снова пустился бегом. Полыхало все ближе и ближе. Дымное небо окрасилось в оранжевый, в нем скрещивались лучи зенитных прожекторов, а из-за церкви Троицы тянулись желтые языки пламени. С каждой минутой становилось светлее — а еще заметно холодало, хотя, казалось бы, с чего, когда все кругом горит. Я попытался на бегу согреть дыханием заледеневшие руки.

Убежища не было видно. Посреди квартала высились дымящиеся развалины — все, что осталось от дома после прямого попадания, — а рядом огонь пожирал овощную лавку. Дальше улица тянулась тихая и темная.

— Верити! — крикнул я, боясь услышать отклик из-под развалин, и двинулся в обратную сторону, высматривая знак убежища на стенах домов. Нашел. Он валялся посреди проезжей части. Я беспомощно повертел головой, пытаясь определить, откуда его сорвало взрывом. — Эй! — принялся я кричать во все цокольные лестницы

подряд. — Есть здесь кто-нибудь?

Убежище отыскалось почти в самом начале улицы, в двух шагах от собора, в полуподвале, не защищавшем на самом деле ни от чего, даже от холода.

Тесная замызганная комнатушка без мебели. Человек двадцать — некоторые в халатах — сидели на земляном полу, привалившись к мешкам с песком, уложенным у стен. В одном углу покачивался от каждого бомбового удара подвешенный на балке керосиновый фонарь, а под ним мальчишка в пижаме и меховых наушниках играл с матерью в карты.

Я окинул полутемную каморку взглядом, ища Верити, хотя уже понятно было, что ее здесь нет. Где же она?

— Никто не видел девушку в белой ночной рубашке? — спросил я. — Рыжую.

Молчание. Даже не шевельнулись.

— У тебя есть шестерки? — продолжил игру мальчик.

— Есть. — Мама вручила ему карту.

Сквозь несмолкающий грохот зениток и разрывы фугасов донесся колокольный звон. Девять вечера.

Все заворочались.

— Это в соборе, — сказал мальчик, запрокидывая голову к потолку. — А дамы есть?

— Нет, — ответила мама, посмотрев на карты в руке, а потом на потолок. — Что, съели? Пока слышны колокола, собор стоит.

Все, нечего здесь ворон считать. Я метнулся за дверь и вверх по лестнице обратно на улицу. Колокола чисто и ясно вызванивали время. До самого утра гибнущий в огне собор будет под рев самолетов ежечасно пробуждать в ковентрийцах надежду.

Горстка зевак из-под южного портала перебралась на противоположный тротуар, чтобы лучше видеть взметающееся над крышей собора пламя. Двое молодчиков все так же подпирали фонарь. Я подбежал к ним.

— Не, черта лысого, — утверждал длинный. — Теперь нипочем не потушат.

— Я ищу девушку… — начал я.

— Нам тоже одиноко, — сострил короткий, и оба заржали.

— Она рыжая, — не сдавался я. — В белой ночной рубашке.

Новый взрыв гогота.

— Наверное, она где-нибудь в убежище, но я не знаю ближайших.

— Есть одно на Литтл-Парк, — отсмеявшись, сказал долговязый.

— Там я уже проверял.

Оба задумались.

— Еще есть на Госфорд-стрит, только туда не пробьешься. Пехотная мина взорвалась, теперь все перекрыто.

— Может, она в крипте, — предположил длинный и, увидев мое озадаченное лицо, пояснил: — Ну, крипта, под собором. Там тоже убежище.

Крипта. Конечно. Несколько десятков людей укрылись там в ночь налета и сидели до одиннадцати, пока над их головами горел собор, а потом их вывели по внешней лестнице.

Я промчался мимо зевак к южному порталу и взлетел по ступенькам.

— Туда нельзя! — крикнула женщина в платке.

— Спасательный отряд, — бросил я и вбежал внутрь.

Западный торец нефа по-прежнему тонул в темноте, зато в пресвитерии и в апсиде света было хоть отбавляй. Ризницы полыхали, Капелла ременщиков тоже, а сверху, из клерестория, валил дым бронзового цвета. В Капелле вязальщиков шапок огонь лизал холст с Иисусом, несущим заблудшую овцу. По всему нефу летали, рассыпая

пепел, горящие листки чинопоследования.

Перед глазами возникли полученные в свое время от леди Шрапнелл чертежи собора. Крипта под капеллой Святого Лаврентия на северной стороне, сразу за Капеллой мануфактурщиков. Я устремился туда, уворачиваясь от горящих листов и лихорадочно вспоминая, где ведущая вниз лестница. Слева от амвона, точно.

Далеко впереди, в хоре, что-то шевельнулось.

— Верити! — крикнул я, пускаясь бегом.

Фигура метнулась через хор к пресвитерию. Между скамьями мелькнуло белое пятно.

По крыше барабанили зажигалки, и я невольно поднял взгляд, а когда посмотрел на хор, фигура — если это была фигура — уже исчезла. Над входом в Капеллу мануфактурщиков плясала подхваченная восходящим потоком бумажка с чинопоследованием.

— Нед!

Я обернулся. Слабый голос Верити доносился откуда-то из-за спины и вроде бы издалека, но, может, это раскаленный воздух шутит шутки со слухом… Я пробежал через хор. Ни там, ни в пресвитерии никого не было. Чин службы кувырнулся в вихре из Капеллы мануфактурщиков, загорелся и, пылая, рухнул на алтарь.

— Нед! — крикнула Верити.

На этот раз ошибки быть не может. Она за стеной. За южными дверями. Я сбежал по ступеням, мимо зевак и подпирателей фонаря.

— Верити!

Я увидел ее почти сразу же. Она стояла посреди Литтл-Парк-стрит, что-то втолковывая толстому пэвэошнику, и оторванная оборка белого платья волочилась по мостовой.

— Верити! — позвал я, но не дозвался сквозь гул и грохот.

— Нет, вы не понимаете! — кричала она дежурному. — Не нужно мне в убежище! Я ищу молодого человека с усами…

— Мисс, мне приказано очистить территорию от гражданских, — настаивал дежурный.

— Верити! — крикнул я практически ей в ухо. И схватил за руку.

— Нед! — Она обернулась и повисла у меня на шее. — Я тебя везде ищу.

— А я тебя.

— Вам нельзя здесь, — сурово повторил дежурный. Дальнейшие его слова перекрыл свисток, а потом протяжный вопль. — Допускаются только официальные службы. Гражданским не положено…

Раздался оглушительный взрыв, и пэвэошник исчез под лавиной пыли и щебня.

— Эй! — Я отпрянул. — Дежурный! Дежурный!

— Нет! — Верити замахала руками, разгоняя клубы пыли. — Где же он?

— Тут… — Я что было сил рылся в крошеве.

— Не вижу. — Верити тоже принялась откидывать кирпичные обломки. — Нет, стой, вот рука!

Дежурный яростно отпихнул ее ладонь и вылез, стряхивая пыль с комбинезона.

— Вы целы? — спросили мы хором.

— Конечно, цел, — ответил он, захлебываясь кашлем. — Только вы тут ни при чем, помощнички. Гражданские! Головой бы думали, когда швыряетесь камнями не глядя — кого-нибудь зашибете, и привет. Препятствие исполнению обязанностей дежурного ПВО карается…

Над головой взревели самолеты. Я посмотрел наверх. Небо осветилось яркими вспышками, совсем близко вновь заверещал свисток.

— Так, надо убираться. Сюда!

Я потянул Верити к лестнице, спускающейся в тесный закуток перед дверью цокольного этажа.

— Ты как? — крикнул я, глядя на нее. Прическа с одного бока распустилась, порванный подол весь в саже. Лицо тоже, а на левой руке ссадина с

запекшейся кровью. — Поранилась?

Я бережно взял ее руку в свою.

— Нет. Оцарапала об арку в соборе. Было т-т-темно, я не видела, к-к-куда идти, — выговорила она, дрожа. — Почему так х-х-холодно, когда весь г-г-город в огне?

— Вот, надень. — Я снял дождевик и набросил ей на плечи. — Ти-Джей позаботился.

— Сп-п-пасибо.

Снова громыхнуло, на нас дождем посыпалась земля. Я втиснул Верити глубже в проем, заслоняя собой.

— Как уляжется слегка, проберемся в собор и перебросимся куда-нибудь, где потеплее, — непринужденно пообещал я, надеясь вызвать улыбку. — Нам еще дневник красть и мужа Тосси подыскивать. Как думаешь, найдется здесь желающий променять вот это все, — я обвел рукой полыхающее небо, — на сюсюканье и Принцессу Арджуманд? Вряд ли, конечно.

Результат вышел прямо противоположный: Верити разрыдалась.

— Что такое? Да, я знаю, не стоит шутить под бомбами. Я…

— Не в том дело, — покачала она головой. — Нед, мы не вернемся в Мачингс-Энд. Мы здесь

застряли навсегда.

Она уткнулась мне в грудь.

— Вслед за Каррадерсом? Так его вытащили. И нас вытащат.

— Ты не понимаешь! — Она подняла на меня залитое слезами лицо. — К переброске не подступиться. Там все горит…

— То есть? — озадачился я. — Башня ведь останется. Только она и уцелеет. И ничего, что западный портал стережет драконихa из цветочного комитета, мы проберемся через южный…

— Башня? — Теперь Верити смотрела недоуменно. — Почему башня?

— Ты разве не через башню сюда попала?

— Нет. Через алтарь. Сидела там почти час, надеясь, что откроется снова, потом заполыхало, и я испугалась, что меня найдет пожарная охрана, поэтому выскользнула наружу и стала искать тебя.

— А как ты догадалась, что я здесь?

— Просто знала, что ты за мной придешь, — ответила она не задумываясь.

— Но… — Я прикусил язык, решив не рассказывать, как мы две недели сюда пробивались и не могли пробиться даже в окрестности.

— …а когда я вернулась в собор, алтарь уже

пылал. Сеть ведь не откроется в огонь.

— Правильно, — кивнул я. — Но нам и не надо. Моя переброска в башне, которая лишь слегка закоптится. Только нам еще нужно пролезть к ней через неф, так что пора идти.

— Сейчас, минутку. — Верити продела руки в рукава дождевика, сняла тканевый пояс и подвязала им оборванное платье, поддернув его до колен. — Теперь похоже на сороковой год?

— Отлично выглядишь.

Мы поднялись на улицу и направились к собору. Восточный торец крыши полыхал не на шутку. Зато наконец прибыла пожарная бригада. Машина перегородила весь угол, так что нам пришлось пробираться к южному порталу через путаницу шлангов и озаренные оранжевым лужи.

— Где же пожарные? — недоуменно огляну-лась Верити, когда мы поравнялись с зеваками у двери.

— Побежали на Прайори-роу к другому гидранту, — сообщил десятилетний парнишка в тонком свитере. — Воды нет. Фрицы перебили водопровод.

— Воды нет… — пробормотала Верити растерянно.

Мы посмотрели на собор. Почти половина крыши была объята пламенем, с ближайшего края, у апсиды, фонтаном летели искры, в выбитых взрывом окнах плясал огонь.

— Наш красавец собор… — горестно проговорил сзади мужской голос.

Парнишка потянул меня за рукав.

— Не выстоит, да?

Нет, не выстоит. К половине одиннадцатого, когда наконец найдут рабочий гидрант, вся крыша будет в огне. Пожарные попытаются пролить алтарь и Дамскую капеллу, но вода иссякнет почти сразу, и после останется только смотреть, как пылает крыша и как стальная арматура, вбитая Скоттом для снятия нагрузки с арок, плавится и проседает от жара, увлекая клерестерий пятнадцатого века и крышу за собой на алтарь, резные мизерикорды, генделевский орган и деревянный крест с коленопреклоненным ребенком у основания.

Наш красавец собор. До сих пор я ставил его в один ряд с епископским пеньком — такой же докучливый пережиток прошлого — тем более есть на свете соборы куда красивее. Но теперь, глядя, как он горит, я понял, зачем настоятель Говард возводил новое здание, пусть и напоми-

нающее уродливый сарай. Почему Лиззи Биттнер билась до последнего, чтобы его не продали с молотка. И почему леди Шрапнелл готова душу вытрясти из Англиканской церкви, исторического факультета, ковентрийских муниципальных властей и всех кого придется, чтобы отстроить собор с нуля.

Я посмотрел на Верити. По ее щекам катились тихие слезы. Я обнял ее за плечи.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила она безнадежно.

— Мы его восстановим. Будет как прежний.

Но для этого нужно сперва пробраться внутрь, в башню. Только как? Зеваки нас в горящую церковь не пустят ни под каким предлогом, а западный вход сторожит драконихa. И чем дольше мы медлим, тем вероятнее, что огонь отрежет нам подступы к двери на колокольню.

Сквозь тарахтенье зениток донеслись лязг и бренчание.

— Еще пожарные! — крикнул кто-то, и, несмотря на отсутствие воды, все, даже подпиратели фонаря, ринулись к восточному торцу.

— Наш шанс, — сообразил я. — Дальше выжидать опасно. Готова?

Верити кивнула.

— Так, погоди…

Я оторвал несколько длинных полос от изодранного подола ее юбки и окунул их в лужу, натекшую из пожарного рукава. Вода была ледяная.

— Завяжи нос и рот, — велел я, выжимая полосы и отдавая одну Верити. — Когда войдем, пробирайся в тыльную часть нефа, а потом вдоль стены. Если потеряемся, дверь в башню около западного портала, сразу слева.

— Потеряемся? — переспросила она, завязывая маску.

— А вот этой обмотай правую ладонь, — инструктировал я. — Дверные ручки могли раскалиться. Переброска на пятьдесят восьмой ступени снизу, не считая пола.

Я сделал и себе обмотку из оставшейся полосы.

— Что бы ни случилось, не останавливайся. Готова?

Она кивнула, и зеленовато-карие глаза над маской испуганно расширились.

— Спрячься мне за спину.

Я осторожно приоткрыл правую створку двери. Нет, пламя не вырвалось, только клуб бронзового дыма. Отпрянув, я выпустил его и заглянул внутрь.

Не так страшно, как могло бы. Восточный торец весь в дыму и пламени, но с этой стороны дым еще достаточно редкий, можно что-то разглядеть, и крыша вроде пока держится. Окна везде, кроме Кузнечной капеллы, выбиты, пол покрывают красно-синие осколки.

— Осторожнее по стеклам. Глубоко вдохни — и вперед! Я за тобой.

Я распахнул створку.

Верити помчалась бегом, я за ней, закрываясь от палящего жара. Добежав до западной двери, она рванула ее на себя.

— Сразу налево! — крикнул я, хотя Верити меня уже вряд ли слышала сквозь рев огня. — Наверх! — заорал я, увидев, что она застыла, удерживая створку. — Не жди меня! — Мне оставалось еще пара метров. — Беги наверх!

За спиной раздался рокот, и я обернулся, решив, что рушится арка клерестория. С оглушительным звоном окно Кузнечной капеллы разлетелось веером сверкающей шрапнели.

Я пригнулся, закрываясь рукой, успев подумать за миг до того, как взрывная волна бросила меня на колени: «Фугас. Откуда?! В собор не было прямых попаданий».

Но ощущалось это в точности как фугас. Собор

содрогнулся, озаряясь слепящим белым светом.

Шатаясь, я поднялся с колен и замер, глядя на противоположный торец нефа. Ударная волна на миг развеяла дым, и в призрачном белом свете стало отчетливо видно все: и объятую пламенем статую над амвоном, тянущую руку к небу, словно утопающий, и скамьи в Детской капелле, где горели странным желтым огнем бесценные мизерикорды, и алтарь в Капелле вязальщиков. А еще ограду Кузнечной капеллы.

— Нед!

Я рванулся туда. Но пробежал всего пару шагов. Собор содрогнулся снова, и перед Кузнечной капеллой прямо на скамьи рухнула горящая балка.

— Нет! — отчаянно завопила Верити. — Стой!

Еще одна балка, укрепленная стальной арматурой по технологии Скотта, повалилась поперек первой, взметнув столб черного дыма, который заволок весь северный торец нефа.

Пусть. Все, что требовалось, я разглядел.

Я метнулся к западному порталу, проскочил через дверь башни и понесся по озаренной огнем лестнице, думая, что же я теперь скажу леди Шрапнелл. За тот краткий миг в яркой вспышке фугаса я успел рассмотреть все: и мемориальные таблички на стенах, и отполированного орла на

амвоне, и закоптившиеся колонны. И северный неф, где перед оградой капеллы чернела пустая кованая подставка под вазу.

Значит, его все-таки унесли для сохранности. Или сдали в металлолом. Или продали на барахолке.

— Нед! — крикнула Верити. — Быстрее! Сеть открывается!

Леди Шрапнелл ошиблась. Епископского пенька в соборе не было.

Глава двадцать пятая

— Нет, — сказал Харрис, — если уж нам нужен отдых и перемена обстановки, то лучше всего прогулка по морю.

«Трое в лодке» Джером К. Джером

Снова в башне — Бочонок амонтильядо — В прачечной, на кухне, в конюшне и в недоумении — Джейн несет ахинею — Узник Зенды — Обморок, на этот раз без участия миссис Меринг — Теренс переосмысливает поэзию — Письмо — Сюрприз — Последний обморок, на этот раз с задеванием мебели — Еще больший сюрприз

Говорят, третий раз — алмаз. Не обязательно. Сеть замерцала, и мы снова оказались в кромешной тьме. Шум стих, хотя дым по-прежнему ел глаза. И похолодало градусов на двадцать. Я высвободил руку, которой обхватывал Верити, и осторожно пошарил сбоку. Каменная кладка.

— Не двигайся. Я знаю, где мы. Я здесь уже был. Это колокольня Ковентрийского собора. В 1395

году.

— Глупости, — заявила Верити, взбираясь выше. — Это винный погреб Мерингов.

Она приоткрыла находящуюся в двух ступенях над нами дверь, и просочившийся внутрь свет обрисовал деревянную лестницу и стеллажи с покрытыми паутиной бутылками.

— Там светло, — прошептала Верити, высовывая голову наружу. — Это выход в коридор рядом с кухней. Будем надеяться, здесь еще шестнадцатое.

— Будем надеяться, здесь еще 1888-й, — поправил я.

Она обвела взглядом коридор.

— Что будем делать? Перебрасываться?

— Нет, кто его знает, куда нас занесет. И сможем ли мы оттуда вернуться. — Я посмотрел на ее оборванное белое платье в пятнах сажи. — Тебе нужно сменить это все. Особенно дождевик родом из 2057 года. Давай его сюда.

Верити высвободилась из плаща.

— Сможешь пробраться к себе незамеченной?

— По черной лестнице, — кивнула она.

— А я пока определю пространственно-временное положение. Встретимся в библиотеке через четверть часа, там и разберемся.

Она отдала мне дождевик.

— Что, если тут уже неделя прошла? Или месяц? Или пять лет?

— Скажем, что побывали на Той Стороне, — пошутил я.

Шутка не удалась. Верити мрачнела на глазах.

— Вдруг Тосси с Теренсом уже поженились?

— Будем решать проблемы по мере поступления. Или наломаем еще дров.

Она все-таки улыбнулась — той самой улыбкой, от которой сердце замирает и будет замирать, сколько ни отсыпайся.

— Спасибо, что отыскал меня.

— К вашим услугам, мисс. Иди переоденься, я за тобой.

— Только ты выжди немного, чтобы нас не увидели вместе.

Верити открыла дверь и выскользнула, а я только теперь спохватился, что не сказал ей того, о чем собирался сказать всю дорогу до четырнадцатого века и обратно.

— Я узнал, почему дневник Тосси…

Но Верити уже поднималась по лестнице в конце коридора.

Я вытряхнулся из комбинезона. Пиджак и брюки под ним почти не пострадали, зато руки

— как у трубочиста, лицо, наверное, тоже. Я вытер ладони о комбинезонную подкладку, жалея, что винные погреба не оборудуются зеркалами. Потом свернул обмундирование в узел вместе с дождевиком и утолкал за стеллаж с кларетом.

Осторожно проверив, нет ли кого, я двинулся по коридору. Четыре двери — одна из них должна вести наружу. Последняя, судя по обивке из зеленого сукна, сообщается с господской частью дома. Я открыл первую.

Прачечная. Там громоздились, словно в ожидании Золушки, стопки грязной посуды, пирамиды кастрюль и ряд нечищеных ботинок. Ботинки подсказывали, что хозяева еще в кровати, и это хорошо — Верити не наткнется ни на кого по дороге в комнату, — однако, с другой стороны, что-то здесь не сходится. В первую ночь, контрабандой возвращая Сирила на конюшню, я чуть не столкнулся с Бейном, который спешил расставить начищенную обувь у порога, когда еще не рассвело. А собирал он ее только после того, как все уже улягутся. Но сейчас точно утро: вон как солнце играет на кастрюлях и сковородах.

Как назло, ни газеты, ни других подсказок относительно нашего пространственно-временного положения.

Я посмотрелся в начищенное до зеркального блеска медное дно кастрюли. Через пол-лица, задевая даже усы, тянулась длинная отметина из сажи. Я вытащил платок, поплевал на него, потер щеку, пригладил волосы и вернулся в коридор. Будем рассуждать логически. Если здесь прачечная, то соседняя с ней дверь — кухня, а следующая — выход.

Логика не сработала. За третьей дверью оказалась как раз кухня, в углу которой шептались Джейн с кухаркой. Обе виновато отпрянули в разные стороны. Кухарка метнулась к огромной черной плите и начала что-то энергично помешивать, а Джейн наколола на вилку для жаркого кусок хлеба и поднесла к огню.

— Где Бейн? — спросил я.

Горничная подскочила чуть не до потолка. Хлеб свалился с вилки прямо в пепел, зардевшись, как уголь.

— Что? — пискнула Джейн, выставив перед собой вилку, словно рапиру.

— Бейн, — повторил я. — Мне нужно с ним поговорить. Он в столовой?

— Нет, — испуганно пролепетала Джейн. — И клянусь Святой Богородицей, я понятия не имею, где он, сорр. Он нам ничего не говорил. Хозяйка

ведь нас не рассчитает теперь, как думаете?

— Рассчитает? За что? Что вы натворили?

— Ничего. Только ведь она подумает, что мы наверняка все знали, без сплетен-то на нашей половине не обходится. — Она махнула вилкой для убедительности. — Так было с моей сестрицей Маргарет, когда молодой мистер Вэл сбежал с Розой, служанкой. Миссис Эббот всех уволила, скопом.

Я забрал у нее вилку.

— А о чем вы должны были знать?

— Ни сном ни духом, — побожилась стоящая у плиты кухарка. — А уж сколько гонору было, знай гоняет всех в хвост и в гриву. Вот и понимай как знаешь.

Так мы далеко не уйдем, а спешить надо. Я решил действовать напрямик.

— Сколько времени?

Джейн снова переполошилась.

— Девять, — ответила кухарка, сверившись с приколотыми на груди часами.

— Девять, это ж мне его сейчас наверх нести… — Джейн разревелась. — Он велел не отдавать до утренней почты, чтобы хватились попозже, а почтальон всегда к девяти приходит. — Она утерла слезы краем передника и выпрямилась,

собираясь с духом. — Пойду, что ли, гляну, может, уже туточки.

«Что нести?» — хотел уточнить я, но не рискнул вызвать новый поток слез и ахинеи. Страшно даже представить, что будет, если поинтересоваться, какой сегодня день.

— Передайте Бейну, что мне нужна сегодняшняя «Таймс», — попросил я. — В библиотеку.

Я наконец вышел в сад. По крайней мере еще лето и даже, кажется, июнь. Розы по-прежнему в цвету, и пионы — беспроигрышные прототипы нескончаемых перочисток — только-только появляются. А с ними и полковник Меринг, шагающий к пруду с мешком через плечо. Хоть он и не замечает ничего вокруг, кроме своей рыбы, лучше не показываться ему на глаза, пока не узнаю, сколько все-таки времени прошло.

Я юркнул за угол дома. Прокрадусь задами — через боковой вход в конюшню, там насквозь, а оттуда через французские двери прямо в гостиную… Первый пункт плана я осуществил блестяще — и чуть не наступил на Сирила, который лежал на мешковине, пристроив голову на лапы.

— Тебя, конечно, бесполезно спрашивать, какое сегодня число?

Да, тут явно дело нечисто. Сирил не встал мне навстречу. Только приподнял голову, глядя глазами узника Зенды[61], и снова уткнулся носом в лапы.

— Сирил, ты что? Что с тобой? — Я протянул руку к ошейнику. — Заболел?

И тут я увидел цепь.

— Боже! — обомлел я. — Неужели Теренс все-таки женился?

Сирил смотрел на меня безнадежным взглядом. Я отстегнул кольцо.

— Пойдем, Сирил. Мы все исправим.

Он, кряхтя, поднялся и покорно потрусил за мной. Выбравшись из конюшни, я стал обходить дом с фасада — и увидел Теренса. Он ссутулился в лодке у причала, понуро глядя на реку, совсем как Сирил, оставленный сторожить наше судно.

— Что вы здесь делаете? — окликнул я его.

Он безучастно качнул головой.

— Разбилось зеркало, звеня. Порвалась ткань с игрой огня.

Яснее не стало.

---

[61] Примечания: 61

«Узник Зенды» — приключенческий роман Энтони Хоупа 1894 года. Действие происходит в вымышленном королевстве Руритании, где наследника престола заточают в замке Зенда, а дальний родственник наследника, обладающий с ним внешним сходством, подменяет его на коронации.

— Сирил сидел в конюшне на цепи.

— Знаю, — ответил Теренс, не меняясь в лице. — Миссис Меринг вчера поймала меня, когда я ночью вел его в комнату.

Получается, мы отсутствовали не меньше суток, и нужно срочно придумать подходящее оправдание, пока Теренс не начал расспросы.

Но он по-прежнему смотрел на реку потухшим взглядом.

— Они, оказывается, не врут. Так это и происходит.

— Что происходит?

— Судьба… — горько вздохнул Теренс.

— Сирил сидел на цепи! — повторил я.

— Придется ему привыкать к конюшне, — уныло протянул Теренс. — Тосси не потерпит животных в доме.

— Животных? Это ведь Сирил! И потом, как же Принцесса Арджуманд? Она и вовсе на подушках спит.

— Наверное, она проснулась поутру, беззаботная, словно жаворонок, не ведая, что вершится предначертанное.

— Кто? — не понял я. — Принцесса Арджуманд?

— Я и сам не подозревал, даже когда мы подъ-

езжали к станции. Профессор Преддик рассуждал об Александре Македонском и битве при Иссе, о каком-то переломном моменте, который решает все, а я даже не догадывался…

— Вы доставили профессора в Оксфорд? — спохватился я. — Он не сошел с поезда и не отправился исследовать галечное мелководье?

— Нет. Я передал его любящим родным с рук на руки. Любящим родным… — простонал Теренс. — И как раз вовремя. Профессор Оверфорс уже приготовился зачитывать надгробную речь.

— И что он сказал?

— Рухнул в обморок. А когда очнулся, упал профессору Преддику в ноги, лепеча, что никогда не простил бы себе, если бы тот утонул; что одумался и понял ошибочность своих взглядов и что профессор Преддик был прав: один-единственный безрассудный поступок может изменить ход событий, и поэтому он сейчас же пойдет домой и запретит Дарвину прыгать с деревьев. А вчера окончательно отказался от притязаний на хавилендовскую кафедру и снял свою кандидатуру в пользу профессора Преддика.

— Вчера? — переспросил я. — Когда же вы отвозили профессора в Оксфорд? Позавчера?

— Вчера? — рассеянно пробормотал Теренс. —

Или вечность назад? Или мгновение? «Все изменимся вдруг, во мгновение ока»[62]. Вот ткешь ты себе на уединенном острове, а потом разом, в одночасье… Я раньше совсем не понимал поэзию, представляете? Думал, это все иносказание, фигуры речи.

— Что?

— Поэзия. Умереть ради любви. Треснувшие зеркала. А на самом деле так и есть. Целиком, от края до края. — Он горестно покачал головой. — Мне всегда странно было, почему она не может просто сесть на весла, приплыть в Камелот и признаться Ланселоту в любви. — Тоскливый взгляд уткнулся в реку. — Теперь все ясно как день. Он ведь уже был обручен с Гиневрой.

Ну, не совсем обручен, поскольку Гиневра была замужем за королем Артуром, и потом у них хватало куда более серьезных проблем…

— Сирил страдает на цепи, — напомнил я.

— Мы все в цепях. Скованные по рукам и ногам, мы бьемся в несокрушимых кандалах судьбы. Судьба! — выпалил он с досадой. — Коварная судьба, что опоздала соединить наши с ней пути. Я-то представлял ее идейным синим чулком в

---

[62] Примечания: 62
Первое послание к Коринфянам, глава 15, стих 51–52.

велосипедных шароварах. А он еще говорил, она мне понравится. Понравится!

— Мод… — До меня начало доходить. — Вы познакомились с Мод, племянницей профессора!

— Она стояла на перроне в Оксфорде. «И я любил? Не отрекайся, взор! Я красоты не видел до сих пор!»[63]

— На перроне… — повторил я с интересом. — Вы встретились на Оксфордском вокзале? Но это же чудесно!

— Чудесно? — глухо отозвался Теренс. — «Поздно полюбил я тебя, о красота изначальная, всегда новая, поздно полюбил я тебя!»[64] Я помолвлен с мисс Меринг.

— Так ведь помолвку можно разорвать? Неужели мисс Меринг захочет стать вашей женой, зная, что вы любите мисс Преддик?

— Я не волен никого любить. Я отдал сердце мисс Меринг вместе с рукой, а предательское сердце, связанное обещанием, — зачем оно мисс Преддик? О, ну почему я не встретил ее тогда, в Оксфорде? Все повернулось бы иначе…

— Мистер Генри, сорр. — К нам подбежала

---

[63] Примечания: 63
Шекспир, Уильям. Ромео и Джульетта. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

[64] Примечания: 64
Аврелий Августин.

Джейн в съехавшем набок чепце, из-под которого выбивались рыжие пряди. — Вы не видели полковника Меринга?

Нет, только не это. Миссис Меринг поймала Верити по дороге в комнату.

— Что случилось?

— Сперва надобно найти полковника, — выдохнула она, не отвечая на вопрос. — Он велел отдать ему за завтраком, но его нет, а почта-то уже здесь.

— Полковник шел к пруду, я видел. Отдать что? Что за суматоха?

— Ох, сорр, ступайте-ка вы, джентльмены, лучше в дом, — пролепетала Джейн со страхом. — Они в гостиной.

— Кто? И Верити там? Что стряслось?

Но Джейн уже бежала к пруду, только юбки колыхались.

— Теренс, — спросил я с тревогой, — какой сегодня день?

— А какая разница? — безнадежно махнул он рукой. — «Бесчисленные „завтра“, „завтра“, „завтра“ крадутся мелким шагом, день за днем безумцам освещая путь к пыльной смерти»[65].

---

[65] Примечания: 65

Шекспир, Уильям. Макбет. Пер. М. Лозинского.

Безумцам, вот именно.

— Это важно, — настаивал я, рывком поднимая его на ноги. — Ну же, друг мой, дату!

— Восемнадцатое июня. Понедельник.

С ума сойти, мы пропустили три дня!

Я поспешил к дому, Сирил увязался за мной.

— «„Беда, проклятье ждет меня!“ — воскликнула Шалот», — процитировал Теренс.

Миссис Меринг было слышно еще на подходе.

— Твое поведение непростительно, Верити. Я не ожидала от дочери своей кузины такой черствости и легкомыслия.

Она знает про трехдневное отсутствие, а бедная Верити еще нет. Я рванулся по коридору в гостиную, Сирил припустил следом. Нужно подсказать ей, пока она не сболтнула лишнего.

— Все заботы легли на меня одну, — продолжала миссис Меринг. — Я совершенно без сил. Три дня и три ночи у больничной постели, ни сна ни отдыха.

Я замер, ухватившись за дверную ручку. Три дня и три ночи у постели? Тогда, возможно, она все-таки не в курсе про нас, а Верити распекает только за то, что не помогала. Но кто же болел? Тосси? Недаром она была такая бледная и вялая после Ковентри.

Я прижался ухом к двери, надеясь, что на этот раз подслушиваемые будут информативнее обычного.

— Что тебе стоило хоть ненадолго вызваться меня подменить, — выговаривала миссис Меринг.

— Мне так жаль, тетушка, — сокрушалась Верити. — Я подумала, вы побоитесь, как бы и мы не слегли, заразившись.

Ну неужели так сложно позаботиться о подслушивающем и хотя бы намекнуть, о ком и о чем идет речь? Больной. Заражение. Дайте конкретики!

— И еще мне казалось, он не подпустит к себе никого, кроме вас и Тосси, — аргументировала Верити.

Он? Неужели мистер К все же изволил явиться, но тут же пал жертвой какого-то недуга? И влюбился в заботливую сиделку Тосси?

— Я и в мыслях не держала взваливать на нее уход за кем бы то ни было, — заявила миссис Меринг. — Она такая нежная.

Главная дверь отворилась, впуская Теренса. Придется идти без рекогносцировки. Я посмотрел на Сирила. Миссис Меринг, конечно, потребует объяснений, что «животное» делает в доме. Ничего, зато сменят тему.

— Тоселин слишком хрупкая, — повторила миссис Меринг. — К тому же вид смертельно больного отца мог окончательно расстроить ее нервы.

Смертельно больного отца. Значит, это полковник три дня и три ночи… Но тогда что же он разгуливает вокруг пруда?

Я открыл дверь.

— Я ожидала от тебя большего участия к собственному дядюшке, Верити, — не унималась миссис Меринг. — И я ужасно разочарована…

— Доброе утро, — поздоровался я.

Верити посмотрела на меня с благодарностью.

— Как самочувствие полковника Меринга? Полагаю, ему уже лучше? Видел его в саду буквально минуту назад.

— В саду? — Миссис Меринг схватилась за сердце. — Ему ведь велено было не вставать! Он себя в гроб загонит. Мистер Сент-Трейвис, — налетела она на Теренса, который как раз вошел и застыл у порога, словно побитая собака. — Это правда? Мой супруг действительно у пруда? Немедленно приведите его обратно!

Теренс покорно поплелся исполнять распоряжение.

— Где Тосси? — страдальчески закатила глаза

миссис Меринг. — Почему она еще не спустилась? Верити, пусть Джейн ее позовет.

Появился Теренс с полковником, а за ними — Джейн.

— Мейсел! — вскричала миссис Меринг. — Что это ты выдумал выходить? Только-только при смерти был.

— Наведался к пруду, — ответил полковник сквозь кашель. — Японских демекинов на произвол судьбы, когда вокруг рыщет кошка, — непорядок. А тут балаболка эта — вечно забываю, как зовут, — горничная…

— Колин, — машинально подсказала Верити.

— Джейн! — грозно сдвинула брови миссис Меринг.

— Срочно, говорит, в дом, — продолжал полковник. — Переполошила… Что стряслось?

Он повернулся к Джейн, которая, сглотнув, прерывисто всхлипнула и протянула ему письмо на серебряном подносе.

— Хр-р-рм, это что?

— Почта, сорр.

— Почему не Бейн принес? — забирая письмо, нахмурилась миссис Меринг. — Это, без сомнения, от мадам Иритоцкой, с объяснениями, что заставило ее так спешно уехать. Позови мистера

Бейна, — велела она Джейн, надрывая конверт. — И пусть Тосси спустится. Ей тоже интересно будет послушать.

— Да, мэм.

Джейн умчалась.

— Очень надеюсь, что она указала свой адрес. — Миссис Меринг развернула несколько убористо исписанных листов. — Тогда я напишу ей и расскажу о нашей встрече с духами в Ковентри. Нет, это не от мадам Иритоцкой… — протянула она озадаченно.

Умолкнув, она стала читать про себя.

— От кого же, дорогая? — не выдержал полковник.

— Ах… — выдохнула миссис Меринг и рухнула в обморок.

На этот раз обморок был самый настоящий. Она повалилась прямо на комод, перевернула кадку с пальмой, разбила стеклянный колпак, закрывающий композицию из перьев, и приземлилась головой на бархатную скамеечку для ног. Вокруг рассыпались листки письма.

Мы с Теренсом кинулись к ней.

— Бейн! — гаркнул полковник, дергая за сонетку. — Бейн!

Верити сунула подушку под голову миссис

Меринг и принялась обмахивать ее сложенными листками.

— Бейн! — рычал полковник.

В дверях возникла перепуганная Джейн.

— Немедленно позови Бейна!

— Не могу, сорр, — комкая передник, пролепетала горничная.

— Почему?

Джейн попятилась.

— Его нет, сорр.

— Как так нет? Куда девался?

Джейн скрутила передник в тугой узел.

— Письмо… — выдавила она.

— На почту отправился? Так сбегай за ним. — Полковник замахал руками, выпроваживая Джейн из комнаты. — Чтоб ей, этой мадам Иритоцкой! Даже издалека умудрилась взбаламутить! Столоверчения, сеансы…

— Наша дочь… — проговорила миссис Меринг, трепеща ресницами. Блуждающий взгляд уперся в листки, которыми ее обмахивала Верити. — Ах, это письмо! Это роковое письмо…

Она вновь потеряла сознание.

Влетела Джейн с нюхательной солью.

— Где Бейн? — пробасил полковник. — Привела? И Тосси скажи, чтобы спускалась. Матери

нужна помощь.

Джейн плюхнулась на позолоченный стул, накрыла голову передником и заревела.

— Вот те на… — смешался полковник. — Вставай-ка, барышня.

— Письмо, — прошелестела миссис Меринг, цепляясь за руку Верити. — Прочитай. Я не в силах…

Верити послушно прекратила обмахивать и поднесла письмо к глазам.

— «Дорогие папенька и мамусечека…» — Она резко побледнела, словно собираясь тоже упасть в обморок.

Я рванулся к ней, но она беззвучно мотнула головой и начала заново:

— «Дорогие папенька и мамусечка, к тому времени, как вы это прочтете, я уже буду замужем».

— Замужем? — поперхнулся полковник Меринг. — Как то есть замужем?

— «… и самой счастливой в мире, счастливее, чем могла мечтать. Мне очень стыдно так с вами поступать, особенно с папенькой, который болен, но я боялась, что, проведав о наших намерениях, вы запретите свадьбу, и еще я уверена, что, узнав милого Бейна так же хорошо, как знаю его я… — Голос Верити дрогнул, но она все же продолжила,

без кровинки на лице: — … вы увидите в нем не слугу, а замечательнейшего, добрейшего, прекраснейшего человека и простите нас обоих».

— Бейна? — оторопел полковник.

— Бейна, — выдохнула Верити. Уронив письмо на колени, она в отчаянии посмотрела на меня, покачивая головой. — Нет. Она не могла.

— Она сбежала с дворецким? — спросил Теренс.

— Ах, мистер Сент-Трейвис, бедный мой мальчик! — вскричала миссис Меринг, хватаясь за сердце. — Вы убиты горем?

Непохоже. Теренс был скорее в прострации и напоминал солдата, которому только что отняли ногу или комиссовали с фронта, а он еще пока не осознал случившееся.

— Бейн? — Полковник Меринг грозно воззрился на горничную. — Как так?

— Читай дальше, Верити, — велела миссис Меринг. — Приготовимся к худшему.

— Худшему… — пробормотала Верити, поднимая письмо. — «Вам, конечно, любопытно будет узнать, как все вышло так быстро».

Мягко говоря.

— «Все началось с нашей поездки в Ковентри». — Верити бессильно умолкла.

Миссис Меринг нетерпеливо выхватила у нее листок.

— «… с нашей поездки в Ковентри. Которую, теперь-то я знаю, нам устроили духи, чтобы я нашла свою истинную любовь». Леди Годива! Вот кто во всем виноват! — Миссис Меринг тряхнула письмом. — «Именно там я залюбовалась ветвиеватой вазой на ножках — теперь-то мне известно, что это чудовищная безвкусица, беспорядочное нагромождение линий и форм, но ведь меня никогда толком не учили эстетике, литературе и поэзии, и я была всего лишь невежественной избалованной дурочкой.

Я попросила Бейна — я по-прежнему так его называю про себя, хотя пора уже привыкнуть звать его Уильямом и любимым мужем! Мужем! Какое сладкое слово! Я попросила его разделить мое восхищение этой ветвиеватой вазой. Но он отказался. И не просто отказался, а назвал ее ужасной, а мой вкус — неразвитым.

До сих пор никто никогда не смел мне перечить. Все кругом только потакали и поддакивали — за исключением кузины Верити, которая поправила меня разок-другой, но я думаю, это потому, что она незамужняя и без перспектив. Я подсказала ей, как укладывать волосы покрасивее, но боль-

ше ничего для бедняжки сделать не смогла».

— Вот что называется сжигать за собой мосты, — пробормотал я.

— «Может быть, теперь, раз я вышла замуж, мистер Генри обратит внимание и на нее, — читала дальше миссис Меринг. — Я пыталась их сосватать, но, увы, он смотрел только на меня. А ведь они составили бы хорошую пару — не блистающую красотой и умом, но, пожалуй, гармоничную».

Все мосты до единого.

— «Я совершенно не привыкла к возражениям и поначалу рассердилась, но потом вы, маменька, потеряли сознание в поезде по дороге домой, и я побежала звать его, и он привел вас в чувство так ловко, так искусно, что я посмотрела на него другими глазами и влюбилась прямо там, в вагонном купе».

— Это все из-за меня, — покаянно прошептала Верити. — Если бы я не настояла на поездке…

— «Но я была слишком упряма, чтобы признаться себе самой в этих чувствах. И на следующий день я вызвала его и потребовала извинений. Он отказался, мы повздорили, и он забросил меня в реку, а потом поцеловал, и ах, маменька, это было так романтично! В точности как у Шекспира, чьи

пьесы, начиная с „Укрощения строптивой“, я теперь читаю по настоянию моего возлюбленного супруга».

Миссис Меринг в ярости отшвырнула письмо.

— Книги! Вот в чем корень всех зол! Мейсел, как ты мог нанять слугу, который постоянно чем-то зачитывается? Это целиком твоя вина. Вечно этот Рескин, и Дарвин, и Троллоп. Троллоп! Что за имя для писателя? А у него самого? Слуги должны зваться надежными английскими именами. «Лорд Дансени никаких возражений не имел», — говорит он мне, а я ему: «Зато я имею». Разумеется, чего еще ожидать от человека, который ни в какую не хотел переодеваться к ужину? И тоже книги читал. Кошмарную социалистическую ересь — Бентама и Сэмюеля Батлера.

— Кто? — запутался полковник.

— Лорд Дансени. Жуткий человек, но его племянник наследует половину Хертфордшира, и Тосси представили бы ко двору, а теперь… теперь…

Она покачнулась, и Теренс протянул ей нюхательную соль, но миссис Меринг раздраженно оттолкнула флакончик.

— Мейсел! Не сиди сложа руки! Сделай что-нибудь! Может, их еще удастся как-то задержать,

пока не стало слишком поздно!

— Слишком поздно, — пробормотала Верити.

— Может, и нет. Может, они уехали только сегодня утром, — возразил я, собирая и пробегая глазами страницы письма. Кудрявые строчки пестрели восклицательными знаками, подчеркиваниями и кое-где крупными кляксами. Вот кому стоило бы обзавестись перочисткой. — «Не пытайтесь нас остановить, — продолжил я прерванное чтение. — Когда вы получите письмо, мы уже зарегистрируем брак в суррейской ратуше и будем в дороге к нашему новому дому. Мой драгоценный муж — ах, какое же изумительное слово! — думает, что нам будет уютнее в обществе, менее скованном отживающими классовыми предрассудками; в стране, где можно выбрать себе любое желаемое имя, и поэтому мы плывем в Америку, где мой муж — ах, снова это дивное слово! — намерен зарабатывать на жизнь философскими трудами. Принцессу Арджуманд мы взяли с собой, поскольку я не вынесла бы разлуки еще и с ней, и к тому же папенька все равно, пожалуй, убил бы ее за ту пеструю рыбку».

— Мой перламутровый рюкин? — побагровел полковник, поднимаясь из кресла. — Что с ним?

— «Она его съела. О, папулечка, дорогой, найдет-

ся ли в твоем сердце прощение — для Принцессы и для меня?»

— Мы от нее отречемся, — решила миссис Меринг.

— Непременно, — подтвердил полковник. — Двести фунтов за рюкина отдал! Кошке под хвост?

— Колин! — позвала миссис Меринг. — То есть Джейн! Прекрати шмыгать носом и немедленно принеси мой бювар. Сейчас же напишу ей и сообщу, что с этого дня у нас нет дочери.

— Да, мэм, — вытирая нос передником, всхлипнула Джейн.

Я пошел за ней, думая о ее двойном имени и о служанках миссис Каттисборн, которых всех зовут Глэдис, и пытаясь дословно вспомнить ответ Бейна на претензии миссис Меринг. «Лорд Дансени никаких возражений не имел». А что там сказала миссис Каттисборн, когда мы приходили забрать вещи для ярмарки? «Не фамилия красит дворецкого, а вышколенность».

Колин-Джейн вернулась с бюваром, все еще всхлипывая.

— Имя Тоселин больше никогда не прозвучит в этих стенах, — объявила миссис Меринг, садясь за письменный стол. — А также из моих

уст. Все письма от Тоселин будут возвращаться невскрытыми.

Она взяла перо и чернила.

— Как мы узнаем, не вскрывая, на какой адрес сообщить об отречении? — резонно поинтересовался полковник.

— Все пропало, да? — убитым голосом спросила меня Верити. — Теперь уже ничего не исправить.

Я не слушал. Сложив вместе листки письма, я перебирал их, ища окончание.

— С этого дня я ношу траур, — продолжила миссис Меринг. — Джейн, сходи наверх и принеси мое черное бомбазиновое. Мейсел, если кто-нибудь спросит, отвечай, что наша дочь умерла.

Я наконец нашел нужную страницу. Тосси подписалась «ваша бесконечно виноватая дочь Тоселин», потом вычеркнула «Тоселин» и заменила на полученную в замужестве фамилию.

— Вот, смотри, — окликнул я Верити и начал читать: — «Пожалуйста, передайте Теренсу, который, я знаю, не забудет меня до конца своих дней, что ему нужно скрепить разбитое сердце и не лишать нас счастья, поскольку мы с Бейном предназначены друг другу судьбой».

— Если она действительно вышла за него за-

муж, — прозрел наконец Теренс, — то я, выходит, свободен от обязательств?

Я не слушал.

— «Мой драгоценный Уильям не верит в судьбу и говорит, что все мы имеем право на свободу выбора, однако жене, по его словам, надлежит иметь собственное суждение, а я считаю, что нас свела сама судьба. Если бы Принцесса Арджуманд не пропала, мы никогда не поехали бы в Ковентри…»

— Пожалуйста, — не выдержала Верити, — не надо…

— Нет, еще чуть-чуть. «… в Ковентри. И если бы я не увидела ветвиеватую вазу на ножках, то не связала бы с этим прекрасным человеком свою жизнь. Я напишу, когда мы устроимся в Америке. Ваша бесконечно виноватая дочь, — закончил я, отчеканивая каждое слово, — миссис Уильям Патрик Каллахан».

Глава двадцать шестая

Вот оно что! Похоже, мы все это время брались за дело не с того конца.

Лорд Питер Уимзи

Развязка — Как заканчиваются детективы — Миссис Меринг винит полковника — Осознание в полной мере — Счастливый финал для Сирила — Миссис Меринг винит Верити — Спасение в сеансе — Сборы в дорогу — Предчувствия — Миссис Меринг винит меня — Финч по-прежнему не уполномочен — Ожидание поезда — Исчезновение епископского пенька — Осознание в полной мере

Да уж, вышло не совсем по Агате Кристи, у которой Эркюль Пуаро, собрав участников событий в гостиной, называет убийцу, изумляя всех своими выдающимися детективными способностями.

И уж точно не по Дороти Сэйерс, где герой замечает партнерше: «Кажется, мы с вами неплохо сработались. Не узаконить ли нам свой союз?» — и потом делает предложение на латыни.

Детективы мы оказались никудышные. Мы не раскрыли дело — оно раскрылось вопреки нам. Мало того, нас, как основную помеху, пришлось срочно отсылать восвояси, чтобы история смогла наконец скорректироваться. Вот так кончится мир. Не взрывом, а побегом[66].

Нет, всхлипы тоже были. Миссис Меринг достаточно навсхлипывалась, а еще нарыдалась, наревелась и наприжималась залитых слезами листков к груди.

— Ах, моя драгоценная доченька! — рыдала она. — Мейсел, ну что же ты стоишь? Сделай что-нибудь!

Полковник растерянно оглянулся по сторонам.

— Что же я сделаю, дорогая? Если верить письму, они сейчас плывут через океан.

— Не знаю. Останови их. Пусть аннулируют брак! Телеграфируй в Королевский флот! — Она схватилась за сердце. — А ведь мадам Иритоцкая предупреждала! «Берегитесь „К“» — корабль, Америка…

— Ну полно! Будь у нее и в самом деле связи с потусторонним, она бы изъяснялась конкретнее, — урезонил полковник.

---

[66] Примечания: 66

Вот как кончится мир / Не взрыв но всхлип. — *Томас Стернз Элиот.* Полые люди. Пер. А. Сергеева.

Но миссис Меринг не слушала.

— В тот день в Ковентри. У меня было предчувствие — о, если бы я только распознала его истинный смысл, я бы ее уберегла!

Листки письма с шелестом посыпались на пол.

Верити их собрала.

— «Напишу, когда мы устроимся в Америке, — прочитала она вполголоса. — Ваша бесконечно виноватая дочь, миссис Уильям Патрик Каллахан». Уильям Патрик Каллахан. — Она покачала головой. — Кто бы мог подумать. Это сделал дворецкий.

И тут у меня появилось странное ощущение, похожее на предчувствие миссис Меринг — или на то, как земля уходит из-под ног, — и перед глазами вдруг возник пикет против восстановления собора и мертоновская пешеходная калитка.

«Это сделал дворецкий». И еще что-то. Что-то важное. Кто это сказал? Верити, когда разъясняла принципы детективов? «Самый маловероятный тот, на кого ни за что не подумаешь. И вот после первой сотни дворецкий перестал быть самым маловероятным, поэтому пришлось искать еще менее вероятных. Ну, там, безобидная старушка или верная жена викария, но читатель и тут навострился раскусывать интригу, вынуждая

автора делать убийцей самого детектива или рассказчика…»

Нет, не то. Кто-то еще утверждал, что виновник — дворецкий. Но кто? Не из здешних точно. Детективы пока не в ходу — если не считать «Лунного камня». «Лунный камень»… Тосси что-то говорила про «Лунный камень», про то, что можно совершить преступление по неведению. И еще что-то. Об исчезновении в никуда.

— А соседи! — возопила миссис Меринг. — Что скажет миссис Каттисборн, когда узнает? А преподобный мистер Арбитидж?

Наступила долгая тишина, прерываемая только рыданиями.

— Вы понимаете, что это означает? — в конце концов преодолел сумбур в мыслях Теренс.

— Ах, Теренс, бедный, бедный мальчик! — с новой силой заголосила миссис Меринг. — А ведь у вас выходило бы пять тысяч годового дохода!

Содрогаясь в рыданиях, она позволила полковнику увести себя из комнаты. Мы смотрели им вслед. На середине лестницы миссис Меринг пошатнулась в объятиях супруга.

— Придется искать нового дворецкого! — проговорила она в отчаянии. — Где я теперь найду другого? Это все ты виноват, Мейсел! Если бы ты

позволил мне брать англичан, а не ирландцев…

Она захлебнулась слезами. Полковник подал ей свой платок.

— Ну, ну, дорогая, будет. Не убивайся так.

— Вы понимаете, что это означает?! — воскликнул Теренс, едва дождавшись, пока они скроются из виду. — Я не помолвлен! Я свободен и могу жениться на Мод. «О храброславный день и час, хвалу тебе пою!»[67]

Сирил явно осознал, что это означает. В полной мере. Оживившись, он завилял всем телом.

— Ты понял, да, дружище, ты понял? Никаких больше ночлегов на конюшне!

И никакого сюсюканья. И не надо терпеть Принцессу Арджуманд.

— Теперь тебя ждет сладкая жизнь, — продолжал Теренс. — Спать в доме, кататься на поездах — и мозговых костей до отвала. Мод обожает бульдогов!

Сирил расплылся в счастливейшей слюнявой улыбке до ушей.

— Мне срочно нужно в Оксфорд. Когда ближайший поезд? Эх, жаль, Бейна нет, он бы подсказал. — Теренс взлетел по лестнице и уже на

---

[67] Примечания: 67
По «Бармаглоту» Льюиса Кэрролла. Пер. Д. Орловской.

верхней площадке, перегнувшись через перила, спросил: — Как думаете, она ведь меня простит?

— За ошибочную помолвку? Пустяки, мелкое недоразумение. Случается сплошь и рядом. Взять хотя бы Ромео — тоже был сперва влюблен в какую-то Розалинду. Джульетту ведь это не смутило.

— «И я любил? — продекламировал он, драматически простирая руку к Верити. — Не отрекайся, взор! Я красоты не видел до сих пор!»

Теренс скрылся в верхнем коридоре. Я посмотрел на Верити. Облокотившись на столбик лестницы, она с грустью провожала Теренса взглядом.

Завтра ей возвращаться в 1930-е, понял я, только теперь осознавая в полной мере, что это значит. Снова документировать Великую депрессию, читать детективы, остричь прекрасные рыжие волосы под каре, а длинные ноги, которые все это время прятались под длинными юбками, запаковать в шелковые чулки со швом сзади… И я больше никогда ее не увижу.

Нет, наверное, увижу на освящении. Если меня туда пустят. Если леди Шрапнелл не устроит мне пожизненную каторгу на барахолках, когда я сообщу, что епископского пенька не было в соборе.

А если я увижу Верити на освящении, что я ей скажу? Теренсу достаточно извиниться за то, что предлагал сердце другой. А я как оправдаюсь, что вынудил историю убрать меня подальше, чтобы не мешал развязке? Гордиться нечем. С таким же успехом мог все это время перебирать перочистки.

— Мне уже грустно, — вздохнула Верити, не отводя взгляда от верхней площадки. — Вроде бы нужно радоваться, что все так замечательно разрешилось и континуум не рушится… — Она посмотрела на меня своими прекрасными русалочьими глазами. — Диссонанс ведь ликвидирован, как считаешь?

— Есть поезд в девять сорок три, — возвестил Теренс, стремглав слетая по лестнице с чемоданом в одной руке и шляпой в другой. — Бейн предусмотрительно оставил у меня в комнате справочник. Прибывает в одиннадцать ноль две. Пойдем, Сирил, будем делать предложение. Куда он подевался? Сирил!

Теренс исчез в гостиной.

— Да, — кивнул я Верити. — Ликвидирован подчистую.

— Нед, вы ведь договоритесь, чтобы лодку вернули Джавицу? — попросил Теренс, появляясь

уже с Сирилом. — И чтобы остальные мои вещи отправили в Оксфорд.

— Да, конечно. Езжайте.

Он пожал мне руку.

— До свидания. «Выше нос, до скорой встречи, друг!» Увидимся после каникул!

— Это… это вряд ли, — ответил я уклончиво, только теперь понимая, как буду скучать. — Всего хорошего, Сирил. — Я нагнулся погладить бульдога по голове.

— Ерунда, вы все это время поправлялись на глазах. К осеннему триместру будете как огурчик, и мы славно покатаемся на лодке, — пообещал Теренс, уходя, и Сирил радостно припустил за ним.

— Пусть убираются немедленно! — раздался сверху надрывный голос миссис Меринг.

На втором этаже хлопнула дверь.

— И речи быть не может! — заявила миссис Меринг, потом послышалось неразборчивое бормотание. — И скажи им…

Снова неразборчиво.

— Немедленно спустись и скажи им. Это все из-за них!

Снова неразборчиво.

— Если бы она как следует исполняла обязанности компаньонки, ничего подобного бы…

Окончание фразы отрезал хлопок дверью, и минутой позже к нам спустился чрезвычайно сконфуженный полковник Меринг.

— Чересчур много обрушилось на мою бедную супругу, — проговорил он, не отрывая взгляда от ковра. — Нервы. Очень хрупкие. Нужен покой и абсолютная тишина. Тебе, Верити, пожалуй, лучше к лондонской тетушке, а вам обратно… — Полковник нахмурился в замешательстве.

— В Оксфорд, — подсказал я.

— Ах да, занятия. Сожалею, — извинился перед ковром полковник. — Буду рад предоставить экипаж.

— Нет-нет, не стоит беспокойства.

— Никакого беспокойства. Велю Бейну… — Он снова умолк в растерянности.

— Я провожу мисс Браун до станции, — успокоил я его.

Он кивнул и двинулся наверх.

— Проведаю супругу.

Верити шагнула за ним на лестницу.

— Полковник Меринг! Вам не стоит отрекаться от дочери.

— Боюсь, Мальвиния настроена твердо, — пряча глаза, ответил полковник. — Страшное потрясение, знаете ли. Дворецкий и прочее.

— Все-таки Бейн — то есть мистер Каллахан — уберег от кошки вашего черного телескопа, — вступилась Верити.

И зря.

— Зато прошляпил пучеглазого рюкина, — мгновенно рассвирепел полковник. — Двести фунтов!

— Но ведь он забрал Принцессу Арджуманд с собой, — нашлась Верити, — и она больше не станет есть ваших рыбок. А еще помешал мадам Иритоцкой украсть рубины тети Мальвинии. И он читает Гиббона. — Верити посмотрела на него снизу вверх, опираясь на столбик перил. — А Тосси — ваша единственная дочь.

Полковник вопросительно оглянулся на меня.

— Что скажете, Генри? Найдет она свое счастье с этим дворецким?

— Он печется лишь о ее благополучии, — ответил я с уверенностью.

Полковник покачал головой:

— Боюсь, жена твердо решила — больше с ней ни слова. Говорит, с этого момента Тосси для нее умерла.

Он печально побрел наверх.

— А как же спиритизм? — не отставала Верити. — Удачная возможность пообщаться с

усопшей.

— Это мысль! — просиял полковник. — Провести сеанс. — Он двинулся дальше, окрыленный. — Она любит сеансы. Отстучим: «Прости!» Должно сработать. Вот не думал, что в столоверчении есть толк. — Он громко побарабанил по перилам. — Идея что надо!

Полковник шагнул было в коридор, но, обернувшись, тронул Верити за локоть.

— Собирайтесь и езжайте на станцию не мешкая. Для вашего же блага. Нервы, знаете ли.

— Я понимаю, — кивнула Верити. — Мы с мистером Генри сейчас же отправимся.

Она удалилась в свою комнату. Полковник Меринг скрылся в конце коридора — там тоже скрипнула дверь и тишину прорезал трубный глас Черной Королевы: «…еще не уехали? Я ведь просила тебя…»

Пора сматывать удочки.

Я поднялся к себе. Распахнул гардероб и достал саквояж. Поставил его на кровать, сел рядом и стал размышлять о происшедшем. Каким-то образом континууму удалось исправить диссонанс, распределив влюбленных по парам, словно в последнем акте шекспировской комедии, хотя как он умудрился — непонятно. Ясно одно — для

этого ему потребовалось убрать нас подальше. И поэтому он фактически запер нас в чулане — в чулане времени.

Только вот с какой стати он забросил нас в Ковентри под бомбы, в очаг напряжения, где мы рисковали наломать куда больше дров? Или в Ковентри все же нет очага напряжения?

Мы-то списывали недоступность именно на него: а как иначе, учитывая «Ультру»? Однако, возможно, сеть не пускала в ночь налета лишь искателей епископского пенька, потому что в соборе находились мы с Верити. И недоступность требовалась, чтобы никто нам не помешал.

В чем? Посмотреть, как настоятель Говард тащит в полицию подсвечники и полковое знамя, и убедиться, что пенька среди спасенного скарба нет? Удостовериться в его отсутствии в соборе во время налета?

Что угодно отдал бы за возможность не узнавать этот прискорбный факт и не сообщать леди Шрапнелл. Но пенька совершенно точно там не было. Интересно, кто же умыкнул его и когда…

Стащить его могли только днем накануне бомбежки. По утверждению Каррадерса, руководительница цветочного комитета мисс Шарп, уходя из собора после заседания комитета по

посылкам на фронт и организации предрождественского базара, задержалась у пенька и вытащила оттуда три пожухшие хризантемы. То есть он еще был на месте.

У меня вдруг поплыло перед глазами, как тогда, у калитки, когда Финч сказал: «Вы на мертоновском стадионе», — и я ухватился за столбик кровати, словно за кованую створку.

Хлопнула дверь.

— Джейн! — разнесся по коридору голос миссис Меринг. — Где черное бомбазиновое?

— Здесь, мэм, — пискнула Джейн.

— Нет, это никуда не годится! — прогремела миссис Меринг. — Слишком плотное для июня. Нужно будет заказать траурное платье у «Свона и Эдгара». У них есть дивный мягкий черный креп с агатовой отделкой на лифе и плиссированной нижней юбкой.

Пауза — перерыв то ли на рыдания, то ли на планирование гардероба.

— Джейн! Эту записку отвезешь на Нотинг-Хилл. И ни слова миссис Каттисборн. Слышала?

Хлопок дверью.

— Да, мэм, — шепнула Джейн.

Я так и стоял, уцепившись за столбик, пытаясь ухватить ускользнувшую мысль, странное

ощущение, возникшее минуту назад, но оно уже пропало. Наверное, то же самое произошло с миссис Меринг в соборе. Не было никакого послания ни от духов, ни от леди Годивы. Она просто увидела Бейна и Тосси, и на мгновение действительность вернулась на круги своя, показав миссис Меринг, что и как произойдет.

Показала мельком, словно пригрезившись, иначе миссис Меринг уволила бы дворецкого на месте, а Тосси отослала в долгое путешествие по Европе. Видение появилось и пропало, как у меня только что. Вот откуда брался этот отрешенный вид и нащупывание дырки в зубе — миссис Меринг силилась вернуть растаявшее в воздухе видение.

Дворецкий. «Если я хоть чем-то могу отплатить вам за добрый поступок и выразить свою безмерную благодарность, только скажите!» — зазвучал в ушах голос Бейна. Отплатил сторицей. «Виновник — дворецкий», — объясняла Верити. И тоже не ошиблась.

Хотя нет, не Верити. Та дама в мехах из «Блэкуэлла». «Это всегда дворецкий», — заявила она, а другая, та, которая с Сирилом на плечах, ответила: «Нам кажется, будто это первое преступление, а выясняется, что это уже второе.

Первое произошло много лет назад, и никто о нем даже не подозревал». Подлинное преступление. Совершенное кем-то в неведении. И еще что-то, о какой-то особе, вышедшей за фермера.

— Но дворецкий! — донесся из коридора истерический возглас миссис Меринг, а потом приглушенные увещевания.

— Зря оставили их гостить, не стоило, — соглашался полковник.

— Когда бы не этот мистер Сент-Трейвис, — причитала миссис Меринг, — у нее и мыслей не возникло бы о замужестве.

Дальнейшие слова утонули в слезах и бессвязных бормотаниях, и как ни приятно было видеть, что другие тоже переосмысливают свои поступки, с этим домом определенно настала пора прощаться.

Я открыл комод и посмотрел на аккуратно разложенные Бейном вещи. Все сорочки принадлежат Эллиоту Каттисборну и викторианской эпохе. А также воротнички, манжеты и ночная рубашка. С носками сложнее, но, похоже, на мне сейчас именно та пара, в которой я перебрасывался, иначе сеть меня бы не пропустила. Если, конечно, я не собираюсь создавать диссонанс, но и тогда обойдется даже без увеличения сдвигов.

А если континуум пытался убрать меня и Верити с дороги, почему сеть беспрепятственно открывалась в первые разы, когда мы возвращались из Оксфорда после доклада? Почему она выпустила в будущее Верити с Принцессой Арджуманд? Бейн ведь не топил кошку на самом деле. Он только обрадовался бы, увидев Верити у беседки со спасенной хулиганкой на руках. Почему сеть изначально пропустила Верити в Мачингс-Энд? Ничего не понятно.

Я открыл нижний ящик. Там Бейн заботливо уложил мои реквизитные сорочки неподходящего размера и начищенные воском лакированные туфли. Я закинул их в саквояж и оглядел комнату на предмет остального реквизита. Слава Богу, опасные бритвы брать не нужно. И помазки с серебряной ручкой.

Мое канотье лежало на ночном столике. Я хотел уже надеть его, но передумал. Не по заслугам красоваться.

Нет, совершенно непонятно. Если континуум был против нашего вмешательства, почему он выпустил меня в сорока милях от Мачингс-Энда? А Каррадерса закинул на кабачковое поле? Почему удерживал Каррадерса целых три недели после налета? Зачем было посылать меня в 2018-й

и 1395-й, а Верити — в 1940-й? И самое главное — почему он вернул нас теперь?

— Американец! — взвизгнула миссис Меринг в дальнем конце коридора. — Все из-за мистера Генри. Эти чудовищные американские идеи сословного равенства!

Точно пора убираться. Я закрыл саквояж и вышел. У комнаты Верити остановился и хотел постучать, но снова передумал.

— Где Джейн? — раскатился по коридору вопль миссис Меринг. — Почему до сих пор не вернулась? Эти ирландцы! Все ты виноват, Мейсел! Я-то хотела нанять…

Я торопливо и бесшумно спустился по лестнице. У подножия стояла Колин-Джейн, комкая передник.

— Уволили? — спросил я.

— Нет, сорр, еще нет. — Она бросила затравленный взгляд на второй этаж. — Но к тому идет.

Я кивнул сочувственно.

— Мисс Браун вышла?

— Да, сорр. Просила передать, что будет ждать вас на станции.

— На станции? — Я не сразу сообразил, что имелась в виду переброска. — Спасибо, Джейн. Колин. И удачи!

— Спасибочки, сорр.

Она двинулась наверх, крестясь на ходу.

Я открыл входную дверь — Финч, в визитке и положенном дворецкому котелке, тянулся к дверному молотку.

— Мистер Генри! Вы-то мне и нужны.

Я повел его в сад, подальше от окон, чтобы нас не заметили.

— Рад, что застал вас до отбытия, сэр. У меня дилемма.

— Боюсь, тут я плохой помощник.

— Видите ли, сэр, мое задание практически выполнено, и я могу завершить свою миссию хоть завтра утром, но миссис Каттисборн завтра вечером устраивает чай, за которым предполагается обсудить ярмарку рукоделия на день святой Анны. Для нее это важное событие, поэтому я планировал остаться и проследить, чтобы все прошло без задоринки. У этой ее кухонной служанки, Глэдис, мозги кроличьи и…

— И вы боитесь пропустить освящение, если задержитесь?

— Нет, я консультировался с мистером Дануорти, и он сказал, ничего страшного, меня вернут в нужный день. Дилемма вот в чем. — Он протянул мне квадратный конверт с вытисненным

золотым вензелем ММ. — Это приглашение на работу от миссис Меринг. Она зовет меня к себе дворецким.

Так вот почему Джейн-Колин стояла в плаще. Единственная дочь миссис Меринг сбежала с дворецким, разбив маменьке сердце, а маменька первым же делом посылает Колин-Джейн к Каттисборнам переманивать Финча.

— Очень выгодное предложение, сэр, — продолжал Финч. — Преимущества несомненны.

— И вы думаете остаться в викторианской эпохе насовсем?

— Ни в коем случае, сэр! Хотя, — протянул он задумчиво, — иной раз мне кажется, я словно рожден для нее. Нет, дилемма в том, что Мачингс-Энд куда больше подходит для моего задания, чем дом Каттисборнов. Если я правильно расцениваю признаки, завершение наступит уже сегодня, и тогда будет не важно, однако может статься — оно растянется на несколько дней. И в таком случае мое задание…

— А в чем оно все-таки состоит, Финч? — не выдержал я.

— Боюсь, я не уполномочен, — огорченно сказал Финч. — Мистер Льюис взял с меня клятву молчать, и кроме того, я владею сведениями, ко-

торых у вас еще нет, поэтому я не дерзну ставить под удар оба наших задания неосторожной фразой. Как вам хорошо известно, болтун — находка для шпиона.

И снова это странное ощущение, будто действительность переворачивается с ног на голову. Я вцепился в него, как в спасительную калитку.

Болтун — находка для шпиона. Я знаю, откуда это. Из моих собственных размышлений об «Ультре», о Ковентри и о тайнах, порождающих очаги напряженности. Что-то про «Ультру» — что произошло бы, узнай немцы о взломе их кода… Нет, бесполезно. Снова ускользнуло.

— Если растянется еще на несколько дней, — объяснял Финч, — то Мачингс-Энд куда ближе и к приходу, и к переброске. К тому же я не собираюсь бросать миссис Каттисборн на произвол судьбы. Я уже подыскал ей великолепного дворецкого в лондонском агентстве. Телеграфирую ему насчет освободившегося места перед самым своим отбытием. Но мне кажется нечестным принимать предложение миссис Меринг, если я здесь на считаные дни. Наверное, лучше подобрать еще одного дво…

— Нет, — перебил я. — Соглашайтесь. И ни в коем случае не уведомляйте об уходе заранее.

Просто исчезните. Пусть миссис Меринг увидит, что такое по-настоящему ненадежная прислуга, — тогда, может, оценит по достоинству своего зятя. А заодно отучится сманивать дворецких у соседей.

— Хорошо, сэр, — кивнул Финч. — Спасибо. Сообщу ей о своем решении после чайного приема у миссис Каттисборн. — Он двинулся к входной двери. — И не волнуйтесь, сэр. Ночь всегда темнее перед рассветом.

Он взялся за молоток, а я поспешил к беседке. Вспомнив в последнюю минуту про комбинезон и дождевик, я завернул за ними в винный погреб и уложил в саквояж. Все-таки на комбинезоне нашивка ПВО, а дождевики эти «Берберри» начнет выпускать только в 1903 году, через пятнадцать лет, и нам совершенно не нужен очередной диссонанс.

Я снова зашагал к переброске. Интересно, Верити еще там или уже отправилась в Оксфорд, чтобы избежать неловких прощаний?

Она была там. В белой шляпе, с двумя портпледами, словно на перроне.

— Вот, — сказал я, ставя свой саквояж рядом.

Она посмотрела на меня из-под белой вуалетки, и я подумал, как жаль, что мне все-таки не уда-

лось геройски спасти мир. Ну, раз не удалось…

— Когда ближайший поезд? — спросил я, отворачиваясь к пионам за беседкой.

— Через пять минут. Если откроется.

— Откроется. Тосси вышла за мистера К, Теренс делает предложение Мод, их внук полетит бомбить Берлин, люфтваффе бросит громить аэродромы и пустится на Лондон — все на благо континуума.

— Вопреки нам, — вздохнула Верити.

— Вопреки нам.

Мы уставились на пионы.

— Ты, наверное, рад, что все позади? Теперь наконец обретешь желаемое.

Я обернулся к ней.

— Отоспишься в смысле.

— Я уже не так тоскую по сну. Научился обходиться.

Мы снова уткнулись взглядом в пионы.

— А ты, наверное, вернешься к детективам? — прервал я молчание.

Верити покачала головой:

— Они слишком далеки от жизни. Дело всегда раскрывается, зло наказывается. Мисс Марпл ни разу не приходилось отсиживаться под бомбами, пока кто-то расхлебывает заваренную ею

кашу. — Верити улыбнулась вымученно. — А ты чем займешься?

— Барахолками, не иначе. Уже вижу, как леди Шрапнелл обрекает меня на вечную вахту у кокосового тира, когда я ей признаюсь, что епископского пенька там все-таки не было.

— Где не было?

— В соборе. Я хорошо рассмотрел северный неф перед самой переброской. Подставка на месте, а пенька нет. Не представляю, как сказать леди Шрапнелл. Она и мысли подобной не допускала. Ты была права. Кто-то все же унес его на хранение, как ни парадоксально.

Верити нахмурилась.

— Ты уверен, что не перепутал места?

Я подтвердил кивком.

— Перед оградой Кузнечной капеллы, между третьей и четвертой колоннами.

— Но это невозможно! Он там стоял. Я его видела.

— Когда? Когда ты его видела?

— Сразу как туда попала.

— Где?

— В северном нефе, в проходе. На том же месте, где во время поездки в Ковентри.

Раздался тихий шелест, и сеть начала мерцать.

Верити, подхватив портпледы, шагнула на газон.

— Погоди! — Я ухватил ее за руку. — Скажи мне точно, где и когда ты его видела.

Она с тревогой оглянулась на мерцающую сеть.

— Может, нам…

— Дождемся следующей, — решил я. — Опиши все подробно. Ты оказалась в алтаре…

Верити кивнула.

— Сирена выла, но самолетов я пока не слышала, и в соборе было темно. Только в алтаре лампадка и еще одна на алтарной преграде. Я решила не отходить от сети, вдруг она сразу же откроется снова. Поэтому спряталась в ризнице и затаилась, а потом у соседней двери заплясали лучи фонариков — это пожарная охрана бежала на крышу, и кто-то из них спросил: «Может, пора выносить вещи из ризниц?» Я тогда быстренько прокралась в Капеллу торговцев тканями. Переброска оттуда вполне просматривалась.

— А потом капелла загорелась?

— Да. Я бросилась обратно в ризницу, но все уже заволокло дымом; я, видимо, повернула не туда и оказалась в хоре. Там я как раз ссадила руку. Я помнила, что башня уцелеет, поэтому опустилась на четвереньки и вдоль ограждения

хора пробралась в неф, а там тоже по полу — туда, где дым был пореже и позволял выпрямиться.

— Это в котором часу?

— Не знаю. — Верити беспокойно оглянулась на сеть. — А если больше не откроется? Может быть, в Оксфорде договорим?

— Нет. Так когда ты поднялась на ноги?

— Не знаю. Незадолго до того, как начали выносить вещи.

Сеть засияла. Я не двинулся с места.

— Ага. Значит, ты ползла по нефу…

— Ползла по нефу, и где-то на середине дым начал редеть, и стало видно западные двери. Тогда я встала, опираясь на ближайшую колонну, и он оказался прямо передо мной, у ограды. На подставке. С большим букетом желтых хризантем.

— Ты уверена, что это именно пенек был?

— Как будто его можно перепутать… Нед, к чему все эти подробности?

— А потом что ты сделала?

— Подумала: «Ладно, хоть какая-то польза». По крайней мере скажу Неду, что пенек во время налета был в соборе. Если выберусь. И двинулась к двери в башню. Проход перегораживала перевернутая скамья, пришлось ее огибать, и пока я добралась до башни, уже вбежала пожарная

охрана и начала выносить вещи.

— И? — поторопил я.

— Я нырнула в Капеллу вязальщиков и затаилась.

— Сколько ты там просидела?

— Не знаю. Четверть часа, наверное. Потом вернулся кто-то из пожарных и забрал алтарные книги. Я подождала, пока он скроется, затем отправилась тебя искать.

— Через южные двери?

— Да. — Верити посмотрела на сеть. Та уже меркла и съеживалась.

— Когда ты выходила, у портала кто-нибудь стоял?

— Да. Если мы опять застрянем…

— Из пожарной охраны кто-нибудь приближался к пеньку?

— Нет. Они заходили только в алтарь и в ризницы, потом один заскочил в Кузнечную капеллу, вынес крест и подсвечники.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— Точно?

— Точно. Ему пришлось выбираться с ними в обход, через тыльную часть нефа и по южному боковому, из-за дыма. Как раз мимо меня про-

бежал.

— А в Капеллу мануфактурщиков они не заглядывали?

— Нет.

— А ты?

— Я же сказала. Я очутилась в алтаре, потом пряталась в Капелле торговцев, потом в хоре. Это все.

— А северные двери из твоего укрытия просматривались?

Она кивнула.

— И через них никто не выходил?

— Они были заперты. Я слышала, как один дежурный просил другого отпереть северный портал, чтобы пожарные протащили внутрь шланги, и тот ответил, что отпирать придется снаружи, потому что Кузнечная капелла уже горит.

— А западный вход? Там, где лестница в башню?

— Нет. Пожарная охрана вбегала только через ризницу.

— Больше никого в соборе не было? Кроме дежурных? И пожарных?

— В соборе? Нед, он горел вообще-то!

— В чем были дежурные?

— В чем? — Верити озадачилась. — Не знаю… В форме. Комбинезоны. Да… у причетника была каска.

— А в белом никого не было?

— В белом? Откуда там белое? Нед, к чему…

— И западную дверь — которая в башню — тебе тоже было видно?

Верити кивнула.

— И через нее никто не выходил, пока ты пряталась в соборе? И в Капеллу мануфактурщиков не проникал?

— Нет. Ну объясни уже, к чему это все?

Значит, северный портал заперт, южный не выпускала из виду Верити, а на улице толпились зеваки с двумя глазеющими по сторонам подпирателями фонаря.

Пожарная охрана вбегала через ризницу, которую вскоре после того, как настоятель Говард выскочил с алтарными книгами, отрезало огнем. И у наружных дверей ризницы тоже кто-то все время толкался. А еще тот толстяк дежурный гражданской ПВО, который расчищал подступы. И драконихa из цветочного комитета, застывшая в карауле у западного портала. Нет, деваться из собора было некуда.

Некуда было деваться из собора. Как из лабо-

ратории в 2018-м. И спрятаться негде. Только в сети.

Я схватил Верити за руки. Я прятался в сети, за бархатным театральным занавесом, и Лиззи Биттнер говорила: «Я сделаю для него все». Оксфорд 2018 года. Где Ти-Джей обнаружил очаг увеличения сдвигов.

«Потому что у нас нет таких ценностей, как в Кентербери и Винчестере», — сокрушалась Лиззи Биттнер. Лиззи Биттнер, вышедшая замуж за потомка Ботонеров, строивших собор в 1395 году. Лиззи Биттнер, совравшая насчет незапертой лаборатории. Открывшая дверь своим ключом.

«Нам кажется, это первое преступление, а выясняется, что оно уже второе, — говорила дама в мехах. — Первое произошло много лет назад». Или вперед. Все-таки в нашем распоряжении машина времени. А в одной из моделей Ватерлоо континууму пришлось углубиться аж в 1812-й, чтобы устранить диссонанс.

Вот она эта мелкая, никуда не укладывающаяся деталь — рост сдвигов. Которого не возникло на той роковой переброске Верити. А ведь он мог бы помешать ей спасти кошку и предотвратил бы диссонанс. Пять минут в любую сторону — и ничего не придется расхлебывать, однако сдвиг

составляет девять минут. И эти девять минут приводят Верити прямиком на место преступления.

«В каждом из смоделированных диссонансов наблюдался рост сдвигов», — утверждал Ти-Джей. Во всех до единого. Даже в тех, с которыми континуум не справился. Во всех без исключения. Кроме нашего.

А у нас в наличии только 2018 год, где сдвиги, по мнению Ти-Джея, выходят неоправданно большими для сильной удаленности от эпицентра. И Ковентри. Где вроде бы дело в очаге напряжения.

— Нед! — встревожилась Верити. — Что с тобой?

— Тс-с-с, — прошептал я, сжав ее руки, словно зеленые прутья мертоновской калитки. Почти распутал. Если не испорчу все резким движением и не отвлекусь, то наконец увижу всю картину целиком.

Область сдвигов чересчур далеко от эпицентра, а расхождения обычно наблюдаются лишь в непосредственной близости от диссонанса. А дама в мехах сказала: «Я рада, что она за него вышла». Она говорила о какой-то знакомой, сбежавшей с фермером. «Иначе так бы и чахла в Оксфорде на церковных собраниях и благотвори-

тельных ярмарках…»

— Нед? — позвала Верити.

— Тс-с-с.

«Она твердит, что епископский пенек украли», — сообщил Каррадерс, имея в виду «эту старую грымзу» мисс Шарп, руководительницу цветочного комитета.

И дежурный пэвэошник велел: «Пойдемте, мисс Шарп!» — седовласой женщине, охраняющей западный портал. И эта седовласая женщина, которая кого-то мне напоминала, ответила: «Никуда я не пойду. Я заместитель председателя гильдии алтарниц собора и руководитель цветочного комитета».

Он называл ее *мисс* Шарп. Мисс Шарп, которая в расстроенных чувствах кинулась сеять подозрения, будто о налете знали наперед. И даже написала письмо в редакцию. Отправила письмо в газету, утверждая, будто кто-то загодя пронюхал о готовящейся бомбардировке. В Ковентри, где о налете и вправду было известно заранее. В городе, который в отличие от Мачингс-Энда был для истории не тихой заводью, а очагом напряжения. Из-за «Ультры». Узнай фашисты, что у нас имеется копия «Энигмы» и мы расшифровываем их секретные сообщения, изменился бы ход войны.

И ход истории.

И наконец, единственный случай, когда что-то удалось вынести через сеть из прошлого, произошел как раз в рамках самокоррекции…

Я, кажется, стиснул руки Верити до боли, однако отпустить не смел.

— Та молодая женщина в соборе, — произнес я. — Как ее звали?

— В соборе? — Верити недоуменно заморгала. — Нед, в соборе никого не было. Он горел.

— Не там, не в сороковом. Во время нашей поездки с Тосси. Та женщина, которая приходила к помощнику викария. Как ее звали?

— Не помню… Что-то цветочное. Георгина или…

— Гортензия. Не имя, фамилия.

— Не по… Начиналось на «Ш». Шервуд? Нет, Шарп.

Мир перевернулся с головы на ноги, и вот я уже не у баллиольской калитки, а на мертоновском стадионе, и там, на лугу у Крайст-Черча, возвышается средоточие всего — Ковентрийский собор.

— Нед, — потормошила меня Верити. — Что такое?

— Мы смотрели не под тем углом, — объяснил я. — Ты не вызывала диссонанс.

— Но… а как же совпадения? — забормотала Верити. — И рост сдвигов в 2018 году? Без диссонанса не обошлось.

— Не обошлось, — подтвердил я. — И теперь благодаря своим удивительным серым клеточкам я знаю, когда он возник. И что его породило.

— Что?

— Элементарно, дорогой Ватсон. Даю подсказку. Даже несколько. «Ультра». «Лунный камень». Ватерлоо. «Болтун — находка для шпиона».

— Болтун? Нед…

— Каррадерс. Собака, которая не лаяла. Перочистки. Голуби. Наименее вероятный подозреваемый. И фельдмаршал Роммель.

— Фельдмаршал Роммель?

— Боевые действия в Северной Африке, — пояснил я. — По наводкам «Ультры» мы отлавливали и топили роммелевские транспортные конвои, для отвода глаз показывая немцам самолет-разведчик, чтобы они не заподозрили неладное.

Я рассказал Верити о том, как из-за тумана самолету не удалось засветиться перед конвоем, как одновременно подоспели Королевский флот и авиация, и о том, как дальше спасали «Ультру» от рассекречивания — про телеграмму, ложные слухи и предназначенные для перехвата доне-

сения.

— Если бы фашисты узнали про «Ультру», в войне наступил бы резкий перелом, поэтому пришлось пускать в ход хитроумную операцию, чтобы замести следы утечки. Видишь? — лучезарно улыбнулся я Верити. — Все сходится.

Все сходится. И застрявший в Ковентри Каррадерс, и Теренс, разминувшийся из-за меня с Мод, и сталкивающий профессора Преддика в реку профессор Оверфорс, и даже все эти треклятые барахолки.

Дамы в мехах в «Блэкуэлле», Эркюль Пуаро, Ти-Джей, профессор Преддик со своими рассуждениями о высшем замысле — все они мне подсказывали, но я был глух и слеп.

Верити смотрела на меня с тревогой.

— Нед, признавайся, сколько переброс подряд ты успел сделать?

— Четыре. Вторую из них — в «Блэкуэлл», где три матроны в мехах вели чрезвычайно познавательную дискуссию о детективах, а первую — в лабораторию 2018 года, где Лиззи Биттнер обещала любой ценой уберечь собор от хищных лап спиритистов.

Сеть слабо замерцала.

— Что, если все-таки был диссонанс? — про-

должал я. — Утечка? И континуум, защищая ход истории, запустил хитроумную систему аварийной защиты? Как руководство «Ультры», высылавшее телеграммы и распространявшее ложные слухи, он привел в действие сложную операцию с утоплением кошек, сеансами, барахолками и побегами из дома. И десятками агентов, многие из которых даже не подозревали об истинной цели своих действий.

Пионы засверкали переливчато.

— В лучших традициях детективного жанра доказательств у меня нет. И поэтому, Ватсон, отправляемся собирать улики. — Я подхватил портпледы Верити и переставил к пионам. — Скорее, Ватсон, конка!

— Куда мы? — с подозрением спросила Верити.

— В лабораторию. В 2057 год. Читать ковентрийскую прессу и протоколы заседаний соборных комитетов за 1888-й и 1940-й.

Я взял Верити под руку, и мы шагнули в мерцающий круг.

— А потом мы заберем епископский пенек.

Сияние усилилось.

— Стой здесь, — велел я и вышел из круга за саквояжем.

— Нед!

— Иду.

Я открыл саквояж, вынул канотье, поставил саквояж в круг, а шляпу нахлобучил под щегольским углом, который сделал бы честь самому лорду Питеру Уимзи.

— Нед… — Верити попятилась, округляя зелено-карие глаза.

— Гарриет, — ответил я, втягивая ее обратно в сияние.

И слился с ней в поцелуе на сто шестьдесят девять лет.

Глава двадцать седьмая

Быстрее, Гастингс! Я был глуп, я был слеп. В такси, скорее!

Эркюль Пуаро

Я забываю определить пространственно-временное положение — Каррадерс отказывается отправляться в Ковентри — Тайна переброски Верити разгадана — Осложнение — Каррадерс отправляется в Ковентри — Финч все еще не уполномочен — Снова газеты — В Ковентри на метро — Транспорт никогда не находит ценителей среди современников — Я цитирую стихи — Преступник сознается в содеянном — Как мы наконец отыскали епископский пенек

Когда, ну когда же я научусь определяться во времени и пространстве по прибытии? Да, положим, мысли у меня были заняты совсем другим — в основном тем, что я скажу Верити, когда улучу время, и прочими неотложными делами, — но это не оправдание.

— Где мистер Дануорти? — спросил я Уордер, не дожидаясь, пока поднимется кисея. Ухватив Верити за руку, я выпутался из занавесей и шагнул к пульту.

— Мистер Дануорти? — в недоумении обернулась Уордер. Нарядная, в цветастом платье и с завивкой, которая делала ее почти симпатичной.

— Он в Лондоне, — откликнулся вошедший Каррадерс. Тоже нарядный и отмытый от сажи. — Я гляжу, ты нашел Верити? Случаем, не проверили, на месте ли пенек, пока были в Ковентри?

— Проверили. Зачем мистер Дануорти отправился в Лондон?

— У леди Шрапнелл в последнюю минуту возникла идея, что пенек могли во время блица поместить на хранение вместе с сокровищами из Британского музея — в нерабочий тоннель метро.

— Нет, он не там. Позвони мистеру Дануорти и попроси немедленно возвращаться. Ти-Джей, надеюсь, с ним не поехал? — Я оглянулся на экраны с моделями Ватерлоо.

— Нет. Переодевается. Через минуту придет. А что такое?

— Где леди Шрапнелл?

— Леди Шрапнелл? — Уордер словно впервые о ней услышала.

— Ну да, леди Шрапнелл. Ковентрийский собор. Наш кошмар наяву. Леди Шрапнелл.

— Я думал, ты от нее бегаешь, — заметил Каррадерс.

— Сейчас — да. Но через несколько часов она мне может понадобиться. Так ты в курсе, где она?

Они с Уордер переглянулись.

— В соборе, надо думать.

— Кто-нибудь выясните точно. И узнайте, какие у нее планы на остаток дня.

— Планы? — изумился Каррадерс.

— Сами идите и ищите, если охота, — одновременно с ним произнесла Уордер. Да, одной завивкой тут делу не поможешь. — А я и так зашиваюсь! Она взвалила на меня глажку напрестольных пелен и…

— Ладно, — махнул я рукой. С леди Шрапнелл можно повременить, есть заботы поважнее. — Тогда еще кое-что. Мне нужны номера «Ковентри стэндард» и «Мидлендс дейли телеграф» с пятнадцатого ноября по… — Я вопросительно посмотрел на Каррадерса. — Ты когда вернулся из Ковентри?

— Три дня назад. В среду.

— А в Ковентри какое число было?

— Двенадцатое декабря.

— Значит, с пятнадцатого ноября по двенадцатое декабря, — уточнил я для Уордер.

— И не подумаю! — возмутилась она. — Мало того, что мне эти пелены гладить и три стыковки проводить. И альбы отпаривать. Льняные! Сколько на свете немнущихся тканей, которые не превращаются в жеваную тряпку, стоит хористу шевельнуться, но нет, ей подавай лен! Господь, видите ли, в мелочах! И мне еще вам газеты добывать?

— Я добуду, — вмешалась Верити. — Тебе факсимильную копию или только статьи?

— Факсимильную.

Верити кивнула.

— Возьму в Бодлеинке. Скоро вернусь.

Она вышла, одарив меня улыбкой наяды.

— Каррадерс, ты должен сгонять в Ковентри, — продолжил я.

— Ковентри? — Каррадерс, отпрянув, врезался в Уордер. — Ни за что. С меня прошлого раза хватило.

— Тебе не придется бегать под бомбами. Мне нужно…

— Даже близко не подойду. Помнишь кабачковое поле? Собак этих окаянных? И не проси.

— Да не в прошлое, — наконец объяснил я. — Мне всего лишь требуются кое-какие данные из церковных архивов. Можешь на метро доехать. Поищи мне…

Вошел Ти-Джей, тоже нарядный — в белой рубашке и короткой профессорской мантии. Леди Шрапнелл что, дресс-код успела ввести?

— Минутку, Каррадерс. Ти-Джей, вы очень кстати. Смените, пожалуйста, фокус в модели нашего диссонанса.

— Сменить фокус? — опешил Ти-Джей.

— Место возникновения.

— Мы вляпались еще в один диссонанс? — всполошилась Уордер. — Только этого не хватало! Мало мне пятидесяти льняных альб, трех стыковок и…

— Ти-Джей, вы говорили, что самокоррекция может распространяться и назад во времени от диссонанса? — напомнил я, не слушая Уордер.

Ти-Джей кивнул:

— Да, в некоторых моделях появлялись примеры превентивной самокоррекции.

— И тот единственный случай, когда значимый объект беспрепятственно покинул свою

пространственно-временную среду, как раз наблюдался в рамках самокоррекции?

Он снова кивнул.

— И еще вы говорили, что наш диссонанс не совпадает ни с одной из моделей Ватерлоо. Давайте посмотрим, совпадет ли после смены фокуса.

Ти-Джей послушно уселся перед стеной с экранами и засучил рукава мантии.

— Куда смещать?

— На Ковентрийский собор. Четырнадцатое ноября…

— Четырнадцатое ноября? — хором переспросили Ти-Джей и Каррадерс. Во взгляде Уордер отчетливо прочиталось: «И сколько перебросок подряд, дружок?»

— Четырнадцатое ноября, — твердо повторил я. — 1940 года. Время не знаю — между без четверти восемью вечера и одиннадцатью. Предположительно около половины десятого.

— Но это же в разгар налета, — нахмурился Каррадерс. — Куда никого из нас сеть упорно не пускала.

— Что все это значит, Нед? — спросил Ти-Джей.

— «Тайна авторучки» и Эркюль Пуаро. Мы брались за дело не с того конца. Что, если диссонанс вызвало не спасение кошки? Что, если это уже са-

мокоррекция, а настоящий диссонанс произошел раньше? Или позже.

Ти-Джей принялся вводить данные.

— На переброске Верити сдвиг не увеличивался, — продолжил я. — Хотя достаточно было пяти минут в любую сторону, чтобы спасение Принцессы Арджуманд не состоялось. И сеть, в свою очередь, могла бы ее не выпустить. Однако нет, вся страховочная система бездействовала. При этом меня сдвигом закинуло в Оксфорд на встречу с Теренсом, из-за которой он разминулся с Мод, но зато смог занять у меня денег на лодку и отправиться на свидание с Тосси. Что, если континуум именно этого и добивался? И все то, что мы считали признаками распада — мое попадание в Средние века, застрявший в Ковентри Каррадерс, — тоже элементы самокоррекции?

На экране появилась таблица с координатами. Ти-Джей, скользнув взглядом по колонкам, ввел еще данные и снова просмотрел таблицу.

— Только фокус менять? — уточнил он.

— Вы говорили, что расхождения возникают лишь в непосредственной близости от эпицентра. Но что, если эпицентр не в Мачингс-Энде — а в соборе во время налета? И мы с Верити наблюдали там именно расхождение — то, как

все обернулось бы, если не устранить диссонанс?

— Любопытно, — согласился Ти-Джей, введя еще несколько цифр.

— Только фокус, — резюмировал я. — Те же события, тот же сдвиг.

— Это небыстро, — предупредил он, не переставая забивать координаты.

Я повернулся к Каррадерсу.

— Значит, что нужно выяснить в Ковентри… — Протянув руку за спиной Уордер, я взял наладонник и начал диктовать в него. — Фамилии служащих в соборе в 1940 году — и церковных, и светских. А еще записи о бракосочетаниях из приходской книги — с 1888-го по… — Я задумался. — По 1915 год. Нет, лучше по 1920-й для верности.

— А если записи погибли при пожаре?

— Тогда добудь мне общий список церковных приходов за 1940 год. Он должен быть в Кентербери точно и еще где-нибудь. Не могли они все пропасть во время блица.

Я подождал, пока наладонник распечатает надиктованное, и оторвал листок.

— Только поскорее.

Каррадерс уставился на распечатку.

— Ты что, предлагаешь мне прямо сейчас

ехать?!

— Ну да. Дело срочное. Если я прав, епископский пенек будет у нас к освящению.

— Тогда ноги в руки, — с издевкой напутствовала Уордер. — Оно через два часа.

— Освящение? — оторопел я. — Не может этого быть. — И тут я наконец догадался задать вопрос, который не задал, выйдя из сети. — Какое сегодня число?

С охапкой факсимильных листов вбежала Верити — успевшая переодеться в современное платье и тенниски. Да, ноги длинные и стройные, как мне и представлялось.

— Нед, мы попали к самому освящению!

— Сам только что узнал.

Я соображал, что теперь делать. Я-то думал, у нас будет пара дней на сбор улик, а оказывается, едва хватит времени сгонять в Ковентри…

— Я могу помочь? — спросила она.

— Нам нужно доказательство, что диссонанс устранен. Я хотел послать Каррадерса…

— Давай я съезжу, — предложила Верити.

Я покачал головой.

— Некогда. Во сколько начало? — уточнил я у Уордер.

— В одиннадцать.

— А сейчас?

— Четверть десятого.

Я оглянулся на Ти-Джея.

— Вам еще долго?

— Минуту, — ответил Ти-Джей, бегая пальцами по клавиатуре. — Все.

Он нажал «возврат», координатные колонки пропали, и появилась модель.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Бесформенная масса на экране ничем не отличалась от предыдущих — такая же туманная и зыбкая.

— Вы только посмотрите! — присвистнул Ти-Джей и нажал еще несколько кнопок. — Вот новый фокус. А вот модель с тем котелком из Ватерлоо.

Он скомандовал что-то в раструб, два серых пятна наложились друг на друга, и даже мне стало понятно, что они совпадают.

— Сходится? — спросила Уордер.

— Да, — задумчиво кивнул Ти-Джей. — Если не считать мелких отличий. Сдвиг в эпицентре не такой сильный, к тому же нет идентичности вот здесь и вот здесь, — тыкая в одному ему известные точки, показал он. — И еще непонятно, что вот это такое. — Он снова куда-то ткнул. — Но самокоррекция определенно имеет место. Види-

те, как уменьшаются сдвиги ближе к 1888 году, а потом совсем пропадают…

— Восемнадцатого июня, — выпалил я.

Ти-Джей ввел несколько цифр.

— Восемнадцатого июня. Мне нужно провести проверку сдвигов и вероятностей, тогда выяснится, что случилось вот здесь. — Он обрисовал очередное невнятное пятно. — Однако очень даже похоже, что там имелось расхождение.

— Где? — недоуменно заморгал Каррадерс. — И чем оно вызвано?

— Это тебе и предполагалось установить в Ковентри. — Я посмотрел на уже бесполезные карманные часы. — Только времени нет.

— Как это нет? — вмешалась Верити. — А сеть на что? Пошлем Каррадерса в прошлое.

— Ему нельзя в сороковой, — возразил я. — Он там уже побывал. Не хватало нам еще одного диссонанса.

— Не в сороковой, Нед. На неделю назад.

— Он не может быть в двух местах одновременно, — начал я — и понял, что ему и не придется. На прошлой неделе он как раз был в сороковом, а не в 2057-м. — Уордер, сколько у вас займет рассчитать переброску?

— Переброску? У меня и так три стыков…

— Я отпарю альбы, — пообещала Верити.

— Его нужно отправить на… Как думаешь, сколько тебе понадобится? День?

— Два, — сказал Каррадерс.

— На два дня. Будних. По выходным церковные архивы не работают. И чтобы эти два дня пришлись на то время, когда он находился в сороковом. С возвращением в ту же минуту.

— Где гарантия, что он опять не застрянет в Ковентри? — заупрямилась Уордер.

— Вот здесь. — Я показал на экраны. — Диссонанс устранен.

— Ничего, Пегги, все в порядке, — решился Каррадерс. — Рассчитывай. Распечатка у тебя? — повернулся он ко мне.

Я вручил ему листок.

— И еще кое-что. Мне нужен список руководительниц всех женских церковных комитетов в сороковом.

— Председательницу цветочного можно не искать, я и так знаю, — насупился он. — Эта гарпия мисс Шарп.

— Всех комитетов, включая цветочный, — подчеркнул я.

Верити подала ему блокнот с карандашом.

— Чтобы не возникло соблазна протащить об-

ратно через сеть прошлонедельную бумагу.

— Готово? — спросил Каррадерс у Уордер.

— Готово. — Голос ее звучал обеспокоенно.

Каррадерс шагнул в сеть. Уордер подошла и разгладила ему воротник.

— Ты там аккуратнее, — напутствовала она, вслед за воротником поправляя галстук.

— Да я всего на пару минут, — расплываясь в блаженной улыбке, напомнил Каррадерс. — Да?

— Если нет, — улыбнулась в ответ Уордер, — я сама за тобой явлюсь.

— Глазам своим не верю, — шепнул я Верити.

— Перебросочная контузия, — пожала она плечами.

— Я поставила интервальную десятиминутную, — проворковала Уордер.

— Ни секунды лишней не задержусь, — пообещал Каррадерс. — Иначе не успею пойти с тобой на освящение.

Он заключил операторшу в объятия и надолго приник к ее губам.

— Мне крайне неловко прерывать трогательную сцену, — вмешался я, — но церемония через два часа.

— Хорошо! — буркнула Уордер, разгладила напоследок воротник Каррадерса и протопала

обратно за пульт.

Может, любовь и побеждает все, но привычка — вторая натура, так что будем надеяться — Бейн догадается поселиться в Штатах поближе к реке.

Уордер опустила кисею, и Каррадерс исчез.

— Если через десять минут не вернется живой и невредимый, — пригрозила она, — я вас отправлю на Столетнюю войну. — Она повернулась к Верити. — Вы обещали отпарить альбы.

— Сейчас, минуту. — Я выдал Верити один из факсимильных снимков.

— Что ищем? — уточнила она.

— Письма в редакцию. Или открытое письмо. Сам не знаю точно.

Я принялся листать «Мидлендс дейли телеграф». Статья о визите короля, список погибших и раненых, статья с оптимистичным началом: «Повсюду видны обнадеживающие признаки того, что Ковентри возрождается из пепла».

Я взял «Ковентри стэндард». Реклама мешков с песком от ПВО — размеры и качество по госстандарту, тридцать шесть шиллингов шесть пенсов за сотню. Фотография останков собора.

— Вот какие-то письма. — Верити передала мне свою страницу.

Благодарность пожарной службе за проявлен-

ное мужество. Потеряна Молли, «рыжая кошечка, последний раз видели вечером 14 ноября на Грейфрайерс-лейн». Жалоба на дежурных гражданской ПВО.

Дверь в лабораторию открылась, и Верити вздрогнула — но это была не леди Шрапнелл, а Финч.

Фрак и голова припорошены снегом, правый рукав мокрый.

— Вы откуда? — полюбопытствовал я. — Из Сибири?

— Я не уполномочен, — отчеканил Финч. — Мистер Льюис, где мистер Дануорти?

— В Лондоне, — ответил Ти-Джей, не сводя глаз с экрана.

— О, — огорчился Финч. — Что ж, тогда передайте… — он настороженно покосился на нас, выжимая рукав, — … что задание выполнено. Хотя пруд затянуло льдом, и температура воды была соответствующая. Скажите, что в итоге… — снова осторожный взгляд в нашу сторону, — … в итоге шесть.

— У меня времени в обрез, — напомнила Уордер. — Вот ваш мешок. — Она подала Финчу большой рогожный сверток. — Правда, в таком виде обратно… Пойдемте, я вас высушу. — Нахму-

рившись, она повела его в реквизитную. — Я ведь даже не оператор, я только на замене. А мне еще пелены гладить и десятиминутную интервальную держать…

Дверь за ними закрылась.

— И как его понимать?

— Вот. — Верити вручила мне следующий факсимильный лист. — Еще письма.

Три отзыва о королевском визите в Ковентри, жалоба на еду в полевых кухнях, объявление о ярмарке в церкви Сент-Олдейт в пользу пострадавших от воздушного налета.

Из реквизитной вышел Финч — высушенный и приглаженный — с без умолку ворчащей Уордер.

— Обязательно сегодня их всех возвращать, вынь да положь, — топая за пульт, пробухтела она. — Мне еще три стыковки, пятьдесят…

— Финч, вы не знаете, миссис Биттнер не будет на освящении? — поинтересовался я.

— Я высылал ей пригласительный билет по распоряжению мистера Дануорти. Надо полагать, уж кому-кому, а ей хотелось бы взглянуть на восстановленный собор, но она ответила, что мероприятие предстоит слишком масштабное, она боится не выдержать.

— Хорошо, — кивнул я, пролистывая «Стэн-

дард» за двенадцатое число. Писем нет. — Что в «Телеграф»? — поинтересовался я у Верити.

— Пусто, — откладывая копии, ответила она.

— Пусто! — выдохнул я радостно, и тут в сети возник озадаченный Каррадерс. — Ну? — Я поспешил к нему.

Раздвинув кисею, он протянул мне блокнот. Я открыл его и заскользил взглядом по списку церковных служащих, выискивая знакомую фамилию. Ничего. Я перелистнул на приходы.

— Цветочным комитетом в 1940 году заведовала миссис Лоис Уорфилд, — недоуменно наморщил лоб Каррадерс.

— Ты как? — обеспокоилась Уордер. — Что-нибудь случилось?

— Нет, — ответил я, просматривая приходы. Хертфордшир, Суррей, Нортумберленд. Вот. Церковь Святого Венедикта, Нортумберленд.

— Ни в одном из комитетов никакая мисс Шарп не значится, — продолжал Каррадерс. — В списке прихожан тоже.

— Знаю. — Я уже набрасывал записку на чистом листе блокнота. — Финч, позвоните мистеру Дануорти, попросите немедленно вернуться в Оксфорд. А когда приедет, передайте вот это. — Я вырвал листок, свернул и вручил Финчу. — Потом

найдите леди Шрапнелл и скажите, пусть не волнуется, у нас с Верити все схвачено, только пусть подождут с освящением, пока мы не вернемся.

— А вы куда? — осведомился Финч.

— И кто будет отпаривать альбы?! — возмутилась Уордер.

— Мы постараемся вернуться к одиннадцати, — пообещал я, беря Верити за руку. — Если нет, тяните время.

— Тянуть время! — ужаснулся Финч. — Ожидается архиепископ Кентерберийский. И принцесса Виктория. Как тут тянуть время?

— Придумайте что-нибудь. Я в вас верю, Дживс!

— Спасибо, сэр! — расцвел Финч. — Что сообщить леди Шрапнелл, если спросит, куда вы исчезли?

— За епископским пеньком, — ответил я, и мы с Верити со всех ног помчались к метро.

Снаружи было серо и пасмурно.

— Надеюсь, на освящении дождь не пойдет, — встревожилась Верити.

— Шутишь? — выдохнул я на бегу. — Леди Шрапнелл такого не допустит.

У входа в метро царила толчея. Толпа в шляпах и галстуках, с зонтами под мышкой, текла

наружу.

— Собор! — проворчала, проталкиваясь мимо, девушка с косами и значком партии «Гея». — А вы знаете, сколько деревьев можно было высадить на лугу у Крайст-Черча на эти деньги?

— Счастье, что нам нужно прочь из города, — крикнул я Верити, которую оттеснила от меня толпа. — В другую сторону будет посвободнее.

Мы пробились к эскалаторам. Там оказалось не лучше. Я потерял Верити из виду и не сразу разглядел ее десятью ступенями ниже.

— Куда все едут? — удивился я вслух.

— Встречать принцессу Викторию, — поведала стоящая на ступеньку выше дородная женщина с британским флагом под мышкой. — Она прибудет со стороны Рединга.

Верити уже сошла с эскалатора.

— Ковентри! — крикнул я ей, показывая поверх голов на Уорвикширскую ветку.

— Знаю! — откликнулась Верити, устремляясь в нужный переход.

В переходе давка не прекратилась, на платформе тоже. Верити пробралась ко мне.

— Между прочим, ты тут не один мастер раскрывать тайны, Шерлок, — похвасталась она. — Я догадалась, что делает Финч.

— И что? — спросил я, но тут подошел поезд. Толпа хлынула внутрь, и нас снова разделили. На этот раз я сам протолкался к Верити. — Эти-то все куда едут? В Ковентри принцессы Виктории нет.

— Протестовать, — объяснил парнишка с афрокосичками. — В Ковентри проводится демонстрация против оксфордцев, бесцеремонно укравших у них собор.

— Да? — елейно улыбнулась Верити. — И где же проводится? В торговом центре?

Я готов был ее расцеловать.

— А представь себе, — сказала Верити, уворачиваясь от нарисованной вручную таблички с надписью «Архитекторы против Ковентрийского собора», — что где-то в этой толчее стоит историк из далекого будущего и умиляется.

— Нет, не представляю. Так что же делает Финч?

— Он… — начала Верити, но тут двери распахнулись, и в поезд набился еще народ.

Нас снова оттеснили друг от друга — я оказался в другой половине вагона, зажатым на сиденье между каким-то стариком и его сыном средних лет.

— Зачем вообще восстанавливать собор? — ворчал сын. — Если руки чешутся что-то восстано-

вить, так верните Банк Англии, хоть какая польза будет. Что толку от собора?

— «Пути Господни неисповедимы, — продекламировал я. — За чудом чудо он являет нам».

Оба покосились на меня возмущенно.

— Джеймс Томсон, — пояснил я. — «Времена года».

Опять возмущенные взгляды.

— Викторианский поэт, — закончил я и погрузился в свои мысли — о континууме и его неисповедимых путях.

Ему потребовалось устранить диссонанс, и он его устранил, пустив в ход целый арсенал аварийных мер: и сеть захлопывал, и координатами назначения жонглировал, и сдвиги увеличивал — лишь бы я помешал Теренсу познакомиться с Мод, а Верити увидела, как Бейн топит Принцессу. Чтобы спасти кошку, что мышку таскает за хвост, ту, что тихонько ворует овес, лежащий в унылом чулане, в том доме, где Джек — хозяин.

Заметив на платформе надпись «Ковентри», я протиснулся между зажавшими меня с двух сторон банкирами и просочился к дверям, махнув по дороге Верити, что пора на выход. Эскалаторы вынесли нас на Бродгейт, прямо к статуе леди Годивы. Здесь было еще пасмурнее: похоже, дождь

вот-вот начнется. Протестующие, раскрывая зонты, текли к торговому центру.

— Может быть, сперва позвоним ей? — предложила Верити.

— Не надо.

— Ты уверен, что она будет дома?

— Да, — ответил я, хотя уверенности никакой не чувствовал.

Однако миссис Биттнер оказалась дома и открыла нам, пусть и не сразу.

— Простите, лежу с бронхитом, — хрипло проговорила она и только потом увидела, кто перед ней. — О, это вы. Проходите. Я вас ждала. — Она посторонилась, пропуская нас внутрь, и протянула Верити жилистую руку. — Вы, должно быть, мисс Киндл. Тоже поклонница детективов?

— Только тридцатых годов, — извиняющимся тоном уточнила Верити.

Миссис Биттнер кивнула:

— Да, золотой век детектива. Я много их прочитала. Особенно люблю те, где преступнику почти удается ускользнуть.

— Миссис Биттнер… — начал я и беспомощно посмотрел на Верити.

— Вы все-таки догадались, да? Недаром я вас опасалась. Джеймс говорил, вы у него самые

талантливые. — Миссис Биттнер улыбнулась. — Пойдемте в гостиную.

— Боюсь… у нас не очень много времени…

— Глупости. — Она стала удаляться по коридору. — Преступнику обязательно полагается отдельная глава на признание в содеянном.

Она провела нас в ту самую комнату, где мы беседовали в прошлый раз.

— Садитесь, — пригласила она, показывая на диван в цветочной обивке. — Знаменитый детектив всегда собирает подозреваемых в гостиной. — Придерживаясь за мебель, она медленно пошла к буфету, разительно уступающему габаритами меринговскому. — И преступник всегда их чем-нибудь угощает. Не желаете хереса, мисс Киндл? Мистер Генри? Или sirop de cassis? Черносмородиновая настойка, Эркюль Пуаро ее пил. Ужасная гадость. Однажды попробовала, когда читала «Убийство в трех актах». Хуже микстуры от кашля.

— Тогда, пожалуй, хересу, — попросил я.

Миссис Биттнер налила две рюмки и протянула нам.

— Я вызвала диссонанс, да?

Я забрал у нее рюмки, одну отдал Верити и сел к ней на диван.

— Да.

— Этого я и боялась. И когда Джеймс на прошлой неделе изложил мне теорию изъятия несущественных для истории объектов из пространственно-временной среды, я сразу сообразила, что все из-за пенька. — Она с улыбкой покачала головой. — Все остальное, что в ту ночь было в соборе, сгорело бы дотла, и только пенек, очевидно, несокрушим.

Она налила хереса и себе.

— Я пыталась исправить то, что натворила, но сеть отказывалась пускать меня в собор, а потом Ласситер — новый декан — сменил замки, и я потеряла доступ в лабораторию. Нужно было, конечно, признаться Джеймсу. Или мужу. Смалодушничала. — Она взяла рюмку. — Успокаивала себя: раз сеть меня задерживает, значит, система защиты работает как надо, никакого диссонанса не возникло, и вреда нет, однако получалось неубедительно.

Медленно и осторожно миссис Биттнер двинулась к креслу в цветочек. Вскочив, я взял у нее рюмку и подержал, пока она усаживалась.

— Спасибо. Джеймс говорил, какой вы галантный юноша. — Она посмотрела на Верити. — Вам, думаю, вряд ли доводилось совершать опро-

метчивые поступки? Такие, о которых потом жалеешь?

Она уткнулась взглядом в рюмку.

— Англиканская церковь закрывала не способные к самоокупаемости религиозные учреждения. А для моего мужа Ковентрийский собор был всем. Он потомок Ботонеров, которые возводили изначальное здание.

«И вы тоже. — Я наконец догадался, кого напоминала мне Мария Ботонер, распекавшая работника в башне. — Вы тоже из рода Ботонеров».

— Собор был смыслом его жизни. Гарольд всегда говорил, главное не стены, а то, что они олицетворяют, однако к новой постройке, при всем ее уродстве, он прикипел душой. И я подумала: если удастся принести туда что-то из старого собора, будет хорошая приманка для туристов. Они повалят толпой, и собор не придется продавать. Я боялась, что расставание с собором его просто убьет.

— Но ведь Дарби и Джентилла доказали, что из прошлого нельзя ничего вынести через сеть?

— Да, правильно. Однако я рассчитывала, раз эти вещи все равно уничтожены в своем времени-пространстве, то сеть их выпустит. Дарби и

Джентилла пытались вытащить лишь то, что благополучно пережило свое время. — Миссис Биттнер повертела в пальцах ножку рюмки. — А я была в отчаянии.

Она подняла голову.

— И вот однажды ночью я проникла в лабораторию, перебросилась в сороковой и совершила задуманное. А на следующий день мне позвонил Джеймс и сказал, что Ласситер санкционировал переброски в Ватерлоо, и если мне нужна работа… А еще… — Взгляд ее затерялся где-то в давних временах. — Еще он сообщил, что Сёдзи совершил ошеломляющий прорыв в темпоральной физике, выяснив, почему невозможно забирать что попало из прошлого: это вызывает диссонансы, меняющие ход истории, если не хуже.

— И вы попытались вернуть позаимствованное? — догадалась Верити.

— Да. Я встретилась с Сёдзи, выпытала у него о диссонансах все, что смогла выпытать, не вызывая подозрений. Дела были плохи, но самое ужасное — Сёдзи с радостью рассказывал, как после его открытия модифицировали сеть, чтобы предотвратить подобные инциденты, и как нам повезло, что до сих пор обошлось без них, поскольку мог рухнуть весь пространственно-

временной континуум.

Я оглянулся на Верити. На ее прекрасном лице, обращенном к миссис Биттнер, застыла печаль.

— Я залегла на дно, как говорят в детективах, и стала дожидаться конца света. Он наступил. Собор секуляризовали и продали Церкви грядущего, а потом устроили там торговый центр.

Она снова уткнулась взглядом в рюмку с хересом.

— Самое печальное, что все оказалось попусту. Мужу понравилось в Солсбери. Я-то боялась, что он не переживет потери Ковентрийского собора, а он вполне смирился. Он не кривил душой, называя церковные здания лишь символом, его бы даже строительство «Маркса и Спенсера» на руинах старого собора не ужаснуло. — Она ласково улыбнулась. — Знаете, что он сказал, узнав про леди Шрапнелл и проект реконструкции? «Надеюсь, на этот раз шпиль выведут ровнее».

Миссис Биттнер поставила рюмку.

— После смерти Гарольда я вернулась сюда. А две недели назад позвонил Джеймс и попросил припомнить наши давние совместные переброски, поскольку в 2018 году обнаружился очаг роста сдвигов, и он опасается, что это последствия диссонанса. Я поняла, что скоро меня выведут на

чистую воду, хоть он пока и подозревает диссонанс совсем в другом месте. — Она взглянула на нас. — Джеймс рассказал мне про кошку и Тосси Меринг. Удалось вам сосватать пра-пра-пра леди Шрапнелл за таинственного мистера К?

— Не совсем. Она вышла за него, но без нашего участия.

— Это оказался дворецкий, — пояснила Верити. — Под чужим именем.

— Ну разумеется! — Миссис Биттнер всплеснула сухими, жилистыми руками. — Классические приемы не устаревают. Дворецкий, путаница с именами, самый маловероятный подозреваемый… — она посмотрела на нас многозначительно, — … украденное письмо. Пойдемте, он на чердаке.

Мы зашагали вслед за ней по лестнице.

— Я опасалась, что перевозка натворит новых бед. — Миссис Биттнер неспешно преодолевала ступеньку за ступенькой. — Поэтому при переезде в Солсбери оставила «добычу» здесь. Припрятала получше и ни в коем случае не сдавала дом семьям с детьми — дети такие любопытные, — но все равно боялась, что кто-нибудь поднимется на чердак, найдет пенек и как-то изменит ход истории. — Она обернулась, держась за пери-

ла. — Только история и без того изменилась, да?

— Да, — подтвердил я.

Миссис Биттнер замолчала. Все ее силы уходили на подъем по лестнице. На втором этаже она провела нас по коридору мимо спальни и открыла узкую дверь еще на одну лестницу, круто уходящую вверх.

— Это чердачная, — пояснила она с легкой одышкой. — Простите. Мне нужно передохнуть немного. В спальне есть стул.

Я сбегал за ним, и она уселась.

— Может быть, принести воды? — вызвалась Верити.

— Нет, милая, спасибо. Расскажите лучше, как проявился устроенный мной диссонанс.

— Не вы одна считали епископский пенек несокрушимым, — начал я. — Такого же мнения придерживалась председательница цветочного комитета по имени…

— Гортензия Шарп, — подсказала Верити.

Я кивнул.

— Она находилась у собора в ночь налета, караулила западный портал и знала, что вынести епископский пенек не могли. Когда его не нашли ни в развалинах, ни среди спасенных пожарной охраной ценностей, мисс Шарп заключила, что

его похитили перед самым налетом, а значит, вор был в курсе предстоящей бомбардировки и надеялся поживиться под шумок. Мисс Шарп не скрывала своих подозрений…

— Даже изложила их в письме в редакцию ковентрийской газеты, — вставила Верити.

— Дальше мы, как и мисс Шарп, вступаем в область домыслов и догадок, — предупредил я. — В качестве улик у нас только свидетельство Каррадерса, список женских церковных комитетов 1940 года и пресловутое письмо в редакцию, не отыскавшееся ни в одной из газет.

Миссис Биттнер понимающе кивнула.

— Собака, которая не лаяла.

— Именно! — обрадовался я. — Фашисты взяли за правило читать газеты противника, выискивая неосторожно разглашенные ценные сведения. Наверное, письмо мисс Шарп со словами «знали о бомбежке заранее» попалось на глаза кому-нибудь из фашистской разведки, радеющему за безопасность шифровальных машин. Последующее расследование выявило, что британское верховное командование выслало в Ковентри в ночь налета истребители ВВС и пыталось заблокировать радиосигналы самолетов-разведчиков.

— И фашисты догадались про «Ультру», —

подхватила Верити, — и сменили шифры в «Энигме».

— И мы проиграли кампанию в Северной Африке, а может, сорвали высадку союзных войск…

— И фашисты победили в войне, — глухо проговорила миссис Биттнер. — Но ведь они не победили. Вы им помешали.

— Им помешал континуум, включив систему аварийных мер похитрее, чем в «Ультре», — поправил я. — Единственное, что не укладывалось в общую картину, — сдвиг на переброске Верити. Полное его отсутствие означало бы, что аварийные меры почему-то отказали, но сдвиг был, значит, система защиты работает. Однако, по теории Фудзисаки, диссонансы возникают, когда размер сдвига превышает возможности сети. В нашем же случае сеть легко могла обеспечить как четырнадцатиминутный сдвиг, так и четырехминутный — и все, никакого диссонанса. Выходит, континуум намеренно выпустил Верити именно в этот момент прошлого…

— Хочешь сказать, континуум подстроил спасение Принцессы Арджуманд?

— Да. Чтобы мы подумали, будто ты вызвала диссонанс и его нужно устранять, провели сеанс и завлекли Тосси в Ковентри, где она увидит епи-

скопский пенек и напишет в дневнике о событии, перевернувшем всю ее жизнь…

— И дневник прочитает леди Шрапнелл, — продолжила Верити, — и решит восстановить собор, и пошлет меня в Мачингс-Энд выяснять, что произошло с пеньком, чтобы я спасла кошку…

— Чтобы меня отправили ее возвращать, и чтобы потом я подслушал в «Блэкуэлле» про детективы и провел ночь в башне…

— И разгадал тайну епископского пенька, — закончила миссис Биттнер, вставая и решительно взбираясь по крутой лестнице. — И я рада, что вы ее разгадали. Нет ничего тяжелее, чем груз нераскрытого преступления на душе.

Она отворила дверь чердака.

— Меня и так уже скоро бы раскусили. Племянник вовсю уговаривает перебраться в одноэтажную квартиру.

В книгах и визиках чердаки обычно выглядят довольно живописно: велосипед, коллекция больших шляп с перьями, облезлая лошадка-качалка и, разумеется, огромный сундук, где отыскивается пропавшее завещание — или труп.

На чердаке у миссис Биттнер не было ни сундука, ни лошадки-качалки — по крайней мере в обозримом пространстве. Но они вполне могли

скрываться где-нибудь в недрах — заодно с потерянным Ковчегом Завета и пирамидой Хеопса.

— О Боже… — Миссис Биттнер в ужасе посмотрела по сторонам. — Боюсь, это скорее «Загадка Ситтафорда», а не «Украденное письмо».

— Агата Кристи, — растолковала Верити. — Улику никто не заметил, потому что она затерялась в шкафу среди клюшек для гольфа, теннисных ракеток и прочего хлама.

Прочий хлам — это мягко сказано. Комната с покатым потолком была забита под завязку картонными коробками, штабелями складных стульев, старой одеждой, висящей на горизонтальной трубе, пазлами с видом Гранд-каньона и марсианской колонии, набором для крокета, ракетками для сквоша, пыльными елочными игрушками, книгами, разнокалиберной завернутой в покрывала мебелью — и все это громоздилось друг на друге осадочными слоями.

— Не подадите вон тот стул? — попросила миссис Биттнер, указывая на пластиформовое убожество двадцатого века, примостившееся на стиральной машине. — Мне тяжело долго стоять.

Я достал его, отцепив от алюминиевых полозьев совок и несколько вешалок, а потом смахнул

пыль. Миссис Биттнер осторожно опустилась на сиденье.

— Спасибо. А еще вон ту жестянку.

Взяв поданную с почтением коробку, миссис Биттнер поставила ее на пол рядом с собой.

— И вон те большие картонные. Просто сдвиньте. Теперь эти чемоданы.

Когда в результате моих усилий образовался узкий проход, миссис Биттнер встала и направилась по нему в темноту.

— Воткните лампу. Розетка вон там. — Она показала на стену за гигантской пластиковой аспидистрой.

Я потянулся за ближайшим светильником — массивной штуковиной с большим складчатым абажуром на приземистой металлической ножке с обилием лепнины.

— Нет, не эту! Розовую.

Миссис Биттнер кивнула на извилистую штукенцию с бахромой — что-то из начала двадцать первого века. Я воткнул шнур в розетку, нажал хитроумно запрятанную кнопку, но делу это не помогло. Лампа отлично освещала бахрому и уотерхаусовское лицо Верити — больше ничего.

Миссис Биттнер, видимо, придя к такому же выводу, двинулась к отвергнутому ей лепному

страшилищу.

— «Замаскированное убийство», — сказала она.

— Камуфлирование улики под другой предмет, — пробормотала Верити, подавшись вперед.

— Именно, — подтвердила миссис Биттнер и сняла плиссированный абажур с епископского пенька.

Жаль, с нами не было леди Шрапнелл. И Каррадерса. Все это время мы искали пенек по развалинам, а он стоял здесь. Убранный на хранение, как Каррадерс и предполагал. Ни царапинки. Морские воды по-прежнему расступались перед Моисеем; Весна, Лето, Осень и Зима все так же воздевали к небу гирлянды яблочного цвета, роз, пшеничных колосьев и остролиста; голова Иоанна Крестителя на блюде с той же укоризной взирала на короля Артура и рыцарей Круглого стола. Грифоны, маки, ананасы, птицы-тупики, битва у Гладсмура — все целое, невредимое и даже не запылившееся.

— Как леди Шрапнелл обрадуется! — Верити протиснулась между коробками, чтобы посмотреть поближе. — Ой! Наверное, эта сторона была повернута к стене. Что это? Веера?

— Раковины. С названиями самых важных мор-

ских сражений. Лепанто, Трафальгар, Лебединая битва…

— Ну как тут догадаться, что он способен изменить историю? — проговорила миссис Биттнер, глядя на Ананию, Азарию и Мисаила, корчащихся в огненной пещи. — Его ведь даже время не красит. Как и памятник Альберту.

— У них много общего, — согласилась Верити, поглаживая пальцем слона.

— Не знаю. — Я склонил голову набок. — Что-то в нем определенно есть симпатичное.

— У него перебросочная контузия, — пояснила Верити. — Нед, этот слон тащит воз ананасов и яблок орлу с рыбной вилкой.

— Это не рыбная вилка, а пылающий меч, — возразил я. — И не орел, а архангел, стерегущий Райские врата. А может, ворота зоопарка.

— Он и в самом деле кошмарен, — признала миссис Биттнер. — О чем я только думала? Наверное, после всех прыжков туда-сюда у меня тоже приключилась перебросочная болезнь. И дыма в соборе было порядком.

Верити перевела озадаченный взгляд на нее, потом на меня.

— Сколько же раз вы туда перебрасывались? — спросила она наконец.

— Четыре, — ответила миссис Биттнер. — Нет, пять. Первый не в счет, я опоздала — уже весь неф горел, дыму наглоталась до полусмерти. До сих пор с легкими проблемы.

Верити смотрела на нее во все глаза, осмысливая услышанное.

— Вы пять раз перебрасывались в собор?

Миссис Биттнер кивнула.

— У меня были считаные минуты между уходом пожарной охраны и моментом, когда огонь уже было не унять, а из-за сдвига я каждый раз попадала позже необходимого. Так что всего на пять раз и хватило.

Верити изумленно повернулась ко мне.

— Подайте мне вон ту шляпную картонку, — попросила ее миссис Биттнер. — Во второй раз меня чуть не поймали.

— Это был я. Я видел, как вы бежали в алтарь.

— Вы? — Она засмеялась, прижав руку к груди. — А я решила, что это настоятель Говард и сейчас меня арестуют за мародерство.

Приняв из рук Верити картонку, миссис Биттнер принялась шуршать оберточной бумагой.

— Пенек я прихватила в последний заход. Я пробиралась к Кузнечной капелле, но она уже горела. Тогда я перебежала в Капеллу красиль-

щиков напротив и схватила с алтаря бронзовые подсвечники. Они оказались раскаленными, один я уронила, и он закатился под скамью.

А я-то думал, его туда зашвырнуло взрывной волной…

— Я полезла за ним, — продолжала миссис Биттнер, непринужденно шурша папиросной бумагой, — но стропила уже рушились, поэтому я кинулась обратно в главный неф и увидела, что орган в огне и все кругом в огне — и резьба, и хор, и алтарь, весь этот красавец собор — и я не смогу ничего спасти. Я не думала, я просто схватила первое, что подвернулось под руку, и помчалась к сети, расплескивая воду вместе с хризантемами. — Она развернула толстый куль папиросной бумаги и продемонстрировала бронзовый подсвечник. — Поэтому он остался без пары.

Мистер Дануорти называл ее бесстрашной. Что есть, то есть. Раз за разом уворачиваться от рушащихся стропил и падающих зажигалок, когда сеть открывается куда заблагорассудится и неизвестно, откроется ли снова и не обвалится ли крыша… Я смотрел миссис Биттнер с нескрываемым восхищением.

— Нед, — скомандовала она, — принесите мне вон ту картину. Которая в покрывале.

Я принес. Миссис Биттнер потянула за угол, и ткань поползла вниз, являя на свет Христа с заблудшей овцой на руках. Верити стиснула мою руку.

— Остальные вещи вон там, — показала миссис Биттнер. — Под пленкой.

Там они и были. Вышитая напрестольная пелена из Кузнечной капеллы. Гравированный оловянный потир. Деревянный ларь шестнадцатого века. Статуэтка святого Михаила. Средневековая эмалевая дароносица. Серебряный канделябр со свечами. Резной мизерикорд с изображением семи деяний милосердия. Шпалера из Капеллы вязальщиков. Георгианское блюдо для Святых Даров. И деревянный крест из Капеллы ременщиков — с коленопреклоненным ребенком у основания.

Все сокровища Ковентрийского собора.

Глава двадцать восьмая

Харрис сказал, что, на его взгляд, лабиринт очень занятный, и мы условились на обратном пути заманить туда Джорджа.

«Трое в лодке» Джером К. Джером

Доставка — Финч тянет время — Леди Шрапнелл пропала — Осознание в полной мере — Письмо — Тайна Принцессы Арджуманд разгадана — Предложение на английском — Причины вступить в брак — Тайна задания Финча разгадана — Новая тайна — Леди Шрапнелл видит епископский птичий пенек — Землетрясение в Сан-Франциско — Судьба — Счастливый конец

Первой пришла в себя Верити.

— До освящения сорок пять минут, — простонала она, взглянув на часы. — Мы не успеем.

— Успеем, — заверил я, хватая наладонник и набирая номер мистера Дануорти. — Мы все добыли. Нам срочно нужно в Оксфорд. Вы можете

прислать вертушку?

— Ожидается принцесса Виктория, — ответил мистер Дануорти невпопад.

— Меры безопасности, — разъяснила Верити. — Никаких вертушек, самолетов и зуммеров.

— Тогда наземное что-нибудь, — попросил я.

— Метро все равно быстрее. Везите на метро.

— Мы не можем. Нам нужно по меньшей мере… — Я окинул взглядом сокровища, которые Верити уже спускала по чердачной лестнице. — От двухсот семидесяти до трехсот кубических футов багажного объема.

— Для епископского пенька? — удивился мистер Дануорти. — Он что, разросся?

— Объясню по прибытии. — Я продиктовал ему адрес миссис Биттнер. — И грузчики тоже не помешают, лучше прямо у входа. Ни в коем случае не начинайте освящение до нашего приезда. Финч там?

— Нет, в соборе.

— Пусть тянет время. Да, и по возможности держите леди Шрапнелл в неведении. Перезвоните, пожалуйста, как только договоритесь насчет транспорта.

Я сунул наладонник в карман блейзера, подхватил епископский пенек и направился вниз.

Наладонник зазвонил.

— Нед! — рявкнул он голосом леди Шрапнелл. — Где вы пропадали? До освящения меньше сорока пяти минут!

— Знаю. Мы скоро будем, но нам необходим транспорт. Вы можете организовать грузовик? Или грузовой вагон метро?

— В грузовые пассажиров не сажают, — отвергла мой вариант леди Шрапнелл, — а с пенька нельзя спускать глаз ни на секунду. Он уже один раз пропал, я не хочу потерять его снова.

— Я тоже.

Едва я нажал отбой и сгреб в охапку пенек, как наладонник запиликал снова. Мистер Дануорти.

— Вообразите, что она теперь придумала! Требует доставить пенек к ближайшей сети и перебросить на два дня назад — мол, его надо почистить и отполировать перед освящением.

— Вы ей объяснили, что это невозможно, поскольку предмет не способен находиться в двух местах одновременно?

— Разумеется, объяснил, на что она сказала…

— «Законы создаются, чтобы их нарушать», — понимающе закончил я. — Знаю. Вы пришлете грузовик?

— В Ковентри не осталось ни одного, леди Шрап-

нелл забронировала на церемонию весь грузовой транспорт из четырех окрестных графств. Каррадерс обзванивает бюро проката автомобилей и соларов.

— Но нам позарез нужно триста кубических футов… А из Оксфорда нельзя пригнать грузовик?

— Принцесса Виктория, — вздохнул мистер Дануорти. — На дорогу полдня уйдет.

— Из-за пробок, — расшифровала Верити.

— Если грузовик рискует застрять в пробках, мы-то как к собору пробьемся?

— К вашему приезду рассосутся. О, хорошо, — произнес он куда-то в сторону. — Каррадерс дозвонился до проката.

— Это радует. Только солар не берите, — спохватился я. — Здесь пасмурно; похоже, польет с минуты на минуту.

— Боже. А леди Шрапнелл желает, чтобы на церемонии было солнце.

Следующий звонок настиг нас с пеньком на втором этаже. Снова мистер Дануорти.

— Высылаем автомобиль.

— В автомобиле не хватит места… — начал я.

— Будет через десять минут. Ти-Джей хочет с вами поговорить о диссонансе.

— Передайте, что поговорим, когда вернусь.

Я нажал отбой. Наладонник зазвонил. Я отключил его и благополучно донес пенек до тесной прихожей, уже загроможденной вещами.

— Через десять минут приедет транспорт, — известил я Верити и завернул в гостиную к миссис Биттнер.

— Нас доставят на освящение на машине, — обрадовал я хозяйку, застывшую в цветочном кресле. — Принести ваше пальто? И сумку?

— Нет, спасибо, — ответила она тихо. — Вы уверены, что епископский пенек стоит являть миру? Он не изменит историю?

— Он уже изменил. И вы тоже. Вы ведь представляете, что все это значит? Благодаря вам обнаружена категория предметов, которые можно выносить из прошлого! Мало ли погибших в огне сокровищ… Шедевры искусства, книги…

— Труды сэра Ричарда Бертона, — оживилась миссис Биттнер. — После его смерти их сожгла жена. Из любви к нему.

Я присел на диван.

— Вы не хотите, чтобы мы забирали пенек?

— Нет-нет. — Она покачала седой головой. — Забирайте. Он часть собора.

— Вы сделали прошлое менее безвозвратным. — Я с благодарностью сжал ее руки.

— Отчасти, — прошелестела она. — Вам, наверное, лучше перенести остальные вещи вниз.

Я кивнул и отправился на чердак. Навстречу мне спускалась Верити, бережно неся на вытянутых руках шпалеру вязальщиков.

— Просто поразительно, — произнесла она голосом миссис Меринг, — какие сокровища пылятся порой на чердаках.

Рассмеявшись, я двинулся выше. Переправил вниз детский крест, блюдо для Святых Даров и, пыхтя, поволок деревянный ларь шестнадцатого века.

— Машина приехала! — крикнула Верити с первого этажа.

— Не солар? — уточнил я.

— Нет. Катафалк.

— С гробом?

— Без.

— Хорошо, тогда должно войти, — ответил я, вытаскивая ларь.

Катафалк оказался древним тарантасом на ископаемом топливе и выглядел так, словно его заездили в Пандемию, но зато он был вместительный и открывался сзади. Водитель во все глаза уставился на груду сокровищ.

— Барахолку устраиваете?

— Да, — ответил я, заталкивая ларь в кузов.

— Все не влезет, — предупредил водитель.

Поднатужившись, я протолкнул ларь как можно дальше и забрал у Верити серебряный подсвечник.

— Влезет. Я спец по загрузке. Теперь вот это.

Поместилось все, хотя статуэтку святого Михаила пришлось уложить на переднее сиденье.

— Миссис Биттнер можно устроить рядом с водителем, — сказал я Верити, — но нам с тобой придется ехать в кузове.

— А пенек куда?

— Возьму на колени.

Я вернулся в гостиную.

— Машина загружена. Вы готовы? — спросил я, хотя видно было, что не готова.

Миссис Биттнер сидела в цветочном кресле, не двигаясь с места.

— Все же останусь, — покачала она головой. — Бронхит…

— Останетесь? — удивилась возникшая в дверях Верити. — Но ведь это вы спасли все сокровища. Вы должны увидеть их в соборе!

— Я уже видела их в соборе. Краше, чем в ту ночь под огнем, они не станут.

— Ваш муж наверняка порадовался бы вашему

присутствию на церемонии, — настаивала Верити. — Он любил этот собор.

— Это всего лишь символ чего-то более грандиозного, — ответила миссис Биттнер. — Как и континуум.

Водитель просунул голову в дверь.

— Вы вроде говорили, что торопитесь?

— Сейчас идем, — бросил я через плечо.

— Пожалуйста… — Верити опустилась на колени у кресла. — Вы должны там быть!

— Глупости, — не согласилась миссис Биттнер. — Разве разоблаченные сопровождали Гарриет и лорда Питера в свадебное путешествие? Нет. Разоблаченных оставляют поразмыслить над содеянным, осознать последствия своего проступка — этим я и займусь. Хотя в моем случае последствия оказались неожиданными. С ними еще нужно свыкнуться. Я-то столько лет носила власяницу и посыпала голову пеплом.

Она одарила нас мимолетной улыбкой — и я сразу понял, отчего теряли голову Джим Дануорти, Сёдзи Фудзисаки и Битти Биттнер.

— Вы точно не поедете? — спросила Верити сквозь подступающие слезы.

— На следующей неделе. Когда бронхит отступит. И тогда вы устроите мне персональную

экскурсию.

— Кому-то к одиннадцати нужно быть в Оксфорде, — окликнул нас водитель. — Уже не получится.

— Получится, — заверил я, помогая миссис Биттнер подняться, чтобы она проводила нас до машины.

— С вами правда все будет в порядке? — забеспокоилась Верити.

Миссис Биттнер ласково похлопала ее по руке.

— В полном. Я и не надеялась, что все так счастливо разрешится. Союзники победили во Второй мировой, — она снова улыбнулась, как Зулейка Добсон, — а я избавила чердак от жуткого епископского пенька. Что может быть лучше?

— Крест загораживал мне заднее стекло, так что я перетащил его вперед, — предупредил водитель. — Вам обоим придется ехать в кузове.

Сказав миссис Биттнер «спасибо», я поцеловал ее в щеку и забрался в машину. Поданный водителем пенек я пристроил на колени, Верити уселась напротив меня, помахала миссис Биттнер, и мы понеслись.

Я включил наладонник и позвонил мистеру Дануорти.

— Мы едем. Будем минут через сорок. Передай-

те Финчу, чтобы еще потянул время. Грузчиков нашли?

— Да, — ответил мистер Дануорти.

— Хорошо. Архиепископ уже там?

— Нет, зато леди Шрапнелл бушует. Допытывается, где вы разыскали пенек и какие в него ставить цветы. Надо ведь внести в чинопоследование.

— Передайте, что желтые хризантемы.

Я отключился.

— Вот и все, — сообщил я Верити.

— Не совсем, Шерлок. — Она привалилась к борту катафалка, обхватив колени руками. — Кое-что еще требует объяснения.

— Пожалуй. Ты и в самом деле разгадала тайну «смежного задания» Финча? Чем он все-таки занимался?

— Возвращением несущественных для истории объектов.

— Да? Но ведь мы об этой возможности узнали только сейчас. И потом, несущественные объекты к нашему диссонансу отношения не имеют, как выяснилось.

— Правильно. Однако неделю с лишним мистер Дануорти и Ти-Джей думали иначе и перебирали способы выпутаться.

— Ни в Мачингс-Энде, ни в Иффли за время нашего пребывания ничего не сгорело. Что же Финч оттуда возит? Капусту?

Зазвонил наладонник.

— Нед, — рявкнула мне в ухо леди Шрапнелл, — где вы?

— Едем. Между… — Я наклонился к водителю. — Мы где?

— Между Банбери и Аддербери.

— Между Банбери и Аддербери, — повторил я в наладонник. — Спешим изо всех сил.

— Я так и не услышала внятных объяснений, почему нельзя отправить его в прошлое для чистки. Насколько было бы проще! Как он, не испортился?

Что на это ответить?

— Торопимся вовсю, — повторил я и отключил связь.

— Теперь моя очередь задавать вопросы, — воспользовалась моментом Верити. — И вот чего я не понимаю: каким образом появление Тосси в Ковентри пятнадцатого июня, созерцание епископского пенька и последующая любовь к Бейну устранили диссонанс?

— Это не они. Тосси нужна была там для другого.

— Но ведь именно она, восхитившись пеньком, вдохновила леди Шрапнелл восстановить собор и послать меня в прошлое читать дневник, благодаря чему я спасла Принцессу Арджуманд…

— Да, это все часть самокоррекции. Однако главное, зачем Тосси понадобилась там именно пятнадцатого, — чтобы ее застали за флиртом с преподобным Бредни.

— О! — догадалась Верити. — Та девушка с перочистками.

— Молодец, Гарриет! Девушка с перочистками. Которую звали мисс Гортензия Шарп.

— Руководительница цветочного комитета.

— Уже нет. Помнишь, как ее задело, что Тосси строит глазки преподобному? Обиженно подхватив свои перочистки, она гордо задрала длинный нос и удалилась по Бейли-лейн. Я видел перед самым отъездом, как преподобный кинулся за ней вдогонку. Дальше я могу лишь догадываться, но подозреваю, что не обошлось без объяснений и слез, и преподобный поспешил предложить ей руку и сердце. А женившись, он получил приход и стал викарием где-нибудь в сельской глуши.

— Поэтому ты просил список приходов?

— Замечательно, Гарриет! Бредни оказался даже расторопнее, чем я думал: женился на Гор-

тензии в 1891-м, и уже на следующий год его определили викарием в Нортумберленд.

— А значит, вечером четырнадцатого ноября сорокового года нашей проныры в Ковентри и близко не было, — заключила Верити. — И она не интересовалась судьбой епископского пенька, занятая барахолками и сбором утиля в собственном приходе.

— И не писала писем в редакцию. А остальные просто решили, что пенек сгорел при пожаре.

— И за тайну «Ультры» можно было какое-то время не опасаться. — Верити наморщила лоб. — Получается, все это — и спасение Принцессы, и наша поездка в Оксфорд к мадам Иритоцкой, и то, что ты помешал Теренсу встретить Мод, зато одолжил ему денег на лодку, и сеанс, и все остальное — требовалось для самокоррекции? Все-все?

— Все, — подтвердил я, а потом задумался.

Насколько же сложной была самокоррекция, и до каких пределов доходит это «все»? Вражда профессоров Преддика и Оверфорса считается? А Общество психических исследований? А коробочка из-под засахаренных фиалок, пожертвованная на барахолку? А дамы в мехах из «Блэкуэлла»?

— Все равно не понимаю, — призналась Верити. — Есть куда более простые способы помешать

Гортензии Шарп написать письмо в редакцию.

— Мы имеем дело с хаотической системой, — напомнил я. — Все взаимосвязано. Даже крохотное изменение требует глубокого вмешательства.

Хотя… Насколько глубокого? Люфтваффе тоже участвовало? А Агата Кристи? А погода?

— Нед, я знаю про хаос. Но ведь там бомбы сыпались! Если самокоррекция — автоматический процесс, то прямое попадание сгладило бы диссонанс куда быстрее и надежнее, чем какие-то хитроумные манипуляции с кошками и поездками в Ковентри.

Да, прямое попадание фугаса за секунду устранило бы любую угрозу тайне «Ультры» со стороны Гортензии Шарп, причем без всяких последствий. В ту ночь в Ковентри погибло больше пятисот человек.

— Может, Гортензии Шарп или кому-то из тех зевак у западного портала предназначалась еще какая-то роль в истории, — предположил я, думая о толстяке дежурном ПВО и женщине с двумя детьми.

— Да нет, я не про Гортензию. Я про епископский пенек. Прямое попадание в Кузнечную капеллу — и даже мисс Шарп охотно верит, что пенек погиб, и никаких писем не пишет. Либо

прямой удар еще до переброски Лиззи Биттнер — тогда диссонансу просто не из чего возникать.

Верити права. Прямое попадание — и никаких забот. Разве что фугас натворил бы еще больших бед. Или епископский пенек еще не выполнил свою историческую функцию. Или у континуума нашлись другие, более веские и труднопостижимые причины именно для такой коррекции.

Планы, намерения, причины… «Так и знал! — раздался в ушах голос профессора Оверфорса. — Вы сторонник теории высшего замысла!»

Высшего замысла, который нам сложно постичь, поскольку мы сами являемся его частью. Высшего замысла, который приоткрывается нам лишь на миг, мимолетно. Высшего замысла, который охватывает весь ход истории, все время и пространство, весь континуум, по каким-то неведомым причинам предпочитающий действовать через кошек, крокет и перочистки. Не считая собаки. И жуткого образчика викторианского искусства. И нас.

«Историю движет личность, характер», — утверждал профессор Преддик. Чего-чего, а личностей с характером в этой истории хватило: и преданная мужу Лиззи Биттнер, и полковник, разгуливающий без пальто под дождем, и люби-

тельница кошек Верити, и любительница рыбы Принцесса Арджуманд, и вспыльчивый Гитлер, и легковерная миссис Меринг… И я со своей перебросочной болезнью. Если все мы — элементы самокоррекции, то как сюда вписывается свобода воли? Или свобода воли — тоже составная часть замысла?

— Я еще кое-чего не понимаю, — вмешалась в мои раздумья Верити. — Диссонанс исчез, когда Тосси сбежала с Бейном, так?

Я кивнул.

— Тогда почему мы видели Гортензию Шарп у собора во время налета? Ведь если верить Ти-Джею, после устранения диссонанса вероятности должны сливаться в один истинный ход событий?

— Потому что в момент нашего попадания в сороковой год диссонанс еще существовал. Бейн кинул Тосси в реку, но побег из дома пока не совершился.

— Ну как же не совершился? Они сбежали восемнадцатого июня 1888 года. После поцелуя с Бейном побег и замужество были предопределены — так зачем же понадобилось посылать нас в Ковентри? Явно не для того, чтобы Тосси улизнула без лишних помех.

На это я знал ответ.

— Чтобы найти епископский пенек. Не увидев блокированные двери и пустую подставку, я бы не догадался про Лиззи Биттнер.

— Но зачем? — озадаченно наморщила лоб Верити. — Континуум мог сгладить диссонанс и не заботясь о том, чтобы мы нашли пенек.

— Сжалился? — предположил я. — Понимал, что леди Шрапнелл меня прикончит, если я не найду пенек до освящения?

И опять она права. Епископский пенек мог до скончания веков покрываться пылью у миссис Биттнер на чердаке, раз диссонанс ликвидирован и фашисты не догадались про «Ультру». Зачем же было отправлять меня в лабораторию 2018 года, в «Блэкуэлл» и под бомбы и давать такие очевидные подсказки, если не имело никакого значения, найдут епископский пенек или нет? Может, его обнаружение после смерти миссис Биттнер вызвало бы еще какой-нибудь диссонанс? Или он зачем-то требуется именно сейчас — на освящении собора?

— Мы почти в Оксфорде, — предупредил водитель. — Куда ехать?

— Минутку, — попросил я и позвонил мистеру Дануорти.

Ответил Финч.

— Слава Богу, — выдохнул он. — Езжайте по Паркс-роуд, потом по Холиуэлл и Лонгуолл, оттуда по Хай-стрит на юг и там по прямой к мертоновскому стадиону. Будем ждать вас у входа в ризницу. Знаете, где это?

— Да. Слышали? — посмотрел я на водителя.

Он кивнул.

— Так вы в собор все это везете?

— Да.

— По мне так пустая трата времени и денег, это строительство. Ну на кой нужен собор?

— О, вы себе не представляете, — ответила Верити.

— Вот здесь сверните, — показал я, ища взглядом мертоновскую пешеходную калитку. — Финч, мы на месте, — произнес я в наладонник, а водителю скомандовал: — В объезд к восточному торцу. Вход в ризницу на южной стороне.

Он остановил катафалк почти у самых ступеней, куда Финч уже подогнал человек десять нас встречать. Один из них открыл заднюю дверь, Верити выбралась и начала раздавать указания.

— Напрестольную пелену — в Кузнечную капеллу, этот подсвечник тоже. Только не перепутайте реконструированные копии с подлинниками.

Нед, передай мне шпалеру.

Я подал ее на вытянутых руках, и Верити понесла бархатное полотнище внутрь.

— Финч, вы где? — поинтересовался я в наладонник.

— Здесь, сэр, — ответил Финч, возникая в проеме багажной двери — по-прежнему во фраке дворецкого, только с сухим рукавом.

Я вручил ему эмалевую дароносицу.

— Освящение еще не началось?

— Нет, сэр. На Сент-Олдейт образовался непредвиденный затор: всю улицу перегородили пожарные машины и неотложки. Досадное недоразумение, — с каменным лицом сообщил он, — но разобраться и расчистить дорогу удалось не сразу. Почти час никто не мог пробиться к Крайст-Черчу и лугу с собором. А потом задержался епископ. Его водитель свернул не туда и укатил аж в Иффли. Теперь же возникла какая-то путаница с билетами.

— Дживс бы вами гордился! — восхищенно покачал я головой. — А Бантер тем более. И восхитительный Крайтон.

Я выгрузил епископский пенек.

— Забрать его, сэр?

— Нет, я сам отнесу. — Я показал подбородком

на детский крест. — А это в Капеллу ременщиков. Статую святого Михаила — в хор.

— Да, сэр. Вас ищет мистер Льюис. Хочет что-то обсудить касательно континуума.

— С радостью, — пропыхтел я, выкорчевывая из общей кучи мизерикорд. — Когда переведем дух.

— Да, сэр. А мне, сэр, нужно поговорить с вами насчет моего задания.

— Намекните пока, — не удержался я, высвобождая наконец мизерикорд и протягивая двум первокурсникам. — Ваше задание состояло в том, чтобы извлекать из прошлого несущественные объекты?

— Ни в коем случае! — оскорбился Финч.

— А где леди Шрапнелл, вы не знаете?

— Минуту назад была в ризнице, сэр. — Он посмотрел на небо. — Боже мой, кажется, всерьез собирается дождь. Тогда как леди Шрапнелл хотела полного соответствия с погодой в день налета.

Я вошел с епископским пеньком в ризницу. Очень, кстати, символично: он возвращается в собор через ту же дверь, через которую настоятель Говард спасал подсвечники, крест и полковое знамя. Ковентрийские сокровища.

— Где леди Шрапнелл? — обратился я к знакомой девушке-историку из колледжа Иисуса.

Она пожала плечами и покачала головой.

— Нет, — ответила она кому-то в алтаре. — Нам еще нужны молитвенники для последних пяти рядов в северном нефе. И три Книги общественного богослужения.

Я направился в хор. А попал в хаос. Там все суетились, бегали, перекрикивали друг друга и громкий стук молотков из Капеллы торговцев тканями.

— Кто взял Апостольские послания? — воззвал с амвона помощник священника. — Только что здесь были!

Орган разразился громогласным аккордом, за которым последовали начальные ноты гимна «Пути Господни неисповедимы». Худощавая женщина в зеленом переднике ставила длинные розовые гладиолусы в медную вазу перед противоположным амвоном, а толстушка в очках обходила всех по очереди с листком бумаги в руках и что-то выясняла. Возможно, тоже разыскивала леди Шрапнелл.

Орган умолк, и органист пожаловался кому-то в клерестории: «Фанфарный регистр не работает!» Хористы в льняных альбах поверх красных сутан слонялись без дела. Видимо, Уордер все-таки на кого-то спихнула отпаривание.

— Не понимаю, зачем сейчас доделывать изнанку хоровых скамей, — наморщив длинный нос, сочувственно говорила светловолосая девушка парню, наполовину скрывшемуся под скамьей, так что только ноги торчали. — Ее со стороны все равно не видно.

— «Рассуждать не наше дело, — процитировал парень. — Наше дело — исполнять, побеждать иль погибать»[68]. Подай лазер, пожалуйста.

— Простите, вы не знаете, где леди Шрапнелл? — отвлек я их.

— Последний раз видел ее в Капелле мануфактурщиков, — откликнулся парень из-под скамьи.

Но ее не оказалось ни там, ни в алтаре, ни наверху в клерестории. Я спустился обратно в неф.

Там сидел Каррадерс, складывая программки чинопоследования.

— Леди Шрапнелл не видел?

— Только что здесь была, — буркнул он. — А мне теперь возись с бумажками. Решила в последнюю минуту перепечатать. — Он поднял голову. — Мама родная, ты его нашел! И где он прятался?

— Долгая история. Куда подевалась леди Шрап-

---

[68] Примечания: 68

Теннисон, Альфред. Атака легкой кавалерии.

нелл?

— В ризнице. Стой, спрошу, пока ты здесь: как тебе Пегги?

— Пегги?

— Уордер. Есть ли на свете девушка прелестнее?

— Ты еще не сложил программки? — воскликнула легкая на помине Уордер. — Леди Шрапнелл велела срочно отдать их служкам!

— Где она? — встрепенулся я.

— В Капелле торговцев.

Я помчался туда, но не нашел ее ни там, ни в баптистерии, а у западных дверей назревала какая-то суматоха. Похоже, придется возвращать епископский пенек на место самому.

Я понес его к Кузнечной капелле, думая, что теперь наверняка исчезнет кованая подставка, но нет, она стояла на прежнем месте, у ограды. Я аккуратно водрузил на нее свою ношу.

Цветы. Нужны цветы. Я завернул к амвону, где возилась женщина в зеленом переднике.

— В вазу у ограды Кузнечной капеллы требуются цветы. Желтые хризантемы.

— Желтые хризантемы! — всполошилась она, хватая наладонник. — Вас леди Шрапнелл прислала? В чине службы никаких желтых хри-

зантем не заявлено!

— Уточнили в последнюю минуту. Вы, случайно, не видели леди Шрапнелл?

— В Капелле ременщиков, — ответила она, втыкая гладиолусы в вазу. — Хризантемы! Где я сейчас добуду желтые хризантемы?

Я поспешил по трансепту на другую сторону, лавируя между хористами и профессорами в мантиях.

— Так! — инструктировал молодой человек, как две капли воды похожий на преподобного Арбитиджа. — Порядок следующий! Сперва кадильница, затем хор. Потом сотрудники исторического факультета, по колледжам. Мистер Рэнсом, где ваша мантия? Было четко сказано: парадная форма!

Я проскользнул за спинкой скамьи в северный неф, двинулся вдоль колонн — и увидел мистера Дануорти.

Он стоял у входа в Капеллу ременщиков, опираясь на арку. На моих глазах из его руки выпал и порхнул на пол листок бумаги.

— Что такое? Вам плохо? — Встревожившись, я подставил ему плечо, отвел на ближайшую скамью и сам сел рядом, подобрав выпавший листок. — А это что?

Мистер Дануорти слабо улыбнулся.

— Взглянул на детский крест, — проговорил он, показывая на Капеллу ременщиков. — И только сейчас наконец понял. Мы так заняты были устранением диссонанса, вытаскиванием Каррадерса, заданием Финча, что до сих пор я даже не осознавал в полной мере масштабы нашего открытия. Я тут составлял список…

Он показал на бумагу в моей руке, и я заскользил взглядом по строчкам.

Лиссабонская библиотека. Лос-Анджелесская публичная библиотека. «Французская революция» Карлейля. Александрийская библиотека.

— Все погибли в огне. А единственный экземпляр «Французской революции» по ошибке сожгла служанка. — Он забрал у меня листок. — Это я навскидку набросал, первое, что за пару минут в голову пришло. Собор Святого Павла был превращен в пыль точечной бомбой. Погиб целиком. И «Светоч мира», и могила Нельсона, и статуя Джона Донна. Только представьте, что можно было бы…

— Мистер Дануорти, — позвал его подошедший помощник священника. — Вас ждут в строю.

— Вы не видели леди Шрапнелл? — обернулся я.

— Только что была в Капелле мануфактурщиков. Мистер Дануорти, вы готовы?

— Да. — Он снял профессорскую шапочку, сунул список за подкладку и надел обратно. — Ко всему готов.

Я поспешил в Капеллу мануфактурщиков. Трансепт запрудили профессора в черных мантиях, а в хоре разорялась Уордер, пытаясь выстроить певчих.

— Нет, даже не вздумайте! — кричала она. — Никому не садиться! Вы помнете альбы, а я их только-только отпарила! Постройтесь все в ряд, вы что, считаете, у меня времени вагон?

Я просочился мимо нее в капеллу. Там у витража стояла Верити с каким-то листком бумаги в лилейных руках.

— Что это? — поинтересовался я. — Программка?

— Нет. Помнишь, когда обнаружилось письмо от Мод, я попросила криминалистку проверить, вдруг и Тосси с кем-нибудь еще переписывалась. И мне нашли вот это.

— Вовремя… Зато здесь она, конечно, зовет Бейна по имени?

— Нет, по-прежнему «дорогой муж». А себя — Тутс. Но все равно занятного много, — присажи-

ваясь на резную скамью, сообщила Верити. — Вот послушай: «Мой дорогой Теренс…»

— Теренс? С какой стати она любезничает с Теренсом?

— Он ей первым написал, но его письмо до нас не дошло. А это ответ Тосси.

— Теренс ей писал?

— Да. Так вот, слушай: «Мой дорогой Теренс! Не передать словами, как обрадовало меня Ваше послание от третьего числа». «Обрадовало» подчеркнуто. «Я уже потеряла всякую надежду узнать в этой жизни о судьбе моей драгоценной Принцессы Арджуманд». «В этой жизни»…

— Подчеркнуто, — догадался я.

— И два восклицательных знака. «Мы уже вышли в открытое море, когда я обнаружила, что ее с нами нет. Мой возлюбленный супруг всеми средствами убеждал капитана тотчас же повернуть обратно, но тот жестокосердно отказался, и я уже думала, что не увижу свою дусечку-пусечку Жужу до конца дней и ее Судьба останется для меня тайной». Подчеркнуто почти все, а «судьба» — с большой буквы. «Вы не представляете, как счастлива я была прочитать Ваше письмо. Я смертельно боялась, что она лежит в соленой пучине, и какой же радостью было узнать, что

она не только жива, но и рядом с Вами!»

— Что? — изумился я.

— Дальше подчеркнуто все сплошь. «Вообразите только: моя нежная лапусечка проехала из Плимута до самого Кента, хотя Мачингс-Энд был бы куда ближе! Но, может статься, это и к лучшему. Маменька пишет, что папенька недавно приобрел золотистого вуалехвостого рюкина. И я знаю, что в Вашем доме ей будет хорошо. Благодарю за любезное предложение переслать мне Принцессу Арджуманд с Доусоном, но мы с возлюбленным мужем сошлись во мнении, что при ее неприязни к воде ей лучше оставаться под Вашей опекой. Я не сомневаюсь, что Вы и Ваша невеста Мод будете любить и лелеять ее не меньше моего. Маменька писала мне о Вашей женитьбе. Хотя этот шаг кажется мне несколько скоропалительным и я искренне надеюсь, что он не был совершен сгоряча, я несказанно рада, что Вы смогли забыть меня, и горячо желаю Вам такого же счастья, как у нас с моим возлюбленным супругом! Поцелуйте за меня Принцессу Арджуманд в розовую носюлечку и передайте, что ее мамусечка вспоминает свою лапупусечку каждый-прекаждый денюсечек. С благодарностью, Тутс Каллахан».

— Бедный Сирил, — вздохнул я.

— Ерунда, — отмахнулась Верити. — Они были созданы друг для друга.

— Как и мы.

Верити отвела глаза.

— Так что, Гарриет? Кажется, мы с вами неплохо сработались. Не узаконить ли нам свой союз?

— Нет! — донесся до нас вопль Уордер. — Я ведь просила не садиться! Посмотрите, какое все мятое — это же лен!

— Так что, Ватсон? — повторил я. — Что скажешь?

— Не знаю, — горестно покачала головой Верити. — А если это перебросочная контузия? Погляди на Каррадерса — ему кажется, что он влюблен в Уордер…

— Даже не заикайся! — рявкнула Уордер на какого-то мальчишку. — Об этом надо было думать до того, как надевать альбу!

— Видишь? — Верити смотрела на меня испытующе. — Вдруг теперь, когда все позади, ты наконец выспишься, вылечишься от перебросочной болезни и поймешь, что это было лишь досадное наваждение?

— Глупости, — ответил я, оттесняя ее в угол. — А еще вздор, чушь собачья, ерунда, бредни, чепуха

и пфуй! Да, ахинея еще! Во-первых, ты прекрасно знаешь: когда я увидел тебя в самом начале — ты выжимала мокрый рукав на ковер у мистера Дануорти, — все было в точности по «Волшебнице Шалот». Рвущаяся ткань, бьющиеся зеркала, осколки веером и клочья по ветру.

Я навис над ней, упираясь рукой в стену.

— Во-вторых, это твой долг перед родиной.

— Перед родиной?

— Да. Мы ведь элементы самокоррекции, помнишь? Кто знает, какие катастрофы могут грянуть, если мы не поженимся? Фашисты догадаются про «Ультру», леди Шрапнелл начнет вместо нас финансировать Кембридж, континуум рухнет…

— Вот вы где! — воскликнул Финч, спеша к нам с наладонником и большой картонной коробкой. — Повсюду вас ищу. Мистер Дануорти распорядился вам с мисс Киндл выдать обязательно, только я не знаю, один вас устроит или два.

О чем он, я понятия не имел, однако неделя в викторианской эпохе научила не обращать внимания на такие мелочи.

— Один, — попросил я.

— Да, сэр. Один, — произнес он в наладонник и отложил его на постамент. — Мистер Дану-

орти говорит, что за неоценимые заслуги вам предоставляется право первоочередного выбора. Предпочтения имеются? — осведомился он, открывая коробку.

— Да, — ответила Верити. — Черную. С белыми лапами.

— Что? — растерялся я.

— Я же говорила, Финч извлекает из прошлого несущественные объекты.

— Я бы не назвал их несущественными, — возразил Финч, вытаскивая из коробки котенка.

Точная копия Принцессы Арджуманд — вплоть до панталончиков на задних лапах, — только в миниатюре.

— Но откуда? Как? Кошки ведь вымерший вид.

— Да, сэр, — передавая котенка Верити, подтвердил Финч. — Однако в викторианские времена их был переизбыток, отчего фермеры частенько топили выводки, пытаясь сократить поголовье.

— А когда я вынесла через сеть Принцессу Арджуманд, — подхватила Верити, гладя котенка на ладони, — Ти-Джей с мистером Дануорти решили проверить, насколько несущественными для истории окажутся закинутые в мешке в пруд новорожденные котята.

— И вы рыскали по усадьбам и фермам в поис-

ках беременных кошек, — догадался я, заглядывая в коробку. Там копошилось около двух десятков котят, почти все еще слепые. — И от Миссис Мармелад тоже здесь?

— Да, сэр. — Он поочередно показал на несколько меховых комков. — Эти три полосатых и эта черепаховая. Их, конечно, рано отлучать от матери, но мистер Дануорти передает, что вашу можно будет забрать через полтора месяца. Те, что от Принцессы Арджуманд, чуть старше — их ведь три недели по всему дому разыскивали.

Финч забрал котенка у Верити.

— На безраздельное владение, разумеется, не рассчитывайте, — предупредил он. — Вам придется отвезти ее в лабораторию для клонирования и естественного разведения. Пока для полноценного генофонда экземпляров маловато, но мы уже связались с Сорбонной, Калифорнийским технологическим и Таиландским, а я продолжу наведываться в викторианскую Англию за дополнительным материалом.

Он вернул котенка в коробку.

— Можно будет ее навещать? — спросила Верити.

— Разумеется, — ответил Финч. — Кроме того, вам предстоит пройти курс по уходу и кормле-

нию. Отлично себя зарекомендовало молоко и…

— Пучеглазые перламутровые рюкины, — кивнул я.

У Финча запиликал наладонник.

— Архиепископ прибыл, а служка у западных дверей сообщает, что дождь начинается. Придется всех впустить. Нужно найти леди Шрапнелл, вы ее не видели?

Мы синхронно покачали головой.

— Пожалуй, отправлюсь на поиски.

Прижав покрепче коробку, Финч заторопился прочь.

— В-третьих, — вернулся я к прерванному монологу, — с того катания на лодке мне известно, что ты разделяешь мои чувства, и если тебе хочется получить предложение на латыни…

— Вот вы где, Нед! — обрадовался Ти-Джей, подходя к нам с портативным компьютером и небольшим экраном. — Я должен вам кое-что показать.

— Освящение вот-вот начнется. Может, позже?

— Вряд ли.

— Вы показывайте, — разрешила Верити. — Я скоро вернусь.

Она выскользнула из капеллы.

— Что там такое? — повернулся я к Ти-Джею.

— Возможно, ничего. Возможно, просто математическая ошибка. Или системный сбой.

— И все же?

— В общем, если помните, вы попросили меня сместить фокус диссонанса на Ковентри 1940 года, и у нас вышло почти идеальное совпадение с моделью Ватерлоо, где фигурировал котелок.

— Помню, — настороженно проговорил я.

— Так вот, ключевое слово — «почти». — Он вывел на экран очередное серое пятно. — По периферийным сдвигам совпадает точь-в-точь, равно как и по основным областям — здесь и здесь. А вот сдвиг вокруг эпицентра выглядит иначе. И хотя в той точке, откуда миссис Биттнер выносила епископский пенек, сдвиг имел место, радикально увеличенным его не назовешь.

— Так ведь там попросту некуда было увеличивать сдвиг, — возразил я. — Лиззи Биттнер приходилось укладываться в очень узкий временной зазор — между моментом, когда сокровища видели последний раз, и их уничтожением в огне. Считаные минуты. Увеличенный сдвиг вытолкнул бы ее прямиком в пламя.

— Да, однако даже с учетом этих обстоятельств остается проблема окружающего сдвига. — Ти-Джей обрисовал одному ему видную область. — И

тогда, — пробегая пальцами по кнопкам, продолжил он, — я попробовал передвинуть фокус вперед.

На экране появилась невнятная серая картинка.

— Вперед?

— Да. У меня, конечно, не хватало данных, чтобы точно определить пространственно-временную точку, как сделали вы, поэтому мне оставалось лишь принять окружающий сдвиг за периферийный, экстраполировать новый окружающий сдвиг и уже оттуда экстраполировать новый фокус.

Он вызвал на экран еще одну серую картинку.

— Вот, это модель Ватерлоо. Сейчас я наложу ее на модель со смещенным фокусом. Видите? Совпадает.

Я видел.

— И где теперь оказывается фокус? — спросил я. — В каком году?

— В 2678-м.

2678 год. Через шесть с лишним столетий.

— Пятнадцатое июня 2678 года. Как я и говорил, возможно, это ничего не значит и просто глюк. Ошибка в расчетах.

— А если нет?

— Тогда диссонанс вызвало не похищение епископского пенька из сорокового года.

— Но если не оно…

— Тогда это тоже этап самокоррекции, — подтвердил мою догадку Ти-Джей.

— Самокоррекции чего?

— Не знаю. Чего-то, что еще не произошло. Что случится только…

— В 2678 году, — закончил я. — А территориально куда этот фокус попадает?

Наверняка в такие же дальние дали, как и во времени. Аддис-Абеба? Марс? Малое Магелланово Облако?

— В Оксфорд, — ответил Ти-Джей. — Ковентрийский собор.

Ковентрийский собор. Пятнадцатое июня. Верити была права: от нас требовалось найти епископский пенек и вернуть его в собор. И все это в совокупности — продажа нового здания, восстановление старого усилиями леди Шрапнелл, открытие возможности выносить из прошлого несущественные объекты, — все это этапы одной масштабной самокоррекции, одного высшего за…

— Я, конечно, перепроверю все расчеты и проведу логическое тестирование, — пообещал

Ти-Джей. — Не волнуйтесь, это может оказаться просто недоработка модели Ватерлоо. Я пока сделал лишь черновую прикидку.

Он нажал несколько кнопок, подождал, пока исчезнет серое пятно, и начал складывать экран.

— Ти-Джей, как вы думаете, что определило исход Ватерлоо? Почерк Наполеона или геморрой?

— Ни то ни другое. И вряд ли какой-то из факторов, на которых мы строили модели — отступление Гнейзенау в Вавр, заблудившийся гонец, пожар в Ла-Э-Сент…

— Тогда что же?

— Кошка.

— Кошка?

— Или плошка, или крыска, или…

— …серая мышь из церковного комитета, — пробормотал я.

— Именно. Какая-то мелочь, на которую никто и внимания не обратит. В этом беда с моделями: мы в состоянии учесть лишь те факторы, которые кажутся важными, а Ватерлоо — это хаотическая система. Важно все.

— И каждый из нас — мичман Клепперман, осознавший вдруг, что, кроме него, за штурвал встать некому?

— Да, — улыбнулся Ти-Джей. — И его участь

нам известна. То же самое будет со мной, если я немедленно не явлюсь в ризницу. Леди Шрапнелл велела зажечь свечи в капеллах. — Он поспешно сунул под мышку компьютер и экран. — Пойду, кажется, вот-вот начнется.

Так и было. Хористы худо-бедно выстроились; женщина в зеленом переднике подбирала ножницы, ведра и цветочную упаковку; парень в хоре выбрался из-под скамьи наружу. «Ну что, заработал фанфарный регистр?» — крикнули из клерестория, и органист прокричал в ответ, что да. Каррадерс с Уордер стояли у южных дверей, стиснув в объятиях охапки программок, а заодно и друг друга. Я вышел в главный неф, оглядываясь в поисках Верити.

— Где вы были? — налетела на меня леди Шрапнелл. — Я вас повсюду ищу! — Она подбоченилась. — Значит, вы утверждаете, что отыскали епископский пенек? И где он? Неужели снова потеряли?

— Нет. Возвращен на положенное место, у ограды Кузнечной капеллы.

— Я должна посмотреть.

Она устремилась по проходу, и тут затрубили фанфары. Орган грянул «О Господь, что творит дела великие и неисследимые». Хористы открыли

сборники гимнов. Каррадерс и Уордер отлепились друг от друга и встали по обе стороны от южных дверей.

— Сейчас, наверное, не время, — заикнулся я. — Церемония вот-вот начнется.

— Чушь! — бросила леди Шрапнелл, рассекая строй хористов. — Времени уйма. Еще даже солнца нет.

Она прошагала через ряды профессоров, которые расступались перед ней, словно Красное море перед Моисеем, и двинулась вдоль северного нефа к Кузнечной капелле.

Я шел следом, надеясь, что пенек не испарился куда-нибудь мистическим образом. Нет, не испарился. Стоял, где оставили, на кованых ножках. Женщина в зеленом переднике заполняла его белыми пасхальными лилиями.

— Вот он, — возвестил я триумфально. — После невообразимых мытарств и злоключений. Епископский пенек. Что скажете?

— О Боже! — Она схватилась за сердце. — И вправду жуть!

— Простите? — оторопел я.

— Да, знаю, моей пра-пра-пра он понравился, но Боже мой! Вот это, например, что такое? — Она ткнула пальцем куда-то в подножие. — Дино-

завр?

— Подписание Хартии вольностей.

— Я почти жалею, что заставила вас потратить на него столько сил. — Леди Шрапнелл окинула артефакт задумчивым взглядом. — Он, конечно, небьющийся?

— Небьющийся.

— Тогда, видимо, придется оставить его для достоверности. Хотелось бы думать, что в других церквях такого уродства не попадется.

— В других церквях?

— Да, вы разве не слышали? Поскольку у нас появилась возможность выносить объекты из прошлого, я моментально задумала целый ряд проектов. Землетрясение в Сан-Франциско, съемочная площадка «MGM», Рим до пожара, устроенного Юлием Цезарем…

— Нероном, — поправил я.

— Да, именно. Вам нужно будет добыть скрипку, на которой играл Нерон.

— Но она ведь не сгорела в огне. Выносить можно только то, что распалось на базовые составляющие…

Леди Шрапнелл отмахнулась небрежно.

— Законы создаются, чтобы их нарушать. Мы начнем с четырнадцати церквей Кристофера

Рена, погибших во время блица, а потом…

— Мы? — слабым эхом откликнулся я.

— Разумеется. Вас я уже записала особо. — Она вдруг воззрилась грозно на епископский пенек. — Откуда здесь лилии? Велено было — желтые хризантемы!

— Я думаю, лилии вполне уместны, — вступился я. — Как-никак собор и его сокровища буквально восстали из мертвых. Символически…

Символизм ее не интересовал.

— В чинопоследовании сказано — желтые хризантемы. Господь кроется в мелочах.

Она унеслась обрушивать громы небесные на бедняжку в зеленом переднике.

Я остался один на один с епископским пеньком. Четырнадцать церквей Кристофера Рена. И съемочная площадка «MGM». Не считая того, на что хватит ее фантазии, когда она осознает в полной мере…

Ко мне подошла Верити.

— Что такое, Нед?

— Мне предстоит до конца дней своих скитаться по барахолкам по велению леди Шрапнелл.

— Чушь! Тебе предстоит до конца дней своих прожить со мной. — Она вручила мне котенка. — И Перочисткой.

Котенок был невесомым.

— Перочистка…

Меховой комок уставился на меня серо-зелеными глазами и сказал: «Мя». А потом замурлыкал. Едва слышно. Пробуя голос.

— Где ты ее взяла?

— Украла. Не смотри так, я потом верну. Финч все равно не заметит.

— Я люблю тебя, — признался я, восхищенно качая головой. — Если мне предстоит прожить с тобой до конца дней, значит, ты согласна выйти за меня?

— Придется. Я только что столкнулась с леди Шрапнелл. Она решила, что в соборе нужно провести…

— Венчание?

— Крещение. Чтобы купель из пурбекского мрамора не пылилась без дела.

— Ну уж нет, по принуждению не надо. Могу науськать леди Шрапнелл на Каррадерса с Уордер, а ты сбежишь куда-нибудь в тихое место. Ватерлоо, например.

Снова прозвучали фанфары, орган заиграл «Гимн солнцу» — «Небеса возглашают славу Господню», — и солнце действительно вышло. В восточных окнах заплясали сине-красно-фиоле-

товые огни. Я поднял голову. Клересторий сиял расплавленным золотом, словно сеть в момент открытия. Заливая собор светом, солнце коснулось серебряных канделябров, детского креста и изнанки хоровой скамьи, приласкало хористов, рабочих и чудаковатых оксфордских профессоров, погладило статую святого Михаила, Пляску смерти и программки чинопоследования. Освещая сам собор — высший замысел, сотканный из тысячи тысяч мелочей.

Баюкая котенка в ладони, я посмотрел на епископский пенек. Он купался в солнечных лучах, а витраж Капеллы красильщиков напротив осыпал верблюдов, херувимов и Марию Стюарт на плахе изумрудами, рубинами и сапфирами.

— Правда ведь чудовищный? — спросил я.

Верити взяла меня за руку.

— *Placet*.